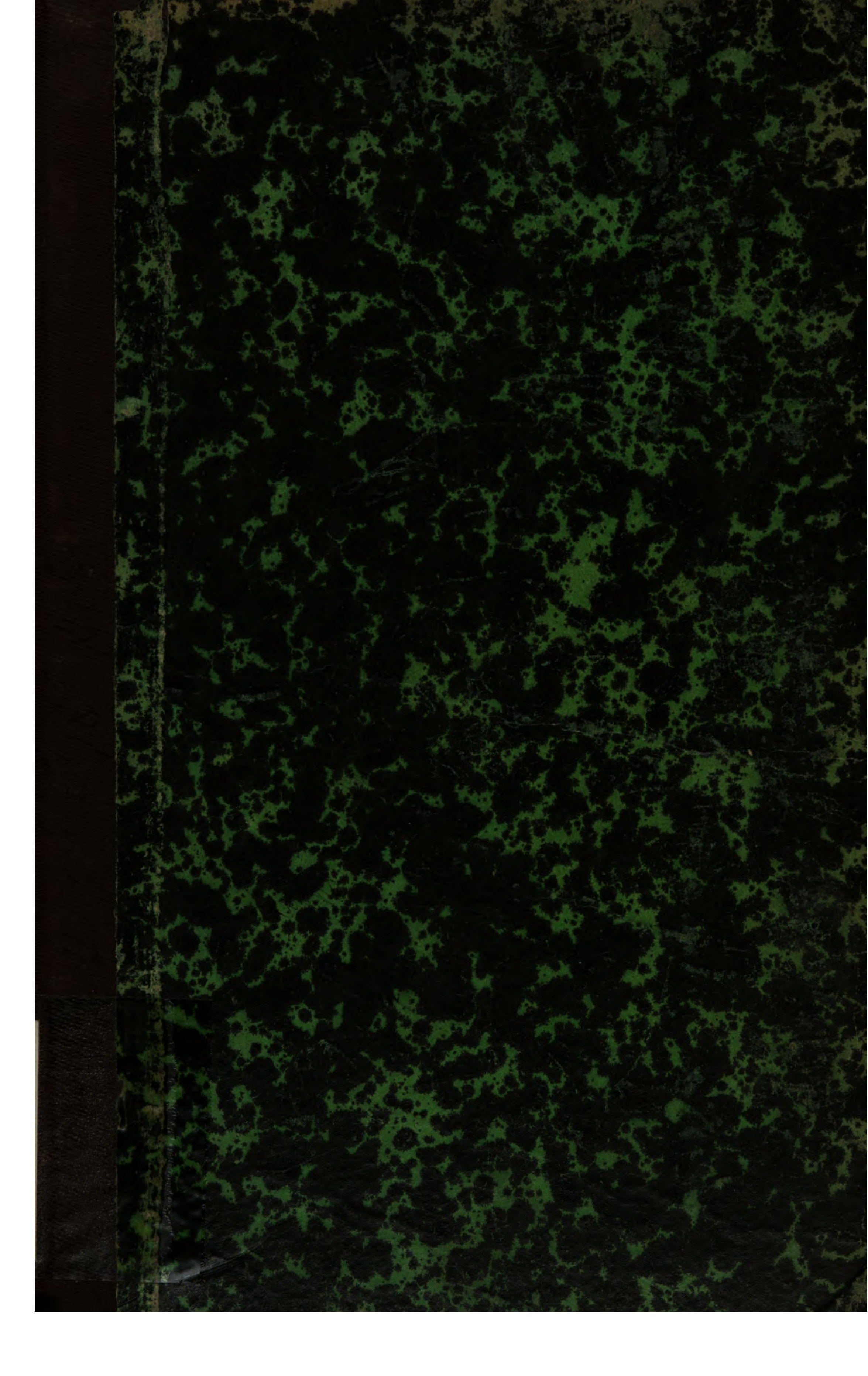
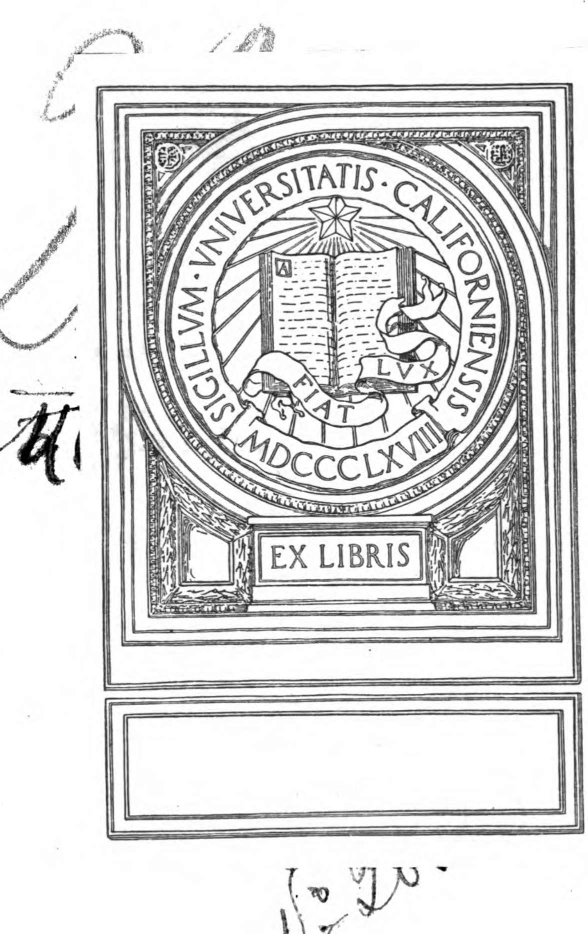

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

[illegible]

[illegible]

Годъ VI-й. № 1-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

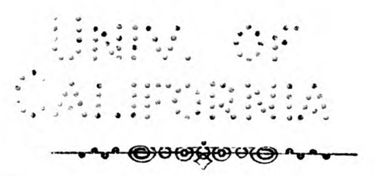
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

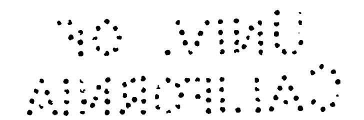
ЯНВАРЬ

1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1897.

Дозволено цензурою 24 декабря 1896 года. С.-Петербургъ.

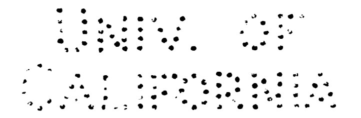

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ЖИВАЯ ЖИЗНЬ.

Романъ въ 3-хъ частяхъ.

«...Живая жизнь есть нѣчто до того прямое и простое, до того прямо на васъ смотрящее, что именно изъ-за этой-то прямоты и ясности и невозможно повѣрить, чтобы это было именно то самое, чего мы всю жизнь съ такимъ трудомъ ищемъ»... Достоевскій. «Подростокъ». Ч. II, гл. V, II.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Это было въ іюнѣ. Въ корридорѣ семинаріи стояла жара и духота. Въ классахъ на окнахъ, выходившихъ на улицу, были спущены зеленыя сторы. Уже недѣли три, какъ прекратилось ученье. Происходили годичные экзамены. Воспитанники были одѣты странно и если бы кто-нибудь невзначай вошелъ въ классъ и увидѣлъ картину, которая представилась бы его глазамъ, то подумалъ бы, что это—домъ умалишенныхъ. Ни сюртуковъ, ни пиджаковъ, ни какихъ-либо верхнихъ одеждъ,—цвѣтныя, ситцевыя рубахи на выпускъ, безъ поясовъ, на ногахъ туфли, старыя галоши, а иные—просто босикомъ.

Вотъ строгая фигура, какъ маятникъ, равномѣрно, не двигая ни однимъ мускуломъ лица, вперивъ глаза въ какую-то точку въ пространствѣ, ходитъ изъ угла въ уголъ и бормочетъ что-то себѣ подъ носъ, по временамъ заглядывая въ книжку, которую держитъ въ рукѣ. На лицѣ—никакого выраженія, кромѣ общаго невѣроятнаго напряженія. Кажется, что всѣ силы его души, всѣ органы его чувствъ, все, что

есть у него въ распоряженіи, направлено къ тому, чтобы припомнить въ извѣстномъ порядкѣ какія-то буквы, какія-то слова, какія-то цифры. Онъ не слышитъ шума, наполняющаго классъ, не видитъ передъ собой движущихся товарищей, шкафовъ, скамеекъ... Завтра или сегодня у него экзаменъ, и онъ весь поглощенъ приготовленіемъ къ нему. Въ разныхъ углахъ класса—немногочисленныя группы: у окна за скамьями, у классной доски; у всѣхъ крайне внимательныя лица, преобладаютъ блѣдные профили, истомленные, заморенные, и на всѣхъ этихъ лицахъ какъ-то неестественно горятъ глаза.

Въ небольшомъ семинарскомъ саду, отдѣленномъ отъ улицы высокимъ зданіемъ съ одной стороны, съ другой—внушительной каменной стѣной, дѣлавшей это обиталище похожимъ на тюрьму, не видно играющихъ въ свайку, чехарду, березовую кашу, въ мячъ. Высокій, тонкій столбъ съ лѣсенкой, и разнообразными приспособленіями для гимнастики—пустъ, вокругъ него не видно ни души. Только одинокая фигура полусогнувшись сидитъ на скамьѣ, держа въ рукѣ затасканный, засаленный учебникъ. Сидитъ она неподвижно и ее можно принять за каменную. Она зубритъ.

Въ рекреаціонномъ залѣ чрезвычайно торжественная обстановка. По срединѣ столъ, накрытый синимъ сукномъ, на немъ массивная, хорошо вычищенная чернильница, вокругъ нея множество очиненныхъ карандашей и перьевъ. Стоятъ стулья, на которыхъ сидятъ люди въ черныхъ сюртукахъ, вицъ-мундирахъ и въ длинныхъ рясахъ. Это—коммиссія, собравшаяся сюда для изслѣдованія познаній молодыхъ умовъ. А передъ столомъ стоятъ два молодыхъ ума—въ черныхъ сюртукахъ, съ блѣдными лицами, съ выраженіемъ испуга въ глазахъ. Одинъ что-то отвѣчаетъ, другой — готовится. Выходящіе изъ этого зала идутъ осторожно, на цыпочкахъ. Лица ихъ крайне блѣдны или, наоборотъ, неестественно румяны,—и то и другое свидѣтельствуетъ о невѣроятномъ волненіи.

Въ то время, какъ во всѣхъ классахъ происходило усиленное, загадочное галдѣніе, въ которомъ сливались десятки, сотни голосовъ, громко повторявшихъ каждый свой предметъ, каждый свое слабое мѣсто—вслухъ, не обращая вниманія на другихъ, по корридору, какъ вихорь, стремительно промчался инспекторъ. Полы его рясы развѣвались отъ вѣтра, который онъ производилъ самъ своимъ движеніемъ. На бѣгу онъ заглядывалъ въ классы, на секунду останавливался на

порогѣ и произносилъ: „шш“.. и дѣлалъ онъ это такъ выразительно, что всѣ въ тотъ же мигъ замолкали:

— Шш... Владыка пріѣхалъ... Сейчасъ идетъ...

И всѣ понимали, что это очень важно. И дѣйствительно, пріѣхалъ архіерей для присутствованія на экзаменѣ. Карета его уже стояла на дворѣ. Ректоръ ввелъ его въ корридоръ, и началось торжественное шествіе. Въ классахъ въ это время было глубокое молчаніе, какъ будто все въ нихъ вымерло или окаменѣло. Странно одѣтые обитатели попрятались въ глубину комнатъ, стараясь занять такое положеніе, чтобы ихъ ни въ какомъ случаѣ не было видно въ стеклянную дверь. Воздухъ былъ какъ бы пропитанъ трепетомъ.

Какъ разъ въ это время алфавитъ, начатый съ конца, дошелъ до буквы Щ. Щедротовъ, сидѣвшій на второй скамейкѣ, до этого времени все рылся въ лежавшей передъ нимъ книжкѣ, повторяя то, что, какъ ему казалось, онъ меньше зналъ. Теперь, когда съ минуты на минуту должны были произнести его фамилію, онъ, какъ бы отдавшись на волю судьбы, закрылъ книжку и сидѣлъ неподвижно. Въ лицѣ его не было ни робости, ни особеннаго волненія. Нѣкоторая блѣдность и нервный блескъ въ темныхъ глазахъ, которые смотрѣли прямо и твердо изъ своихъ глубокихъ впадинъ,— вотъ все, что служило внѣшнимъ признакомъ его волненія. Какъ разъ въ это время въ залу вошелъ архіерей и, едва только занялъ мѣсто, какъ было произнесено имя Щедротова.

Онъ вышелъ, взялъ билетъ и, заглянувъ въ него, тотчасъ понялъ, что ему страшно повезло. Въ билетѣ былъ отмѣченъ вопросъ, который онъ зналъ лучше всего. Онъ даже не далъ себѣ труда подумать, возобновить въ своей памяти программу вопроса, а когда его стали спрашивать, то смотрѣлъ на членовъ коммиссіи увѣренно и бойко.

— Прекрасно, прекрасно! — замѣтилъ архіерей по поводу его отвѣтовъ.—Отличный отвѣтъ. Видно, что ты разумный и старательный ученикъ.

И Щедротовъ видѣлъ, какъ на лицѣ учителя послѣ этихъ словъ заиграло удовольствіе, и ему пріятно было сознавать, что онъ въ эту минуту былъ гордостью учителя, а, можетъ, и всей коммиссіи. Онъ кончилъ, поклонился, сѣлъ на мѣсто съ полной увѣренностью, что получилъ пять, а посидѣвъ съ минуту, вышелъ въ корридоръ, а оттуда въ садъ.

Здѣсь онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ товарищей, которые тоже уже успѣли выдержать экзаменъ.

*

— Ну, слава Богу,—сказалъ одинъ изъ нихъ, фамилія котораго была Лозовскій, — теперь остались самые пустяки. Я больше всего боялся догматическаго богословія...

— И не столько богословія, сколько ректора,—замѣтилъ другой.

— Пожалуй, что и такъ!

Догматическое богословіе читалъ самъ ректоръ,— очень строгій протоіерей, говорившій обыкновенно, что, такъ какъ онъ въ семинаріи первое лицо, то и его предметъ воспитанники должны знать лучше, чѣмъ всѣ другіе предметы.

— А что же у васъ еще осталось?—спросилъ бывшій здѣсь случайно ученикъ пятаго класса,—всѣ остальные принадлежали къ шестому, то-есть, къ послѣднему классу и, значитъ, кончали курсъ.

— Остались гомилетика и греческій языкъ. Самые пустяки.

Сѣли на скамейкѣ, и разговоръ продолжался уже исключительно между шестиклассниками.

— Ну, кто куда? Теперь ужъ, я думаю, у каждаго есть свои опредѣленные планы!—промолвилъ высокій брюнетъ съ чрезвычайно смуглымъ лицомъ, съ густой, короткой бородкой.

И каждый началъ сообщать свои планы. Одинъ шелъ въ академію. Это былъ именно Лозовскій. Онъ объявилъ.

— Если не пошлютъ на казенный счетъ, самъ поѣду.

— А на какія средства? — спросили его, такъ какъ извѣстно было, что у Лозовскаго не было никакихъ средствъ.

— Пѣшкомъ пойду. Вѣдь богомольцы ходятъ же пѣшкомъ въ Кіевъ, отчего же мнѣ не пойти?

Другой собирался учительствовать въ духовномъ училищѣ, если только не подгадитъ ему экзаменъ по греческому языку. Вѣдь для того, чтобы получить право учительствовать, необходимо быть въ первомъ разрядѣ. Третій объявилъ, что сейчасъ же женится и возьметъ приходъ.

— А невѣста есть?—спросили его.

— Ну, вотъ еще! найдется ихъ, сколько угодно. Мало ли поповенъ въ губерніи?

Щедротовъ молчалъ и не высказывалъ своихъ взглядовъ и намѣреній.

— А ты?—спросили его.—Ты что намѣренъ дѣлать?

— Не знаю,—отвѣтилъ тотъ, и тонъ, которымъ онъ говорилъ, явно показывалъ, что у него нѣтъ охоты объяснять свои планы.

— А развѣ вы не знаете, господа,—замѣтилъ одинъ изъ товарищей:—онъ мечтаетъ объ ученой карьерѣ.

— Мечтать не возбраняется,—промолвилъ Щедротовъ.

— Это правда! Отчего не помечтать?—насмѣшливо замѣтилъ тотъ же товарищъ.

— Ну, вотъ, я и мечтаю!—сказалъ Щедротовъ.

Въ это время изъ двора въ садъ поспѣшно вбѣжалъ мальчуганъ, второклассникъ, и направился прямо къ группѣ, сидѣвшей на скамейкѣ.

— Васъ спрашиваютъ, Щедротовъ,—сказалъ онъ.

— Меня?—съ удивленіемъ и недовѣріемъ спросилъ Щедротовъ:—кто?

— Какая-то дѣвушка...

— Дѣвушка?

— Да, молодая... лицо блѣдное, глаза, кажется, заплаканы...

— Странно! — пробормоталъ Щедротовъ и направился къ выходу изъ сада. Блѣдная дѣвушка могла быть только его сестра. Никого больше у него не было знакомыхъ. Но почему у нея заплаканы глаза? Почему она такъ блѣдна, что это даже бросилось въ глаза мальчугану?

Онъ прошелъ дворъ и дошелъ до подворотни. Здѣсь онъ встрѣтилъ высокую, нѣсколько полную дѣвушку, и въ первый моментъ не узналъ ея. Ея щеки были безкровны. На ней была шляпка, окутанная чернымъ крепомъ.

— Что случилось, Груня?—съ тревогой спросилъ онъ, подойдя къ ней и взявъ ее за руки.

Она заплакала и вытерла слезы.

— Случилось то... случилось то...—невнято произнесла она:—что... отецъ умеръ...

Щедротовъ сперва не понялъ. Ему казалось, что она сообщаетъ о комъ-то другомъ. До такой степени это было неожиданно и невѣроятно. Отецъ умеръ! Онъ былъ такой здоровый. Никогда не могло придти въ голову, что онъ боленъ и можетъ умереть.

— Отчего? почему?—спрашивалъ онъ.

— Отъ сердца. Докторъ сказалъ, что отъ сердца,—продолжая плакать, отвѣчала Груня.

— Когда же? какъ? Какъ это могло случиться?

Сестра въ отрывочныхъ фразахъ старалась разсказать, какъ это было. Это произошло сегодня ночью. Никто ничего не ожидалъ. Отецъ пошелъ спать въ хорошемъ настроеніи,

совсѣмъ бодрый и здоровый, вдругъ изъ кабинета раздался крикъ, прибѣжали туда и его уже не было.

— Какъ это ужасно, Глѣбъ!—воскликнула Груня.— Что мы теперь будемъ дѣлать? Что мы только будемъ дѣлать? У насъ ничего нѣтъ, ровно ничего!

— Ахъ, послѣ... Это потомъ...

Но какъ быть? У него черезъ три дня новый экзаменъ. Въ головѣ его вихремъ проносились мысли, и все такія практическія, что ему даже стало стыдно. Неужели пропустить экзаменъ, не выдержать его? Вѣдь это значитъ — потерять лѣто, а тамъ и цѣлый годъ...

— Погоди... Ты съ лошадьми?

— Да, конечно, я пріѣхала за тобой.

Онъ поспѣшно направился въ зданіе семинаріи, разыскать инспектора, который сидѣлъ въ залѣ. Тамъ была торжественная тишина. Нѣсколько воспитанниковъ стояли у экзаменаціоннаго стола, одинъ отвѣчалъ, все вниманіе было поглощено этой работой. Какъ быть? Инспекторъ сидѣлъ почти рядомъ съ архіереемъ. Нельзя же ворваться въ залъ и пройти прямо къ столу.

Въ то время, какъ онъ стоялъ у стеклянной двери и обдумывалъ свое затруднительное положеніе, раздались чуть слышно приближающіеся шаги. Онъ оглянулся. Это былъ помощникъ инспектора,—маленькій человѣкъ, съ такимъ унылымъ, подавленнымъ видомъ, что при взглядѣ на него становилось какъ-то скучно жить на свѣтѣ.

— Что вы здѣсь стоите?—шепотомъ спросилъ его помощникъ инспектора.—Развѣ можно? Вѣдь тутъ преосвященный.

— Иванъ Павловичъ,—промолвилъ Щедротовъ нѣсколько громче, чѣмъ это допускалось обстановкой. — Мнѣ необходимо говорить съ отцомъ инспекторомъ.

— Что значитъ—необходимо, когда тамъ архіерей?

— У меня умеръ отецъ. Вотъ сейчасъ сестра пріѣхала; надо ѣхать въ деревню. Необходимо отпроситься у отца инспектора.

— Но развѣ это возможно, когда тамъ преосвященный?

— Но у меня отецъ умеръ, Иванъ Павловичъ,—умеръ отецъ!

— Такъ невозможно же... Подождать надо... Нельзя же ворваться, когда тамъ самъ владыка.

Но на Щедротова напала какая-то рѣшимость. Онъ отворилъ дверь и, къ ужасу Ивана Павловича, соблюдая, впро-

чемъ, всевозможную осторожность, на цыпочкахъ вошелъ въ залъ и, обойдя экзаменаціонный столъ съ коммиссіей, чуть-чуть позади, подошелъ къ инспектору.

Инспекторъ съ удивленіемъ поднялъ голову и прошепталъ:

— Что вамъ?

— Отецъ инспекторъ, — тихо объяснилъ ему Щедротовъ: — я сейчасъ получилъ извѣстіе... у меня умеръ отецъ... разрѣшите съѣздить въ деревню.

— Ну, поѣзжайте, Щедротовъ. Только это помѣшаетъ вамъ выдержать экзаменъ.

— Нѣтъ, я успѣю; я непремѣнно успѣю. Я завтра же вернусь.

— Конечно, вы должны ѣхать; поѣзжайте.

Весь этотъ разговоръ произошелъ такъ быстро и тихо, что никто не обратилъ на нихъ вниманія. Щедротовъ вышелъ. Помощникъ инспектора посмотрѣлъ на него почти съ какимъ-то опасеніемъ и даже слегка отстранился, давая ему дорогу. Въ концѣ корридора его встрѣтилъ Лозовскій.

— Куда это ты спѣшишь?—спросилъ онъ.

— Ѣду въ деревню,—отвѣтилъ на ходу Щедротовъ.

— Ты съ ума сошелъ! А экзаменъ?

— У меня умеръ отецъ.

— Фу, ты Господи! Вотъ некстати!

— Да, очень некстати. А развѣ это когда-нибудь бываетъ кстати?

И Щедротовъ, не дождавшись отвѣта, быстро спустился по гранитной лѣсенкѣ внизъ.

Груня продолжала стоять въ подъѣздѣ. Во время отсутствія Глѣба, нѣсколько семинаристовъ составили уже группу и, стоя въ нѣкоторомъ отдаленіи, наблюдали, стараясь заглянуть подъ концы черңаго крепа, свѣшивавшагося надъ ея лбомъ. Какіе у нея глаза? брюнетка или блондинка? хороша или дурна? Женщина, прилично одѣтая, была рѣдкимъ явленіемъ среди этихъ стѣнъ. Когда появился Щедротовъ, его тотчасъ осыпали вопросами:

— Это твоя сестра? Ты уѣзжаешь? На долго?

Но онъ никому ничего не отвѣтилъ... За воротами стоялъ экипажъ страннаго устройства. Ни одному городскому обывателю не пришло бы въ голову ѣздить въ такомъ экипажѣ. Не въ мѣру растянутый въ длину, съ высочайшими колесами, безъ рессоръ, съ высокимъ клеенчатымъ верхомъ, онъ пред-

ставлялся сооруженіемъ столь же сомнительной прочности, какъ и удобства для ѣзды. Менѣе всего онъ удовлетворялъ той цѣли, для которой былъ предназначенъ. Онъ годился для чего угодно: для перевозки мѣшковъ съ хлѣбомъ, для ночевки куръ, даже, можетъ быть, для временнаго жилья, но не для ѣзды въ немъ. Во время движенія, колеса издавали трескъ и стукъ, и сѣдока все такъ и тянуло вывалиться наружу.

Щедротовъ узналъ сидѣвшаго на высокихъ козлахъ кучера Стратона и поздоровался съ нимъ.

— Вотъ, панычу, бѣду какую Господь послалъ! — промолвилъ Стратонъ;—не ждали и не гадали!

Щедротовъ ничего не отвѣтилъ на это печальное привѣтствіе. Экипажъ двинулся и колеса застучали по граниту городской улицы.

— Намъ надо торопиться,—сказала Груня,—нужно еще заѣхать къ дядѣ. Они уже знаютъ... Дядя тоже ѣдетъ къ намъ. Потомъ еще въ лавку...

— Зачѣмъ въ лавку?

— А какъ же? Надо купить рису для кутьи, изюму, муки и грибовъ для пироговъ. Тоже вина какого-нибудь. Вотъ сорокъ семь рублей, это всѣ деньги, какія нашлись въ домѣ. Говорили, что у папаши были деньги въ банкѣ. Оказалось, что ничего нѣтъ. Дядя такъ и сказалъ, что все это враки, никакихъ денегъ нѣтъ, ни копѣйки. А дядя знаетъ; папаша отъ него ничего не скрывалъ. Только дядя ему долженъ тысячу рублей. На сохраненіе взялъ...

— А что мать?—спросилъ Щедротовъ,—какъ она?

— Что-жъ мама! Убивается, конечно... Такое горе!.. Пріѣхалъ отецъ Амвросій изъ Гусаковки и сказалъ, что ей пенсіи дадутъ сто съ чѣмъ-то рублей. Развѣ на эти деньги проживешь? На эти деньги даже въ деревнѣ прожить нельзя, а не то, что въ городѣ, а въ деревнѣ намъ жить негдѣ. Изъ дома скоро погонятъ, потому что домъ не нашъ, а общественный. Мама говоритъ, что одна надежда на тебя. Мама говоритъ: „Глѣбъ кончаетъ курсъ и будетъ жить на приходѣ, а мы около него... Глѣбъ добрый!“ Такъ мама говоритъ.

— Я не возьму прихода!—глухо промолвилъ Глѣбъ.

У Груни сдѣлались большіе глаза.

— А что же ты будешь дѣлать?

— Не знаю...

— Какъ странно!

Груня была оскорблена его отвѣтомъ. Въ особенности обидно ей было, что братъ не хочетъ объяснить ей своихъ намѣреній, которыя такъ не похожи на то, чего отъ него ждали.

У дяди, отца Лаврентія, передъ воротами стояла городская коляска. Очевидно, онъ уже собрался ѣхать и извозчикъ былъ нанятъ. Въ домѣ дяди Глѣбъ бывалъ не часто, но запросто, и чувствовалъ себя въ немъ, какъ родной. Правда, ему казались странными нѣкоторыя черты въ характерѣ дяди и его жены, и образъ ихъ жизни, но все же онъ считалъ ихъ хорошими, добрыми людьми и питалъ къ нимъ расположеніе. Его встрѣтили соболѣзнованіями. Собирались ѣхать самъ дядя, тетка и ихъ дочка, девятилѣтняя дѣвочка.

Послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ, отецъ Лаврентій отвелъ Глѣба въ сторону и тихо, таинственно сообщилъ ему:

— Я хотѣлъ сказать тебѣ, Глѣбъ... Я твоему отцу остался долженъ тысячу рублей, это ты долженъ знать. Я, конечно, взялъ ихъ на сохраненіе, но, какъ онъ мнѣ братъ, то я позволилъ себѣ распорядиться... Но это все равно, я ихъ отдамъ. Сейчасъ не могу, но ты не бойся, отдамъ по частямъ. Это я тебѣ, какъ старшему сыну, говорю. Вѣдь ты меня знаешь, я не мошенникъ какой-нибудь.

Глѣбъ очень хорошо зналъ, что отецъ Лаврентій не мошенникъ, но понималъ онъ также, что ему не легко будетъ отдать тысячу рублей. Зарабатывая на городскомъ приходѣ много, отецъ Лаврентій вмѣстѣ со своей веселой матушкой, проживали все до копѣйки и дѣлали еще долги. Оба они были веселые люди, въ характерѣ обоихъ было много беззаботности; любили они хорошо поѣсть, попить, зазывали множество гостей и самымъ высшимъ наслажденіемъ для нихъ было получше угостить ихъ.

Отецъ Лаврентій съ своимъ семействомъ сѣли въ коляску и уѣхали въ деревню, а Глѣбъ съ Груней заѣхали еще въ лавку и забрали все, что было нужно для поминокъ. Ѣзды предстояло добрыхъ двадцать пять верстъ. Груня всю дорогу плакала и повторяла:

— Что мы теперь будемъ дѣлать? Теперь мнѣ и замужъ никогда не выйти... А ты еще все какъ-то молчишь и слова отъ тебя не добьешься, и Богъ тебя знаетъ, что ты тамъ себѣ думаешь...

— Эхъ, Груня,—воскликнулъ Глѣбъ,—еслибъ ты только знала, какія у меня тяжелыя мысли!

— Какія же это мысли?

— Э, да ты, все равно, не поймешь...

— Нѣтъ, ужъ ты, пожалуйста, скажи. Что-жъ такъ-то, начать и не договорить! Это хуже всего.

— Да я не таю. Ну, вотъ, сказалъ я тебѣ, что прихода не возьму, и теперь повторяю: не возьму.

— Да какъ же не возьмешь? Что же ты будешь дѣлать?

— Ну, что? Буду учителемъ въ духовномъ училищѣ.

— Учителемъ? Какая же это жизнь? Развѣ можно жить на это жалованье? Тамъ что-то пятьсотъ слишкомъ рублей въ годъ платятъ.

— А ты хорошо умѣешь считать деньги, Груня!

— Еще бы я не умѣла! Развѣ я дура какая-нибудь? Кажется, это и не трудно — считать деньги. Только были бы онѣ, а ужъ, чтобъ считать, это дѣло послѣднее. Ну, хорошо, учителемъ будешь, а потомъ что?

— Потомъ? Ну, ужъ объ этомъ мы поговоримъ послѣ. Это разговоръ длинный, Груня.

— Нѣтъ, нѣтъ, Глѣбъ, ужъ началъ, такъ договаривай.

— Да, вѣдь, я знаю все, что ты скажешь. Ты не можешь мнѣ сочувствовать.

— Почему же такъ? Вѣдь я тебѣ не чужая.

— Да, въ томъ - то и дѣло, что не чужая. Чужой бы скорѣй понялъ, а ты... я знаю, что этимъ, можетъ быть, обижаю тебя. При томъ же, это все еще одни только мечтанія и удастся ли, неизвѣстно. Хочу я продолжать учиться, Груня, вотъ что!

— Какъ это учиться?

— Да, такъ, учиться и только. Развѣ ты не знаешь, что значитъ учиться?

— Да, вѣдь, ты, кажется, и такъ учился.

— Это не то, Груня. Учился я, да ничему не научился. Это ученье формальное, чтобъ получить аттестатъ, а потомъ приходъ. А я хочу учиться по настоящему. Понимаешь ли ты это, Груня? Меня влечетъ къ себѣ наука, мнѣ хочется расширить свой умъ, развить его, хочется знать много-много, хочется понимать все, что дѣлается въ природѣ и среди людей.

Груня смотрѣла на него недоумѣвающими глазами.

— Нѣтъ, это что-то странное, Глѣбъ. Это для богатыхъ хорошо,—то, что ты говоришь.

— Почему же для богатыхъ?

— Потому что у нихъ есть деньги, а бѣдному человѣку надо зарабатывать. Когда же онъ будетъ зарабатывать, если все будетъ учиться и учиться?

— Оставимъ это, Груня!—съ грустью промолвилъ Глѣбъ. Онъ смотрѣлъ на нее и изумлялся, что у нея, такой молодой, такія опредѣленныя понятія. Груня надулась. Она въ одно и тоже время и плакала, и сердилась.

II.

Пріѣхали въ деревню. Около дома, который, хотя и назывался церковнымъ, но, въ сущности, принадлежалъ сельскому обществу и отдавался только для жилья священнику, были налицо всѣ признаки печальнаго событія. Стояло нѣсколько повозокъ, бричекъ и возовъ, народъ безъ толку бродилъ и толпился. А въ самомъ дворѣ негдѣ было проѣхать и пройти.

Пришлось остановить экипажъ около воротъ. Они сошли на землю и вошли во дворъ. Народъ передъ ними разступился. Груня тотчасъ же куда-то юркнула и исчезла. Едва Глѣбъ переступилъ черезъ порогъ сѣней, его встрѣтила мать. Увидѣвъ его, она ахнула и упала въ его объятія съ истерическимъ плачемъ.

— Одинъ ты у насъ!—захлебываясь отъ слезъ, восклицала она:—одна ты у насъ надежда.

При этихъ словахъ у Глѣба болѣзненно сжалось сердце. Онъ бережно повелъ мать въ комнату и старался успокоить ее.

— Вѣдь, это неустранимо, мамаша, — говорилъ онъ:— противъ этого нельзя спорить.

Тутъ онъ видѣлъ, какъ Груня смотрѣла на него исподлобья. Едва онъ отошелъ отъ нихъ, какъ сестра уже успѣла сообщить что-то матери таинственнымъ шопотомъ. Но онъ не былъ расположенъ сейчасъ же вступать въ подробныя объясненія и поскорѣе нашелъ поводъ уйти отъ нихъ.

Кое-какъ успокоивъ мать, онъ скинулъ запыленное пальто и пошелъ въ большую комнату, откуда раздавался непрерывный, плачевный голосъ дьячка, читавшаго надъ покойникомъ Евангеліе. Комната была полна женщинъ, большею частью деревенскихъ бабъ. Похороны и свадьбы удивительно привлекаютъ къ себѣ женщинъ. Онѣ толпятся на тѣхъ и другихъ съ одинаковымъ любопытствомъ. Но Глѣбъ мелькомъ

успѣлъ замѣтить здѣсь и нѣкоторыхъ попадей и поповенъ, а также и дьяконскихъ женъ изъ сосѣднихъ селъ. Лица у всѣхъ были холодно-печальны. Передъ нимъ внимательно разступились и дали ему дорогу. Вокругъ стола было пустое разстояніе, никѣмъ не занятое, очевидно, изъ почтительности къ покойнику. На столѣ, прикрытый парчей, лежалъ отецъ; тѣло его было очень длинно и худо, выраженіе лица строго и серьезно.

„Теперь онъ гораздо красивѣе, чѣмъ былъ въ жизни", мелькнуло въ головѣ у Глѣба.

Онъ перекрестился, сдѣлалъ поясной поклонъ и приложился къ холодной щекѣ покойника, а потомъ сталъ неподалеку и оставался въ неподвижномъ молчаніи.

Никакихъ философскихъ мыслей не вызывала въ немъ эта картина. Смерть казалась ему простой вещью, которая рано или поздно придетъ ко всѣмъ. Отцу было больше пятидесяти лѣтъ. Многіе ли доживаютъ до этого возраста?

Между тѣмъ, среди глубокаго молчанія можно было разслышать глухо раздававшійся сдержанный плачъ въ сосѣдней комнатѣ. Это плакала мать. Дьячокъ тянулъ свое чтеніе трогательнымъ голосомъ, какъ бы стараясь разжалобить слушателей и вызвать ихъ сочувствіе къ судьбѣ бездыханнаго тѣла. Небольшое зеркало, висѣвшее на стѣнѣ, какъ разъ надъ столомъ, на которомъ лежалъ покойникъ, было прикрыто чернымъ крепомъ. Толстыя свѣчи у изголовья горѣли жирнымъ пламенемъ. Онъ узналъ эти массивные подсвѣчники, которые были принесены сюда изъ церкви. Онъ такъ хорошо зналъ каждую вещь въ ихъ маленькой, деревенской церкви. Фономъ для всей этой печальной обстановки служилъ дымъ ладона и тотъ особенный ароматъ его, который напоминаетъ о смерти. А тѣло отца, кажется, совсѣмъ не издавало никакого запаха, не смотря на іюньскую жару.

Вдругъ само собою раскрылось окно, и въ него ворвалась струя свѣжаго воздуха вмѣстѣ съ ароматомъ цвѣтовъ, которые росли въ палисадникѣ. Но ароматъ ихъ смѣшался съ запахомъ ладона и исчезъ въ немъ.

Появились и духовныя лица; они крестились, били поклоны и тотчасъ же усваивали выраженіе печали. Все это были причетники изъ сосѣднихъ селъ. Глѣбъ зналъ ихъ всѣхъ. Съ нѣкоторыми онъ поздоровался, съ иными завязался короткій разговоръ.

— Когда располагаете хоронить?—спрашивали они, считая его, очевидно, хозяиномъ положенія.

— Сегодня!—отвѣчалъ Глѣбъ.

— Не скоро ли? Это для простого человѣка ничего, а для священника,—надо бы полежать ему денька три.

— Развѣ есть такое правило?—съ удивленіемъ спрашивалъ Глѣбъ.

— Нѣтъ, правила нѣтъ, а такъ... Слѣдовало бы.

— Я не знаю, какъ мать и сестра, а у меня есть причина,—старался объяснить Глѣбъ.—У меня черезъ три дня экзаменъ.

— А, это важно, это другое дѣло.

Къ нимъ, съ взволнованымъ видомъ протискалась горничная и шепнула Глѣбу:

— Васъ матушка кличетъ, панычъ!

Онъ повернулся и вышелъ въ сѣни, а оттуда прошелъ въ спальню. Здѣсь онъ нашелъ мать въ припадкѣ слезъ. Дѣло разъяснилось. Груня подробно разсказала матери ихъ разговоръ во время путешествія. Глѣбъ не пытался даже отрицать.

— Такъ вотъ оно, вотъ оно что! А я-то думала, я-то мечтала! Я тебѣ уже невѣсту нашла... Отца Серафима, что въ Кочедаровкѣ, знаешь, дочь... Красавица-дѣвица, съ образованіемъ, епархіальное училище кончила и еще тамъ какой-то классъ особенный проходитъ, и на фортепьянахъ играетъ. И отецъ Серафимъ, человѣкъ богатый. Онъ одной земли засѣваетъ десятинъ двѣсти. У него въ банкѣ тысячъ тридцать денегъ лежитъ. Помѣщикъ, настоящій помѣщикъ. И ты могъ бы за нею тысячъ десять требовать, да... Она у него одна и самъ онъ вдовый, никого у него нѣту... Чего же тебѣ еще?

Глѣбъ смотрѣлъ на нее странными глазами, какъ человѣкъ, слушающій рѣчи на непонятномъ языкѣ.

— Но я ее совсѣмъ не знаю, мамаша,—тихо, стараясь не возвышать голоса, возражалъ онъ.—Я никогда даже не видалъ ее...

— Узнаешь, долго ли узнать?

— Но я учиться хочу...

— Какого тебѣ еще ученья? Одиннадцать лѣтъ корпѣлъ ты надъ книжкой и еще тебѣ не надоѣло... Какъ же ты рѣшаешься мать и сестру оставить нищими? Не ждала я, и не гадала, что сынъ такъ отблагодаритъ меня за всѣ мои заботы, за болѣзни и страданія. Вотъ онъ, какой вѣкъ насталъ! Нѣтъ больше благодарности на свѣтѣ, нѣтъ, нѣтъ!

И новый приливъ рыданій прекращалъ потокъ жалобъ.

— Мамаша, мы объ этомъ поговоримъ потомъ, у насъ еще много времени, — подавленнымъ голосомъ говорилъ Глѣбъ:—а, вотъ, какъ вы на счетъ похоронъ? Когда вы думаете хоронить отца?

— А когда же?

— Я хотѣлъ бы сегодня. У меня на-дняхъ предстоитъ экзаменъ.

— Но отца Лаврентія еще нѣтъ, нельзя же безъ него.

— Отецъ Лаврентій сейчасъ пріѣдетъ; онъ выѣхалъ раньше насъ; должно быть, гдѣ-нибудь остановился на дорогѣ лошадей попоить...

— Много народу съѣхалось. Я думала, къ завтрему еще больше понаѣдетъ; все-таки какъ-то виднѣе было бы, почтеннѣе...

— Завтра мнѣ надо быть въ городѣ, мамаша! Я долженъ еще приготовиться...

— Ахъ, дѣлай какъ хочешь!

Этимъ и закончился разговоръ. Очевидно, мать приняла во вниманіе необходимость выдержать экзаменъ. Можетъ быть, у нея даже мелькнула мысль, что задержка можетъ помѣшать Глѣбу своевременно кончить курсъ. Все-таки она еще лелѣяла надежду, что онъ перемѣнитъ свое рѣшеніе. Да и было ли это еще рѣшеніе? Можетъ быть, такъ, ребяческій бредъ. Какой-нибудь разумный, положительный человѣкъ поговоритъ съ нимъ, повліяетъ на него, и онъ станетъ думать иначе.

Пріѣхалъ дядя, отецъ Лаврентій. Тетка съ дѣвочкой тотчасъ прошли въ спальню и начали утѣшать плачущихъ дамъ, а отецъ Лаврентій двинулся прямо къ покойнику.

— Эхъ-эхъ, Назаръ!—молвилъ онъ, остановившись передъ тѣломъ брата:—придумалъ же ты штуку, нечего сказать!

Послѣ этихъ словъ онъ ударилъ поклонъ и приложился ко лбу умершаго. Затѣмъ онъ тоже прошелъ къ дамамъ. Начались семейные разговоры. Матушка вздыхала и плакала, а отецъ Лаврентій и тетка, желая утѣшить ее, въ противность очевидности, завѣряли, что ничего особеннаго не случилось, что все въ порядкѣ вещей, и что, собственно, даже не о чемъ печалиться...

— Все уладится, все уладится!—говорилъ отецъ Лаврентій.—Вотъ, похоронимъ брата, а тамъ все обсудимъ и примемъ рѣшеніе. Вѣдь, всякій человѣкъ умираетъ, безъ этого никакъ нельзя; такой законъ, его же не прейдеши...

Но это, разумѣется, очень мало утѣшало вдову. Гостиная наполнилась народомъ,—это были ближайшіе знакомые. Среди нихъ слышались и обыкновенные житейскіе разговоры, и вздохи, и слезы. Плакали не только родственники, но и совершенно посторонніе люди, которымъ какъ-то было неловко на похоронахъ имѣть сухіе глаза. Тутъ же сновала горничная и разносила гостямъ чай.

Матушка отозвала въ сторону отца Лаврентія и сообщила ему:

— Вотъ, братецъ, какое мнѣ утѣшеніе на старости лѣтъ. Сынъ мой, Глѣбъ, на котораго я надѣялась, задумалъ учиться. Не хочу, говоритъ, приходъ брать и жениться, говоритъ, не хочу, а хочу учиться. Какое это тамъ будетъ ученіе, Господь его знаетъ, а только надежда моя на него рухнула.

Отецъ Лаврентій внимательно выслушалъ ее, задумался, а потомъ сказалъ:

— У-гу! Ну, хорошо, я поговорю съ нимъ. А только, знаете, сестрица, оно нельзя такъ, зря... Съ этой самой науки большіе люди выходили... Вотъ, напримѣръ, Сперанскій, — изъ простыхъ людей, изъ духовнаго званія вышелъ, а былъ первымъ министромъ и даже графомъ сдѣлался... По чемъ знать, можетъ, и Глѣбу на роду написано... Ну, да ладно,—перебилъ онъ самъ себя,—я поговорю съ нимъ. А я, вотъ что,—прибавилъ онъ, понизивъ голосъ,—я хотѣлъ съ вами поговорить, сестрица. Покойный братъ, какъ вы знаете, далъ мнѣ тысячу рублей на сохраненіе. Ну, само собою разумѣется, я распорядился ими, потому, какъ онъ мнѣ братъ, то между своими это ничего. Но только я вамъ отдамъ, сестрица, все сполна. Разумѣется, по частямъ...

— Эхъ, братецъ, что тамъ считаться!—воскликнула матушка.—Теперь, ежели и сынъ оставитъ меня съ дочкой, такъ на васъ на одного только и надежда.

— Что-жъ, я всегда готовъ, всегда готовъ, сестрица!— отвѣтилъ съ чувствомъ отецъ Лаврентій.

Въ большой комнатѣ, между тѣмъ, началась служба. Отпѣвали четыре священника и это было очень торжественно. Потомъ тѣло понесли въ церковь, тамъ тоже была длинная служба, а затѣмъ пошли на кладбище.

Матушку вели подъ руки отецъ Лаврентій и его жена. Она громко рыдала и чувствовала полное изнеможеніе. Груня шла тутъ же рядомъ и плакала тихо и какъ-то глухо. Быть можетъ, ея отчаяніе было больше, чѣмъ горе матери. Вѣдь,

она еще только разсчитывала начать жизнь и теперь всѣ надежды ея были потеряны.

Глѣбъ шелъ одинъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ. Онъ былъ блѣденъ, смотрѣлъ сосредоточенно внизъ и ни съ кѣмъ не разговаривалъ. Но онъ и не плакалъ. Ему было жаль отца, онъ любилъ его искренно, и отецъ хорошо къ нему относился, безъ особенной строгости, скорѣе по дружески, чѣмъ по отечески. Но плакать онъ не умѣлъ. Притомъ же, голова его была полна мыслей, которыя не имѣли прямого отношенія къ тому, что происходило передъ его глазами. Онъ гораздо больше думалъ о послѣдствіяхъ, чѣмъ о самомъ горѣ, и всюду видѣлъ себя отвѣтственнымъ лицомъ, виновникомъ чужого несчастія, не оправдавшимъ надеждъ, почти преступникомъ. Похороны тянулись слишкомъ долго, его нервы утомились и онъ жаждалъ только одного, чтобы все это поскорѣй кончилось.

Потомъ были поминки. Солнце уже спустилось довольно низко, когда въ той самой большой комнатѣ, гдѣ только что лежалъ покойникъ, за длиннымъ столомъ, духовныя особы поминали отца Назарія пирогами, рыбой, кутьей, запивая все это виномъ. А во дворѣ простому народу раздавались пироги съ рисомъ и съ грибами, и тѣ ѣли ихъ, просто стоя и ходя, но съ не меньшимъ чувствомъ поминали покойника.

Дядя не могъ остаться ночевать; въ городѣ у него были дѣла, да и кромѣ того, ни онъ, ни жена его не могли долго выносить печальныхъ зрѣлищъ.

— Пройдемся, Глѣбъ, немного!—сказалъ отецъ Лаврентій, взялъ молодого человѣка подъ руку и повелъ его въ садикъ. Здѣсь они начали ходить взадъ и впередъ, и отецъ Лаврентій, тихимъ, ласковымъ голосомъ держалъ рѣчь племяннику.

— Вотъ, видишь ли, Глѣбъ, твоя мать сказала мнѣ, будто ты рѣшился не идти по духовной дорогѣ и, слѣдственно, не брать прихода, а направить себя по свѣтскому пути. Правда ли это?

— Я только мечтаю объ этомъ, дядя,—отвѣтилъ Глѣбъ:— я не могу сказать, чтобы это было рѣшеніе. Но желаю я этого сильно.

— Какія же твои соображенія?

— Да, просто хочу учиться еще!

— Такъ; учиться, конечно, это хорошо. Но что же ты имѣешь въ виду, какой конецъ?

— Я не думаю о концѣ, дядя. Меня привлекаетъ наука. Отчего другимъ можно знать то и другое, а мнѣ нельзя? почему я долженъ оставаться при тѣхъ скудныхъ познаніяхъ, какія намъ даетъ семинарія? Вѣдь, сознайтесь, дядя, что въ сущности ничего мы не знаемъ; такъ, кое-что, обрывки какіе-то...

— Такъ, такъ, я понимаю!—молвилъ отецъ Лаврентій:— стремленіе къ наукѣ! Понятно. Это бываетъ, что иногда большіе получаются результаты. Вотъ, напримѣръ, я говорю, Сперанскій—я и матери твоей это говорилъ—онъ изъ духовнаго званія происходилъ, а сдѣлался первымъ министромъ и графомъ. Положимъ, онъ потомъ и въ опалу попалъ, но это оттого, что онъ зазнался, возмечталъ о себѣ... Но все же, говорю, великіе бываютъ результаты, хотя и не для всякаго. Гм! такъ, ты, значитъ, учиться хочешь! Это гдѣ же, въ университетѣ, что ли?

— Да, я хотѣлъ бы въ университетъ.

— Такъ. Ну, что-жъ, я готовъ сдѣлать тебѣ всякое облегченіе. Напримѣръ, мать твоя и сестра могутъ жить у меня. Мѣста у насъ, слава Богу, довольно, а жильцовъ—я, да жена, да дѣвочка. Люди мы мирные, ссориться не будемъ. Груня дѣвица хозяйственная; она можетъ помогать моей женѣ по хозяйственной части. Это одно, а другое — такъ это ей даже на пользу будетъ. Можетъ, и замужъ скорѣе выйдетъ, потому въ городѣ все-жъ таки дѣвица на виду. Не то что въ деревнѣ. Все-жъ таки больше на глаза попадается. Можетъ, и семинариста какого-нибудь подцѣпитъ. Но мнѣ говорила мать, будто ты учителемъ въ духовномъ училищѣ хочешь быть,—это зачѣмъ же?

— Да, вѣдь, у меня ничего нѣтъ, дядя. Мнѣ нужно сперва собрать денегъ и тоже къ экзамену на аттестатъ зрѣлости приготовиться. Вѣдь, теперь семинаристовъ безъ экзамена не принимаютъ,—эти времена уже прошли. Я уже давно готовлюсь, дядя, да еще не совсѣмъ успѣлъ. А мнѣ отецъ-ректоръ обѣщалъ выхлопотать мѣсто здѣсь же, въ нашемъ городѣ, въ духовномъ училищѣ. Я все время хорошо шелъ, и окончу въ первомъ разрядѣ. Я хорошо знаю географію и исторію, такъ эти предметы и буду преподавать. Тутъ есть учитель этихъ предметовъ, онъ въ священники идетъ, недавно женился и ему даютъ приходъ хорошій. Эхъ, дядя, еслибъ вы знали, какъ мнѣ хочется учиться, чтобы у меня умъ сдѣлался широкимъ-широкимъ, и чтобъ я понималъ ясно жизнь!

— Ну, такъ что-жъ! Это мы какъ-нибудь устроимъ. А только ты, знаешь, не очень увлекайся, Глѣбъ, потому, бываетъ, что и опасность отъ широкаго ума получается. Бываетъ, что умъ за разумъ заходитъ. Я тебѣ даже примѣръ приведу. У меня былъ одинъ товарищъ, очень умный молодой человѣкъ,—давно это было, еще когда я семинаристомъ состоялъ,—все книжки читалъ. Бывало, никакой игрой его не соблазнишь, ни съ кѣмъ не разговаривалъ, а только все книжки да книжки. Одну проглотилъ, сейчасъ за другую взялся. И первымъ ученикомъ былъ. Въ академію его послали, и оттуда лестный отзывъ отецъ ректоръ получилъ; анъ, года черезъ два получили извѣстіе: съ ума спятилъ. Значитъ, черезчуръ хватилъ образованія. Ну, и не вынесъ. Вотъ оно что. Во всемъ мѣра должна быть, Глѣбушка, во всемъ мѣра. Даже и умнымъ надо въ мѣру быть. Иному хорошо дуракомъ быть въ мѣру, а другому умникомъ. Потому, я тебѣ скажу, Глѣбушка, что отъ большого ума бываетъ такое же страданіе, какъ и отъ большой глупости. Человѣкъ видитъ все насквозь, а что тутъ хорошаго, а? Всякая вещь, — она съ виду ничего, — и блеститъ, и все такое, а раскопай ее, внутри одна гадость. Такъ лучше въ нее и не проникать. Такъ-то, Глѣбушка. А во мнѣ ты всегда найдешь поощреніе, потому я люблю все молодое, хотя бы оно было и глупое,— такой характеръ. Только съ матерью ты будь поосторожнѣй, не говори ты ей ничего объ ученіи. Это ее болѣе всего пугаетъ.

Онъ помолчалъ съ минуту, а потомъ, вдругъ, перемѣнивъ тонъ, промолвилъ:

— А то, можетъ, не жениться ли тебѣ на дочери отца Серафима, а? Можетъ, передумаешь? Вѣдь, правда, хорошее приданое можно взять!

Этотъ переходъ крайне удивилъ Глѣба, который уже склоненъ былъ думать, что дядя его понимаетъ. Онъ даже ничего не возразилъ, а только съ изумленіемъ поднялъ на него глаза. Отецъ Лаврентій понялъ, что попалъ не въ тонъ, и поспѣшно прибавилъ:

— Ну, ну, ладно, это я такъ.

Потомъ отецъ Лаврентій пошелъ къ матушкѣ и объяснилъ ей.

— Ну, сестрица, я съ нимъ переговорилъ. Это ничего, блажь одна, повѣрьте мнѣ. Что-жъ такое, что онъ учиться хочетъ? Вѣдь, не сейчасъ поѣдетъ онъ, а много еще времени пройдетъ. Вотъ, онъ учительствовать хочетъ въ духовномъ училищѣ. Такъ,

это что-жъ, это хорошо. Пусть годикъ поучительствуетъ и, повѣрьте вы мнѣ, что ему такъ надоѣстъ, что онъ броситъ всякія фантазіи и скорѣй за приходъ ухватится, а объ наукѣ и думать забудетъ.

— Охъ-охъ-охъ!—вздохнула матушка,—а отецъ Серафимъ дочку-то замужъ выдастъ за кого-нибудь другого. А ужъ такую партію не найдешь.

— Не выдастъ. Эти дѣла не такъ просто дѣлаются. Ну, а коли и выдастъ, мы другую найдемъ,—еще почище. Да, когда онъ будетъ учителемъ, мы его въ городѣ женимъ. А у насъ въ городѣ духовныя невѣсты всѣ на подборъ. Ну, устраивайтесь себѣ, устраивайтесь,—прибавилъ онъ съ очевиднымъ намѣреніемъ поскорѣе уѣхать.—Обдумывайте свое положеніе, а я, денька черезъ два пріѣду, и деньжонокъ привезу. Кстати узнаю у преосвященнаго, когда назначутъ сюда новаго священника, потому вамъ придется домъ освободить. Ну, и тогда поговоримъ обо всемъ. А теперь, прощайте, сестрица. Главное, не надо печалиться. Все придетъ въ порядокъ...

Дядя съ теткой и дѣвочкой уѣхали. Глѣбу стало еще тяжелѣе. Никогда ему прежде не было тяжело проводить время съ матерью и сестрой, но сегодня онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто между ними что-то порвалось.

Между тѣмъ, надо было провести вмѣстѣ еще цѣлый вечеръ. Въ домѣ чувствовалась какая-то пустота. Никакихъ перемѣнъ въ немъ не произошло, всѣ предметы были на своихъ мѣстахъ. Все было по старому, какъ въ теченіе многихъ лѣтъ, а между тѣмъ, было такое ощущеніе, что не достаетъ самаго главнаго. Машина сдѣлана образцово и собрана во всѣхъ своихъ частяхъ до послѣдняго винтика. Все прилажено, примѣрено и пристроено, но нѣтъ котла—и машина не можетъ дѣйствовать.

У матери и сестры все время вздрагивали рѣсницы, каждое мгновеніе по самому ничтожному поводу онѣ готовы были заплакать. Онъ смотрѣлъ на нихъ, и ему становилось жалко. Онѣ привыкли жить въ довольствѣ; мать еще могла какънибудь устроиться, она прожила свою жизнь и ей немного нужно. Для себя лично она не лелѣяла уже никакихъ надеждъ. Но сестра—совсѣмъ другое дѣло. Она была какъ разъ въ той порѣ, когда дѣвица начинаетъ мечтать во что бы то ни стало о замужествѣ, но это сдѣлать не такъ легко. Она не кончила ученья, и образованіе ея было самое скудное. Приданаго отецъ не оставилъ ей никакого. Между тѣмъ, духов-

ные женихи очень цѣнятъ приданое. Помощи ждать имъ было не откуда, и положеніе ея было печально. Собственно говоря, это была его обязанность—работать, чтобы дать ей возможность добыть приданое и выйти замужъ. И она, навѣрно, тоже такъ думала, оттого она смотрѣла на него такъ, какъ будто онъ ее ограбилъ или отнялъ у нея самую дорогую надежду.

Уже смеркалось, когда къ воротамъ подъѣхала кибитка. Мать и Груня вышли. Странно было принимать гостей въ такой день, когда похоронили отца. Глѣбъ оставался въ кабинетѣ. Вдругъ къ нему шумно вбѣжала Груня, и съ такимъ оживленіемъ, какъ будто горя вовсе и не было.

— Знаешь, кто пріѣхалъ, Глѣбъ?—съ блестящими глазами и радостнымъ голосомъ промолвила она: — отецъ Серафимъ съ дочкой. Они опоздали. Только въ городѣ узнали отъ кого-то о смерти папаши. Должно быть, будутъ ночевать у насъ... Выйди, пожалуйста, къ нимъ.

— Но я не знаю отца Серафима; я съ нимъ никогда не видался,—возразилъ Глѣбъ.

— Господи! Познакомишься! Его дочь была вмѣстѣ со мной въ епархіальномъ училищѣ. Мы подруги. Только она кончила, а я изъ четвертаго класса ушла. Неужели ты не выйдешь?—почти съ отчаяніемъ спросила Груня.

— Хорошо, я выйду. Только не сейчасъ. Иди къ нимъ, Груня!—сказалъ Глѣбъ.

Въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ всего лишь нѣсколько часовъ тому назадъ лежалъ покойникъ и гдѣ еще пахло ладономъ, зажгли свѣчи и послышались оживленные человѣческіе голоса. Глѣбъ легко различилъ голоса матушки и Груни, а у отца Серафима былъ густой, но легкій басокъ, и говорилъ онъ отрывисто, какъ будто слегка сердился. Но четвертаго голоса онъ еще не слышалъ.

— Боже мой!—говорилъ отецъ Серафимъ,—какъ же это случилось? А я, знаете, зашелъ къ отцу благочинному, а онъ мнѣ и говоритъ:—знаете, говоритъ, вѣдь, отецъ Назарій Щедротовъ скончался! Я такъ и замеръ. Какъ, говорю? Можетъ ли это быть? Да, ужъ, это повѣрьте, что такъ,—отвѣчаетъ отецъ благочинный,—я даже оффиціальное извѣстіе получилъ. Вотъ, говорю, несчастіе! Ну, вижу, опоздалъ, и думаю: такъ, по крайности, на обратномъ пути вдову провѣдаю... Вотъ и дочку съ собой везу домой...

— Кончила?—спросила матушка.

— Она еще въ прошломъ году кончила...

— Такъ что же?

— А тамъ еще у нихъ какой-то классъ особенный завелся, такъ, вотъ, она пожелала и въ немъ поучиться! Какъ называется этотъ классъ, Варенька?

— Педагогическій!—отвѣтилъ мягкій голосъ, отъ котораго вѣяло удивительной молодостью.

— Ну, да, да, педагогическій... Гм... такъ съ чего же это отецъ Назарій вздумалъ этакъ жестоко съ нами поступить?

Въ то время, какъ завязался дальнѣйшій разговоръ, дѣвушки вышли. Ихъ голоса слышались въ сѣняхъ, въ столовой, а потомъ и совсѣмъ замолкли. Матушка разсказывала отцу Серафиму, какъ было дѣло, потомъ принялась жаловаться на судьбу.

— Но у васъ же сынъ кончаетъ курсъ. Чего-же вамъ особенно скорбѣть?—сказалъ отецъ Серафимъ.

— Охъ, и не говорите. Кончаетъ-то онъ, кончаетъ, да только пользы отъ этого мало.

— Какъ же такъ?

— А такъ, отецъ Серафимъ: придумалъ мой Глѣбъ что-то необыкновенное. Не хочу, говоритъ, приходъ брать, а хочу еще учиться.

— Ну-у? это онъ отъ молодости. У молодыхъ людей это, знаете, бываетъ,—этакій кавардакъ въ головѣ. Они сами не знаютъ, чего хотятъ. А сколько лѣтъ вашему сыну?

— Двадцать второй годъ пошелъ.

— Ну, вотъ, самая настоящая пора женить его... А я, хе-хе, думалъ... Вотъ бы хорошо намъ породниться съ отцомъ Назаріемъ, хе-хе!.. Знаете, я всегда питалъ особое расположеніе къ покойному...

— Господи! А я-то, отецъ Серафимъ, какъ на духу вамъ скажу,—только объ этомъ и мечтала; да, видно, другая линія выходитъ.

— А покажите, покажите мнѣ его, вашего молодого философа! Вотъ, я съ нимъ поговорю, наставлю его...

— Глѣбъ!

Дверь въ кабинетъ растворилась, мать подошла поближе и звала его. Глѣбу оставалось одно—выйти. Онъ это сдѣлалъ и, по обыкновенію, взялъ у отца Серафима благословеніе.

— Эхъ, какъ же онъ у васъ молодъ, непростительно молодъ! И какой красивый!—говорилъ отецъ Серафимъ, шутли-

вымъ голосомъ,—такъ, какъ же, молодой человѣкъ, отъ родительскаго званія отрекаетесь? Нѣтъ, я шучу, шучу. Вотъ, мамаша ваша говоритъ, что вы учиться собираетесь, — да, неужто вамъ не надоѣло?

— Я самъ еще ничего не знаю!—сильно смущаясь, отвѣтилъ Глѣбъ.—Прежде всего надо курсъ кончить, а тамъ посмотримъ.

— А я вамъ скажу,—наставительно произнесъ отецъ Серефимъ:—это отъ молодости; вы слишкомъ еще молоды, оттого и сами не знаете, чего хотите, а какъ станете постарше, такъ все это у васъ перемѣнится.

— Садитесь, пожалуйста, отецъ Серафимъ!—сказала матушка:—у меня нынче отъ горя и голова какая-то путанная стала... Садитесь. Чайку покушали бы, да, должно быть, и переночуете у насъ! Куда вамъ ночью такую даль ѣхать?

— Да, ужъ, и не знаю. Хотѣлось бы поскорѣй домой,—вѣдь, два дня уже я странствую. Оно, знаете, какъ-то и неловко, да и прихожане ждутъ; я думаю, и требъ уже накопилось... А кромѣ того, у меня и хозяйство большое, хотя я самъ и не хозяинъ, и не распорядитель...

Отецъ Серафимъ сѣлъ. Глѣбъ тоже помѣстился на стулѣ, на порядочномъ разстояніи отъ него. Матушка вышла хлопотать.

— Я, конечно, не имѣю права, не мое это дѣло!—началъ отецъ Серафимъ,—а все же скажу вамъ, молодой человѣкъ, рискованное это дѣло, мѣнять призваніе. Многіе это дѣлали и иные, правда, достигали. Но большею частью отставали. Натура не выносила. Все равно, я вамъ скажу для примѣра, какъ монахъ, который за много лѣтъ монашества привыкъ пищу употреблять постную и на постномъ маслѣ, и ежели бы ему пришлось вдругъ, по необходимости, скоромнаго поѣсть, ну, скажемъ, мясного... Такъ, оно хотя и питательное, а для его желудка невыносимо. Да. Оно, конечно, похвально; но надо взвѣшивать силы... Вы меня извините, но, вы человѣкъ молодой, а я старикъ. Моя обязанность сказать вамъ правду, а ваша, выслушать меня. Къ тому же, у васъ и положеніе особенное, — вашего родителя сегодня только опустили въ землю; у васъ мать, сестра. Это обязываетъ, молодой человѣкъ, обязываетъ. Вы меня извините,—только я говорю правду.

Послышался звонъ посуды, явилась горничная со скатертью, потомъ появился самоваръ, и своимъ оживленнымъ видомъ освѣжилъ атмосферу. Глѣбъ, отъ этихъ рѣчей отца Се-

рафима, ощущалъ какую-то затхлость; въ нихъ было что-то такое, что напоминало ему о стоячей водѣ. Самоваръ, шипящій, съ движущимся надъ нимъ паромъ, внесъ съ собою какъ бы жизнь въ эту атмосферу. Потомъ принесли водку, закуску. Вернулась матушка, и любезно приглашала отца Серафима.

— Пожалуйста, откушайте! Навѣрно съ дороги проголодались.

Вошли дѣвушки.

— А вотъ, позвольте васъ познакомить! — промолвилъ отецъ Серафимъ:—моя дочь, Варвара. А это—сынъ покойнаго отца Назарія, Глѣбъ Назарычъ. Вотъ, тоже,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Глѣбу,—какъ и вы, любительница ученья. Кончила курсъ и, кажись бы, рада была отдохнуть, анъ, нѣтъ, еще какой-то тамъ педагогическій классъ захотѣла проходить. Я говорю, молодые люди нынче странные пошли. Самые годы, чтобы жить весело, да радостно, а они убиваютъ ихъ на ученье.

Варя посмотрѣла на Глѣба въ упоръ смѣлымъ, проницательнымъ взглядомъ, потомъ слегка наклонила голову и, не подавъ руки, отошла къ окну. Матушка повторила свое приглашеніе и отецъ Серафимъ присѣлъ къ столу.

— Ну-съ,—продолжалъ онъ, обращаясь все-таки къ Глѣбу,—ежели, допустимъ, ваше намѣреніе осуществится,—какого же рода науку желали бы избрать?

Глѣбъ не сразу отвѣтилъ, а послѣ порядочной паузы. У него мелькнула мысль, не уклониться ли вообще отъ объясненія? Вѣдь, это пустой разговоръ, который ни къ чему не можетъ привести. Какъ бы онъ ни отвѣтилъ, все равно, ему скажутъ: „молодой человѣкъ, вы заблуждаетесь, потому что вы молоды, а когда станете старше, то образумитесь".

И, можетъ быть, онъ и уклонился бы, но у него явилось странное чувство, будто онъ отвѣчаетъ не отцу Серафиму, а кому-то другому, и этому-то другому ему хотѣлось непремѣнно отвѣтить правду. Почему? Но, вѣдь, это было смутное, мимолетное ощущеніе. Ему казалось, что кто-то будетъ о немъ дурного мнѣнія, если онъ промолчитъ или отвѣтитъ уклончиво, а, можетъ быть, ему даже хотѣлось, хотя и безсознательно, чтобы кто-то былъ хорошаго мнѣнія о немъ. Все это промелькнуло въ его головѣ въ продолженіе какой-нибудь секунды, и затѣмъ, онъ отвѣтилъ:

— Меня интересуютъ естественныя науки.

— Ага, изученіе натуры! Такъ, такъ. Многихъ это увлекало. И, что-жъ, собственно медициной займетесь?

— Нѣтъ,—на этотъ разъ уже совершенно твердо отвѣтилъ Глѣбъ.—Мнѣ просто интересно изучать природу.

— Гм! изучать природу! Это хорошо. Конечно, созданіе Творца достойно изумленія, но, однако же, человѣку надо жить, надо кормиться чѣмъ-нибудь, а однимъ изученіемъ природы не прокормишься. Медицина, по крайности, даетъ хлѣбъ, и очень даже хорошій хлѣбъ. Я знаю кой-кого. Вотъ, у отца Кузьмы Страннолюбскаго сынъ изъ семинаріи пошелъ по медицинской части. Такъ, теперь, я вамъ скажу, онъ въ Кіевѣ большую практику имѣетъ и тысячъ до пятнадцати въ годъ зарабатываетъ. Это я понимаю и одобряю.

— Я объ этомъ и не думалъ,—отвѣтилъ Глѣбъ.

— А надо думать, надо думать, молодой человѣкъ,—молвилъ отецъ Серафимъ, выпивъ рюмку водки и стараясь прожевать кусокъ чрезвычайно сухого рыбца.

— Охъ-охъ-охъ!—громко вздохнула матушка,—просто и не знаю, куда теперь и кинуться, отецъ Серафимъ. Совсѣмъ я, какъ подстрѣленная птица.

— Сочувствую вамъ, Ирина Власьевна, душевно сочувствую. Надо подумать, потолковать. Я полагаю,—промолвилъ онъ, какъ-то вдругъ перемѣнивъ тонъ и, очевидно, съ нѣкоторой задней мыслью:—что молодымъ людямъ пріятно было бы пройтись. Ночь лунная, воздухъ хорошій; что-жъ имъ сидѣть тутъ взаперти?

— А, можетъ, Варенька чашечку чайку бы выпила?—предложила матушка.

— Нѣтъ, мнѣ не хочется. Можетъ быть, послѣ!—отвѣтила дѣвушка.

Матушка не настаивала. Ей очень хотѣлось по душѣ поговорить съ отцомъ Серафимомъ. У нея теперь было такое состояніе, что со всѣми хотѣлось говорить по душѣ; это ее немножко утѣшало.

III.

Молодые люди вышли. Они шли рядомъ; передъ ними разстилалась обширная поляна, которую пересѣкала вдоль деревенская дорога, а дальше лежало широкое озеро, образовавшееся изъ днѣпровскихъ водъ, занесенныхъ сюда при посредствѣ множества узенькихъ, между собою соединявшихся, рѣ-

чонокъ. Надъ самымъ озеромъ подымался полный мѣсяцъ и отражался въ его зыби серебристыми зигзагами. По краямъ, какъ бы въ туманѣ, синѣлъ темный камышъ и изрѣдка изъ его гущинъ выступали вербы съ своими неправильными вѣтвями.

— Ты знаешь, Глѣбъ,—первая заговорила Груня,—Варя и отецъ Серафимъ у насъ остаются ночевать.

— Имъ, вѣроятно, далеко ѣхать,—сказалъ Глѣбъ и вдругъ ему стало неловко оттого, что онъ сказалъ „имъ“, то-есть, ей и отцу Серафиму и, такимъ образомъ, какъ бы избѣгалъ обращаться прямо къ ней; но онъ испытывалъ сильное волненіе неловкости. Застѣнчивый отъ природы, онъ укрѣпилъ это свойство одиннадцати-лѣтнимъ пребываніемъ въ закрытомъ заведеніи, гдѣ, кромѣ поломойки, появлявшейся разъ въ недѣлю, никогда не попадалось ни одной женщины. Дочери ректора иногда мелькали гдѣ-то въ отдаленіи, и ихъ приходилось видѣть только издали, да и то семинаристы избѣгали проходить мимо нихъ на близкомъ разстояніи, потому что не знали, какъ вести себя съ ними. Онѣ были горды и смотрѣли на семинаристовъ свысока. И всякій разъ, когда ему приходилось говорить съ незнакомымъ человѣкомъ, въ особенности, если это былъ свѣтскій, а не духовный, онъ смущался и чувствовалъ себя подавленнымъ. Въ присутствіи же молодой женщины онъ окончательно терялся. Онъ переживалъ странное состояніе, когда, вслѣдъ за высказанной неловкой фразой, тотчасъ являлась въ головѣ другая—красивая и умѣстная, но ее уже нельзя было произнести, уже было поздно и разговоръ перемѣнилъ направленіе. То же самое было и здѣсь, но онъ быстро поправился и прибавилъ:

— Къ вамъ будетъ, вѣроятно, верстъ пятьдесятъ?

— Кажется, шестьдесятъ,— отвѣтила Варя. — Я такъ рѣдко ѣзжу, что не знаю навѣрное.

— Ахъ, да, я слышалъ. Вы, вѣдь, остались учиться въ педагогическомъ классѣ.

— Еслибъ былъ еще какой-нибудь классъ, я бы и еще осталась!—сказала Варя.

— Господи!—воскликнула Груня,—да неужели же вамъ не надоѣло? Глѣбъ тоже такой. Вотъ бы васъ повѣнчать, ей-Богу; была бы пара. Вы оба только и дѣлали бы, что смотрѣли бы въ книжку.

— Это ничему не мѣшаетъ,—серьезно замѣтилъ Глѣбъ.

Они дошли до берега и, по предложенію Груни, усѣлись на мягкомъ желтомъ пескѣ. Только теперь Глѣбъ подумалъ

о томъ, что надо разсмотрѣть ея лицо. До сихъ поръ онъ не нашелъ случая посмотрѣть на нее прямо.

Она сидѣла лицомъ къ озеру и въ полъ-оборота къ нему. Лунный свѣтъ придавалъ лицу ея блѣдность, но небольшіе глаза ея оставались веселыми, ясными и какъ-то особенно молодыми. Она при малѣйшемъ шумѣ или чуть слышномъ порывѣ ночного вѣтерка раскрывала ихъ то больше, то меньше. Черты лица ея были не крупны, въ нихъ свѣтилось что-то дѣтское, простое и довѣрчивое. Онъ дивился тому, какъ она спокойно, самоувѣренно отвѣчаетъ на его вопросы, нисколько, повидимому, не смущаясь и не волнуясь. Онъ судилъ по себѣ и ему это казалось чѣмъ-то недостижимымъ, какимъ-то чудомъ. Голосъ у нея былъ мягкій, слабый, лишенный звонкости—и это ему нравилось. Онъ такъ нѣжно касался его слуха. Вся она была не крупная и, какъ ему казалось, не сильная.

— Я слышала,—промолвила Варя,—что вы не хотите поступать на приходъ.

— Отъ кого вы слышали?—спросилъ Глѣбъ.

— Это я сказала,—отвѣтила за нее Груня.

— Значитъ, это правда?

— Право, я и самъ еще не знаю.

— Значитъ, это, такъ себѣ?

— Что значитъ—такъ себѣ?

— Такъ... не рѣшеніе, не убѣжденіе... а такъ себѣ...

— Нѣтъ,—промолвилъ онъ,—это не такъ себѣ, но видите, какъ обстоятельства перемѣнились. Вчера умеръ отецъ и все спуталось.

— Да, это несчастье!—замѣтила Варя.

— Это такое несчастье, такое несчастье!—воскликнула Груня и, кажется, собиралась уже плакать.

— Такъ что, можетъ быть, вы еще перемѣните рѣшеніе?—продолжала Варвара Серафимовна.—И женитесь?—какъ-то особенно протянувъ это слово, произнесла она и при этомъ въ глазахъ ея блеснула усмѣшка.

— О, нѣтъ, нѣтъ, это ни въ какомъ случаѣ!—поспѣшно и выразительно возразилъ Глѣбъ.

— Отчего такъ?

— Отчего? Да оттого... оттого, что я никого не люблю.

— Развѣ это важно?

— Я думаю, въ такомъ дѣлѣ это важнѣе всего.

— Но вѣдь всѣ семинаристы женятся такъ... потому

что надо получить приходъ... И вотъ Груня говоритъ, что полюбить не трудно,—какъ посватается, такъ и полюбитъ.

— А вы какъ думаете?—пытливо спросилъ Глѣбъ.

— Я?—Она разсмѣялась.—О чемъ? О любви?

— Ну, да. Вѣдь мы говоримъ объ этомъ.

— Да я о ней ничего не думаю.

— О чемъ же вы думаете?

— О чемъ?—О многомъ. А разсказать не съумѣю.

— Значитъ, вы такъ замужъ не пошли бы?.. Ну, если бы къ вамъ посватались.

— Съ какой стати я пошла бы замужъ?

— Значитъ, вы согласны со мной?

— Я ничего не понимаю въ любви. У насъ въ епархіальномъ училищѣ всѣ были влюблены въ регента и находили, что онъ очень красивъ. У него, знаете, такіе кудри на головѣ, цѣлая гора... А я даже въ регента не была влюблена!—промолвила она со смѣхомъ и продолжала:—мнѣ папа говорилъ,—это ему еще вашъ покойный отецъ разсказывалъ... что, когда вы кончите курсъ, то будете свататься ко мнѣ... Но это совсѣмъ на васъ не похоже, и я очень рада...

— Почему?

— Я не люблю такихъ, которымъ все равно, лишь бы поскорѣе жениться и поскорѣе получить приходъ. Женитьба у нихъ необходимость, потому что безъ этого не дадутъ прихода. Я такой женой не стала бы.

— Да, это можно говорить только въ шутку!—сказалъ Глѣбъ.

— Странные вы оба, какъ послушаешь васъ!—воскликнула Груня.—Всякому человѣку надо жить. И приходъ нуженъ, чтобы жить. И дѣвушкѣ замужъ надо выйти, чтобы жить, потому что иначе она не проживетъ.

— Нѣтъ, я проживу иначе!—сказала Варя.

— Какъ же такъ?—спросила ее Груня.

— А ужъ не знаю, какъ, только такъ, чтобы на меня никто не смотрѣлъ, какъ на неизбѣжную вещь.

— Дѣти, дѣти!—послышался отдаленный зовъ со стороны дома.—Пора домой.

— Сейча-а-съ!—откликнулась за всѣхъ Груня и прибавила, обращаясь къ другимъ:—Пойдемте. Это мамаша кличетъ.

Они встали, и еще нѣсколько секундъ постояли надъ водой.

— Хорошо здѣсь у васъ!—сказала Варя и ея веселые

глазки приняли мечтательное выраженіе.—А у насъ такія скучныя мѣста! Кругомъ степь и нѣтъ совсѣмъ воды.

— Что-жъ, и мы должны уѣхать отсюда!—со вздохомъ воскликнула Груня.—Должно быть, къ дядѣ, въ городъ.

— Вы любите природу?—спросила Варя у Глѣба, когда они повернули обратно къ дому.

— Да, очень люблю, только не умѣю раскисать,—отвѣтилъ Глѣбъ.

— А я вотъ раскисаю. Какъ увижу такую вотъ красоту, такъ и не уходила бы всю ночь, такъ бы вотъ и сидѣла...

— А когда же спать?—спросила Груня.

— Спать вовсе не надо, когда такъ хорошо!—сказала Варвара Серафимовна:—значитъ, вамъ это только нравится, но не трогаетъ васъ?—продолжала она, обращаясь къ Глѣбу.

— Меня это вызываетъ на мысли: почему, и какъ, и гдѣ причина?—и мнѣ хочется узнать эту тайну...

— Тайну красоты ночи?

— Тайну прекраснаго неба, тайну, посредствомъ которой природа такъ чаруетъ насъ... Мнѣ хочется все это узнать и изучить...

— А мнѣ кажется, какъ только узнаешь, какъ и почему, то все покажется обыкновеннымъ и простымъ, и очарованіе исчезнетъ... Очарованіе тайны исчезнетъ.

— Но что-жъ изъ этого? Есть другое очарованіе—очарованіе знанія, оно выше.

— Право... Я не знаю, ошибаетесь вы, или нѣтъ!—неувѣренно замѣтила Варя.

Они пришли. Въ освѣщенной комнатѣ Глѣбъ разсмотрѣлъ ее еще разъ. Она показалась ему миленькой. Въ лицѣ столько свѣжести, молодости, только, кажется, она небогата здоровьемъ. Когда она улыбается, то показываетъ свои красивые зубы—ровные, крупные, бѣлые. Движенія ея нерѣшительны, плавны, слегка кошачьи.

Отецъ Серафимъ съ матушкой сидѣли въ гостиной, а они всѣ трое тотчасъ же засѣли за столъ и начали пить чай и истреблять хлѣбъ съ свѣжимъ масломъ.

— Теперь вотъ и аппетитъ явился!—сказала Варя.

— Тоже и у меня!—откликнулся Глѣбъ.

— Это вліяніе очарованія природы!

Она засмѣялась, а онъ при этомъ подумалъ: „какъ съ нею чувствуешь себя просто“. Это было для него ново; рѣдко съ какимъ человѣкомъ онъ чувствовалъ себя просто.

А въ сосѣдней комнатѣ, съ почти притворенною дверью шелъ разговоръ тихо, вполголоса.

— Я говорю, Ирина Власьевна, — молвилъ отецъ Серафимъ,—что молодое стремится къ молодому. Вотъ они познакомились, поговорили... А встрѣтятся еще два-три раза и, увидите, всѣ его фантазіи растаютъ, яко дымъ... Да вы вотъ что: вы его пришлите къ намъ погостить на недѣльку, когда онъ кончитъ свои экзамены.

— Ахъ,—воскликнула матушка,—онъ такой своенравный!

— Ну, хорошо, хорошо, я самъ приглашу его.

Между тѣмъ, въ большой комнатѣ за чайнымъ столомъ продолжался оживленный разговорь:

— А какъ же вы получите аттестатъ зрѣлости?—спрашивала Варя.

— Точно такъ, какъ получаютъ его другіе!—отвѣтилъ Глѣбъ,—выдержку экзаменъ.

— Но это очень трудно.

— Надо только, чтобъ не было невозможно. Все, что трудно, можно побѣдить трудомъ... Я уже два года готовлюсь.

Два года?—Значитъ, вы давно задумали это?

— У меня всегда было это стремленіе. Прежде я чувствовалъ его смутно и не понималъ; меня все къ чему-то влекло, и это было мучительно. А потомъ я понялъ и сейчасъ же ясно представилъ себѣ все.

Горничная уже сновала по разнымъ комнатамъ съ постелями. Варю рѣшено было положить въ одной комнатѣ съ Груней, отца Серафима въ залѣ. Въ кабинетѣ было положить его какъ то неловко. Тамъ еще такъ недавно умеръ отецъ Назарій. Скоро всѣ разошлись. Глѣбъ вышелъ во дворъ и тамъ отыскалъ свою постель въ палисадникѣ. Лѣтомъ, когда бывалъ въ деревнѣ, онъ всегда спалъ подъ открытымъ небомъ.

Ему долго не спалось. Но странное дѣло: онъ не испытывалъ никакого тревожнаго чувства. Если днемъ, когда онъ попалъ въ родственную среду при столь печальныхъ обстоятельствахъ, онъ чувствовалъ себя какъ бы виноватымъ предъ всѣми, то теперь ощущеніе было такое, точно у него вдругъ явилась какая-то поддержка. Вѣдь до сихъ поръ никто, ни одинъ человѣкъ не думалъ такъ, какъ онъ. Люди, которыхъ онъ встрѣчалъ, настолько отличались отъ него по образу мыслей, что онъ даже не рѣшался никому объяснять своихъ намѣреній. Былъ у него одинъ товарищъ, Стрѣтенскій, ко-

торый, какъ и онъ, готовился на аттестатъ зрѣлости, иногда они даже вмѣстѣ занимались. Но тотъ смотрѣлъ просто: сдѣлаюсь адвокатомъ и буду зарабатывать большія деньги... Женюсь, буду держать лошадей и вообще ни въ чемъ себѣ не буду отказывать. Иногда Глѣбъ пробовалъ возражать ему, что эта задача недостойна разумнаго человѣка, что изъ за нея не стоитъ надрываться, что хорошій заработокъ можно имѣть, оставаясь и въ духовномъ званіи, но тотъ не понималъ его и отвѣчалъ, что это совсѣмъ не то. Духовное лицо, говорилъ онъ, какъ бы оно ни было богато, не можетъ пользоваться всѣми благами жизни. Ему ни въ театръ нельзя пойти, ни въ веселой компаніи проводить время и вообще многое для него закрыто.

Глѣбъ не принималъ также въ разсчетъ дядю, который относился какъ бы покровительственно къ его плану и въ доказательство своего сочувствія приводилъ въ примѣръ Сперанскаго. Въ этомъ покровительствѣ было что-то невѣжественное и, можетъ быть, неискреннее; это было скорѣе всего желаніе показать, что я, молъ, не врагъ просвѣщенія и понимаю стремленіе къ наукѣ, что мнѣ тоже не чужды высшія потребности и прочее.

И вотъ, сегодня у него явилось такое ощущеніе, какъ будто онъ пріобрѣлъ союзника. Какимъ образомъ? Вѣдь онъ даже не узналъ ея взглядовъ на жизнь. Все она его разспрашивала, а онъ даже и не подумалъ объ этомъ. Но онъ не могъ объяснить, почему такъ думалось. У него было такое чувство. Это была первая пріятная встрѣча въ его жизни. При воспоминаніи о Варѣ у него являлась въ душѣ бодрость, и все, что казалось ему мрачнымъ и тревожнымъ, пріобрѣтало окраску ясную и бодрящую.

Онъ уснулъ, когда уже звѣзды начали блѣднѣть и пѣтухи пропѣли во второй разъ. Онъ спалъ не долго; раннее лѣтнее солнце разбудило его, но поднялся онъ съ свѣжей головой, бодрый и здоровый.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Скоттъ.

РАЗСВѢТЪ.

(Пѣснь Флоры Макъ-Айворъ).

На вершинахъ—туманъ, надъ долиною—ночь,
И не въ силахъ мы сонъ роковой превозмочь;
По приказу врага длится онъ безъ конца:
Ослабѣла рука, охладѣли сердца̀.

И наслѣдственный мечъ паутиной обвитъ;
И позорно въ углу тутъ же ржавѣетъ щитъ,
Если выстрѣлъ въ горахъ и раздастся, какъ встарь—
Упадутъ отъ него только лось иль глухарь.

И безъ краски стыда ни одинъ изъ пѣвцовъ
Не дерзнетъ воспѣвать намъ дѣянья отцовъ;
Да умолкнетъ навѣкъ съ отзвучавшей струной,
Да умолкнетъ оно—эхо славы родной...

Но проходятъ часы: отъ тяжелаго сна
Пробуждается вновь понемногу страна,
Надъ вершинами горъ, яркимъ блескомъ горя,
Занимается вновь молодая заря.

Вамъ, героевъ сыны, этотъ яркій разсвѣтъ
Не сулитъ ли зарю долго жданныхъ побѣдъ?
Вамъ не нуженъ пѣвца вдохновенный напѣвъ,
Чтобъ въ сердцахъ пробудить жажду мести и гнѣвъ.

Подымайтесь, бойцы, изъ долинъ, изъ-за горъ!
Заблистала вездѣ сталь широкихъ клейморъ,
И волынка слышна, но сзываетъ собой
Не на ловлю она, а въ отчаянный бой.

Высоко надъ холмомъ развѣвается стягъ,
Но не дремлетъ въ тиши выжидающій врагъ;
Вы низвергнуть должны чужеземную власть,
И, подобно отцамъ, побѣдить или пасть!

О. Чюмина.

НОВАЯ ЖЕНЩИНА ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

Л. Гижицкой.

Годъ тому назадъ, въ Англіи, этой классической странѣ женскаго движенія, давалась пьеса, благодаря которой споръ о женскихъ правахъ сдѣлался опять такимъ же горячимъ и ожесточеннымъ, какъ при самомъ возникновеніи его. Необыкновенный успѣхъ пьесы въ публикѣ и вызванные ею дебаты объяснялись, впрочемъ, не художественными достоинствами ея, не ея остроуміемъ или оригинальностью, а просто заглавіемъ: «Новая женщина». («The new woman»). О «новой женщинѣ» кричали вездѣ и всюду, и какъ Гёзы подхватили насмѣшливое прозвище, данное имъ врагами, такъ и руководительницы женскаго движенія приняли кличку «новой женщины», какъ лозунгъ того, что онѣ хотятъ сдѣлать изъ порабощенной, униженной женщины современности. «Новыя женщины», выведенныя авторомъ пьесы, оказались давно знакомыми каррикатурами на «эманципированныхъ»: дурно одѣтыми старыми дѣвами съ мужскими манерами, стрижеными волосами и очками на носу. На ряду съ ними была выставлена не менѣе избитая фигура красивой, блестящей женщины, которая, прикрываясь талантливостью, даетъ волю всѣмъ своимъ низменнымъ инстинктамъ.

Въ обществѣ такихъ женщинъ вращается несчастный герой, молодой ученый, который оказывается достойнымъ сожалѣнія, главнымъ образомъ, потому, что его ученыя пріятельницы каждый день угощаютъ его пережаренной телятиной. Комплименты, которыми онѣ осыпаютъ его съ утра до вечера, все-таки не могутъ утолить его голода. Случай, сталкивающій его съ горничной его матери, даетъ ему возможность познать женскую природу во всей ея красотѣ. Онъ прощается съ новыми женщинами и воспѣваетъ «вѣчную женственность» въ лицѣ избранницы своего сердца, которая кормитъ его вкусными, разнообразными обѣдами. И

публика шумно апплодировала герою и провозгласила наивную, краснощекую дѣвочку, не обремененную никакимъ научнымъ хламомъ—идеаломъ женщины; говорили даже, что она-то и есть настоящая «новая» женщина.

Тогда и въ прессѣ, и съ ораторскихъ трибунъ поднялся споръ о новой женщинѣ. При этомъ обѣ спорящія стороны упустили изъ виду, что различныя варіаціи типа новой женщины давно уже разрабатывались въ многочисленныхъ новеллахъ, романахъ и драмахъ. Въ англійской литературѣ существуетъ даже особый родъ романовъ, которые могутъ быть названы «романами женскаго движенія», и дѣйствующими лицами которыхъ являются новыя женщины. Авторы такихъ романовъ въ удобной формѣ беллетристическаго повѣствованія стараются выяснить публикѣ свои взгляды на міръ и людей вообще, и на соціальный и женскій вопросы—въ частности. Героини ихъ, въ большинствѣ случаевъ, представляютъ автоматовъ и лишь изрѣдка, при большей талантливости автора, передъ нами встаютъ живыя лица. Изъ всей массы новыхъ женскихъ типовъ современной англійской литературы особенно выдѣляются три: Марчелла, героиня романа м-ссъ Уордъ, Эвадна—героиня «Небесныхъ близнецовъ» Сары Грантъ *) и Ерминія въ романѣ Грантъ-Аллена «The Woman, who did» (буквально: «женщина, которая рѣшилась»). Эти три типа интересны потому, что они послужили образцомъ для безчисленныхъ болѣе или менѣе удачныхъ женскихъ фигуръ, появляющихся въ книгахъ и журналахъ. Марчелла является типомъ «непокорной дочери», которая завоевываетъ себѣ самостоятельность и уѣзжаетъ изъ дому, чтобы найти себѣ дѣло. Она всячески старается приложить свои силы для служенія страждущему человѣчеству, но при этомъ не отдается вся своему дѣлу. Среди своей разнообразной, неутомимой дѣятельности, Марчелла, въ сущности, думаетъ только о себѣ; она, можетъ быть, безсознательно, все-таки оставляетъ себѣ лазейку, черезъ которую всегда можетъ вернуться на лоно семьи. Героиня м-ссъ Гемфри Уордъ является идеаломъ, но не для новой женщины, а для тѣхъ многочисленныхъ непокорныхъ дочерей, которыя стремятся выйти изъ своего пустого, безцѣльнаго существованія, и гдѣ-нибудь и какъ-нибудь найти себѣ удовлетвореніе. Онѣ недовольны собой и міромъ, потому что у нихъ уже открылись глаза, и онѣ видятъ зло и несправедливость, царящія кругомъ; но онѣ еще слишкомъ скованы

*) Оба эти романа переведены на русскій языкъ. «Небесные близнецы» имѣются въ «Дешевой библіотекѣ» Суворина, а «Марчелла» печаталась въ «Русск. Мысли» за 1895 г. Романъ Грантъ Аллена не переведенъ по-русски.

предразсудками и духовно не развиты, чтобы понять, что слѣдуетъ дѣлать съ этимъ недовольствомъ.

Героиня Сары Грантъ—Эвадна не имѣетъ ничего общаго съ Марчеллой. Она, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ одной породѣ со Свавой Бьёрнсона, которая бросаетъ своему жениху перчатку въ лицо, когда узнаетъ, что онъ вступаетъ въ бракъ не такимъ невиннымъ и чистымъ, какъ она. Первыя мечты молодой дѣвушки обыкновенно терпятъ крушеніе при соприкосновеніи съ грубой дѣйствительностью, въ особенности, когда избранный ею герой оказывается недостойнымъ ея любви; поэтому горе Эвадны и ея быстрое рѣшеніе разстаться съ мужемъ кажутся намъ психологически вѣрными. Не будучи въ состояніи противостоять упрекамъ семьи, она рѣшается въ концѣ концовъ для виду остаться съ мужемъ; но исторія этого «фиктивнаго» брака служитъ только рамкой для настоящаго содержанія романа: борьбы за равноправность половъ въ области нравственности. Эта борьба противъ двоякой нравственности, безъ сомнѣнія, имѣетъ такое же право на существованіе, какъ борьба противъ двоякаго права вообще. Къ этой борьбѣ присоединится всякая женщина, въ которой ея человѣческое самосознаніе не было искусственно подавлено уродливымъ воспитаніемъ. Но какъ человѣкъ, знакомый съ выводами современной науки, она пойметъ, что эта двоякая нравственность является результатомъ длиннаго историческаго развитія, и находится въ тѣсной связи съ соціальными и экономическими условіями настоящаго времени. Поэтому «новая женщина» будетъ направлять свою энергію въ другую сторону. Она не сдѣлается такой героиней, какъ Свава, или такой сентиментальной салонной дамой, какъ Эвадна. Она не сдѣлаетъ навсегда несчастнымъ любимаго и любящаго ее человѣка, за то, что онъ былъ раньше слабымъ, хотя и не порочнымъ, мужчиною. Женское сердце въ концѣ концовъ восторжествуетъ надъ теоріями, какъ бы онѣ ни были хорошо обоснованы. Если же она, какъ, напр., Эвадна, имѣетъ дѣйствительное право презирать своего мужа, то она не станетъ ломать всю свою жизнь и приносить ее въ жертву сплетнямъ милыхъ сосѣдей. Новая женщина Сары Грантъ является совершенно нежизненной, неестественной фигурой.

Романъ Грантъ-Аллена «The woman who did» возбудилъ еще больше горячихъ споровъ, чѣмъ романы Гёмфри Уордъ и Сары Грантъ. «Но, навѣрное, не найдется ни одной женщины, которая это сдѣлаетъ», сказалъ автору одинъ изъ его друзей. «Я знаю такую женщину», отвѣтилъ авторъ и разсказалъ ему исторію Эрминіи. Она тоже непокорная дочь, доставляющая много хло

потъ своему отцу, богатому священнику, занимающему видное мѣсто въ рядахъ духовенства. Она не только говоритъ о своихъ взглядахъ, но и проводитъ ихъ въ жизнь. Освобожденіе женщины, пробужденіе въ ней человѣка—вотъ цѣль, къ которой она стремится. Она близко ознакомилась со всѣми стадіями женскаго движенія, и, наконецъ, пришла къ убѣжденію, что ни одинаковое образованіе, ни правовая и политическая равноправность съ мужчиною не приведетъ къ желаемому освобожденію женщины, если оно не будетъ идти рука объ руку съ соціальной и нравственной эмансипаціей женщины. По мнѣнію Эрминіи, женщина порабощается, главнымъ образомъ, непрерывнымъ давленіемъ этическихъ и соціальныхъ ограниченій. Ни мужчина, ни женщина не имѣютъ права приковывать къ себѣ жену или мужа законными или церковными узами, потому что взаимныя отношенія половъ только тогда могутъ имѣть нравственный смыслъ, когда они покоются на взаимной любви и полной свободѣ. Для людей, которые любятъ другъ друга, не нужно никакихъ искусственныхъ узъ; люди, которые не любятъ другъ друга, совершаютъ преступленіе по отношенію къ себѣ и къ своимъ дѣтямъ, если они остаются вмѣстѣ. Такъ разсуждаетъ Эрминія, и, встрѣтясь съ человѣкомъ, къ которому ее влечетъ сердце, она отказывается стать его женой по старому обычаю. Придерживаясь библейскаго изреченія «истина освободитъ васъ», она полна дѣтской вѣры въ то, что если она одна, первая, на дѣлѣ будетъ проводить свои убѣжденія, то она этимъ расторгнетъ оковы, до сихъ поръ мѣшавшія освобожденію женщины. Ея дѣти, рожденныя отъ свободной любви, будутъ продолжать ея дѣло. Послѣ долгой борьбы, которую ей приходится вести съ любимымъ человѣкомъ, онъ ,наконецъ, сдается и соглашается жить съ ней въ свободномъ бракѣ.

Но онъ умираетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и для Эрминіи и ея ребенка начинается долголѣтнее мученичество. Несмотря на все, что ей приходится претерпѣвать, она остается вѣрна своимъ убѣжденіямъ. Ей приходится испытывать сильнѣйшую нужду. Тогда отецъ ея покойнаго мужа предлагаетъ ей усыновить свою внучку и такимъ образомъ нетолько дать ей имя, но и сдѣлать ее своей наслѣдницей. Она отказывается, несмотря на то, что здѣсь дѣло идетъ о всей будущности ея ребенка. Дочь подростаетъ и постоянно чувствуетъ ложность положенія, въ которое она поставлена матерью. Она все болѣе и болѣе удаляется отъ матери, и въ концѣ концовъ уходитъ отъ нея, когда оказывается, что ея незаконное рожденіе дѣлается препятствіемъ для ея личнаго счастья, мѣшая ей выйти замужъ за человѣка, котораго

она полюбила. Для Эрминіи это смертельный ударъ: дочь стыдится ея, удаляется отъ нея и несчастлива благодаря ей—что же ей остается, въ такомъ случаѣ, кромѣ добровольной смерти?

Можетъ ли Эрминія быть названа «новой женщиной»? Она сильна и энергична, она добровольно взваливаетъ на себя борьбу съ жизнью и оберегаетъ свою самостоятельность, она любитъ мужа и ребенка,—но женщина ли она? Авторъ хотѣлъ написать тенденціозный романъ въ защиту свободнаго брака, но такъ какъ онъ перенесъ его въ современныя условія, то, помимо своей воли, писалъ противъ него. Эрминія не представляется намъ мученицей за великое дѣло, какою хотѣлъ изобразить ее авторъ; читатель часто не можетъ удержаться отъ улыбки надъ ея совершенно нелѣпымъ стремленіемъ однимъ росчеркомъ уничтожить законный бракъ, этотъ результатъ многовѣковаго развитія; кромѣ того, читателя поражаетъ безсердечность, съ какою она жертвуетъ ребенкомъ ради своей теоріи. Мнѣ кажется, женщина, подобная Эрминіи, которая обладаетъ такой ясной головой и такимъ образованіемъ, какое Грантъ-Алленъ приписываетъ своей героинѣ, конечно, не будетъ изъ ложной стыдливости опускать глаза передъ испорченностью, господствующей въ современномъ обществѣ и передъ темными сторонами современнаго брака; но она не станетъ воображать себѣ, что свободный бракъ между двумя отдѣльными людьми можетъ произвести какой-нибудь переворотъ въ этихъ отношеніяхъ. Даже если бы большинство рѣшилось послѣдовать ихъ примѣру, то, при современныхъ соціальныхъ и экономическихъ условіяхъ, это очень мало повліяло бы на нравственное обновленіе человѣчества. Женщина, какъ экономически-слабѣйшая сторона, была бы только еще болѣе порабощена. Состоятельной женщинѣ и теперь, до введенія свободнаго брака, не приходится дрожать за своихъ дѣтей, но торжество свободнаго брака при современномъ, капиталистическомъ строѣ даже ухудшило бы положеніе небогатой женщины, лишивъ ея дѣтей поддержки закона.

«Новая женщина» Грантъ-Аллена могла появиться только на англійской почвѣ, потому что образы, создаваемые писателями, не являются исключительно созданіями ихъ фантазіи. Все ихъ міросозерцаніе необходимо находится въ связи съ окружающей ихъ обстановкой и подвергается ея вліянію. Нѣтъ ни одной страны, въ которой жгучій вопросъ взаимныхъ отношеній половъ разсматривался бы съ такой серьезностью, какъ въ Англіи. Грантъ-Алленъ имѣлъ безчисленныхъ предшественниковъ и послѣдователей, и романъ его обсуждался и въ салонахъ, и въ печати, и въ публичныхъ рѣчахъ, и даже съ церковной каѳедры. Женщина, за-

нимающая такое видное общественное положеніе и пользующаяся такимъ значеніемъ, какъ лэди Генри Соммерсетъ, не побоялась публично высказать свое мнѣніе о безнравственности брака безъ любви; самыя вліятельныя газеты обсуждали на своихъ столбцахъ эти вопросы, которые — по признанію большинства серьезныхъ изслѣдователей — являются не чисто-этическими, а соціальными вопросами. Англійскія женщины, благодаря образованію, самостоятельности и достигнутой ими въ значительной степени равноправности съ мужчинами, достигли уже такъ многаго, что онѣ могутъ теперь обозрѣвать завоеванныя области, и ясно видятъ, чего имъ еще не хватаетъ. Онѣ видятъ, что фактически онѣ все-таки еще не свободны, и среди нихъ часто попадаются личности, подобныя Эрминіи, философствующія со своими друзьями о нравственномъ освобожденіи женщины. Всѣ три разсмотрѣнныя нами героини могутъ быть только англійскаго происхожденія. Несмотря на всю разницу между ними, у нихъ есть одна общая черта: стремленіе къ освобожденію. Но женщины, такъ же какъ и народы и отдѣльные общественные классы, должны уже достигнуть извѣстной нравственной и экономической независимости, чтобы ощутить въ себѣ такое влеченіе. Жажда свободы, вовлекающая женщинъ въ борьбу, конечно, иногда выливается и въ смѣшныя, уродливыя формы. Поэтому, каррикатуры «новыхъ женщинъ», столь часто встрѣчающіяся въ литературѣ, обязаны своимъ происхожденіемъ нетолько предвзятому мнѣнію противниковъ женскаго движенія.

Наряду съ англичанами, другіе народы германской расы также представили свои типы «новой женщины». Новая женщина во французской и итальянской литературѣ представляетъ совершенно другое явленіе и почти исключительно принадлежитъ декадентству; поэтому слово «новая» къ ней не совсѣмъ подходитъ, и мы не будемъ касаться ея въ настоящей статьѣ.

Швеція, Норвегія и Данія совершенно наводнили насъ своими писателями, и нелегко разобраться въ массѣ выдвигаемыхъ ими женскихъ типовъ, для того, чтобы выбрать среди нихъ наиболѣе характерныхъ; при этомъ самыя современныя изъ нихъ всѣ отмѣчены одной отличительной чертой: реакціей противъ женскаго движенія, вызваннаго и поддерживаемаго Бьернсономъ и Ибсеномъ. Бьернсонъ, впрочемъ, имѣетъ больше послѣдователей, чѣмъ Ибсенъ: апостолъ чистоты привлекаетъ къ себѣ не только неудовлетворенныхъ женщинъ и старыхъ дѣвъ, какъ утверждаютъ противники движенія, но и всѣхъ, отзывчивыхъ сердцемъ людей, которые не могутъ равнодушно относиться къ нравственному униженію женщины, но которые, вслѣдствіе узости взгляда и недостатка

исторической перспективы, не видятъ другихъ средствъ помочь этому злу, кромѣ нравственныхъ проповѣдей и полицейскихъ предписаній. Ибсенъ же былъ апостоломъ непонятыхъ женскихъ натуръ, рвущихся къ свободѣ и къ индивидуальности; но на его душѣ лежитъ грѣхъ, что онъ совратилъ съ пути истиннаго многихъ, которыя только аффектируютъ эту непонятость, потому что она вошла въ моду и пріятно наполняетъ жизнь незанятыхъ женщинъ, дѣлаетъ ихъ интересными въ ихъ собственныхъ глазахъ. Когда «Нора» Ибсена начала свое тріумфальное шествіе по европейскимъ театрамъ, многія сотни женщинъ, съ замирающимъ сердцемъ слѣдящія за ходомъ пьесы, думали узнать самихъ себя въ этой «новой женщинѣ». И дѣйствительно, развѣ мало женщинъ живутъ въ такомъ же призрачномъ бракѣ, какъ Нора? Развѣ не часто случается, что послѣ многолѣтней совмѣстной жизни, не прерываемой никакими особенными событіями, вдругъ наступаетъ моментъ, когда жена убѣждается, что мужъ ея—для нея чужой, когда она сознаетъ, что никогда, говоря словами Норы, они «не говорили другъ съ другомъ серьезно о серьезныхъ вещахъ»? Новая женщина Ибсена не отступаетъ передъ послѣдствіями, вытекающими изъ этого открытія, и уходитъ отъ «чужого человѣка»; она не можетъ продолжать свою кукольную жизнь и, безъ колебаній, одна вступаетъ въ жизненную борьбу. Можно съ увѣренностью сказать, что «чудо», на которое разсчитываетъ ея безхарактерный, слабый мужъ, никогда не случится, потому что впослѣдствіи Нора только еще болѣе переростетъ его. Ея поступокъ былъ бы дѣйствительно нравственнымъ и достойнымъ «новой женщины», если бы одно обстоятельство не лишало его смысла и не придавало ему грубо-эгоистическаго оттѣнка: дѣло въ томъ, что Нора бросаетъ не только «чужого человѣка», но и своихъ маленькихъ дѣтей. Она съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ оставляетъ своихъ дѣтей на рукахъ человѣка, въ ничтожествѣ котораго она только-что убѣдилась. И отсюда-то и вышло вредное вліяніе Ибсеновской «новой женщины»: безчисленныя Норы, съ холоднымъ сердцемъ и скуднымъ нравственнымъ содержаніемъ, сильныя только своимъ эгоизмомъ, разбрелись теперь по бѣлу-свѣту. Настоящая Нора, для созданія которой у поэта не хватило достаточной глубины чувства, непремѣнно должна была бы кзять съ собою дѣтей, если нужно, отвоевать ихъ себѣ, и вырвать ихъ изъ растлѣвающей домашней атмосферы.

Среди всѣхъ Ибсеновскихъ женщинъ нѣтъ ни одной, которая была бы вполнѣ женщиной, и въ тоже время каждая изъ нихъ, съ правдивостью ретушированной фотографіи, воспроизводитъ какую-нибудь изъ разновидностей новой женщины: Эллида, играю-

щая своими романтическими мечтами, но когда мечты превращаются въ дѣйствительность, испуганно отступающая передъ ними и «свободно и за своей отвѣтственностью» возвращающаяся къ доброму, прозаическому мужу; Лона и Петра («Столпы общества»), утратившія, подъ давленіемъ своей безотрадной жизни, всѣ женственныя черты; г-жа Альвингъ («Привидѣнія»), которая прошла черезъ всѣ муки ужасной семейной жизни и сдѣлалась мыслящей, сильной, безстрашной женщиной—и всѣ другія, даже вводныя но всегда характерныя женскія фигуры, объясняемыя одной общей чертой—жаждою вырваться изъ узкаго круга семьи, извѣстнаго міровоззрѣнія, или общества. Ибсенъ анатомировалъ передъ нами новую женщину, какъ ботаникъ анатомируетъ цвѣтокъ, но какъ ботаникъ, даже съ помощью самой сильной лупы, не можетъ показать намъ благоуханія цвѣтка, такъ и Ибсенъ не показалъ намъ того, чего онъ самъ не съумѣлъ замѣтить: сердца женщины, ея женственности.

Всякій грѣхъ противъ природы бываетъ отомщенъ. Свава («Перчатка»), въ которой Бьернсонъ хотѣлъ представить цвѣтъ утонченной женственности, послужила своею холодной pruderie къ возвеличенію всѣхъ безсердечныхъ, мужчиноподобныхъ женщинъ, которыя сдѣлались гораздо болѣе вредными членами общества, чѣмъ безобидныя, сплетничающія старыя дѣвы прежняго времени; точно также и ибсеновскія женщины выступаютъ въ жизни въ образѣ женщинъ, жаждущихъ сильныхъ ощущеній, бьющихъ на эффектъ, лживыхъ до наивнаго самообмана. Всѣ онѣ борятся противъ мужчины, и въ то же время являются его жертвами, или притворяются таковыми. Реакція противъ нихъ не заставила себя ждать. Другая новая женщина появилась среди того же народа, въ произведеніяхъ его болѣе молодыхъ писателей: она — вполнѣ женщина, и только женщина. Лучшіе типы ея были созданы Петеромъ Нансеномъ въ его Маріи и Гретѣ. Все существо Маріи исчерпывается любовью. Она любитъ безъ страха, безъ вопроса, и когда любимый человѣкъ говоритъ ей «уйди», она уходитъ; онъ, вѣдь, съ самаго начала заявилъ ей, что его любовь скоро проходитъ, и что онъ не выноситъ никакого насилія. Но онъ ошибся: среди всей массы знакомыхъ ему женщинъ онъ въ первый разъ встрѣтилъ дѣйствительно любящую, настоящую женщину. Онъ хочетъ освободиться отъ нея и уговариваетъ ее выйти замужъ за богатаго жениха, просящаго ея руки. Марія, всегда исполняющая все, что онъ хочетъ, соглашается и на это, хотя втайнѣ надѣется, что въ рѣшительный моментъ онъ ея не отпуститъ. И такъ, дѣйствительно, и случается: порхающій мотылекъ приходитъ къ сознанію, что онъ любитъ въ первый разъ и навсегда. Само-

отверженная любовь Маріи побѣдила его, ея вѣра въ силу любви восторжествовала.

Грета въ другомъ романѣ Нансена, «Божественный миръ» представляетъ не новый образъ, а только нѣкоторое видоизмѣненіе Маріи. Молодая дѣвушка, одиноко выросшая въ деревнѣ, подъ надзоромъ чудака-отца, оставшаяся незатронутой болѣзненной культурной жизнью нашего времени, сталкивается съ человѣкомъ, вырвавшимся изъ удушливаго воздуха столицы, и представляется ему своего рода откровеніемъ. Онъ видитъ, какъ она играетъ съ дѣтьми, причемъ, въ ея дѣвическихъ глазахъ свѣтится горячая материнская любовь; онъ слышитъ, что она, со всей чистой правдивостью своего существа, говоритъ, какъ бы она была счастлива, если бы одинъ изъ этихъ дѣтей былъ ея ребенкомъ. Когда они дѣлаются женихомъ и невѣстою, онъ попросту спрашиваетъ ее, не безпокоитъ ли ее его прошлое? Она говоритъ, нѣтъ, — и не потому, что раздѣляетъ общепринятый взглядъ, будто мужчина долженъ «перебѣситься», или будто бы страсти его такъ сильны, что онъ не въ состояніи сдерживать ихъ; а потому, что чувствуетъ, что въ ней онъ видитъ не временную игрушку, не простое времяпрепровожденіе. «Я горда и спокойна», говоритъ она, «потому что знаю, что я первая, которую ты пожелалъ видѣть матерью твоихъ дѣтей».

Сопоставимъ здѣсь Грету и Сваву. На чью сторону должны стать женщины, нормальныя женщины, конечно, которыя одинаково далеки и отъ нравственной развращенности, и отъ излишней «pruderie»?

Грета любитъ мечтать о своемъ будущемъ материнствѣ; къ своему приданому она прибавляетъ и собственноручно сшитую рубашечку для своего первенца. Женихъ постоянно называетъ свою невѣсту «лучшая изъ матерей». Когда она умираетъ передъ свадьбой, она говоритъ ему въ слезахъ: «я плачу отъ того, что мнѣ пришлось умереть, не будучи твоей женой, не будучи матерью».

Являются ли Марія и Грета идеаломъ новой женщины, или же это прежнія Гретхенъ и Клэрхенъ въ современныхъ одѣяніяхъ? Авторъ хотѣлъ изобразить только любящую женщину, и больше ничего. Всѣ другія характерныя черты отсутствуютъ въ его изображеніи. Если даже признать, что любовь является главнымъ содержаніемъ жизни женщины, то все-таки изъ того, какъ женщина любитъ, нельзя еще заключать о томъ, какъ она будетъ мыслить и дѣйствовать. Новая женщина живетъ не однимъ чувствомъ, она также дѣйствуетъ, она должна была научиться самостоятельно мыслить. Женщины Нансена не даютъ намъ никакого представленія объ этой сторонѣ новой женщины. Ибсенъ поза-

былъ о сердцѣ, Нансенъ, явившійся реакціей противъ него, позабылъ о духовной жизни женщины.

Существуетъ одинъ писатель, который, озлобленный женскими типами Ибсена и Бьернсона, создалъ другой образъ новой женщины, одинаково ничтожной и умственно, и нравственно, живущей одною чувственностью и ненормальными влеченіями. Писатель этотъ—Августъ Стриндбергъ.

Всѣ его многочисленныя женскія фигуры сдѣланы изъ одного матеріала. Это—женщина-декадентка, которая принижаетъ и разслабляетъ мужчину, изолгавшаяся салонная дама, въ совершенствѣ постигнувшая одно искусство — очаровывать глупыхъ мужчинъ и приковывать ихъ къ своей тріумфальной колесницѣ, о колеса которой они, въ концѣ концовъ, разбиваютъ себѣ голову. Съ нашей стороны было бы безцѣльнымъ самообманомъ отрицать фактъ существованія такихъ женщинъ. Образцы, съ которыхъ рисовалъ Стриндбергъ, встрѣчаются и среди меценатокъ, въ салонахъ которыхъ собираются такъ-называемыя «сливки интеллигенціи», среди пикантныхъ хорошенькихъ женщинъ, искусно маскирующихъ свою пустоту громкими фразами, заимствованными изъ фельетоновъ, среди выскочекъ денежной и родовой аристократіи, и среди героинь полусвѣта, выходящихъ часто изъ глубокой нищеты, и ослѣпляющихъ блескомъ своихъ крашенныхъ волосъ и бриллiантовъ. Всѣ онѣ являются новыми женскими типами, но отнюдь не типомъ новой женщины, какъ хочетъ насъ увѣрить страстный женоненавистникъ Стриндбергъ; потому что тотъ же соціальный процессъ, который создалъ ихъ, и уничтожитъ ихъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, между тѣмъ какъ настоящей новой женщинѣ принадлежитъ будущее.

Но гдѣ же она, эта новая женщина? Лаура Маргольмъ попробовала отвѣтить на этотъ вопросъ, представивъ въ своей «Книгѣ о женщинахъ» шесть типовъ современной женщины. Но всѣ эти шесть типовъ въ ея рукахъ слились въ одно: Башкирцева, Дузе, Едгренъ-Леффлеръ, Ковалевская, Еджертонъ и Скраммъ нашли въ ней не объективнаго біографа, а субъективную писательницу, которая преобразуетъ свой матеріалъ такъ, какъ ей это нужно, чтобы доказать защищаемую ею тенденцію. Она дала намъ также художественный образъ новой женщины, какъ она ее понимаетъ—Клара Бюрингъ, героиня ея произведенія, является знаменитой артисткой, и при этомъ «a selfmade woman», которая силою своего таланта и воли поднялась изъ ничтожества. Она знаетъ жизнь и ея радости, ею восхищаются и даже поклоняются ей, съ помощью своего искусства она имѣетъ власть надъ людьми, можетъ умилять и потрясать ихъ, и высказывать то, что скрывается въ глубинѣ ея души.

Но когда она остается одна и откровенна сама съ собой, — ея жизнь кажется ей безрадостной пустыней. Но вотъ она встрѣчаетъ человѣка, навстрѣчу которому раскрывается ея сердце. Въ немъ нѣтъ ничего необычайнаго, но онъ добръ и честенъ, и ей, окруженной ничтожными, пошлыми людьми, кажется чѣмъ-то выдающимся. Въ ней загорается любовь, о которой ея избранникъ ничего не подозрѣваетъ. Между тѣмъ, другой, холодный и фатоватый свѣтскій человѣкъ, разставляетъ ей свои сѣти, и она, доведенная до отчаянія своей безнадежной любовью, дѣлается его безвольной жертвой. Когда же настоящій герой приходитъ просить ея руки, она, изъ уваженія къ нему, уже не соглашается стать его женою; конечно, она не упускаетъ случая упрекнуть его «въ излишней медлительности». Если бы мужчина сочинилъ эту новую женщину, которая, по увѣренію Лауры Маргольмъ, будто бы является очень типичной, то это было бы вполнѣ понятно, но женщина должна уже слишкомъ быть ослѣпленной своей любимой идеей, чтобы придумать такую вещь. Какъ многіе односторонніе мыслители, она все сводитъ къ одной формулѣ, которая гласитъ: женщина имѣетъ только одно влеченіе—влеченіе любви, удовлетвореніе ей можетъ дать только одна любовь. Герой Клары Бюрингъ слѣдующимъ образомъ высказываетъ ту же мысль: «чѣмъ богаче одарена женщина, тѣмъ болѣе она жаждетъ содержанія, и этого содержанія она не находитъ въ самой себѣ».

Среди защитницъ женской равноправности новая женщина Лауры Маргольмъ вызвала еще болѣе сильную бурю негодованія, чѣмъ женскіе типы Стриндберга. Въ то время, какъ Стриндбергъ имѣетъ дѣло съ явно ненормальными женщинами, испорченность которыхъ сразу бросается въ глаза, во взглядахъ Лауры Маргольмъ таится частица несомнѣнной правды, распространяющейся на всѣхъ женщинъ. Эта частица правды заключается въ томъ, что даже самая выдающаяся женщина никогда не можетъ найти полнаго удовлетворенія въ своемъ призваніи, или въ своемъ искусствѣ, потому что сердце ея остается при этомъ незатронутымъ, а каждый человѣкъ, будь то мужчина или женщина, только тогда можетъ быть вполнѣ счастливъ, когда всѣ стороны его личности имѣютъ свободное проявленіе. Для безчисленныхъ женщинъ, обреченныхъ на вѣчное дѣвство, было, конечно, очень пріятно, когда первыя провозвѣстницы женскаго движенія выступили въ ихъ защиту и оградили ихъ отъ обычныхъ насмѣшекъ. Поэтому, теперь онѣ всѣ такъ и ополчаются противъ женщины, осмѣлившейся показать имъ ихъ изображеніе и сказать: «Вотъ, посмотри, и перестань обманывать себя. Ты вовсе не удовлетворена, ты жаждешь счастія и

любви». Если бы Лаура Маргольмъ остановилась на этомъ, она несомнѣнно оказала бы большую услугу женскому дѣлу. Но она пошла дальше. Такъ, въ Кларѣ Бюрингъ она нарисовала намъ не типъ знаменитой артистки, несмотря на всю свою знаменитость, жаждущей любви и ласки, мечтающей о семьѣ и близкомъ человѣкѣ, котораго ей не могутъ замѣнить никакіе успѣхи и лавровые вѣнки; нѣтъ, изъ всѣхъ этихъ естественныхъ, человѣчныхъ желаній она выдѣляетъ одно только чувственное влеченіе и заставляетъ свою героиню искать его удовлетворенія.

Многіе изъ новыхъ нѣмецкихъ писателей варіировали въ своихъ произведеніяхъ типы «новой женщины» à la Маргольмъ, или à la Стриндбергъ. Но тѣ женскія фигуры въ новыхъ нѣмецкихъ романахъ, которыя кажутся намъ наиболѣе правдивыми, являются не новыми женщинами, а скорѣе, жертвами борьбы стараго времени съ новымъ. Одной изъ самыхъ трогательныхъ среди нихъ, кажется, Агата, въ повѣсти Габріэли Рётеръ. Въ этомъ образѣ она воплотила всю горечь неудавшейся жизни, являющейся удѣломъ многихъ и многихъ дѣвушекъ. Она раскрыла передъ нами ихъ жизнь и показала все безрасвѣтное, сѣрое однообразіе ихъ существованія, которое часто бываетъ тяжелѣе перенести, чѣмъ какіе-нибудь крупные удары судьбы.

Типы новыхъ женщихъ представили намъ только два нѣмецкихъ писателя—Зудерманъ и Гауптманъ. Кто не знаетъ Магды въ драмѣ Зудермана «Родина», кто не помнитъ этой смѣлой, талантливой дѣвушки, убѣжавшей изъ родительскаго дома и выработавшей изъ себя великую артистку? Среда, въ которой она выростаетъ, представляетъ специфически нѣмецкую, буржуазную среду, также какъ и среда, окружавшая Агату, но у той не хватило силы, какъ у Магды, чтобы вырваться изъ нея и перешагнуть черезъ всѣ преграды. Въ разговорѣ Магды съ отцомъ передъ нами выступаетъ настоящая новая женщина, которая бросаетъ вызовъ старому времени: «Мы, вѣдь, знаемъ, чего отъ насъ требуетъ семья, со своей моралью», говоритъ она. «Она не даетъ намъ ни защиты, ни радости, и все-таки мы въ своемъ одиночествѣ должны подчиняться законамъ, которые имѣютъ смыслъ только для мужчинъ». Но что возвышаетъ Магду надъ многими другими, подобными ей, это—ея самоотверженная, страстная материнская любовь. Все ея поруганное чувство, вся ея неудовлетворенная жажда любви сосредоточивается на ея ребенкѣ, потому что она не знала другой, настоящей любви. Въ поискахъ за ней она впадала въ ошибки; по ея собственнымъ словамъ, она знала только суррогаты любви, а не самую любовь.

Новая женщина должна дождаться новаго мужчины для того, чтобы получить возможность развиться. Эта мысль проводится въ драмѣ Гауптмана «Одинокіе люди». Здѣсь также семья стараго закала сталкивается съ женщиной новаго времени — Анной Маръ; семья и ея счастье, построенное на пескѣ, рушатся, и новая женщина опять одиноко выходитъ на жизненную борьбу, потому что человѣкъ, котораго она любитъ, оказался слабѣе ея. Онъ не можетъ освободиться отъ старыхъ семейныхъ традицій. Когда Анна Маръ приходитъ къ убѣжденію, что онъ никогда не порветъ съ прошлымъ, она уходитъ отъ него, несмотря на зарождающуюся любовь.

Отъ авторовъ «Родины» и «Одинокихъ людей» мы вправѣ ожидать созданія типа «новой женщины». Но поэты рѣдко являются пророками: ихъ фантазія, какъ и ихъ міросозерцаніе, коренятся въ томъ мірѣ, который ихъ окружаетъ. Тѣмъ не менѣе, мы всетаки надѣемся, и не въ силу шовинистическихъ мечтаній, что настоящій типъ новой женщины будетъ созданъ именно германскимъ писателемъ, который объединитъ въ живомъ образѣ всѣ характерныя черты новой женщины, разбросанныя въ произведеніяхъ англійскихъ и скандинавскихъ мыслителей. Въ Англіи и Скадинавіи одностороннее женское движеніе, односторонняя борьба женщины противъ мужчины имѣли своимъ послѣдствіемъ появленіе одностороннихъ, ненормальныхъ женскихъ характеровъ. Женщина привыкла сознавать себя не частью страждущаго человѣчества, а частью страждущаго пола. Она не идетъ рука объ руку съ мужчиной, отсутствуетъ взаимное воздѣйствіе, а съ нимъ и взаимное пониманіе. Въ Германіи, наоборотъ, отсталость женскаго движенія имѣетъ свои преимущества: женщина присоединяется къ болѣе сильному и широкому соціальному движенію. И въ этомъ движеніи мужчина будущаго не только укрѣпляетъ свои силы, но и находитъ удовлетвореніе своему сердцу, потому что изъ среды его выростаетъ новая женщина-товарищъ и сподвижникъ своего мужа.

Можетъ быть, не писатель, а какая-нибудь писательница, пережившая лично борьбу между старымъ и новымъ временемъ, изобразитъ свою исторію въ художественныхъ образахъ и представитъ міру типъ новой женщины. Новая свободная женщина смѣло пойдетъ рука объ руку съ любимымъ человѣкомъ, не будучи ни ниже, ни выше его. И эта новая женщина воспитаетъ вождей народа, носителей будущаго—новыхъ людей.

Переводъ съ нѣмецкаго **Л. Давыдовой.**

ДЫХАНІЕ И ЖИЗНЬ.

Проф. И. П. Бородина.

Рѣчь, читанная на актѣ Императорской Военно-Медицинской Академіи.

«И вдунулъ въ него дыханіе жизни»... такъ повѣствуетъ великая книга о сотвореніи человѣка. «Буду любить тебя до послѣдняго моего дыханія, клянется человѣкъ во цвѣтѣ лѣтъ. «Онъ еще дышитъ, говорятъ о человѣкѣ, готовящемся проститься съ жизнью.

Въ этомъ отожествленіи дыханія съ жизнью языкъ безсознательно, инстинктивно выразилъ одну изъ величайшихъ научныхъ истинъ. Безъ сомнѣнія, живыя тѣла, въ совокупности составляющія растительное и животное царства природы, отличаются отъ тѣлъ мертвыхъ не только тѣмъ, что дышатъ; не менѣе характерными свойствами ихъ служатъ способности питаться, рости, наконецъ, размножаться. Но ни одинъ изъ названныхъ процессовъ не связанъ такъ тѣсно и неразрывно съ самымъ понятіемъ о жизни, какъ именно дыханіе. Живое тѣло можетъ временно не обнаруживать питанія, въ смыслѣ поглощенія пищи извнѣ, не представлять и увеличенія объема, называемаго ростомъ; урывками лишь приступаетъ оно обыкновенно къ размноженію; одно только дыханіе поддерживается въ немъ непрерывно, представляя роковой спутникъ, вѣрнѣйшій признакъ жизни.

Да позволено будетъ ботанику въ краткомъ очеркѣ изложить въ самыхъ общихъ чертахъ важнѣйшія данныя, доставленныя его наукою для пониманія связи, соединяющей дыханіе съ жизнью.

На первомъ планѣ должно быть, конечно, поставлено распространеніе самаго понятія о дыханіи съ животныхъ на растенія. Если мы теперь вправѣ сказать «все живое дышитъ», то мы обязаны этимъ, главнымъ образомъ, физіологіи растеній: она превратила дыханіе изъ критерія животной жизни въ критерій жизни вообще.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что дыханіе растеній фактически сдѣлалось извѣстнымъ гораздо позже животнаго ды-

ханія. Ритмическія движенія груди, внезапно обрывающіяся со смертью, съ незапамятныхъ временъ ознакомили человѣка съ этимъ жизненнымъ актомъ и позволили распространить его и на животныхъ, по крайней мѣрѣ на высшихъ представителей животнаго царства. Безъ большого труда были открыты и спеціальные органы дыханія — легкія, жабры. Въ растеніи, напротивъ, ничто ни во внѣшности, ни во внутренности не говоритъ о непрерывно совершающемся и здѣсь обмѣнѣ газовъ между организмомъ и окружающею средою. Только анализъ измѣненій, вызываемыхъ въ спертомъ воздухѣ пребываніемъ въ немъ растеній, могъ обнаружить и въ этихъ организмахъ процессъ дыханія. Неудивительно поэтому, что открытіе растительнаго дыханія совпало съ эпохою, когда геній Лавуазье уяснилъ намъ составъ атмосферы, показавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что животное дыханіе состоитъ въ поглощеніи изъ окружающей среды кислорода и выдѣленіи углекислоты.

Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія извѣстный англійскій химикъ Пристлей, открывшій кислородъ, опубликовалъ поразительное наблюденіе: спертый воздухъ, ставшій негоднымъ для дыханія отъ пребыванія въ немъ животнаго, совершенно очищается, пріобрѣтаетъ прежнія свойства, если въ немъ продержать растеніе. Это открытіе, сразу обратившее на себя вниманіе ученыхъ, не имѣло, въ сущности, ничего общаго съ тѣмъ, что мы въ настоящее время называемъ «дыханіемъ» растенія. Здѣсь дѣло шло о другомъ фундаментальномъ процессѣ воздушнаго питанія растенія или ассимиляціи, при которомъ выдѣленная животнымъ углекислота служитъ растенію пищею; но дальнѣйшее разслѣдованіе этого именно явленія и привело къ открытію настоящаго дыханія растеній. Самъ Пристлей, однако, не справился со своимъ открытіемъ: въ провѣрочныхъ его опытахъ очищеніе воздуха производилось растеніемъ не всегда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчалась даже, какъ будто, еще бóльшая порча воздуха вмѣсто его очищенія.

Дѣло разъяснилось лишь благодаря блестящимъ изслѣдованіямъ другого ученаго—Ингенгуза. Голландецъ по происхожденію, онъ былъ англичаниномъ по образованію и большую часть жизни провелъ въ Лондонѣ; спеціальность его была медицина и, по рекомендаціи знаменитаго въ то время врача Прингля, автора извѣстнаго сочиненія «о болѣзняхъ армій», онъ провелъ нѣкоторое время въ Вѣнѣ, въ качествѣ придворнаго врача для прививки оспы, производившей страшныя опустошенія и не щадившей даже царскихъ семей. Живо заинтересовавшись благодѣтельнымъ вліяніемъ растеній на составъ воздуха, и въ полномъ сознаніи громаднаго

гигіеническаго значенія этого явленія, Ингенгузъ поселяется на лѣто въ десяти миляхъ отъ Лондона и тамъ, въ деревенскомъ уединеніи, работая съ утра до вечера, производитъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ болѣе пятисотъ опытовъ. Эти три мѣсяца лихорадочнаго труда одного человѣка дали зарождавшейся наукѣ о растительной жизни больше, чѣмъ всѣ предшествовавшія столѣтія, сразу освѣтивъ значеніе растеній въ экономіи природы вообще. Съ чувствомъ живѣйшей благодарности долженъ констатировать ботаникъ, что лучшими открытіями своими, положившими основу растительной физіологіи, его наука обязана врачу. Результаты, полученные Ингенгузомъ, могутъ быть переданы въ немногихъ словахъ, но значеніе ихъ неизмѣримо велико. Способность очищать воздухъ, испорченный дыханіемъ животныхъ, присуща исключительно зеленымъ частямъ растенія и обнаруживается только при дѣйствіи на нихъ солнечнаго свѣта; въ темнотѣ же зеленыя части растенія, а незеленыя даже и на свѣтѣ, не только не очищаютъ воздуха, а, напротивъ, портятъ его совершенно такъ же, какъ дѣлаютъ это животные организмы. Такимъ образомъ, сразу обрисовалось значеніе столь распространеннаго въ растительномъ царствѣ зеленаго вещества, до тѣхъ поръ составлявшее совершенную загадку, а также громадное значеніе свѣта какъ для растенія, такъ и въ общей экономіи природы: растительное царство явилось какъ бы противовѣсомъ животному по отношенію къ атмосферѣ. Эта первая часть открытій Ингенгуза ознакомила насъ съ условіями того, исключительно растеніямъ свойственнаго процесса, который мы называемъ теперь ассимиляціею, вторая же часть— порча воздуха растеніемъ — представляла открытіе настоящаго дыханія растеній, тожественнаго, какъ оказалось, съ дыханіемъ животныхъ.

Современниками Ингенгуза эти двѣ части его открытій встрѣчены были совершенно различно: первая—съ восторгомъ и завистью, вторая—съ пренебреженіемъ и даже негодованіемъ. Значеніе свѣта для очищенія растеніемъ воздуха не только признано было всѣми, но даже честь этого открытія стали наперерывъ оспаривать у Ингенгуза и другъ его Пристлей, и швейцарскій ученый Сенебье, давно изучавшій вліяніе свѣта на живыя тѣла, и даже соотечественникъ Ингенгуза, амстердамскій аптекарь Барневельдъ, послѣдній при помощи, какъ вскорѣ выяснилось, несомнѣннаго плагіата. Что же касается мнимой порчи воздуха растеніемъ, т. е. настоящаго дыханія, то отъ нея всѣ энергично открещивались какъ отъ преступной ереси и не только отрицали категорически справедливость показаній Ингенгуза, но

видѣли въ нихъ оскорбленіе природы и мудрости Творца. Свѣтъ возбуждалъ всеобщую зависть, потемки же всѣ великодушно предоставляли Ингенгузу. Но это-то пренебреженіе къ потемкамъ и погубило завистниковъ. «Если вы отрицаете порчу воздуха растеніемъ, то доказываете этимъ, что никогда не производили подобнаго опыта, открыть же значеніе свѣта можно было только, сравнивая происходящее на свѣтѣ и въ темнотѣ», такъ возражалъ своимъ противникамъ Ингенгузъ и наука на вѣчныя времена сохранила за нимъ пріоритетъ его открытій во всей ихъ совокупности.

Двойственный характеръ обмѣна газовъ въ растеніи, установленный Ингенгузомъ, долгое время подавалъ въ наукѣ поводъ къ весьма неудобной, сбивчивой терминологіи. Разумѣя подъ именемъ дыханія всякій обмѣнъ газовъ живого тѣла съ окружающею средою, одни говорили, что растеніе дышитъ прямо противоположно животному, другіе, признававшіе открытую Ингенгузомъ способность растенія портить воздухъ, различали въ растеніи двоякое дыханіе—«дневное» и «ночное», первое—обратное животному дыханію, второе—сходное съ послѣднимъ. Термины эти даже въ то время представлялись неудачными. «Дневное» дыханіе, очищающее воздухъ, дѣйствительно происходитъ только днемъ, когда свѣтло, но не во всемъ растеніи, а лишь въ зеленыхъ его частяхъ, «ночное» же дыханіе, портящее воздухъ, совершается не только ночью; всѣ незеленыя части растенія, а также растенія, совершенно лишенныя зеленаго вещества (какъ, напр., грибы), портятъ своимъ дыханіемъ воздухъ безразлично, какъ днемъ, такъ и ночью. Кромѣ того, наука мало-по-малу должна была придти къ заключенію, что даже въ зеленыхъ органахъ, когда падаетъ на нихъ свѣтъ, «ночное» дыханіе продолжается своимъ чередомъ и только замаскировывается несравненно болѣе энергичнымъ обратнымъ процессомъ, который возбуждается свѣтомъ. Такимъ образомъ, «ночное» дыханіе оказывается процессомъ, происходящимъ въ растеніи повсемѣстно и совершенно независимо отъ цвѣта и свѣта. Лишь съ шестидесятыхъ годовъ нашего столѣтія терминъ «дыханіе» пріурочивается, и, безъ сомнѣнія, навсегда, исключительно къ этому бывшему «ночному» дыханію; съ этихъ поръ растеніе дышитъ совершенно такъ же, какъ и животное.

И такъ, дыханіе растеній было открыто еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Юному ученію пришлось пережить, однако, уже въ нашемъ вѣкѣ два кризиса. Въ 1840 г. никто другой, какъ знаменитый Либихъ со свойственнымъ ему жаромъ напалъ на ученіе о растительномъ дыханіи. Подобно современникамъ Ингенгуза, онъ считалъ нелѣпостью, чтобы организмъ, очищающій воздухъ,

могъ въ то же время его и портить. Не отрицая выдѣленія растеніемъ углекислоты, Либихъ утверждалъ однако, что эта углекислота не приготовляется самимъ растеніемъ, а получается имъ готовою изъ почвы, вмѣстѣ съ водою, всасываемою корнями. Такимъ образомъ растеніе играло роль простого проводника углекислаго газа изъ почвы въ атмосферу и жизненный процессъ дыханія сводился къ мало интересному, чисто физическому процессу диффузіи газовъ. То было печальное заблужденіе, непонятная аберрація геніальнаго ума. Не требовалось никакихъ новыхъ опытовъ, достаточно было пересмотрѣть уже имѣвшуюся литературу вопроса, чтобы придти къ убѣжденію въ полнѣйшей несостоятельности объясненія Либиха.

Совершенно иного рода былъ второй кризисъ. Въ 1887 году нѣмецкій ботаникъ-физіологъ Рейнке возвѣстилъ ученому міру, что въ его лабораторіи открыто «посмертное» дыханіе: убитые нагрѣваніемъ ростки различныхъ растеній, водоросли и пр., продолжаютъ, будто-бы, выдѣлять по-прежнему углекислоту съ поглощеніемъ кислорода въ теченіе цѣлыхъ сутокъ и болѣе послѣ своей смерти. Существованіе дыханія здѣсь не отрицалось, какъ у Либиха, но процессъ этотъ сводился къ химической реакціи, только сопровождающей жизнь, но не связанной съ нею тѣсно, вполнѣ отъ нея отдѣлимой: дышитъ даже завѣдомый трупъ,—жизнь угасла, а дыханіе еще продолжается. Однако, и эта вторая попытка развѣнчать дыханіе, лишить его жизненнаго характера окончилась полною неудачею. Съ разныхъ сторонъ почти одновременно было вскорѣ показано, что оригинальный выводъ Рейнке былъ результатомъ крупнаго недосмотра. Въ первые часы, непосредственно слѣдующіе за смертью растенія, никакого отдѣленія углекислоты не замѣчается, дыханіе прекратилось вмѣстѣ съ жизнью; лишь нѣсколько времени спустя наступаетъ подмѣченное Рейнке и неправильно истолкованное имъ явленіе, да и оно, повидимому, носитъ жизненный характеръ, вызываясь, подобно гніенію, мельчайшими живыми существами—бактеріями.

Въ тожествѣ дыхательнаго процесса растеній и животныхъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Сходство отнюдь не ограничивается тѣмъ, что въ обоихъ случаяхъ поглощается кислородъ и выдѣляется углекислота. И тамъ, и здѣсь, какъ показали строгіе опыты, вмѣстѣ съ углекислотою образуется вода; въ обоихъ случаяхъ дыхательный процессъ связанъ съ саморазрушеніемъ организма, потерею въ вѣсѣ и, какъ процессъ окислительный, влечетъ за собою развитіе тепла; въ растеніяхъ только труднѣе подмѣтить самонагрѣваніе, вызываемое дыханіемъ, вслѣдствіе

большой поверхности, свойственной обыкновенно растительному организму и сравнительно малой интензивности дыханія. Въ обоихъ случаяхъ энергія дыханія сообразуется съ наличнымъ количествомъ запасовъ въ организмѣ: сытый организмъ дышитъ гораздо сильнѣе голоднаго; по мѣрѣ истощенія своихъ запасовъ и животное, и растеніе, все бережнѣе и бережнѣе расходуетъ ихъ для поддержанія жизни. Тотъ или другой химическій характеръ этихъ запасовъ совершенно одинаково отражается на количественныхъ отношеніяхъ между поглощаемымъ кислородомъ и выдѣляемою углекислотою: ростки, развивающіеся изъ мучнистыхъ сѣмянъ, дышатъ подобно животному, получающему въ пищѣ углеводы, маслянистыя сѣмена своимъ дыханіемъ напоминаютъ животныхъ, питающихся жиромъ. Наконецъ, въ обоихъ царствахъ природы большее или меньшее содержаніе кислорода въ окружающей средѣ, въ довольно широкихъ предѣлахъ, не вліяетъ на интензивность дыхательнаго процесса.

Тѣсная связь, обнаруживающаяся между дыханіемъ и жизнью, какъ въ растеніи, такъ и въ животномъ, порождаетъ любопытный вопросъ: возможно ли совершенно остановить всѣ жизненные процессы въ живомъ тѣлѣ, въ томъ числѣ и дыханіе, не уничтожая, однако, способности къ жизни, можетъ ли организмъ, переставшій дышать, вернуться снова къ жизни при какихъ бы то ни было условіяхъ? Другими словами, можно ли жизненную энергію переводить, такъ сказать, изъ состоянія кинетическаго въ потенціальное? Категорически отвѣтить на этотъ вопросъ въ настоящее время нельзя. На первый взглядъ кажется, будто сама природа отвѣчаетъ на него и притомъ утвердительно. Какъ въ животномъ, такъ и въ растительномъ царствѣ встрѣчаются многочисленные случаи, когда жизнь, ничѣмъ, повидимому, не проявляясь, существуетъ лишь въ видѣ возможности. Таковы, напримѣръ, всѣмъ извѣстныя растительныя сѣмена: годами могутъ лежать они, не обнаруживая никакихъ признаковъ жизни, и только, будучи поставлены въ извѣстныя условія, будучи, напримѣръ, смочены, они проростаніемъ своимъ доказываютъ намъ свою жизненность. Однако, любопытныя изслѣдованія французскаго ботаника фанъ-Тигема показали, что покой сухого сѣмени только кажется абсолютнымъ: жизнь здѣсь не погашена совершенно, она только притаилась и, пока существуетъ въ сѣмени способность къ проростанію, выражается очень слабымъ дыханіемъ сѣмени; дыханіе это едва уловимо, но оно существуетъ. Покоющееся сѣмя, такимъ образомъ, напоминаетъ сурка въ состояніи зимней спячки: онъ не питается, не ростетъ, не размножается, но онъ дышитъ,

дышитъ въ 30 разъ слабѣе нормальнаго, но все-таки дышитъ. Точно также продолжаютъ поддерживать слабый процессъ дыханія картофельные клубни, напримѣръ, всю зиму не трогающіеся въ ростъ, почки деревьевъ и т. п. Вездѣ покой въ живыхъ тѣлахъ оказывается не абсолютнымъ; огонекъ жизни не погашенъ, а только ослабленъ, чуть теплится онъ, обнаруживаясь едва замѣтнымъ дыханіемъ, выжидая измѣненія условій, чтобы снова разгорѣться въ очевидныхъ проявленіяхъ жизни. И, тѣмъ не менѣе, я не рѣшаюсь отвѣтить категорически отрицательно на поставленный выше вопросъ о возможности полнаго подавленія жизни, не вызывая смерти. Есть растенія, особенно изъ низшихъ, есть животныя, и даже животныя съ очень сложною организаціею, напримѣръ, нѣкоторые черви и даже паучки, которыхъ можно высушивать и въ такомъ состояніи, въ видѣ мумій, сохранять, повидимому, неопредѣленно долгое время; будучи смочены, они быстро возвращаются къ жизни. Другое средство, которымъ удается подавить проявленіе жизни, часто не уничтожая возможности къ ней—пониженіе температуры: замерзшее, промерзшее насквозь растеніе нерѣдко можно вернуть къ жизни оттаиваніемъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній о внутреннемъ состояніи высушенныхъ и замороженныхъ организмовъ. На основаніи того, что было сказано относительно нормально покоющихся частей и на основаніи того несомнѣннаго факта, что дыханіе совершается даже при температурахъ ниже 0°, позволительно думать, что и въ этихъ случаяхъ жизнь подавлена не вполнѣ и продолжаетъ выражаться, какъ въ сухихъ сѣменахъ, очень ослабленнымъ дыханіемъ *).

Но изученіе растительной жизни не только повело къ открытію и въ этихъ организмахъ процесса, тожественнаго съ дыханіемъ животныхъ; оно привело еще къ неожиданному и существенному расширенію самаго понятія о дыханіи, къ открытію, если можно такъ выразиться, его суррогатовъ. Изслѣдованія показали, во первыхъ, что дыханіе или, вѣрнѣе, выдѣленіе углекислоты, въ особенности у растеній, далеко не такъ тѣсно связано съ присутствіемъ кислорода въ окружающей средѣ, какъ то можно было предполагать, видя, какъ быстро задыхается животное въ атмосферѣ, лишенной кислорода. Въ высшей степени замѣчательно, что растеніе при этихъ условіяхъ хотя и пере-

---

*) Новѣйшіе опыты К. Декандоля надъ вліяніемъ очень низкихъ температуръ на покоющіяся сѣмена сдѣлали довольно вѣроятною возможность полной остановки дыханія безъ прекращенія способности къ жизни.

Прим. автора.

стаетъ расти, но часто долгое время еще продолжаетъ выдѣлять углекислоту, почерпая не только углеродъ, но и кислородъ въ веществѣ собственнаго тѣла. Пока продолжается такое дыханіе безъ свободнаго кислорода, получившее названіе внутремолекулярнаго дыханія, организмъ сохраняетъ еще способность къ жизни и на свѣжемъ воздухѣ можетъ снова начать расти. Наукѣ удалось анализировать ближе это любопытное явленіе. Мы знаемъ теперь, что при этихъ условіяхъ исчезаетъ изъ организма сахаръ, а появляется вещество, никогда при нормальныхъ условіяхъ въ растеніяхъ не встрѣчающееся, появляется спиртъ. То, что мы называемъ внутремолекулярнымъ дыханіемъ, сводится, въ сущности, къ давно извѣстному процессу спиртового броженія. Если почему-либо, напримѣръ, за отсутствіемъ подходящаго вещества, растеніе оказывается неспособнымъ къ этому, то въ безкислородной средѣ оно не выдѣляетъ вовсе углекислоты и мгновенно задыхается. Такимъ образомъ, спиртовое броженіе является какъ бы суррогатомъ дыханія, позволяющимъ организму при исключительно неблагопріятныхъ условіяхъ сохранить если не самыя проявленія жизни, то хоть способность къ нимъ. Время не позволяетъ мнѣ останавливаться долго на этомъ предметѣ. Замѣчу только, что явленіе, о которомъ идетъ рѣчь, имѣетъ огромное теоретическое значеніе. Оно возбудило вопросъ, не слѣдуетъ ли радикально измѣнить наши воззрѣнія на нормальное дыханіе, не слѣдуетъ ли въ выдѣленіи углекислоты видѣть не слѣдствіе, а, напротивъ, причину поглощенія кислорода. Въ настоящее время отношеніе внутремолекулярнаго дыханія къ нормальному еще далеко не выяснено, оно продолжаетъ дѣятельно обсуждаться въ ученой литературѣ и отъ дальнѣйшихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи мы вправѣ ожидать весьма важныхъ разоблаченій. Интересъ дѣла еще усиливается тѣмъ, что выдѣленіе углекислоты въ отсутствіи кислорода извѣстно и для животнаго организма: оно давно установлено, напримѣръ, для лягушки, которая, по крайней мѣрѣ, при низкой температурѣ способна цѣлыми часами, подобно растенію, переносить лишеніе кислорода, не теряя способности къ жизни. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ въ этомъ случаѣ источника выдѣляемой организмомъ углекислоты, не знаемъ, происходитъ ли здѣсь, какъ въ растеніяхъ, процессъ спиртового броженія. Въ вопросѣ о жизни безъ кислорода физіологія растеній опередила физіологію животныхъ.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ спиртовое броженіе является для растеній лишь средствомъ сохраненія способности къ жизни въ случаѣ недостатка кислорода. На низшихъ ступе-

няхъ растительной жизни существуютъ, однако, организмы, настолько свыкшіеся съ лишеніемъ кислорода, что при этихъ условіяхъ не только вызываютъ спиртовое броженіе, несравненно болѣе энергичное, чѣмъ то, которое разыгрывается въ тканяхъ высшихъ растеній, но даже растутъ и размножаются; свободный кислородъ становится для нихъ какъ бы роскошью, хотя они вполнѣ способны имъ пользоваться, поддерживая типичное нормальное дыханіе. Таковы грибы, называемые дрожжами. То, что для другихъ организмовъ является процессомъ патологическимъ, болѣзненнымъ, къ которому они прибѣгаютъ лишь въ послѣдней крайности, стало для этихъ бродильныхъ грибковъ, можно сказать, нормою. Къ нимъ-то мы и прибѣгаемъ для полученія на практикѣ спиртовыхъ напитковъ.

Но этого мало. Среди мельчайшихъ организмовъ, извѣстныхъ подъ именемъ бактерій, существуютъ формы, для которыхъ кислородъ, столь необходимый для поддержанія жизни всѣхъ прочихъ животныхъ существъ, оказывается какъ бы ядомъ; онѣ могутъ существовать лишь въ его отсутствіи или въ сообществѣ другихъ бактерій, жадно его перехватывающихъ. Открытіе этой оригинальной, но еще очень мало изученной *анаэробной* жизни, какъ ее называютъ, жизни безъ воздуха, безъ кислорода, составляетъ одну изъ крупнѣйшихъ заслугъ знаменитаго Пастёра. Имѣя въ виду существованіе подобныхъ анаэробныхъ организмовъ, можно сказать, что выдѣленіе углекислоты составляетъ болѣе постоянный признакъ дыханія, чѣмъ поглощеніе кислорода, такъ какъ углекислоту выдѣляютъ даже организмы, обходящіеся безъ свободнаго кислорода; необходимый для образованія углекислоты кислородъ они заимствуютъ въ связанномъ видѣ изъ окружающей среды или изъ веществъ собственнаго своего тѣла.

Но и этого мало. Повидимому, даже выдѣленіе углекислоты не связано неразрывно съ понятіемъ о жизни вообще. Любопытныя изслѣдованія Виноградскаго (съ особымъ удовольствіемъ произношу я въ этомъ краткомъ очеркѣ русское имя) показали, что существуютъ организмы изъ той же группы бактерій, для которыхъ источникомъ жизненной энергіи служитъ не окисленіе органическихъ веществъ собственнаго ихъ тѣла съ развитіемъ углекислоты, а окисленіе веществъ окружающей мертвой природы. Таковы своеобразныя бактеріи, живущія въ сѣрныхъ источникахъ. Содержащійся въ послѣднихъ сѣроводородъ, губительный для всѣхъ прочихъ организмовъ, составляетъ для этихъ бактерій необходимое условіе ихъ существованія; поглощая свободный кислородъ, подобно громадному большинству живыхъ существъ, они

направляютъ его не на вещества, изъ которыхъ строится собственное ихъ тѣло, а на сѣроводородъ, окисляя его сначала въ сѣру, а затѣмъ и еще далѣе—въ сѣрную кислоту. Таковы же нѣкоторыя изъ бактерій почвы, производящія окисленіе амміака въ азотистую и азотную кислоты. Всѣ эти организмы требуютъ для поддержанія своей жизни поразительно малыхъ количествъ питательнаго органическаго вещества, такъ какъ употребляютъ его исключительно на построеніе своего тѣла, не расходуя его на поддержаніе дыхательнаго процесса.

И такъ, изученіе растительной жизни къ обычному типу дыханія, выражающемуся въ поглощеніи кислорода и выдѣленіи углекислоты, прибавило нѣсколько новыхъ типовъ, указало на возможность дыханія безъ всякаго поглощенія кислорода и даже безъ выдѣленія углекислоты. Что же общаго между этими различными типами? Общая, всѣмъ имъ свойственная черта заключается въ слѣдующемъ: будутъ ли это реакціи прямого окисленія, или расщепленія, совершающіяся безъ участія свободнаго кислорода, во всѣхъ случаяхъ изъ соединеній болѣе горючихъ получаются соединенія менѣе или вовсе не горючія, что, согласно закону сохраненія энергіи, связано съ развитіемъ живой силы; запасенная, потенціальная энергія превращается въ активную, кинетическую. Процессъ дыханія, въ чемъ бы онъ ни состоялъ, является такимъ образомъ для живого тѣла источникомъ дѣйствующихъ въ немъ силъ, источникомъ тепла, механическаго движенія, въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ даже источникомъ свѣта, испускаемаго организмомъ. Съ этой точки зрѣнія дыханіе имѣетъ въ живомъ тѣлѣ такое же значеніе какъ сожиганіе топлива въ любой машинѣ.

Но если мы понимаемъ общее значеніе дыхательнаго процесса, понимаемъ, такъ сказать, его цѣлесообразность, то въ правѣ ли мы утверждать въ настоящее время, что наукѣ удалось свести дыханіе къ простому химизму. Нерѣдко слышимъ мы эту фразу; не далѣе, какъ на-дняхъ читалъ я ее произнесенною изъ компетентныхъ устъ одного изъ выдающихся представителей у насъ растительной физіологіи, произнесенною съ особымъ удареніемъ, съ оттѣнкомъ гордости по поводу блестящаго завоеванія науки. Но... дѣйствительно ли это такъ? Раскроемъ только-что появившійся въ свѣтъ учебникъ ботаники Страсбургера и другихъ профессоровъ Боннскаго университета и прочтемъ въ немъ слѣдующія строки: «Растеніе, слѣдовательно, дышитъ не потому, что кислородъ воздуха дѣйствуетъ на него разлагающимъ (окисляющимъ) образомъ; наоборотъ: лишь въ силу внутренней потребности къ дыханію растеніе вовлекаетъ въ совершающійся въ немъ обмѣнъ веществъ кислородъ

воздуха. Дыханіе, слѣдовательно, подобно питанію и росту, является выраженіемъ своеобразной жизненной дѣятельности протоплазмы». Таковъ безпристрастный приговоръ современной науки. Дыханіе есть жизненный актъ, наравнѣ съ питаніемъ и ростомъ. И дѣйствительно, мнѣ кажется, нужно предъявлять къ наукѣ необычайно скромныя требованія, чтобы отвѣчать утвердительно на вопросъ, удалось ли свести дыханіе къ простому химизму. Геній Лавуазье далъ намъ блестящую общую схему дыхательнаго процесса, объясняющую общій результатъ, итогъ дыханія, а великій законъ сохраненія энергіи окончательно выяснилъ значеніе этого итога для жизни. Дыханіе (предполагая наиболѣе распространенный, нормальный типъ его) уподобляется горѣнію: организмъ дышитъ, какъ горитъ свѣча, какъ горятъ дрова въ печи, и это горѣніе служитъ источникомъ жизненной энергіи въ организмѣ. Мы можемъ указать и самый горючій матеріалъ: при дыханіи исчезаютъ такія вещества, какъ крахмалъ, сахаръ, жиръ. Всѣ эти вещества мы можемъ сжечь и безъ всякаго участія живого тѣла и они разовьютъ буквально то же количество тепла, или вообще энергіи, какое даютъ и въ организмѣ. Но какъ только мы отъ общаго итога процесса переходимъ къ способу его осуществленія, такъ мы наталкиваемся на непреодолимыя до сихъ поръ затрудненія. Пробудить силу, дремлющую въ горючемъ матеріалѣ, безъ посредства живого тѣла мы можемъ только путемъ сожженія, прибѣгая къ такой высокой температурѣ, которая совершенно несовмѣстима съ понятіемъ о жизни, прибѣгая къ огню—злѣйшему врагу жизни. Въ живомъ тѣлѣ тѣ же самыя вещества разрушаются при поразительно низкой температурѣ; ее можно понизить, какъ мы видѣли, даже ниже нуля. Наука не могла не сознать этого громаднаго различія. Она пыталась обойти это затрудненіе, предположивъ, что въ организмахъ дѣйствуетъ не обыкновенный кислородъ, а болѣе активная его форма, извѣстная подъ именемъ озона, или иной сильный окислитель, вродѣ перекиси водорода. Однако, самыя тщательныя изслѣдованія въ этомъ направленіи привели къ отрицательному результату. Нѣтъ, въ организмахъ нѣтъ ни озона, ни перекиси водорода,—въ нихъ дѣйствуетъ обыкновенный кислородъ воздуха. Пришлось искать другого объясненія. Но здѣсь мы вступаемъ въ туманную область гипотезъ, разсмотрѣніе которыхъ завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Достаточно сказать, что мы и въ настоящее время не знаемъ съ достовѣрностью, какое вещество въ организмѣ служитъ непосредственнымъ источникомъ развиваемой при дыханіи углекислоты: многіе думаютъ, что крахмалъ, сахаръ и жиръ участвуютъ въ этомъ процессѣ лишь косвенно, служа для

возстановленія безпрерывно разлагающихся бѣлковыхъ веществъ организма. Точно также не знаемъ мы, служитъ ли вдыхаемый кислородъ импульсомъ къ развитію углекислоты, или, наоборотъ, развивающаяся, въ силу непонятнаго внутренняго импульса, углекислота вызываетъ, какъ слѣдствіе, поглощеніе кислорода. Спрашивается, можно ли при такомъ состояніи вопроса утверждать, что процессъ дыханія наукѣ удалось свести къ простому химизму? Хорошъ химизмъ, въ которомъ мы съ недоумѣніемъ останавливаемся на первомъ же членѣ гипотетическаго уравненія! Нѣтъ, наукѣ еще не удалось воплотить въ реальную, осязательную форму общую схему дыхательнаго процесса, данную слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ Лавуазье, еще не удалось лишить дыханіе его жизненнаго ореола. Вѣрный спутникъ жизни все еще остается загадочнымъ, какъ сама жизнь.

Не безъ намѣренія повторилъ я нѣсколько разъ слово «еще». Далека отъ меня мысль утверждать, что неудавшееся намъ до сихъ поръ, не удастся и впредь, не удастся никогда. Не сыну девятнадцатаго вѣка брать на себя неблагодарную роль пророка. Достаточно бѣглаго взгляда на путь, пройденный естествознаніемъ въ нашемъ столѣтіи,—путь, отмѣченный дѣйствительно блестящими завоеваніями человѣческаго ума, чтобы потерять всякую охоту къ подобнымъ отрицательнымъ пророчествамъ. «Никогда не узнаемъ мы химическаго состава небесныхъ свѣтилъ», говорила простая, до очевидности, логика; но явился спектральный анализъ и невозможное осуществилось. «Никогда не узнать намъ скорости, съ которою передается раздраженіе по нервамъ», съ грустью восклицалъ великій физіологъ Іоганнъ Мюллеръ; прошло лишь нѣсколько лѣтъ и скорость эта была опредѣлена. Но именно въ виду такихъ несомнѣнныхъ, блестящихъ заслугъ мнѣ кажется несовмѣстнымъ съ достоинствомъ науки приписывать ей еще заслуги фиктивныя.

Нужно ли прибавлять, что ничего унизительнаго для науки въ сознаніи, что ей не удалось свести дыханіе жизни къ простому химизму, нѣтъ. Достаточно вспомнить, какъ молода наша наука. Надняхъ, можно сказать, хоронили въ Саратовѣ человѣка, родившагося вмѣстѣ съ кислородомъ. Сто съ небольшимъ лѣтъ! Громадный, почти недосягаемый срокъ въ жизни отдѣльнаго человѣка,—мгновеніе въ жизни человѣчества! Длинною, нескончаемою вереницею рисуются въ воображеніи эти надвигающіяся столѣтія будущаго. Это не тѣ безчисленные, темные вѣка далекаго прошлаго, когда земля еще не озарялась лучемъ сознанія, не тѣ болѣе близкіе къ намъ, уже историческія столѣтія, когда человѣкъ, подавленный мощью внѣшняго міра, лишь робко присматривался къ явленіямъ

природы; это вѣка, подобные истекающему, когда, въ полномъ сознаніи мощности духа, гнѣздящагося въ слабомъ тѣлѣ, человѣкъ примѣнилъ къ изслѣдованію окружающаго міра могущественнѣйшее орудіе—опытъ. Завидовать ли намъ грядущимъ поколѣніямъ? Безъ сомнѣнія, они будутъ знать больше, гораздо, неизмѣримо больше насъ, а все же каждое изъ нихъ будетъ въ такомъ же положеніи, въ какомъ находимся и мы: каждому знаніе уже пріобрѣтенное будетъ казаться ничтожною крупицею сравнительно съ предстоящимъ и желательнымъ. «Но» пока на землѣ дышитъ человѣкъ, не угаснетъ въ немъ святая жажда знанія,—она вдунута въ него вмѣстѣ съ дыханіемъ жизни.

УЗЫ.

Новелла Элизы Ожешковой.

(Переводъ съ польскаго).

Снѣгъ, покрывающій улицы и крыши домовъ, началъ понемногу сѣрѣть въ раннихъ зимнихъ сумеркахъ. Окна громаднаго, красиваго дома засвѣтлѣли блестящими огнями. На ихъ золотистомъ фонѣ обрисовались фестоны занавѣсокъ, показались стройныя, изящныя основанія лампъ, группы растеній и колеблющіяся тѣни людскихъ фигуръ.

Когда на улицѣ затихалъ грохотъ колесъ, изъ этихъ оконъ черезъ двойныя рамы долетали слабые звуки фортепьянной игры (Можно было легко угадать, что тамъ веселятся, что, вставши изъ за обѣденнаго стола, наслаждаются музыкой и незамѣтно проводятъ время въ разговорѣ).

Около воротъ стояло нѣсколько экипажей въ прекрасной упряжкѣ и съ кучерами въ ливреяхъ; одни изъ нихъ дремали, свѣсивши головы, другіе хлопали себя иззябшими руками по плечамъ и бокамъ. Но вотъ изъ воротъ выбѣжалъ лакей во фракѣ и велѣлъ имъ ѣхать домой. Колеса заскрипѣли по снѣгу, кареты цѣпью покатились въ глубь улицы, гдѣ теперь между сѣрѣющимъ снѣгомъ и еще голубоватымъ небомъ начали мало-по-малу зажигаться два ряда фонарей.

Потомъ улица затихла; иногда только пролетали одиночныя санки; на бѣлые тротуары изъ оконъ магазиновъ падали неподвижные снопы лучей свѣта, а въ этихъ лучахъ по одиночкѣ либо цѣлыми группами двигались профили прохожихъ.

Въ это время изъ воротъ освѣщеннаго дома вышелъ мужчина; его сѣдая борода была похожа на хлопокъ снѣга, положенный ему на грудь. Мѣховое пальто съ дорогимъ воротникомъ плотно облегало его довольно высокую фигуру съ плечами, немного сгорбленными; края мѣховой шапки касались золотой оправы очковъ. Его

одежда, движенія, даже манера, съ какой онъ натягивалъ перчатки, обличали въ немъ человѣка, принадлежащаго къ высшему слою общества. У него была сѣдая борода, сгорбленныя плечи, на глазахъ очки, но съ этими признаками старости не мирилась торопливая походка, какою онъ шелъ по бѣлому тротуару. Въ этой походкѣ, а также въ нѣсколькихъ жестахъ, сдѣланныхъ имъ, видно было нетерпѣніе, нѣчто похожее на желаніе оставить за собой какъ можно скорѣе домъ, изъ котораго онъ вышелъ.

Всякій разъ, когда салоны его дочери наполнялись шумомъ блестящихъ разговоровъ, легкихъ и пустыхъ, а въ помѣщеніи зятя раскладывались карточные столики, онъ чувствовалъ постоянно какое-то недовольство, тоску, скуку, и по возможности уходилъ изъ ихъ дома, который былъ также и его домомъ.

Или постарѣвши, онъ потерялъ вкусъ къ такъ называемому «свѣту», или свѣтъ отвернулся отъ него? Въ каждомъ изъ этихъ предположеній было много правды. Для него, дѣда взрослыхъ внуковъ, даже отцы и матери семействъ были молодежью. Но вѣдь все же, несмотря на это, можно любить молодежь и быть ею любимымъ?!

Только онъ не совсѣмъ уже понимаетъ жизнь этихъ молодыхъ поколѣній. У него были когда-то идеалы; они служили для него мѣркой при сужденіи о различныхъ людяхъ и событіяхъ. Если приложить эту мѣрку къ его дочери, зятю, внукамъ, то они окажутся не очень велики. Онъ не хочетъ быть несправедливымъ, въ немъ есть отцовская привязанность. Ни дочь и зять, ни внуки и внучки не представляютъ сплошное чернильное пятно. У нихъ есть свои достоинства, прелести, таланты,—только онъ рѣдко можетъ согласиться съ ними въ чемъ-нибудь. У него иные взгляды и вкусы, иныя воспоминанія. Они уснули бы со скуки, если бы онъ началъ разсказывать имъ о томъ, что днемъ и ночью наполняетъ его память. Онъ живетъ съ дочерью и зятемъ въ роскоши, а между тѣмъ жизнь для него тяжела, дни еле-еле тянутся, и онъ приближается къ концу своей жизни почти такъ же медленно, какъ теперь идетъ по тротуару; вышедши поспѣшно изъ воротъ дома, онъ идетъ теперь, едва двигая ногами.

Когда онъ проходитъ тѣми мѣстами, на которыя падаетъ яркій свѣтъ изъ оконъ магазиновъ, видно, какъ на его шеѣ блеститъ бобровый воротникъ, на глазахъ золотая оправа очковъ, въ рукахъ рѣзной шарикъ палки. Но когда онъ входитъ въ пространство, погруженное въ полумракъ, на немъ уже ничего не блеститъ; онъ проходитъ мимо прохожихъ сгорбленный, словно тѣнь, съ хлопкомъ снѣгу, положеннымъ на грудь, и другимъ, свѣшивающимся изъ подъ шапки, надъ шеей.

Но мѣста освѣщенныя становятся все рѣже, и все больше становится мѣстъ, погруженныхъ въ полумракъ. Уличное движеніе слабѣетъ, грохота колесъ совсѣмъ не слыхать, и только иногда-иногда слышится скрипъ санокъ! Даже фонари, кажется, горятъ слабѣе, благодаря болѣе мутнымъ стекламъ; тротуары становятся болѣе узкими, болѣе пустыми; стѣны домовъ низкія, за ихъ окнами хотя и видны свѣчи, но не въ такомъ количествѣ, и нѣтъ совсѣмъ красивыхъ лампъ, пышныхъ вазъ и звуковъ музыки.

Эта часть города гораздо бѣднѣе той, гдѣ находится пышное жилище его и его дѣтей. Здѣсь нѣтъ еще нужды, но бѣдность уже очень близка, и если есть достатокъ, то очень скромный. Скромныя лавочки заняли мѣсто магазиновъ съ громадными вывѣсками и подъѣздами, вывѣски ярко мигаютъ въ слабомъ свѣтѣ у старыхъ воротъ и небольшихъ оконъ, нѣкоторыя изъ нихъ, колеблясь съ каждымъ порывомъ вѣтра, скрипятъ надъ головами прохожихъ.

Вотъ колышется и поскрипываетъ доска, окрашенная въ черный цвѣтъ; на ней изображены большіе, бѣлые, похожіе на старое заплаканное лицо, часы. Полинялые цифры и стрѣлки кажутся морщинами, вырытыми временемъ, а лѣтняя пыль и осенніе дожди образовали на нихъ множество черныхъ точекъ, словно засохшихъ слезъ.

Взоръ стараго господина въ бобровой шубѣ случайно упалъ на эту вывѣску, заколыхавшуюся и заскрипѣвшую слегка съ порывомъ вѣтра. Это было нѣсколько похоже на просьбу, произнесенную жалобнымъ тономъ.—Часы на вывѣскѣ! Часовщикъ!—Очень хорошо. Его часы, кстати, нужно починить. Съ нѣкотораго времени они все опаздываютъ и опаздываютъ, каждый день на двѣ минуты. Онъ самъ постоянно ставитъ ихъ, поправляетъ, подвигаетъ—ничего не помогаетъ. А между тѣмъ, онъ хорошо знакомъ съ этимъ дѣломъ, и всѣ часы, какіе только есть въ домѣ, находятся подъ его исключительнымъ и непосредственнымъ присмотромъ. Но для стараго пріятеля надо прибѣгнуть къ помощи врача. Онъ поднялся на ступеньки, отворилъ дверь лавочки, но, затворивъ ихъ за собою, не сразу отошелъ отъ порога—минуты двѣ онъ стоялъ, весь превращенный въ зрѣніе и слухъ.

Комнатка была маленькая, низенькая, отъ потолка и до полу словно наполненная удивительнымъ шопотомъ, крикливымъ, монотоннымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ неспокойнымъ, скорымъ. Это былъ шопотъ не усиливающійся и не уменьшающійся, но однообразно, не прерываясь ни на минуту, наполняющій комнату снизу до верху. Ничего здѣсь больше не было слышно—ни уличнаго дви-

женія, ни скрипа вывѣсокъ, никакого звука изъ міра живыхъ существъ. Ничего, только отъ потолка до полу, отъ одной стѣны до другой слышенъ былъ разговоръ часовъ, висящихъ на стѣнахъ и говорящихъ другъ съ другомъ множествомъ голосовъ сухихъ и выстукивающихъ: такъ-такъ, такъ-такъ... такъ... такъ...

А въ этомъ шопотѣ разговора, длящагося словно цѣлую вѣчность, у единственнаго окна, около столика, на которомъ горѣла лампа, надъ множествомъ блестящихъ колесиковъ, пружинокъ, крючковъ, сидѣлъ человѣкъ въ длинномъ поношенномъ платьѣ, съ бородой и волосами, похожими на хлопья снѣга. На головѣ была надѣта бархатная ермолка. Въ большихъ очкахъ, съ инструментами въ рукѣ онъ сидѣлъ и работалъ около блестящихъ мелкихъ вещицъ. Лобъ его былъ весь въ морщинахъ, губы толстыя, глубокая дума въ очахъ, блестящихъ серебристой искрой изъ подъ сѣдыхъ бровей и рыжихъ вѣкъ. Должно быть ухо его такъ привыкло къ стукотливому разговору часовъ, что другіе звуки съ трудомъ долетали до него; онъ не слыхалъ, какъ вошелъ посторонній человѣкъ.

Минуту спустя изъ-за этого шопота послышался голосъ громкій, звучный, удивительно живой и свѣжій, закричавшій на всю комнату ку-ку и потомъ мѣрно повторялъ ку-ку! ку-ку! Затѣмъ, послѣ восьми разъ онъ умолкъ, и комнатку снова наполнила шумливая и, не смотря на свою удивительную мѣрность, торопливая, безпокойная бесѣда часовъ.

Старый еврей поднялъ голову, пухлыя губы его растянулись въ блаженную улыбку, взглядомъ, полнымъ довольства, онъ огладѣлся кругомъ и только теперь увидѣлъ пришедшаго, по лицу котораго также разлилась улыбка. Онъ немного привсталъ изъ-за столика, дотронулся пальцами до ермолки и началъ·

— Что вельможный панъ...

Но, замѣтивъ дорогую шубу, золотую оправу очковъ, сгорбленную, но еще видную фигуру, онъ поправился:

— Что угодно ясному пану?

Но ясный панъ, вмѣсто отвѣта, шелъ прямо къ стѣнѣ, гдѣ висѣли часы, и сталъ передъ тѣми, откуда выходилъ голосъ кукушки.

— Откуда у тебя эти часы? Старые!.. Особенно циферблатъ! Откуда они у тебя? Чьи они?

Жида словно что подбросило изъ-за стола, онъ сорвался съ мѣста и черезъ секунду былъ уже рядомъ со старымъ паномъ передъ орѣховымъ высокимъ шкафомъ, изъ котораго выглядывали часы съ кукушкой.

— Чьи это часы? А чьи же они могутъ быть? Они мои. Они принадлежатъ мнѣ, какъ сынъ принадлежитъ отцу, какъ пріятель пріятелю. А ясный панъ думалъ, что эти часы у меня въ починкѣ, что сейчасъ кто-нибудь придетъ и унесетъ ихъ отсюда? Ай, ай! Я бы хватилъ палкой того, кто захотѣлъ бы взять у меня эти часы! Если бы кто взялъ ихъ у меня, я бы поднялъ такой крикъ, что сбѣжались бы люди и прогнали бы того, кто вздумалъ бы отнимать у меня эти часы, потому что они мои.

Онъ говорилъ живо, пылко, и вмѣстѣ съ тѣмъ плутовски улыбаясь, но вдругъ замолчалъ и почтительно сталъ смотрѣть на гостя, который, не обращая на него вниманія, съ поднятой головой, съ немного открытымъ ртомъ, вглядывался въ часы. Вдругъ гость закричалъ:

— Дай-ка скамейку, да лампу, мнѣ не видно пейзажа на циферблатѣ. Вижу, что пейзажъ есть, но не могу разсмотрѣть какой.

При послѣднихъ словахъ онъ всталъ на скамейку, поданную жидомъ, и сдѣлалъ это такъ порывисто, какъ будто бы онъ никогда до этого времени не ходилъ волоча ноги.

— Давай лампу!—закричалъ онъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, ясный панъ.

И говоря эти слова, старый жидъ съ лампой въ рукѣ очутился около гостя на другой пододвинутой скамейкѣ.

— Женева!—закричалъ старый панъ,—такъ, такъ! швейцарская фабрика, не знаешь какая?

— Почему же мнѣ не знать? Развѣ я могу чего-нибудь не знать о нихъ?

Онъ торжественно назвалъ фабрику, уже давно не существующую.

— Это была такая фабрика, какой уже на свѣтѣ нѣтъ.

— Правда, что такой фабрики уже нѣтъ на свѣтѣ. А какъ они заводятся?

Старый жидъ, словно вытряхнувъ ключъ изъ рукава, уже держалъ его въ рукѣ. А на самомъ дѣлѣ онъ вынулъ его изъ тайника, находящагося въ шкафѣ.

— Вотъ они какъ заводятся! видитъ ясный панъ? Какъ это хорошо, что я ихъ сегодня еще не заводилъ. Теперь я могу показать ясному пану. Ай, ай! такой старый ключъ, а идетъ, какъ по маслу.

— Такъ! Ага! А я думалъ, что они заводятся съ той стороны. Такіе часы...

— Ясный панъ ошибается, такіе часы не заводятся никогда съ той стороны; это совсѣмъ другіе, которые заводятся съ той стороны. А теперь я покажу ясному пану эти карнизцы... Ясный

панъ видитъ, какая это изящная работа и какая это рѣзьба и позолота...

— Empire,—прошепталъ старый панъ.

— Ампиръ! ха! ха! ха! По совѣсти, ясный панъ знаетъ толкъ въ часахъ, словно часовщикъ! Настоящіе ампиръ! Скоро имъ уже сто лѣтъ.

— Постой, постой, а что это за пружина?

— Ну, это такая пружина, что какъ я ее нажму, такъ сейчасъ изъ часовъ вылетитъ птичка, захлопаетъ крыльями и начнетъ кричать.

— Ага! правда, я разъ видѣлъ такую вещь.

— Если ясный панъ видѣлъ одинъ разъ, то я ему покажу другой разъ.

Они стояли на скамейкахъ другъ возлѣ друга; фигуры ихъ очень отличались одна отъ другой, потому что хозяинъ былъ болѣе худъ и низокъ. Свѣтъ лампы, которую жидъ держалъ въ высоко-поднятой рукѣ, падалъ на оба лица съ чертами, не похожими другъ на друга, но покрытыя одинаково большимъ количествомъ морщинъ. У обоихъ были очки на глазахъ, съ одинаково-блаженнымъ видомъ смотрящихъ пристально на часы, когда надъ ихъ сѣдыми головами и покрытыми морщинами лицами изнутри часовъ, благодаря нажатой пружинѣ, вылетѣла металлическая птичка, захлопала крыльями и звучнымъ, свѣжимъ голосомъ начала на всю комнату кричать: ку-ку, ку-ку. Жидъ первый слѣзъ со скамейки и помогъ гостю сдѣлать то же самое; затѣмъ, забывая поставить лампу на столъ, онъ снова смотрѣлъ на него.

— Съ позволенія яснаго пана,—прошепталъ онъ несмѣло,—можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, мои старые глаза узнали пана.

— Подожди, подожди,—съ живостью сказалъ старый панъ.—Я тоже что-то припоминаю. Видалъ я тебя, что ли, когда-нибудь?

— Ясный панъ—графъ Ксаверій изъ Струменицы?

— Ну, а ты? Я не могу припомнить...

— Я Берка, сынъ Шимшеля, что въ Струменицѣ держалъ аренду.

— Берка! Не можетъ быть! Но я же тебя превосходно помню. Ты былъ моделью для какого-то рисунка моей сестры.

Жидъ утвердительно кивнулъ головой и поставилъ лампу на столъ, потому что у него начали дрожать руки. Онъ вытащилъ изъ угла старое кресло съ впавшимъ сидѣньемъ и надломленной ручкой, приглашая гостя сѣсть. Онъ чмокалъ губами, смѣялся, рыжія рѣсницы быстро моргали подъ сѣдыми бровями, какъ

будто онъ боялся ослѣпнуть. Наконецъ, онъ усѣлся, и сталъ всматриваться въ гостя, издавая неопредѣленные звуки, въ которыхъ можно было замѣтить и радость и удивленіе. Но и старый панъ глядѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Не можетъ быть! Ты—Берка!—тотъ Берка, съ вьющимися золотистыми волосами, съ лицомъ румянымъ, какъ у дѣвочки, съ глазами, похожими на бирюзу? Моя сестра пользовалась тобою, какъ моделью для какой-то фигуры на картинѣ, потомъ ты часто приходилъ къ намъ въ домъ... Неужели это ты?

— Я... я самый, ясный панъ. А ясный панъ—тотъ паничъ, что не иначе входилъ на лѣстницу струменицкаго дворца, какъ перепрыгивая черезъ четыре ступеньки? Когда меня рисовала молодая графиня, а ясный графъ Ксаверій входилъ въ ту комнату, гдѣ были мы, то словно туда входило солнце. Ай, ай, развѣ я не помню, какъ ясный панъ Ксаверій ѣздилъ на конѣ, и какъ танцовалъ съ барышнями! Сколько бы ни ѣхало на коняхъ паничей, онъ всѣхъ перегонялъ, и сколько бы ни было барышень, всѣ только съ нимъ и хотѣли танцовать. Я все это видѣлъ, стоя у забора, либо у оконъ дворца.

— Да, да...—заговорилъ графъ,—я тебя дѣйствительно лучше всего помню стоящимъ около забора на дворѣ, либо въ огородѣ и смотрящимъ на все наивными глазами, полными любопытства и какого-то довольства. Не разъ мы говорили съ сестрой о тебѣ, что ты смотришь такъ, какъ будто бы восхищаешься всѣмъ міромъ и не можешь вдоволь ему нарадоваться...

Жидъ тихонько засмѣялся.

— А ясный панъ развѣ не радовался тогда всему міру?

Графъ задумался и вздохнулъ.

— Естественно,—отвѣчалъ онъ,—молодость. Мы оба были тогда моложе, мой Берка.

Не сводя глазъ съ пана, жидъ снова тихо спросилъ:

— А теперь?

— Теперь! Что же? Теперь мы оба стали стариками.

Жидъ оперся руками въ колѣна, опустилъ глаза въ землю, сгорбился, съежился.

— Цы, цы!—чмокалъ онъ,—почему же бы намъ не состарѣться вмѣстѣ, если мы вмѣстѣ были молодыми? У каждаго человѣка на свѣтѣ, жидъ ли онъ, христіанинъ ли, большой ли, маленькій ли, есть молодость, есть и старость... и для каждаго молодость—радость, а старость—такое горе, отъ котораго уже до гроба нельзя избавиться. У каждаго это есть...

Онъ замолчалъ. Графъ молчалъ также и только часы на стѣнахъ

сухо, неспокойно шептали: такъ-такъ, такъ-то-такъ, такъ-то-такъ... Одни изъ нихъ начали глубокимъ басомъ выбивать время: разъ, два, три! Но едва пробило три, какъ отозвались другіе, и тонко зазвонили: разъ, два! При шестомъ ударѣ звонило уже трое часовъ, а при седьмомъ ихъ было уже больше шести. Семь, восемь, девять они прозвонили хоромъ, затѣмъ снова звучали только три или два голоса, отмѣчая девятый часъ. Графъ съ улыбкой оглядывался кругомъ.

— Концертъ,—прошепталъ онъ, а потомъ задумчиво прибавилъ:—Берка, сколько уже часовъ пробило время для тебя и для меня?

— Ну,—отвѣчалъ жидъ,—почему же ему и не пробить? Мы были далеко другъ отъ друга, и не видались никогда и забыли другъ о другѣ, а время шло на часахъ, и какой бы часъ ни било, било одинаково и для яснаго пана, и для меня, потому что оно для всѣхъ одинаково выбиваетъ часы...

Онъ немного помолчалъ, потомъ, поднимая глаза на гостя, началъ несмѣло:

— Знаетъ ли ясный графъ, что я помню родителей яснаго пана, какъ будто бы видѣлъ ихъ вчера? Панъ, графъ-отецъ, былъ небольшого росту, но съ лица былъ такой гордый, а у пани-графини были такія руки, что я постоянно думалъ, что это бѣлые цвѣты... тѣ, что въ саду расли, и садовникъ говорилъ, что это лиліи... можетъ быть, я плохо помню... лиліи, лиліи такіе бѣлые, красивые цвѣты и хорошо пахнутъ. У пани-графини были руки, похожія на эти лиліи... Пусть не гнѣвается ясный панъ, если я спрошу: живы ли теперь его ясные отецъ и мать?

Въ улыбкѣ графа показалась горечь, когда онъ отвѣчалъ:

— Гдѣ тамъ, Берка! Развѣ это возможно, чтобы у меня были еще въ живыхъ отецъ и мать? Тѣ бѣлыя лиліи, о которыхъ ты говоришь, уже давно въ землѣ.

Голосъ у него задрожалъ, но, пересиливъ душевное волненіе, онъ ласково спросилъ:

— А твои родители? Отца я почти не помню, но мать твою припоминаю очень хорошо. Худая, небольшого роста женщина, измученная работой, съ поблекшимъ лицомъ, но съ красивыми еще глазами, черными и огненными, какъ пламя...

Жидъ помолчалъ немного, потомъ тихо сказалъ:

— То пламя, что ясный панъ помнитъ, давно уже въ землѣ.

Часы шептали... такъ-такъ... такъ-то-такъ... такъ-то-такъ; оба собесѣдника молчали, погрузившись въ шопотъ времени.

Жидъ первый очнулся отъ думы и началъ:

— А чему же я обязанъ такой великой милостью Бога, что онъ послалъ ко мнѣ такого стараго знакомаго?

Графъ вынулъ изъ кармана старинные часы и положилъ ихъ на столъ. Жидъ нѣжно взялъ ихъ и, оглядывая, съ улыбкой спросилъ:

— Какая же на нихъ жалоба? Чѣмъ они провинились? Они опаздываютъ? Ясный панъ пробовалъ ставить ихъ и ничего не помогло. Цы, цы... я уже вижу, что съ ними творится не ладно, что они очень больны. Ихъ надо разобрать и полѣчить...

У графа глаза сверкнули изъ-за очковъ. Онъ безпокойно задвигался на стулѣ, потомъ снова успокоился.

— Можешь это сдѣлать сейчасъ?

— Почему же нѣтъ? Я буду очень доволенъ, если ясный панъ посидитъ у меня немного и самъ будетъ видѣть, что я этому больному ничего худого не сдѣлаю. Только я засвѣчу побольше лампу, потому что для такой работы, при такой маленькой лампѣ мои глаза не годятся.

Графъ, приходя все въ лучшее настроеніе, сказалъ:

— Тебѣ хорошо, ты можешь засвѣтить побольше лампу, а у меня нѣтъ съ собой тѣхъ очковъ, которыми я пользуюсь, когда ставлю часы.

— Ай, ай—что это за бѣда! У меня есть нѣсколько паръ разныхъ очковъ, пусть ясный панъ подберетъ себѣ, которые будутъ лучше. Развѣ глаза яснаго пана уже просятъ, чтобы ихъ уволили со службы?

— Да, мой Берка, очень даже просятъ, и это страшно мнѣ надоѣдаетъ. Безъ очковъ нельзя пошевелиться, да и съ очками иногда бываетъ трудно...

Жидъ вынулъ изъ комода нѣсколько паръ очковъ и сказалъ:

— То же самое и у меня. Наши глаза вмѣстѣ постарѣли.

Спустя нѣсколько минутъ оба они сидѣли, наклонившись надъ столикомъ, погруженные въ разборъ часовъ, и разглядывали разныя ихъ части. Роговая оправа очковъ перерѣзывала темными линіями ихъ сморщенные лбы, щеки, виски, и пропадала надъ ушами въ сѣдыхъ волосахъ. Благодаря большимъ стекламъ, глаза принимали все большую и большую вдумчивость, а свѣтъ лампы производилъ въ нихъ серебряный отблескъ. Работая, они разговаривали, но уже только о предметѣ своего занятія—все, что не было дѣломъ, въ эту минуту вылетѣло безъ слѣда у нихъ изъ головы. Минутами они умолкали, и пристально вглядываясь въ работу, отъ силь-

*

наго напряженія вниманія, начинали дышать громко и протяжно. Иногда они обмѣнивались между собою отрывочными фразами:

— Видишь, видишь—вотъ гдѣ не ладно.

— Если здѣсь, то мы это поправимъ, но мнѣ кажется,—гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Иногда начинали спорить.

— Что ты дѣлаешь? Не такъ!—безпокойно говорилъ графъ.

Жидъ успокоительно отвѣчалъ:

— Пусть ясный панъ не боится! Ясный панъ сейчасъ увидитъ, что изъ этого будетъ.

— Ничего изъ этого не будетъ... нажми здѣсь... вынь оттуда...

Тогда жидъ возвышалъ голосъ и почти кричалъ:

— Ясный панъ ошибается—здѣсь такія тонкія пружинки, что ясный панъ ихъ не видитъ.

А графъ, также возвысивъ голосъ, кричалъ:

— Это мнѣ нравится! Мнѣ да не разсмотрѣть что-нибудь въ этихъ часахъ?!

Но, увидавъ, что жидъ, хотя по своему, но дѣлаетъ какъ слѣдуетъ, тихонько говорилъ:

— Правда, правда—ты правъ!

А тотъ также, уже успокоившись, бормоталъ:

— Когда я дѣлаю свое дѣло, я постоянно правъ.

Потомъ они снова умолкали, приближали другъ къ другу лбы, изрѣзанные морщинами и темными линіями очковъ, и хватались за одну и ту же вещь своими сухими пальцами; ихъ дыханіе, громкое и протяжное, смѣшивалось съ шопотомъ часовъ, идущимъ вокругъ непрерывной волной.

Но вотъ изъ этой волны сухого и торопливаго шопота раздался голосъ—басъ, очень чистый, и началъ вызванивать: разъ, два, три! Послѣ второго ударя ему началъ вторить, какъ малютка зрѣлому мужу, тоненькій, скрипичный голосокъ и сталъ кричать: разъ-два! А послѣ третьяго удара раздались еще голоса, которымъ вдругъ пришли на помощь еще другіе, и цѣлый хоръ, ударивши вмѣстѣ нѣсколько разъ, снова уменьшился до трехъ и до двухъ голосовъ, бьющихъ десятый часъ.

Оба подняли надъ столомъ головы и опустили руки на колѣна. Жидъ съ улыбкой сказалъ:

— Ну, ясный панъ—мастеръ въ часахъ. Ужъ я вижу, что ясный панъ имѣетъ такую склонность къ часамъ, какъ раньше къ быстрымъ конямъ и красивымъ барышнямъ.

А графъ, въ свою очередь, весело отвѣчалъ:

— Правда, Берка, правда, у меня, не знаю откуда, появилась эта любовь! Разныя чудачества бываютъ въ старости...

Жидъ сдѣлалъ недовольную мину и началъ ворчать:

— Чудачество! Какое же это чудачество? Часы—прекрасная вещь и дѣлаютъ честь тому уму, который ее выдумалъ. Развѣ они кого убиваютъ, какъ, напримѣръ, ружье или пушка? Развѣ они кого калѣчатъ, какъ тѣ машины на большихъ фабрикахъ? Часы—для человѣка другъ; они съ нимъ и когда ему весело, и когда грустно; они показываютъ ему, когда что дѣлать, они говорятъ съ человѣкомъ, когда никого съ нимъ нѣтъ; они учатъ его, что время плыветъ, и что онъ самъ въ этомъ времени, какъ по большой рѣкѣ, тоже плыветъ къ громадному морю.

Онъ махнулъ рукой и закончилъ:

— Знаетъ ли ясный панъ? Они для человѣка иногда бываютъ лучшимъ другомъ, чѣмъ другой человѣкъ, потому что они никогда не кусаютъ! Хи, хи, хи!

Онъ тихо засмѣялся, но графъ задумчиво слушалъ его слова. Наконецъ, онъ отвѣтилъ:

— Это вѣрно; эта говорящая машина бываетъ съ человѣкомъ, когда ему весело и когда грустно. Знаешь, эти часы были у меня уже тогда, когда я, какъ ты выражаешься, имѣлъ склонность къ быстрымъ конямъ и прекраснымъ барышнямъ...

— Ай, ай,—чмокнулъ жидъ,—у такого молодого панича были уже такіе дорогіе часы?!

Графъ усмѣхнулся.

— Никогда у меня не было недостатка въ дорогихъ вещахъ, но не разъ мнѣ не доставало дорогихъ людей... Никогда я не забуду предсмертныхъ часовъ моей матери... Докторъ сказалъ, что смерть наступитъ тогда, когда пульсъ начнетъ слабѣть, и пошелъ спать, потому что былъ очень утомленъ. Я остался одинъ около ея кровати и съ часами въ одной рукѣ, а въ другой съ ея рукой я наблюдалъ... не приближается ли смерть? Чѣмъ болѣе она приближалась, тѣмъ рѣже были удары пульса, и казалось, что тѣмъ скорѣе двигались стрѣлки часовъ. Онѣ двигались. а въ той линіи, которую ты помнишь, пульсъ останавливался, останавливался и... наконецъ совсѣмъ остановился. Наступило то, что приближалось. На часахъ было пять минутъ три секунды за полночь...

Жидъ съ влажными глазами трясъ утвердительно головой, а часы шептали хоромъ: такъ-такъ, такъ-то-такъ, такъ-то-такъ...

Стараясь подавить волненіе, графъ сталъ шутить:

— А не повѣришь, Берка, какая быстрота иногда на нихъ нападала! Когда я былъ какъ-то увлеченъ одной женщиной и могъ бывать съ нею только очень немного, всякій разъ, когда я украдкой взглядывалъ на нихъ, меня разбирала такая злость, что я, если бы только это не было неприлично, охотно хватилъ бы ихъ о земь. Мысленно я бранилъ ихъ: о глупые, не летите же такъ, постойте, отдохните, и пусть вмѣстѣ съ вами заодно остановится и время. Но они не слушали, летѣли, и счастье мое... тоже отлетѣло!..

Жидъ тихо спросилъ:

— А ясный панъ всегда хорошо спалъ ночью?

Графъ сдѣлалъ рукою ироническій жестъ.

— А когда ясный панъ не спалъ, то постоянно ли думы яснаго пана были веселыя? Ну, я самъ знаю, что онѣ иногда бывали невеселыя! А когда ясный панъ лежалъ въ потемкахъ, съ невеселыми думами въ головѣ, тогда часы, можетъ быть, шли очень медленно?

— Шли...—отвѣчалъ графъ,—и ночи черныя тянулись...

— А когда онѣ тянулись, всѣ спали и только они одни вели разговоръ съ яснымъ паномъ... и о чемъ былъ разговоръ? Они утѣшали яснаго пана, говорили ему, что и этотъ мракъ пройдетъ...

— Какъ все проходитъ,—докончилъ графъ и минуты на двѣ глубоко задумался. Онъ удивлялся, зачѣмъ онъ такъ долго сидитъ тутъ и такъ дружески разговариваетъ съ этимъ нищимъ.

Когда-то его знавалъ! Что жъ изъ этого? У нихъ все-таки не можетъ быть общихъ воспоминаній, и вообще ничего общаго. Онъ не былъ гордецомъ, у него было врожденное доброе чувство къ людямъ, но все же онъ зналъ, какъ много отдѣляетъ его отъ Берки, нѣкогда сына арендатора, а теперь часовщика на окраинѣ города. Однимъ словомъ, они отличались другъ отъ друга во всемъ и между ними не было ничего сходнаго. Онъ вошелъ сюда, чтобы отдать въ починку часы, и засидѣлся довольно долго. Болѣе того, ему совершенно не хотѣлось уходить отсюда и почти неожиданно для себя самого онъ спросилъ:

— Какъ же ты жилъ, Берка? Какъ ты теперь живешь? Есть ли у тебя семья? Каковъ у тебя достатокъ?

Жидъ поблагодарилъ за эти радушные вопросы и довольно пространно началъ отвѣчать:

— Богатымъ онъ не былъ, капитала не накопилъ, но средства кое-какія имѣлъ и нужды не терпѣлъ. Онъ еще работаетъ и зарабатываетъ, сколько надо для того, чтобы жить, а развѣ

много ему теперь надо, когда онъ одинъ и имѣетъ при себѣ только одну внучку, которая смотритъ за нимъ; да и она немного зарабатываетъ шитьемъ! Семья большая—нѣсколько дѣтей, внуковъ, но все это...

Онъ махнулъ рукой.

— Знаетъ ли ясный панъ? Есть такая загадка—и мнѣ очень любопытно, знаетъ ее ясный панъ или не знаетъ?—какимъ образомъ можетъ выйти такъ, чтобы человѣкъ имѣлъ семью и въ то же время не имѣлъ ея?

Говоря это, онъ посмотрѣлъ въ лицо графа испытующимъ, немного плутоватымъ взглядомъ.

— Ну, знаетъ ли панъ эту загадку?

По устамъ графа пробѣжала ироническая улыбка.

— Знаю эту загадку, Берка, знаю очень хорошо...

Жидъ обѣими руками ударилъ о колѣна и огорченно воскликнулъ:

— Ой, зачѣмъ ясный панъ ее знаетъ? Ее лучше не знать. Ну, а если мы оба ее знаемъ, то я ужъ не буду разсказывать пану о моей семьѣ. Они приличные люди и честные люди, и нѣкоторые даже съ образованіемъ и богатые, но они не мои... они принадлежатъ себѣ, обществу, а не мнѣ...

Было у него нѣсколько дочерей, но одна только постоянно принадлежала ему. Любила его и заботилась о немъ, была для него лучомъ солнца и отрадой для его очей; но давно уже онъ не видалъ ея и никогда уже не увидитъ. Торговали они неудачно Съ мужемъ и дѣтьми она уѣхала въ Америку искать лучшей доли. Иногда бываютъ отъ нея письма, но что въ письмахъ!.. Онъ уже никогда ея не увидитъ, а это наводитъ на него такую тоску, которую можно вынести спокойно и терпѣливо только потому, что она отъ Бога. Что дѣлать?

Его глаза, о которыхъ графъ говорилъ, что были нѣкогда голубыми, какъ бирюза, теперь сѣрые и подернутые мглою, подъ рыжеватыми вѣками засвѣтились слезами. Но спустя немного онъ сдержалъ волненіе и, благодаря графа за радушные вопросы, несмѣло проговорилъ:

— Пусть ясный панъ не разгнѣвается на то, что я спрошу о сестрѣ пана, о той прекрасной графинѣ, что нѣкогда меня, бѣднаго жиденка, рисовала на картинѣ? Ай, какая эта была прекрасная барышня! Я ее помню. Почему же бы мнѣ ея не помнить, когда я никогда уже послѣ не видалъ такой прекрасной барышни? Это былъ ангелъ. Она была такъ красива и такъ добра, и такая тихая и нѣжная, какъ ангелъ! Я помню, ясный

панъ жилъ очень дружно съ нею. Почему же мнѣ не помнить этого, когда я потомъ никогда не видалъ такой дружбы? Жива она? Гдѣ она живетъ? Что дѣлаетъ? Хорошо ли ей живется?

Послѣ короткаго молчанія, опустивъ взоръ внизъ, графъ отвѣчалъ:

— У меня было три сестры, но ту, о которой ты спрашиваешь, я любилъ болѣе всѣхъ. Она жива, живется ей хорошо, но я уже давно ея не видѣлъ, и, можетъ быть, никогда уже не увижу. Она вышла замужъ за англичанина, живетъ въ Англіи, сюда никогда не пріѣзжаетъ, а мнѣ — человѣку, близкому уже къ болѣе далекому путешествію, трудно отправляться хотя бы и въ небольшое. Она для меня умерла, хотя и жива... Что же дѣлать?

Жидъ внимательно слушалъ и трясъ съ грустью головой.

— У яснаго пана такое же горе, какъ и у меня. И ясный панъ правду сказалъ: «она умерла, хотя и жива». Я то же самое думаю о своей Малкѣ. Я думаю, люди разно умираютъ: одни отъ болѣзни, другіе удаляясь, третьи благодаря тому, что перемѣняются, четвертые... Но зачѣмъ я говорю это ясному пану, когда онъ самъ знаетъ...

Онъ махнулъ рукой и замолчалъ, а графъ, потупившись, коротко отвѣчалъ:

— Знаю.

Оба замолчали, а вокругъ часы говорили непрестаннымъ шепотомъ: такъ-такъ, такъ-то-такъ, такъ-то-такъ. Какъ вдругъ изъ шопота раздался громкій голосъ, закричавшій на всю комнату: ку-ку, ку-ку!

Графъ всталъ и, подойдя къ часамъ, сталъ передъ ними. Шуба у него была распахнута, потому что ему сдѣлалось жарко въ душной комнатѣ, и на глазахъ у него были уже свои очки, въ золотой оправѣ. Поднявъ голову, онъ долго смотрѣлъ черезъ эти очки на старинные часы, наконецъ сказалъ:

— Сколько ты хотѣлъ бы за эти часы?

Жидъ, сидя около стола, поднялъ голову и, улыбаясь, отвѣчалъ:

— Что мнѣ за нихъ хотѣть? Я ничего за нихъ не хочу.

— Какъ такъ? Но, вѣдь, ты торгуешь часами?

— Ясный панъ сказалъ правду. Я торгую часами, но эти часы не продажные.

Графъ съ удивленіемъ повернулся къ нему.

— Почему? Эта вещь дорого стоитъ. Я охотно пріобрѣлъ бы ихъ.

Жидъ утвердительно потрясъ головой.

— Я знаю, что это дорогіе часы и что я получилъ бы за нихъ хорошую цѣну, но я ихъ не продамъ. Слышалъ ли ясный панъ когда, чтобы пріятель продавалъ пріятеля?

Графъ, почти остолбенѣвъ, глядѣлъ на говорящаго.

— Можетъ ли это быть,—закричалъ онъ,—ты, вѣдь, не богачъ, и, кромѣ того, жидъ, а жиды цѣнятъ только деньги!

Жидъ тихо отвѣчалъ:

— Ясный панъ ошибается.

А графъ немного съ усмѣшкой сказалъ:

— Въ чемъ же я ошибаюсь? Что̀ ты такъ цѣнишь въ этихъ часахъ, что не хочешь продавать ихъ? Вѣдь, у тебя столько другихъ! Почему же эти для тебя имѣютъ такое значеніе, чѣмъ они такъ дороги тебѣ?

Онъ былъ охваченъ такимъ любопытствомъ, былъ такъ удивленъ, что снова сѣлъ около стола на креслѣ, съ впавшимъ сидѣньемъ и со сломанной ручкой.

А жидъ медленно началъ говорить:

— Если ясный панъ будетъ слушать,—я ему все разскажу. Скоро будетъ уже 14 лѣтъ, какъ у меня находятся эти часы. Я ихъ купилъ дешево и купилъ для того, чтобы продать дороже. Но тогда мой Мовша — онъ теперь купецъ и очень удачно торгуетъ хлѣбомъ — былъ такимъ маленькимъ, ходилъ въ (школу) хедеръ, онъ былъ у меня одинъ, я очень боялся, что Богъ не дастъ мнѣ другого, и очень его любилъ. Ай, какое это было дитя, мой Мовша! Если бы ясный панъ зналъ его, то самъ сталъ бы удивляться, что такое дитя можетъ быть на свѣтѣ. А когда я купилъ эти часы, то въ тотъ самый день мой Мовша вернулся изъ хедера такой слабый, такой печальный и блѣдный, что меня страхъ взялъ, какъ бы онъ не расхворался и какъ бы Богъ не отнялъ у меня моего единственнаго сына. Пришелъ мой Мовша изъ хедера, сѣлъ въ углу, ѣсть не хочетъ, только смотритъ въ землю, и говоритъ, что у него очень болитъ голова, что онъ въ хедерѣ очень измучился, что меламедъ очень строгъ и что онъ жить больше не хочетъ. Ай, ай! такое малое дитя и не хочетъ жить! Это удивительно, страшно, великій грѣхъ. Когда онъ сказалъ это, я схватился за голову и мать его схватилась за голову, а сестры начали плакать отъ того, что Мовша не хочетъ жить и что мы сидимъ, держась за головы и качаясь отъ великой печали. Тогда вдругъ эти часы закуковали. А было тогда десять часовъ, они долго куковали — десять разъ. Послѣ перваго раза Мовша поднялъ голову и удивленно посмотрѣлъ, послѣ второго—

онъ смотрѣлъ уже не въ землю, а на часы, послѣ третьяго — у него вдругъ засвѣтились глаза и онъ закричалъ: Ай, ай, тате, что это такое? Откуда ты это взялъ? И началъ смѣяться, глядя на часы, какъ смѣется человѣкъ, котораго долго держали въ темнотѣ, а потомъ выпустили на свѣтъ и онъ увидѣлъ солнце. Я былъ очень доволенъ, что онъ смѣется, вскочилъ на скамейку, и нажалъ ту пружинку, что ясный панъ знаетъ, и какъ только я ее нажалъ, изъ часовъ выскочила птичка и начала хлопать крыльями и куковать еще громче. Ну, а какъ только онъ увидалъ эту птицу, мой Мовша, онъ ужъ совсѣмъ выбѣжалъ изъ угла, схватилъ обѣими руками старшую сестру и началъ съ ней танцовать передъ часами, а пока онъ танцовалъ со старшей сестрой, и двѣ младшія, такія маленькія, что едва отросли отъ земли, схватились за обѣ руки и также начали танцовать. Они не только танцовали, но съ радости, что увидали такую прекрасную птичку, смѣялись на всю комнату, а глядя на нихъ, и мать, готовившая около огня обѣдъ, начала смѣяться. Я не слѣзалъ со скамейки и смотрѣлъ, какъ они всѣ танцовали и смѣялись. Птица куковала, а я около этихъ часовъ, стоя на столикѣ, благодарилъ въ мысляхъ Бога, что Мовша ужъ не боленъ и хочетъ жить, и что въ моемъ домѣ такая великая печаль обратилась въ такую великую радость.

Дѣйствительно, это, должно быть, была великая радость, потому что еще теперь, спустя 14 лѣтъ, отблескъ ея падалъ на густыя морщины его лица, а эхо отзывалось въ тихомъ, протяжномъ смѣхѣ. Повеселѣвшій, съ блестящими глазами, онъ говорилъ далѣе:

— Ну, могъ ли я тогда продать эти часы, когда Богъ оказалъ мнѣ черезъ нихъ свою милость? Я немного и боялся ихъ продавать, чтобы не отвратить отъ себя этого счастья, и немного жалѣлъ дѣтей, для которыхъ эта птичка, что въ нихъ поетъ, была такой забавой и такой радостью, что какъ только она начинала куковать, они тотчасъ же начинали передъ ними танцовать... Покупатели на нихъ у меня были, но я постоянно думалъ про себя: пусть это будетъ потомъ; пусть они еще немного побудутъ у насъ. А потомъ Богъ послалъ на меня тяжкую болѣзнь...

Онъ глубоко вздохнулъ, глаза поднялъ къ потолку и продолжалъ:

— Когда Богъ послалъ на меня эту болѣзнь, я, можетъ быть, цѣлый мѣсяцъ не спалъ. Знаетъ ли ясный панъ, что это такое, когда человѣкъ, съ великою болѣзнью внутри и съ черными мыслями въ головѣ, цѣлую ночь лежитъ съ открытыми глазами и смотритъ въ темноту? Я въ этой темнотѣ видѣлъ такъ много

предметовъ, что пусть бы ихъ ни одинъ добрый человѣкъ никогда не видалъ. Я видѣлъ свою смерть и своихъ дѣтей, которыя будутъ безъ меня въ большой нуждѣ, и свои грѣхи, которыми я оскорбилъ Бога, и великій ужасъ, что меня ждетъ за нихъ на томъ свѣтѣ. А когда я такъ лежалъ и смотрѣлъ на эти предметы съ открытыми глазами, какъ только въ этихъ часахъ начнетъ куковать эта птичка, тотчасъ эти образы, словно висящіе въ темнотѣ, смѣняются другими. Ясный панъ догадается ли, что я тогда видѣлъ въ темнотѣ, когда птичка куковала? Я тогда видѣлъ Струменицы и самого себя, какъ я стою около забора вокругъ двора и смотрю на лѣсъ, начинавшійся тотчасъ за дворомъ... Ай, какое прекрасное лѣто! Тотъ садъ, въ которомъ находится бѣлый дворецъ, такой зеленый и отъ него расходятся пріятные запахи. Надъ дворцомъ, на высокомъ деревѣ, большая птица съ длиннымъ носомъ, въ большомъ гнѣздѣ, кормитъ жабами, которыя она принесла съ луга, своихъ дѣтей, а въ лѣсу, на который я смотрю, зеленомъ лѣсу, кукуетъ другая птица,—кукуетъ совершенно такъ же, какъ эти часы. Смотрѣлъ я на эти образы, смѣялся на нихъ, какъ дитя, когда ему покажутъ куклу, и благодарилъ Бога, что Онъ далъ мнѣ такую неживую вещь, которая въ темнотѣ вызываетъ у меня такія свѣтлыя видѣнія...

Онъ замолчалъ и довольно долго сидѣлъ, положивъ руки на колѣна и свѣсивъ голову.

Графъ, опершись головой на руку, погруженный въ думы и слушая жида, также молчалъ, а обѣ ихъ головы, сѣдыя и поникшія, окружалъ шопотъ времени, неустанный, какъ будто подтверждающій ихъ слова: такъ-такъ, такъ-то-такъ, такъ-то-такъ, такъ-то-такъ...

Немного спустя изъ этого шопота снова послышался голосъ жида, пониженный, почти шепчущій...

— Я бы ясному пану цѣлую недѣлю могъ разсказывать разныя вещи объ этихъ часахъ и все бы еще всѣхъ не разсказалъ. Но объ одной еще скажу. Пусть ясный панъ терпѣливо выслушаетъ ее.

И онъ началъ разсказывать. Когда его милая Малка уѣзжала въ Америку, онъ не провожалъ ея на вокзалъ, потому что чувствовалъ, что не удержится отъ плача, и не хотѣлъ, чтобы люди высказывали сожалѣніе объ его старыхъ глазахъ, которые должны еще такъ плакать. Дочка и дѣти ея простились съ нимъ здѣсь, въ этой самой комнатѣ, а онъ, словно не живой, сидѣлъ на полу, въ углу, вонъ въ томъ углу, и, схватившись обѣими руками за голову, качался и плакалъ и жаловался Богу, за что онъ посы-

лаетъ на него такое великое несчастіе. Но вдругъ ему пришло въ голову, что можно услыхать свистъ, такой долгій и рѣзкій, съ которымъ удаляются отъ вокзала поѣзда, и захотѣлось ему страшно услышать этотъ свистъ. Пусть я его услышу, думалъ онъ, пусть узнаю, когда моя Малка и ея дѣти не будутъ уже здѣсь, когда они для меня совершенно пропадутъ. Онъ зналъ, во сколько часовъ и минутъ обыкновенно раздается этотъ свистъ, и сидя въ углу на полу, съ головою, наклоненною на руки, онъ сталъ смотрѣть на часы, на эти часы съ птичкой. Онъ смотрѣлъ и думалъ—черезъ четверть часа, черезъ десять минутъ, черезъ пять, черезъ три минуты... Затѣмъ раздался свистъ, долгій и такой рѣзкій, что совершенно пронзилъ его сердце. Его Малки уже не было здѣсь, она уже, хотя и была жива,—для него умерла. Повѣритъ ли ясный панъ? Я помню, что тогда на нихъ было 23 минуты одиннадцатаго...

Графъ всталъ, задумавшись.

— Мой Берка,—сказалъ онъ,—я понимаю хорошо, почему ты не хочешь продать эти часы. Ты читаешь по нимъ, такъ же какъ я по своимъ,—свое прошлое...

Жидъ потрясъ удовлетворенно головой.

— Ясный панъ правду сказалъ. Ясный панъ читаетъ прошлое по своимъ часамъ такъ же, какъ я по своимъ. Каждый ихъ имѣетъ.

Они стояли теперь другъ противъ друга, близкіе къ разлукѣ, но замедляя минуту разставанья, какъ бы чуя какого-то невидимаго кузнеца, соединявшаго ихъ неожиданно какими-то узами, а вокругъ ихъ сгорбленныхъ, изнуренныхъ фигуръ плыла волна времени, неустанно, однообразно шепча: такъ-такъ, такъ-то-такъ, такъ-то-такъ...

Графъ снова сѣлъ на кресло, словно приготовляясь къ долгой бесѣдѣ, а изъ шопота, наполняющаго комнату, выдѣлился басовой голосъ, очень чистый, и началъ вызванивать: разъ-два-три! Послѣ четвертаго удара, вторя, подбѣжалъ къ нему, какъ малютка къ зрѣлому мужу, тоненькій скрипичный голосокъ и сталъ кричать: разъ, два! а за третьимъ его ударомъ раздались другіе голоса, на помощь которымъ подоспѣли еще другіе, пока, наконецъ, цѣлый хоръ, ударивъ нѣсколько разъ вмѣстѣ, снова не уменьшился до трехъ и до двухъ голосовъ, оканчивающихъ возвѣщать одиннадцатый часъ...

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Весна была ранняя, ясная, солнечная. Старый Берка вышелъ изъ комнаты, наполненной вѣчнымъ шопотомъ часовъ, и стоялъ

передъ дверьми на ступенькахъ, соединявшихъ комнату съ тротуаромъ. Его обливалъ солнечный свѣтъ, на золотомъ фонѣ котораго вырисовывалась фигура, маленькая, слабая, немного сгорбленная, въ длинной поношенной одеждѣ, въ сплющенной шапкѣ съ покривившимся верхомъ. Подъ этой шапкой въ золотомъ блескѣ солнца виднѣлось лицо, круглое, увядшее, съ небольшимъ румянцемъ на сморщенныхъ щекахъ, въ очкахъ, роговая оправа которыхъ перерѣзывала черными линіями лобъ, виски и пропадала за ушами въ сѣдыхъ волосахъ: Сѣдая борода болталась на груди, какъ кудель съ серебристой пряжей.

Онъ стоялъ, окруженный свѣтомъ и солнечнымъ тепломъ, солнце грѣло его, онъ весело глядѣлъ черезъ большія стекла очковъ на узкую улицу, полную свѣта, одѣтую сверху поясомъ голубого неба. Былъ полдень, народъ живо двигался, съ ближайшихъ улицъ, болѣе модныхъ, долеталъ хорошо знакомый шумъ и грохотъ, въ которомъ ухо жида вдругъ стало различать звуки, менѣе обычные. То было пѣніе, то усиливавшееся, то умолкавшее, то снова раздававшееся въ уличномъ шумѣ торжественной нотой.

Берка вслушивался немного, потомъ кивнулъ головой въ знакъ, что понялъ значеніе этого пѣнія. Недалеко тянулось погребальное шествіе, медленно приближаясь. На узкой улицѣ сдѣлалось такое движеніе, какое бываетъ обыкновенно, когда народъ спѣшитъ поглядѣть на что-нибудь любопытное. На тротуарахъ послышались спѣшные шаги, зашумѣлъ говоръ голосовъ. Берка спокойно стоялъ на ступенькахъ, поднимающихся надъ тротуаромъ и смотрѣлъ въ сторону, откуда приближалось торжественное пѣніе. Пространство въ нѣсколько сотъ шаговъ отдѣляло его отъ конца улицы, за которымъ обыкновенно тянулись погребальныя шествія.

Вскорѣ показалось и это шествіе. Изъ-за высокой стѣны каменнаго строенія показалось сначала нѣсколько лицъ въ бѣлой одеждѣ, черный крестъ высился въ золотистомъ воздухѣ, качались хоругви, красныя и голубыя, горящіе факелы блеснули, словно цѣпь огней, желтыхъ, мертвыхъ, грустныхъ. Печальное пѣніе раздавалось и смѣшивалось съ грохотомъ колесъ, медленнымъ и глухимъ. Зачернѣлъ крепъ. Погребальная колесница, запряженная въ шесть коней и окруженная людьми, одѣтыми въ трауръ, везла гробъ, обитый серебромъ.

Затѣмъ снова, при медленно-удаляющемся пѣніи, хоругви, факелы и рядъ людей, идущихъ медленно, въ глубокомъ, но изящномъ трауръ. Тяжелыя женскія платья, тянущіяся по мостовой,

черный крепъ, спускающійся отъ головы до земли, черныя повязки на мужскихъ шляпахъ, въ рукахъ, обтянутыхъ въ черныя перчатки, молитвенники, блестящіе на переплетахъ слоновой костью и золотомъ. Долгій рядъ такихъ паръ тянулся среди двухъ рядовъ горящихъ факеловъ и толпы народа, тѣснившейся на обоихъ тротуарахъ и по краямъ улицы.

Это были одни изъ наиболѣе пышныхъ похоронъ, когда-либо бывшихъ въ этомъ городѣ.

Черезъ большія стекла очковъ Берка спокойно смотрѣлъ на шествіе и иногда только задумчиво трясъ головою. Но, услыхавъ въ уличной толпѣ нѣсколько словъ, онъ выпрямился и началъ спрашивать, самъ не зная кого.

— Was? was? wer? кто такой? Графъ. Какой графъ? Что такое? Кто это умеръ? Кого хоронятъ?

Съ такимъ вопросомъ на блѣдныхъ губахъ онъ очутился на тротуарѣ и загородилъ дорогу какому-то прохожему.

— Что? Не задерживай меня, жидъ! Кого хоронятъ? Графа Струменицкаго. Ну, что же! Зачѣмъ ты держишь меня за полу? Котораго Струменицкаго? Отца... отца... стараго графа Ксаверія. Ну, пусти, я спѣшу!

Берка выпустилъ полу, закинулъ голову назадъ и смотря въ голубое небо, говорилъ, почти кричалъ:

— Онъ умеръ? Графъ Ксаверій умеръ? Какъ это можетъ быть? Почему онъ умеръ? Онъ былъ совершенно здоровъ, когда приходилъ ко мнѣ. Онъ когда-то былъ такой молодой, такой красивый, такой веселый, а теперь онъ умеръ? Какъ же это такъ вышло, что онъ умеръ?

Прохожіе, торопившіеся посмотрѣть на пышныя похороны, толкали его и съ удивленіемъ глядѣли на старика, съ торчащей серебристой бородой, который, смотря черезъ большіе очки въ небо, испускалъ вопли, перемѣшанные съ вопросами. Онъ спрашивалъ неизвѣстно о чемъ и неизвѣстно кого. Кто-то прошелъ мимо него, размахивая руками и оттолкнулъ его къ самой стѣнѣ дома, пара жидовскихъ подростковъ, пробѣгая, какъ-то обозвали его. Но все это длилось не долго, потому что старый жидъ, движимый какой-то непреодолимой силой, побѣжалъ изъ всѣхъ силъ въ ту сторону, куда потянулось погребальное шествіе. Подбирая руками вокругъ ногъ длинную одежду, онъ бѣжалъ съ тротуара на тротуаръ, съ улицы на улицу, сгорбленный, съ жилистой шеей, вытянутой впередъ, съ торчащей серебристой бородой. Онъ страшно спѣшилъ. Онъ ни о чемъ не думалъ, только бы догнать погреное шествіе,—другого желанія у него не было—только одно это.

Шествіе двигалось медленно, догнать его было не слишкомъ трудно. Берка скоро догналъ послѣдніе его ряды, но не удовольствовался этимъ. Онъ бѣжалъ, ловко пробираясь среди толпы; гдѣ было слишкомъ тѣсно, онъ пускалъ въ ходъ даже руки, и наконецъ очутился около пань и пановъ, идущихъ парами за гробомъ.

Родные умершаго, близкіе и далекіе, друзья, ближайшіе знакомые, старые и молодые, высокіе и низкіе, красивые и некрасивые, но всѣ изысканно одѣтые, въ глубокомъ траурѣ, были въ торжественномъ и напряженномъ настроеніи. Тяжелыя женскія платья тащились по мостовой, черные креповые уборы спускались съ головы до ногъ, чернѣли повязки на мужскихъ шляпахъ, молитвенники блестѣли золотомъ въ рукахъ, обтянутыхъ въ черныя перчатки и набожно сложенныхъ. За ними грохотъ необозримаго ряда экипажей и топотъ по мостовой сѣрой массы простого народа, держащагося въ отдаленіи...

На тротуарахъ, съ обѣихъ сторонъ колесницы, обтянутой крепомъ, и провожатыхъ, одѣтыхъ въ трауръ, тянулись двѣ какъ бы каймы уличной мостовой, пустыя и облитыя блескомъ солнца. Берка замедлилъ шаги и пошелъ параллельно съ толпой и пань, и пановъ. Они шли ровно и торжественно, онъ шелъ, немного покачиваясь и иногда спотыкаясь о каменья. На фонѣ ихъ черныхъ платьевъ его подержанная одежда казалась лохмотьями, добытыми изъ какой-нибудь канавы. На помятой шапкѣ не было креповой повязки, изъ подъ полей видны были черныя линіи очковъ, перерѣзывающія сморщенную кожу лба и висковъ. Онъ казался каплей, упавшей изъ сѣрой толпы, державшейся въ отдаленіи, тутъ за гробомъ, обитымъ серебромъ, около лицъ, одѣтыхъ въ тяжелый изящный трауръ.

Но онъ все же шелъ. Можетъ быть, онъ обращалъ на себя вниманіе и можетъ быть на него удивлялись, откуда онъ взялся и зачѣмъ онъ идетъ, но онъ шелъ. Впереди шествія, въ лучистомъ воздухѣ, высоко поднимались темныя линіи креста и торжественно звучало церковное пѣніе; а онъ все шелъ. Вскорѣ онъ началъ размышлять:

— Ну, зачѣмъ я здѣсь? Зачѣмъ я бѣжалъ, какъ сумасшедшій? Зачѣмъ я иду?

Но все же шелъ. Пока онъ бѣжалъ и проталкивался черезъ толпу, онъ не думалъ ни о чемъ, движимый чувствомъ, какой-то инстинктивной силой, неясной, но непреодолимой. Теперь онъ дивился самъ на себя и на того, за гробомъ котораго онъ плелся около родныхъ и близкихъ друзей, спотыкаясь о каменья.

— Ну, зачѣмъ онъ тогда сидѣлъ у меня нѣсколько часовъ,

почти цѣлую ночь? Зачѣмъ онъ разговаривалъ со мной, какъ съ братомъ? Зачѣмъ я бѣжалъ за этой колесницей, когда я узналъ, что она везетъ его? Зачѣмъ я теперь иду за ней?

Такъ онъ думалъ, дивился все болѣе и ему, и себѣ, но все же шелъ.

За городомъ стало просторно, свѣтло, свѣжо. Поля съ зелеными всходами шли по обѣимъ сторонамъ дороги, молодыя березы серебрились и шептали массами молодыхъ листочковъ. Легкій вѣтеръ дулъ въ золотомъ воздухѣ, разнося благовоніе растеній, показывающихся изъ-подъ земли, рѣка блеснула вблизи такой яркой лазурью, что изъ-за волнистыхъ холмовъ казалась упавшимъ кускомъ неба.

Берка уже очень давно не выходилъ изъ города, а теперь, какъ только онъ вышелъ, на него повѣяло Струменицей. Вѣтеръ, березы, лучистый свѣтъ шептали ему въ оба уха: «Струменица, Струменица!» Онъ стоитъ около забора вокругъ двора, смотритъ на такія же березы, на такой же кусокъ голубой воды и слушаетъ, какъ птица кукуетъ въ лѣсу.

Онъ пристально поглядѣлъ на гробъ, обитый серебромъ.

— Таково было мое и твое начало.

Черезъ ворота, отворенныя настежь, шествіе вошло на кладбище и среди могилъ, усѣянныхъ фіалками, разсѣялось въ лѣсу надгробныхъ памятниковъ и крестовъ. Берка, объятый какой-то тревогой, остановился, и когда людская толпа прошла мимо, очутился одинъ. Кладбище было все въ деревьяхъ; старый жидъ пошелъ между березами и, повѣсивъ голову, опустивъ безпомощно руки, бродилъ нѣкоторое время подъ плакучими вѣтвями березъ, думая, даже бормоча вполголоса:

— Ну, зачѣмъ я сюда пришелъ? Зачѣмъ я здѣсь? Зачѣмъ я прилѣзъ?

Но онъ не уходилъ и чувствовалъ, что между нимъ и спускающимся въ землю гробомъ неожиданно возникали какія-то крѣпкія, прочныя узы.

На противоположномъ концѣ кладбища стояла пестрая толпа народа, лилось торжественное пѣніе, сіялъ крестъ на высокомъ памятникѣ. Жидъ, опустивши голову, плелся между березами и говорилъ самъ съ собою. Ворота кладбища были все еще отворены настежь, но онъ не уходилъ; онъ даже сѣлъ подъ березами.

Подъ березами, плачущими цѣлымъ ливнемъ молодыхъ листьевъ реди бѣлыхъ пней, надъ могилой, усѣянной фіалками, сѣрѣла фигура стараго жида, сидящая на землѣ, въ сплюснутой шапкѣ, въ большихъ очкахъ съ роговой оправой, съ серебристой куделью на груди.

Кладбище спускалось по высокому холму къ рѣкѣ, за которой лежали зеленыя поля и желтые пески. Жидъ вытянулъ шею и сталъ смотрѣть на пески.

— Что это такое?—бормоталъ онъ,—что это значитъ, неужели это оно? Я не зналъ, что его видно отсюда!

На желтыхъ пескахъ виднѣлось одно мѣсто, окруженное низкой стѣной и наполненное торчавшими каменьями. Не было тамъ, какъ здѣсь, ни деревьевъ, ни надгробныхъ памятниковъ, ничего, только множество торчащихъ камней, краснѣющихъ въ блескѣ солнца, а вокругъ желтые пески. Это было жидовское кладбище.

Берка оперся локтемъ въ колѣно, а головой на руку, и медленно сталъ качать головой то взадъ, то впередъ, въ тактъ наковальнѣ, соединявшей невидимыми узами его и гробъ, засыпаемый пескомъ. Потомъ онъ тихо сказалъ:

— Здѣсь—твой и мой конецъ.

Онъ пересталъ бормотать, но сидѣлъ еще подъ березами, сѣрый среди окружающей его зелени, надъ могилой, усѣянной фіалками, а вокругъ него раздавалось щебетаніе птицъ.

А два кладбища, одно все въ деревьяхъ и крестахъ, другое съ торчащими камнями на желтомъ пескѣ, одно общее небо соединяло высокими и широкими узами.

Влад. Ширскій.

НОВЫЙ ТИПЪ АМЕРИКАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Америка, какъ извѣстно, считается страной особеннаго развитія капитализма и милліонеровъ. Въ одномъ городѣ Нью-Іоркѣ, по счету одной изъ самыхъ распространенныхъ и достовѣрныхъ нашихъ газетъ, произведенному нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ихъ насчитывалось свыше двухъ тысячъ. Нигдѣ въ мірѣ громадныя состоянія не составляются такъ быстро и такими разнообразными путями. Каждая отрасль человѣческихъ занятій, каждая профессія имѣетъ многочисленныхъ представителей, пристегивающихъ шесть нулей къ цифрѣ своего состоянія. Современное развитіе трёстовъ разнаго рода, сорта и наименованія дало новый импульсъ этому небывалому скопленію богатствъ въ рукахъ отдѣльныхъ личностей. За послѣднее время дѣйствительными милліонерами стали считать уже только тѣхъ, у кого годовой доходъ превышаетъ милліонъ долларовъ—такъ много стало вездѣ людей съ только милліоннымъ состояніемъ—даже въ нашемъ, небольшомъ, сравнительно, городѣ ихъ больше двухъ десятковъ. Ежегодные доходы Асторовъ и Вандербильтовъ давно превышаютъ десять милліоновъ, Хавемейеръ, главный воротило сахарнаго трёста, получаетъ двѣнадцать, Гульды, Рокфеллеръ и Пульманъ и того больше. Штатъ Нью-Іоркъ, одинъ изъ немногихъ установившій налогъ съ большихъ наслѣдствъ, получаетъ съ него нѣсколько милліоновъ долларовъ въ годъ дохода; однимъ Гульдамъ пришлось заплатить въ прошломъ году сразу свыше милліона долларовъ. Къ сожалѣнію, федеральный прогрессивный подоходный налогъ былъ признанъ противуконституціоннымъ верховнымъ судомъ Союза, и ожидавшіяся точныя оффиціальныя статистическія данныя относительно частныхъ богатствъ остались недостижимыми—тѣмъ не менѣе, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это скопленіе идетъ впередъ все быстрѣе и быстрѣе, и что отдѣльныхъ его случаевъ дѣлается съ каждымъ годомъ все больше и больше. Масштабъ дѣлъ страны развивается, и ихъ концентрація и соотвѣтствующая консолидація капиталовъ

все усиливается. Каждый годъ приноситъ десятки проектовъ остановить это усиленіе законодательнымъ порядкомъ, но до сихъ не было предложено ничего практичнаго. Да и безъ фундаментальнаго измѣненія современныхъ понятій о собственности, безъ радикальной реформы всей политико-экономической системы это едва ли и возможно. Въ борьбѣ за существованіе сильный всегда будетъ попирать слабаго и скоплять въ своихъ рукахъ его долю, безъ абсолютнаго уничтоженія самой возможности такого частнаго дѣленія милліонеры будутъ плодиться и размножаться по самой силѣ вещей, въ ущербъ громадному слабому большинству. Въ настоящее время у насъ имѣются только два дѣйствительныхъ противувѣса этому стремленію, оба представляемые не законодательными путями, не путями насильственныхъ ограниченій, а глубоко укорененными общими народными тенденціями, невидимо руководящими его общественной жизнью. Первымъ и наиболѣе существеннымъ является тотъ фатальный законъ, что даровыя деньги, если онѣ не закрѣплены за тунеядцемъ искусственными оградами въ видѣ, напримѣръ, англійскаго права первородства и связанныхъ съ нимъ майоратныхъ законовъ, уплываютъ отъ него гораздо быстрѣе, чѣмъ они скапливались работавшими въ потѣ лица его отцами. Какъ быстро создаются въ Америкѣ состоянія, такъ же быстро они и распадаются, обыкновенно въ слѣдующемъ же поколѣніи. У насъ очень широко распространена пословица, что гораздо легче сдѣлать деньги, чѣмъ удержать ихъ въ своемъ распоряженіи. Вызываемая борьбой за существованіе на житейскомъ полѣ битвы конкурренція такъ сильна, что для того, чтобы помѣщать выгодно и вѣрно уже имѣющіеся капиталы, требуется особенная дѣловитость, особенно точное и обстоятельное знаніе не только всѣхъ деталей извѣстнаго предпріятія, но и общаго положенія и страны, и всемірнаго рынка. Воспитываемые обыкновенно въ роскоши и безъ дѣловой подготовки дѣти особенно богатыхъ людей должны поручать свои дѣла наемникамъ—и настоящіе собственники конкуррирующихъ съ ними учрежденій быстро осиливаютъ такихъ наемниковъ и раззоряютъ ихъ безпомощныхъ въ этомъ отношеніи хозяевъ. Самыя колоссальныя состоянія распадаются обыкновенно во второмъ, много-много въ третьемъ поколѣніи. Единственными исключеніями являются семейства Асторовъ, и, до самаго послѣдняго времени, Вандербильтовъ. Первое обязано этому исключительно благопріятными обстоятельствами—все ихъ баснословное состояніе, которое трудно оцѣнить даже приблизительно, такъ оно велико, заключается въ поземельной собственности въ главныхъ частяхъ города Нью-Іорка; несмотря на самые

*

безумные расходы и неописуемую роскошь жизни, они не могли раззориться только потому, что ихъ состояніе, совершенно помимо нихъ, росло быстрѣе, чѣмъ самое распутное воображеніе могло его растрачивать. Начало распаденія почти такого же неоцѣнимаго богатства Вандербильтовъ уже положено — часть его ушла въ Англію, какъ приданое молодой герцогини Мальборо, другая— быстро таетъ въ рукахъ теперешняго главы дома, живущаго постоянно въ Европѣ и удивляющаго даже Парижъ своими безумными тратами, третья—раздѣлилась между безчисленными наслѣдниками; четвертое поколѣніе Вандербильтовъ, несомнѣнно, окончательно спустится съ своего золотого пьедестала.

Вторымъ, и крайне симпатичнымъ, противовѣсомъ является все болѣе и болѣе распространяющееся стремленіе надѣлять огромными капиталами разныя общественныя учрежденія, преимущественно разныя высшія ученыя и учебныя заведенія. По числу жителей, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты имѣютъ больше университетовъ и колледжей, чѣмъ какая-либо другая страна въ мірѣ *), и, за исключеніемъ сравнительно небольшого ихъ числа, основаннаго и поддерживаемаго на средства отдѣльныхъ штатовъ, всѣ они и учреждены, и содержатся на пожертвованные съ этой цѣлью частными лицами капиталы. Капиталы эти громадны, и за 1893 годъ, по самой консервативной оцѣнкѣ, простирались до 220 милліоновъ долларовъ; ежегодный же доходъ отъ нихъ и пожертвованій до 18 милліоновъ. За послѣднее десятилѣтіе было очень много такихъ случаевъ, когда на учрежденіе такихъ заведеній жертвовались цѣликомъ огромныя состоянія. Таковы были дары Лика и Станфорда въ Калифорніи, Фэрвитера въ Нью-Іоркѣ, и такимъ, по всѣмъ видимостямъ, окажется недавнее основаніе университета въ Чикаго Рокфеллеромъ, университета,—который и составляетъ предметъ моей настоящей статьи.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1889 года Джонъ Рокфеллеръ (John D. Rockefeller) основатель и одинъ изъ главныхъ владѣльцевъ Standard Oil Company, самаго богатаго, самаго удачнаго и самаго совершеннаго трёста Америки, пожертвовалъ $ 600,000 на возобновленіе закрывшагося по разнымъ причинамъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ университета города Чикаго (Chicago University) съ тѣмъ, чтобы заинтересованные этимъ возобновленіемъ жители города собрали въ теченіе года еще не меньше $ 400,000 и такимъ образомъ образовался бы первоначальный фондъ въ милліонъ долла-

*) Въ 1893 г. ихъ было для мужчинъ и обоихъ половъ 451, для женщинъ 143, всего 594, съ свыше 140.000 студентовъ, въ томъ числѣ 23,5% женщинъ и 5,6% цвѣтныхъ.

ровъ. Это условіе, очень обычное въ Америкѣ при крупныхъ пожертвованіяхъ этого рода, не только было выполнено въ срокъ, но и значительно превзойдено, такъ что, когда въ іюнѣ 1890 г., университетъ былъ инкорпорированъ *), его фондъ превышалъ милліонъ долларовъ, и, кромѣ того, были пожертвованы очень цѣнное и удобное мѣсто для построекъ и нѣсколько значительныхъ библіотекъ и научныхъ коллекцій разнаго рода. Въ теченіе этого года было организовано первое управленіе, состоящее изъ совѣта въ составѣ 21 члена; совѣтъ этотъ выбралъ первымъ президентомъ университета профессора Уэльскаго университета Вильяма Харпера (William Rainey Harper), вступившаго въ должность 1 іюля 1891 г., и въ ноябрѣ того же года начались постройки. Во время Колумбійской всемірной выставки на мѣстѣ, занимающемъ 24 экра, т. е. около восьми десятинъ (уже ведутся переговоры о прикупкѣ еще 12 экровъ, т. е. около четырехъ десятинъ) и расположенномъ какъ разъ между двумя самыми большими публичными парками города, было только одно зданіе, груды матеріаловъ для другихъ, и сотни рабочихъ только съ большимъ трудомъ успѣли окончить зданіе аудиторіи къ открытію, послѣдовавшему 1 октября 1892 г. Къ этому времени средства университета значительно расширились; Рокфеллеръ пожертвовалъ еще два милліона, разныя лица еще около двухъ, и первоначальныя, довольно скромныя предположенія совѣта существенно измѣнились. Быстрый ростъ учрежденія стимулировалъ общественный интересъ, пожертвованія слѣдовали одно за другимъ, Рокфеллеръ не отставалъ отъ публики, и къ веснѣ настоящаго 1896 г. финансовыя средства университета увеличились до громадной суммы въ 11½ милліоновъ долларовъ, изъ которыхъ одинъ Рокфеллеръ пожертвовалъ около 7½ наличными деньгами и государственными облигаціями, такъ что ежегодный доходъ университета отъ его неприкосновеннаго фонда доходитъ уже почти до полумилліона долларовъ. Въ настоящее время уже окончены 13 отдѣльныхъ университетскихъ зданій, и четыре находятся въ процессѣ постройки. Всѣ они возведены по строго опредѣленному плану для всего университета, въ старо-англійскомъ готическомъ стилѣ, изъ синяго нетесаннаго камня, съ красными черепичными крышами и отличаются солидностью, даже суровостью наружнаго вида и простотой внутренней отдѣлки. Въ ихъ числѣ заключаются химическая лабораторія, физическій кабинетъ, гимнастическій залъ, два му-

*) Въ Америкѣ всѣ учрежденія подобнаго общественнаго характера инкорпорируются посредствомъ полученія хартіи отъ штата, на тѣхъ же основаніяхъ, что и частныя акціонерныя компаніи.

зеума, три общежитія для студентокъ и четыре для студентовъ; строятся астрономическая обсерваторія, имѣющая вмѣщать въ себѣ наибольшій телескопъ міра, въ 65 футовъ длины и съ сорока дюймовымъ экваторіальнымъ стекломъ, и біологическій институтъ, на учрежденіе и устройство котораго одна дѣвушка (Miss Helen Culver) только что пожертвовала милліонъ долларовъ. Библіотека университета заключаетъ въ себѣ свыше 300.000 томовъ, и его научные аппараты и пособія стоятъ свыше $ 650.000.

Какъ ни феноменально и какъ ни поучительно это баснословно быстрое финансовое развитіе, въ нѣсколько лѣтъ создавшее изъ ничего одно изъ самыхъ богатыхъ и самостоятельно обезпеченныхъ общественныхъ учрежденій всего міра, внутренніе порядки, методы и задачи университета въ Чикаго не менѣе интересны и многознаменательны, представляя во многихъ отношеніяхъ радикально новыя основы въ дѣлѣ университетскаго образованія вообще. Президентъ Харперъ, еще, сравнительно, совсѣмъ молодой человѣкъ, оказался не только чрезвычайно искуснымъ организаторомъ, но и замѣчательнымъ новаторомъ, смѣлымъ и энергичнымъ. Успѣхъ нѣкоторыхъ изъ его особенно радикальныхъ нововведеній уже не подлежитъ сомнѣнію, и грозитъ въ близкомъ будущемъ совершенно преобразовать роль университетовъ въ народной жизни страны вообще. Правда, почти неограниченныя средства, находящіяся въ его распоряженіи, въ значительной степени облегчаютъ его задачу; тѣмъ не менѣе, его заслуги въ дѣлѣ какъ демократизаціи знанія, такъ и установленіи и искусномъ упроченіи многихъ существенныхъ реформъ во внутреннемъ университетскомъ управленіи громадны, и не подлежитъ сомнѣнію поставятъ его въ весьма близкомъ будущемъ наряду съ именами самыхъ замѣтныхъ, самыхъ серьезныхъ реформаторовъ.

Для русскаго читателя, пожелающаго сдѣлать какія-либо сопоставленія, конечно, необходимо прежде всего принять въ соображеніе положеніе американскихъ университетовъ этого типа вообще. Это учрежденія абсолютно самостоятельныя, не имѣющія ни малѣйшаго отношенія къ какимъ-либо образовательнымъ властямъ. Федеральной образовательной власти, какъ извѣстно, совсѣмъ нѣтъ; федеральный департаментъ народнаго образованія представляетъ исключительно научно-статистическое учрежденіе, не обладающее абсолютно никакимъ авторитетомъ, кромѣ нравственнаго, въ дѣлѣ народнаго образованія въ Союзѣ вообще. Кромѣ центральнаго бюро, въ Вашингтонѣ, состоящаго изъ начальника съ нѣсколькими клерками для кабинетной работы, онъ не обладаетъ рѣшительно никакими органами, и самое его существо-

ваніе ощущается въ Штатахъ только посредствомъ его ежегодныхъ отчетовъ и научныхъ работъ. Эти отчеты и работы не имѣютъ ни для кого никакого обязательнаго характера, и служатъ только какъ богатый матеріалъ для сравненія успѣшности и практичности разныхъ системъ, и, отчасти, педагогическихъ пріемовъ. Ихъ значеніе ограничивается ихъ внутренней добротностью, такъ сказать, и тѣмъ впечатлѣніемъ, которое они производятъ на членовъ конгресса и на публику. Въ жизни различныхъ учебныхъ заведеній ихъ авторитетъ совершенно тотъ же, что и авторитетъ любой частной книги по народному образованію, и долженъ заключаться въ нихъ самихъ, а не въ ихъ источникѣ. Совершенно то же самое примѣнимо и къ образовательной власти штата, если бы и можно было такъ назвать управляющаго народнымъ образованіемъ штата (State Superintendent of Public Instruction). Самое названіе этого чина очень обманчиво и легко можетъ ввести русскаго читателя въ серьезное заблужденіе. Его обязанности чисто административно-финансовыя, и онъ не имѣетъ ни малѣйшаго касательства къ управленію и даже наблюденію за школами штата. Каждое графство, каждый инкорпорированный городъ совершенно самостоятельны въ этомъ отношеніи и сами завѣдуютъ своими школами по своему собственному усмотрѣнію, положительно ни въ чемъ не завися отъ штатнаго управляющаго. Даже спеціальныя учебныя заведенія самого штата, основанныя и поддерживаемыя на его средства, какъ, напр., штатные университеты, нормальныя школы или учительскія семинаріи, училища для слѣпыхъ и глухонѣмыхъ и т. д. управляются своими совершенно самостоятельными совѣтами, завѣдующими ими во всѣхъ отношеніяхъ. Штатный управляющій завѣдуетъ только распредѣленіемъ финансовой помощи штата графствамъ и городамъ, и систематизируетъ и табулируетъ отчеты ихъ управляющихъ въ одинъ общій, штатный, представляемый имъ въ опредѣленные сроки легислатурѣ штата. Словомъ, во внутренней жизни школъ, какъ народныхъ, такъ и частныхъ въ родѣ университета города Чикаго, онъ не имѣетъ ни малѣйшаго авторитета. Хартія штата, получаемая при инкорпораціи, имѣетъ значеніе не разрѣшенія на открытіе, которое не нужно, а легальное установленіе учрежденія, какъ юридическаго лица, имѣющаго право покупать и продавать собственность, искать и отвѣчать, и вообще дѣйствовать сообразно гражданскимъ законамъ штата.

Такой легальный статутъ частно-общественныхъ учебныхъ заведеній, если можно такъ выразиться, типа университета города Чикаго, само собою разумѣется, предоставляетъ ихъ во всѣхъ от-

ношеніяхъ ихъ собственнымъ ресурсамъ, и чрезвычайно способствуетъ самому широкому развитію самодѣятельности. Завися исключительно отъ самихъ себя, какъ и всякое другое частное предпріятіе, они, для того, чтобы заручиться поддержкой общественнаго мнѣнія, такъ необходимой въ Америкѣ для всякаго успѣха, должны быть и крайне осторожными, и давать серьезныя гарантіи своимъ патронамъ. Дипломъ американскаго высшаго учебнаго заведенія не даетъ своему обладателю никакихъ матеріальныхъ выгодъ, въ родѣ извѣстныхъ правъ государственной и общественной службы. Оффиціальнаго образовательнаго ценза здѣсь не существуетъ, программы и условія полученія диплома крайне различны въ каждомъ частно-общественномъ учебномъ заведеніи, и значеніе такого диплома въ обыденной жизни опредѣляется исключительно тѣмъ уровнемъ, на который такое заведеніе успѣло себя поставить въ общественномъ мнѣніи страны. Словомъ, коемуждо предоставляется свобода дѣйствія, но и коемуждо воздается только по дѣламъ его; государство устранилось совершенно отъ регулированія народнаго образованія и въ то же время отказывается и санкціонировать его послѣдствія и выдавать какіе бы то ни было ярлыки кончающимъ курсъ. Читатель легко можетъ сообразить и самъ все то, что неизбѣжно вытекаетъ изъ такого порядка вещей, такъ радикально различнаго отъ того, къ чему онъ привыкъ въ Россіи.

Въ теченіе послѣдняга года въ университетѣ города Чикаго числилось около двухъ тысячъ студентовъ, въ томъ числѣ немного больше одной трети женщинъ. Организація занятій чрезвычайно своеобразна. Всѣ студенты раздѣляются на три части: на проходящихъ собственно университетскій курсъ, обнимающій при обыкновенныхъ условіяхъ четыре года (undergraduate course), на послѣ университетское образованіе на ученую степень (graduate course) и на вольнослушателей (unclassified Students). Преподаваніе продолжается круглый годъ, и годичные курсы раздѣляются на четыре четверти, по 12 недѣль каждый, съ недѣлей вакацій между ними. Каждая четверть, кромѣ того, раздѣляется на два терма. Каждый термъ по всякому предмету заключаетъ въ себѣ извѣстный опредѣленный курсъ, и каждый студентъ можетъ прекращать и возобновлять свои занятія по извѣстному предмету по своему усмотрѣнію. Онъ можетъ или продолжать его безостановочно круглый годъ (на что, впрочемъ, требуется свидѣтельство университетскаго доктора о томъ, что онъ къ этому физически способенъ) или уѣхать на время домой, когда это ему всего удобнѣе. Лѣтніе graduate courses, особенно полны, привлекая къ себѣ уже рабо-

тающихъ на жизненномъ поприщѣ людей всѣхъ возрастовъ, пользующихся обыкновенными лѣтними вакаціями. Введеніе этихъ лѣтнихъ курсовъ, позволяющихъ, во-1-хъ, сильнымъ физически людямъ кончать четырехлѣтній курсъ въ три года, а во-вторыхъ, дающіе возможность и занятымъ весь остальной годъ людямъ, какъ священники, учителя и т. д., продолжать свои ученыя занятія, составляетъ одну изъ отличительныхъ особенностей этого университета, единственнаго въ Америкѣ въ этомъ отношеніи, и, судя по началу, обѣщаетъ сдѣлаться чрезвычайно популярнымъ. Изъ общаго числа студентовъ около 2/5 числятся на undergraduate, около 2/5 на graduate courses и около 1/5 принадлежитъ къ unclassified. Эти послѣдніе не обязаны держать вступительныхъ экзаменовъ и выбираютъ свои занятія по своему усмотрѣнію; для нихъ нѣтъ ничего обязательнаго. Предполагается, что въ одно и то же время студентъ занимается только двумя предметами, однимъ главнымъ, наз. major, другимъ второстепеннымъ, наз. minor; изученіе трехъ предметовъ въ одно время допускается только какъ рѣдкое исключеніе. Для полученія диплома въ окончаніи курса необходимо полное прохожденіе извѣстнаго числа major'овъ и minor'овъ, смотря по факультету и свойству диплома. Университетъ города Чикаго совсѣмъ оставилъ систему большихъ аудиторій съ сотнями студентовъ. Отдѣльные классы не превышаютъ обыкновенно 20, и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ 30 студентовъ. Какъ только число это превышается на извѣстномъ курсѣ, открываются параллельныя отдѣленія. Профессора обязаны слѣдить за индивидуальными успѣхами студентовъ, и, въ случаѣ надобности, помогать имъ внѣ лекцій. Отъ студентовъ undergraduate courses требуется посѣщеніе лекцій въ теченіе 15 часовъ въ недѣлю; graduate—12. Undergraduate courses раздѣляется на четыре факультета: искусствъ (Liberal Arts), литературы, науки и прикладныхъ искусствъ (Practical Arts). Graduate courses раздѣляется на двѣ части: общаго и профессіональнаго образованія. Общее, въ свою очередь, подраздѣлеется на 21 отдѣленіе: политической экономіи, исторіи, геологіи, соціологіи и т. д. Профессіональное на факультеты: теологическій, юридическій, инженерный, технологическій, изящныхъ искусствъ (Fine Arts) и музыки. Еще далеко не всѣ факультеты и отдѣленія открыты вполнѣ—они открываются постепенно, по мѣрѣ того, какъ возрастаютъ средства университета и оканчиваются соотвѣтствующія зданія.

Graduate courses, представляющіе собою уже не учебное, а ученое учрежденіе, занимаются въ значительной степени самостоятельными учеными работами и изслѣдованіями. Вышеупомя-

нутый біологическій институтъ, обѣщающій быть самымъ совершеннымъ, самымъ образцовымъ учрежденіемъ этого рода во всемъ мірѣ по богатству и цѣлостности своихъ приспособленій, представляетъ особенно широкое поле для экспериментовъ въ этой крайне интересной области человѣческаго знанія. Что эти ученыя работы не остаются безъ результатовъ, доказываетъ, во-первыхъ, то, что, не смотря на свою молодость, университетъ города Чикаго уже успѣлъ сдѣлаться разсадникомъ профессоровъ и инструкторовъ для колледжей и университетовъ всего Союза, а во-2-хъ, тѣмъ, что уже оказалось необходимымъ издавать около десяти ученыхъ періодическихъ изданій, посвященныхъ исключительно самостоятельнымъ научнымъ работамъ профессоровъ, и, главное, студентовъ Graduate courses; между ними особенно выдѣляются журналы по соціологіи, политической экономіи, геологіи и т. д. Кромѣ этихъ ученыхъ изданій, выходятъ еще нѣсколько административно-учебныхъ, и чисто студенческихъ, посвященныхъ ихъ общественной жизни и чисто студенческимъ интересамъ.

Читателю, конечно, извѣстна сущность такъ называемаго продолженія университетскаго образованія, сдѣлавшагося извѣстнымъ подъ именемъ University Extension Education, за самые послѣдніе годы получившаго такое широкое примѣненіе, въ особенноста въ Англіи и Америкѣ, и въ настоящее время играющаго огромное значеніе въ нашей общественной жизни вообще. До сихъ поръ этимъ Extension занимались спеціальныя учрежденіи, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ, напр., общество Chatauqua, успѣли уже получить всемірную извѣстность. Университетъ города Чикаго былъ первымъ въ Америкѣ, который съ самаго начала создалъ самостоятельный департаментъ для распространенія Extension, и обратилъ на него особенное вниманіе. Значительныя средства ассигнуются ежегодно спеціально въ распоряженіе этого департамента, личный составъ котораго уже состоитъ изъ ста почти профессоровъ и инструкторовъ.

По моему крайнему разумѣнію, нельзя преувеличить значенія University Extension для современнаго человѣчества, его важности и существенности. Это первый практическій способъ къ популяризаціи и демократизаціи знанія на прочныхъ основаніяхъ. До сихъ поръ университетское образованіе было доступно только, сравнительно, очень немногимъ избраннымъ. Благодаря University Extension оно приблизилось къ народнымъ массамъ, и университетъ города Чикаго имѣетъ полное право называть себя университетомъ массъ. Первымъ и самымъ главнымъ средствомъ служитъ курсъ лекцій внѣ университетскихъ стѣнъ, въ окрестныхъ городахъ и мѣстеч-

кахъ не только штата Иллинойсъ, но и другихъ сосѣднихъ. Въ теченіе прошлаго года были прочитаны 71 курсъ, изъ 6 лекцій каждый, и эти курсы слушали слишкомъ 15.000 лицъ. Курсы эти читались по литературѣ, соціологіи, антропологіи, философіи, исторіи и т. д. Затѣмъ, въ городѣ Чикаго, въ одномъ изъ большихъ общественныхъ залъ, постоянно читаются курсы американской политической исторіи для всѣхъ желающихъ. Кромѣ того, имѣется отдѣленіе спеціальныхъ классовъ, числомъ 51, въ городѣ Чикаго и его окрестностяхъ, въ которыхъ круглый годъ проходятся разные предметы въ объемѣ полнаго университетскаго курса. Наконецъ, учреждены курсы посредствомъ письменныхъ сношеній: 30 профессоровъ заняты исключительно ими, и въ прошломъ году они завѣдывали 74 отдѣльными курсами, имѣя въ числѣ студентовъ жителей почти всѣхъ штатовъ Союза и даже нѣсколькихъ иностранныхъ государствъ. Въ теченіе прошлаго года посредствомъ всѣхъ этихъ способовъ. 23.584 человѣка пользовались услугами департамента University Extension университета города Чикаго.

Само собой разумѣется, что University Extension, какъ дѣло очень новое, все еще находится до извѣстной степени въ экспериментальномъ и организаціонномъ періодѣ, и его способы и методы еще долго будутъ измѣняться и совершенствоваться. Тѣмъ не менѣе, въ данномъ случаѣ оно успѣло пустить глубокіе корни, и какъ число занятыхъ имъ профессоровъ, лекцій и курсовъ, такъ и, главное, число студентовъ идетъ впередъ громадными скачками съ каждымъ годомъ. Какъ и во всякомъ другомъ новомъ дѣлѣ, особенно трудны первые шаги—самое жизненное, самое необходимое дѣло иногда разбивается и отсрачивается первыми неудачами. Университетъ города Чикаго уже оставилъ назади эту стадію; дѣло University Extension въ немъ поставлено прочно и надежно и, согласно послѣднему отчету, на него предполагается обратить особое вниманіе и расширять его по мѣрѣ возможности и нарождающейся въ немъ потребности, не останавливаясь ни передъ какими затратами.

Университетъ города Чикаго принялъ въ число своихъ непосредственныхъ задачъ и другое нововведеніе, обѣщающее имѣть серьезное вліяніе на дѣло народнаго образованія у насъ вообще. Дѣло въ томъ, что въ Америкѣ каждый городъ, каждое мало-мальски значительное мѣстечко всегда стремится имѣть свое собственное высшее учебное заведеніе. Громадное большинство этихъ маленькихъ, деревенскихъ, такъ сказать, колледжей или академій, какъ они обыкновенно называются, учреждаются на частныя средства, и поддерживаются частью пожертвованіями, частью помощью

отъ мѣстныхъ совѣтовъ народнаго образованія. Всѣ такія учебныя заведенія имѣютъ самостоятельные курсы, преслѣдуютъ самостоятельныя задачи и пользуются абсолютной независимостью какъ въ своихъ образовательныхъ методахъ, такъ и въ опредѣленіи уровня необходимыхъ познаній для диплома. Само собой разумѣется, что они не могутъ дать своимъ студентамъ ни тѣхъ роскошныхъ научныхъ приспособленій, ни библіотекъ, ни факультетовъ профессоровъ, которыми пользуются большіе университеты съ обширными матеріальными средствами. За то они ближе къ родинѣ студента, образованіе въ нихъ стоитъ ему гораздо дешевле и, главное, городъ или мѣстечко, благодаря имъ, имѣетъ въ своей средѣ значительную группу образованныхъ людей, всегда почти имѣющихъ существенное вліяніе на всю его умственную и нравственную жизнь. Кромѣ своего прямого назначенія, они играютъ въ этомъ направленіи и косвенную роль, нерѣдко чрезвычайно способствующую дѣлу распространенія и знанія и здравыхъ идей вообще. Серьезно образованные люди не могутъ не имѣть извѣстнаго, нерѣдко крайне благотворнаго вліянія на окружающую ихъ исключительно дѣловую среду. Я лично всегда придавалъ самое серьезное значеніе этимъ мелкимъ образовательнымъ учрежденіямъ; я знаю примѣръ, когда даже одинъ живой профессоръ освѣщаетъ своей личностью цѣлую мѣстность. Какъ ни заманчивы огромные университеты съ блестящими факультетами и обширными научными и общеобразовательными приспособленіями, они въ то же время неизбѣжно имѣютъ тенденцію централизовать знаніе, обособлять и локализировать его, вытягивать изъ большаго района все живое и почему-либо выдающееся—а я заклятый врагъ всякой централизаціи, какъ бы она ни проявлялась. Университетъ города Чикаго смотритъ на свои задачи именно съ этой точки зрѣнія, и не только не стремится къ поглощенію этихъ мелкихъ образовательныхъ учрежденій, что до сихъ поръ всегда и вездѣ дѣлали его старшіе собратья въ Америкѣ, а, напротивъ, посвящаетъ извѣстную долю своей дѣятельности аффиліаціи съ ними и доставляетъ имъ поддержку во многихъ отношеніяхъ. Онъ вступилъ уже въ непосредственную связь съ нѣсколькими десятками такихъ колледжей въ цѣлой полудюжинѣ окрестныхъ штатовъ, и помогаетъ имъ и своимъ нравственнымъ вліяніемъ, и педагогическимъ опытомъ. Такія воздѣйствіе и поддержка, послѣдовательныя и искреннія, въ извѣстныхъ случаяхъ крайне существенно помогаютъ особенно молодымъ заведеніямъ, еще борющимся за существованіе и не успѣвшимъ прочно основаться.

Для своихъ иногороднихъ студентовъ и студентокъ университетъ города Чикаго завелъ общежитія, устроенныя на очень оригинальныхъ, новыхъ началахъ. Семь отдѣльныхъ зданій, каждое выстроенное на особыя отъ разныхъ лицъ именно на этотъ предметъ пожертвованія, и носящія имена своихъ основателей, приспособлены спеціально для этихъ общежитій. Жизнь въ нихъ, включая квартиру, полное содержаніе и всѣ необходимые расходы, обходится студентамъ въ три съ половиною доллара въ недѣлю. Каждое общежитіе совершенно самостоятельно; единственной связью между ними и университетскимъ управленіемъ является одно назначаемое этимъ послѣднимъ на каждое изъ нихъ лицо, мужчина въ мужскихъ и женщина въ женскихъ, играющее роль совѣтника или облеченнаго только личнымъ, нравственнымъ вліяніемъ руководителя, буде онъ почему-либо окажется нужнымъ. Правила, руководящія внутренней жизнью общежитій, составляются самими студентами или студентками, безъ малѣйшаго вмѣшательства университетскихъ властей. Правила эти существенно различествуютъ въ разныхъ общежитіяхъ, сообразно темпераментамъ большинства сочленовъ, и могутъ измѣняться и совершенствоваться, смотря по надобности. Желающіе вступить въ извѣстное общежитіе принимаются сначала на шестинедѣльное испытаніе, и затѣмъ баллотируются закрытымъ голосованіемъ. Каждое общежитіе организовано выборнымъ бюро, имѣетъ предсѣдателя, секретаря и казначея, и наблюдательный совѣтъ. Общее американское парламентарное право трактуется на всѣхъ собраніяхъ общежитій, и всѣ дѣла рѣшаются съ соблюденіемъ самаго строгаго дѣлового порядка. Каждое общежитіе даетъ свои вечера, устраиваетъ праздники, литературныя и музыкальныя собранія. Общеніе между обоими полами совершенно свободное, и общежитія эти являются не закрытыми пансіонами, а свободными учрежденіями взрослыхъ людей, соединившихся только для общей пользы и совершенствованія. Эта зеленая молодежь, собранная со всѣхъ концовъ Союза, и, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, прямо изъ родительскаго гнѣзда, предоставляется вполнѣ ея собственной самодѣятельности; тѣмъ не менѣе, въ теченіе трехлѣтняго существованія этихъ общежитій, не было ни одного скандала, ни одного нарушенія не только общественныхъ приличій, но и самыхъ обыкновенныхъ житейскихъ правилъ.

Смотря по своимъ личнымъ склонностямъ, и профессора, и студенты организовали въ своей средѣ массу самыхъ разнообразныхъ обществъ и клубовъ. Всѣ искусства, всѣ спорты имѣютъ своихъ приверженцевъ и свои спеціальныя организаціи. Университетъ имѣетъ нѣсколько хоровъ, нѣсколько оркестровъ, самостоятельные

составы членовъ для игры въ футъ-боллъ, крикетъ, лоунъ тенисъ и т. д. Имѣются и литературныя, и декламаторскія, и театральныя общества. Гимнастикѣ и физическому развитію тоже придано весьма серьезное значеніе—для Undergraduates они обязательны, и университетъ содержитъ нѣсколькихъ инструкторовъ, спеціально для этого подготовленныхъ.

Устраивая эти общежитія, университетъ города Чикаго прежде всего стремится къ тому, чтобы доставить оторванной отъ семьи молодежи, пріѣхавшей въ чужой огромный городъ, нѣчто такое, чтó бы до извѣстной степени замѣнило ей домашній кровъ и въ то же время послужило бы серьезной школой для будущаго. Американскій народъ вообще гораздо болѣе довѣряетъ своей молодежи, чѣмъ старая Европа; у насъ дѣти перестаютъ быть дѣтьми гораздо раньше, и, въ большинствѣ случаевъ, уже достигнувъ только 16, даже 15-лѣтняго возраста, дѣлаются относительно самостоятельными. Тѣмъ не менѣе, такая рѣзкая перемѣна, какъ переѣздъ изъ маленькаго захолустнаго провинціальнаго городка въ такой современный Вавилонъ, какъ Чикаго, изобилующій всяческими соблазнами, неизбѣжно сопряженъ съ извѣстной долей опасности, въ особенности для живыхъ, страстныхъ темпераментовъ. Старая Европа предпочитаетъ въ этомъ случаѣ надзоръ и опеку, иногда равносильные тюремному заключенію — молодая Америка, наоборотъ, оставляетъ своей молодежи ту же самостоятельность, которой они пользовались и у себя дома, но старается обставить ихъ новую жизнь такъ, чтобы она была полна и достаточно интересна сама по себѣ. Всякія наклонности, всякія стремленія могутъ найти себѣ надлежащее примѣненіе въ стѣнахъ университета города Чикаго; общій духъ учрежденія немедленно охватываетъ новичка сильнѣе, чѣмъ это могли бы сдѣлать какія-либо писанныя правила или внѣшнія давленія, и онъ осваивается съ своимъ новымъ положеніемъ гораздо быстрѣе и, главное, охотнѣе.

Въ своемъ послѣднемъ годовомъ публичномъ отчетѣ президентъ Харперъ обращается съ краснорѣчивымъ воззваніемъ къ дальнѣйшимъ пожертвованіямъ со стороны города Чикаго. Онъ развиваетъ грандіозный планъ дальнѣйшихъ усовершенствованій и расширенія дѣятельности этого младшаго американскаго университета, планъ, который поставитъ его не только на равную ногу, но и впереди всѣхъ другихъ учрежденій этого рода въ Америкѣ. Онъ думаетъ, что нравственный долгъ не только поддержки, но и возможнаго расширенія университета былъ возложенъ на жителей Чикаго, гордящихся и своимъ городомъ, и его учрежденіями, тѣмъ способомъ, который Рокфеллеръ принялъ для своихъ по истинѣ

царскихъ даровъ—онъ обращаетъ особенное вниманіе публики на то обстоятельство, что Рокфеллеръ положительно отказался отъ той чести, чтобы его имя было дано основанному имъ университету, настоялъ на томъ, чтобы онъ былъ названъ именно университетомъ города Чикаго, ни разу до сихъ поръ не посѣтилъ его, ни разу какимъ бы то ни было образомъ, ни словомъ, ни дѣломъ, ни совѣтомъ, не вмѣшался въ какія бы то ни было распоряженія по устройству и организаціи учрежденія. Харперъ думаетъ, что такимъ образомъ дѣйствій Рокфеллеръ больше чѣмъ словами указываетъ городу на его обязанности относительно университета, на то, что именно народъ долженъ и руководить имъ, и заботиться о его дальнѣйшемъ преуспѣяніи.

П. А. Тверской.

1-е октября 1896 г.
Joamosa,
San Bernardino Co., Cal.
United States of North America.

Вліяніе экономическихъ условій на развитіе общества.

(Къ вопросу объ историческомъ матеріализмѣ *Фр. Энгельса*).

Переводъ съ нѣмецкаго Н. Р—на.

Съ взглядами Фр. Энгельса на значеніе экономическихъ условій въ ходѣ развитія общественныхъ отношеній русскіе читатели болѣе или менѣе знакомы изъ его капитальнаго труда «Происхожденіе семьи, частной собственности и государства», вышедшаго на русскомъ языкѣ года два тому назадъ *) и выдержавшаго три изданія. Предлагаемыя ниже три выдержки изъ работъ того же автора, въ сущности, представляютъ лишь сжатое изложеніе того, что развито имъ въ упомянутомъ сочиненіи. Тѣмъ не менѣе, мы находимъ нелишнимъ дать имъ мѣсто на страницахъ журнала «для самообразованія», такъ какъ въ нихъ читатели найдутъ, въ краткой и ясной формулировкѣ, отвѣтъ на два капитальные въ исторіи вопроса:

1) Какъ далеко простирается *причинное* вліяніе экономическихъ условій; служатъ ли они достаточной причиной, или поводомъ, или постояннымъ условіемъ, и т. д.—общественнаго развитія.

2) Какую роль, согласно теоріи историческаго матеріализма, играютъ въ развитіи общественныхъ отношеній факторы—раса и историческія *индивидуальности* (великіе люди).—*Ред.*

---

1. Подъ экономическими условіями, которыя мы, говоритъ Энгельсъ, считаемъ главной основой исторіи общественности, мы разумѣемъ роды и способы, посредствомъ которыхъ люди данной общественной эпохи производятъ средства существованія и обмѣниваются между собой продуктами (насколько существуетъ раздѣленіе труда). Поэтому, въ нихъ заключается полная картина техники производства и путей сообщенія. Эта техника, по нашимъ взглядамъ, обусловливаетъ родъ и способъ обмѣна, а за-

*) См. «Міръ Божій», 1895 г., августъ, «Библіогр. отд.».

тѣмъ и раздѣленіе продуктовъ труда, слѣдовательно—по исчезновеніи родового общества—и раздѣленіе на классы, далѣе соотношеніе между господствомъ и угнетеніемъ, и, наконецъ, государство, политику, право и т. д.

Подъ экономическими отношеніями надо, кромѣ того, разумѣть географическое положеніе мѣстности, на которой они развиваются, а также фактически сохранившіеся остатки болѣе раннихъ ступеней экономическаго развитія, уцѣлѣвшіе часто единственно благодаря традиціи или силѣ инерціи; сюда, конечно, надо тоже причислить среду, окружающую данную общественную форму.

Однако, если техника, какъ говорятъ, зависитъ, по большей части, отъ состоянія науки, то, съ другой стороны, состояніе науки еще въ гораздо большей степени зависитъ отъ *состоянія* и *потребностей* техники. Если въ обществѣ существуетъ извѣстная техническая потребность, то она двигаетъ науки впередъ сильнѣе десяти университетовъ. Вся гидростатика (Торричелли и т. д., вызвана была потребностью урегулированія горныхъ рѣкъ въ Италіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Объ электричествѣ мы знаемъ сколько-нибудь положительнаго только съ тѣхъ поръ, когда явилась возможность его техническаго примѣненія. Къ сожалѣнію, въ Германіи *) привыкли писать исторію наукъ такимъ образомъ) какъ будто бы онѣ свалились съ неба.

2. Мы считаемъ экономическія отношенія въ послѣдней инстанціи обусловливающими историческое развитіе. Но раса сама представляетъ тоже экономическій факторъ. При этомъ, однако не слѣдуетъ закрывать глаза на слѣдующіе два пункта:

а) Развитіе политическое, философское, религіозное, литературное, художественное и т. д. опирается на экономическое. Но всѣ эти различныя категоріи общественныхъ явленій вліяютъ взаимно другъ на друга и на свою экономическую основу. Дѣло обстоитъ не такъ, какъ будто экономическое положеніе является *единственной активной причиной,* а все остальное только пассивнымъ слѣдствіемъ.

Общественное развитіе есть результатъ взаимнаго воздѣйствія различныхъ факторовъ на основаніи экономической необходимости, пріобрѣтающей преобладающее значеніе только въ послѣдней инстанціи. Государство, напримѣръ, оказываетъ вліяніе при помощи протекціонной системы или свободной торговли, хорошей или плохой фискальной системы; даже смертельная немощь и безсиліе нѣмецкаго бюргера, которыя явились слѣдствіемъ плачевнаго эконо-

*) И не только въ Германіи.

мическаго состоянія Германіи съ 1648 г. по 1830 г. и которыя проявились сначала подъ видомъ ханжества, а затѣмъ сентиментальности и низкаго холопства, даже онѣ, съ своей стороны, не остались безъ вліянія на развитіе экономическихъ отношеній. Это было одной изъ сильнѣйшихъ помѣхъ для ихъ оживленія, и эти умственныя черты нѣмецкаго филистера сгладились немного только подъ вліяніемъ войнъ великой революціи и наполеоновскихъ, когда хроническая нищета смѣнилась острой. Общественное развитіе не представляетъ поэтому, какъ это себѣ нѣкоторые тамъ и сямъ желаютъ вообразить, автоматическаго производнаго экономическаго положенія; напротивъ, люди сами создаютъ свою исторію, сообразуясь только съ данной сферой, обусловливающей ее, и на почвѣ существующихъ фактическимъ отношеній, среди которыхъ экономическія отношенія, какъ бы ни было велико на нихъ вліяніе другихъ отношеній, политическихъ, идеологическихъ и иныхъ, въ послѣдней инстанціи являются рѣшающими и представляютъ красную нить, единственно ведущую къ пониманію всего узора.

b) Люди сами создаютъ свою исторію, но до настоящаго времени это дѣлается не коллективной волей и не по общему плану, хотя бы даже въ сферѣ нѣкоторой тѣсно ограниченной общественности. Ихъ стремленія скрещиваются, и потому именно во всѣхъ обществахъ господствуетъ *необходимость*, дополненіемъ которой и видимой формой является *случайность*. Необходимость, пробивающаяся сквозь разнаго рода случайности,—опять-таки экономическаго характера. Здѣсь мы должны коснуться вопроса о такъ называемыхъ великихъ людяхъ. Что какой-нибудь великій человѣкъ, и именно тотъ, а не другой, является въ данной странѣ и въ данное опредѣленное время, это, конечно, чистая случайность. Но не будь его, во всякомъ случаѣ остается спросъ на его замѣстителя, и этотъ замѣститель является tant bien que mal, но. принявши въ разсчетъ извѣстный болѣе продолжительный періодъ времени, является непремѣнно Что именно Наполеонъ былъ тѣмъ корсиканцемъ, военнымъ диктаторомъ, котораго сдѣлала необходимымъ французская республика, истощенная домашними смутами, это была случайность; но что, при отсутствіи Наполеона, его мѣсто занялъ бы кто-либо другой, это доказывается фактомъ, что такой человѣкъ всегда находился, когда онъ былъ нуженъ: Цезарь, Августъ, Кромвель и т. д. Если Марксъ высказалъ матеріалистическій взглядъ на исторію, то Тьерри, Минье, Гизо и всѣ англійскіе историки свидѣтельствуютъ, что къ этому существовало стремленіе, а открытіе того же самаго закона Морганомъ

подтверждаетъ, что время для него уже пришло и что онъ долженъ былъ быть открытымъ.

То же самое происходитъ и со всякой другою случайностью, или скорѣе—мнимой случайностью, въ исторіи. Чѣмъ далѣе отстоитъ изслѣдуемая нами область отъ экономической и чѣмъ болѣе приближается она къ чистой отвлеченной идеологіи, тѣмъ болѣе найдемъ въ ней случайностей и тѣмъ болѣе зигзагообразной будетъ кривая ея развитія. Но начертите ось, пересѣкающую эту кривую, и вы увидите, что, чѣмъ болѣе длинный промежутокъ времени вы будете разсматривать и чѣмъ обширнѣе будетъ изслѣдуемая вами область, тѣмъ болѣе эта кривая будетъ стремиться къ параллелизму съ осью экономическаго развитія.

Самымъ сильнымъ препятствіемъ для надлежащаго пониманія этого вопроса является въ Германіи ужасное игнорированіе экономическихъ вопросовъ въ литературѣ. Поэтому-то и такъ трудно не только отвыкнуть отъ историческихъ понятій, пріобрѣтенныхъ въ школѣ, но даже собрать необходимый для этого матеріалъ.

Мы сами создаемъ свою исторію, но на основѣ очень опредѣленныхъ и напередъ данныхъ условій. Между этими послѣдними экономическія являются въ послѣднемъ счетѣ рѣшающими. Однако, условія политическія и проч. и даже традиціи, бродящія въ головахъ людей, также играютъ нѣкоторую роль, хотя и не рѣшающую. Прусское государство также возникло и развивалось вслѣдствіе историческихъ причинъ, а въ послѣдней инстанціи—экономическихъ. Было бы, однако, педантизмомъ утверждать, что если изъ числа многихъ мелкихъ княжествъ Сѣверной Германіи Бранденбургъ сталъ державой, представляющей экономическія, лингвистическія, а со временъ реформаціи—и религіозныя различія между сѣверомъ и югомъ Германіи, то это произошло именно вслѣдствіе экономической необходимости, а не благодаря также другимъ факторамъ (прежде всего благодаря его отношенію къ Польшѣ, вслѣдствіе владѣнія Пруссіей, слѣдовательно, благодаря международнымъ политическимъ отношеніямъ, которыя вѣдь и въ развитіи австрійскаго могущества играли рѣшающую роль). Мы стали бы смѣшными, если бы захотѣли объяснить экономически возникновеніе каждаго мелкаго нѣмецкаго княжества въ настоящемъ и прошедшемъ.

Исторія создается такимъ образомъ, что конечный результатъ является всегда слѣдствіемъ столкновенія многихъ отдѣльныхъ стремленій, изъ коихъ каждое, въ свою очередь, есть слѣдствіе множества частныхъ житейскихъ условій. Такимъ образомъ, без-

численныя, по всевозможнымъ направленіямъ дѣйствующія силы, безконечная группа параллелограмовъ силъ даютъ равнодѣйствующую—историческій результатъ; этотъ результатъ, разсматриваемый отдѣльно, мы можемъ считать продуктомъ силы, вообще дѣйствующей безъ сознанія и воли. Ибо, чего желаетъ каждая отдѣльная единица, тому противодѣйствуетъ всякая другая, и происходитъ отсюда то, чего не хотѣлъ никто. Таковъ ходъ всей исторіи вплоть до настоящаго времени, представляющій нѣчто въ родѣ естественнаго процесса и подчиненный, въ сущности, тѣмъ же самымъ законамъ. Но если единичныя воли, изъ коихъ каждая хочетъ того, къ чему ее побуждаютъ физическая организація и внѣшнія условія, въ послѣднемъ счетѣ экономическія — не достигаютъ того, чего хотятъ, но даютъ что-то среднее—общую равнодѣйствующую, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что каждая изъ нихъ равноцѣнна нулю. Напротивъ, каждая изъ нихъ вліяетъ на общую равнодѣйствующую и до извѣстной степени въ ней содержится.

Гдѣ совершилось общественное раздѣленіе труда, тамъ отдѣльные члены этого раздѣленія взаимно противопоставляются и становятся независимыми другъ отъ друга. Производство представляетъ факторъ, въ послѣдней инстанціи рѣшающій. Однако, тамъ, гдѣ торговля произведеніями противопоставляется производству, какъ самостоятельный факторъ, тамъ развитіе ея, хотя вообще и зависитъ отъ производства, но—въ подробностяхъ и въ рамкахъ этой общей зависимости подлежитъ, однако, своимъ собственнымъ законамъ, свойственнымъ этому новому фактору. Развитіе это имѣетъ свои собственныя фазы и съ своей стороны вліяетъ на развитіе производства. Открытіе Америки было вызвано потребностью въ золотѣ, которая уже издавна толкала португальцевъ въ Африку, ибо могущественный ростъ европейской промышленности въ XIV и XV вѣкахъ и двигающаяся вслѣдъ за нимъ торговля требовали больше средствъ обмѣна, нежели ихъ могла доставить Германія—эта великая страна серебра съ 1450 по 1550 гг. Покореніе Индіи португальцами, голландцами и англичанами между 1500—1800 гг. имѣло цѣлью *вывозъ изъ Индіи*; о ввозѣ же въ эту страну никто и не думалъ. А между тѣмъ, какое громадное вліяніе оказали на промышленность эти открытія и завоеванія, вызванныя исключительно потребностями торговли,—можно сказать, что только спросъ съ цѣлью вывоза въ эти страны создалъ и развилъ крупную промышленность. То же самое происходитъ и съ денежнымъ рынкомъ. Тамъ, гдѣ спекуляція деньгами отдѣлилась отъ товарной торговли, тамъ она имѣетъ въ извѣстныхъ условіяхъ,

созданныхъ производствомъ и товарной торговлей, и въ рамкахъ этихъ условій—собственное развитіе, свои, свойственные ей, законы и особые фазисы. Если же спекуляція деньгами въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи обнимаетъ и цѣнныя бумаги, если въ нее войдутъ не только государственныя бумаги, но также и акціи промышленныхъ и транспортныхъ предпріятій, если, такимъ образомъ, спекуляція деньгами получаетъ непосредственную власть надъ производствомъ, которое вообще само господствуетъ надъ нею, тогда воздѣйствіе денежной спекуляціи на производство станетъ еще могущественнѣй и сложнѣй.

Денежные спекулянты являются владѣльцами желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ, заводовъ и т. д. Эти предпріятія принимаютъ двоякій видъ: съ одной стороны они должны сообразоваться непосредственно съ интересами производства, а съ другой—съ потребностями акціонеровъ, какъ денежныхъ спекулянтовъ. Самый рѣзкій примѣръ подобнаго явленія представляютъ сѣверо-американскія желѣзныя дороги, устройство которыхъ зависитъ всецѣло отъ временныхъ биржевыхъ спекуляцій какого-нибудь Джой Гульда или Вандербильдта и т. д., совершенно чуждыхъ данной желѣзной дорогѣ и ея нуждамъ, какъ средству сообщенія. Даже здѣсь, въ Англіи, мы видѣли борьбу различныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, продолжавшуюся десятки лѣтъ изъ-за районовъ, прилегающихъ къ нимъ,—борьбу, въ которой потрачено было много денегъ не для цѣлей производства и сообщенія, но единственно изъ-за конкурренціи, облегчающей биржевыи спекуляціи торгующихъ деньгами акціонеровъ. Отмѣчая выше въ нѣсколькихъ словахъ свой взглядъ на отношеніе, существующее между производствомъ и торговлей товарами, а съ другой стороны между этими двумя и денежной спекуляціей, я, собственно, отвѣтилъ уже на вопросъ, касающійся историческаго матеріализма вообще. Всего легче уяснить себѣ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія *раздѣленія труда*.

Общество создаетъ извѣстныя общія функціи, безъ которыхъ оно не можетъ обойтись. Люди, назначенные для исполненія этихъ функцій, образуютъ новую вѣтвь раздѣленія труда *внутри общества*. Такимъ образомъ, они начинаютъ имѣть по отношенію къ своимъ мандатаріямъ *отдѣльные* интересы, становятся по отношенію къ нимъ самостоятельными, и вотъ возникло *государство*.

Здѣсь происходитъ то же самое, что и съ товарной торговлей, а затѣмъ и съ денежной: новый самостоятельный факторъ долженъ, правда, въ общемъ подчиняться развитію производства, но вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе свойственной ему, т. е. однажды сообщенной и постепенно развивающейся дальше относительной само-

стоятельности, долженъ воздѣйствовать, въ свою очередь, на условія и развитіе производства. Здѣсь мы имѣемъ *взаимодѣйствіе* двухъ неравныхъ силъ: съ одной стороны экономическаго процесса, а съ другой—новаго политическаго фактора, стремящагося къ возможно большей самостоятельности и обладающаго однажды сообщеннымъ и уже *собственнымъ движеніемъ*. Экономическій процессъ, вообще, получаетъ перевѣсъ, но принужденъ все-таки подчиниться вліянію созданныхъ имъ самимъ и одаренныхъ относительною самостоятельностью политическихъ факторовъ: съ одной стороны развившейся государственной власти, съ другой — одновременно съ ней призванной къ жизни оппозиціи. Какъ въ денежномъ рынкѣ, вообще, и съ выше сдѣланными оговорками, отражается движеніе промышленнаго рынка и, разумѣется, въ искаженномъ видѣ, такъ точно въ борьбѣ между правительствомъ и оппозиціей отражается борьба ранѣе уже существующихъ, борющихся между собою классовъ, но тоже въ искаженномъ видѣ, не прямо, а косвенно, не какъ борьба классовъ, а какъ борьба изъ-за политическихъ принциповъ, и то до такой степени уродливо, что уже прошли тысячелѣтія, пока люди это хорошо поняли.

Воздѣйствіе государственной власти на экономическое развитіе можетъ быть трехъ родовъ: оно можетъ слѣдовать въ томъ же направленіи, что и экономическое развитіе,—тогда послѣднее совершается быстрѣе; можетъ дѣйствовать въ противоположномъ направленіи,—тогда она, по крайней мѣрѣ у великихъ народовъ, терпитъ пораженіе послѣ нѣкотораго времени; наконецъ, она можетъ отрѣзать экономическому развитію нѣкоторыя русла и предоставить ему новыя. Послѣдній случай въ результатѣ сводится къ одному изъ двухъ предыдущихъ. Ясно, однако, что, во второмъ и третьемъ случаѣ политическая сила можетъ причинить большой вредъ экономическому развитію и вызвать громадную безполезную трату силъ и матеріи. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть и о случаяхъ усвоиванія и грубаго истребленія экономическихъ источниковъ, вслѣдствіе чего прежде, при извѣстныхъ условіяхъ, могло исчезнуть все мѣстное національное экономическое развитіе. Этотъ случай въ настоящее время имѣетъ обыкновенно обратныя слѣдствія, по крайней мѣрѣ у великихъ націй; покоренный, если принять въ разсчетъ нѣкоторый, болѣе длинный промежутокъ времени, выигрываетъ не рѣдко въ экономическомъ, политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ больше покорителя.

Съ законодательствомъ дѣло обстоитъ точно такъ же; какъ только станетъ необходимымъ новое раздѣленіе труда, создающее профессіональныхъ юристовъ, сейчасъ же открывается новая само-

стоятельная область, которая, при всей своей общей зависимости отъ производства и торговли, обладаетъ однако же нѣкоторой способностью воздѣйствія на эти факторы. Въ современномъ государствѣ законодательство должно соотвѣтствовать не только общему экономическому положенію и быть его выраженіемъ,—оно должно быть выраженіемъ однороднымъ, представлять собою цѣльность, не уничтожаясь внутренними противорѣчіями.

Ради достиженія этого единства, вѣрное отраженіе экономическихъ отношеній все болѣе и болѣе затемняется. Это обнаруживается тѣмъ сильнѣе, что рѣдко можно встрѣтить кодексъ, являющійся рѣзкимъ, не смягченнымъ и не замаскированнымъ выраженіемъ господства одного класса: такой кодексъ былъ бы, вѣдь, въ противорѣчіи съ «чувствомъ законности». Чистыя послѣдовательныя понятія революціонной буржуазіи 1792—1796 годовъ видоизмѣнены вѣдь во многихъ отношеніяхъ уже въ кодексѣ Napoleon'а, по скольку же они въ немъ воплощаются—должны ежедневно подвергаться всевозможнымъ смягченіямъ, вслѣдствіе возрастающаго могущества пролетаріата. Это не мѣшаетъ кодексу Наполеона служить основаніемъ для всѣхъ новыхъ законодательствъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Такимъ образомъ, процессъ «юридическаго развитія» состоитъ преимущественно только въ томъ, что прежде всего стараются устранить противорѣчія, вытекающія изъ непосредственнаго переложенія экономическихъ отношеній на юридическіе принципы, и создать стройную юридическую систему, а затѣмъ вліяніе и сила дальнѣйшаго экономическаго развитія безпрерывно производитъ ломку этой системы и запутываетъ ее въ новыя противорѣчія (я говорю здѣсь, прежде всего, только о гражданскомъ законодательствѣ).

Отраженіе экономическихъ отношеній въ юридическихъ принципахъ является по необходимости искаженнымъ: оно происходитъ, не доходя до сознанія дѣйствующихъ лицъ. Юристъ воображаетъ, что онъ дѣйствуетъ на основаніи апріористическихъ принциповъ, тогда какъ они представляютъ лишь экономическіе рефлексы. Такимъ образомъ, все идетъ на выворотъ. Само собой понятно, что это изображеніе въ обратномъ видѣ, представляющее то, что мы называемъ *идеологическимъ воззрѣніемъ*, съ своей стороны опять *воздѣйствуетъ* на экономическую основу и, въ извѣстныхъ предѣлахъ, можетъ ее видоизмѣнить. Законы о наслѣдствахъ при одинаковой степени развитія семьи, имѣютъ экономическую основу. Было бы, однако, трудно доказать, что, напримѣръ, абсолютная свобода завѣщанія въ Англіи и сильныя ограниченія этой свободы во Франціи имѣютъ во всѣхъ подробностяхъ

единственно экономическія причины. Оба эти закона о наслѣдствахъ чрезвычайно сильно дѣйствуютъ на экономику, вліяя на раздѣлъ богатства. Что касается еще выше висящихъ въ воздухѣ категорій: религіи, философіи и т. д., то онѣ имѣютъ въ своемъ распоряженіи доисторическій инвентарь, который исторія застала и заприходовала. Въ основѣ различныхъ ложныхъ представленій о природѣ, о свойствахъ самого человѣка, о духахъ, о волшебныхъ силахъ и т. д. лежитъ экономическій факторъ, преимущественно только въ отрицательномъ смыслѣ: дополненіемъ, а иногда также условіемъ или даже причиной низкой ступени экономическаго развитія доисторической эпохи были ложныя представленія о природѣ. И хотя экономическія потребности были, а съ теченіемъ времени все больше и больше становились главной пружиной естествознанія, но было бы, однако, педантизмомъ искать экономическихъ причинъ для всего этого доисторическаго вздора. Исторія наукъ есть исторія постепеннаго устраненія этого вздора или, скорѣе, замѣненія его другимъ, но все менѣе и менѣе безсмысленнымъ вздоромъ. Люди, занимающіеся этимъ, принадлежатъ, опять-таки, къ отдѣльнымъ сферамъ раздѣленія труда и мнятъ себя дѣйствующими въ самостоятельной области. И поскольку они составляютъ самостоятельную группу въ общественномъ раздѣленіи труда, по стольку ихъ произведенія, вмѣстѣ съ ихъ ошибками, оказываютъ взаимное вліяніе на все общественное развитіе, не исключая и экономическаго. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они сами опять подлежатъ *преимущественному вліянію* экономическаго развитія.

Въ философіи, напримѣръ, всего легче доказать это по отношенію къ буржуазному періоду. Гоббсъ былъ первый матеріалистъ новѣйшаго времени (въ смыслѣ XVIII в.), но абсолютистъ въ то время, когда абсолютная монархія была въ разцвѣтѣ во всей Европѣ, а въ Англіи начала борьбу съ народомъ. Локкъ былъ въ религіи, также какъ и въ политикѣ, дитя компромисса классовъ 1688 г. Англійскіе деисты и болѣе послѣдовательные ихъ продолжатели—французскіе матеріалисты, были истинными философами буржуазіи, а французы—даже буржуазной революціи. Въ нѣмецкой философіи отъ Канта до Гегеля проявляется нѣмецкій лавочникъ то въ положительномъ, то въ отрицательномъ смыслѣ. Но какъ опредѣленная отрасль раздѣленія труда, философія каждой эпохи имѣетъ нѣкоторый опредѣленный запасъ понятій, который она унаслѣдовала отъ своихъ предшественниковъ и на который она опирается.

Отсюда происходитъ то, что страны, экономически отсталыя, могутъ играть въ философіи первостепенную роль: напр., Франція

въ XVIII в. въ сравненіи съ Англіей, причемъ французы опирались на англійскую философію; затѣмъ Германія, въ сравненіи съ Франціей и Англіей. Но даже во Франціи, равно какъ и въ Германіи, философія, а также все общее развитіе литературы, было въ свое время также результатомъ экономическаго оживленія.

Конечное господство экономическаго развитія въ этихъ областяхъ есть фактъ, но происходитъ оно въ сферѣ условій, свойственныхъ каждой изъ этихъ областей; напримѣръ, въ философіи, при помощи воздѣйствія экономіи (выступающей при томъ обыкновенно уже въ политической одеждѣ) на унаслѣдованное отъ предшественниковъ философское достояніе.

Экономія здѣсь сама по себѣ непосредственно ничего не создаетъ, но она опредѣляетъ родъ преобразованія и дальнѣйшей эволюціи существующаго уже запаса понятій, и то преимущественно косвенно, такъ какъ наиболѣе непосредственное вліяніе на философію оказываютъ политическіе, правовые и нравственные рефлексы.

НАМАЯЛСЯ.

(Разсказъ).

...Такъ, стало быть, у васъ опять на старое повернуло?

— Да, вродѣ того. Чтобы настоящаго-то согласія, такъ еще нѣтъ, а видимо на то клонитъ. Вишь, какая благодать, не бойсь, помягчàетъ сердце-то. А ужъ намаялись, вдосталь натерпѣлись!

Въ послѣднихъ словахъ говорившаго прозвучало столько дѣйствительно пережитой маяты, что его собесѣдникъ не удержался отъ восклицанія:

— Намаялся?

— А-ахъ, Боже ты мой!..

— Да-а... По грѣхамъ нашимъ натерпѣлись свыше мѣры. А только я думаю, Герасимъ Иванычъ, что ежели у кого хозяйство пришло въ полное разстройство, такъ поправиться очень трудно.

— Вѣстимо, нешто возможно сразу...

— Да ужъ чего тутъ, по себѣ знаю. Вѣдь, я какъ жилъ-то, ахъ, Боже мой! Что щиблеты, что пинжакъ,—все перваго нумеру. Форсилъ, братъ, такъ, что самому чорту сорокъ очковъ впередъ давалъ, вотъ какъ! А какъ почало книзу гнуть, все прахомъ пошло, и какъ ни старайся теперь, все изъ батраковъ не выйдешь. Нешто это мое дѣло—косой махать? Я, милый человѣкъ, по праздникамъ замшевыя перчатки носилъ; идешь, эдакъ, тросточкой помахиваешь, ну, настоящій баринъ! А теперь и эдакой работѣ радехонекъ, потому ѣсть надо, а мѣста-то нонче ой-ой...

— Это такъ,—протянулъ Герасимъ,—а только ты, Финогенычъ, хоть и нашего мужицкаго роду, а все-таки человѣкъ ремесленный, и тебя это не касающее. Много-мало, все ты добывку имѣешь, а вотъ коренному крестьянству безъ

хлѣба никакъ невозможно. Тутъ обезумѣешь, самъ себя потеряешь, во-какъ!

— Что и говорить!

— Да ужъ и не говори! Тутъ тебя заклюютъ, тутъ тобой всякій помыкаетъ, всякая, можно сказать, пакость норовитъ тебя измордовать. Э-эхъ, натерпѣлись же мы, не приведи Господи! И никакъ я въ толкъ не возьму, какія съ человѣкомъ перемѣны бываютъ и туда тебя толканетъ, и сюда, а для чего, почему,—неизвѣстно. Насмотрѣлся я этихъ перемѣнъ достаточно, а что и къ чему, постичь не умѣю. Темнота, конечно, наша, а умственный человѣкъ объяснить можетъ...

— Еще бы не объяснитъ, — подхватилъ Финогенычъ.— У насъ по веснѣ монахъ объявился, то-есть, не то чтобы, настоящій монахъ, а вродѣ какъ бы странникъ. Ну, ужъ и голова, ахъ, голова-то какая! То-есть, братецъ, все онъ тебѣ какъ на ладони выложитъ.

— Во, во! А почему? Потому что образованіе человѣкъ имѣетъ. А мы что? Развѣ мы можемъ сами себя понять? Вотъ, ежели тебѣ объ моей жисти разсказать, какъ, значитъ, меня кидало да трепало, такъ только руками разведешь. Метнетъ въ сторону, метнетъ въ другую, только глаза пучишь, а никакого средствія не знаешь...

Случайные пріятели сидѣли у догорающаго костра на отлогомъ откосѣ, глубоко врѣзавшемся въ рѣку. Передъ ними освѣщенное мягкими лучами полнаго мѣсяца золотилось ржаное поле, на которомъ здѣсь и тамъ мелькали красноватые огоньки костровъ и темнѣли копны сжатаго хлѣба. За рѣкой виднѣлось такое же поле, окаймленное сизой полосой лѣса, причудливыми контурами вырисовывавшагося на безоблачной синевѣ неба.

Они только-что окончили незатѣйливый ужинъ и продолжали раньше начатый разговоръ. Герасимъ Ивановичъ задумчиво разгребалъ хворостиной потухающіе угли, а Финогенычъ сидѣлъ противъ него и пускалъ въ воздухъ колечки дыма изъ коротенькой трубки-носогрѣйки.

Неподалеку лежалъ ничкомъ совсѣмъ еще молодой парень; подперевъ голову руками, онъ старательно выводилъ высокимъ фальцетомъ слова фабричной пѣсни:

Прòдамъ чашки, прòдамъ ложки,
Куплю душенькѣ сапожки,
Продàмъ дыню и арбузъ,
Куплю мѝлому картузъ.

Очевидно, онъ успѣлъ заучить только одинъ этотъ куплетъ, такъ какъ безпрестанно повторялъ его.

— Будетъ те, Алешка,—остановилъ его Финогенычъ,— инда надоѣлъ. Ну, что жъ изъ того: продашь ложки, продашь чашки,—останешься, малый, безъ всякаго хозяйственнаго струмента. Ни одна дѣвка за тебя не пойдетъ.

— Ну, ну,—отозвался Алешка,—я тебя не касаюсь, и ты не замай. Ба-аринъ!

— Дуракъ!—огрызнулся Финогенычъ, сердито сплюнувъ.

Онъ передвинулся поближе къ Герасиму и тихо сказалъ:

— Да, мудреная это, братъ, штука, жисть-то; вишь, вѣдь, какія колеса вывертываетъ.

— Что и толковать,—отозвался Герасимъ.—А главная зацѣпка въ томъ, что ничего мы опредѣлить не можемъ, что, значитъ, къ какой статьѣ слѣдствуетъ. Не даромъ поговорка сложена: живемъ въ лѣсу, молимся пенькамъ; искони вѣковъ такъ положено, отъ прародителей, значитъ. Я-то самъ крѣпости не помню, родился я послѣ того, какъ воля вышла, а родители, дѣды и прадѣды крѣпостными были. Какова такова эта самая крѣпость была, надо тоже это постигнуть: что̀ человѣкъ, что̀ скотина, — все единственно. Какое ужъ тутъ могло быть понятіе, страхъ одинъ, и прямо скажу, насъ въ этомъ страхѣ вспоили, вскормили. Взять хоть бы родителя покойничка, царство ему небесное, умственный былъ человѣкъ, можно сказать, первый мужикъ по селу. Какое зерно въ какую землю сѣять, али насчетъ скота,—такъ это онъ зналъ до корня; ну, а на счетъ жизни, то-есть какъ жить,—не прогнѣвайся,—ни-ни, никакого соображенія. Домъ у насъ былъ справный, всего довольно, и скота и скарбу, а между тѣмъ, настоящаго понятія не было. Минуло мнѣ восемнадцать лѣтъ, сейчасъ меня женить. Какъ, для чего? Меня не спрашиваютъ, да хоша бы и спросили, я отвѣту не съумѣлъ бы дать. Вышла вотъ какая причина: старшо̀го брата въ солдаты забрили, такъ евонная жена къ своимъ роднымъ ушла, а наша-то родительница ветха стала. Такъ нужно было въ домъ работницу, только и всего. Ежели, значитъ, наемную бабу пригласить, такъ первое дѣло ей платить надо, да и не привяжешь ее къ дому; а тутъ жена, все равно, что крѣпостная. И родитель мой въ такихъ мысляхъ былъ, и я тоже,—вонъ она крѣпость-то куда отозвалась! Ну, ничего, оженили меня, живемъ по маленьку, и со стороны глядѣть, такъ совсѣмъ даже лучше и не надо. А

ежели раздумать по совѣсти, такъ порядку-то и слѣда не было, тепла-то самаго. Было одно: хозяйство, скотина, хлѣбъ, а жисти не было, и какъ стукнуло по маковкѣ,—все прахомъ пошло.

— А стукнуло-таки?—спросилъ Феногенычъ.

— Еще какъ! Такъ застукало, что твоя кузница: прямо скажу, въ три молота! Ты одно сообрази, сколько годовъ мы настоящаго хлѣба не видали? Спервоначалу, еще при родителѣ, три года еле-еле кормились, а потомъ, Господи благослови, передохнули малость,—пять лѣтъ подъ рядъ. А въ промежуткѣ моръ на скотину два раза былъ,—вовсе изъ силъ выбились. А окромя того, родители померли,—расходъ; братъ изъ полку пришелъ,—все пополамъ дѣлить; опять же ребятишки родятся—помираютъ, все въ мошну лѣзь. У насъ ребята что-то не жили, надо полагать все отъ недостатковъ этихъ самыхъ, только и уцѣлѣлъ одинъ Ванька. Вотъ этакъ-то по маленьку да полегоньку сталъ я хозяйствомъ ослабѣвать, расплылось все мое имущество, остался я при одной голой избѣ, да чалой кобылѣ съ бѣльмомъ. И нѣтъ никакихъ способовъ поправиться; пыталъ я и то, и другое—вездѣ проку мало; ежели гдѣ и есть какая работёнка, такъ ее въ десять рукъ рвутъ другъ у дружки. Какъ, значитъ, пошло на убыль, то влѣзъ я въ недоимку, въ долги, просто петля, одно слово.

Вотъ тутъ, онъ, непорядокъ-то и сказался; какъ не было у насъ съ бабой настоящаго тепла, такъ и поплыло врозь. Пока въ достачѣ жили, ничего этого не было замѣтно, потому на первой линіи коровы, овцы и прочая живность, а какъ не стало всего этого добра, не къ чему рукъ приложить, сейчасъ у насъ пустое мѣсто и обнаружилось. Скажу, братъ, тебѣ по чистой совѣсти. Прасковья баба была смиренная, и ничего такого, чтобы тамъ перечить или на задоръ лѣзть, а тутъ, вижу, остервенѣла баба, рветъ и мечетъ.

— Я, говоритъ, за тебя шла—думала, ты путный, а ты ничего не можешь. Эдакъ, говоритъ, мы по міру пойдемъ.

Понимаетъ она, что вины моей тутъ нѣтъ, со зла говоритъ. Однако, обидно же мнѣ это слушать и, само собой, даю ей сдачи по всей формѣ: слово за слово, а гдѣ и своихъ десятокъ прибавлю.

— Значитъ, не уступалъ?—вставилъ Алешка, прислушивавшійся къ разговору.

— Гдѣ же уступить! Я такъ себя въ своемъ правѣ полагалъ, потому я ей голова.

— Я бы ее за это самое, безъ всякаго разговору, за волосья отодралъ,—продолжалъ Алешка, и даже размахнулъ руками, представляя, какъ слѣдуетъ драть за волосья.

— Другъ ты мой, было и это! Всего было! Собачились мы на всю деревню безо всякаго снисхожденія. Господи Боже мой, что сраму приняли! До волостного доходило, разъ чуть не всыпали мнѣ за нее. Опосля этого еще хуже пошло; насчетъ тамъ стыда или совѣсти,—ни-ни: смотри, молъ, людъ православный, какъ Гараська съ Парашкой живутъ. А все оттого, что жалости у насъ другъ къ дружкѣ не было: какъ спервоначалу было пустое мѣсто, такъ оно и осталось. Эдакъ-то дальше да больше, дошло дѣло до послѣдняго, собралась моя баба изъ дому, ей Богу! Я ничего, не препятствую, потому свары эти надоѣли мнѣ хуже хрѣну горькаго, и радъ я отъ нихъ избавиться всякимъ способомъ. Ушла, стало быть, нанялась она въ куфарки къ управляющему,—Василь Василичъ тутъ былъ,—и малое время спустя слышу я, что ужъ она у него замѣсто барыни. Вотъ такъ загвоздка, что тутъ дѣлать? Ежели черезъ судъ ее требовать, такъ толку не будетъ: баба она нравная, возьмешь ее, а она опять убѣгётъ, только лишній срамъ на голову примешь. Сталъ я, значитъ, ждать, чѣмъ, молъ, вся эта музыка кончится, потому, думаю, долженъ же ей конецъ-предѣлъ какой ни на есть быть. Однако, Ваньку она при мнѣ оставила, четвертый годокъ ему въ тѣ поры шелъ. Ничего, живу себѣ. Земли у меня на одну душу, а при домѣ никакого заведенія, ни коровы тамъ, ни куръ. Стало быть, насчетъ Ваньки такъ Прасковьина тетка захаживала помыть его, обшить, а когда и хлѣбы испечь. Добрая старуха, и ужъ какъ она Парашку ругала, страсть! И такъ эти рѣчи ейныя мнѣ по душѣ были,—поговорю съ ней, ровно меду напьюсь; только маленько и полегчаетъ, какъ съ старухой душу отведешь, а то тошно въ пустой избѣ, глаза не глядятъ. И сталъ я, братецъ, тутъ съ этой самой со скуки да съ тоски зашибать; дальше да больше, коренным пьяницей сдѣлался. Съ этой-то поры меня и Лодыремъ прозвали,—допрежъ-то все Гарасимъ Иванычъ былъ. Съ кабатчикомъ у насъ дружба повелась,—водой не разольешь, потому выручалъ я его здорово: что было изъ збруи, телѣги, сани,—все къ нему перешло. Проватажился я эдакимъ манеромъ почесть три года, и подошла тутъ эта самая лихая бѣда. Ужъ и вездѣ-то плохо было, а на нашу деревню особливо Господь-Батюшка прогнѣвился: съ самой весны до

Спаса дождя не было, пожгло все въ чистую, какъ есть ни зернушка не уродилось. Ну, да я спервоначалу не горевалъ,— тяпнешь косушку, а то двѣ, и ничего не чуешь; а какъ проѣлъ Чалку,—за шесть цѣлковыхъ продалъ,—да одеженку, какая была, спустилъ, такъ вижу, что приходитъ пора съ голоду околѣвать. Однако, за себя-то я не очень огорчаюсь, такая, думаю мнѣ, пьяницѣ, и дорога, да Ваньку жалко: больно парнишка-то вышелъ занятный. Стали тутъ около Михайлова дня ссуду выдавать, сунулся я къ старостѣ, Игнатъ Васильичу.

— Тебѣ, говоритъ, Лодырь, ссуды не полагается.

— Какъ, говорю, не полагается? По какой такой полной правѣ? Не можетъ этого быть?

— А такъ, говоритъ, и нѣтъ. У тебя, говоритъ, жена на мѣстѣ живетъ, шесть рублей въ мѣсяцъ получаетъ. Вотъ, гляди...

Разворотилъ онъ передо мной вѣдомость, тычетъ пальцемъ.

А мнѣ онъ не знай чего покажи,—нешто я грамотный?

— Какъ же, говорю, люди-то получаютъ побогаче меня? Чего же теперь мнѣ-то дѣлать?

— А ужъ это, говоритъ, самъ смекай...

Постой, думаю, надо до самаго корня дойти, и махнулъ я прямымъ трахтомъ къ старшинѣ. И тамъ тоже неудача вышла.

— Въ вѣдомости, говоритъ, прописано, ничего сдѣлать не могу. А меньше бы, говоритъ, ты пьянствовалъ, такъ и нужды бы не имѣлъ.

Огорчилъ онъ меня крѣпко этимъ укоромъ,—потому самъ-то онъ не пролей капли,—и изругалъ я его какъ съумѣлъ. Ну, само собой, отсидѣлъ за это въ холодной, потому хоть и пьяница онъ почище меня, да цѣпь на немъ болтается.

Что же въ такомъ разѣ дѣлать? Ванька сталъ по окнамъ ходить, да не у кого и попросить-то, всѣ не меньше насъ нуждаются; иной день погложешь корочекъ, а иной и на пустое брюхо спать ляжешь. Вижу я, что дѣло-то вовсе плохо приходитъ, сталъ добиваться порядка, пошелъ въ городъ, къ самому продовольственному члену. Ужъ этотъ, думаю, всыпетъ и старшинѣ и старостѣ, будутъ они Лодыря помнить! Объяснилъ, значитъ, члену все какъ слѣдствуетъ, сталъ членъ въ бумаги глядѣть, да какъ рявкнетъ на меня:

— Какъ ты, говоритъ, морда эдакая, смѣешь ссуду просить? Мошенникъ ты, кричитъ, въ острогъ тебя надо для примѣра засадить. Это что, гляди!

Ткнулъ онъ мнѣ бумагами прямо въ рыло, индо изъ глазу слеза потекла, да какъ началъ топать, — я только подавай Богъ ноги!

Куда теперь дѣваться,—одно осталось: лечь да помереть. Однако, тутъ же въ скорости пріѣхалъ къ намъ въ деревню голодный членъ, сталъ котелъ устраивать для бѣднѣющихъ. Ну, думаю, передышка намъ теперь пришла, дай Богъ многія лѣта добрымъ людямъ. Пошелъ я къ нему, поклонился до земли.

— Такъ и такъ, не оставьте съ голоду помереть.

И что жъ ты думаешь, другъ сердечный,—не выгорѣло и тутъ мое дѣло, ей-Богу!

— У тебя,—говоритъ членъ,—надѣлъ есть, а мы кормимъ только тѣхъ, которые земли не имѣютъ.

— Стало быть, говорю, куды же мнѣ-то дѣваться?

— А ужъ этого, говоритъ, я не могу тебѣ присовѣтовать.

Однако, баринъ добрый; разспросилъ меня какъ есть все въ аккуратѣ, въ книжечку записалъ, и далъ мнѣ полпуда муки.

— Только это, говоритъ, я противъ закону дѣлаю, тебя жалѣючи. А впередъ, говоритъ, не разсчитывай, и какъ знаешь самъ изворачивайся.

И на этомъ спасибо: по закону ли, супротивъ ли закону,— а мы съ Ванькой дня четыре хлѣба до отвалу ѣли. И на счетъ надѣлу-то онъ меня надоумилъ, дай ему Богъ доброе здоровьице. Сдалъ я шабру свою яровую душу, а озимя кабатчику заложилъ, полтора пуда муки взялъ,—стало быть, эдакъ на мѣсяцъ прокорму добылъ.

У насъ по этой части въ тѣ поры не мало маштаковъ развелось, то есть, насчетъ скупки,—страсть какъ нажились, потому давали цѣну, какую хотѣли. Ну, однако, минуло рожество, проѣли мы деньжонки, кои я за землю выручилъ, и пришелъ намъ настоящій конецъ. Вижу я, что не минёшь съ рукой идти, подаянія просить. Непривычно мнѣ это дѣло было, и людей совѣстно, да и выпросить-то не у кого, стало быть, пошелъ я въ городъ. И не успѣлъ я, другъ ты мой, къ первому окошку подойти, какъ сграбастали меня, раба Божьяго, въ часть: какую, дескать, праву имѣешь побираться Христа ради?

— Такъ и такъ, объясняю: все дò чиста проѣли, и никакихъ, значитъ, способовъ нѣтъ, особенно съ ребенкомъ.

Куды тебѣ! Никакихъ резонтовъ не примаютъ: эдакій, дескать, здоровенный мужикъ подъ окнами ходитъ,—прямая видимость, что отъ работы отлыниваетъ, лѣнь одолѣла. Инда

въ смѣхъ меня ударило: гдѣ она работа-то? Подержали сутки въ темной, выпустили, и пришелъ я домой съ пустыми руками. А тутъ хворь пошла по народу, такъ валомъ и валитъ. Тамъ, слышишь, покойникъ; тутъ безъ памяти двое-трое лежатъ, и, наконецъ, того добралась эта самая хворь до Ваньки. Вѣстимое дѣло,—много ли парнишкѣ надо: на животѣ пищи нѣтъ, вотъ она и прикинулась. Лежитъ мой Ванька безъ памяти, стонетъ, пить проситъ; рветъ мое сердце на клочья, а помочь ничѣмъ не могу. Вотъ тутъ-то и пришла эта самая точка, швырнуло меня въ такую сторону, куды я и не чаялъ. Ванька-то, почитай, ужъ съ недѣлю лежалъ, такъ и думалъ я, что не жилецъ онъ на свѣтѣ, да и самого меня начало ломать, зпобъ внутрѣ оказался. Сижу я это вечеромъ; Ванька лежитъ на полатяхъ, разметался, бредитъ, все мать зоветъ. Такъ и тянетъ: ма-амка, ма-амка! да жалостнымъ эдакимъ голосочкомъ, ровно птичка подстрѣленая. И такъ это мнѣ горько стало, такая злость противъ бабы, что и разсказать невозможно. Сижу это, размышляю на счетъ моей жисти, и думаю, что кабы не она, нешто дошелъ бы я до такого бѣдствія? И стало во мнѣ крутить, стали мысли представляться, какъ, значитъ, она живетъ теперь въ сладкомъ житвѣ, ни въ чемъ не нуждается, а мы тутъ съ голоду дохнемъ. Дальше да больше, совсѣмъ въ умѣ темнѣть стало. Постой, думаю, подлая, раздѣлаюсь я съ тобой, не обрадуешься ты и сладкому житью! И не знаю ужъ какъ это тебѣ разсказать, подмываетъ меня идти къ ней, да и все. Накинулъ я кафтанишка, сунулъ ножъ хлѣборѣзный въ карманъ, пошелъ... И вотъ спроси ты меня сейчасъ, предъ Истиннымъ—не могу тебѣ объяснить, хотѣлъ, что-ль, я ее убить, или нѣтъ... А ножъ взялъ, это ужъ вотъ какъ сейчасъ помню... Одно слово, другъ ты мой, помраченье... Ночь студеная была, поземка дула, и пока шелъ я,—а надо было все село перейти, да еще гумнами, можетъ, съ полверсты,—и продрогъ я порядкомъ. Ну, пришелъ я къ усадьбѣ, зубъ на зубъ не попадаю, заглянулъ въ окно, вижу управляющій сидитъ у стола, пишетъ чего-то, и окромѣ его никого въ горницѣ нѣтъ. Заглянулъ я въ другое окно, тамъ моя хозяйка на стулѣ сидитъ, привалилась эдакъ локтемъ къ столу, ребеночка кашей кормитъ. Ужъ у нея мальчишка былъ мѣсяцевъ эдакъ восьми... Какъ увидалъ я это, еще крѣпче злоба зашумѣла во мнѣ, потому хоть я и зналъ, что у нея младенецъ, да до этого разу не видѣлъ, а ужъ увидать мнѣ это своими глазами было хуже ножа востраго. Гляжу,

однако, вижу на Парашкѣ нарядъ хорошій, сама она румяная, сейчасъ видать, что въ сытости да въ теплѣ живетъ. Стою я, съ ноги на ногу переминаюсь, не знаю, что предпринять. И такъ полагаю я, что не вовсе Господь въ тотъ часъ отступился отъ меня, потому по злобѣ моей долженъ я былъ убить ее, а замѣстъ того тихимъ манеромъ вошелъ я въ кухню, и говорю стряпшѣ, что надо мнѣ Прасковью Григорьевну повидать. А должно быть, на лицѣ у меня недоброе было, потому стряпуха первымъ дѣломъ сунулась въ горницу дверь притворить, а потомъ ужъ и говоритъ мнѣ:

— Зачѣмъ, дескать, тебѣ ее, дядя Гарасимъ?

Такъ и такъ, объясняю: Ванька недужаетъ, бредитъ, и всякій часъ ее зоветъ. Какъ ни по собачьи жили, а теперь это кинуть надо, потому не гоже помереть младенцу безъ матерняго благословенія.

Доложилась стряпуха, и эдакъ черезъ самое малое время выходитъ жена.

— Что, говоритъ, съ Ваней приключилось?

Объясняю и ей все какъ должно; какъ мы безъ пищи бились и какъ, наконецъ, того его хворь свалила. И вотъ тебѣ не лгу: ни единаго обиднаго слова ей не сказалъ, даромъ что съ ножомъ шелъ.

Затуманилась эдакъ моя баба, изъ лица потемнѣла, и говоритъ:

— Пожди, говоритъ, тутъ, сейчасъ вмѣстѣ пойдемъ.

Слышу, въ горницѣ шумъ поднялся: управляющій ей идти препятствуетъ, а она ему слова выговорить путемъ не даетъ, точка въ точку, какъ со мной бывало. Наконецъ, того, вышла она, и отправились въ мою хату. Пришли; значитъ, первымъ дѣломъ моя баба влѣзла на полати, припала къ Ванькѣ и начала голосить. Ужъ она выла-выла на разные голоса, инда изъ меня всю душеньку вымотала, такъ что окоротилъ я ее подъ конецъ.

— Полно, говорю, Прасковья, выть, чай не надъ покойникомъ причитаешь, еще измѣшаешь ребенка.

Утихла она, а между прочимъ, съ полатей не слѣзаетъ. И должно быть крѣпко я изморился: какъ сидѣлъ на лавкѣ, такъ и уснулъ, да вѣдь какъ, — всю ночь проспалъ. Проснулся я, ужъ свѣтло на дворѣ; гляжу, примостилась моя Прасковья у печки и Ванька у нея на колѣняхъ сидитъ, радостный, ее за шею руками хватаетъ.

Увидѣла Прасковья, что я не сплю, и говоритъ Ванькѣ:

— Ну, говоритъ, сынокъ, теперь съ отцомъ побудь, а я духомъ вернусь.

Ухватилъ ее Ванька за подолъ, не пускаетъ, а она его эдакъ отвела рукой, вырывается, значитъ:

— Я, говоритъ, тебѣ гостинцу принесу, не замай. Вотъ, говоритъ, Герасимъ, тутъ пирогъ бѣлый, дай ему съ водицей.

Говоритъ это она мнѣ, а сама на меня не смотритъ, глаза въ уголъ скосила. Ну, думаю, что изъ всего этого произойти можетъ? Однако, эдакъ вкругъ обѣда, гляжу, лѣзетъ въ избу Прасковья, и не одна, съ ребенкомъ.

— Иди, говоритъ, Герасимъ, тамъ прими, что на возу есть.

Вышелъ я на дворъ, а тамъ точно на саняхъ возъ навьюченъ. Работникъ съ барскаго двора увидалъ меня и говоритъ:

— Ну ужъ, дядя Герасимъ, у тебя не баба, а настоящее зелье. Сталъ ее Василь Василичь ругать, ты, дескать, заразу въ домъ натаскаешь, такъ она ему чуть глаза не выдрала. А въ концѣ того и говоритъ: не хочу я больше жить у тебя, распостылый ты человѣкъ, ни минуты, говоритъ, не останусь. Ну, баринъ нашъ тоже горячъ: вонъ, кричитъ, отсюдова, глупая баба! И уйду! И уходи! Гляжу, стала она весь свой скорбъ на крыльцо швырять, вонъ сколь добра!

И точно, привезла она два сундука крашеныхъ, три мѣшка съ мукой да баранью тушку. Перетащили мы все это добро въ избу, и гляжу я, Прасковья такъ ходуномъ и ходитъ: то къ печкѣ сунется, то въ чуланъ... Ничего, сижу себѣ поглядываю, не препятствую. Наконецъ, того, и говорю ей:

— Въ какихъ же, къ примѣру, смыслахъ это понимать надо?

Накинулась тутъ на меня Прасковья, видно, не уходилось еще у нея сердце:

— Али, говоритъ, ты вовсе одурѣлъ? Что же по твоему, у меня ни мужа, ни дома нѣтъ? Будетъ ужъ, поскиталась, оченно даже довольно!..

Ну, молъ, живи себѣ, ничего... Хлопочетъ моя Прасковья, изъ кожи лѣзетъ: моетъ, скребетъ, чиститъ, то-есть, прямо сказать, покоя не знаетъ. А тутъ, эдакъ можетъ дня черезъ два, и Ванька на поправку пошелъ,—должно полагать отъ пищи,—и совсѣмъ веселый мальчонка сталъ. Ейнаго-то парнишку все братцемъ зоветъ. Коробитъ это меня, ровно пилой по сердцу царкаетъ, и не вытерпѣлъ я разъ, говорю ему:

— Какой это, Ванюшка, тебѣ братецъ,—и обозвалъ я его тутъ самымъ сквернымъ манеромъ.

Услыхала мои слова Прасковья такъ и взъѣлась:

— Такъ ты, говоритъ, такъ-то? А кто, говоритъ, причиной, что я изъ дому ушла? Кто причиной? Ну-ка, отвѣтствуй!..

И почала, и почала! Господи, сколько она тутъ словъ наговорила, у меня инда звонъ въ ушахъ пошелъ.

По времени дѣло оборкалось. Хоша ладу у насъ настоящаго и не было, все мы какъ волки другъ на друга косились, ну, однако, до волосьевъ, али тамъ до ругани большой, благодаренье Господу, дѣло не доходило.

И вотъ тебѣ, братецъ, оказія: эдакъ съ недѣлю спустя какъ вернулась Прасковья, встрѣлъ меня на улицѣ старшина и говоритъ:

— Ты бы, Гарасимъ, заявилъ на счетъ ссуды, теперь баба при тебѣ.

— Нѣтъ, ужъ, говорю, ежели когда мы околѣвали да не было намъ способія, такъ теперича я и самъ брать не желаю.

Стало быть перебились мы эдакъ до весны, полѣзла Прасковья въ сундукъ, вынула шесть красныхъ и говоритъ:

— Надо намъ нашу землю выкупить, да лошадь завести. Поѣзжай-ко, говоритъ, на базаръ, выбери...

Не охота мнѣ было отъ нея деньги брать, зазорно быдто; да какъ подумалъ я, чтò мы будемъ безъ лошади да безъ земли дѣлать,—взялъ...

Вотъ, братецъ, какъ нашего брата швыряетъ-то! Вѣдь, прямо тебѣ сказать, съ ножомъ-то я тогда подъ окномъ стоялъ, на убивство шелъ, и быть бы мнѣ теперича на Соколиномъ острову, а оно вонъ какъ повернуло...

Гарасимъ замолкъ, и, вынувъ изъ кармана кисетъ, сталъ свертывать папироску. Алеха уже спалъ, разметавшись на росистой травѣ, и его молодецкій храпъ звонко разносился надъ рѣкой.

— А какъ же теперь ребенокъ-то?—спросилъ Финогенычъ.

— Какой?

— Да ейный-то...

— Всѣ увмѣстяхъ живемъ... ребенокъ-то чѣмъ виноватъ? Да и съ Прасковьей-то, сказывалъ я тебѣ, хоть ладу настоящаго у насъ нѣтъ, однако, такъ думаю я, что по времени обойдется. Теперь вотъ, видишь ты, своего засѣву у насъ маловато, такъ я вотъ сюда нанялся косить: тоже шесть гривенъ къ день, деньга не малая. А къ сѣву еще принайму землицы, авось, тогда вовсе на поправку выйдемъ..

— А съ управляющимъ-то, стало быть, вовсе врозь у ней?

— Ты думаешь что? Ни-ни! Прасковья баба сурьезная,

горячая. Коль ушла она тогда,—такъ почесть три года ни разу мнѣ на глаза не показалась; а ужъ коли вернулась домой, такъ будь спокоенъ, никакой глупости не будетъ. А ежели что и было-то, такъ отчего, вникни-ка? Я Прасковью виню; она—меня; а я своимъ умомъ, ей-же-Богу, этого дѣла опредѣлить не могу, но все-таки полагаю, что главная причина именно и есть наша темнота; живемъ какъ звѣри, и обращаемся по звѣриному. Взять хоть то, какъ женился я: мнѣ хоть Парашка, хоть Акулька,—все едино, баба нужна, работница. А на счетъ Прасковьи-то, ты какъ полагаешь, понимала она что или нѣтъ? Повели ее вѣнчаться, все равно, какъ корову на базаръ продавать, только и всего. Стало быть, все дѣло по звѣриному обошлось, а какъ дошло до сурьезнаго, ну, все и пошло врозь. Я Прасковью уважаю, потому въ ней умственность есть; ужъ она ежели что положитъ на сердце, такъ это ужъ у нея, будь спокоенъ, крѣпко. Теперича возьми ребятишекъ: да нешто я справлюсь съ ними безъ Прасковьи? А она воспитаетъ за милу душу, ужъ это, милъ-человѣкъ, вѣрно...

Гарасимъ раскинулъ чапанъ и, укладываясь на немъ, прибавилъ:

— Да-а, нонче хлѣбца будетъ всѣмъ до сыта; будетъ ужъ, натерпѣлись. Теперь, Богъ дастъ, и собачиться меньше станемъ...

Финогенычъ тоже легъ, подсунувъ подъ голову шапку, и чрезъ минуту оба они уже спали, убаюканные нѣжнымъ плескомъ воды, набѣгавшей на отлогій берегъ. Повѣялъ предутренній вѣтерокъ, и нѣмые колосья заговорили, навѣвая чудныя грезы и Гарасиму, и Финогенычу, и тысячамъ другихъ, успѣвшихъ „вдосталь намаяться"...

В. Быстренинъ.

ЭТИЧЕСКІЙ ХАРАКТЕРЪ СОЦІАЛЬНОЙ НАУКИ *).

Лестеръ Уорда.

Переводъ съ англійскаго Т. Криль.

Съ извѣстной точки зрѣнія всякую науку можно назвать этической. Что истина въ концѣ концовъ приноситъ благо—вполнѣ вѣрно, хотя это положеніе обыкновенно основывается на другомъ, не столь безспорномъ, что природа всегда благодѣтельна; кромѣ того, можно доказывать, что всякій шагъ впередъ въ изслѣдованіи тайнъ вселенной ведетъ или можетъ вести къ благу человѣка. Это справедливо даже по отношенію къ политической экономіи, хотя, по мнѣнію Карлейля и нѣкоторыхъ другихъ, единственное назначеніе ея состоитъ въ томъ, чтобы указывать міру на его бѣдственное состояніе, а по словамъ другого, не менѣе извѣстнаго специалиста въ этой области знаній—Вилльяма Кеннингама, «единственная задача политической экономіи—направлять дѣятельность человѣка къ опредѣленной цѣли».

Но это новое толкованіе слова «этическій» совершенно отлично отъ прежняго; я, такъ же какъ и многіе мои сверстники, перешедшіе уже во вторую половину жизни, привыкъ къ иному общепринятому толкованію слова *этика* и къ инымъ распространеннымъ теоріямъ «нравственной философіи». Я всегда чувствовалъ, что есть что-то фальшивое въ ходячей этической философіи, какую намъ проповѣдывали въ книгахъ и вообще въ обществѣ, но долгое время не могъ анализировать этого чувства, не могъ отыскать причину, почему эти ученія производятъ на меня такое впечатлѣніе. Вслѣдствіе этого, я никогда не писалъ статей и не читалъ лекцій по этикѣ. Я давно убѣдился, что на моральный прогрессъ міра, который, какъ показываетъ исторія, существуетъ, хотя въ болѣе слабой степени, чѣмъ прогрессъ матеріальный, эти-

*) Ethical aspects of sociale science. By Lester T. Ward. Philadelphia. 1896.

ческія ученія оказываютъ очень слабое вліяніе, и что истинное моральное развитіе стоитъ въ такомъ же отношеніи къ матеріальному, какъ дѣйствіе къ причинѣ.

Дѣйствительно, старая нравственность холодна, сурова, аскетична, не привлекательна и ни въ какомъ случаѣ не ставитъ себѣ цѣлью счастье человѣчества. Напротивъ, она открыто осуждаетъ почти всѣ способы поведенія, ведущіе къ счастью. Дальше я укажу основанія этого, теперь же мнѣ хочется только отмѣтить, что, по моему мнѣнію, эта теорія нравственности перешла въ область прошлаго. Въ послѣдніе годы девятнадцатаго вѣка возникла, какъ говорятъ теперь, *новая этика*; она находится еще пока въ зародышѣ, но въ наступающемъ столѣтіи ей суждено не только цвѣсти, но и приносить обильные плоды. Въ противоположность старой. новая этика будетъ великодушна, тепла, симпатична и привлекательна. Она поставитъ себѣ цѣлью содѣйствовать увеличенію человѣческаго счастья, признаетъ и одобритъ всѣ виды поведенія, клонящіеся къ этой цѣли.

Приглядимся повнимательнѣе къ истинной сущности этической идеи. Въ дѣйствительности, этическій почти то же, что практическій. Это признавалъ и Иммануилъ Кантъ *), ясно видѣвшій отмѣченную выше разницу между старой и новой этикой. Нравственно то, что полезно; это, именно, и подразумѣваютъ, говоря, что всякая наука имѣетъ этическое основаніе. Но анализъ еще не совсѣмъ полонъ.

Въ этой замѣткѣ я не имѣю намѣренія углубляться въ философію, тѣмъ менѣе въ метафизику, но мнѣ необходимо отмѣтить одно основное психологическое положеніе. Еще недавно оно оспаривалось многими, и отрицаніе его значенія составляло сущность старой этики. Необходимо, поэтому, не только напомнить его, но и доказать его справедливость. Это положеніе состоитъ въ томъ, что въ основѣ нравственности лежитъ *чувство*: удовольствіе и страданіе—вотъ единственныя критеріи нравственности.

Отыскивая моральный элементъ дѣйствія, разсмотримъ три гипотетическихъ случая. Предположимъ, во-первыхъ, что, пользуясь своей силой, человѣкъ эксплуатируетъ другого, требуетъ отъ него того, на что не имѣетъ права, принуждаетъ его служить себѣ, не вознаграждая его за это,—словомъ, обращаетъ его въ рабство и пользуется его вынужденнымъ трудомъ. Всѣ признаютъ, что моральный элементъ присутствуетъ въ такомъ дѣйствіи, и что оно дурно въ моральномъ отношеніи.

*) «Критика чистаго разума», изд. Гартенштейна. Лейпцигъ. 1868 г., стр. 529.

Допустимъ, во-вторыхъ, что человѣкъ эксплуатируетъ существо низшей породы, животное, заставляетъ его носить тяжести и исполнять за него другія работы. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ такой поступокъ не считается дурнымъ, но исключительно потому, что прирученіе животныхъ считается болѣе благодѣтельнымъ, чѣмъ мучительнымъ для нихъ. Это, въ сущности, единственное основаніе, на которомъ оправдывали нѣкогда и рабство. Чтобы убѣдиться, что именно это лежитъ въ основѣ общественнаго мнѣнія, допустимъ, что взаимность услугъ прекращается, что человѣкъ злоупотребляетъ своею властью надъ животнымъ. Въ этомъ случаѣ моральный элементъ явно присутствуетъ и дѣйствіе человѣка осуждается.

Представимъ себѣ, наконецъ, что человѣкъ эксплуатируетъ минеральныя богатства, заставляетъ физическія силы и матеріальные предметы служить своимъ потребностямъ, направляетъ ихъ такъ, чтобы они приносили ему выгоду. Поступая такимъ образомъ, онъ руководится тѣмъ же намѣреніемъ, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ. Благодаря своимъ искусственнымъ силамъ, онъ въ состояніи извлекать выгоду изъ неорганической матеріи и физическихъ силъ и заставлять ихъ приносить ему такія выгоды, какихъ они не принесли бы въ противномъ случаѣ. Психологическое основаніе во всѣхъ трехъ случаяхъ одинаково. Приложимъ ту же мѣрку сюда и посмотримъ, можно ли такое дѣйствіе подвести подъ понятіе нравственности. Можно ли какимъ бы то ни было образомъ причинять зло неорганическому міру? Очевидно, нѣтъ. Въ чемъ же заключается, слѣдовательно, различіе между первыми двумя и третьимъ случаемъ? Оно заключается исключительно въ томъ, что человѣкъ и животное могутъ чувствовать, а неорганическая матерія не можетъ. Чувствительность къ страданью,— вотъ что создаетъ условіе нравственности. Не трудно доказать это положеніе и съ точки зрѣнія удовольствія. Въ дѣйствительности, страданіе и удовольствіе такъ часто относительны, что большая часть этическихъ вопросовъ, какъ и въ разсмотрѣнномъ случаѣ съ животнымъ, сводится на относительное количество удовольствія или страданія, получаемаго или даваемаго при томъ или другомъ образѣ поведенія.

Практичное и полезное въ сущности пріятно или въ крайнемъ случаѣ болѣе пріятно, чѣмъ непріятно. Этическіе философы признаютъ, что цѣль этики есть *добро*, въ отличіе отъ науки, цѣль которой истина, искусства, цѣль котораго красота. Но что такое добро, если не полезное, практичное, пріятное? Доставлять счастье или устранять страданье это и есть дѣйствительная цѣль нрав-

ственнаго поведенія. Именно это и подразумѣвается подъ словами «дѣлать добро», и многіе, кто отрицаетъ, что наслажденіе есть цѣль нравственнаго поведенія, непрерывно стараются доставлять наслажденія другимъ.

Поведеніе, которое въ концѣ концовъ приноситъ, по общему мнѣнію, избытокъ наслажденія, и есть добродѣтель, между тѣмъ какъ порокъ хотя и можетъ доставлять непродолжительное по времени и низшее по достоинству наслажденіе, въ окончательномъ итогѣ приноситъ или самому дѣйствующему лицу, или другимъ страданія, которыя перевѣшиваютъ наслажденіе. Съ этой точки зрѣнія можно найти самыя различныя степени въ поведеніи: каждый насчитаетъ сотни поступковъ, которые лежатъ такъ близко отъ пограничной линіи между добромъ и зломъ, что ихъ истинное моральное достоинство зависитъ отъ точки зрѣнія. Поэтому, въ настоящее время, также какъ и въ средніе вѣка, существуетъ цѣлая область казуистическихъ вопросовъ, занимающихъ просвѣщенные умы.

Что же въ такомъ случаѣ составляетъ истинную область этики? Ея область составляетъ человѣческое *поведеніе*. Поведеніе нельзя отожествлять съ *дѣйствіемъ*; это одинъ изъ видовъ дѣйствія. Этимологически это слово происходитъ отъ глагола вести и пробуждаетъ въ насъ смутное представленіе о трудностяхъ пути. Термины «прямое» и «правильное» плохо выбраны, такъ какъ они означаютъ прямолинейность, которой никогда не можетъ обладать поведеніе. Совѣсть,—такъ называемое нравственное чувство, ведетъ человѣка черезъ извѣстнаго рода лабиринтъ. Слѣдуя своимъ инстинктамъ, которые, какъ истинныя силы природы, дѣйствуютъ всегда въ прямомъ направленіи, человѣкъ пытается идти прямо, но эта попытка приводитъ его въ столкновеніе съ интересами другихъ, т. е. заставляетъ поступать дурно. Дѣйствіе, нормальный результатъ побужденій человѣка, производитъ постоянныя столкновенія людскихъ интересовъ, а это-то и пытается предотвратить этика. Кодексъ нравственности есть краткое руководство, помогающее человѣку пробираться черезъ этотъ лабиринтъ. Но правильный путь представляетъ собою извилистый путь, постоянно уклоняющійся то въ ту, то въ другую сторону, чтобы избѣжать столкновеній, причиняющихъ страданія. Такимъ образомъ, этика ограничиваетъ свободную дѣятельность. Повороты и изгибы, которые принужденъ дѣлать человѣкъ, слѣдуя по пути нравственности, требуютъ большой затраты энергіи и даются тяжело.

Такимъ образомъ, сущность нравственной идеи составляетъ

ограниченіе; она сдерживаетъ человѣческую дѣятельность. Ее можно сравнить съ треніемъ въ машинѣ и назвать «соціальнымъ треніемъ» *). Дѣйствительно, если можно этику называть наукой, то это просто-на-просто наука о соціальномъ треніи. Прогрессъ въ механикѣ состоитъ, главнымъ образомъ, въ послѣдовательномъ изобрѣтеніи средствъ къ уменьшенію тренія. Примѣры этого можно найти въ любой области. Возьмемъ хотя бы область передвиженія.

Первая ступень, представляющая минимальную экономію тренія, есть «каменная лодка». Всякій фермеръ Новой Англіи знаетъ, что такое каменная лодка. Это родъ плоскодонной лодки, употребляющійся для перевозки камней по каменистымъ полямъ. Сильныя лошади или быки тащатъ ее по полю къ той оградѣ или той стѣнѣ, которыя строятся изъ собранныхъ камней. Вся ея нижняя поверхность приходитъ въ соприкосновеніе съ землей, и такимъ образомъ получается максимумъ тренія; единственная практическая польза ея заключается въ томъ, что ее очень легко нагружать—всякій мальчикъ можетъ дѣлать это. Шагъ впередъ въ смыслѣ уменьшенія тренія представляетъ замѣна каменныхъ лодокъ чѣмъ-то въ родѣ саней на двухъ широкихъ полозьяхъ.

Отсюда еще очень далеко до экипажей съ колесами, въ которыхъ часть тренія передается оси. При переходѣ отъ первобытныхъ повозокъ съ широкими колесами безъ шинъ, съ грубыми деревянными осями, къ каретамъ Студебекера и другимъ усовершенствованнымъ типамъ экипажей—получается громадное сбереженіе въ треніи.

Всякое улучшеніе дороги представляетъ также шагъ впередъ въ этомъ отношеніи. Но самое замѣтное уменьшеніе тренія получается тогда, когда на дорогу начинаютъ класть двѣ деревянныя полосы для колесъ, а на колесахъ устраиваются приспособленія, чтобы они не скатывались съ нихъ. Это простѣйшій видъ рельсоваго пути. Дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ является то, когда подъ эти полосы начинаютъ подводить поперечныя шпалы, а на нихъ кладутъ рельсы, которыя дѣлаются сначала изъ желѣза, а потомъ изъ стали.

Но и современный видъ рельсоваго пути не представляетъ абсолютнаго минимума тренія. Кромѣ тренія осей, нѣкоторая часть колеса постоянно лежитъ на рельсѣ. Это послѣднее обстоятельство пытались устранить, устраивая зубчатыя колеса или выпуклые рельсы, сводящіе соприкосновеніе къ одной точкѣ. При

*) «Психическіе факторы» цивилизаціи, гл. XVII. Есть два русскихъ изданія—г. Павленкова, 1897 г., пер. Л. Давыдовой, и пер. г. Бошняка. 1897 г.

нѣкоторыхъ родахъ передвиженія сдѣланы еще болѣе смѣлыя изобрѣтенія, устраняющія совсѣмъ ось и доводящія треніе до возможнаго минимума. Такъ, напримѣръ, шаръ прогоняется при помощи воздуха черезъ трубу. Многимъ извѣстно, что этотъ пріемъ примѣнялся, хотя и безуспѣшно, въ Вашингтонѣ для пересылки государственныхъ документовъ изъ національнаго капитолія въ типографію. Принципъ, положенный м-ромъ Брисбаномъ, въ основу своего изобрѣтенія, конечно, неоспоримъ, и я имѣю свѣдѣнія, что онъ удачно примѣнялся въ Парижѣ и другихъ европейскихъ городахъ.

Моральный прогрессъ міра до сихъ поръ состоялъ и долженъ состоять точно также въ постепенномъ уменьшеніи соціальнаго тренія. Когда мы оглядываемся на прошлую исторію міра и замѣчаемъ, насколько онъ сталъ лучше, особенно въ области общественной жизни, намъ кажется, что мы ушли очень далеко впередъ; но когда мы изо дня въ день слѣдимъ за газетными новостями и отмѣчаемъ всѣ ужасы, безпрестанно повторяющіеся въ нашей современной жизни, мы вынуждены признать, что нравственная исторія міра находится еще въ стадіи каменной лодки, и нравственность двигается впередъ по вспаханному полю человѣческой жизни съ наибольшимъ треніемъ и наименьшимъ примѣненіемъ этики. Страданіе, какое мы испытываемъ при наблюденіи этой стороны жизни, возбуждаетъ горячія симпатіи къ людямъ и живѣйшій интересъ къ этическимъ вопросамъ.

Я принужденъ сознаться, что при рѣшеніи этихъ вопросовъ развивается гораздо больше жара, чѣмъ свѣта, что сама этическая проблема плохо понимается, и этика разрабатывается неправильно и неудачно. Отрицательная сторона этики преобладаетъ надъ положительной и совершенно затемняетъ ее. Ея цѣлью является не увеличеніе счастья, а уменьшеніе страданія. Это всегда считалось отличительной чертой добрыхъ дѣлъ. Попытки увеличивать счастье ограничивались всегда отдѣльными индивидуумами. Въ сущности, этическій методъ прилагался только къ отдѣльнымъ случаямъ, а не къ общимъ условіямъ. Онъ всегда былъ поверхностнымъ и временнымъ, а не глубокимъ и постояннымъ. Его можно назвать терапевтическимъ, а не профилактическимъ, результаты его всегда статическіе, а не динамическіе. Эти призрачные результаты обращались въ догматъ и внушались, какъ нѣчто обязательное. Многіе смотрѣли на нихъ, какъ на главную цѣль жизни, а философы опредѣляли ихъ, какъ высшій результатъ науки *).

*) Обѣ философскія системы, претендующія на всемірное значеніе, а именно системы Конта и Спенсера считаютъ этику послѣдней, высшей и важнѣйшей наукой.

Въ виду всего этого, попытка поднять голосъ противъ установленнаго мнѣнія можетъ показаться самонадѣянной. Тѣмъ не менѣе, послѣ продолжительныхъ размышленій я пришелъ къ заключенію, что этика, если она не содержитъ изложеніе способовъ къ устраненію соціальнаго тренія, не можетъ быть названа наукой; она служитъ только выраженіемъ несовершенства соціальнаго строя,—несовершенства, которое, по крайней мѣрѣ теоретически, можетъ быть устранено. Явленія, которыми занимается этика, представляютъ переходную ступень въ соціальномъ развитіи.

Основная посылка старой этики состоитъ въ томъ, что зло есть необходимый элементъ человѣческой природы. Ея назначеніе—борьба съ этимъ злымъ началомъ. Никакая другая наука не обладаетъ и не можетъ обладать такимъ исключительно разрушительнымъ характеромъ. Предположимъ на минуту, что этика достигла своей цѣли—вырвала съ корнемъ послѣдніе признаки зла. Дѣло ея сдѣлано. Великая наука, для которой всѣ остальныя служили только вспомогательными *), уничтожена, она сама себя уничтожила! Или, представьте себѣ, что одинъ изъ тѣхъ добрыхъ людей, знакомыхъ каждому изъ насъ,—единственная радость которыхъ состоитъ въ облегченіи страданій другихъ,—перенесенъ въ міръ, гдѣ нѣтъ страданій, требующихъ облегченія. Его положеніе можетъ быть по истинѣ названо невыносимо тяжелымъ. Оказывается что цѣль этики состоитъ въ томъ, чтобы съуживать и въ концѣ концовъ уничтожить совсѣмъ область этики. Когда нравственность достигнетъ высшей точки, исчезнетъ все, что можно бы назвать нравственнымъ.

Мы видѣли, что такъ называемая наука этики имѣетъ вполнѣ отрицательный характеръ, что она имѣетъ цѣлью ограничивать, стѣснять и въ концѣ концовъ уничтожать дурныя наклонности человѣчества. Но всякая истинная наука имѣетъ по существу творческій характеръ. Въ чемъ же заключается основная ошибка общераспространенной нравственной философіи? Эта ошибка коренится въ самомъ предположеніи дурныхъ наклонностей. Эти предполагаемыя наклонности составляютъ неотъемлемую часть естественныхъ силъ, присущихъ обществу. Онѣ являются частью человѣческой природы. Ихъ бы вовсе не было, если бы онѣ не были необходимы для развитія человѣка. Онѣ дурны, лишь поскольку сталкиваются съ индивидуальными или соціальными интересами. Въ этомъ отношеніи онѣ ничѣмъ не отличаются отъ другихъ силъ природы. Если бы человѣкъ зналъ только разрушительныя свой-

*) Спенсеръ, «Данныя этики». Предисловіе, стр. V.

ства огня, онъ считалъ бы его зловредною силою. По всей вѣроятности, человѣкъ въ своей исторіи прошелъ черезъ эту стадію развитія. Таково же было его отношеніе и къ электричеству до послѣдняго столѣтія. Это отношеніе измѣняется пропорціонально тому, какъ увеличивается знаніе природы. Какъ ни странно это можетъ показаться, но человѣкъ менѣе всего знаетъ тѣ силы природы, которыя дѣйствуютъ въ немъ самомъ. Позднѣе всѣхъ начинаютъ развиваться науки, касающіяся души и общества,—психологія и соціологія. Но когда человѣкъ пріобрѣтетъ такое же знаніе законовъ, управляющихъ этими областями, какого онъ достигъ въ области физики и механики, практическое значеніе этихъ знаній будетъ, вѣроятно, во столько же разъ больше, во сколько пріобрѣтеніе ихъ было труднѣе.

Это изученіе психическихъ и соціальныхъ силъ составляетъ основу новой этики. Но, кажется, ее ошибочно называютъ этикой. Дѣйствительная наука, въ которую входятъ всѣ эти этическія выводы, есть, въ сущности, *соціальная наука*. Вотъ истинная наука. Она имѣетъ творческій характеръ. Подобно всякой другой истинной наукѣ, она стремится пользоваться силами, дѣйствующими въ ея области. Эти силы—это соціальныя силы, и въ ихъ число входятъ также всѣ предполагаемыя дурныя свойства человѣческой природы. Вмѣсто того, чтобы осуждать ихъ, она признаетъ ихъ и, подобно тому, какъ относится всякая другая наука къ силамъ природы, она сначала стремится сдѣлать ихъ безвредными, а потомъ и полезными. Это дѣлается возможнымъ всегда, какъ только природа ихъ достаточно изучена. Такимъ путемъ развиваются всѣ вообще науки; такимъ же путемъ пойдетъ и соціальная наука.

Методъ науки состоитъ не въ томъ, чтобы останавливать развитіе естественныхъ силъ. Его цѣль не уменьшать, а увеличивать ихъ дѣйствіе. Онъ ограничиваетъ ихъ только въ томъ случаѣ, когда онѣ приносятъ вредъ. Но это ограниченіе состоитъ въ сообщеніи имъ новаго направленія, такого, при которомъ онѣ становятся безвредными. Онъ стремится найти полезныя исправленія и, такимъ образомъ, превращаетъ зло въ добро. Мало того. Онъ соединяетъ нѣсколько потоковъ въ одинъ и такимъ образомъ увеличиваетъ силу, которую можно обратить къ желательной цѣли. Онъ помогаетъ природѣ накоплять энергію, которая должна расходоваться цѣлесообразно. Такимъ образомъ получаются гораздо большіе результаты, чѣмъ когда природа дѣйствуетъ безъ помощи человѣка, результаты прямо благодѣтельные, а не безразличные или даже вредные.

Соціальная наука ставитъ себѣ цѣлью достичь всего этого въ области соціальныхъ силъ. Поле ея не ограничивается однимъ

нравственнымъ поведеніемъ, но захватываетъ и всю дѣятельность человѣка. Задача ея не стѣснять, а расширять эту дѣятельность. Если она ставитъ ей какія-либо преграды, то исключительно для того, чтобы дать ей полезное направленіе. Результатомъ ея является величайшая свобода и максимумъ дѣятельности. Человѣкъ уже убѣдился, что свобода дается не анархіей, а управленіемъ. Что справедливо въ политикѣ, справедливо и въ соціальномъ мірѣ. Новая этика, которая и есть соціальная наука, признаетъ величайшую индивидуальную свободу. Но, какъ и всякая другая наука, она пользуется ею для своихъ цѣлей. Въ дѣйствительности, ея область есть, по выраженію Бенжамена Кидда, *соціальная дѣйствующая сила*. Соціальныя силы, направленныя по нормальному пути, могутъ развивать наибольшую энергію, такъ какъ при этомъ треніе ихъ доведено до минимума. Энтузіазмъ и увлеченіе полезныя силы, если онѣ направлены къ полезной цѣли. Чувства и даже страсти людей имѣютъ важное значеніе для общества, такъ какъ они представляютъ громадную силу, достигающую великихъ результатовъ. Изъ этихъ результатовъ и слагается соціальный прогрессъ, который неминуемо слѣдуетъ за освобожденіемъ динамическихъ силъ общества.

Конечно, нельзя отрицать, что въ человѣческой природѣ есть зловредные элементы,—элементы, ведущіе къ дурнымъ результатамъ. Существуютъ преступныя наклонности, часто врожденныя, противъ которыхъ безсильны нравственныя воздѣйствія и которыя находятся внѣ сферы вліянія нравственныхъ законовъ. Многія изъ нихъ представляютъ переживанія, сохранившіяся отъ древней стадіи развитія, отъ быта дикарей или даже животныхъ. Нѣкогда онѣ были полезны, а теперь онѣ представляютъ лишь отжившія формы и вызываютъ страданья въ мірѣ соціальномъ, подобно тому, какъ миндалевидныя железы и червовидные отростки въ физическомъ мірѣ. Въ другихъ случаяхъ, когда вредные элементы представляютъ не атавизмъ, а нормальное явленіе, какъ, напримѣръ, гнѣвъ, ненависть, ревность, зависть и т. п., тогда ихъ слѣдуетъ считать результатомъ стѣсненной соціальной среды. Они проявляются только тогда, когда развитіе безвредныхъ, хорошихъ, здоровыхъ чувствъ сдавлено, стѣснено или остановлено. Въ первобытныя времена эти стремленія переходили въ дѣйствія и вызывали схватки между соперниками; слабѣйшій былъ поражаемъ, а сильнѣйшій обезпечивалъ себѣ полную свободу пользоваться безвредными удовольствіями. Въ современномъ обществѣ они приводятъ къ безнравственному поведенію или къ преступленію.

Задача соціальной науки сводится именно къ тому, чтобы измѣнить это положеніе вещей; она не представляетъ полной свободы дѣйствія зловреднымъ склонностямъ, но измѣняетъ тѣ условія,

при которыхъ они возникаютъ. Такъ какъ они порождаются вслѣдствіе стѣсненія безвредныхъ стремленій, то освобожденіе этихъ послѣднихъ предотвратитъ ихъ развитіе. Это составляетъ одно изъ лучшихъ доказательствъ теоріи соціальныхъ силъ и соціальнаго тренія.

Гнѣвъ вполнѣ аналогиченъ съ жаромъ, вызываемымъ треніемъ. Устраните треніе, и жара не будетъ существовать. Это только одинъ изъ видовъ проявленія силы вообще. Соціальныя силы тождественны со всѣми другими силами природы до такой степени, что онѣ также подчиняются закону перехода силъ. Зловредныя склонности суть лишь виды проявленія общей физической силы; такую форму принимаютъ естественныя или безвредныя чувства подъ вліяніемъ соціальнаго тренія.

Соціологическая точка зрѣнія, такимъ образомъ, повидимому, вполнѣ противоположна этической. Вмѣсто стѣсненія человѣческой дѣятельности, она стремится къ освобожденію ея. Короче говоря, она положительна, а не отрицательна, и въ этомъ коренится все различіе. Нѣтъ необходимости отрицать, что добро есть цѣль дѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни незначительна область чувства (а она, конечно, чрезвычайно ограничена въ сравненіи со всѣмъ міромъ матеріи, пространства и времени), но для насъ, по условіямъ нашей жизни, она—все. Поэтому, положительная этика, даже болѣе, чѣмъ отрицательная, можетъ ставить добро цѣлью. Но тутъ есть все же существенная разница. Отрицательная этика ставитъ границы собственному распространенію и стремится истребить сама себя. Когда все зло, которое можно уничтожить, исчезнетъ, ея роль будетъ сыграна.

Такъ какъ это допустимо только въ теоріи и наврядъ ли будетъ осуществлено на практикѣ, то это можно разсматривать лишь какъ логическое опроверженіе, практическое же опроверженіе состоитъ въ томъ, что методъ отрицательной этики стѣсняетъ нормальную дѣятельность общества, составляющую необходимое условіе положительной этики.

Существуютъ ли въ дѣйствительности предѣлы, до которыхъ можетъ развиваться добро? Съ перваго взгляда кажется, что такіе предѣлы должны существовать. Добро, если его выразить въ самомъ простѣйшемъ видѣ, состоитъ въ примѣненіи способностей. Не стану вдаваться въ физіологическое объясненіе этого положенія, но, думаю, оно можетъ быть доказано. Даже физическое удовольствіе, доставляемое вкуснымъ кушаньемъ или свѣжимъ букетомъ, предполагаетъ спеціальное развитіе нервовъ вкуса или обонянія, и самое ощущеніе этого удовольствія зависитъ отъ примѣненія способности, возникавшей и развивавшейся въ теченіе долгаго,

долгаго времени. Человѣческій организмъ—это резервуаръ громаднаго количества такихъ способностей, а если мы включимъ сюда психическія, эстетическія, интеллектуальныя и соціальныя способности, то едва ли мы въ состояніи будемъ теперь даже указать предѣлъ человѣческимъ потребностямъ, ищущимъ удовлетворенія. Добро есть ни болѣе, ни менѣе, какъ удовлетвореніе этихъ потребностей.

Но можемъ ли мы сказать о добрѣ, какъ о злѣ, что его область ограничена? Можно ли признать, что всѣ желанія будутъ удовлетворены, такъ же, какъ всѣ страданія будутъ устранены? Конечно, это возможно не для лучшихъ представителей человѣческой расы. Въ животномъ, обладающемъ только физическими и немногими соціальными потребностями, это еще допустимо, но въ человѣкѣ, со всѣми его духовными вопросами, это немыслимо. Нѣкоторые индивидуумы, обладающіе грубой организаціей, могутъ быть въ этомъ отношеніи поставлены на ряду съ животными, но болѣе тонкія организаціи нельзя сопоставлять съ ними. Мы говоримъ, конечно, не объ отдѣльныхъ индивидуумахъ, а о расѣ въ ея цѣломъ. Не можетъ быть и рѣчи объ удовлетвореніи всѣхъ настоящихъ, а тѣмъ болѣе будущихъ потребностей людей. Исторія полна примѣрами возникновенія новыхъ потребностей.

Въ области эстетики это наиболѣе замѣтно. Музыка сравнительно новое искусство, и не по тому только оно ново, что музыкальные инструменты, методы, ноты были неизвѣстны древнимъ, а, главнымъ образомъ, по тому, что любовь къ музыкѣ не была еще свойственна физическому организму человѣка того времени. Существуютъ не только цѣлыя расы, но отдѣльные индивидуумы нашей собственной расы, которымъ и теперь эта любовь несвойственна.

Греки и римляне далеко ушли въ архитектурѣ и скульптурѣ, у нихъ существовала также и живопись, изображавшая людей, животныхъ, растенія и строенія, вообще всѣ симметричные предметы. Но нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы они изображали пейзажи. Они еще не пріобрѣли способности любоваться пейзажемъ. Цезарь велъ свои войска черезъ Альпы и много писалъ въ своихъ комментаріяхъ о ихъ вершинахъ, но красота горъ была совершенно не замѣчена имъ. Любовь къ природѣ, какъ къ цѣлому, особенно къ крупнымъ и неопредѣленнымъ очертаніямъ ея горъ, морей и облаковъ, есть новѣйшее пріобрѣтеніе, также какъ и любовь къ музыкѣ.

Въ области соціальной жизни яркій примѣръ способности человѣка пріобрѣтать новыя потребности представляетъ наше утонченное чувство любви. Оно заняло видное мѣсто только у европейской расы и въ сравнительно недавнее время. При всѣхъ блестящихъ умственныхъ успѣхахъ грековъ и римлянъ, при всей

утонченности ихъ многихъ нравственныхъ и эстетическихъ понятій, ничто въ ихъ литературѣ не указываетъ, чтобы любовь у нихъ означала нѣчто иное, чѣмъ естественныя требованія инстинкта, управляемаго сильной волей и возвышеннымъ умомъ. Романтическій элементъ человѣческой природы еще совсѣмъ не былъ развитъ. Теперь онъ представляетъ ясно выраженную потребность. Онъ возникъ и развился изъ любовной страсти, но сильно отличается отъ нея, такъ какъ одно лицезрѣніе любимаго существа даетъ ему удовлетвореніе. Постепенный переходъ отъ грубой страсти къ романтизму былъ сдѣланъ въ средніе вѣка; это романтическое настроеніе достигло значительнаго развитія у странствующихъ рыцарей и трубадуровъ одиннадцатаго, двѣнадцатаго и тринадцатаго столѣтій. Въ настоящее время оно распространено по всей Европѣ, Америкѣ и въ другихъ странахъ, заселенныхъ европейцами, но нигдѣ болѣе. Оно произвело громадный переворотъ въ общественной жизни этихъ народовъ и облагородило ихъ литературу. Вотъ почему древняя литература должна быть очищена, чтобы не оскорблять современнаго слуха. Она слишкомъ эротична. Современная литература цѣломудренна, хотя удѣляетъ любви гораздо больше мѣста, чѣмъ древняя, такъ какъ подъ любовью подразумѣвается теперь нѣчто совсѣмъ иное. Потребности современныхъ людей, возникающія на этой почвѣ, болѣе многочисленны и настоятельны, но онѣ такъ чисты и возвышенны, что о нихъ можно говорить съ большой свободой, не оскорбляя самой тонкой чувствительности.

Истинная супружеская любовь, существующая въ настоящее время среди образованнаго общества, представляетъ другой, еще болѣе новый источникъ соціальныхъ радостей, возникшій на почвѣ цивилизаціи; она сильно отличается отъ разсмотрѣннаго выше одухотвореннаго чувства любви, хотя выросла изъ него, какъ оно, въ свою очередь, выросло изъ обыкновеннаго естественнаго инстинкта. Ея значеніе не менѣе важно, такъ какъ она послужила, болѣе чѣмъ всѣ остальныя вмѣстѣ взятыя вліянія, къ упроченію самаго важнаго соціальнаго института—семьи. Моногамическое чувство получаетъ распространеніе и заслуживаетъ все болѣе и болѣе одобренія общества. Тѣ, кто считаетъ страхъ, съ какимъ многіе смотрятъ на бракъ, исключительно признакомъ регресса, сильно ошибаются. Въ дѣйствительности это есть слѣдствіе упроченія настоящихъ узъ супружеской любви въ соединеніи съ разумнымъ и правильнымъ рѣшеніемъ заинтересованныхъ личностей поступить въ столь важномъ дѣлѣ съ полною искренностью.

Я могъ бы продолжать доказательства того, что человѣческая

раса постоянно пріобрѣтаетъ новыя способности находить наслажденія въ эстетической, нравственной, общественной и умственной сферѣ; но и этихъ примѣровъ достаточно. Нельзя найти ни малѣйшихъ указаній на то, что когда-нибудь это свойство покинетъ ее. На этомъ именно основывается положительная этика, которая не стремится сама себя уничтожить. Она опирается на тѣ же основы, какъ и всѣ другія науки, и во всѣхъ отношеніяхъ можетъ быть названа истинной наукой. Высшія стремленія, служащія духовнымъ выраженіемъ низшихъ потребностей облагороженныхъ умомъ и культурою, являются подобно тѣлеснымъ потребностямъ, изъ которыхъ они возникли, способностями, т. е. силами, и пропорціонально своей интенсивности содѣйствуютъ развитію силы общества. Новая этика стремится не только освободить всѣ эти соціальныя силы, но и воспользоваться ими для приведенія въ движеніе общественный механизмъ.

Я до сихъ поръ говорилъ только о движущихъ силахъ общества. Ими нельзя руководить безъ помощи направляющей силы. Эта направляющая сила есть *умъ*, служащій руководителемъ для соціальныхъ силъ. Именно въ этомъ лежитъ объясненіе безплодности старой или отрицательной этики. Она не признаетъ дѣятельности ума. Она не стремится руководить или управлять разрушительными элементами соціальной дѣятельности. Она считаетъ ихъ пагубными и воздвигаетъ противъ нихъ крестовый походъ. Она изобрѣтаетъ такія названія, какъ грѣхъ, порокъ, безнравственность и клеймитъ ихъ ими. Она обличаетъ, осуждаетъ, проклинаетъ или, съ другой стороны, убѣждаетъ, доказываетъ, умоляетъ. Все это не оказываетъ никакого дѣйствія, развѣ тогда, когда сопровождается примѣромъ или магнетическимъ вліяніемъ личности. Съ такимъ же успѣхомъ король Канутъ приказывалъ морю отступить, а папа Каликстъ III прогонялъ съ неба комету Галлея. Методъ науки, управляемой разумомъ, состоитъ въ томъ, чтобы развивать естественныя силы, а не заглушать ихъ, освобождать, а не стѣснять ихъ. Трудно найти болѣе неудачное выраженіе, чѣмъ то, какое употребляютъ обыкновенно, говоря объ открытіи Франклина: «Франклинъ сковалъ молнію». Далекій отъ мысли сковывать ее, онъ указалъ ей безпрепятственный путь, слѣдуя которому она не только не будетъ приносить вреда, но принесетъ громадную массу пользы. И впослѣдствіи наука стремилась только къ тому, чтобы увеличивать дѣйствіе этой чудесной силы. Самая страшная молнія не можетъ сравняться съ силой огромной электрической машины въ Бальтиморѣ, которая недавно протащила черезъ туннель цѣлый поѣздъ, не смотря на противодѣйствіе локомотива.

То же самое произойдетъ и съ соціальными силами, когда мы научимся управлять и пользоваться ими. Въ этомъ состоитъ практическое значеніе соціальной науки. Она стремится опредѣлить направленіе, слѣдуя которому соціальныя силы могутъ достигнуть высшаго напряженія. Она уменьшаетъ соціальное треніе и извлекаетъ пользу изъ соціальной энергіи. Она приспособляетъ къ этой цѣли необходимый соціальный аппаратъ. Какъ матеріальный прогрессъ состоитъ въ развитіи практическихъ искусствъ, высшимъ проявленіемъ которыхъ служитъ механика, такъ и соціальный прогрессъ будетъ состоять въ развитіи соціальнаго искусства, высочайшимъ проявленіемъ котораго будетъ соціальная механика.

Мѣсто не позволило бы намъ очертить характеръ этой будущей соціальной механики, если-бы это и было возможно. Но это такъ же трудно, какъ было бы трудно нашимъ предкамъ предсказать тѣ машины, которыми мы пользуемся въ настоящее время. Мнѣ, впрочемъ, приходилось уже не разъ намѣчать первые шаги на пути соціальныхъ изобрѣтеній. Здѣсь же главною моею цѣлью было отмѣтить тотъ фактъ, что соціологія есть наука, и что въ области, обнимаемой ею, дѣйствуютъ естественныя силы, изъ которыхъ человѣкъ долженъ извлекать пользу, какъ онъ извлекаетъ пользу изъ физическихъ силъ природы. Пока эта истина не будетъ понята и принята въ руководство не только философами, но, главнымъ образомъ, практиками, государственными людьми и законодателями, совершенно безполезно разсуждать о методахъ и частностяхъ.

Въ заключеніе я считаю долгомъ повторить то, съ чего началъ,—что всякая наука, по существу своему, можетъ быть названа этической. Къ соціальной наукѣ это относится болѣе, чѣмъ ко всякой другой, такъ какъ она болѣе прямо и исключительно занимается счастіемъ человѣчества. Она имѣетъ цѣлью не только устранить соціальное треніе, т. е. достичь того отрицательнаго нравственнаго прогресса, къ которому тщетно стремилась старая этика, но, главное, обезпечить удовлетвореніе настоящихъ и будущихъ потребностей человѣчества и такимъ образомъ открыть безконечный путь добра, путь истинно-научному или положительному прогрессу.

Я назвалъ это «этическимъ характеромъ» соціальной науки. Можетъ быть, это и не вполнѣ правильное названіе, хотя дѣло исключительно въ словѣ. Какъ я говорилъ въ началѣ, я никогда не занимался вопросами этики, и если общее возрастаніе благосостоянія людей не относится къ этикѣ, то я и не намѣренъ заниматься ею.

*

ПЕРЕЛОМЪ.

Романъ Эммы Брукъ.

Перев. съ англійскаго **Л. Давыдовой.**

Глава I.

«Женское отдѣленіе: по первому разряду окончила Кембаль, Онора (шестая), Гиртонъ; по второму разряду—никто».

Эти слова относились къ экзамену на почетныя награды по классическимъ языкамъ въ Кэмбриджѣ и знаменовали собою для миссъ Оноры Кембаль блистательное окончаніе университетскаго курса. Она прочла свое имя въ спискѣ, вывѣшенномъ на дверяхъ сената, съ сильнымъ, не испытаннымъ до сихъ поръ чувствомъ счастія; она казалась себѣ избранной любимицей судьбы. Все кругомъ освѣщалось для нея лучами ея успѣха. Тѣмъ не менѣе, она постаралась скрыть свое волненіе и спокойно продолжала идти по главной аллеѣ, мимо университета.

Почти всѣ студенты и студентки уже разъѣхались, а оставшіяся имѣли усталый, изнуренный видъ. Онора встрѣтила нѣсколькихъ студентокъ, которыя, также какъ и она, вышли прочесть списокъ удостоенныхъ высшей награды. Онѣ стояли группой около дверей сената и весело болтали.

«Воспитанницы Ньюнгэма» *), съ презрѣніемъ подумала Онора проходя мимо нихъ.

— Это миссъ Кэмбаль изъ Гиртона; она кончила по первому разряду. Какая она хорошенькая!

Слова эти были произнесены громко, и миссъ Кэмбаль ясно разслышала ихъ. Ей часто приходилось слышать подобныя фразы отъ младшихъ студентокъ, искренно восхищавшихся ею, и, конечно, ей это было очень пріятно.

*) Ньюнгэмъ и Гиртонъ—женскіе колледжи въ Кэмбриджскомъ университетѣ.

Она прошла башню Эразма и остановилась у мостика. Здѣсь царила тишина жаркаго лѣтняго дня. Рѣка текла безшумно, безъ малѣйшаго журчанія; листва деревьевъ, казалось, дремала, пронизанная солнечными лучами. Онора облокотилась на перила моста и смотрѣла на старинныя, красивыя университетскія зданія, возвышающіяся передъ ней. Радостное чувство успѣха наполняло ея душу.

«Если бы Эразмъ видѣлъ меня теперь»,—думала она.—«Если бы онъ вдругъ появился здѣсь въ своей длинной тогѣ—какъ бы онъ удивился моему присутствію въ священномъ храмѣ науки! Въ его время женщины и не помышляли ни о чемъ подобномъ. А теперь, я, женщина, достигла высшихъ ступеней знанія, и смѣло могу смотрѣть въ глаза Эразму и вообще, кому угодно».

Она съ гордостью высчитывала, что только пять мужчинъ оказались впереди ея, между тѣмъ какъ она оказалась впереди цѣлыхъ 20 или даже 25 мужчинъ. Она имѣла полное право считать себя побѣдительницей.

Но тутъ другое воспоминаніе воскресло въ ея душѣ. Призракъ Эразма исчезъ и уступилъ мѣсто худощавому человѣку средняго роста, въ современномъ студенческомъ мундирѣ, привѣтствующему ее ласковой поздравительной улыбкой. Онора вздохнула и начала пристально вглядываться въ окна стараго зданія.

— Вотъ здѣсь была комната м-ра Литтльтона, — подумала она, отыскавъ глазами два окна, въ верхнемъ этажѣ.—Кто-то ее теперь занимаетъ?

. . . .

Прошелъ годъ. Онора кончила университетъ и вернулась домой. Отецъ ея былъ ректоромъ въ сельскомъ приходѣ одного изъ среднихъ графствъ. Въ университетѣ ей до конца все удавалось, и всѣ были довольны ею. Дѣйствительно, имя ея было окружено даже нѣкоторымъ ореоломъ: среди младшихъ студентокъ Гиртона всегда было принято «обожать» ее. Ласковое слово или улыбка миссъ Кембаль возвышало юныхъ, начинающихъ учиться, дѣвицъ въ ихъ собственномъ мнѣніи. Эта мужественная молодая дѣвушка, которой все удавалось и которая прямо шла впередъ, побѣждая всякія препятствія, дѣлала честь своему женскому сословію, и женское сословіе, по справедливости, гордилось ею. Маленькія студентки грѣлись въ лучахъ ея славы и размышляли о величіи женщины. Кромѣ того, лекторы, тьюторы и профессора также относились къ Онорѣ съ большимъ уваженіемъ и привѣтливостью. Она воспользовалась всѣми преимуществами общаго

образованія, и не слишкомъ углублялась въ однихъ классиковъ; она заглядывала и во многія другія отрасли науки, и могла легко и блестяще разговаривать о самыхъ разнообразныхъ предметахъ. Это дѣлало ее пріятной собесѣдницей и придавало особенную прелесть ея открытой, простой манерѣ держать себя. Вся ея университетская жизнь была пріятной подготовкой къ жизни. Теперь подготовка кончилась, и ей предстояло вступить въ жизнь.

Домъ ея отца находился въ мѣстности, въ которой дикіе, лѣсистые холмы соприкасались съ мирной плодородной долиной. Онора сегодня только пріѣхала изъ университета и осматривалась въ комнатѣ, которая должна была служить ей резиденціей. Приложивъ палецъ къ губамъ, она критическимъ окомъ осматривала окружающую обстановку. Она привыкла считать себя вполнѣ культурнымъ человѣкомъ, и находила, что скромная меблировка ея спальни не соотвѣтствуетъ ея вкусамъ и потребностямъ.

Это была длинная, низкая, свѣтлая комната съ двумя большими окнами и старомодными, широкими подоконниками. Снаружи окна обрамлялись вьющимися растеніями, а прямо передъ ними росли розовые кусты.

— Это очень красиво, — сказала Онора, — розовый кустъ я оставлю на его старомъ мѣстѣ.

Окна были широко раскрыты и въ комнату врывалось щебетаніе птицъ, отдаленное мычаніе скота, голоса дѣтей, благоуханіе цвѣтовъ и мягкіе лучи іюньскаго солнца.

Онора медленно ходила по большой комнатѣ и занималась ея устройствомъ. Прежде всего она принялась распаковывать свои ящики съ книгами. Въ одной рукѣ у нея была пыльная тряпка, и она тщательно обтирала каждую книгу, прежде чѣмъ поставить ее на полку. Комната была меблирована со строгой, старомодной простотой. На стѣнахъ не было картинъ, за исключеніемъ одной, висѣвшей надъ каминомъ. Тамъ въ деревянной рамкѣ помѣщался текстъ, написанный большими раскрашенными буквами: «не будьте подобны лошади или мулу, которые не имѣютъ пониманія». Изреченіе висѣло здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ Онора себя помнила, и ей никогда не приходило въ голову снять его. Это была работа ея покойной матери, которая сама повѣсила ее здѣсь, надъ каминомъ. Убирая книги, Онора время отъ времени поднимала голову и поглядывала на раскрашенный текстъ.

Онора была красивая дѣвушка. Она была хорошаго роста, стройна, имѣла густые, каштановые волосы, которые небрежно свертывала узломъ на затылкѣ. Черты лица ея были правильны и брови хорошо очерчены. Подъ ними находились красивые каріе

глаза, но глаза эти были нѣсколько холодны и невыразительны. Настоящую красоту ей придавалъ умный, высокій лобъ и яркій цвѣтъ лица. Кромѣ того, у нея былъ прелестный ротъ: нижняя губа была нѣсколько коротка, и поэтому при разговорѣ ей всегда приходилось показывать свои хорошенькіе зубки. Красивый ротъ является большимъ украшеніемъ для женщины.

Послѣдней вещью, которую Онора вынула изъ ящика, была маленькая шкатулочка, содержащая ея драгоцѣнности. Она открыла ее. На самомъ верху лежала кабинетная карточка Лесли Литтльтона. Она вынула ее, смахнула съ нея пыль и опять посмотрѣла на текстъ, повелѣвавшій ей не уподобляться мулу.

— Не могу же я повѣсить Лесли подъ этимъ текстомъ,—подумала она.—Куда бы мнѣ его дѣвать?

Послѣ нѣкоторыхъ размышленій, она поставила карточку на свой письменный столъ, около чернильницы и листовъ бумаги, которые она намѣревалась покрыть своимъ четкимъ почеркомъ. Послѣ этого устройство комнаты могло считаться законченнымъ, и она подошла къ окну.

Грустно было здѣсь, въ этомъ уединенномъ деревенскомъ домѣ. Но Онора надѣялась, что въ самомъ непродолжительномъ времени ей удастся оживить старый домъ, окружить себя знакомыми, сдѣлаться центромъ интеллигентнаго кружка.

— Я буду рано вставать,—думала она,—и до завтрака читать по гречески. Это сохранитъ меня свѣжей на весь день. Вообще, я буду культивировать въ себѣ эллинскій духъ.

Внизу позвонилъ колокольчикъ и прервалъ ея мечтанія. Пора было идти внизъ.

Онора воспитала свой вкусъ на образцахъ послѣдней эстетической моды, а въ ректорскомъ домѣ все носило на себѣ печать старомодности и пуританизма. Переходя теперь изъ одной комнаты въ другую, она думала о томъ, что ея родители въ молодости имѣли пристрастіе къ некрасивымъ вещамъ. Она рѣшила въ ближайшемъ будущемъ отправиться въ Лондонъ и пріобрѣсти тамъ нѣсколько новыхъ «художественныхъ предметовъ»; она была здѣсь единственной хозяйкой, и не видѣла причины, почему бы ей постепенно не преобразовать всей обстановки по своему вкусу. Особенно не нравилась ей гостиная, и, войдя въ нее теперь, она остановилась въ дверяхъ и съ неудовольствіемъ осмотрѣлась. Комната оставалась безъ перемѣны съ того времени, когда она впервые была меблирована; никто въ ней ничего не измѣнялъ и не поправлялъ. Занавѣси и мебель были зеленые, самаго несомнѣннаго зеленаго цвѣта. Онора уже тысячу разъ видѣла это. Но

частыя отлучки изъ дому сглаживали впечатлѣніе, а теперь этотъ грубый зеленый цвѣтъ положительно рѣзалъ ей глаза.

Онора сдѣлала гримаску.

— Je suis tombé en vert,—проговорила она громко съ маленькой усмѣшкой.

Ей предстояла нелегкая задача. Красивый, тяжелый столъ стоялъ прямо по серединѣ комнаты. Такъ онъ стоялъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ 30. Вся мебель была разставлена съ математической правильностью, безъ всякой мысли о красотѣ. Онора подошла къ столу, посмотрѣла на разложенныя на немъ книги, и тотчасъ же отвернулась.

Все это нужно передѣлать, думалось ей. Весь домъ, отъ подвала до чердака, нужно обновить и освѣжить. Она любила все новое, и окружающая ее старина производила на нее подавляющее впечатлѣніе. Проходя мимо окна, она остановилась и посмотрѣла въ садъ.

— Я бы хотѣла знать, когда мнѣ придется теперь увидѣть Лесли Литтльтона, или хоть услышать о немъ,—подумала она съ непривычною грустью.

Ей казалось, что прежняя жизнь ушла такъ далеко отъ нея, и на минуту ей стало тоскливо при этой мысли. Но только на минуту. Она была очень жизнерадостнымъ человѣкомъ и грустное настроеніе было ей несвойственно. Она быстро отошла отъ окна и постучалась въ дверь комнаты отца.

— Войдите!—послышался ласковый и немного дрожащій старческій голосъ.

Онора отворила дверь и остановилась на порогѣ.

Отецъ ея сидѣлъ за столомъ, заваленномъ книгами. Передъ нимъ лежали листы бумаги, но они были не исписаны, и старикъ, казалось, не былъ занятъ писаніемъ. Она увидѣла раскрытую библію и нѣсколько книгъ по теологіи. Кабинетъ слабо освѣщался однимъ квадратнымъ окномъ; обстановка была самая простая, и одна стѣна, отъ пола до потолка, была сплошь занята книжными полками. На другой стѣнѣ висѣли два, сдѣланные карандашемъ, рисунка Оріель колледжа въ Оксфордѣ и церкви св. Маріи въ Оксфордскомъ университетѣ. Рисунки были помѣчены сороковыми годами.

Взглядъ, которымъ отецъ посмотрѣлъ на Онору при ея входѣ, заставилъ ее усомниться, дѣйствительно-ли онъ ее видитъ.

Это былъ почтенный старикъ, невысокаго роста, съ красивымъ тонкимъ лицомъ и бѣлыми волосами. Глаза у него были свѣтлые и близорукіе. Молодое одушевленіе не погасло въ нихъ,

какъ это часто случается въ преклонномъ возрастѣ. Въ нихъ было выраженіе какой-то святости, какъ будто врата неба открылись передъ нимъ и освѣтили его своими лучами. Онъ не былъ болѣзненнымъ человѣкомъ, и если плечи его были немного сгорблены, то это происходило отъ сидячей жизни одинокаго ученаго. При всей своей учености, которую Онора всегда считала чѣмъ-то архаическимъ, онъ остался доступнымъ всѣмъ человѣческимъ чувствамъ; при видѣ красивой дѣвушки, появившейся въ дверяхъ, въ немъ проснулась отцовская гордость. Онъ вспомнилъ Горація и продекламировалъ:

«Dulce ridentem Lalagen amabo
Dulce loquentem» *).

— Да! «Nebulae malusque Juppiter urget» **)—очень подойдетъ къ описанію атмосферы вашего кабинета и всѣхъ этихъ ужасныхъ книгъ,—быстро подхватила Онора. Она сѣла на старый диванъ, набитый конскимъ волосомъ, и съ улыбкой смотрѣла на отца.

— Дорогой папа, надѣюсь, что мое вазвращеніе домой будетъ вамъ пріятнымъ.

— Carissima!—отвѣтилъ онъ тихимъ, спокойнымъ голосомъ, и коснулся своей красивой старческой рукой раскрытой страницы библіи.

Онора почувствовала себя почему-то растроганной. Она почти съ упрекомъ вспомнила, что только-что собиралась произвести революцію во всей меблировкѣ. Она не думала отказываться отъ этой мысли, но надѣялась, что ему будетъ все равно, и мысленно дала себѣ клятву быть какъ можно ласковѣе и почтительнѣе къ отцу. Когда черезъ нѣсколько минутъ слуга пришелъ объявить объ ужинѣ, ректоръ поднялся и со старомодной изысканностью открылъ двери, чтобы пропустить ее впередъ; Онора почувствовала, что ей никогда не придется краснѣть за него, даже если бы Лесли Литтльтонъ пріѣхалъ къ ней въ гости. Онъ былъ настоящимъ джентльменомъ и ученымъ.

Посѣщеніе Лесли Литтльтона было ближе, чѣмъ она думала. Когда она сидѣла противъ отца за ужиномъ, съ невольнымъ сожалѣніемъ вспоминая объ обѣдахъ въ университетской столовой, отецъ кашлянулъ и началъ новый разговоръ:

— Дорогая моя! Помнишь-ли ты м-ра Литтльтона?

---

*) «Буду любить Лалагу (*собственное имя*) съ ея прелестной улыбкой и нѣжной рѣчью». (Горацій, ода 22-я, кн. I).

**) Изъ той же оды: (Quodatus mundi) nebulae malusque Juppiter urget,—т. е. «тотъ край свѣта, надъ которымъ тяготѣютъ туманы и гнѣвъ Юпитера». *Ред.*

Онора выпрямилась. До этого она сидѣла, откинувшись на спинку стула, и крошила хлѣбъ.

— Да... конечно, помню,—сказала она.

— Я получилъ отъ него очень милое письмо сегодня утромъ,— продолжалъ ректоръ.—Онъ поздравляетъ меня съ твоимъ успѣшнымъ окончаніемъ и возвращеніемъ домой.

— Почему же м-ръ Литтльтонъ не написалъ мнѣ, отецъ?— спросила Онора съ удивленіемъ.

Старый ректоръ недовѣрчиво взглянулъ на нее.

— Развѣ вы съ нимъ такіе друзья, Онора? — спросилъ онъ.

— Конечно, очень большіе друзья.

Ректоръ посмотрѣлъ на нее и встрѣтился съ ея сверкающими темными глазами. Открытый взглядъ ея нѣсколько смутилъ его. Онъ съ благоговѣйнымъ почтеніемъ относился къ тайнамъ женскаго сердца.

— М-ръ Литтльтонъ собирается къ намъ на этихъ дняхъ,— проговорилъ онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—радостно воскликнула Онора. Она еще болѣе выпрямилась, и глаза ея еще болѣе засверкали.

— Ты рада, Онора?—мягко спросилъ ректоръ.

— Ужасно рада,—весело отвѣчала Онора.—Есть масса вещей, въ которыхъ м-ръ Литтльтонъ можетъ помочь мнѣ. Мнѣ нужны его совѣты относительно чтенія. Онъ знаетъ всѣ эти модныя книги—самыя новѣйшія—и долженъ мнѣ указать ихъ. Я вѣдь не намѣрена успокоиться на окончаніи курса и полученіи степени,—прибавила она, улыбаясь.—Я мечтаю о литературной работѣ, объ *оригинальной* литературной работѣ, отецъ. М-ръ Литтльтонъ поможетъ мнѣ. Онъ будетъ мнѣ очень полезенъ.

— Вотъ какъ!

У ректора въ душѣ зародилось новое предположеніе, на которомъ онъ сосредоточилъ теперь всѣ свои отцовскіе помыслы. Остальная часть ужина прошла въ молчаніи, которое только одинъ разъ было нарушено Онорой, съ нѣкоторой робостью обратившейся къ отцу съ вопросомъ:

— Вы бы ничего не имѣли противъ того, чтобы у насъ вмѣсто ужина былъ обѣдъ въ 7 ч., въ тотъ день, когда пріѣдетъ м-ръ Литтльтонъ?

— Это зависитъ совершенно отъ тебя, моя дорогая. Распоряжайся, какъ тебѣ угодно,—тотчасъ же согласился ректоръ.

Послѣ ужина, по домашнему обычаю, послѣдовала семейная молитва. Когда было убрано со стола, Онора хотѣла пройти въ зеленую гостинную, но прежде чѣмъ она успѣла выполнить свое

намѣреніе, слуга положилъ передъ ректоромъ библію и молитвенникъ. Онора уже забыла о семейныхъ молитвахъ. Она покраснѣла и съ нѣкоторымъ колебаніемъ сѣла на диванъ. Университетскія занятія и чтенія совершенно подавили въ ней вѣру въ религіозные догматы. Вліяніе м-ра Литтльтона было, быть можетъ, рѣшающимъ въ этомъ вопросѣ. Ее мучило сознаніе, что она должна теперь играть комедію и быть неискренней.

Ректоръ, совершенно не подозрѣвая направленія мыслей дочери, раскрылъ библію и подвинулъ свѣчи ближе къ себѣ. Пламя свѣчки непріятно вздрагивало и освѣщало его сѣдую голову и близорукіе глаза, низко склонившіеся надъ книгой. Онъ читалъ медленно, и мало-по-малу голосъ его успокоилъ тревогу Оноры и отвлекъ ея мысли въ другую сторону. Она думала совсѣмъ о другомъ, и, когда слуги опустились на колѣни, машинально послѣдовала ихъ примѣру.

Давнишней мечтой Оноры было заняться изученіемъ греческихъ вазъ. Она хотѣла подробно изслѣдовать прогрессъ искусства въ Греціи, ея цивилизацію, миѳологію и нравы, по скольку все это отразилось на орнаментаціи вазъ и ихъ рисункахъ. Пока отецъ благоговѣйнымъ голосомъ читалъ назначенные на сегодняшній день тексты, она представляла себѣ свой будущій разговоръ съ м-ромъ Литтльтономъ, въ которомъ она будетъ обсуждать съ нимъ планъ своей предполагаемой работы.

Внезапно какія-то новыя, странныя слова отца привлекли ея вниманіе. Слова эти не были взяты изъ молитвенника, и голосъ, произносившій ихъ, сильно дрожалъ. Она перестала думать о греческихъ вазахъ и, помимо воли, слушала. Вотъ что она, къ удивленію своему, услышала:

— Ты, Который ясно видишь все, что дѣлается въ сердцахъ людей, помоги моему невѣжеству и заблужденію. Помоги мнѣ, передающему велѣнія Твои другимъ, самому выполнять завѣты добра и справедливости, преподанные Тобою. Чтобы я, назначенный Тобою пастырь, не забывалъ идти по стопамъ Христа и не поднималъ бы высоко головы своей. Охрани меня отъ грѣха стяжанія, въ который впалъ Ананія и Валентинъ, съ которымъ Ты спорилъ устами слуги Твоего, Поликарпа. Помоги мнѣ выполнить заповѣдь, которая была завѣщена намъ отъ начала. Пусть ничто видимое или не видимое не отклонитъ меня отъ внушеннаго Тобою рѣшенія. Я подчиняюсь суду Твоему, Господи, во имя Христа. Аминь!

Наступило глубокое молчаніе. Потомъ ректоръ, все еще дрожащимъ голосомъ, благословилъ присутствующихъ. Тогда слуги поднялись и вслѣдъ за ними Онора. Она опять сѣла на диванъ

и, оставшись одна съ отцомъ, вопросительно посмотрѣла на него. Она не знала, хочетъ ли онъ, чтобъ она еще побыла съ нимъ, или ей можно вернуться къ своимъ книгамъ.

Онъ смотрѣлъ на нее съ какимъ-то странным, напряженнымъ выраженіемъ.

— Онора!—проговорилъ онъ.

Въ голосѣ его было что-то, что заставило ее съ волненіемъ прислушиваться къ его словамъ.

Глава II.

Онора съ удивленіемъ взглянула на отца.

— Мнѣ кажется, Онора,—началъ онъ,—что теперь, когда ты вернулась ко мнѣ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ труда, затраченнаго на образованіе, я обязанъ сообщить тебѣ о томъ испытаніи, черезъ которое Господь провелъ меня въ эти послѣдніе годы. Благодаря моей неспособности, это откровеніе проникло въ меня очень медленно. Ты понимаешь меня, дочь моя?

— Да, конечно,—отвѣтила Онора, считавшая, что нѣтъ на свѣтѣ ничего, недоступнаго ея пониманію.

— Мнѣ хочется откровенно поговорить съ тобою именно теперь, потому что мнѣ живо вспоминается мое собственное окончаніе Alma Mater, память о которой будетъ дорога мнѣ до самой смерти. Въ то время, Онора, когда Богъ послалъ мнѣ дочь вмѣсто желаннаго сына, и затѣмъ взялъ у меня возлюбленную жену мою, мнѣ еще не приходило въ голову, что Онъ соединитъ два дара въ одномъ, и что я доживу до такого дня, какъ сегодняшній. Потому что, въ дни моей молодости положеніе женщинъ было совсѣмъ не такое, какъ теперь.

Онора улыбнулась.

— Vera incessu potuit Dea *),—продолжалъ ректоръ.—Мы, бывшіе молодыми въ тѣ времена, не подозрѣвали о появленіи въ ближайшемъ будущемъ преображенной женщины, равной мужчинѣ по своему умственному развитію, и въ то же время сохраняющей въ неприкосновенности свою нѣжность и грацію. Теперь я хотѣлъ бы разсказать тебѣ кое-что о моемъ духовномъ развитіи.

— Пожалуйста, отецъ,—сказала Онора, нѣсколько сдержанно.

— Мое духовное рожденіе произошло въ университетѣ,—продолжалъ ректоръ,—и потому твое окончаніе университетскаго курса кажется мнѣ подходящимъ случаемъ для моей исповѣди. Я уже тогда рѣшилъ посвятить себя служенію Богу и Его церкви, но

---

*) Истинная богиня открылась въ самой поступи.

истинное значеніе моего призванія открылось мнѣ позднѣе, подъ вліяніемъ того удивительнаго возрожденія духовной стороны церкви, которое называютъ трактаріанскимъ движеніемъ.

Онъ остановился на мгновеніе. Онора смотрѣла на него со смѣшаннымъ чувствомъ недовѣрія и удивленія. Какой-то неопредѣленный страхъ и смущеніе овладѣли ею. Глаза ректора были устремлены вдаль, и онъ не замѣчалъ перемѣны въ ея лицѣ.

— Я мало знакомъ, Онора,—продолжалъ онъ,—съ религіознымъ настроеніемъ Кэмбриджа въ настоящее время. Изъ вашего университета вышло евангелическое движеніе. Я не буду теперь судить о немъ. Правда, оно очень заботило меня, какъ нѣчто, нарушающее единство церкви. И, какъ уже сказано св. Игнатіемъ, всякій, кто слѣдуетъ за схизматикомъ, не наслѣдуетъ Царства Божьяго. Я надѣюсь, Онора, что ты не перешла на сторону евангелическаго движенія.

Голосъ ректора немного дрожалъ и онъ съ опасеніемъ взглянулъ на Онору.

— Нѣтъ,—коротко отвѣтила Онора.—Евангелическое движеніе не затронуло меня.

— Тогда тебѣ легче будетъ понять, какъ это чудесное возрожденіе ранняго христіанскаго духа въ нашей умирающей церкви подѣйствовало на мою молодую душу.

— Я думаю, что пойму,—сказала Онора упавшимъ голосомъ.

— Ты можешь себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело на меня посвященіе въ пастыри, устанавливающее мою духовную связь съ первыми основателями церкви и епископами, даже—я съ особымъ благоговѣніемъ произношу эти священныя слова—даже съ самимъ Іисусомъ Христомъ; я смотрѣлъ на свою жизнь, какъ на постоянное служеніе единому закону Бога. Въ качествѣ пастыря Его, я старательно слѣдилъ за собою изо дня въ день, боясь какъ-нибудь отойти отъ Его велѣній и нарушить Его заповѣдь. И тѣмъ не менѣе, Онора, глаза мои, несмотря на все свое стремленіе къ свѣту, были такъ слѣпы, что, какъ мнѣ ясно теперь, я долгіе годы не понималъ Его голоса, взывающаго ко мнѣ.

Онъ поднялъ руку и на лицѣ его появилось выраженіе благоговѣйнаго изумленія передъ открывавшейся ему истиной. Онора вздохнула, не зная почему. Ей казалось, въ ея молодую, свѣжую жизнь врывается какая-то чуждая, непонятная и враждебная ей сила.

— Послушай теперь,—продолжалъ ея отецъ,—что случилось со мной шесть лѣтъ тому назадъ. Я очень заботился тогда о томъ, чтобы не утратить ни одной овцы, надъ которыми Онъ поставилъ

меня пастыремъ. И вотъ, просматривая однажды списки прихожанъ, чтобы убѣдиться, что никто изъ ввѣреннаго мнѣ стада не былъ оставленъ мною въ небреженіи, я случайно наткнулся на имя, которое было извѣстно мнѣ только по наслышкѣ. Это было имя Пирса Норбюри, о которомъ ходила дурная слава.

— Я слышала о немъ,—сказала Онора, обрадованная возможностью снова приблизиться къ землѣ.—Это—старый чартистскій ткачъ и браконьеръ; онъ пользуется нехорошей репутаціей.

— И все-таки,—быстро подхватилъ ректоръ, — именно его Богъ избралъ орудіемъ для моего просвѣтленія. Когда я прочелъ его имя, я вспомнилъ, что никогда не былъ у него и не исполнилъ своего долга по отношенію къ человѣку, который былъ извѣстенъ своимъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ церкви, и котораго я не зналъ, куда отнести — къ диссентерамъ или къ атеистамъ. Въ тотъ же вечеръ я пошелъ навѣстить его. Ты знаешь его коттэджъ, Онора? Онъ лежитъ въ самой дикой части нашего мѣстечка, среди холмовъ. Я пришелъ туда до заката и постучался. Дверь была открыта и я увидѣлъ старика, сидящаго за столомъ передъ раскрытой книгой. Книга эта была библіей.

— «Господь раньше меня уже былъ здѣсь»,—сказалъ я.

«Онъ поднялъ глаза, и не говоря ни слова, посмотрѣлъ на меня такъ, что я почувствовалъ себя смущеннымъ, и слова, которыя я готовился сказать, замерли у меня на устахъ. У него былъ взглядъ одинокаго человѣка, Онора. Я знаю этотъ взглядъ, потому что самъ испыталъ одиночество, и тоже старался заполнить его мыслями о неземномъ. Увидя мое колебаніе, онъ спокойно попросилъ меня войти, а самъ не двигался съ мѣста, и руки его оставались лежать на раскрытой страницѣ библіи.

«— Пирсъ,—сказалъ я,—будемъ вмѣстѣ читать эту книгу.

«— Хорошо,—сказалъ онъ. — Но вы, называющій себя пастыремъ Божіимъ, прочтите эту страницу раньше меня.

«Онъ передалъ мнѣ библію. Розовый лучъ заходящаго солнца падалъ сквозь запыленное окно на раскрытую страницу и на морщинистый палецъ старика. Я надѣлъ очки. Мнѣ вспомнились слова Христа: «Гдѣ двое или трое собрались во имя Мое, тамъ и Я среди нихъ». И я чувствовалъ, что Онъ былъ тогда съ нами. Я прочелъ слова, указанныя мнѣ старымъ чартистомъ:

«Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что поѣдаете домы вдовъ и напоказъ молитесь долго. За это примете тягчайшее осужденіе».

«Я и раньше читалъ эти слова, но теперь они глубоко потрясли меня».

Онъ опять остановился и глубокій вздохъ вырвался изъ его груди.

— Все это—обыкновенный мистицизмъ, и больше ничего,— думала Онора. Она молчала, не зная, что сказать. Не собираясь выяснять отцу коренное разногласіе въ ихъ взглядахъ, она боялась останавливаться на частностяхъ, думая, что это только затянетъ мучительный разговоръ. Она устало смотрѣла на него и думала о томъ, какъ даромъ уходитъ время, которое она могла бы употребить ва подготовительную работу, въ ожиданіи м-ра Литтльтона.

— Ты слыхала что-нибудь о чартистскомъ движеніи *), Онора?— спросилъ ее ректоръ.

— Да, конечно, — отвѣчала Онора, довольная тѣмъ, что ей представляется случай блеснутъ своими знаніями.

— Норбюри былъ чартистомъ. Въ молодости онъ находился въ самомъ центрѣ движенія. Онъ зналъ О'Бріена, Купера и другихъ вождей. Онъ слышалъ рѣчи Фергуса О'Коннора, Стефенса и другихъ. Когда-то имя его было хорошо извѣстно по деревнямъ, и о немъ постоянно упоминалось въ «Сѣверной Звѣздѣ».

— Всѣ они были демагогами, насколько я знаю,—сказала она, поправляя одной рукой свою прическу.

*) Чартистское движеніе, о которомъ здѣсь упоминается, было вызвано недовольствомъ трудящихся классовъ Англіи парламентской реформой 1832 г., допустившей въ парламентъ представителей средняго класса, но не рабочихъ. Въ 1837 г. въ Лондонѣ основалось «общество рабочихъ», цѣлью котораго было доставленіе рабочимъ доступа въ палату. Это общество, вмѣстѣ съ небольшой группой парламентскихъ дѣятелей, выработало такъ называемую «народную хартію» (peoples chartie), отъ которой и все движеніе получило названіе чартистскаго. Требованія хартіи, главнымъ образомъ, сводились къ требованію всеобщаго избирательнаго права, ежегоднаго парламента и закрытой баллотировки при выборахъ. Несмотря на политическій характеръ программы, цѣли движенія были чисто экономическими. Парламентская реформа, по мнѣнію вождей движенія,—изъ которыхъ главными были ирландецъ Фергусъ О'Конноръ, Ловеттъ, Стефенсъ и др., — должна была помочь рабочимъ въ улучшеніи ихъ быта и соотвѣтственномъ измѣненіи существующихъ условій. Чартистское движеніе выразилось въ подачѣ гигантскихъ петицій парламенту съ требованіемъ хартіи. Число подписей на этихъ петиціяхъ считалось милліонами. Была попытка учредить на ряду съ законнымъ парламентомъ—народный парламентъ изъ представителей рабочихъ. Несмотря на лойяльность, присущую каждому британцу, мѣстами возникли безпорядки, и воооруженныя столкновенія между правительственными войсками и рабочими произошли въ Бирмингамѣ, Ньюкэстлѣ и др. городахъ. Движеніе особенно усилилось въ 40-хъ годахъ, когда англійская промышленность сильно страдала отъ кризисовъ и число безработныхъ возросло въ огромной пропорціи. Въ концѣ 40-хъ годовъ движеніе стало ослабѣвать и въ началѣ 50-хъ совсѣмъ прекратилось. *Ред.*

— Нѣтъ, — мягко возразилъ м-ръ Кэмбаль. — Здѣсь, какъ и вездѣ, собрались различные люди. Но общее одушевленіе было дѣйствительно велико, разъ оно привлекало къ себѣ такихъ ревностныхъ сторонниковъ. Я убѣдился, напр., что Норбюри все еще живетъ этимъ движеніемъ, и движеніе живетъ въ немъ.

— Чартистское движеніе?—сказала Онора, небрежно.—Я думаю, оно уже давнымъ-давно кончилось, задолго до моего появленія на свѣтъ.

— Ничто, заключающее въ себѣ сѣмя истины, не умираетъ. Во время агитаціи Норбюри былъ молодымъ человѣкомъ; но, повторяю, движеніе это и до сихъ поръ не умерло въ немъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—сказала Онора.

— Нѣкоторыя слова, грубыя въ своей неумолимой правдѣ, врѣзались въ его душу въ ранніе годы молодости, и огонь ихъ до сихъ поръ еще не угасъ. Онъ повторилъ мнѣ эти страшныя слова.

— Онъ говорилъ вамъ грубости!—съ негодованіемъ воскликнула Онора.

— Да,—спокойно отвѣчалъ ректоръ.—Никто изъ насъ не избавленъ отъ ударовъ правды. Господь нашъ принималъ удары лицемѣрія, имѣемъ ли мы право отказыватьтя отъ ударовъ правды? Ты помнишь Фергуса О'Коннора?

Онора слегка покраснѣла. Въ ея умѣ чартистское движеніе представлялось въ видѣ полустраницы изъ учебника исторіи, а «демагоги», руководившіе имъ, были не отличимы другъ отъ друга.

— Вѣдь, я получила классическое образованіе,—замѣтила она, съ упрекомъ.

— Ахъ, да!—сказалъ ректоръ, разсѣянно.—О'Конноръ былъ человѣкомъ, на которомъ Норбюри когда-то сосредоточилъ всю свою вѣру. Можетъ ли что-нибудь сравниться съ положеніемъ безпріютныхъ овецъ, отыскивающихъ своего пастыря? И вотъ, этотъ-то О'Конноръ, въ одной изъ своихъ рѣчей сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе по поводу богатыхъ пастырей. Онъ сказалъ: «когда такой пастырь молится о томъ, чтобы Богъ «сохранилъ для насъ плоды земные», то въ сердцѣ своемъ онъ молится о томъ, чтобы эти плоды были сохранены *для него*».

— Этотъ О'Конноръ, вѣроятно, былъ очень грубымъ человѣкомъ,—сказала Онора.

— Можешь ты себѣ представить, дочь моя,—сказалъ ректоръ, серьезно смотря ей въ глаза, — какъ это тяжело, когда *правда* открывается тебѣ въ образѣ грубой шутки?

Онора вопросительно взглянула на отца. Она была совсѣмъ сбита съ толку и не понимала, куда онъ клонитъ свою рѣчь.

— Отецъ! — вскрикнула она наконецъ, видя, что онъ ждетъ отъ нея отвѣта: — какое отношеніе ко мнѣ или къ вамъ могутъ имѣть слова и мнѣнія такого недостойнаго уваженія человѣка?

— Пути Господа часто бываютъ неисповѣдимы, — отвѣтилъ ректоръ.—Я вспомнилъ, что духовное возрожденіе церкви, названное трактоpіанскимъ движеніемъ, началось одновременно съ этимъ народнымъ движеніемъ. Въ то время, когда душа моя находилась подъ обаяніемъ одного движенія, другое тоже было недалеко отъ меня. И я даже на себѣ чувствовалъ его вліяніе. Помню, какъ однажды, въ самый разгаръ такъ называемыхъ безпорядковъ, я видѣлъ проходившую мимо толпу рабочихъ. И когда я увидѣлъ эти измученныя лица, эти усталые, суровые глаза, въ которыхъ свѣтилась рѣшимость и надежда,—какъ иногда въ глазахъ умирающихъ свѣтится вѣчная надежда—я былъ смущенъ и взволнованъ, и совѣсть моя была неспокойна, какъ будто и я, съ своей стороны, былъ виновенъ во всемъ происходящемъ. И я спрашивалъ у Бога: что долженъ я тутъ дѣлать? Но отвѣта никакого не получилось. А потомъ я и забылъ, что спрашивалъ объ этомъ у Господа. Но Господь иногда долго заставляетъ ждать своихъ отвѣтовъ.

Ректоръ остановился. Онора слушала съ тревогой и тоской.

— Онора!—началъ онъ опять,—почему трактоpіанское движеніе, послѣ такого блестящаго начала, стало падать и кончилось неудачей?

— Развѣ я могу знать, почему?—отвѣтила Онора съ нѣкоторой рѣзкостью.

— Не потому ли это произошло, — продолжалъ ректоръ,—что оно отдѣлилось отъ того, другого движенія?

— Можетъ быть!—проговорила Онора.

— Чѣмъ можно оправдать церковь отъ этого грѣха? Отъ грѣха стяжанія и пролитія крови?

— Of other care they little reckoning make,
Thon how to scramble of the shearer's feast
And shove away the worthy bidden quest *).

— Мильтонъ не былъ вполнѣ свободенъ отъ предразсудковъ,— замѣтила Онора.

— Правда, — согласился ректоръ, — но обвиненіе его старо. Ново только примѣненіе его къ себѣ. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы церковь совершенно забыла свой обѣтъ бѣдности. Сама

*) Они мало заботятся о чемъ-либо, кромѣ того, чтобы поживиться на праздникѣ стригущихъ и захватить то, что предназначается гостямъ. «Потерянный Рай». Мильтонъ.

она налагаетъ на своихъ служителей обязанность бѣдности, какъ надѣваютъ монашеское одѣяніе на человѣка, посвящающаго себя Богу.

— Бѣдности,—повторила Онора, вздрогнувъ, какъ отъ укола булавкой.

— Да, бѣдности,—твердо повторилъ ректоръ,—той бѣдности, которую предписалъ намъ Господь. Но я, когда выступилъ въ путь, то прежде всего думалъ о церковныхъ доходахъ, и придя сюда въ качествѣ духовнаго пастыря, безъ всякой тѣни раскаянія обложилъ ввѣренныхъ мнѣ прихожанъ данью, и тяжкимъ бременемъ легъ имъ на плечи.

— Что вы хотите сказать этимъ, отецъ?—проговорила Онора, теперь уже серьезно озабоченная.

— Я вспомнилъ, дочь моя, что, обращаясь къ труждающимся и обремененнымъ, я не взывалъ къ нимъ «придите», а «дайте».

Онъ всталъ и поднялъ руки кверху. Видно было, что онъ забылъ о существованіи Оноры, и Онора это знала. Она слушала теперь съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Это былъ большой грѣхъ съ моей стороны!—продолжалъ ректоръ.—Я понялъ это, когда началъ изучать чартистское движеніе. Я прочелъ обвиненіе народной хартіи противъ тѣхъ, которые пользуются рентой и десятиной. Я сравнилъ эти обвиненія со священнымъ писаніемъ: И тутъ два факта потрясли меня до глубины души: то, что англиканская церковь ничего не дѣлала въ помощь вождямъ реформы, и то, что вожди послѣдней не довѣряли церкви, обвиняли ее, и противились ей. Между ними была борьба, а не сотрудничество, какъ должно было бы быть.

— Англиканская церковь всегда имѣла своихъ враговъ,—пробормотала Онора, удивляясь сама, почему она теперь выступаетъ въ защиту учрежденія, къ которому всегда была совершенно равнодушна.

— Не одни враги церкви были ея обвинителями. Добродѣтельный и благочестивый Шэфтсбёри жалуется на то, что изъ 16.000 англійскаго духовенства его времени только 50 человѣкъ пришли ему на помощь, когда онъ боролся за освобожденіе дѣтей отъ работы въ копяхъ. Только 50 человѣкъ вспомнили слова Христа о «малыхъ сихъ». Шэфтсбёри говоритъ намъ, что англійское духовенство было куплено капиталомъ и властью. Они предали Христа и отдались Маммонѣ!

Ректоръ наклонился надъ столомъ и закрылъ лицо руками. Въ комнатѣ наступила мертвая тишина, прерываемая только его тяжелымъ дыханіемъ. Всякія такія проявленія чувства были чужды

Оноре. Она не любила ихъ и онѣ рѣдко трогали ее. И теперь она не была тронута. Душа ея была полна простымъ страхомъ и ужаснымъ предчувствіемъ. Она еще не могла понять, къ чему это приведетъ, но весь этотъ мистицизмъ былъ ей непріятенъ, и особенно теперь, въ первый вечеръ ея возвращенія домой, на порогѣ жизни.

Она взглянула на часы и поправила ленту, на которой висѣлъ изящный мѣшечекъ съ ея носовымъ платкомъ.

— Ты поймешь, Онора, — продолжалъ отецъ, — что какъ только я пришелъ къ убѣжденію, что провелъ болѣе половины жизни не такъ, какъ бы слѣдовало, я принялся тщательно изучать этотъ вопросъ. До сихъ поръ, столь важная сторона жизни, какъ средства къ существованію, не разсматривалась мною, какъ часть моего личнаго долга. Я велъ скромный, аскетическій образъ жизни, но дальше не шелъ. Собираніе десятины *) лежало на рукахъ моего повѣреннаго и агента. Я рѣшилъ, что начну самъ собирать ее, чтобы составить себѣ ясное понятіе о своей отвѣтственности. Мнѣ казалось необходимымъ узнать, откуда берутся средства для моей роскоши. Я самъ ходилъ съ фермы на ферму и видѣлъ, что во многихъ домахъ лица моихъ прихожанъ омрачались при моемъ появленіи. Когда я началъ разспрашивать ихъ, то услышалъ повѣсть о тяжкихъ лишеніяхъ, и увидѣлъ проявленія горечи и ожесточенія. Въ исключительныхъ случаяхъ оказалось, что фермеры выкрадываютъ десятину изъ жалованья своимъ рабочимъ. Кукъ справедливо сказалъ: «хлѣбъ бѣдняковъ—это ихъ жизнь; и тотъ, кто лишаетъ ихъ хлѣба, есть кровопійца».

— Но отецъ! Вѣдь это же былъ церковный доходъ! Вѣдь вы же имѣете право на него,—воскликнула Онора.

— Да, это была десятина. Св. Климентъ учитъ насъ, что при возникновеніи церкви не только хлѣбъ и вино, но и десятина, и первые плоды находились въ числѣ *приношеній*. Ты понимаешь, Онора, приношеній Господу, а не Его служителю. Такъ же смотрѣли на дѣло и многіе изъ моихъ прихожанъ, какъ я узналъ, обходя ихъ. Самые кроткіе и страждущіе изъ нихъ считали, что они дѣлаютъ приношеніе самому Господу. А я, безъ всякаго колебанія, употреблялъ ихъ дары на свое роскошество.

---

*) Англійскіе пасторы оффиціальной церкви содержатся на счетъ прихода, получая «десятину», т.-е. десятую часть дохода, обыкновенно натурой. Сборъ отдается ими на откупъ за деньги, а купившій десятину уже самъ ее выбираетъ. Въ иныхъ приходахъ эта «десятина» достигаетъ очень крупной цифры до 30—40 и болѣе тысячъ на наши деньги. Средній же доходъ англійскаго пастора колеблется около 6.000—10.000 р. въ годъ, при готовомъ помѣщеніи. *Ред.*

— Дорогой отецъ!—сказала Онора, испуганно.—Мнѣ кажется, вы были нездоровы. Я увѣрена, что вы преувеличиваете.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ ректоръ спокойно и грустно. — Просто глаза мои открылись. Я понялъ свое положеніе, перечиталъ Священное Писаніе и пришелъ къ рѣшенію.

Онъ знакомъ пригласилъ ее сѣсть рядомъ съ нимъ. Онора неохотно исполнила это. Ректоръ перелистывалъ библію и указывалъ ей тѣ мѣста, которыя она должна была прочесть—пророческія изреченія, подобныя тѣмъ, которыя онъ приводилъ раньше. Нѣкоторыя мѣста онъ читалъ ей вслухъ, ровнымъ, неторопливымъ голосомъ. Когда все было прочтено, онъ обернулся къ дочери.

— Ты слѣдишь за моей мыслью, Онора?—спросилъ онъ ласково.

Они посмотрѣли другъ другу въ глаза. Въ ея глазахъ было выраженіе испуга, въ его—воодушевленіе.

— А!—произнесъ онъ слабымъ голосомъ, и откинулся на спинку кресла.

— Отецъ, я рѣшительно ничего не понимаю,—сказала Онора сухо.

— Я думалъ,—началъ ректоръ упавшимъ голосомъ.—Я думалъ, что ты поняла меня, что мнѣ удалось завоевать твое сочувствіе и помощь.

— Конечно, я поняла все, что вы говорили,—отвѣчала Онора,—но я не понимаю, къ чему все это приводитъ?

— Неужели это окажется слишкомъ труднымъ для тебя, дитя мое?—сказалъ ректоръ съ оттѣнкомъ самообвиненія въ голосѣ.—Хотѣлъ бы я избавить тебя отъ этого, Онора, но это не въ моей власти.

— Избавить отъ чего? — воскликнула молодая дѣвушка со страхомъ.

— Повѣрь мнѣ, дорогая, только ради тебя я и колебался. Если бы не ты, я бы уже давно приступилъ къ дѣйствію. Я не могъ найти въ себѣ силу измѣнить нашу обстановку до твоего возвращенія. Надѣюсь, что съ внѣшней стороны ты нашла дома все такъ, какъ ты ожидала?

— Да, конечно,—сказала Онора.

Въ умѣ ея промелькнула картина зеленой гостиной. Но теперь она казалась ей драгоцѣнностью, къ которой нельзя прикасаться.

— Но ты должна знать, что нашъ домъ недолго можетъ оставаться такимъ, каковъ онъ теперь.

— Въ чемъ дѣло, отецъ? Что такое должно случиться?—спросила Онора съ бьющимся сердцемъ.

— Въ теченіе 6 лѣтъ, Онора, я считалъ для себя также невозможнымъ прикасаться къ деньгамъ, называемымъ десятиной, какъ если бы я сталъ употреблять для своихъ нуждъ добровольныя пожертвованія, собираемыя во время богослуженія.

— Что вы говорите, отецъ,—проговорила Онора, совершенно подавленная этимъ извѣстіемъ.

— Я никогда не буду въ состояніи прикоснуться къ десятинѣ. Десница Божія удерживаетъ меня. Я не прикасался къ ней, повторяю, въ теченіе 6 лѣтъ.

— Какъ же все оставалось по старому? Я была въ университетѣ. Дома ничего не измѣнилось... На какія же деньги...

— Въ теченіе послѣднихъ 6 лѣтъ, Онора, мы съ тобою проживали мой маленькій капиталъ.

— Проживали капиталъ! — воскликнула Онора съ ужасомъ. Яркая краска, залившая ея щеки, свидѣтельствовала о томъ, какъ самыя изящныя женщины могутъ практически относиться къ денежнымъ вопросамъ.

— Именно. Ради тебя наши расходы остались прежними, и капиталъ,—и безъ того небольшой — сильно уменьшился. Кромѣ маленькаго остатка его, у насъ остался еще доходъ въ 150 ф., который я получилъ въ приданое за твоей матерью. До моей смерти деньги эти принадлежатъ мнѣ, а затѣмъ переходятъ къ тебѣ. Я намѣренъ, Онора...

— Но куда же дѣвалась десятина? Я хочу сказать, куда же идутъ церковные доходы?—спросила Онора, блѣдная отъ волненія.

— Я откладываю ихъ и берегу до того дня, когда Господь укажетъ мнѣ, какое сдѣлать изъ нихъ употребленіе.

— Значитъ, вы не отказались отъ этихъ денегъ?—спросила Онора, прижимая къ губамъ свой тоненькій носовой платокъ.

— Десятина выплачивается, какъ и раньше. Но она платится не мнѣ и не для меня,—сказалъ ректоръ.

Въ душѣ Оноры блеснула надежда. Десятина все-таки выплачивалась. Значитъ, доходы за нѣсколько лѣтъ, вѣроятно, хранятся гдѣ-нибудь въ банкѣ. Они не были растрачены, какъ ихъ несчастный маленькій капиталъ. Эта мысль нѣсколько успокаивала ее, и волненіе, заставлявшее лихорадочно биться ея сердце, начало стихать. Ея обычное спокойствіе мало-по-малу возвращалось къ ней. Она рѣшила не отчаяваться, а попытаться переубѣдить отца, заставить его отказаться отъ этого страннаго, болѣзненнаго взгляда на вещи. Она вспомнила о Лесли Литтльтонѣ и его близкомъ посѣщеніи, и ухватилась за это воспоминаніе, какъ за якорь спасенія.

— Я перебила васъ,—сказала она, обращаясь къ отцу съ болѣе спокойнымъ видомъ. — Вы начали говорить о деньгахъ моей матери.

— Эти деньги я предназначаю для тебя, Онора, — сказалъ ректоръ, обрадованный ея смягчившимся тономъ.—Я не хочу навязывать тебѣ бѣдность, которую самъ добровольно беру на себя. Я буду жить на 100 ф. дохода, получаемыхъ съ нашего оставшагося капитала. Это покроетъ всѣ издержки, которыя я считаю въ правѣ позволить себѣ, и будетъ щедрымъ вознагражденіемъ за мой трудъ. Я въ долгу передъ моей паствой за многіе годы излишней роскоши. Теперь я долженъ жить совсѣмъ просто. А тѣ полтораста фунтовъ, которые принадлежали когда-то твоей матери, теперь переходятъ къ тебѣ.

Полтораста фунтовъ! Онора въ ту же минуту представила себѣ полное несоотвѣтствіе этой суммы съ тѣмъ образомъ жизни, который она предполагала вести. И доходъ ея отца сведенъ всего на 100 ф. На двѣсти пятьдесятъ фунтовъ невозможно содержать ректоратъ и поддерживать ихъ положеніе въ графствѣ. Этого еще могло хватить, да и то въ обрѣзъ, на ихъ личную жизнь, но пріемы, обстановка, сношенія съ сосѣдями! Всѣ ея планы, которые она лелѣяла въ университетѣ, разсыпались въ прахъ. Она съ недоумѣніемъ посмотрѣла на отца.

Когда его старые, скорбные глаза увидѣли жесткое непониманіе и страхъ, отражавшіеся на ея молодомъ лицѣ, онъ вздрогнулъ, закрылъ библію и отодвинулъ свое кресло.

— Мы еще поговоримъ объ этомъ,—сказалъ онъ устало.—А теперь иди къ себѣ, дитя мое.

Глава III.

Встрѣча отца съ дочерью на другое утро была натянутая. Они не ссорились, конечно, но ректоръ съ болью сознавалъ, что онъ нанесъ тяжелый ударъ сердцу дочери, а Онора чувствовала себя до такой степени оскорбленной и сбитой съ толку, что это невольно проскальзывало въ ея обращеніи. Кромѣ того, она провела почти безсонную ночь. За ночь она придумала только одно, а именно, что она отложитъ всякое рѣшеніе до пріѣзда м-ра Литтльтона, а до тѣхъ поръ будетъ избѣгать всякихъ упоминаній о вчерашнемъ разговорѣ. Бездѣйствіе казалось ей наиболѣе удобнымъ способомъ, чтобы нѣсколько замедлить ходъ событій.

Когда завтракъ кончился, и ректоръ, откинувшись на креслѣ, взялся за газету, Онора нерѣшительно подошла къ нему.

— Отецъ!—сказала она.

Ректоръ поднялъ голову. Въ его добрыхъ глазахъ мелькнулъ слабый лучъ надежды. Въ глубинѣ души онъ вѣрилъ въ чудеса. У Оноры былъ сконфуженный видъ и щеки ея горѣли.

— Вы помните, что м-ръ Литтльтонъ въ скоромъ времени собирается пріѣхать къ намъ?—спросила она.

— М-ръ Литтльтонъ! Да, какже, помню,—отвѣтилъ онъ быстро.

— Вы сказали,—начала Онора не смѣло,—помните, вчера за ужиномъ, папа, вы сказали, что когда м-ръ Литтльтонъ пріѣдетъ, то можно устроить поздній обѣдъ вмѣсто ужина.

— Конечно, дорогая моя, конечно,—подтвердилъ ректоръ.

Она поблагодарила его и ушла. Онъ проводилъ глазами ея стройную, гибкую фигуру, и думалъ о томъ, какъ это грустно, когда различіе между мужчиной и женщиной сказывается въ ихъ взаимномъ непониманіи.

Въ это утро у Оноры не было никакого опредѣленнаго дѣла, и прогулка на свѣжемъ воздухѣ казалась ей единственнымъ занятіемъ, соотвѣтствующимъ ея настроенію. Не легко было изучать греческіе миѳы, когда такая туча нависла надъ ея будущностью. Погода благопріятствовала прогулкѣ. Ночью шелъ дождь, а теперь было свѣжо и ясно, и солнце пекло не слишкомъ жарко. Онора безсознательно пошла по той же лѣсной тропинкѣ, по которой шесть лѣтъ тому назадъ шелъ ея отецъ въ достопамятный день своего посѣщенія Норбюри. Тропинка была каменистая и неровная. Съ обѣихъ сторонъ ея возвышались груды обнаженныхъ темныхъ камней, кое-гдѣ поросшихъ мягкимъ мхомъ и папоротниками. Среди холмовъ были разбросаны небольшіе каменные коттэджи съ заколоченными окнами во второмъ этажѣ. Онора знала ихъ исторію. Здѣсь когда-то жили ткачи, въ тѣ времена, когда ткачество было еще домашней промышленностью; во второмъ этажѣ помѣщалась мастерская съ ручными прялками, и окна были заколочены для того, чтобы не платить налога на окна, когда производство начало падать. Нѣкоторые изъ старыхъ ткачей все еще жили въ приходѣ ея отца. Теперь они были бѣднѣе всѣхъ остальныхъ прихожанъ, и надъ ними тяготѣло подозрѣніе въ браконьерствѣ. Онора привыкла считать ихъ какими-то бунтовщиками, вслѣдствіе ихъ давнишняго участія въ чартистскомъ движеніи. Но, съ другой стороны, они, по ея мнѣнію, придавали деревнѣ нѣкоторый историческій интересъ, какъ остатки невозвратнаго прошлаго.

До послѣдней ночи она относила ихъ въ одну категорію съ другими отдаленными историческими воспоминаніями, связанными съ этой мѣстностью. Для нея эти историческія событія и движеніе

чартистовъ имѣли совершенно одинаковый интересъ и значеніе, потому что она и то и другое считала мертвымъ, какъ прошлогодніе листья.

Дойдя до вершины холма, она остановилась передохнуть немного. Красная ласочка стремительно перебѣжала дорогу и исчезла среди камней. Когда легкій шорохъ, вызываемый ея движеніями, смолкъ, наступила полная тишина. Даже птицы летали такъ высоко, что не нарушали ея шелестомъ своихъ крыльевъ, хотя тѣни ихъ поминутно мелькали по ярко освѣщенной солнцемъ дорогѣ.

Прогулка пріободрила Онору и она начала болѣе спокойно обдумывать свое положеніе. Въ сущности, вѣдь еще ничего ужаснаго не случилось. Нужно только собраться съ силами и не считать себя заранѣе побѣжденной.

— Что бы ни было,—думала она,—а кто знаетъ, что можетъ мнѣ предстоять, если отецъ будетъ стоять на своемъ?—во всякомъ случаѣ, я никогда не буду падать духомъ Какъ бы то ни было и гдѣ бы то ни было, я не отступлю отъ своихъ плановъ и буду жить по своему. Я не намѣрена терпѣть всякія лишенія и страдать отъ бѣдности.

Бѣдность казалась ей самой непріятной вещью на свѣтѣ. Аскетическіе идеалы отца и его жажда подвига вовсе не привлекали ее. У нея были вполнѣ опредѣленные и трезвые взгляды на вещи: она любила роскошь, красивую обстановку и, въ особенности, красивыя платья. Она всегда прекрасно одѣвалась и знала, что нарядные туалеты ей очень къ лицу.

— Я ни за что не стану по нищенски одѣваться,—думала она.— Ничто въ мірѣ не заставитъ меня носить дурно сшитыя, дешевыя платья. Лесли спасетъ меня,—добавила она, и при этой мысли взглядъ ея смягчился. Она была увѣрена, что онъ придумаетъ что-нибудь и избавитъ ее отъ грядущихъ непріятностей.

Въ это время чьи-то тяжелые, медленные шаги отвлекли ея вниманіе. Она обернулась и увидѣла старика, съ сѣдыми волосами и сѣдой бородой, который съ трудомъ взбирался на холмъ, опираясь на палку. Она взглянула на него безъ особеннаго интереса, но онъ остановился и съ удовольствіемъ посматривалъ на красивую дѣвушку, прислонившуюся къ камню.

— Хорошій день сегодня, и хорошій отсюда видъ, — сказалъ онъ.

— Да, здѣсь очень красиво,—отвѣчала Онора, улыбаясь своей привлекательной улыбкой.

— Ночью шелъ страшный дождь, а утромъ—солнышко проглянуло.

Онъ провелъ рукою по воздуху и съ любовью смотрѣлъ на разстилавшійся передъ нимъ пейзажъ. У него была загорѣлая, худая, жилистая рука, которая слегка дрожала, когда онъ вытянулъ ее впередъ, указывая на окрестные холмы. Глаза у него были удивительные: взглядъ ихъ былъ проницательнымъ и разсѣяннымъ въ одно и тоже время, взглядъ человѣка, который долго оставался одинъ со своими мыслями.

— Красиво здѣсь, правда?—повторилъ онъ, всматриваясь въ даль.

— Красиво, но мрачно какъ-то, пустынно,—сказала Онора.

— Пустынно! А вотъ посмотрите сюда, на этотъ холмъ, гдѣ торчатъ пни. Видите?—онъ указалъ палкой на обнаженный склонъ одного изъ холмовъ, возвышавшихся прямо передъ ними:—здѣсь когда-то были каменноугольныя копи. Вамъ это мѣсто тоже кажется пустыннымъ, барышня? А для моихъ старыхъ глазъ оно кишитъ народомъ. Я вижу толпу людей, которая вѣчно снуетъ здѣсь взадъ и впередъ; или они стоятъ здѣсь кружкомъ, вонъ, какъ эти вороны, или бродятъ по лѣсу, какъ перепуганныя овцы. Почему они тамъ?

Онъ вдругъ остановился и взглянулъ на нее. Онора немного отодвинулась.

— Не знаю. Я не понимаю, что вы говорите,—сказала она.

— Вотъ они стоятъ, поднявъ головы и посылаютъ мольбы свои небесамъ. Они просятъ милости и освобожденія отъ притѣснителя.

— Что вы хотите сказать?—спросила Онора, немного испуганная, не смотря на почтенный видъ старика.

— Я вижу все это,—продолжалъ онъ,—какъ будто оно случилось вчера. А я уже старъ. Больше сорока лѣтъ прожилъ я среди этихъ холмовъ, и я былъ не молодъ, когда пришелъ сюда. Дѣти и жена умерли раньше. Сорокъ восемь лѣтъ брожу я одинъ по пустынѣ міра послѣ того, какъ въ первый разъ пришелъ вотъ на этотъ холмъ, чтобы слушать и молиться. И я слышу голоса ихъ днемъ и ночью, днемъ и ночью...

— Чьи голоса?—спросила Онора.

— Вы еще молоды, барышня, очень молоды,—сказалъ старикъ медленнымъ голосомъ,—поэтому, вы и не помните ничего. Люди стекались сюда по ночамъ, тайкомъ, какъ Никодимъ приходилъ къ Господу; и въ рукахъ у нихъ были факелы и они говорили Господу о своемъ голодѣ и о своихъ мукахъ. И,—прибавилъ онъ съ глубокимъ убѣжденіемъ,—Господь услышалъ ихъ!..

Онора молчала. Сердце ея начало биться сильнѣе.

— Да, Онъ услышалъ ихъ,—повторилъ старикъ, возвышая го-

лось.—Онъ сталъ на сторону труждающихся и обремененныхъ. Искра разгорѣлась въ пламя, и теперь уже ничто не можетъ потушить ея.

— Кто вы такой?—тихо спросила Онора.

Крестьянинъ посмотрѣлъ на нее своими проницательными глазами.

— Я—Пирсъ Норбюри, старый чартистъ и ткачъ. Я выткалъ много матерій, и видѣлъ въ жизни много любопытнаго. И много горькаго перепробовалъ также. Можетъ быть, для меня было бы лучше, если бы они въ молодости повѣсили меня. За мою голову тогда назначалась порядочная сумма.

— Пирсъ Норбюри!..—проговорила Онора, блѣдная и ошеломленная.

— Такъ зовутъ меня,—сказалъ онъ, и глаза его смягчились, когда онъ смотрѣлъ на красивую дѣвушку.—А вѣдь и вы не чужая здѣсь, барышня, правда?

— Нѣтъ,—отвѣчала Онора,—я миссъ Кэмбаль, дочь ректора.

— Хорошій онъ человѣкъ, отличный человѣкъ, лучше, чѣмъ кажется. А я помню васъ, когда вы были еще совсѣмъ маленькой дѣвочкой.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросила Онора, чувствуя непобѣдимую злобу противъ этого старика.—Такъ вотъ человѣкъ, повліявшій на отца,—думала она.

— Она тоже тогда была молодой дѣвушкой, и мы всѣ надѣялись на нее,—говорилъ старикъ, продолжая нить своихъ мыслей.

— Кто—она?—холодно спросила Онора.

— Королева Викторія. Она была еще совсѣмъ молода, когда мы писали ей; я самъ тогда былъ молодымъ человѣкомъ. Мы писали ей тогда адресъ. «Адресъ королевѣ отъ ассоціаціи рабочихъ», такъ онъ назывался. А королева только-что тогда взошла на престолъ. Весь народъ съ ума сходилъ отъ радости. Мы всѣ думали, что нашъ адресъ растрогаетъ ее. Мы тогда очень радовались, что молодая женщина будетъ управлять нами. Говорятъ, у женщинъ сердце добрѣе, чѣмъ у насъ, мужчинъ. Но ничего не вышло изъ нашего адреса. Можетъ быть, оттого, что мы были слишкомъ далеко отъ нея. А адресъ былъ отлично написанъ. Ловеттъ писалъ большую часть его. Славный человѣкъ былъ Ловеттъ, отличный человѣкъ. Я самъ его никогда не видѣлъ. Сколько разъ хотѣлось мнѣ посмотрѣть въ его глаза, и услыхать его голосъ. Вы знаете Ловетта?

— Нѣтъ! — коротко отвѣчала Онора. Она была очень мало знакома съ новѣйшей исторіей своей страны, но уже заранѣе

была увѣрена, что этотъ Ловеттъ совершенно незначительный и не стоющій вниманія человѣкъ.

— Жаль! Правда, онъ умеръ, прежде чѣмъ вы родились на свѣтъ, но я думалъ, можетъ, вы что-нибудь читали о немъ. Онъ давно умеръ. И онъ, какъ Моисей, не дожилъ до исполненія своихъ надеждъ. Но это придетъ, навѣрное придетъ когда-нибудь.

Глаза его сверкали и въ нихъ свѣтилась несокрушимая вѣра.

Онора понимала, что онъ ждетъ ея отвѣта, какого-нибудь выраженія сочувствія съ ея стороны. Онъ считалъ ее, очевидно, просто дочерью своего отца. Но она чувствовала только злобу противъ него и не могла выговорить ни слова. Это молчаніе было своего рода проявленіемъ мужества, потому что она нѣсколько боялась старика, и охотнѣе всего ушла бы отъ него.

— Да!—проговорилъ онъ, наконецъ, убѣдившись, что не дождется отъ нея отвѣта.—Восемьдесятъ восемь лѣтъ брожу я по пустынѣ міра. И надежда, и ожиданіе поддерживаютъ меня. Восемьдесятъ восемь лѣтъ я ждалъ. Я узналъ нужду и лишенія, и тяжелый трудъ, когда мнѣ было всего 4 года. Мнѣ было 4 года, когда я началъ работать, и я плакалъ, и никто не отвѣчалъ мнѣ. Я и до сихъ поръ жду. Не для себя, конечно; я уже стою одной ногой въ могилѣ, и давно пересталъ надѣяться, но для тѣхъ, которые и теперь душой и тѣломъ страдаютъ отъ голода. Я ждалъ, и до сихъ поръ жду.

Онъ снялъ шапку и стоялъ неподвижно, устремивъ глаза на окрестные холмы. Онъ забылъ о существованіи Оноры, и она не имѣла никакого желанія напоминать ему о себѣ. Она молчала и щеки ея горѣли отъ негодованія.

Спустя нѣкоторое время, онъ надѣлъ шапку, взялъ въ руки свою палку и приготовился уйти. Уходя, онъ еще разъ взглянулъ на Онору и сказалъ:

— Я все еще жду, жду, что придетъ человѣкъ, который выполнитъ обѣщаніе, данное Господомъ своему народу: «печаль и воздыханія отлетятъ прочь»...

Глава IV.

Спустя нѣсколько дней, Онора сидѣла вечеромъ въ зеленой гостиной, въ ожиданіи Лесли Литтльтона. Она сдѣлала все, что могла, переставила мебель и украсила комнату цвѣтами, чтобы приблизить ее нѣсколько къ своему идеалу. Сама она одѣлась въ очень нарядное и дорогое платье. Когда она была готова и посмотрѣлась въ зеркало, то осталась очень довольна общимъ ви-

домъ, и теперь, сидя въ гостиной, освѣщенной вечернимъ солнцемъ, она казалась красивой и изящной, хотя, можетъ быть, и слишкомъ яркой картинкой.

Отецъ оставался въ своемъ кабинетѣ. Онъ вошелъ на минутку въ гостиную, неодобрительно посмотрѣлъ на переставленную мебель и на спокойную фигуру дѣвушки, сидящей у окна, и ушелъ къ себѣ. Хотя въ эти дни между ними ничего не было сказано, но многочисленныя мелочи заставили Онору убѣдиться, что рѣшеніе ея отца было окончательнымъ и неизмѣннымъ, и въ виду этого ея мужество и спокойствіе начали исчезать. Что касается ректора, то онъ вполнѣ понималъ всю горечь ея разочарованія и на основаніи этого измѣрялъ громадность разстоянія, раздѣляющаго ихъ.

Онора услышала, наконецъ, голоса м-ра Литтльтона и отца, доносившіеся изъ передней. Она приподнялась и опять сѣла. М-ръ Литтльтонъ, въ качествѣ избавителя, представлялся ей теперь въ новомъ свѣтѣ.

— «Онъ, навѣрное, долго будетъ переодѣваться»,—подумала Онора, но въ этомъ она ошиблась. Уже черезъ нѣсколько минутъ она услышала шаги м-ра Литтльтона, спускающагося съ лѣстницы, и затѣмъ онъ вошелъ въ гостиную въ сопровожденіи ректора. Онора поднялась имъ на встрѣчу; платье ея мягко шелестѣло, а широко раскрытые глаза ласково свѣтились. М-ръ Литтльтонъ всегда былъ для нея чѣмъ-то въ родѣ учителя, а теперь онъ долженъ сдѣлаться ея спасителемъ.

Въ то же время она не могла не замѣтить, что онъ рѣшился предстать передъ ней въ простомъ утреннемъ пиджачкѣ.

М-ръ Литтльтонъ былъ почти одного роста съ нею, но, благодаря своей худощавости и широкимъ плечамъ, казался выше. Онъ носилъ небольшую бородку, у него были коротко остриженные, темные, немного волнистые волосы и необыкновенно спокойные каріе глаза, надъ которыми поднимался высокій, открытый лобъ.

— Давно мы съ вами не видѣлись,—сказалъ молодой человѣкъ смотря на нее ласковыми глазами.

— Да,—отвѣтила Онора живо.

— За это время ваши великія надежды сбылись,—замѣтилъ онъ, намекая на то, что болѣе всего поглощало ея мысли.

— Вы были такъ любезны, что послали поздравленіе моему отцу.

— Я не сомнѣваюсь, онъ очень гордится вами,—сказалъ Лесли, обращаясь къ ректору.

Скрытыя чувства Оноры невольно пробивались наружу во время этого обмѣна обычныхъ привѣтствій.

— «Если бы вы знали! Если бы вы только знали»,—казалось говорили ему ея глаза.—«Скоро, впрочемъ, вы узнаете, потому что я скажу вамъ».

Мысль о томъ, что онъ сдѣлается повѣреннымъ ея тайны, возвышала его въ глазахъ молодой дѣвушки. Любовь иногда начинается такимъ образомъ.

Онора была очень красива во время обѣда. Глаза ея блестѣли отъ сдерживаемаго волненія и одна щека была краснѣе другой. Ректоръ относился къ своему гостю съ изящнымъ, старомоднымъ гостепріимствомъ. Его спокойныя манеры, и тотъ фактъ, что обѣдъ удался хорошо, и увѣренность въ своей красотѣ—все это переполняло Онору пріятнымъ сознаніемъ своего savoir vivre; для нея этотъ вечеръ былъ первою пробою того «салона», который она намѣревалась устроить у себя. М-ръ Литтльтонъ былъ блестящимъ собесѣдникомъ, и ея отецъ нисколько не уступалъ ему. Они говорили, конечно, о политикѣ и другихъ дѣлахъ міра сего, и ректоръ обсуждалъ все съ точки зрѣнія человѣка, смотрящаго на жизнь издалека, съ высоты горы.

Лесли съ большимъ интересомъ посматривалъ на старика.

— Все это прекрасно,—думала Онора, теряя на мгновеніе нить разговора,—но было бы лучше, если бы жаркое было нарѣзано въ кухнѣ, а то отецъ совершенно позабылъ о немъ.

Ректоръ въ это время стоялъ съ занесенною вилкою и ножемъ надъ жареной бараниной, между тѣмъ какъ лакей терпѣливо держалъ блюдо. Онъ повернулъ свое оживленное лицо къ м-ру Литтльтону и въ глазахъ его уже появилось непріятное для Оноры восторженное выраженіе. Лесли сказалъ что-то объ обществѣ, разсматриваемомъ какъ организмъ. Ректоръ возражалъ ему со своей точки зрѣнія.

— Какъ служитель церкви, Литтльтонъ,—говорилъ онъ,—я предпочитаю разсматривать общество—всю человѣческую жизнь вообще—какъ великое таинство. Св. Климентъ, какъ вамъ извѣстно, считаетъ эвристическое служеніе церкви символомъ всеобъемлющаго таинства жизни.

— Я мало знакомъ съ отцами церкви, м-ръ Кэмбаль,—сказалъ Лесли, привѣтливо улыбаясь,—но этотъ взглядъ нѣсколько приближается къ идеямъ Гёте.

— Въ самомъ дѣлѣ?—съ живостью подхватилъ ректоръ.—Я, съ своей стороны, совершенно несвѣдущъ въ германской литературѣ. Правда, въ дни моей юности я посвящалъ часть времени изученію германской теологіи, которая, какъ вамъ извѣстно, имѣетъ много интересныхъ и своеобразныхъ особенностей. Признаюсь, я

чувствовалъ особенное тяготѣніе къ сочиненіямъ Шлейермахера, который съумѣлъ освободиться отъ раціоналистической тенденціи, общей всей германской школѣ. Но въ другихъ областяхъ мое знакомство съ Германіей было ограниченнымъ. Но увѣряю васъ, Литтльтонъ, вы крайне заинтересовали меня.

— Гёте говоритъ,—началъ Литтльтонъ,—что протестантское исповѣданіе имѣетъ слишкомъ мало таинствъ; при этомъ онъ упоминаетъ и о великомъ всемірномъ таинствѣ, какъ бы раздробившемся на множество мелкихъ.

— Могу я попросить васъ, Литтльтонъ, найти мнѣ это мѣсто у Гёте? Ваши свѣжія знанія оказали бы мнѣ большую поддержку. Св. Игнатій, напримѣръ...

— Отецъ, вы заставляете ждать м-ра Литтльтона.

При этихъ словахъ, ректоръ тотчасъ же вонзилъ вилку въ баранину и принялся за разрѣзываніе жаркого.

— Ты права, дорогая,—сказалъ онъ мягко, съ виноватымъ видомъ поглядывая въ сторону дочери.—Я боюсь, что вообще слишкомъ увлекаюсь проповѣдями—и во время, и не во время.

Онъ вздохнулъ и въ молчаніи продолжалъ выполнять свою хозяйскую обязанность. Въ этотъ моментъ въ умѣ Литтльтона вполнѣ опредѣлилась мысль, которая съ самаго пріѣзда смутно тревожила его. Онъ посмотрѣлъ на Онору, которая держала въ рукахъ рюмку и улыбалась чуть замѣтной, увѣренной улыбкой.

— «Къ чему она держится такъ по-свѣтски? И зачѣмъ она надѣла такое нарядное платье?»

Когда были поданы вино и фрукты, Онора поднялась и вышла изъ комнаты, дружески улыбнувшись Лесли. Получивъ разрѣшеніе хозяина, онъ также всталъ и послѣдовалъ за нею.

Онора стояла у открытаго окна, освѣщенная мягкимъ свѣтомъ угасающаго дня. За окномъ виднѣлась мшистая зеленая лужайка, темная листва кедра, и подъ нею заманчивая, усыпанная пескомъ дорожка, ведущая къ цвѣтнику. Вдали рисовалось блѣдное небо и холмистый горизонтъ.

Она накинула шарфъ на плечи и обернулась къ нему съ тѣмъ же робкимъ, полнымъ ожиданія, взглядомъ, который онъ уже раньше замѣтилъ въ ней. Дѣйствительно, сердце ея билось отъ страха и надежды; Лесли быстро подошелъ къ ней.

— Вы собирались идти въ садъ,—сказалъ онъ.—Пойдемте вмѣстѣ.—Они прошли подъ тѣнью стараго кедра и направились къ цвѣтнику. Вначалѣ оба молчали, не зная, съ чего начать.

— Что скажете?—спросилъ наконецъ Лесли, чтобы прервать молчаніе.

— У меня есть планъ одной работы, о которой я хотѣла бы поговорить съ вами,—отвѣтила она быстро.

— Работы?—Онъ тотчасъ же принялъ дидактическій тонъ, свойственный кэмбриджскимъ студентамъ.—Что жъ, это прекрасно.

— Мнѣ хотѣлось бы продолжать свои занятія Греціей, можетъ быть, мнѣ удастся сдѣлать что-нибудь новое въ этой области. Тамъ вѣдь есть множество вопросовъ, которые даже еще не были затронуты.

— Совершенно вѣрно,—спокойно замѣтилъ Литтльтонъ.

— Я увѣрена, что смогу достигнуть чего-нибудь на этомъ пути. Мнѣ ужасно хочется быть писательницей, м-ръ Литтльтонъ.

Щеки ея разгорѣлись, но она съ трудомъ сдерживала слезы; дѣлая это важное признаніе, она не могла отдѣлаться отъ какого-то горькаго чувства, или, вѣрнѣе, предчувствія будущей неудачи.

— Можетъ быть,—продолжала она съ милой смущенной улыбкой,—вы найдете, что это слишкомъ смѣлыя и честолюбивыя мечтанія?

— О нѣтъ!—отвѣтилъ онъ.—У меня только возникаютъ нѣкоторыя опасенія по этому поводу. Вы разсчитываете жить литературнымъ заработкомъ?

— Жить этимъ заработкомъ!—воскликнула Онора, немного презрительно.—Нисколько. Я хочу усовершенствоваться въ исторіи греческой культуры, и написать научную книгу. Я бы хотѣла заняться спеціальнымъ изученіемъ греческихъ миѳовъ. Вотъ, напр., миѳъ объ «Аресѣ и Афродитѣ»—одинъ изъ миѳовъ переходнаго періода. Я чувствую, что такіе вопросы влекутъ меня къ себѣ.

— Да, да,—вставилъ Литтльтонъ, односложно.

— Я рада,—продолжала Онора, все болѣе и болѣе волнуясь,—что встрѣтила васъ, такъ сказать, на самомъ порогѣ моей новой жизни. Я помню, сколькимъ я вамъ обязана въ прошломъ. Вы первый, м-ръ Литтльтонъ, пробудили во мнѣ стремленіе къ высшимъ цѣлямъ.

— Я?—спросилъ Литтльтонъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

— Да, да, это были вы,—мягко сказала Онора, безсознательно желая польстить человѣку, который долженъ былъ выручить ее изъ затрудненія.

— Какія же это высшія стремленія я пробудилъ въ васъ, Онора?—спросилъ Лесли.

— Вы первый заставили работать мой умъ,—по правдѣ сказать, даже открыли мнѣ, что онъ у меня есть.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, и самое главное, вы заставили меня сознательнѣе отнестись ко всему. Я утопала въ условностяхъ и предразсудкахъ.

Вы взволновали мою душу,—заставили меня жить, сдѣлали меня человѣкомъ.

— И къ чему все это привело?—спросилъ Лесли тихо.

— Къ тому,—весело отвѣтила Онора,—что я напишу ученое сочиненіе.

Она уже успѣла стряхнуть съ себя подавляющее предчувствіе неудачи. Лесли слегка вздохнулъ.

— Не разочаровывайте меня,—говорила молодая дѣвушка кокетливо, придвигаясь къ нему поближе.—Я знаю, что это звучитъ очень смѣло, но, право, я думаю, что справлюсь съ такой задачей.

— Я убѣжденъ, что справитесь,—сказалъ Лесли мягко.

— И вотъ, м-ръ Литтльтонъ, мнѣ необходимо имѣть друга, съ которымъ я могла бы говорить о своей работѣ. Отецъ—онъ былъ очень добръ ко мнѣ, но, я боюсь, онъ не вполнѣ меня понимаетъ. Онъ пошелъ одной дорогой, я—другой. Я не надѣюсь, чтобы онъ когда-нибудь понялъ меня.

— А вы старались столковаться съ нимъ?

— Къ чему же стараться? Одно поколѣніе никогда не въ силахъ понять другое. И старики никогда не понимаютъ молодыхъ.

Эти слова она выговорила такимъ убитымъ голосомъ, что Лесли съ удивленіемъ взглянулъ на нее. Ему показалось, что въ глазахъ ея блеснули слезы.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ.

— Вы, мужчины, не можете понять,—сказала она,—какъ тяжело зависѣть отъ капризовъ и настроеній другого человѣка.

— Почему же вы не объяснитесь прямо съ вашимъ отцомъ?

— Какъ же я могу съ нимъ объясниться?—проговорила Онора болѣе громкимъ и рѣзкимъ голосомъ.—Невозможно заставить его понять тѣ новыя, свѣжія идеи, которыя я вынесла изъ Кэмбриджа. Это было бы то же самое, что примѣрять новое платье на старыя лохмотья.

— Я не такъ увѣренъ въ этомъ,—замѣтилъ Лесли.

— А между тѣмъ, это такъ, — казала Онора съ почти страстнымъ одушевленіемъ.—Между нами образовалась пропасть. Должна ли я, напримѣръ, объяснять ему, что для меня всѣ его религіозные догматы не имѣютъ никакого значенія?

— Гм! Это, можетъ быть, было бы лишнимъ.

— Вотъ видите! А что же мнѣ дѣлать? Какъ мнѣ поступать? Я чувствую себя такой молодой, а онъ такъ быстро старѣетъ.

— Это вполнѣ естественно при столкновеніи двухъ поколѣній. Вы не можете разсчитывать на то, чтобы составить исключеніе.

— Но всѣ его идеи такъ стары, стары! А я все-таки хочу оставаться на высотѣ своего времени.

Лесли засмѣялся.

— Я позволю себѣ нѣсколько усомниться въ точности вашихъ наблюденій, — сказалъ онъ, — передовой образъ мысли не всегда слѣдуетъ хронологическому порядку.

— Но все-таки онъ чаще встрѣчается среди молодыхъ.

— Правда,—отвѣтилъ Лесли,—въ молодежи заключается жизнь и возрожденіе.

— Я была въ университетѣ, — продолжала Онора, подбодренная его шутливымъ тономъ. — Тамъ я всегда старалась слѣдить за всѣми новыми теченіями. Если у меня не было времени серьезно изучать ихъ, я, во всякомъ случаѣ, заглядывала во всѣ новости, которыя попадались мнѣ на глаза.

— Да,— сказалъ Лесли своимъ обычнымъ медлительнымъ тономъ,—вы поступали, какъ ваши любимцы аѳиняне.

Онора остановилась и глубоко вздохнула; она сорвала бутонъ алой розы и прикрѣпила его къ своему корсажу. Она подходила къ самому критическому пункту своего разсказа и собиралась съ духомъ.

— Вы не замѣтили ничего страннаго въ моемъ отцѣ?—спросила она, наконецъ.

— Конечно, я замѣтилъ въ немъ кое-что совсѣмъ необычное.

Эти слова придали ей храбрости, и, гуляя по красивымъ дорожкамъ сада, окруженнымъ мягкимъ благоуханіемъ цвѣтовъ и блескомъ вечерняго солнца, она разсказала ему великую драму борьбы, происходившей въ душѣ ея отца, разсказала въ избитыхъ банальныхъ выраженіяхъ, безъ всякаго пониманія и сочувствія. Но ея личное чувство придавало силу ея простому пересказу, и временами она очень точно передавала слова отца. Иногда сознаніе огромности и незаслуженности постигшаго ее несчастія придавало ея словамъ негодующій оттѣнокъ.

М-ръ Литтльтонъ слушалъ въ безусловномъ молчаніи. Она говорила очень быстро, не смотря въ его сторону и устремивъ глаза въ пространство.

— А теперь,—сказала она, кончивъ свой разсказъ,—помогите мнѣ! Научите меня, что я должна дѣлать.

Онъ не тотчасъ отвѣтилъ. Онора остановилась въ невольномъ удивленіи. Лесли сдѣлалъ одинъ шагъ дальше ея и тоже остановился. Онъ смотрѣлъ вдаль, на холмы, и, казалось, не видѣлъ ихъ. Выраженіе его лица было новымъ для Оноры и встревожило ее.

— Неужели все это правда?—проговорилъ онъ, наконецъ.

— Вы, кажется, заинтересовались моимъ разсказомъ?—спросила она, чувствуя, что въ его душѣ происходитъ что-то для нея непонятное,

— Чрезвычайно! въ высшей степени!—отвѣтилъ онъ горячо.

— Я думаю,—съ трудомъ выговорила Онора,—по крайней мѣрѣ, я надѣюсь, что если бы кто-нибудь, вы, напримѣръ, взялись образумить его...

— Образумить?—повторилъ Лесли, съ тѣмъ же сосредоточеннымъ видомъ.

— Я думаю, — продолжала она, — все это просто результатъ одинокихъ размышленій.

— Можетъ быть. Такія вещи случались и раньше въ исторіи человѣчества, и онѣ иногда являлись результатами одинокихъ размышленій. Да, да, Онора.

Онъ вздохнулъ какъ бы съ облегченіемъ.

— Значитъ, нашелся-таки человѣкъ, который рѣшился на это,— пробормоталъ онъ.

Онора смотрѣла на него въ нѣмомъ удивленіи.

— Что съ вами? Что вы хотите сдѣлать?—спросила она.

— Что я сдѣлаю? Да вотъ въ этомъ и заключается вопросъ. Въ первый разъ въ жизни я чувствую, что теоріи—ничто, а убѣжденіе—все. Развѣ я вѣрилъ раньше? А теперь я долженъ дѣйствовать.

Онъ обернулся къ ней. Прежней сдержанности какъ не бывало. Все лицо его дышало одушевленіемъ.

— Вы не знаете, что для меня значитъ вашъ разсказъ,—сказалъ онъ.—Я не могъ идти дальше, потому что меня одолѣвали сомнѣнія. Теперь я чувствую себя другимъ человѣкомъ.

— Вы сказали, что будете дѣйствовать,—проговорила Онора съ нѣкоторымъ колебаніемъ.

Литтльтонъ не отвѣчалъ; онъ казался погруженнымъ въ свои мысли. Онора почему-то въ данную минуту обратила вниманіе на его толстые, старые сапоги, которые еще усилили негодованіе, возбужденное его домашнимъ пиджачкомъ. Вообще, она была рѣшительно недовольна его поведеніемъ. Къ довершенію, онъ имѣлъ неосторожность отвернуться отъ нея и смотрѣть въ сторону. Вообще, онъ, очевидно, былъ такъ занятъ чѣмъ-то постороннимъ, что Онора почувствовала себя уязвленной въ своемъ женскомъ самолюбіи.

— Я обратилась къ вамъ,—сказала она сухо, — съ просьбою помочь мнѣ въ несчастіи, которое мнѣ угрожаетъ.

Лессли быстро обернулся къ ней и какъ будто только-что проснулся.

— О, я не знаю, можно ли это назвать несчастіемъ. Конечно, перемѣна будетъ большая.

Чувство жалости къ самой себѣ овладѣло Онорой и на минуту помѣшало ей говорить. Она посмотрѣла на своего собесѣдника, и онъ сразу показался ей гораздо грубѣе и некрасивѣе, чѣмъ она

себѣ его представляла раньше. Онъ задумчиво смотрѣлъ внизъ и теребилъ свою бороду, съ видомъ человѣка, затрудняющагося говорить.

Солнце уже сѣло и тѣни сгущались вокругъ нихъ. Онора была рада наступающей темнотѣ.

— Мнѣ кажется, это—несчастье, которому отецъ совершенно добровольно подвергаетъ меня,—сказала она наконецъ, когда была въ силахъ говорить.

— Гм! Я собственно не понимаю, почему вы такъ мрачно смотрите на все это?

— Потому что вижу, что не могу устроить свою жизнь такъ, какъ я бы хотѣла.

— Какую же жизнь вы хотѣли себѣ устроить? — спросилъ Лесли тихо.

— Жизнь культурнаго человѣка,—отвѣтила Онора, нѣсколько величественно.

— Ну что жъ, — проговорилъ Лесли съ легкимъ нетерпѣніемъ,—чѣмъ же рѣшеніе вашего отца можетъ помѣшать вамъ?

И тонъ его, и слова смутили Онору.

— Начать съ того,—сказала она,—что я остаюсь одна, безъ дома.

— А вы бы желали имѣть свой домашній очагъ?

Онора думала о своемъ предполагаемомъ «салонѣ» и другихъ планахъ относительно измѣненія всей обстановки и почувствовала, что домашній очагъ былъ бы для нея весьма излишнимъ. Она разсказала Лесли о нѣкоторыхъ изъ своихъ намѣреній.

— Мнѣ кажется, что вамъ нуженъ вовсе не домашній очагъ,—сказалъ Лесли, когда она кончила,—а просто квартира, которую вы могли бы обставить по своему, нѣсколько оригинальному вкусу.

Голосъ его звучалъ довольно сухо, но Онора ничего не имѣла противъ обвиненія въ оригинальныхъ вкусахъ; это казалось ей признакомъ богато-одаренной индивидуальности. Гораздо болѣе непріятнымъ было для нея его очевидное несочувствіе.

— Вы не сочувствуете мнѣ?—спросила она дрогнувшимъ голосомъ.

— Конечно, сочувствую, т. е. если бы у васъ было какое-нибудь настоящее горе. Между прочимъ, какъ вы думаете, не были бы всѣ ваши перемѣны и перестановки непріятны для вашего отца?

— Я думала уговорить отца,—сказала Онора.

Лесли засмѣялся. Онорѣ онъ казался все болѣе и болѣе непріятнымъ.

— Между моими взглядами и взглядами отца существуетъ большая разница,—сказала она, краснѣя въ темнотѣ.

— Да, Онора, огромная разница. Разница во всемъ нравственномъ складѣ.

*

Онора была поражена. Литтльтонъ, кажется, имѣлъ намѣреніе порицать ее. А она чувствовала себя достойной не порицанія, а сожалѣнія.

— Я должна создать себѣ жизнь независимо отъ отца, — сказала она рѣшительно.—Онъ все еще придерживается давно устарѣвшихъ взглядовъ, господствовавшихъ во времена его молодости.

— На основаніи того, что вы мнѣ разсказали, я бы сказалъ, что онъ далеко опередилъ васъ въ своемъ развитіи.

Это замѣчаніе уязвило ее больнѣе всего. Она всегда считала себя стоящей на самой вершинѣ современнаго мышленія. Къ тому же, ее оскорбила рѣзкость словъ Литтльтона. Онора ненавидѣла все рѣзкое. Она посмотрѣла на него съ такимъ негодованіемъ, которое онъ въ темнотѣ могъ бы замѣтить, если бы смотрѣлъ на нее.

— Я нахожу,—продолжалъ онъ, все болѣе углубляясь въ непріятную для нея область,—что поступокъ вашего отца свидѣтельствуетъ о необыкновенномъ богатствѣ и оригинальности его личности. Это просто великолѣпно. Онъ дошелъ до самой основной идеи нашего времени, слѣдуя только голосу своей совѣсти и чистой вѣры.

— Я не совсѣмъ понимаю, о чемъ вы говорите, — замѣтила Онора холодно.

— Къ сожалѣнію, я это вижу,—отвѣтилъ Лесли грустно.— Мы, кажется, говоримъ на разныхъ языкахъ.

— Надѣюсь, вы не можете требовать,—сказала Онора, оскорбленная всей его манерой говорить,—чтобы я восхищалась идеями, которыя навлекаютъ на меня совершенно незаслуженное несчастіе.

— Вѣдь, вы же сказали, что у васъ остаются 150 ф., принадлежавшіе вашей матери. Мнѣ кажется, этого вполнѣ достаточно.

— У меня болѣе честолюбивые замыслы,—сказала она, и потомъ прибавила гордо:—Само собою разумѣется, что я не приму этихъ 150 ф.

— Конечно,—подтвердилъ Лесли, нанося новый ударъ ея самолюбію тою легкостью, съ какой онъ соглашался на ея жертву,— само собою разумѣется, вы ихъ не примите.

Онора ничего не отвѣтила. Что такое случилось съ нею, отчего она вдругъ утратила почву подъ ногами? Она смотрѣла на потемнѣвшее небо, на которомъ одна за другою появлялись звѣзды, и онѣ казались ей меньше, чѣмъ всегда. Все кругомъ нея какъ будто приняло другой видъ.

Лесли съ огорченнымъ лицомъ ждалъ ея отвѣта.

— Я столкнулась теперь съ первымъ серьезнымъ затрудненіемъ въ жизни,—послышался, наконецъ, дрожащій голосъ молодой дѣвушки,—и вы, мой старый, давнишній другъ...

Она запнулась, и потомъ продолжала:

— Кажется, я только напрасно унизила себя, обратившись къ вамъ за помощью.

— Вы нисколько не унизили себя,—отвѣчалъ Лесли въ величайшемъ волненіи.—Какъ вы можете это думать? Я бы хотѣлъ помочь вамъ...

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Неужели вы можете сомнѣваться?

Тогда Онора рѣшительно приступила къ дѣлу.

— Если вы дѣйствительно хотите помочь мнѣ, если вы все-таки остаетесь моимъ другомъ,—начала она,—то убѣдите отца отказаться отъ своего намѣренія.

— Нѣтъ, Онора!—сказалъ Лесли, послѣ долгаго, мучительнаго молчанія.—По совѣсти говоря, я не могу.

— Почему?—спросила она голосомъ, холоднымъ какъ дождевая капля.

— Потому что,—отвѣчалъ Лесли съ усиліемъ,—я всей душой сочувствую вашему отцу. Я бы поддерживалъ такой поступокъ, если бы это было въ моихъ силахъ. Мнѣ кажется, какъ будто мнѣ теперь открылось что-то, что я давно искалъ.

Онора въ темнотѣ видѣла, какъ онъ рѣшительно тряхнулъ головой. Неужели весь міръ сошелъ съ ума?

— Вы сочувствуете моему отцу? Значитъ, вы не сочувствуете мнѣ?

— Нѣтъ, Онора!—сказалъ онъ.—Говоря откровенно — не сочувствую.

Она отодвинулась отъ него и думала о томъ, что ей теперь слѣдуетъ предпринять. Ей тотчасъ же стало ясно, что предпринимать больше нечего.

— Все это для меня такъ трудно и непонятно,—пробормотала она, безнадежно глядя на темное небо.

— Да,—коротко отвѣтилъ Лесли,—и для меня также.

Она взглянула на него, и при видѣ его серьезнаго, рѣзкаго профиля, склоненнаго внизъ, почувствовала къ нему невыразимую ненависть.

— Вернемся,—сказала она.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИСТОРІЯ РУССКОЙ КРИТИКИ.

I.

Въ наше время всевозможныхъ «кризисовъ» и «переходныхъ состояній» литературѣ и литературной критикѣ выпала едва ли не самая печальная доля. Нельзя сказать, чтобы область художественнаго слова оскудѣла талантами. Страна, въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ дававшая тонъ европейской культурной работѣ, и на нашихъ глазахъ можетъ гордиться литературной производительностью. Имена французскихъ авторовъ въ концѣ XIX-го вѣка пользуются такою же всемірной славой, какая сопровождала, напримѣръ, дѣятельность первостепенныхъ свѣтилъ прошлаго, въ родѣ Вольтера и его соратниковъ. Нельзя отрицать и дѣйствительнаго таланта у такихъ людей, какъ Золя, Додэ, Мопассанъ. Процвѣтаетъ даже поэзія, т. е. ежегодно появляются тучи стихотворныхъ сборниковъ. Повидимому, вполнѣ краснорѣчиво опровергается ходячее мнѣніе, будто нашъ вѣкъ отличается исключительной прозаичностью и зараженъ неизлѣчимымъ матеріализмомъ. Напротивъ, очень энергичная новѣйшая поэтическая школа твердо намѣрена водворить на землѣ до сихъ поръ невиданную красоту, и раскрыть предъ нами небывало-свѣтлыя безграничныя перспективы чистѣйшаго вдохновенія...

То же самое и въ критикѣ. На каждомъ шагу произносятся авторитетнѣйшія имена литературныхъ судей, настоящихъ философовъ въ области искусства. Русскіе читатели не перестаютъ до послѣднихъ дней въ тѣхъ же иноземныхъ книгахъ искать окончательныхъ отвѣтовъ на исконные вопросы эстетики, какъ науки, и непогрѣшимыхъ приговоровъ надъ отдѣльными писателями и произведеніями. Противъ именъ Золя и Мопассана съ полнымъ основаніемъ можно поставить имена Тэна и Брандеса и логически заключить о такомъ же процвѣтаніи критики, какимъ пользуется ея предметъ—художественная литература.

«Все обстоитъ благополучно!» могъ бы воскликнуть наблюдатель, окинувъ общимъ взглядомъ современыхъ авторовъ и читателей.

И между тѣмъ, немедленно противъ этого утѣшительнаго вывода послышится протестъ и именно съ той стороны, гдѣ, по только что указаннымъ фактамъ, ему, кажется, совсѣмъ нѣтъ мѣста.

Вы говорите, литература да еще художественная процвѣтаетъ? Жестоко заблуждаетесь. Ея дни сочтены. Если вамъ и попадаются еще страницы, проникнутыя священнымъ огнемъ, это послѣднія сказанія, недопѣтыя пѣсни. Еще, можетъ быть, вы сами услышите ихъ послѣдніе отзвуки и будете присутствовать при безнадежномъ умираніи истиннаго искусства.

Трагическій конецъ неизбѣженъ. Посмотрите, кто въ концѣ нашего вѣка заправляетъ жизнью и является господиномъ во всѣхъ ея областяхъ? Люди, по самой природѣ и особенно по условіямъ своего существованія менѣе всего расположенные къ «искусствамъ творческимъ, прекраснымъ». Это—демократія, провозгласившая неукротимую и безконечную *борьбу интересовъ*, призвавшая всѣ человѣческія силы и способности на поприще политики, исключительно практическихъ стремленій даннаго времени. Это — чернь, горящая жаждой завоевать себѣ первенствующее мѣсто въ государствѣ и обществѣ, и уже на самомъ дѣлѣ занимающая вершины современной цивилизаціи... Развѣ ей нужны поэты, художники, романисты, годами, вдали отъ людской суеты, лелѣющіе чудныя грезы своего творческаго духа и являющіе ихъ міру— будто отдѣланные брилліанты чистѣйшей воды?

Нѣтъ. Широкій путь дѣльцамъ, ораторамъ и особенно журналистамъ, и какой-нибудь заброшенный закоулокъ для горсти чудаковъ, смѣющихъ еще ропотъ лиры предпочитать уличному шуму.

Древній философъ предлагалъ изгнать изъ идеальнаго государства поэтовъ, новѣйшій философъ, блестящій ученый и самъ поэтъ, убѣжденъ, что поэты просто перестанутъ родиться въ грядущемъ царствѣ демократіи. Вопросъ о хлѣбѣ убьетъ слово, и полудикій матеріалистъ Калибанъ до послѣдней пылинки развѣетъ чары благороднаго артиста Просперо.

Таковы идеи Ренана, превосходно развитыя въ одной изъ его философскихъ драмъ.

Идеи не умерли. Ими воспользовались люди совершенно другого характера и направленія, и, пожалуй, еще логичнѣе доказали неминуемую гибель творчества.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ оно можетъ устоять не противъ демократіи, а вообще, противъ поразительно-быстрыхъ успѣховъ положительнаго знанія въ наукѣ и здраваго смысла въ жизни? Искусство живетъ чувствомъ и воображеніемъ. Разсудокъ и простой реальный фактъ—его смертельные враги. Правда, поэтиче-

скихъ силъ въ настояшее время еще большой запасъ у всѣхъ культурныхъ народовъ. Человѣчество еще не пережило даже юношескаго возраста, какъ бы подчасъ ни были прозаичны и жестокоразсудительны отдѣльныя личности. Въ общемъ у людей еще много восторженности и свѣжести, сколько бы ни казалась дѣйствительная жизнь дѣломъ грубымъ и труднымъ, и для поэтовъ—этихъ вѣчныхъ дѣтей—еще не мало наивно-впечатлительныхъ любителей *пересозданной* правды.

Но все это не вѣчно. Люди нравственно выростутъ, созрѣютъ умомъ и чувствомъ, и тогда современные, самые трезвые романы покажутся имъ такой же безплодной и смѣшной забавой, какою даже нынѣшніе юноши считаютъ, напримѣръ, сказки и легенды.

Вѣдь когда-то чудесныя небылицы были общимъ достояніемъ. Въ нихъ вмѣщалась вся мудрость, всѣ познанія человѣка. До сихъ поръ множество племенъ не знаетъ высшей духовной пищи, кромѣ пѣсни, басни, фантастическаго разсказа. Въ культурныхъ обществахъ не осталось и тѣни этой наклонности.

Можно взять въ примѣръ и другія искусства—танцы, драматическія представленія, пѣніе, музыку. Когда-то, даже среди цивилизованныхъ народовъ и въ эпохи высшаго ихъ развитія, эти удовольствія считались гражданской и религіозной обязанностью. Танцами сопровождались торжественнѣйшія празднества въ честь боговъ и великихъ людей, и театральныя зрѣлища составляли необходимую часть культа. Теперь танцы и даже драматическое искусство утратили свой нравственный смыслъ, сохранились ради услажденія женщинъ, молодыхъ людей и, можетъ быть, скоро превратятся просто въ дѣтское развлеченіе.

Не произойдетъ ли того же самаго и съ литературой? Не станутъ ли искусство и поэзія *атавизмами*, признаками ископаемаго быта? Стихи, напримѣръ, несомнѣнно близки къ полному исчезновенію изъ области серьезной литературы, стихотворецъ въ современной печати почти то же самое, что дѣйствующее лицо интермедіи въ старинной драмѣ: если бы не надо было чѣмъ-нибудь занять публику въ антрактѣ, подобнаго артиста можно бы и не выпускать на сцену... А что же романъ, безраздѣльно владѣющій новой *художественной* публикой,—вы думаете, онъ спасется отъ общаго крушенія?

Врядъ-ли. Присмотритесь къ знаменитѣйшимъ современнымъ романистамъ, ко всей модной и, повидимому, сильнѣйшей литературной школѣ. Вождь ея Золя.

Спросите у него, кто онъ, т. е. какого жанра писатель, онъ не назоветъ себя ни беллетристомъ, ни поэтомъ; онъ—*естество-*

испытатель. Да, и въ самомъ прямомъ буквальномъ смыслѣ слова. Онъ стыдится *искусства*, какъ простой *реторики*, *словеснаго шума* или *игры на флейтѣ*. Онъ—*экспериментаторъ*, совершенно такой же, какъ Клодъ Бернаръ, только въ другой области. Тотъ изслѣдуетъ физическіе организмы, писатель—нравственные и общественные. Любимыя выраженія Золя о себѣ и о своихъ послѣдователяхъ: анатомы, физіологи, отнюдь не художники и даже не литераторы. Клодъ Бернаръ говоритъ: «экспериментаторъ—судебный слѣдователь природы». «Мы романисты,—спѣшитъ прибавить Золя,—судебные слѣдователи людей и ихъ страстей».

Есть еще нѣсколько опредѣленій писателя новѣйшаго типа: онъ—собиратель документовъ для законодателей и криминалистовъ, т. е. онъ статистикъ, если угодно, прокуроръ, полицейскій чиновникъ или другое должностное лицо, только не наблюдатель въ старомъ смыслѣ слова. Онъ вѣритъ исключительно въ анализъ и не стѣсняется догматами религіи добра и зла. Такъ открыто заявляетъ глава школы и пускаетъ въ ходъ всю энергію стиля и храбрость вождя всякій разъ, когда на пути встрѣчается отголосокъ отжившаго свой вѣкъ искусства, малѣйшій намекъ на вдохновеніе или просто авторское участіе душой и сердцемъ въ изображаемой дѣйствительности.

Вы видите, сами литераторы открещиваются отъ литературнаго званія и бросаются во всѣ области человѣческой дѣятельности за поисками новыхъ, не литераторскихъ—правъ на существованіе. Развѣ это не краснорѣчивое свидѣтельство въ высшей степени оригинальнаго поворота? Развѣ романистъ, во что бы то ни стало желающій *прикрыть* свое дѣло естествознаніемъ или юриспруденціей, не доказываетъ шаткости чисто литературныхъ основъ для болѣе или менѣе достойнаго положенія писателя? Вѣдь Золя совершенно искренно отожествляетъ свои романы съ протоколами и документами, т. е. съ чисто фактическими данными. Онъ счелъ бы себя оскорбленнымъ, если бы вы похвалили его за силу творчества, за *выдумку*, какъ выражался Тургеневъ, высоко цѣнившій даръ художника—наблюденную жизнь претворять въ фактъ своего творческаго духа.

И такъ, уже въ наше время литературѣ, какъ самостоятельному искусству, нѣтъ мѣста. Оно только *форма* для занимательнаго воспроизведенія точныхъ явленій жизни и писатель—лицо страдательное, своего рода одушевленный аппаратъ для воспріятія дѣйствитетльности и передачи ея публикѣ.

Судьба литературной критики еще печальнѣе, и здѣсь положеніе дѣла даже опредѣленнѣе, чѣмъ въ искусствѣ.

Если демократическій строй современной и особенно грядущей жизни такъ враждебенъ поэзіи, онъ рѣшительно не допускаетъ тщательнаго изученія поэтическихъ произведеній, фатально устраняетъ съ литературной сцены разсужденія эстетическаго и просто историко-литературнаго содержанія. Новое время создало особый видъ литературы—*журналистику*, и вотъ она-то жесточайшій врагъ не только критики, а вообще—вдумчивой безпристрастной мысли.

Власть журналистики появилась на европейскомъ горизонтѣ одновременно съ распаденіемъ стараго аристократическаго и художественно-прекраснаго общества. Революція—ея родоначальникъ. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе всего столѣтія, она не перестаетъ развиваться съ страшной быстротой и становится единственной царицей публики. Ея жизненный нервъ, смыслъ ея бытія—*фактъ*—непремѣнно новый, пойманный на лету и сообщенный читателямъ, во имя только новизны, безъ всякой заботы о качествѣ и значеніи факта. Печать — это громадная хроника, безконечная вереница, *faits divers*, по возможности полное отраженіе чрезвычайно сложной и суетливой современной жизни.

Очевидно, въ этомъ океанѣ все спускается до уровня *факта*, все—предметъ «разныхъ сообщеній»—и парламентская рѣчь, и уличный скандалъ, и театральная пьеса, и книга знаменитаго романиста. И послѣдняя новость, пожалуй, самая несущественная въ ряду другихъ, потому что практическое вліяніе литературныхъ произведеній въ средѣ, дающей тонъ новой жизни, совершенно ничтожно. Здѣсь просто ихъ не читаютъ, за обиліемъ насущныхъ дѣлъ. Преданіе о блестящихъ салонныхъ обществахъ, тратившихъ ежедневно цѣлые часы на восторги и толки по поводу какой-нибудь брошюры Вольтера или пьесы Бомарше, звучатъ для насъ едва вѣроятной сѣдой стариной.

Можетъ ли при такихъ условіяхъ журналистика заниматься критикой? Вѣдь критика непремѣнно выясненіе извѣстныхъ идей, пропаганда ихъ, съ цѣлью прямого воздѣйствія на воззрѣнія и практическую жизнь читателя. Для этого писатели должны стоять во главѣ умственнаго движенія. Ничего подобнаго нѣтъ въ нашемъ столѣтіи. Политическая рѣчь и финансовый бюллетень гораздо важнѣе для публики, чѣмъ основательнѣйшій разборъ хотя бы даже романа Золя.

Въ результатѣ журналистика свела критику къ нулю, замѣнила ее новостями книжнаго рынка, самое большее выписками изъ выходящихъ книгъ, т. е. на мѣсто эстетики водворился *репортажъ*.

Во Франціи, со смерти Сентъ-Бёва, съ конца шестидесятыхъ годовъ непрестанно раздаются жалобы на безнадежный упадокъ критики: жалуются, конечно, идеалисты, которымъ трудно примириться съ исчезновеніемъ когда-то столь великой общественной силы. Какой-нибудь академикъ, философъ или профессоръ, въ родѣ Ренана, Каро, Лансона, сдѣлаетъ отчаянную вылазку противъ современной литературной язвы, выставитъ съ большимъ эффектомъ изъяны журналистики, ея растлѣвающее вліяніе на писателей и публику,—статья, можетъ быть, прочтется съ интересомъ, — но жизнь не внемлетъ даже самымъ благороднымъ воплямъ! Она тяжелой вѣковой стопой давитъ послѣдніе отпрыски стараго культа и на мѣсто Аполлона неумолимо воздвигаетъ какую-то темную, безформенную массу, именуемую «политикой», «соціальными вопросами» и просто «интересами дня».

И, что́ особенно любопытно, эта замѣна стихійно подчиняетъ даже тѣхъ, кто негодуетъ на врага критическаго искусства.

Тотъ же Золя не уступитъ ни одному академику негодованіемъ на журналистику, пожравшую критику, на *репортеровъ*, устранившихъ всякій литературный трибуналъ. Но что̀ же такое собственная дѣятельность Золя, какъ не репортажъ, хотя и болѣе высокаго стиля? Вѣдь онъ, въ качествѣ естествоиспытателя, судебнаго слѣдователя и добросовѣстнаго протоколиста, обязанъ вѣчно гоняться за тѣми же *faits divers*, романъ превращать въ хронику. Брюнетьеръ, можетъ быть, и не правъ, когда вотъ уже нѣсколько лѣтъ всю натуральную школу упорно отождествляетъ съ репортерствомъ и порнографіей, но большая доля истины здѣсь несомнѣнна. Золя съ своими знаменитыми записными книжками, собраніемъ газетныхъ вырѣзокъ, и особенно изъ отдѣла судебныхъ отчетовъ, самый настоящій представитель не литературы, а журналистики. Она — первоисточникъ искусства Золя и питательный нервъ его таланта. Не даромъ же онъ самъ рекомендуетъ ученымъ и юристамъ изучать его романы, какъ подлинные фактическіе документы.

Можно ли послѣ этого жаловаться на упадокъ критики, если само искусство такъ покорно приспособляется къ всемогущей современной стихіи? Критикѣ оставалось до конца совершить намѣченный путь, и она это сдѣлала, повидимому, окончательно.

II.

Параллельно съ художественнымъ репортажемъ натуральной школы, возникъ еще болѣе откровенный критическій репортажъ критиковъ импрессіонистовъ. Имя популярнѣйшаго изъ нихъ—Лемэтра—извѣстно и у насъ.

Онъ неоднократно принимался доказывать невозможность критики въ старой формѣ, т. е. съ опредѣленными принципами и взглядами. Ни сужденій, ни приговоровъ въ искусствѣ нѣтъ, существуютъ одни лишь *впечатлѣнія*. Зависятъ они не отъ убѣжденій, вообще не отъ какихъ бы то ни было постоянныхъ и прочныхъ силъ, а исключительно отъ настроенія духа, отъ случайнаго совпаденія разныхъ обстоятельствъ. Ни руководящей идеи, ни опредѣленной цѣли совсѣмъ не требуется для критической статьи. Это—просто занимательная *causerie*, ни къ чему никого не обязывающая. Пришелъ человѣкъ въ общество, садится въ кружокъ, и начинаетъ сообщать, что видѣлъ и слышалъ. Завтра, можетъ быть, онъ совсѣмъ иначе разскажетъ все это... Что же дѣлать! Это будетъ вина его памяти или состоянія его желудка, а вовсе не какихъ-либо нравственныхъ или умственныхъ недочетовъ. О нихъ не можетъ быть даже и вопроса именно въ литературной критикѣ.

Отсюда самая подходящая форма—газетный фельетонъ. Онъ не составитъ дисгармоніи съ прочими *faits divers*, онъ вполнѣ терпимъ въ самой бойкой журнальной лавочкѣ, потому что ни по содержанію, ни по существу ничѣмъ не отличается отъ репортажа. Разница только въ словесной формѣ: репортажъ о явленіяхъ литературы *виртуознѣе*, чѣмъ о городскихъ происшествіяхъ.

И хотите знать настоящую мораль современной эстетики, высказанную знатокомъ дѣла, все тѣмъ же незамѣнимымъ Золя? Его рѣчь, какъ всегда, ясная и откровенная, вполнѣ примѣнима и къ критикѣ.

«Для меня вопросъ таланта является рѣшающимъ въ литературѣ. Я не знаю, что понимаютъ подъ словами писатель нравственный и писатель безнравственный. Но я очень хорошо знаю, что такое писатель талантливый и писатель бездарный. А разъ у писателя есть талантъ, я считаю, что ему все дозволено. Страница, хорошо написанная, имѣетъ свою собственную нравственность, которая заключается въ красотѣ, въ методѣ, въ энергіи... По моему, непристойными слѣдуетъ считать только тѣ произведенія, которыя дурно задуманы и плохо выполнены».

Ясно до ослѣпительности. *La frase bien tournée* стóитъ какой угодно хорошей мысли. Съ этой точки зрѣнія и излагаются «впечатлѣнія» новыми критиками. Лемэтръ нисколько не задумывается бойкій водевиль предпочесть всей «славянщинѣ», т. е. Достоевскому и гр. Толстому. Для полнаго торжества школы онъ однажды устроилъ своей публикѣ такое зрѣлище.

Ему хотѣлось доказать, что въ литературѣ вовсе нѣтъ ни ве-

ликаго, ни ничтожнаго въ нравственномъ смыслѣ, а есть только матеріалъ для хорошо отдѣланныхъ фразъ впечатлительнаго фельетониста.

Лемэтръ взялъ нѣсколько пьесъ Ожье и Дюма съ особенно популярными и, казалось, вполнѣ опредѣленными героями, и послѣ впечатлѣній критика злодѣи оказались довольно близкими къ добродѣтели, а хорошіе люди очень недалеко отъ порока. Вышло,—не изъ чего было публикѣ волноваться гнѣвомъ или сочувствіемъ, вообще не имѣлось ни малѣйшихъ основаній точно опредѣлять *нравственную* цѣнность дѣйствующихъ лицъ и смыслъ всего произведенія.

Тотъ же самый результатъ, что́ и у Золя, и вообще у всякаго корректнаго репортера. Какое ему дѣло до внутренняго характера происшествія, было бы оно интересно, какъ новость, а ужъ онъ его распишетъ самыми отборными красками!

Намъ припоминается одно не критическое, а художественное произведеніе Лемэтра, трехактная комедія *Le pardon*. Она чрезвычайно типична для новѣйшихъ направленій и въ искусствѣ, и въ идеяхъ, если только это понятіе умѣстно въ импрессіонизмѣ.

Дѣло идетъ, конечно, о супружеской измѣнѣ. Это роковая тема господствующей школы, но выводы, извлекаемые изъ нея Лемэтромъ, не лишены оригинальности. Мужъ узналъ о преступленіи жены; вопросъ, какъ устроиться дальше? Простить ее немыслимо: грѣхъ не подлежитъ забвенью, разстаться съ ней логичнѣе всего, но автору это кажется слишкомъ избитымъ мотивомъ. Онъ заставляетъ мужа, въ свою очередь, согрѣшить, и тогда, по убѣжденію Лемэтра, нѣтъ препятствій къ новому счастью супруговъ. Пьеса заканчивается *моралью* въ томъ смыслѣ, что мужу жены-измѣнницы непремѣнно слѣдуетъ совершить такое же преступленіе: это самый дѣйствительный путь вновь связать распавшіяся узы.

Вы видите, даже у импрессіонистовъ есть свой *методъ*. Осуществляется онъ, очевидно, при полномъ устраненіи со сцены самаго понятія о человѣческой нравственности и даже о человѣческомъ достоинствѣ. Пьеса написана очень искусно, въ ней всего три дѣйствующихъ лица: своего рода драматическій фокусъ. Его болѣе чѣмъ достаточно для литературной правоспособности и для серьезнаго общественнаго интереса.

Дальше идти некуда. Искусство и критика сами себѣ произнесли приговоръ и даже опредѣлили свое новое положеніе. Искусство признало себя несвоевременнымъ и поспѣшило затушеваться за спиной науки, критика также помирилась съ перспективой самоубійства. Искусство больше не творитъ, не создаетъ изъ част-

ныхъ явленій жизни чего-то новаго, болѣе яркаго и сильнаго, даже болѣе истиннаго и жизненно-полнаго, чѣмъ отдѣльно взятый фактъ. Писатель ограничиваетъ свое честолюбіе, по возможности, точной записью опытовъ и наблюденій, въ сущности только наблюденій, потому что эксперименты естествоиспытателя отожествлять съ какимъ угодно даже самымъ обширнымъ репортажемъ значитъ наивно или преднамѣренно извращать понятія и самые факты. Въ результатѣ, литература, усиливаясь перестать быть искусствомъ, не пристала и никогда не пристанетъ къ наукѣ. Она переживаетъ будто агонію, судорожно хватаясь за совершенно несродный, чуждый ей предметъ спасенія. Она въ положеніи пловца, покинувшаго давно насиженный берегъ и тщетно тоскующаго о пріютѣ на недоступной сторонѣ потока. Погибнетъ этотъ пловецъ въ волнахъ или вернется вспять?

Исконный стражъ литературы—критика, въ настоящее время утратила свою роль, она болѣе чѣмъ равнодушна къ искусству, она не имѣетъ ничего общаго съ самой основой его бытія. Она больше не судитъ и не оцѣниваетъ, она только ощущаетъ и волнуется не въ смыслѣ какихъ-нибудь глубокихъ и сильныхъ чувствъ, а лишь мимолетнаго нервнаго или чувственнаго возбужденія. *C'est un jeu...Je m'amatamuse*—вотъ девизы критиковъ, буквально ими признанные и неуклонно оправдываемые до послѣдняго дня. Примѣните этотъ *методъ* къ геніальнѣйшимъ произведеніямъ искусства и къ пошлѣйшимъ продуктамъ бульварныхъ парижскихъ сценъ, вы легко увидите, гдѣ проще *игра* и доступнѣе *забава*. Тамъ именно и будетъ сочувственное «впечатлѣніе» критика.

Мы могли бы не рисовать этихъ печальныхъ картинъ и совершенно пренебречь судьбой литературы не нашей, а заграничной. Вѣдь цѣль наша—русская критика, какое же намъ дѣло до Золя и Лемэтровъ?

Къ сожалѣнію, нѣтъ никакой возможности обойти непріятный вопросъ. Французская литература и особенно критика всегда были и до сихъ поръ остаются первенствующими во всѣхъ литературахъ. Англійскихъ и итальянскихъ критиковъ у насъ не знаютъ даже по именамъ, за самыми скудными исключеніями; на долю Германіи былъ и, повидимому, долго еще будетъ одинъ Лессингъ. Совершенно иное значеніе французовъ.

Многіе изъ нихъ не только читаются, но занимаютъ положеніе классическихъ писателей. Сентъ-Бёвъ не забытъ до настоящаго времени, Тэнъ—чуть ли не общепризнанный авторитетъ, Брандесъ, также насчитывающій у насъ не мало поклонниковъ, самъ называетъ себя ученикомъ только-что названныхъ учителей,

даже импрессіонизмъ, въ лицѣ Леметра, стяжалъ обширную извѣстность въ нашей періодической печати, и чтобы дополнить картину, приходится упомянуть самого Франциска Сарсэ,—одно изъ курьезнѣйшихъ явленій парижской blague по банальности и культурной ограниченности!..

Это—цѣлый Олимпъ, и нѣтъ основаній разсчитывать, чтобы и *будущее* его населеніе не встрѣтило у насъ такого же пріема. Можетъ быть, долго еще суждено намъ изображать галлерею на всеевропейскихъ спектакляхъ. По крайней мѣрѣ, до сегодня мы все еще проявляемъ высшую температуру даже при сравнительно заурядной игрѣ совсѣмъ не первостепенныхъ артистовъ. Взять хотя бы того же Сарсэ. Въ отечествѣ давно опредѣлили его «преобладающую способность» — судить о литературѣ съ пониманіемъ и чувствомъ лавочниковъ и французскихъ «титулярныхъ совѣтниковъ». Это—фигура комическая и для литературы оскорбительная, чуть ли не единственный фельетонистъ въ Парижѣ, не умѣющій писать хорошимъ французскимъ языкомъ... Но у насъ другое дѣло! Сарсэ—сотрудникъ большой газеты, человѣкъ извѣстный и мы, будто провинціалъ, въ первый разъ попавшій въ столичный театръ, всѣ декораціи находимъ восхитительными и всякую игру неподражаемой. Да, какъ бы странны ни казались эти выраженія о русскихъ чувствахъ по поводу заграничныхъ авторовъ и модъ, они вполнѣ оправдываются и нашими общественными науками, и нашей литературой—искусствомъ и публицистикой.

Мы не имѣемъ права равнодушно смотрѣть на судьбу несомнѣнно самой блестящей и вліятельной европейской критики. У насъ является совершенно естественная мысль: а что же ждетъ наше художественное творчество и нашу критику? Вѣдь мы—*genus europaeum*, какъ выражался Тургеневъ, и обязаны въ силу законовъ природы пройти *европейскій* путь цивилизаціи. Мы его начали и продолжаемъ. Мало того. На каждомъ нашемъ шагу можно указать самые подлинные слѣды *европеизма* и мы еще до сихъ поръ заботимся о преумноженіи этихъ слѣдовъ, немедленно принимаясь клясться именами день за днемъ возникающихъ на Западѣ знаменитостей.

Спросите у русскаго журналиста, не мечталъ ли онъ въ часы «ѳемистокловой» безсонницы стать русскимъ Тэномъ, Брандесомъ, даже Сарсэ? Онъ такъ часто съ вѣрноподданнической покорностью подражающій имъ или просто компилирующій ихъ произведенія? И въ устахъ публики несомнѣнно высшей похвалой русскому критику звучало бы заявленіе: это—русскій Сентъ-Бёвъ! И сколько сер-

децъ сжимаются отъ мысли никогда не слышать и не произносить подобныхъ сравненій!..

И вотъ въ отечествѣ Сентъ-Бёвовъ и Тэновъ совершается полный разгромъ критическаго искусства и литературнаго творчества. Бѣдные скиѳы не останавливаются и предъ этой перспективой. «Репортажъ и порнографія» быстро водворяются на русской почвѣ, въ еще болѣе грубыхъ формахъ, чѣмъ на Западѣ, потому что Золя все-таки крупный литературный талантъ, а Мопассанъ, можетъ быть, даровитѣйшій писатель всѣхъ новѣйшихъ западныхъ литературъ. Скиѳы мчатся и дальше: будто по психопатическому воздѣйствію они усердствуютъ на поприщѣ декаданса и символизма... Короче, нѣтъ ни одной прихоти міровой столицы, ни одного даже временнаго припадка среди парижскихъ скучающихъ лицедѣевъ или просто литературныхъ промышленниковъ, ничего, что бы немедленно не пріѣхало къ намъ на пароходѣ.

И мы, слѣдовательно, должны ждать импрессіонизма? Сойдутъ со сцены писатели стараго типа, и на смѣну имъ придетъ поколѣніе репортеровъ всевозможныхъ спеціальностей. Ихъ грядущее царство уже чувствуется,—даже больше: къ нимъ пристаютъ старики, трусливо и угодливо поддѣлываясь подъ тонъ *новаго* слова...

Не выходитъ ли въ результатѣ, — писать при такихъ условіяхъ исторію русской критики, значитъ становиться въ положеніе римскихъ историковъ и моралистовъ эпохи упадка. Въ сущности, пожалуй, хуже.

III.

У старыхъ писателей, приходившихъ въ отчаяніе отъ современныхъ пороковъ и забвенія античной доблести, была искренняя вѣра въ душеспасительное слово. Когда Ливій разсказывалъ о древнихъ республиканцахъ, а Тацитъ изображалъ идеальные нравы дикихъ германцевъ, оба историка разсчитывали подѣйствовать своими повѣствованіями на растлѣнныхъ современниковъ, вызвать у нихъ соревнованіе, пробудить совѣсть и снова на классической почвѣ великихъ подвиговъ создать Муціевъ и Цинцинатовъ.

Да, такъ думали и даже откровенно заявляли историки. Съ ними была согласна и публика. Исторія всѣми считалась благодарнѣйшимъ источникомъ *примѣровъ* и нравственно-просвѣщающаго краснорѣчія. Мы не знаемъ, на сколько практически оказалась плодотворной эта идея; вѣроятно, весьма недостаточно. Но для насъ любопытны чувства писателей, ихъ завидная вѣра въ великую силу своего труда.

У насъ не мыслимо ничего подобнаго. Иному читателю пока-

залось бы прямо забавнымъ, если бы мы пригласили его брать примѣръ съ какого-нибудь Надеждина, Полевого, Бѣлинскаго и стали разсказывать объ ихъ дѣятельности, въ надеждѣ исправить литературные нравы и вкусы публики. Что́ было, того не будетъ вновь, — могли бы отвѣтить намъ. И совершенно справедливо. Плохъ тотъ народъ и безпомощна его литература, если приходится искать спасенія и руководительства въ прошломъ, если въ лицѣ Бѣлинскихъ, какъ бы они талантливы ни были, національная мысль сказала свое послѣднее слово—ума и энергіи.

Нѣтъ. Мы не имѣемъ въ виду никакихъ поученій. Наша цѣль неизмѣримо серьезнѣе и труднѣе. Мы стремимся не къ внушенію, а логикѣ, желаемъ въ прошломъ отыскать не мораль, а законъ историческаго развитія нашей литературы. Мы прослѣдимъ его безъ всякаго вмѣшательства гражданскихъ чувствъ и публицистическихъ настроеній.

Это заявленіе можетъ показаться чрезвычайно притязательнымъ и даже, пожалуй, двусмысленнымъ. Именно русская критика—это извѣстно рѣшительно всякому читателю—до такой степени переполнена публицистикой и гражданскими мотивами, что разсказывать ея исторію и остаться свободнымъ какъ разъ отъ ея самыхъ сильныхъ и жизненныхъ стихій—задача неразрѣшимая. Голосъ партіи, личнаго сочувствія заговоритъ непремѣнно, и особенно у историка, начавшаго свою работу какъ разъ гражданскими сѣтованіями и явнымъ критическимъ недовольствомъ.

Да, конечно, сочувствіе и противоположное настроеніе неизбѣжны вообще во всякомъ историческомъ разсказѣ. Мы твердо убѣждены,—объективная, будто чистое искусство — цѣломудренная исторія, врядъ ли осуществима. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, всѣ громогласныя заявленія историковъ достигнуть безпристрастія и *безличія* натуралистовъ въ научной работѣ кончались не только полной неудачей, а приводили даже къ совершенно противоположной практикѣ, напримѣръ, у Тэна. Желаніе болѣе достойнаго и даровитаго представителя исторической науки Ранке «погасить свое *я*», чтобы видѣть вещи въ ихъ чистой, ничѣмъ незаслоненной формѣ, идетъ въ разрѣзъ съ основными качествами историка. Именно, разносторонность и отзывчивость личности, первыя условія яснаго и глубокаго пониманія дѣйствительности. А потомъ, такое самоотреченіе психологически невозможно, если только у повѣствователя о чужихъ мысляхъ и дѣлахъ существуетъ какое-либо свое опредѣленное міросозерцаніе и живой интересъ, хотя бы только къ цивилизаціи и къ человѣческому прогрессу вообще.

Мы, слѣдовательно, даже и помышлять не можемъ объ оцѣнкѣ русскихъ критиковъ «по методу натуралистовъ». Мы сознаемся въ полной своей неспособности разсматривать даже самыхъ мелкихъ дѣятелей общественной мысли, будто растенія и организмы. Насъ, какъ и всякаго историка, связываетъ неразрывная нравственная связь со всѣми существами нашей породы, и древній писатель правъ, видя самый прочный залогъ славы великихъ благодѣтелей человѣчества въ существованіи этой связи. Люди отдаленнѣйшихъ поколѣній могутъ протянуть руку Сократу, какъ близкому другу, и если бы они не почувствовали желанія сдѣлать это, ихъ съ полнымъ правомъ можно было бы обвинить въ одномъ изъ самыхъ отвратительныхъ пороковъ. Такихъ Сократовъ знаетъ и наша исторія и мы не надѣемся впасть въ великій грѣхъ неблагодарности.

Но въ началѣ работы насъ занимаетъ не отношеніе къ отдѣльнымъ личностямъ, не та или другая оцѣнка фактовъ и людей, а самый смыслъ нашей исторіи. Онъ, конечно, также лишенъ платоническаго характера, не представляется намъ въ формѣ чисто-литературнаго упражненія. Напротивъ, желаніе открыть его подсказано самыми повелительными, на нашъ взглядъ, интересами русскаго художественнаго творчества и русской критической мысли въ настоящемъ и будущемъ. Наблюдая новѣйшій поворотъ въ развитіи западной литературы, русскій читатель какъ нельзя болѣе естественно можетъ задаться вопросомъ: какое же положеніе займетъ русское искусство среди явныхъ признаковъ упадка и разложенія одной изъ самыхъ блестящихъ европейскихъ литературъ? Не дѣйствуютъ ли и въ его исторіи тѣ самыя силы, какія привели французскихъ писателей къ натурализму, импрессіонизму и символизму? Вопросы эти тѣмъ настоятельнѣе, что отголоски названныхъ теченій нашли у насъ сочувственный пріемъ и съ новой силой пробудили исконный недугъ русскаго человѣка— проявить возможно точную переимчивость и безупречную подражательность. Что это—неизбѣжный симптомъ въ поступательномъ движеніи нашей литературы, такая же *исторически необходимая* форма, какъ и на Западѣ, или мимолетное и болѣзненное отклоненіе съ исконнаго прямого пути?

Отвѣтъ, повидимому, съ самаго начала возможенъ вполнѣ опредѣленный: наша литература—растеніе пересадочное. Изъ этой идеи Бѣлинскаго прямое слѣдствіе: законность совпаденія нашихъ литературныхъ явленій съ европейскими, т. е. водвореніе натурализма и символизма въ творчествѣ, импрессіонизма въ критикѣ. А если не импрессіонизма, по крайней мѣрѣ системъ Тэна, Сентъ-Бёва или эклектической критики въ лицѣ Брандеса.

Но именно этотъ логическій и даже въ дѣйствительности осуществляющійся выводъ, по нашему убѣжденію, является величайшимъ недоразумѣніемъ, какое только возможно въ обобщеніяхъ историческаго и культурнаго содержанія. Мы—*genus europaeum*, мы—ученики Европы и въ наукѣ, и въ искусствѣ; эти положенія вполнѣ правильны. Но мы не даромъ прожили около семи вѣковъ внѣ западной цивилизаціи. При самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ культурнаго развитія, народъ, обладающій запасомъ нравственныхъ силъ, непремѣнно выработаетъ извѣстный оригинальный складъ натуры, создастъ *свою* почву для будущихъ общечеловѣческихъ сѣмянъ.

Что такая натура и почва существуютъ у русскаго народа—это простой труизмъ. Иностранцы, напримѣръ, даже увѣрены, будто именно русскій типъ менѣе всего способенъ сглаживаться и ассимилироваться при какихъ бы то ни было внѣшнихъ воздѣйствіяхъ. Для истины *въ такой* формѣ не требуется нашихъ доказательствъ. Но вопросъ получаетъ совершенно другое направленіе, перенесенный въ область литературы.

Въ послѣднее время наши писатели стяжали обширную извѣстность на Западѣ, особенно во Франціи. Вы полагаете, потому что за ними единодушно признана невѣдомая западному человѣку оригинальность творчества и міросозерцанія? Вовсе нѣтъ.

Одновременно съ распространеніемъ въ публикѣ сочиненій Тургенева, Толстого, Достоевскаго поднялся оглушительный вопль критиковъ. Они, подобно мольеровскому герою, принялись кричать: *Au voleur! Au voleur*, т. е. откровенно уличали нашихъ романистовъ въ плагіатѣ изъ ихъ же французскихъ авторовъ. А что не плагіатъ, то сплошная нелѣпость, «славянщина» или утомительно скучная, или просто безсмысленная. Прочтите статьи Лемэтра, Сарсэ, Вогюэ о произведеніяхъ, какія у насъ считаются славой русской литературы, вы, пожалуй, устыдитесь быть соотечественниками такихъ двусмысленныхъ компиляторовъ. *Преступленіе и наказаніе*, напримѣръ, просто глава изъ похожденій Лекока, весь Тургеневъ—ученикъ Бальзака. Правда, Тургеневъ заявлялъ о своемъ отвращеніи именно къ этому французскому романисту, но это только вѣчная человѣческая неблагодарность! Можно ли представить, чтобы у русскихъ вчерашнихъ и даже еще сегодняшнихъ варваровъ было что нибудь свое въ мысляхъ или въ воображеніи! Русская *оригинальность* или пережитки средневѣковаго варварства, или иллюзія читателей, слишкомъ падкихъ на модныя увлеченія чужимъ, не-французскимъ.

И припомните презрительные отзывы Золя о гр. Толстомъ,

вліятельнѣйшихъ современныхъ критиковъ объ Островскомъ, негодующія страницы Гонкура о *денаціонализаціи* и одичаніи французовъ подъ вліяніемъ «московитскихъ» сочувствій, познакомьтесь съ высокомѣрными снисходительными настроеніями «друзей» Тургенева, вы, при извѣстной впечатлительности и обычной русской довѣрчивости къ западнымъ авторитетамъ, невольно задумаетесь надъ участью нашихъ бѣдныхъ великихъ людей! Если первостепенные писатели являются у насъ только популяризаторами Флобера, Жоржъ Зандъ, Бальзака, чего же ждать отъ менѣе сильныхъ,—вообще отъ настоящаго и будущаго нашей литературы?..

Мы рѣшаемся утверждать нѣчто совершенно обратное неизбѣжному отвѣту на этотъ вопросъ. Мы намѣрены доказать, что русская и французская литература *два совершенно различныхъ типа* въ исторіи мірового творчества, и здѣсь французская должна быть понимаема какъ *представительница* вообще западно-европейскихъ литературъ.

Въ культурной основѣ русскаго истинно-художественнаго слова и въ психологическомъ складѣ русскаго писателя выразился совершенно своеобразный характеръ творческаго генія, столь же мало похожій по своей *внутренней сущности* на французскій, какъ, напримѣръ, русская народная пѣсня на испанскую серенаду или провансальскій романсъ.

У Достоевскаго или Тургенева, несомнѣнно, можно встрѣтить не мало идей и мотивовъ, напоминающихъ романы Гюго и Жоржъ Зандъ, но здѣсь столько же французскаго, сколько у всякаго культурнаго человѣка—общечеловѣческой цивилизаціи, будь онъ парижанинъ или японецъ. Въ области общихъ идей терпимости, свободы, демократизма все человѣчество *genus europaeum* точно такъ же, какъ въ общихъ законахъ логическаго мышленія вся зоологическая порода, homo sapiens—нѣчто цѣльное и единое. Но общіе принципы мысли и основныя цѣли нравственнаго и общественнаго развитія не мѣшаютъ великому разнообразію *выводовъ* и *путей*. И именно въ этомъ разнообразіи и заключается высшее достоинство человѣческой природы и залогъ наиболѣе полнаго и гармоническаго развитія цивилизаціи.

Гюго раньше Достоевскаго написалъ *Les Misérables*, слѣдовательно, былъ предшественникомъ русскаго писателя въ защитѣ униженныхъ и оскорбленныхъ; онъ также раньше его воспѣлъ душу и даже нравственныя совершенства «падшихъ ангеловъ», слѣдовательно, предвосхитилъ драму и идиллію Сони. Такъ именно и полагаютъ французскіе критики, и—трудно рѣшить, чего больше здѣсь, прискорбной наивности или смѣшного національнаго самообольщенія?

Поставьте рядомъ хотя бы Маріонъ Делормъ и ту же Соню, Рюи Блаза и Мармеладова, вамъ немедленно самая мысль о какомъ бы то ни было заимствованіи покажется нестерпимо дикой, невѣроятной. До такой степени одна и та же общая нравственная идея можетъ быть выражена въ совершенно различныхъ художественныхъ образахъ и такъ могутъ расходиться пути, ведущіе къ одной и той же цѣли!

Подобныя сопоставленія можно бы распространить до безконечности, и вездѣ насъ поразитъ ослѣпительная разница художественныхъ пріемовъ у русскихъ и западныхъ писателей, разница именно тамъ, гдѣ культурная и нравственная основа образа или мотива тождественна. Очевидно, предъ нами двѣ необычайно глубокихъ разновидности творческой психологіи, приведшія не только къ несходнымъ результатамъ, но создавшія для себя почти противоположные пути историческаго развитіи. Исторія русской литературы тамъ, гдѣ предъ нами дѣйствительно національная литература не имѣетъ ничего общаго съ исторіей европейскихъ литературъ, ни по фактамъ, ни по внутреннему смыслу.

Можетъ показаться, мы настаиваемъ на очень простомъ и общеизвѣстномъ фактѣ. Къ сожалѣнію, нѣтъ. Основная оригинальная черта именно историческаго хода нашего искусства до сихъ поръ не раскрыта и не оцѣнена. Принято думать, русская литература своего рода энциклопедія европейскихъ литературъ, наше творчество—складъ чужихъ вѣковыхъ богатствъ. Не даромъ самое передовое и плодотворное теченіе нашей общественной мысли именуется *западничествомъ*. Въ статьяхъ о Писемскомъ мы доказывали, какъ, въ сущности, мало было западнаго въ русскомъ западничествѣ, мало какъ разъ въ его практическихъ, освободительныхъ вліяніяхъ. Теперь мы намѣрены возможно ярче и полнѣй выставить на видъ основную и для насъ руководящую истину: русская художественная литература и, слѣдовательно, критика—явленія совершенно самобытныя въ кругу другихъ литературъ и неизмѣримо болѣе оригинальныя, чѣмъ, например, та же французская литература по сравненію съ итальянской и англійской, нѣмецкая параллельно съ французской, и, въ свою очередь, англійская литература XIX-го вѣка рядомъ съ французскимъ романтизмомъ и натурализмомъ.

Понятіемъ самобытности мы пользуемся безъ всякихъ нарочитыхъ чувствъ. Мы не намѣрены проникаться никакими «національными» настроеніями: подобныя настроенія не имѣютъ ни малѣйшей цѣны, если они только лиризмъ и чувство. Если же культурные результаты русскаго творчества дѣйствительно *историче-*

ски оригинальны и сильны своей собственной силой, тогда нѣтъ необходимости ни въ какихъ восклицательныхъ знакахъ. А если этой силы на самомъ дѣлѣ нѣтъ, тогда ничего не можетъ быть жалче и недостойнѣе взвинченнаго національнаго самолюбія и самохвальства. Мы думаемъ, *въ области художественной и критической литературы* мы совершенно спокойно имѣемъ право разсчитывать на краснорѣчіе *фактовъ*, а не *словъ*, и предоставить исторіи и логикѣ защищать нашу «любовь къ отечеству» и даже «національную гордость». Весь нашъ интересъ сосредоточенъ исключительно на культурномъ вопросѣ, и мы представимъ общую картину литературнаго прогресса—европейскаго и русскаго, съ единственной цѣлью—утвердить исходныя точки нашего изслѣдованія историческихъ судебъ русской критики и возможныхъ заключеній на счетъ ея будущаго. Мы возьмемъ французскую литературу, какъ самую типичную и самую вліятельную до послѣднихъ дней. Нашъ обзоръ приведетъ насъ къ вѣрному пониманію современнаго положенія искусства и критики на родинѣ нашихъ исконныхъ учителей, безъ всякихъ усиленныхъ освѣщеній оттѣнитъ все, чтó заключается оригинальнаго въ сравнительно кратковременномъ развитіи нашей литературы и намѣтитъ исторически-убѣдительную цѣль ея дальнѣйшихъ путей.

IV.

Надъ Франціей пронеслось множество политическихъ бурь, на литературной сценѣ смѣнились цѣлые ряды героевъ и вереница самыхъ разнообразныхъ зрѣлищъ, но одинъ герой остается до сихъ поръ незамѣнимымъ и одно зрѣлище продолжаетъ блистать вѣковой неувядаемой красотой. Этотъ герой—*классицизмъ* съ его поэтами, просто писателями и даже религіозными проповѣдниками. Расинъ—это «французская религія», по выраженію современнаго критика, Боссюэ,—совершеннѣйшій артистъ классическаго стиля, того «благороднаго» эффекта звучныхъ фразъ, предъ какимъ французская нація будетъ замирать, вѣроятно, до конца своихъ дней. Даже импрессіонизмъ, ловя лишь летящій часъ и изнывая по пестротѣ и возможно быстрой смѣнѣ впечатлѣній, отдалъ честь классицизму,—Лемэтръ пріостановилъ головокружительный полетъ своего пера ради геніальности того же Расина. Очевидно, классицизмъ—высоко-національное дѣтище французскаго генія, и «классическій вкусъ» исполненъ такого же обаянія для современнаго республиканскаго партера, какое повергало въ восторгъ «ученыхъ дамъ» временъ Мольера.

Это фактъ въ высшей степени поучительный въ психологи-

ческомъ и культурномъ смыслѣ. Онъ показываетъ, до какой степени классическій духъ, l'esprit classique, утвердился въ сознаніи французовъ и какъ глубоко проникъ въ ихъ художественные инстинкты. Дѣйствительно, вся литература французовъ отъ эпохи Ришелье до нашихъ дней *классична*, т. е. развивается неизмѣнно въ предѣлахъ заранѣе опредѣленной *школы*, *системы*, подчиняется твердо установленнымъ *формуламъ*. Каждый вліятельный и даровитый французскій писатель или членъ оффиціальной академіи или основатель своей собственной, онъ или подданный уже сложившейся «литературной республики», или законодатель новой. Безъ кодекса нѣтъ искусства, безъ формулы немыслимо геніальное произведеніе, безъ авторитета незаконна авторская слава. Всѣ эти положенія съ неуклонной послѣдовательностью оправдываются всѣми періодами французской литературы.

Появленіе классицизма возвѣщалось самыми краснорѣчивыми знаменіями. Первая книга, положившая основу безсмертной теоріи, объявляла, что хорошій вкусъ въ искусствѣ немыслимъ безъ двухъ условій: безъ вмѣшательства кружка друзей въ творчество писателя и безъ правительственной опеки. Авторъ книги Дюбелле, ученый и вліятельный, писалъ: «Я хотѣлъ бы, чтобы всѣ короли и принцы, любители родного языка, запретили строгимъ указомъ своимъ подданнымъ выпускать въ свѣтъ, а типографщикамъ печатать какое бы то ни было сочиненіе, не выдержавшее предварительно редакціи ученаго мужа».

Эти слова оказались одновременно и программой, и пророчествомъ. Въ нихъ заключается зародышъ будущей академіи и правительственныхъ воздѣйствій, при посредствѣ ученыхъ мужей, на литературу и писателей. Книга Дюбелле относится къ началу XVI-го вѣка. За ней слѣдовалъ длинный рядъ эстетическихъ законодательныхъ уложеній. Французы съ необычайнымъ усердіемъ принялись изобрѣтать и отыскивать въ древней и средневѣковой литературѣ принципы для «редакціи» поэтическихъ произведеній. Въ интересахъ системы и формулъ былъ перетолкованъ и распространенъ Аристотель, создана знаменитая теорія трехъ единствъ, совершенно невѣдомая античному философу, и къ началу XVII-го вѣка окончательно установилась классическая школа, а немного спустя возникъ и неусыпный стражъ эстетическаго законодательства—академія.

Это центральные факты не только французской литературы, а вообще національной психологіи и культурнаго прогресса одной изъ важнѣйшихъ міровыхъ націй. Художественное творчество по заранѣе даннымъ формуламъ и съ одобренія руководящаго автори-

тета,—въ этомъ положеніи вся сущность французскаго генія поэзіи и критики.

До какой степени она близка къ національному духу, стойка внѣ времени и случайныхъ вліяній какой бы то ни было эпохи, доказываетъ изумительная готовность даровитѣйшихъ писателей войти въ извѣстную, строго опредѣленную колею и вложить свой талантъ въ общепризнанныя рамки.

Академія съ первыхъ же лѣтъ становится настоящимъ инквизиціоннымъ судилищемъ въ вопросахъ литературы. Она возникла изъ частнаго кружка писателей, конечно, друзей между собой и естественныхъ враговъ всякаго, кто не желалъ признавать «совѣщаній» этого трибунала. Ришелье оставалось только воспользоваться уже готовымъ началомъ и создать своего рода верховную литературную коммиссію.

Ея неограниченная власть немедленно была признана и даже воспѣта въ стихахъ и прозѣ бездарными педантами-риѳмоплетами, подручными кардинала, и такими талантами, какъ Расинъ и Корнель. Авторъ *Сида* вздумалъ сначала сыграть въ оппозицію, правда, очень скромную, въ сущности даже не въ оппозицію, а въ легкую фронду молодого и уже знаменитаго писателя. Корнель оказался слишкомъ французомъ, чтобы пойти противъ классической піитики, напротивъ, постарался оправдать ее на совершенно неподходящемъ сюжетѣ. Вотъ этотъ-то сюжетъ, испанская драма, и является оппозиціей кардиналу, какъ министру, ненавидѣвшему всякое напоминаніе объ Испаніи немедленно послѣ жестокой борьбы съ этой страной. Все остальное обстояло благополучно, и академія всего однимъ распоряженіемъ привела къ порядку безпокойнаго поэта. Воцарился истинный деспотизмъ сорта «безсмертныхъ» надъ французской поэзіей и, слѣдовательно, надъ всей европейской литературой, по крайней мѣрѣ, на два вѣка. Въ нашемъ отечествѣ еще Грибоѣдову и Пушкину придется считаться съ отголосками французскаго академическаго педантизма, еще *Горе отъ ума* будетъ подвергаться уничтожающей критикѣ со стороны просвѣщеннѣйшихъ друзей поэта, на основаніи *Поэтическаго искусства* Буало, и даже въ автора *Ревизора* время отъ времени будутъ летѣть камни классическаго происхожденія.

Трудно оцѣнить все *культурное* вліяніе французской академіи на искусство и даже на нравственный міръ писателей. Оно отнюдь не менѣе значительно и *національно*, чѣмъ французская монархія. Одинъ изъ даровитѣйшихъ политическихъ писателей и историковъ начала XIX-го вѣка, обозрѣвая многообразную смѣну государственныхъ формъ во Франціи, высказалъ мысль: наши республики—

монархіи, въ которыхъ временно свободенъ тронъ. Остроумный публицистъ безъ особенныхъ затрудненій могъ прослѣдить живучесть *монархическаго духа* въ самыя, повидимому, «свободныя» эпохи. То же самое еще легче можно бы сдѣлать и относительно *классическаго духа*. Формы будутъ мѣняться, иногда даже безпощадно отрицать одна другую, но самая сущность литературныхъ направленій тожественна отъ Буало до Золя.

Теоретикъ XVII-го вѣка въ стихахъ изложилъ законы классическаго искусства. Основной принципъ его въ высшей степени любопытенъ: Буало разъ навсегда оригинальное поэтическое вдохновеніе объявилъ *folie*, безуміемъ, и потребовалъ отъ авторовъ точнаго повиновенія «игу разума». На его языкѣ разумъ звучалъ естественностью, правдой, вообще самыми, повидимому, основательными понятіями, но въ дѣйствительности сводился къ цѣлому ряду совершенно условныхъ формулъ, подсказанныхъ *классическимъ вкусомъ*. Главнѣйшія заключались въ правилахъ «строгой благопристойности»—*l'étroite bienséance*, въ аристократической чопорности стиля, въ размѣренной, строго обдуманной гармоніи жестовъ, въ безукоризненной салонной тонкости поступковъ. *Поэзія* для Буало совершенно тожественна съ *разумомъ*, т. е. съ логическими построеніями неуклонно послѣдовательнаго разсудка. Поэтъ ничѣмъ не отличается отъ оратора, и Расинъ, даже по поводу Федры, одержимой, надо думать, самой жгучей и безразсудной любовью, могъ гордиться, что на сценѣ показалъ нѣчто въ высшей степени *разумное*, *raisonnable*.

Классикъ не могъ и думать увлечься свободной, прихотливой игрой воображенія, прислушаться къ голосу сердца и дать мѣсто вдохновеннымъ образамъ и прочувствованнымъ рѣчамъ въ поэмѣ или на драматической сценѣ.

Это было немыслимо не только подъ давленіемъ литературной теоріи: публика XVII-го вѣка, т. е. высшее аристократическое общество не допускало ни свободы, ни сердца. Античные герои наравнѣ съ Оронтами и Акостами воплощали непремѣнно салонъ, дворъ, со всей ихъ красивой ложью и поддѣльной красотой. Та же расиновская Федра, щеголяя самой разумной страстью, не могла, по образцу своей древней предшественницы, эврипидовской героини, лично оклеветать Ипполита предъ его отцомъ и своимъ мужемъ. Эту обязанность выполняетъ служанка и наперсница Энона, и почти вполнѣ основательно объясняетъ, почему.

«Клевета, — разсуждаетъ она, — заключаетъ въ себѣ нѣчто слишкомъ темное и низкое, чтобы вложить ее въ уста принцессы». Подобная низость «болѣе свойственна кормилицѣ, которая могла питать болѣе рабскія наклонности».

Это значитъ, человѣкъ высшаго сословія благороденъ и нравственнъ въ силу своего происхожденія. Корнель только за принцами и вельможами признаетъ способность «обладать добродѣтелью съ ея мельчайшими практическими результатами». Для классиковъ народъ—*la racaille*, «животное, неспособное распознавать хорошія произведенія». «низкая толпа», и судьба литературы была бы «очень странной», если бы писатели вздумали нравиться «животному, неспособному ни на что хорошее».

Это слишкой рѣзкій, мало классическій стиль, но и самые величественные поэты, въ родѣ Корнеля, выражаются не иначе, какъ *le peuple stupide—безсмысленный народъ*.

Даже Мольеръ, остроумно издѣвавшійся надъ педантами и «смѣшными маркизами», не одинъ разъ принимался защищать исключительную чистоту и литературность придворнаго вкуса. Очевидно, автору комедій можно было усомниться въ «разумѣ» трагической схолистики, но аристократическій принципъ изящнаго оставался недосягаемымъ.

Таково первое дѣтище французскаго художественнаго генія, самый ранній плодъ академическаго надзора за Парнассомъ. Можно не придавать рѣшающаго значенія аристократизму классиковъ и считать его общественнымъ и политическимъ признакомъ времени. Слѣдуетъ только помнить, какое воздѣйствіе обнаружилъ этотъ принципъ на искусство, на художественные и психологическіе пріемы поэтовъ, на идеи и формулы критиковъ.

Такъ какъ все человѣчество, кромѣ высокорожденнаго меньшинства было признано недостойнымъ предметомъ для господствующаго поэтическаго жанра, неминуемо, конечно, опредѣлился въ извѣстномъ направленіи драматическій строй пьесъ и характеристика дѣйствующихъ лицъ. И то, и другое одинаково безпощадно было вдвинуто въ рамки салонныхъ приличій, и подчинено эстетической формулѣ. Оба принципа шли рядомъ и какъ нельзя болѣе совпадали. Бѣдность, безличіе, удручающее однообразіе аристократическихъ будней и аристократическаго нравственнаго міра вполнѣ могли довольствоваться чистой риторикой монологовъ и сценами, лишенными всякаго дѣйствія. Неронъ, Цезарь, Александръ, низведенные до уровня галантныхъ любовниковъ, ихъ исторіи и эпохи, подогнанныя подъ мѣрку салоннаго этикета, могли въ теченіе всѣхъ пяти актовъ упражняться въ тожественныхъ краснорѣчивыхъ изліяніяхъ и ни на одну минуту не проявить *своей* подлинной индивидуальности.

Отсюда, едва ли не величайшіе два изъяна классицизма—полное пренебреженіе къ исторической перспективѣ и крайнее упро-

щеніе человѣческой психологіи. Французская трагедія, перебравшая почти всѣ эпохи и всѣхъ героевъ древности и среднихъ вѣковъ, воспроизводившая самыя отчаянныя коллизіи любовной страсти, въ родѣ противоестественныхъ увлеченій и потрясающихъ семейныхъ злодѣйствъ, не представила ни одного дѣйствительно историческаго лица и не раскрыла ни одной тайны нашей души. Это совершенно фантастическая дѣйствительность подъ покровомъ извѣстныхъ именъ и событій, и первобытный анализъ въ уборѣ крикливыхъ эффектныхъ фразъ. Это, однимъ словомъ, полная противоположность шекспировской поэзіи, неистощимой въ оригинальныхъ мѣстныхъ и историческихъ краскахъ, всецѣло построенной на изученіи *исторіи* и *личности*, а не приспособленной ко вкусамъ и нравамъ экзотическаго, одноцвѣтнаго, хотя и блестящаго общества одной эпохи.

Всѣ эти идеи и факты классицизма отнюдь не мимолетныя явленія, не достоянія одного вѣка, они духъ и плоть *всей* французской литературы. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ мы будемъ наблюдать два по существу однородныя теченія: или классицизмъ вновь пріобрѣтаетъ власть надъ писателями и публикой, въ своихъ подлинныхъ формахъ, или писатели усиливаются создать *отрицательный моментъ* для классицизма, найти ему совершенный *контрастъ* и установить господство этого контраста исконными *классическими* средствами, т. е. путемъ формулъ, системы, литературной школы и, слѣдовательно, неоффиціальной академіи. Но непремѣнно какой-нибудь академіи, все того же вѣчнаго «кружка друзей» и «редакціи ученыхъ».

Ясно, сущность культурная и психологическая нисколько не мѣняется, царитъ ли извѣстная система съ ея точными принципами, или на мѣсто ея становится другая съ совершенно обратными идеями. Творчество по прежнему ничего не пріобрѣтаетъ ни въ правдѣ, ни въ свободѣ. Нетерпимая формула вызываетъ столь же нетерпимую оппозицію и находитъ себѣ преемницу въ не менѣе рѣшительной такой же формулѣ. Классицизмъ требовалъ строгой, *узкой* благопристойности, во что бы то ни стало втискивалъ въ три единства и въ правила хорошаго вкуса какую угодно «не благопристойную» исторію, т. е. отъ начала до конца оставался совершенно равнодушнымъ къ дѣйствительности и къ оригинальнымъ стремленіямъ творческаго таланта.

Контрастъ этому деспотизму будетъ проповѣдь крайняго художественнаго реализма, непремѣнно крайняго, потому что борьба всегда пропорціональна силѣ сопротивленія. Если классикъ не признаетъ никого, кромѣ принцевъ, романтикъ на такой же пье-

десталъ возведетъ какъ разъ «безсмысленное стадо», низшіе слои народа. Классикъ говоритъ и ходитъ, будто произноситъ привѣтствіе на королевской аудіенціи и танцуетъ на балу у ея величества; романтикъ потребуетъ не свободы, а разнузданности въ рѣчахъ, вплоть до нарушенія правилъ грамматики, и заставитъ своихъ героевъ уже не ходить, а прыгать, бѣгать «опрометью», говорить «съ пламенѣющими щеками», стоять «будто пораженнымъ громомъ» и вообще походить на «сумасшедшихъ». Таковы подлинныя ремарки самыхъ искреннихъ враговъ классицизма.

Очевидно, это будетъ тоже система и, если угодно, въ своемъ родѣ также классическая, по своей прирожденной ненависти къ простотѣ, къ жизненному реализму, къ глубокой разносторонней психологіи. Классицизмъ Расина и Буало въ полномъ смыслѣ явленіе роковое. Оно, конечно, не могло бы возникнуть, если бы не коренилось въ самыхъ нѣдрахъ французскаго національнаго духа, не могло бы создать геніальнѣйшихъ произведеній искусства—на взглядъ даже современныхъ французовъ. И мы должны логически придти къ заключенію: *классическій духъ* -- подлинный выразитель французскаго творческаго генія, и онъ въ теченіе вѣковъ не измѣнилъ ни своей сущности, ни своего вліянія на литературу: онъ по прежнему система и школа, и менѣе всего — жизнь и вдохновеніе.

Это немедленно обнаружилось въ первую же *эпоху протеста*. Подъ ударами просвѣтительной мысли пали главнѣйшія основы стараго общественнаго строя — феодализмъ, католичество, даже вѣковая королевская власть, но классицизмъ только подновилъ свой внѣшній обликъ, и то далеко не во всѣхъ главнѣйшихъ произведеніяхъ вѣка.

V.

Зданіе классицизма, какъ искусства, начинало колебаться въ эпоху, повидимому, самаго пышнаго его разцвѣта. Насмѣшки Мольера надъ трагической напыщенностью и отвлеченнымъ героизмомъ являлись зловѣщимъ признакомъ. Крайне бѣдный запасъ драматическихъ эффектовъ и худосочная психологія классической трагедіи быстро истощились. Уже ближайшимъ преемникамъ Расина пришлось прибѣгать къ самымъ неправдоподобнымъ вымысламъ и хитросплетеннымъ романическимъ интригамъ. Кребильонъ, признанный наслѣдникъ великихъ классиковъ ранняго поколѣнія, переполнилъ свою сцену всевозможными ужасами и противоестественными преступленіями. Трагедія снизошла до школьнаго упражненія въ реторикѣ, и даже Вольтеръ, считавшійся самымъ свѣ-

дущимъ историкомъ въ теченіе XVIII-го вѣка, способствовалъ разложенію классицизма какъ разъ своими «историческими пьесами». Онѣ еще болѣе, чѣмъ трагедіи Расина, лишены реальнаго историческаго содержанія и представляютъ сцену для необузданной игры воображенія въ характерахъ и фактахъ.

Естественно, живой мертвецъ вызвалъ не мало охотниковъ дополнить агонію. Возникла такъ-называемая *мѣщанская драма*, совершенно порвавшая съ аристократизмомъ трагедіи, ея стихотворной формой и даже съ единствами. Не всѣмъ было легко отказаться отъ этого наслѣдства «великаго вѣка» Людовика XIV, и именно Вольтеръ оказался самымъ упорнымъ консерваторомъ въ области художественной критики. Онъ сдѣлалъ нѣсколько уступокъ вкусамъ новой общественной и политической силы—буржуазіи, но это не мѣшало ему колебаться между старымъ и новымъ направленіемъ до конца дней.

Нашлись болѣе отважные преобразователи, и первое мѣсто среди нихъ принадлежитъ Мерсье, краснорѣчивому критику, плодовитому драматургу, позже мужественному дѣятелю революціи.

Идеи Мерсье необычайно богаты и разносторонни. Онъ можетъ быть названъ предшественникомъ двухъ главнѣйшихъ литературныхъ школъ XIX-го вѣка — романтизма и натурализма. Насъ не должны смущать воспоминанія о жестокой междоусобной войнѣ этихъ направленій. Мы увидимъ, война, при всемъ шумѣ, касалась отнюдь на существенныхъ вопросовъ, не имѣла въ виду и даже не могла создать новыя основы искусства и критики. Въ романтизмѣ таилось множество сѣмянъ натуральнаго романа, и впослѣдствіи натурализмъ буквально повторилъ теоретическія и художественныя увлеченія своего врага. Снова повторяемъ, это общая судьба всѣхъ французскихъ литературныхъ теченій, какъ бы они на первый взглядъ ни разнились по цвѣту и направленію. Это своего рода круговое движеніе въ фатально ограниченныхъ предѣлахъ.

Мерсье воплощаетъ искреннѣйшую и послѣдовательную оппозицію классицизму, какъ теоріи и какъ искусству. На этомъ пути онъ во многомъ расходится съ энциклопедистами. Онъ совершенно не способенъ идти на какія бы то ни было сдѣлки съ основами стараго порядка, онъ исповѣдуетъ демократическій символъ вѣры безъ всякихъ оговорокъ въ идеяхъ и безъ малѣйшей уступчивости на практикѣ. Онъ не посѣщаетъ философскихъ салоновъ, не стремится просвѣщать знатныхъ дамъ и угождать ихъ утонченному вкусу и малому развитію, приспособляя новыя идеи къ старымъ формамъ трагедіи, посланія, или просто легкой болтовни.

У него свой кружокъ писателей, исключительно занятыхъ вопросомъ о народѣ и о чисто-демократической литературѣ. Естественно, Мерсье представилъ самый полный и энергическій протестъ противъ идейнаго и художественнаго содержанія старой литературы.

Прежде всего Мерсье романтикъ по своимъ эстетическимъ восторгамъ и по своему представленію о роли поэта. Онъ первый изъ французскихъ писателей классическимъ трагикамъ противоставилъ Шекспира,—пріемъ, усвоенный впослѣдствіи нѣмецкими и французскими романтиками. Мерсье восхваляетъ народность и реализмъ шекспировскаго творчества, французскіе классики въ его глазахъ ничтожные риѳмачи, *petits rimailleurs*, поглощенные одной лишь заботой о «благопристойности». И нѣтъ сомнѣнія, Мерсье понималъ Шекспира неизмѣримо лучше, чѣмъ современные французскіе критики, и не могъ, конечно, допустить мысли о грубѣйшихъ выходкахъ Вольтера противъ «пьянаго дикаря».

Столь же романтическая идея и характеристика поэта-трибуна, политическаго и даже соціальнаго дѣятеля въ прямомъ смыслѣ слова. Поэтъ-классикъ, забавникъ богачей и знатныхъ, теперь онъ явится защитникомъ несчастныхъ, ораторомъ угнетенныхъ, точнымъ воспроизводителемъ не красивыхъ пустяковъ тунеяднаго салоннаго общества, а подлинной дѣйствительности народнаго быта. Ни одна сцена у новаго драматическаго писателя не будетъ сочинена ради празднаго времяпрепровожденія: все будетъ проповѣдью и воплощеніемъ жизненной правды.

Но именно изъ демократическаго принципа и вытекаетъ вполнѣ послѣдовательно другая, не романтическая теорія искусства. Если вы хотите дѣйствовать на публику правдивымъ воспроизведеніемъ народной жизни, вы неминуемо придете къ реализму, и вопросъ, гдѣ вы съумѣете остановиться на этомъ пути. Судьба угнетенныхъ и несчастныхъ часто принимаетъ такія въ дѣйствительности вполнѣ реальныя формы, что на сценѣ или въ романѣ она окажется самымъ *натуралистическимъ* мотивомъ, можетъ произвести впечатлѣніе преднамѣренно мрачнаго вымысла.

Основатели мѣщанской драмы съ Дидро во главѣ впервые произнесли великое слово *реализмъ*, но оно, по неотвратимымъ условіямъ эпохи, сейчасъ же стало орудіемъ борьбы и, притомъ, самой безпощадной и нетерпимой. Классическая ложь въ искусствѣ и рабскіе инстинкты въ идеалахъ естественно должны были вызвать не менѣе *революціонныя* чувства, чѣмъ злоупотребленія въ области политики, напримѣръ, феодализмъ и католичество. И такъ какъ старая школа художественную красоту превратила въ жеманство и искусственныя прикрасы, новая ту же красоту броси-

лась искать на противоположномъ полюсѣ, въ отрицаніи самой красоты. У Мерсье впервые начинаетъ звучать знаменитое изреченіе романтиковъ: «отвратительное прекрасно», и, слѣдовательно, впервые полагается основаніе натурализма самаго крайняго направленія. Въ результатѣ получится формула и составится система, повидимому, уничтожающія классическій духъ, но на самомъ дѣлѣ воспроизводящія его во всей полнотѣ только на изнанку. Теорію натурализма можно цѣликомъ найти въ разсужденіяхъ Мерсье, только и помышлявшаго искоренить наслѣдіе классическихъ риемачей. Подчасъ Мерсье идетъ даже дальше Золя, потому что, кромѣ художественнаго фанатизма, имъ руководитъ еще и общественный протестъ.

Мерсье, конечно, требуетъ этнографически точнаго воспроизведенія на сценѣ народной жизни; герои-крестьяне должны являться въ своемъ будничномъ платьѣ, говорить своимъ грубымъ языкомъ, не щадя ни вкуса, ни взоровъ культурной публики. Всѣ подробности ихъ бѣдственнаго существованія будутъ раскрыты въ живыхъ драматическихъ сценахъ. Писатель примется искать сюжетовъ всюду, гдѣ особенно много фактовъ человѣческой несправедливости и всевозможнаго извращенія нравственныхъ законовъ. Онъ особенно внимательно воспользуется судебной хроникой, и безъ всякаго смягченія выведетъ на всеобщій позоръ людей-чудовищъ. Онъ пойдетъ дальше, проникнетъ въ тюрьмы, въ дома умалишенныхъ, и свои наблюденія также добросовѣстно сообщитъ публикѣ. Правда, картины эти могутъ вызвать у зрителей чувство ужаса, но именно такія впечатлѣнія и должны испытывать счастливцы и богачи, не знающіе темныхъ сторонъ жизни. Мерсье готовъ на дилемму—или приводить читателей въ содроганіе, или заставить ихъ не читать его произведеній.

Критикъ не ограничивался теоріей. Его драмы—тѣ же протоколы и документы, обстоятельное изложеніе судебнаго процесса чередуется съ подробнымъ докладомъ о положеніи, напримѣръ, рабочаго класса, о качествѣ продуктовъ, спускаемыхъ торговцами бѣднякамъ за дешевую цѣну. Декоративная обстановка сценъ у Мерсье нисколько не уступаетъ натуральнымъ драмамъ новѣйшаго происхожденія по основательности и откровенности.

Увлеченія Мерсье вызвали въ свое время насмѣшки, и, замѣчательно, сатиру на теоріи стараго драматурга можно безъ всякихъ поправокъ отнести на счетъ современныхъ золаистовъ. Тотъ же «репортажъ» съ заранѣе опредѣленной цѣлью набрать возможно болѣе исключительно мрачныхъ происшествій и героевъ, тотъ же фанатизмъ въ мелочахъ и разныхъ спеціальныхъ дан-

ныхъ, то же, наконецъ, забвеніе правды и жизни ради отвлеченно поставленной задачи.

И не слѣдуетъ думать, что Мерсье единственный въ своемъ родѣ ослѣпленный гонитель классицизма. Дидро, болѣе умѣренный и художественно чуткій, впадаетъ въ такія же крайности. Также возмущенный классической благопристойностью, онъ заставляетъ своихъ героевъ волноваться самыми глубокими чувствами и проявлять ихъ на сценѣ. Всѣ они изливаютъ «потокъ чувства», *un torent des sentiments*. Такъ выражается одинъ изъ нихъ; авторъ, съ своей стороны, употребляетъ чисто романтическія ремарки, въ родѣ *en sanglotant*, *en pleurant*, рядомъ, одновременно, и исполнителю, пожалуй, трудно было выполнить въ точности подобное указаніе—*рыдать* и *плакать*.

Восемнадцатый вѣкъ только первый опытъ борьбы противъ классицизма, и мы уже видимъ почти всѣ главныя идеи будущихъ школъ. Не достаетъ только рѣзкихъ словесныхъ формулъ для этихъ идей, но системы несомнѣнно намѣчены вполнѣ точно. Классическимъ законамъ противоставлены романтическіе и натуральные, и новый кодексъ, подобно своему предшественнику, налагаетъ руку одинаково и на талантъ писателя, и на предметъ искусства. Поэту нѣтъ безусловной свободы вдохновенія, а дѣйствительности нѣтъ безконтрольнаго доступа въ литературу. Новый поэтъ не долженъ упускать изъ виду основной задачи покончить съ классицизмомъ и съ его «благопристойностью». Цѣли этой можно бы достигнуть, просто отбросивъ въ сторону старый педантизмъ и искренне и свободно приблизившись къ самой жизни. Но французскій геній не можетъ допустить подобнаго беззаконія, надъ нимъ паритъ неистребимый духъ классицизма, и протестъ быстро формулируется въ новую теорію искусства, и съ этихъ поръ личное вдохновеніе такое же «безуміе», какъ и при классицизмѣ. Отсюда подавляющее изобиліе эстетическихъ разсужденій въ литературѣ XVIII-го вѣка. Свободнѣйшая, повидимому, эпоха въ каждомъ писателѣ находитъ законодателя и всѣ драматурги сначала пишутъ свои теоріи словесности—въ видѣ предисловій, а потомъ уже пьесы. Этотъ любопытный фактъ бросается въ глаза при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ чьими угодно сочиненіями—Дидро, Вольтера, Мерсье, Бомарше и ихъ безчисленныхъ послѣдователей. Совершенно такъ поступали и классики—Корнель и Расинъ, никогда не пропуская случая посвятить публику въ свою «систему».

Французскій поэтъ будто страшится недоразумѣній или оскорбительнаго равнодушія публики, если онъ не объяснитъ ей *разсудочныхъ* побужденій своего творчества. Такой-же политикѣ будутъ слѣдовать Гюго и Золя, и достаточно этого закона въ исторіи

французской литературы, чтобы оцѣнить своеобразныя пути ея развитія.

Они неизмѣнно отправляются отъ системъ и формулъ. Для нихъ личность автора и правда жизни несравненно менѣе важные принципы искусства, чѣмъ строгое соблюденіе «законовъ». Такъ именно будетъ выражаться самый «бурный геній» французскаго романтизма—Гюго. И мы, ознакомившись съ классицизмомъ и оппозиціей писателей XVIII-го вѣка, знаемъ сущность всѣхъ руководящихъ эстетическихъ идей вплоть до нашего времени.

Эта оппозиція была такъ же прервана ходомъ событій, какъ и политическія и всякія другія мечтанія просвѣтителей. Терроръ положилъ конецъ надеждамъ на идеальное и безпрепятственное преобразованіе стараго строя, и быстро привелъ къ бонапартовской имперіи. Наполеонъ, оставаясь корсиканцемъ и Тимуромъ новаго времени, былъ возстановителемъ дореволюціоннаго государственнаго порядка, на сколько его уму вообще были доступны идеи и факты гражданскаго и политическаго характера.

Естественно, возникновеніе новыхъ титуловъ, изобрѣтеніе новаго хитрѣйшаго придворнаго этикета, вообще необыкновенно точное воспроизведеніе *политической* комедіи мѣщанина во дворянствѣ, повлекло и обновленіе классицизма. Со сцены снова зазвучали имена античныхъ героевъ, напыщенные, трескучіе монологи, пустопорожностью содержанія далеко оставлявшіе за собой даже упражненія старыхъ классиковъ.

Послѣдніе отголоски просвѣтительной мысли и романтизма XVIII-го вѣка пріютились въ сочиненіяхъ г-жи Сталь, и здѣсь яростно преслѣдовались новѣйшими академическими блюстителями литературнаго порядка, усердными соревнователями Шатлэновъ и Буало.

Но все равно, какъ полицейскому и казарменному правленію Наполеона было далеко до историческихъ основъ старой исторіи, и никакому бонапартизму немыслимо было сравняться съ наслѣдственной, хотя и выродившейся властью бурбоновъ, такъ и новоявленнымъ классикамъ пришлось сыграть только интермедію въ вѣковомъ спектаклѣ французской литературы, на время занять мѣсто настоящихъ артистовъ. Все равно, какъ природа, одаривъ Бонапарта большими военными талантами, до послѣдней степени обидѣла его по части истинно-человѣческаго благородства и царственнаго великодушія, такъ и его «собственные» литераторы при самомъ мучительномъ усердіи проявляли удручающую бездарность и старались взять отвагой и совершеннымъ забвеніемъ литературности въ литературѣ.

Реставрація, смѣнившая имперію, легла, по остроумному выраженію современниковъ, на бонапартовское ложе, т. е. старалась сохранить монархическое наслѣдство Наполеона, и, по возможности, вернуться къ временамъ «красныхъ каблуковъ». Разсчеты—самые легкомысленные и дерзкіе, и они даже въ теоріи грозили неминуемой гибелью ископаемымъ политикамъ и философамъ.

Вся исторія реставраціи наполнена неукротимой борьбой либерализма съ «замогильными выходцами», какъ именовали злые языки вернувшихся въ Парижъ эмигрантовъ, спутниковъ и подданныхъ Бурбоновъ въ дореволюціонномъ смыслѣ. Борьба привела къ рѣшительному низверженію династіи, іюльская революція покончила въ политикѣ со всѣми вожделѣніями феодоловъ и правовѣрныхъ католиковъ.

Этому перевороту на общественной сценѣ соотвѣтствовало появленіе необыкновенно шумной и запальчивой литературной школы—романтизма. Глава ея прямо отожествлялъ свою роль въ искусствѣ съ перемѣнами въ области политики: романтизмъ, говорилъ онъ, то же самое въ поэзіи, что либерализмъ въ парламентѣ. Онъ могъ бы сказать еще яснѣе: именно политическій либерализмъ, окончательная, повидимому, побѣда конституціонныхъ порядковъ надъ пережиткою старой монархіи, и превратили Гюго, бывшаго монархиста, въ демократа—и вполнѣ послѣдовательно—литературнаго революціонера. Судьба искусства и теперь, какъ въ эпоху классицизма и просвѣщенія, неразрывно примыкала къ политической исторіи и новая теорія будетъ такъ же строго сообразоваться съ цѣлями новаго оппозиціоннаго теченія въ обществѣ, какъ раньше мѣщанская драма знаменовала наступающее торжество третьяго сословія. Мы можемъ сказать больше: романтизмъ Гюго былъ ни болѣе, ни менѣе, какъ той самой истиной, чьи разсѣянные лучи давно блистали въ страстныхъ рѣчахъ Мерсье.

VI.

Гюго приступилъ къ основанію новаго направленія съ безпримѣрнымъ эффектомъ. Появленіе на сцену романтизма готовится въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, слышится сначала будто отдаленный шумъ приближающейся арміи, въ воздухѣ пахнетъ порохомъ, кое гдѣ на горизонтѣ мелькаютъ отдѣльные застрѣльщики... Все это происходитъ еще при реставраціи, и только въ самомъ концѣ ея, наканунѣ революціи, появляется приснопамятный *манифестъ*—предисловіе къ драмѣ *Кромвель*.

Гюго къ этому времени уже глава и вождь. Въ его квартирѣ основалась настоящая революціонная академія, тѣсно сплоченный

кружокъ поэтовъ и критиковъ. Они пойдутъ за своимъ полководцемъ на жизнь и на смерть. Иначе вѣдь нельзя. Безъ кружка, безъ салона, безъ академіи немыслима литературная школа,—все равно, будетъ это гостиная титулованнаго мецената и оффиціальный храмъ безсмертія, или мансарда демократическаго трибуна, и сборище студентовъ и художниковъ. Гюго даетъ новое эстетическое уложеніе, его единомышленники станутъ защищать его искусство и его теорію совершенно тѣми же средствами, какъ это дѣлалось принцами и учеными дамами во времена Расина. Только защита будетъ гораздо шумнѣе и запальчивѣе, какъ и подобаетъ демократическому вѣку.

Что же такое романтизмъ Гюго?

Поэтъ и его друзья провозглашали свободу, либерализмъ, заявляли принципъ самаго неограниченнаго художественнаго творчества: «что существуетъ въ природѣ, то и въ искусствѣ». На сцену снова выступилъ Шекспиръ, какъ богъ-покровитель новой литературы. Классическая схоластика втаптывалась въ грязь и классиковъ даже не удостоивали сколько-нибудь приличнаго надгробнаго слова: до такой степени они казались презрѣнными! Объ академіи нечего и говорить. Она сама почувствовала своего врага и такіе либеральные политики, какъ Тьеръ, не могли отыскать у Гюго всего *четырехъ* стиховъ хотя бы только посредственныхъ. Очевидно, сраженіе происходило вполнѣ серьезное и противъ академіи съ исторической давностью выросла другая съ самыми необузданными надеждами на будущее.

Пылъ борьбы еще ярче сказывался въ публикѣ и критикѣ. Даже парламентъ послѣднихъ лѣтъ реставраціи не видѣлъ такихъ схватокъ, какія происходили на представленіяхъ драмъ Гюго. Это своего рода *Иліада* и *Одиссея* вмѣстѣ: столько романтикамъ потребовалось битвъ и столько всевозможныхъ приключеній по пути къ торжеству литературнаго либерализма! Въ театръ отряжались цѣлыя полчища молодежи, изобрѣтались особые костюмы—по возможности эксцентричные, часто партіи достигали совершенно воинственнаго азарта и въ публикѣ ходили слухи даже о готовящихся насиліяхъ и преступленіяхъ противъ личностей. Гюго могъ впослѣдствіи съ гордостью вспоминать объ этомъ періодѣ: еще ни одинъ поэтъ не приблизилъ до такой степени поприще искусства къ полю сраженія и не умѣлъ поднять столько страстей въ честь литературныхъ вопросовъ—и притомъ въ одну изъ самыхъ живыхъ политическихъ эпохъ. И все-таки,—въ результатѣ трагическій спектакль выходилъ по существу старой комедіей «много шуму изъ ничего».

Манифестъ Гюго, повидимому, самый основательный трактатъ о поэзіи новаго времени. Авторъ начинаетъ съ исторіи; затѣмъ, чтобы придти къ теоріи, разбираетъ факты прошлаго, чтобы построить зданіе будущаго. Путь — совершенно логическій. Но посмотрите, какъ его совершаетъ французскій эстетикъ!

Мы знаемъ, классики съумѣли привязать къ античной драмѣ неизвѣстную даже Аристотелю теорію единствъ, т. е. по своему формулировали одно изъ самыхъ свободныхъ произведеній поэтическаго генія и живое эллинское творчество замѣнили педантическими фокусами. То же самое совершаетъ и Гюго въ историческомъ обзорѣ литературы. Для него, какъ и для классиковъ, полнота и подлинность фактовъ не имѣютъ никакого значенія. Онъ стремится къ заранѣе намѣченной системѣ, и не обозрѣваетъ фактовъ, а подбираетъ ихъ, не объясняетъ, а перетолковываетъ. Тогда истинно-классическій, теперь романтическій пріемъ, позже станетъ научнымъ, натуралистическимъ въ рукахъ Тэна и этотъ послѣдній представитель *классическаго духа* даже откровенно признаетъ, что иначе нельзя и поступать съ критикою.

Исторія поэзіи, какъ она изложена у Гюго, удивительно напоминаетъ пресловутую классификацію фактовъ у Тэна. Оба автора безъ всякой пощады уродуютъ дѣйствительность, преспокойно вычеркивая изъ нея все для себя неудобное. Такъ, Гюго—первобытную поэзію считаетъ *лирической*, хотя библейскій разсказъ не подходитъ подъ этотъ жанръ. Дальше, новая поэзія непремѣнно будто бы *драматическая*, между тѣмъ какъ Эсхилъ, Софоклъ, Эврипидъ имѣютъ, вѣроятно, нѣкоторыя права считаться драматургами. Автору требовалась стройная лѣстница формулъ и онъ быстро поднялся до вершины, не примѣтивъ самыхъ краснорѣчивыхъ препятствій.

Тоже и въ характеристикѣ романтизма. Новая школа должна ввести въ искусство *смѣшное* — le grotesque. Оно должно создать типъ красоты, будто бы невѣдомый древнимъ. Античные поэты, по представленію Гюго, занимались исключительно только возвышеннымъ. героическимъ проявленіемъ красоты и не знали контраста.

Опять всякому легко припомнить Терсита изъ *Иліады*, Ира изъ *Одиссеи*—дѣйствующихъ лицъ, менѣе всего героическихъ и составляющихъ несомнѣнную противоположность настоящимъ «богоподобнымъ» и «богоравнымъ» героямъ въ родѣ Ахиллеса и Гектора.

Гюго могъ бы пойти дальше и изучить по тому же Гомеру удивительное разнообразіе психологіи именно въ тѣхъ періодахъ, которые кажутся особенно цѣльными и *одноцвѣтными*. Онъ могъ бы оцѣнить способность Ахиллеса—первостепеннаго воителя грековъ—

тосковать, проливать слезы и музыкой лиры заглушать боль оскорбленнаго сердца. Другой—такой же доблестный витязь—Гекторъ вдохновляетъ поэта на одну изъ трогательнѣйшихъ сценъ во всей европейской поэзіи—прощанія съ женой и сыномъ.

Греки жили слишкомъ полной и свободной жизнью, были одарены слишкомъ глубокимъ и естественнымъ даромъ творчества, чтобы ихъ поэзію можно было заключить въ какую-нибудь отвлеченную схему. Умъ французскаго критика, воспитанный на фанатической систематизаціи искусства, внесъ тотъ же духъ и въ чужую литературу, и въ свою собственную школу.

Онъ могъ быть правъ, возмущаясь психологической безпомощностью французскихъ классиковъ. Расины и Корнели умѣли воплощать только одну страсть, т. е. и человѣческую природу сводили къ единообразію и строжайшему формализму. Гюго имѣлъ всѣ основанія протестовать и, какъ истый французскій преобразователь, немедленно впалъ въ противоположную крайность.

Герои классиковъ — простыя отвлеченія, герои романтиковъ будутъ соединеніе непримиримыхъ контрастовъ, Кромвель явится и шутомъ, и злодѣемъ, въ другихъ драмахъ будутъ чередоваться мотивы гротеска съ самыми грандіозными рѣчами и сценами. Но такъ какъ все это будетъ взято не изъ дѣйствительности, создано не на основаніи наблюденій и свободнаго творческаго процесса, а путемъ разсудка, съ цѣлью удовлетворить теоріи, въ результатѣ и романтикъ не больше классиковъ приблизится къ дѣйствительно-человѣческой жизни и психологіи.

Всѣ эти Кромвели, Рюи Блазы такія же выдуманныя фигуры и странныя явленія, какъ и прежніе Нероны и Александры. Пожалуй, даже въ новыхъ герояхъ еще меньше индивидуальности, чѣмъ въ старыхъ: романтикъ задается извѣстнымъ политическимъ принципомъ и олицетворяетъ въ дѣйствующихъ лицахъ тѣ или другія общественныя идеи. Такъ, Рюи Блазъ долженъ представлять народъ, донъ-Саллюстій и донъ-Цезарь—дворянство въ эпоху государственнаго упадка. У романтика быстро сложатся такія же психологическія формулы, какъ и у классиковъ. Маріонъ Делормъ—чисто идеальное понятіе въ поэзіи Гюго, такое же, какимъ для Расина была *вообще* принцесса, дама знатной породы. О развитіи характеровъ не можетъ быть и рѣчи. Они появляются готовыми на сцену, опять-таки по классическому обычаю, и весь драматизмъ заключается въ эпизодахъ и сценическихъ положеніяхъ. Контрасты чередуются совершенно механически, распредѣлены по извѣстному надуманному плану.

Въ результатѣ, мы сколько угодно можемъ упиваться благо-

родными идеями поэта и необыкновенно доблестными героями; его драмы столь же далеки отъ художественной жизненной правды и столь же мало имѣютъ общаго съ анализомъ человѣческой души, какъ и всякія риторическія упражненія на заранѣе поставленныя темы.

А между тѣмъ, Гюго для своей теоріи требовалъ *безусловнаго* господства въ литературѣ и на сценѣ. Онъ искренне считалъ себя обладателемъ непогрѣшимой окончательной истины, т. е. всеобъемлющей формулы. Въ искусствѣ, говорилъ онъ, не должно быть ни этикета, ни анархіи, а *законы*. Но поэтъ забылъ, что слово этикетъ само по себѣ вовсе не такое тлетворное, и *законы* могутъ создать условія, не менѣе стѣснительныя, чѣмъ какой угодно этикетъ. У классиковъ былъ аристократическій тонъ, у романтиковъ могутъ явиться не менѣе обязательныя правила демократическаго поведенія. Зло не въ направленіи поэзіи, а именно въ томъ фактѣ, что сами поэты не могутъ представить искусство безъ спеціальнаго надзора не за общественными идеалами литературы, а *за пріемами* творчества. Они никакъ не могутъ дорости до мысли: пусть всякій, кто одаренъ художественнымъ талантомъ, по своему воспроизводитъ жизнь и изучаетъ душу. Нѣтъ. Если ты хочешь быть передовымъ авторомъ, ты обязанъ непремѣнно въ самыхъ яркихъ краскахъ изображать *гротескъ*, потому что ты протестуешь этимъ противъ классическаго этикета. Потомъ, въ человѣческомъ нравственномъ мірѣ ты долженъ открыть страшную смуту страстей, настоящій хаосъ настроеній и отмѣтить ихъ такими ремарками: *глаза воспламеняются* или *погруженъ въ ангельское созерцаніе* (*absorbé dans une contemplation angélique*)... И все это опять затѣмъ, чтобы наповалъ сразить благопристойное однообразіе противниковъ.

Естественно, романтикъ, подобно своимъ учителямъ прошлаго вѣка, прямымъ путемъ дойдетъ до натурализма. «Да здравствуетъ природа, грубая и дикая—*brute et sauvage*!» — воскликнутъ ученики Гюго, и романтическая идея о значеніи *отвратительнаго* въ искусствѣ цѣликомъ перейдетъ въ противоположный лагерь.

Золя въ теченіе многихъ лѣтъ будетъ вести необыкновенно шумную войну съ риторами и музыкантами, т. е. съ послѣдователями Гюго. Но по существу обѣ стороны на почвѣ искусства отлично могли бы примириться. Золя такой же романтикъ, только безъ принципіальныхъ задачъ политическаго сдержанія: натурализмъ—безъидейный, негражданскій романтизмъ, а романтизмъ — общественно-тенденціозный натурализмъ. Эти опредѣленія будутъ самыми вѣрными.

Правда, Золя прибавитъ нѣчто уже совсѣмъ новое въ смыслѣ современнаго прогресса: онъ введетъ *научность* въ свою грубую и дикую природу. Съ нимъ рядомъ явится критикъ и даже психологъ съ той же идеей относительно художественоой литературы, и они вмѣстѣ создадутъ новую школу, пока послѣднюю, съ такой точной, чисто-французской системой, съ такими математически-простыми формулами. Но именно эта школа и докажетъ все безсиліе французскаго генія вступить на единственно-законный, естественный путь литературнаго развитія, отдѣлить вдохновеніе отъ разсудка, т. е. творческое воспроизведеніе явленій дѣйствительности не замыкать въ преднамѣренно изобрѣтенныя отвлеченныя рамки. Поэтъ не ораторъ, художникъ—не діалектикъ: такія простыя понятія. А между тѣмъ, три вѣка французская критика бьется надъ смѣшеніемъ и даже отожествленіемъ двухъ различныхъ способностей человѣческаго духа.

Никто не станетъ доказывать совершенную независимость творчества отъ разума: это другая крайность,—распущенность такъ-называемыхъ бурныхъ геніевъ. Истина одинаково далека и отъ «геніальнаго безумія», и отъ деспотическихъ формулъ, она въ личной свободѣ художника, предоставленнаго контролю своего же личнаго разума, она въ гармоническомъ единеніи образовъ и идей, и отнюдь не въ рабствѣ тѣхъ и другихъ предъ какимъ бы то ни было эстетическимъ уставомъ, будь то салонный этикетъ или «законы» литературнаго либерализма.

Золя и Тэнъ не только не овладѣли этой истиной, а произвели надъ ней гораздо болѣе жестокое насиліе, чѣмъ всѣ ихъ предшественники.

VII.

Идеи натуральной школы, одно изъ любопытнѣйшихъ явленій вообще въ исторіи человѣческой мысли. Самымъ отважнымъ романтикамъ врядъ-ли удалось бы измыслить два такихъ изумительныхъ контраста рядомъ, какъ *научная критика* и *экспериментальный романъ*. Нашему столь положительному и скептическому вѣку суждено было присутствовать при союзѣ умилительнѣйшей въ мірѣ наивности съ небывалыми философскими претензіями. Будто малолѣтній школьникъ, легкомысленный и беззаботный, нарядился въ величественный уборъ какого-нибудь средневѣкового изобрѣтателя философскаго камня!

Прежде всего, что такое *экспериментальный романъ?*

Отвѣчаетъ Золя:

«Экспериментальный романъ есть слѣдствіе научнаго развитія нашего вѣка; онъ захватываетъ и дополняетъ физіологію, которая сама опирается на физику и химію; замѣняетъ изученіе абстрактнаго, метафизическаго человѣка изученіемъ человѣка естественнаго, подчиненнаго физико-химическимъ законамъ и опредѣляемаго вліяніемъ среды; однимъ словомъ, онъ—литература нашего научнаго вѣка, подобно тому, какъ классическая и романтическая литература сооотвѣтствуютъ вѣку схоластики и теологіи».

Коротко и ясно, и, главное, очень энергично. Осуждены, повидимому, безнадежно всѣ заблужденія прошлыхъ временъ—«Долой всѣ теоріи!»,. «Опаснымъ мечтаніямъ нѣтъ мѣста!» восклицаетъ глава новой школы, раздавая удары по адресу академическаго педантизма и романтической идеологіи.

На основаніи физіологическихъ разсужденій Клода Бернара, Золя разъ навсегда причисляетъ романистовъ къ сонму ученыхъ, физіологовъ и химиковъ. Разницы никакой. «Для всѣхъ человѣческихъ явленій существуетъ безусловный детерминизмъ», и литераторъ имѣетъ право анализъ личности и общества отожествлять съ опытами знаменитаго естествоиспытателя. Получается совершенно «новая формула». Непремѣнно формула, иначе не будетъ порядка въ развитіи новаго искусства.

Въ чемъ же заключается эта формула?

Золя съумѣлъ только рѣчь Клода Бернара приспособить къ своимъ романамъ, т. е. подставилъ слово литература тамъ, гдѣ у его авторитета читалась медицина, и безъ всякихъ затрудненій *опыты* химика отожествилъ съ *наблюденіями* писателя. На помощь компилятивному теоретическому труду Золя явится Тэнъ и представитъ уже настоящую полную систему научной критики.

Исходная точка таже: идея деспотизма. Человѣкъ—автоматъ, его нравственный міръ—часы, всѣ процессы совершаются по строго опредѣленнымъ законамъ, совершенно такимъ же, какъ, напримѣръ, пищевареніе.

И Тэнъ проведетъ параллель между химическимъ анализомъ и психологіей, пріемами физіолога и критика, параллель, до послѣдней черты неуклонную, свидѣтельствующую о *совпаденіи* методовъ естественнонаучнаго и критическаго. Напримѣръ, «совокупность 20 тысячъ фразъ», составляющихъ *Пантагрюэля*, равносильна «превращенію пищи» въ желудкѣ, и философія Раблэ, его личный характеръ столь же опредѣленныя данныя, какъ составъ желудочнаго сока—ферментъ, пепсинъ, кислота.

Правда, вы можете замѣтить, пепсинъ подлежитъ непосредственному вашему *анализу* и анализъ даетъ всегда тожествен-

ные результаты относительно одного и того же химическаго тѣла, между тѣмъ какъ душа человѣка можетъ быть только *наблюдаема* по внѣшнимъ проявленіямъ ея силъ и свойствъ и выводы изъ наблюденій, у разныхъ наблюдателей, получаются часто совершенно противоположные.

Ничего не значитъ. «Психологическій анализъ—родъ химіи», безчисленное число разъ повторяетъ авторъ и доходитъ до отожествленія наблюденій психіатровъ съ «видоизмѣненіями» элементовъ, какія химики могутъ производить при своихъ опытахъ.

Это только первый шагъ. Дальше Тэнъ постарается человѣка низвести къ продукту, столь же простому, какъ, напримѣръ, сахарный сиропъ. Какой угодно талантъ, исключительная личность—произведенія опредѣленныхъ естественныхъ силъ, и въ результатѣ геній и весь нравственный міръ не болѣе, какъ одна какая-либо *преобладающая способность.* Поэтому, достаточно изучить расу, среду, эпоху, и можно заранѣе предсказать психологію писателя и, слѣдовательно, содержаніе его произведеній.

Обратите вниманіе на эту удивительную идею о *преобладающей способности* и *механизмѣ* душевнаго развитія. Развѣ вамъ не слышатся отголоски самаго подлиннаго классицизма съ его вѣчнымъ стремленіемъ низвести человѣка къ одной страсти и драматизировать только эту страсть? А эта математическая формула, такъ выражается самъ критикъ, развѣ не идеальное проявленіе классическаго духа, создавшаго геометрически-правильные сады Ленотра и безукоризненно-*разумныя* трагедіи Расина? Идея научности вооружила руку критика на такое *уродованіе дѣйствительности*—такъ выражается другъ и поклонникъ Тэна,—что даже классическая психологія и эстетика въ сравненіи съ тэновскими характеристиками Шекспира, Байрона и многихъ другихъ поэтовъ и государственныхъ людей кажется либеральной и разносторонней.

Классики просто не признавали Шекспира, Тэнъ его возвеличилъ, но предварительно до неузнаваемости исказилъ и душу, и геній англійскаго драматурга. Въ бѣсноватомъ, отрѣшившемся отъ преградъ разсудка и морали, никто, конечно, не узнаетъ автора *Гамлета*, *Лира*, *Макбета*. Никому также неизвѣстенъ и Байронъ, невмѣняемый маньякъ, до послѣдняго нерва одержимый противообщественными страстями. Таковы плоды психологической химіи въ критикѣ!

Но для насъ не столько важны выводы Тэна, сколько сущность его критическаго направленія. Оно самое деспотическое, бездушно-формальное изъ всѣхъ системъ, существовавшихъ во Франціи. Оно идеей автоматизма убило всякое представленіе даже о нрав-

ственной свободѣ личности. Что же касается таланта, вдохновенія, они утратили всякое самостоятельное значеніе, разъ весь духовный міръ человѣка являлся неотразимымъ выводомъ изъ внѣшнихъ посылокъ.

Никто безпощаднѣе Тэна не обращался съ фактами исторіи и психологіи. Операціи классиковъ съ античными героями простительны: Расинъ не выдавалъ себя за химика и натуралиста, но что сказать о психологѣ и историкѣ, почерпнувшемъ свои принципы въ естественныхъ наукахъ, и своей дѣятельностью вызвавшемъ у благосклоннѣйшаго критика-историка такой отзывъ:

«Для Тэна все сводится къ задачѣ по динамикѣ: видимая вселенная наравнѣ съ человѣческой личностью, произведеніе искусства и историческое событіе. Каждая изъ этихъ задачъ составляется изъ самыхъ простыхъ элементовъ. Рискуя даже искалѣчить дѣйствительность, Тэнъ добивается рѣшенія съ непоколебимой строгостью математика, доказывающаго теорему, логика, составляющаго силлогизмъ. Если предъ нимъ писатель или артистъ онъ *вводитъ* то, чѣмъ каждый изъ нихъ долженъ быть благодаря расѣ, средѣ и эпохѣ (моменту); потомъ, когда онъ уловилъ господствующую способность его натуры, онъ *выводитъ* изъ нея всѣ его дѣйствія и всѣ его произведенія».

Болѣе вѣрнаго пути, чѣмъ подобная критика, нельзя и вообразить для полнѣйшаго извращенія достовѣрнѣйшихъ фактическихъ данныхъ. И это называлось естественно-научнымъ анализомъ, научной психологіей и исторіей литературы! *).

Тэнъ не только съ легкимъ сердцемъ совершалъ безпримѣрно-фантастическіе опыты надъ писателями и историческими событіями, но внесъ не малую лепту и въ гордый полетъ натурализма: «то, что историки дѣлаютъ относительно прошедшаго, великіе романисты и драматурги дѣлаютъ относительно настоящаго». Это заявленіе вполнѣ совпадало съ научными претензіями Золя и, естественно, глава натурализма послѣ тэновскихъ натуралистическихъ изслѣдованій въ области искусства еще болѣе утвердился на пьедесталѣ «экспериментатора» и «физіолога».

Въ результатѣ—экзекуціи научной критики вполнѣ достойно дополнялись натуральнымъ творчествомъ. И тамъ, и здѣсь водворялся репортажъ, фанатическая погоня за отдѣльными фактами, съ мучительнымъ стремленіемъ во что бы то ни стало вогнать ихъ въ извѣстныя *группы* и создать *систему*. И критики, и романи-

---

*) Подробная оцѣнка ученой и критической дѣятельности Тэна—см. наши статьи, «*Русское Богатство*», январь—апрѣль 1896 года.

сты на своихъ поприщахъ договорятся до истинно-гомерическихъ откровенностей. Оба—*ученые* и *натуралисты*—они представятъ единственные въ своемъ родѣ образцы комическаго ослѣпленія и несовершеннолѣтней наивности.

Тэнъ прямо заявитъ: «историкъ стремится (court) къ общей идеѣ путемъ фактовъ, *которые доказываютъ ее*», и разсказъ историка становится занимательнымъ именно потому, что «факты выбраны» и «расположены въ извѣстномъ порядкѣ». Выборъ и расположеніе фактовъ—единственныя цѣли историка, полнота свѣдѣній и вдумчивость въ дѣйствительность *ради нея самой*, *ради жизненной правды*—все это понятія, совершенно невѣдомыя критику. Онъ искренне пишетъ слова *choisir parmi les faits*, гордится «молніями» своего «воображенія», способными «резюмировать теоріи» и «въ шести строкахъ» изображать портреты, и ни на минуту не задумывается надъ убійственнымъ смысломъ своего краснорѣчія,—убійственнымъ нетолько для какой бы то ни было научности, а просто для сколько-нибудь добросовѣстнаго историческаго труда.

Золя, конечно, нечего отставать отъ критика, и его *формула* ничѣмъ не уступаетъ тэновской. У него тоже бездна записныхъ книжекъ, цитатъ изъ газетъ, личныхъ репортерскихъ записей: все это документы общественной физіологіи. Чтобы написать романъ, надо ихъ распредѣлить по группамъ и произвести *выборъ между фактами*.

Цѣль выбора подсказана давно положеніемъ натурализма въ современной литературѣ. Онъ явился протестомъ противъ романтиковъ-идеалистовъ, противъ ихъ громкой и восторженной реторики, противъ культа героизма. На сторонѣ романтиковъ были *идеи*, политическіе и нравственные принципы, натурализмъ долженъ заняться одной *правдой*, жизнью какъ она есть, безъ всякихъ красивыхъ освѣщеній. Но *правда* натурализма будетъ своеобразной правдой, *полюсомъ* для романтическихъ образовъ. И такъ какъ въ этихъ образахъ можно открыть все, что угодно, только не реальную психологію живыхъ людей, натурализмъ создастъ *контрастъ*, возьметъ тѣ же романтическіе образы, только наизнанку. Небывало-благороднымъ героямъ и на рѣдкость величественнымъ происшествіямъ будутъ противопоставлены столь же исключительно-отвратительныя порожденія зла и разсказаны исторіи безпросвѣтно-темныхъ инстинктовъ.

Такое нравственное и психологическое содержаніе натурализма вполнѣ подойдетъ подъ общее культурное настроеніе эпохи. Она—вся разочарованіе въ идеяхъ и идеалахъ, она, устами того же Тэна, произноситъ смертный приговоръ нашимъ надеждамъ ви-

дѣть когда-нибудь человѣка свободнымъ отъ звѣрскихъ наклонностей уничтожать ближняго. Царство силы вѣчно и «охота за дичью» не прекратится въ той или другой формѣ до послѣднихъ дней нашей планеты. Тэнъ даже возмущался воспитателями, внушающими юношамъ идею совмѣстной общественной работы и заставляющими ихъ преступниковъ считать явленіемъ отрицательнымъ и ненормальнымъ. Напротивъ. Преступники только выраженіе исконнаго порядка въ людскомъ обществѣ—звѣрской борьбы за личный интересъ.

Эта философія цѣликомъ вошла въ историческіе труды Тэна о революціи и легла въ основу научнаго романа Золя.

«Опаснымъ мечтаніямъ нѣтъ въ немъ мѣста,—говоритъ авторъ;—зло изображается во всемъ его ужасѣ, паденіе обставлено всей грязью и всѣми муками, являющимися его послѣдствіемъ, и всегда приходишь неизмѣнно къ тому выводу, что добродѣтель и счастье заключаются въ логикѣ, въ признаніи правды, въ равновѣсіи человѣка съ природой, его окружающей».

Слова, на первый взглядъ, вполнѣ основательныя. Но вопросъ, что признавать логикой и правдой и съ какой природой находиться въ равновѣсіи? А потомъ, какъ отдѣлить *мечтанія* отъ *логики* и согласоваться съ природой не значитъ ли подчиняться ей?

Тэнъ и Золя, принципіальные враги идеализма и романтической школы, предвосхитили правду и логику даже раньше фактовъ: это—правда разочарованія или равнодушія и логика зла. А природа—сплошная сцена борьбы за существованіе, торжества стихійной силы надъ слабостью. Таковъ, по мнѣнію нашихъ «натуралистовъ», выводъ современной науки.

Въ результатѣ, человѣкъ Золя будетъ *человѣкъ-звѣрь*, а логика—*ужасъ*, *грязь* и *муки*. И все это овладѣетъ литературой вовсе не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ жизнь представляла неистощимую сокровищницу только золаическихъ документовъ—нѣтъ, а потому, что у писателя *новая формула*. И на этотъ разъ она гораздо повелительнѣе, чѣмъ раннія формулы классицизма и романтизма: она—выводъ изъ опытныхъ наукъ, она—въ художественномъ и психологическомъ смыслѣ та же *химія* и тотъ же *анализъ*, какими живетъ современное естествознаніе.

Кромѣ столь эффектнаго научнаго капитала, натурализмъ въ томъ же естествознаніи почерпнулъ и еще одну, въ высшей степени удобную и вполнѣ современную идеи. Ученые производятъ опыты, не задаваясь никакими нравственными цѣлями, не вмѣшивая ни политическіе, ни общественные интересы въ свои изслѣдованія. Такъ же должны держать себя писатели. Золя чув-

ствуетъ непреодолимое отвращеніе къ политикѣ, не находитъ достаточно презрительныхъ выраженій заклеймить простѣйшую борьбу и парламентскія пошлости — *les misères parlementaires*, какъ выражался Сентъ-Бёвъ. Это общее настроеніе новѣйшихъ французскихъ знаменитостей. Тэнъ также не зналъ, куда скрыться отъ шумнаго политическаго свѣта, Ренанъ даже превратился въ драматурга съ цѣлью написать памфлетъ на современную демократію. Еще умѣстнѣе, конечно, идейное безразличіе у *экспериментатора*.

Но опять фразы одно, а результаты совершенно другое. Золя жестоко возмущался, когда Тэнъ безпрестанно завѣрялъ своихъ читателей въ своемъ безпристрастіи *натуралиста* и въ способности изслѣдовать историческія событія будто растенія и животные организмы, а на самомъ дѣлѣ сочинилъ единственный въ своемъ родѣ пасквиль на узкую историческую эпоху и ея дѣятелей. Это, дѣйствительно, цѣлое бревно въ глазу ученаго, но не мѣшало бы Золя оглянуться и на самого себя.

Правда, въ немъ ничего нѣтъ *политическаго*, это гражданинъ, по закону Солона, вполнѣ заслуживающій изгнанія изъ своего отечества, но *моралистъ* очень яркій и опредѣленный, до такой степени, что именно морали Золя болѣе обязанъ популярности, чѣмъ таланту. Онъ усиленно старается защитить себя отъ упрековъ въ порнографіи и содержаніе своихъ романовъ пристегиваетъ къ научной системѣ. Но въ то же время онъ литературный талантъ ставитъ внѣ какихъ бы то ни было нравственныхъ обязательствъ. Слейте эту мысль съ «трезвымъ» философскимъ міросозерцаніемъ Тэна и того же Золя, и совершенно логически получится именно нравственная формула: чѣмъ больше грязи, тѣмъ больше правды.

А потомъ судьба натурализма еще при жизни самого учителя ясно обнаружила внутреннія язвы экспериментальнаго романа. Онъ вызвалъ оппозицію, не менѣе рѣшительную, чѣмъ его собственная война съ риторами и идеалистами.

VIII.

Въ противовѣсъ натуралистическому культу звѣрской природы и отвратительной дѣйствительности, возникли давно забытые восторги, чистые предъ таинственнымъ и прекраснымъ. Это единственное оправданіе символизма. Онъ знаменовалъ пресыщеніе *грязью* и *ужасами*, и обнаружилъ стремленіе спастись въ область того самаго *l'inconnu*, о которомъ съ невыразимымъ презрѣніемъ

отзывался Золя. Утомленные стонами и оргіями, омутами и застѣнками, люди возжаждали сладкихъ звуковъ и небеснаго далека.

Даже больше. По исконному обычаю французовъ клинъ выбивать такимъ же клиномъ, символисты однимъ взмахомъ крыльевъ улетѣли не только отъ золаической грязи, а вообще отъ бренной земли. Если Золя подборомъ документовъ умѣлъ создать ультра-дѣйствительность, если такъ можно выразиться, его оппоненты устранили вообще дѣйствительность и стали воздѣлывать до такой степени утонченное, неуловимое содержаніе, что поэзія превратилась въ звуки безъ всякаго общедоступнаго опредѣленнаго смысла, не только идейнаго, а даже грамматическаго. Золя разсчитывалъ на публику съ самымъ первобытнымъ эстетическимъ пониманіемъ, можно сказать, съ однимъ физіологическимъ чутьемъ, новая школа объявила своей славой и гордостью—творить только для немногихъ посвященныхъ и достоинство произведенія соразмѣрять степенью его невразумительности.

Однимъ словомъ, символизмъ такое же *напряженное* и *разсчитанное* отрицаніе натурализма, какимъ была романтическая «свобода» относительно этикета. И естественно, при всей небесной воздушности формъ и эфемерности смысла, символисты неминуемо выработали также свою *формулу*. Даже и не требовалось ея вырабатывать: она логически подсказывалась положеніемъ, какое занялъ символизмъ рядомъ съ натуральнымъ романомъ, такъ же, какъ и романтическіе «законы» непосредственно вытекали изъ воинственнаго натиска романтиковъ на «красные каблуки».

Символизмъ не заслуживаетъ самъ по себѣ серьезнаго вниманія: онъ лишь временный отрицательный моментъ. Но въ общей исторіи французскаго творчества онъ краснорѣчивое звено. Онъ возникъ одновременно и рядомъ съ импрессіонистской критикой и явился дѣтищемъ одного и того же культурнаго процесса. Импрессіонизмъ—критика *впечатлѣній*—антиподъ критикѣ *теорій* и *принциповъ*, т. е. критическому догматизму.

Если мы вникнемъ въ психологическую суть новѣйшаго направленія, мы непремѣнно придемъ къ ясному чувству разочарованія въ какихъ бы то ни было разсудочныхъ правилахъ художественнаго творчества и къ проблескамъ сознанія великаго значенія свободы. Въ этомъ чувствѣ и сознаніи положительная черта импрессіонизма.

Онъ правъ, пока отрицаетъ и классическую схоластику, и мнимонаучный формализмъ. Онъ правъ даже, выдвигая на первый планъ *впечатлѣнія* въ области искусства и отдавая имъ предпочтеніе предъ «этикетомъ» и «законами». До этихъ предѣ-

ловъ импрессіонизмъ имѣетъ извѣстный историческій смыслъ, такъ какъ и оппозиція символистовъ обладаетъ долей истины. Но дальше начинается чисто французскій оборотъ дѣла: разъ, ни схоластическій, ни политическій, ни научный догматизмъ въ искусствѣ и въ критикѣ не нашелъ почвы, пусть не будетъ не только догматизма, а вообще ничего сколько-нибудь похожаго на *опредѣленный взглядъ*.

Были цѣпи, теперь полнѣйшая свобода, на каждомъ шагу назойливо бросались въ глаза неотразимо проводимая теорія, школа, теперь прочь даже простую послѣдовательность впечатлѣній, и чѣмъ сужденія объ одномъ и томъ же предметѣ будутъ чаще и рѣшительнѣе противорѣчить другъ другу, тѣмъ критика вѣрнѣе приблизится къ идеалу.

Древніе софисты, отвергая безусловную истину, говорили: «человѣкъ—мѣра вещамъ». Импрессіонисты идутъ гораздо дальше: не человѣкъ, а его минутное настроеніе, часто едва уловимое ощущеніе—мѣра и истинѣ, и красотѣ. Объ искусствѣ нельзя *поучать*, можно только разсказывать о своихъ волненіяхъ. И Лемэтръ чувствуетъ такое же отвращеніе къ Золя и натурализму, какъ и символисты. Въ натурализмѣ очень много *формулъ*, *школы* и *системы*: Лемэтръ хочетъ быть свободнымъ, какъ вѣтеръ пустыни...

Но, снова повторяемъ, пусть слово свобода не чаруетъ вашего слуха: помните, оно произносится не во имя божества, а съ цѣлью искоренить его враговъ. Слѣдовательно, съ самаго начала сторонники свободы не свободны, они во власти страсти, одушевлены гораздо больше ненавистью къ своимъ противникамъ, чѣмъ любовью къ истинѣ, дѣйствуютъ скорѣе подъ вліяніемъ запальчивости, чѣмъ вдумчивой мысли и внутренняго влеченія къ правдѣ.

Въ результатѣ, нравственная цѣна провозглашенной свободы крайне невысока. Изъ страха впасть въ догматизмъ и идейность, импрессіонистъ спускается до уровня самаго банальнаго, такъ называемаго здраваго смысла. Принципы его художественныхъ впечатлѣній—умѣренность и аккуратность. Все, что̀ сколько-нибудь выше буржуазнаго, будничнаго опыта, Лемэтръ считаетъ чудовищнымъ и мистическимъ. Отсюда его презрѣніе къ русской литературѣ, переполненной слишкомъ, на его взглядъ, фантастическими и туманными мотивами. Здѣсь же отчасти и причина его ненависти къ романтизму, дѣйствительно весьма грѣшному въ преувеличеніяхъ по части героизма. Лемэтръ признаетъ только мудрость—практическую и вполнѣ осязательную—*une sagesse à la portée de la main*. Онъ прирожденный врагъ умственныхъ усилій и слишкомъ глубокихъ волненій: это—натура эпикурейская, чув-

ственная и пассивная. Она, очевидно, какъ нельзя болѣе приспособлена къ смѣнѣ совершенно бездѣльныхъ впечатлѣній и ни къ чему не обязывающихъ сужденій.

Понятно, симпатичнѣе всѣхъ писателей Лемэтру долженъ казаться классикъ въ родѣ Расина. Въ сущности, классическая трагедія тоже игра, салонное красивое развлеченіе, а идеалы Расина самые кроткіе и благонамѣренные, и Лемэтръ провозгласитъ его образцовымъ французомъ!

Дѣйствительно, трудно еще отыскать болѣе невинный и усладительно-спокойный спектакль, чѣмъ танцующія фигуры и музыкальнѣйшіе въ мірѣ монологи классическаго трагика!

И онъ—*le français de France*, *французъ Франціи*, *типъ французскаго генія*! Это выраженія импрессіониста, и поучительнѣе ихъ трудно и представить. Новый критикъ не хочетъ ни теорій, ни классификаціи, ни особенно «поученій юношеству». Онъ поэтому отвергаетъ академическую піитику и романтическій либерализмъ, но спасетъ Расина ради его безобидности и умѣренности, ради его духовнаго родства съ современными мѣщанскими идеалами—se laisser aller et se laisser vivre, жить потихоньку день за день, пользуясь, по возможности, пріятными впечатлѣніями. Лемэтръ, напримѣръ, даже вообразить не можетъ ничего очаровательнѣе Парижа и парижскихъ бульваровъ, ничего благороднѣе и разумнѣе *парижскаго духа—l'esprit parisien*. Во имя этихъ прелестей онъ и ополчился на «славянщину» и вообще на «варваровъ» — гр. Тостого, Ибсена, Достоевскаго. Эти дикари грозили разрушить зачарованный кругъ эпикурействующаго Жоржа Дандэна.

Таковъ эстетическій и нравственный полетъ современной литературной философіи во Франціи! Мы видимъ, при всемъ отвращеніи импрессіонистовъ къ поученіямъ и системамъ, у нихъ неизбѣжно составилось свое маленькое законодательство: не выше бульвара и не дальше Булонскаго лѣса!

Какого содержанія можетъ быть искусство, вдохновляемое подобной критикой? Въ натурализмѣ есть извѣстная сила, смѣлость, мало всесторонней правды, творческаго воспроизведенія дѣйствительности, но сколько угодно драматизма. Чтò же можетъ внушить импрессіонистское томленіе по слегка раздражающимъ чувственнымъ ощущеніямъ, по сразу усваиваемой давно всѣми пережеванной умственной пищѣ?

Отвѣтъ не труденъ. Литература должна вернуться вспять, до классицизма, и снова превратиться въ одну изъ принадлежностей комфорта въ жизни господъ, имѣющихъ возможность предаваться «чувственной лѣни» и смаковать собственныя впечатлѣнія безъ

малѣйшаго душевнаго безпокойства и умственнаго напряженія Критика уже снизошла до чрезвычайно милой, какой-то порхающей болтовни. Еще Сентъ-Бёвъ находилъ, что «хорошая критика» можетъ излагаться только въ формѣ болтовни—*en causant*. Теперь это искусство усовершенствовано, и Лемэтръ, безъ всякихъ церемоній, будетъ «критиковать» автора или актера буквально по слѣдующему методу: *As tu fini, espèce d'echauffé?.. Eh! va donc...* Вообще, какъ водится на бульварѣ въ дружескомъ разговорѣ. Что же дѣлать литературѣ?

Если такъ *забавенъ* и *легокъ* критикъ, какое положеніе беллетриста? Ему уже прямо остается лѣзть изъ кожи, лишь бы все было *легко* и *пріятно*. А такъ какъ его не стѣсняютъ болѣе никакія теоріи и идеи, и менѣе всего «поученія», естественно въ какомъ жанрѣ будетъ осуществляться пріятность и легкость.

И вы думаете, наконецъ, въ этой литературѣ явится и правда, и жизнь, такъ какъ навсегда, повидимому, покончено съ формулами и этикетами? Отнюдь нѣтъ.

Трудно и пересчитать, сколько важнѣйшихъ благороднѣйшихъ культурныхъ силъ лежитъ внѣ импрессіонистскаго міросозерцанія. Оно эгоистическое и консервативное въ смыслѣ полнаго равнодушія къ общему прогрессу, инертное даже въ вопросахъ личнаго совершенствованія, отмежевало себѣ самый узкій кругъ чувствъ и идей, какъ только можно представить въ цивилизованномъ обществѣ.

Въ глубинѣ импрессіонизма лежитъ органическая усталость, сближающая нашихъ современниковъ съ жертвами «эпохи упадка». Даже сами критики новаго направленія и безусловно передовые философы, въ родѣ, напримѣръ, Ренана, испытываютъ какую-то своеобразную гордость, сближая свое время съ послѣдними вѣками римской имперіи. И Лемэтру, повидимому, доступны всѣ настроенія, свойственныя безнадежно одряблѣвшей природѣ вырождающагося общества.

Онъ крайне низко цѣнитъ дѣятельность мысли и профессію писателя считаетъ послѣдней, заслуживающей разумнаго выбора. «Что значатъ», восклицаетъ онъ, «наши мелкія, ничтожныя умственныя удовольствія предъ великими животными радостями физической жизни!» И критикъ тоскуетъ по кожѣ, обросшей волосами, по лѣсной берлогѣ, по свободному царству инстинктовъ...

Есть, конечно, доля кокетства и фиглярства въ этой тоскѣ, какъ вообще во всей «болтовнѣ» подобныхъ людей. Но не мало и подлинной правды: писатель, отказавшійся отъ какого бы то ни было идейнаго смысла литературы и сбросившій съ себя всякія

логическія и нравственныя обязательства, дѣйствительно можетъ тяготиться даже умственнымъ процессомъ и самымъ ничтожнымъ вмѣшательствомъ сознанія въ буржуазный комфортъ и пріятныя ощущенія.

Очевидно, въ искусствѣ съ такимъ источникомъ вдохновенія останется только самый жалкій клочекъ современной дѣйствительности и *выборъ фактовъ* въ импрессіонистской литературѣ окажется еще болѣе бѣднымъ, чѣмъ въ натурализмѣ. Потому что вся новѣйшая школа знаменуетъ собой немощь и равнодушіе. Это уже не воинственная оппозиція ненавистному литературному направленію, а бѣгство отъ него въ сторону, безсильное отмахиваніе руками отъ идей романтизма и жестокой натуральной правды. Цѣлые вѣка деспотическихъ литературныхъ системъ будто въ конецъ измочалили художественный геній Франціи. Начиная съ «Института» Ришелье вплоть до проектированной «Академіи Гонкуровъ»—искусство и критика изъ одной сѣти законовъ и нравовъ попадали въ другую, еще болѣе цѣпкую и сложную. Это—длинная смѣна «литературныхъ республикъ» съ очень большими полномочіями президента и министерскаго совѣта.

Расинъ, Гюго, Золя обозначаютъ своими именами три великихъ школы, и замѣтьте, художники въ то же время всегда критики. Едва почувствовавъ творческія силы и раскрывъ глаза на свѣтъ Божій, они уже спѣшатъ заручиться рулемъ и вооружиться очками. У нихъ нѣтъ даже представленія о двухъ основныхъ принципахъ всякаго художественнаго таланта: *личная* свобода вдохновенія и *непосредственное* сближеніе писателя съ жизнью. Нѣтъ. Французъ непремѣнно прицѣпитъ помочи къ какому угодно поэтическому генію и изобрѣтетъ средостѣніе между поэтомъ и дѣйствительностью.

Въ результатѣ необыкновенно блестящее и всемірно-вліятельное развитіе французской литературы представляется въ видѣ однообразно волнующагося моря: волна то падаетъ, то поднимается, не мѣняя сущности своего состава. Чѣмъ глубже паденія, тѣмъ будетъ выше подъемъ, чѣмъ нетерпимѣе система одной школы, тѣмъ азартнѣе будетъ оппозиція, столь же систематическая и строго формулированная.

Эта исторія *національна* до послѣдней черты. Самый типъ французскаго ума ничего не могъ создать, кромѣ вѣчнаго неистребимаго *классическаго духа*, т. е. такихъ же формулъ въ искусствѣ, какими питается математическій геній, столь свойственный французамъ. Ни одинъ народъ не обладаетъ такой способностью упростить идею, подъискать для нея идеально точную и

прозрачную словесную форму, низвести ея до послѣдняго предѣла элементарности и общедоступности. И поэтому никто не можетъ сравняться съ французами въ искусствѣ популяризаціи и Франція искони была прозванной *распространительницей идей*, самой благодарной прозелиткой и проповѣдницей философскихъ системъ и научныхъ теорій. Это въ полномъ смыслѣ провиденціальное назначеніе французскаго генія. Онъ съумѣлъ выработать и языкъ, какъ нельзя болѣе подходящій для точныхъ, ясныхъ и популярныхъ опредѣленій, *классически* стройный и точный.

Но тотъ же благодѣтельный геній распространилъ свой *резонирующій разумъ—la raison raisonnante*, свою стихійную наклонность къ формуламъ и классификаціямъ на область, менѣе всего подлежащую строго логическимъ процессамъ. Въ творчествѣ всегда останется нѣчто *невѣдомое* и *произвольное*, неуловимое и неуложимое ни въ какіе законы и формулы. Здѣсь самому основательному критику и вліятельнѣйшему писателю слѣдуетъ помнить отвѣтъ германскаго императора пѣвцу: «не мнѣ управлять вдохновеніемъ поэта»... Пусть его *личность* и окружающая его *жизнь* будутъ его руководителями и наставниками. Если личность дѣйствительно даровита, нравственно богата и благородна, она непремѣнно сама подойдетъ къ правдѣ жизни и сама откроетъ и идеи и принципы. Даже больше. Пусть самъ художкикъ не подозрѣваетъ на своемъ пути никакихъ тенденцій, даже пусть разсудочно бѣжитъ отъ нихъ, онѣ все-таки проникнутъ въ его творчество, если только оно *жизненно* и *искренне*. Еще опрометчивѣе стараться вложить въ извѣстныя рамки самый процессъ творческой работы. Онъ такое же органическое явленіе, какъ всякое живое созданіе природы, и подчиненъ только своимъ внутреннимъ законамъ. Если это созданіе *естественно* сильно и въ самомъ себѣ таитъ сѣмена красоты, оно принесетъ свои плоды, все равно, какъ роза непремѣнно даетъ роскошные цвѣты, и шиповникъ при самомъ тщательномъ уходѣ все-таки выйдетъ лишь отдаленнымъ намекомъ на розу.

Французскій умъ пошелъ другимъ путемъ. Онъ почти уничтожилъ грань между поэтомъ и ораторомъ и употреблялъ всѣ усилія, при помощи законовъ и академій, если не создавать поэтическіе таланты, то уже созданные ровнять, обстригать и привязывать къ подпоркамъ. Провозглашая даже правду и природу, онъ безсознательно урѣзывалъ и ту, и другую. Возмущаясь классическимъ отожествленіемъ свободнаго вдохновенія съ безуміемъ, онъ и въ самомъ безуміи отыщетъ формулу и Полоній съ одинаковымъ осно-

ваніемъ и о Гамлетѣ, и о романтикахъ могъ бы сказать: что безуміе *систематическое*.

Школы, непрерывный рядъ *школъ*—вотъ альфа и омега литературной исторіи Франціи, и въ сильнѣйшей степени другихъ европейскихъ странъ. Самая національная литература англійская владѣетъ Шекспиромъ, не принадлежащимъ ни къ какой школѣ *въ трагедіяхъ*. Эта оговорка необходима, потому что шекспировскія комедіи цѣликомъ входятъ въ итальянскую школу комическаго жанра, ту самую, гдѣ научился писать фарсы и Мольеръ. Но за то послѣ Шекспира тянется длинный рядъ англійскихъ классиковъ, своего рода академиковъ въ пудрѣ и французскихъ кафтанахъ, и даже неукротимѣйшій геній новой англійской поэзіи Байронъ пишетъ драмы «по правиламъ» въ духѣ французскаго института и осмѣливается заявить о преимуществахъ Попа передъ Шекспиромъ.

Германія съ самаго начала покорно воспринимаетъ иго классицизма, потомъ въ лицѣ Лессинга учится у Дидро и въ драмѣ Шиллера создаетъ бурный романтизмъ и литературную *либеральную* партію. Но психологическіе и реальные таланты шиллеровской драмы тожественны съ «природой» французскаго романтизма: у него она также оглушительно кричитъ и съ такимъ уже пристрастіемъ дѣлаетъ бѣшеные прыжки вмѣсто человѣческаго разговора и обыкновенныхъ движеній.

Дальше натурализмъ. Это уже настоящая эпидемія для всѣхъ европейскихъ литературъ, и сама побѣдоносная, объединенная Германія принесли едва ли не обильнѣйшую дань и въ романахъ, и въ пьесахъ на алтарь золаической школѣ.

Можно, конечно, и во французской, и въ другихъ критикахъ услышать голоса, протестующіе противъ той или другой системы,— голоса умѣренности и независимости. Можно насчитать также нѣсколько талантливыхъ писателей, не подчинявшихся игу оффиціальнаго литературнаго кодекса. Но это *дикіе*, если здѣсь умѣстенъ языкъ парламентскихъ партій. Еще за предѣлами Франціи они имѣли и могутъ имѣть свое *независимое* значеніе, по крайней мѣрѣ, въ искусствѣ, въ самой Франціи они своего рода «естественные» люди. Въ критикѣ они способны на многія дѣльныя замѣчанія въ смыслѣ отрицанія, но окончательно освободить искусство они безсильны. Сентъ-Бёвъ, напримѣръ, лично романтикъ, далеко ушелъ отъ «законовъ» Гюго, но это движеніе отнюдь не было прогрессомъ собственно критической мысли.

Сентъ-Бёвъ такая же ничтожная, въ сущности, даже неопредѣлимая величина въ положительной критикѣ, какой пестрый и презрѣнный паразитъ въ политикѣ. Ему ничего не стóило перейти

въ какой угодно лагерь, лишь бы остаться на сторонѣ торжествующихъ и располагающихъ наградами и всякими земными благами. Въ *психологическомъ* отношеніи это прямой предшественникъ импрессіонизма, *въ нравственномъ*—совершенный представитель оппортюнизма. Критика у него преобразилась въ остроумную, часто блестящую, но часто увеселительную болтовню. Его страсть писать біографіи и составлять психологическія характеристики въ результатѣ приводила къ погонѣ за разными *bêtes noires* сплетническаго и пикантнаго содержанія. Ничего прочнаго и цѣльнаго не могли дать эти упражненія, не одушевленныя никакой нравственной вѣрой, никакимъ общественнымъ символомъ. Тэнъ быстро затмилъ Сентъ-Бёва, выдвинувъ снова *формулы* и *системы*...

Теченіе русской литературы на раннихъ порахъ неизбѣжно впало въ общее море, и на русскомъ языкѣ литература заговорила по французски еще усерднѣе, чѣмъ нѣмецкіе Готшеды и англійскіе Драйдены. Но это была не національная литература; она столь же далека отъ народнаго духа, какъ и ея публика, она не менѣе противоестественна, чѣмъ крѣпостникъ-энциклопедистъ и недоросль-вольтерьянецъ. Но именно она и была родоначальницей до сихъ поръ существующаго взгляда, будто русское искусство только одна изъ вѣтвей европейскаго творческаго генія, можетъ быть, даже одно и то же растеніе только на другой почвѣ.

На самомъ дѣлѣ врядъ ли еще въ какой области раскрылось съ такой силой и яркостью культурное отличіе русской національности отъ общеевропейскаго типа, какъ именно въ содержаніи и процессѣ художественнаго творчества.

Ив. Ивановъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КЪ СТОЛѢТІЮ ОТКРЫТІЯ ОСПОПРИВИВАНІЯ *).

(1796 — 1896).

22 декабря 1896 года Русское Общество охраненія народнаго здравія чествовало въ торжественномъ засѣданіи память одного изъ величайшихъ благодѣтелей человѣчества, Эдуарда Дженнера. Редакція полагаетъ, что для читателей журнала «Міръ Божій» будетъ интересно знать нѣкоторыя подробности о значеніи его великаго открытія, которое только теперь выясняется въ полной мѣрѣ.—*Ред.*

---

14 мая 1796 года англійскій врачъ Эдуардъ Дженнеръ привилъ въ родномъ своемъ мѣстечкѣ Берклей 8-лѣтнему здоровому мальчику Джону Фипсу оспу, взятую изъ оспенныхъ прыщей Сарры Нельмсъ, по профессіи молочницы, заразившейся случайно при доеніи оспенной коровы. Оспа у мальчика принялась, процессъ протекалъ благополучно, при явленіяхъ самаго легкаго недомоганія.

1-го іюля того же года, т. е. спустя 6 недѣль послѣ сдѣланной прививки, Дженнеръ привилъ тому же Джону Фипсу, которому суждено было сдѣлаться историческимъ лицомъ, оспенную матерію изъ прыща человѣка, пораженнаго натуральной оспой, и, къ великой радости геніальнаго мыслителя и къ счастью всего человѣчества, матерія эта не принялась, и Джонъ Фипсъ не под-

---

*) При составленіи настоящей статьи пособіями служили: 1) статьи д-ра В. О. Губерта объ оспѣ и оспопрививаніи, помѣщ. въ 14 т. «Реальной энциклопедіи мед. наукъ» Эйленбурга—Аѳанасьева, 2) д-ръ Н. Ѳ. Миллеръ, «Оспопрививаніе», Москва, 1887 г., 3) В. В. Святловскій, «Біографія Дженнера», Спб., 1891 г., 4) д-ръ Э. Э. Горнъ, «Краткій очеркъ дѣятельности Императорскаго вольнаго экономическаго общества по оспопрививанію», 5) д-ръ L. Pfeiffer «Оспопрививеніе», «Руков. къ дѣтскимъ болѣзнямъ», G. Gerhardt'a Харьковъ, 1886 г., 6) prof. F. von Leyden, «Gedächtnissrede auf Ienner», 1896 г.

вергся заболѣванію. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а затѣмъ черезъ пять лѣтъ прививка была повторена и также осталась безъ всякихъ результатовъ.

Такъ совершилось одно изъ величайшихъ открытій, сдѣланныхъ когда-либо человѣкомъ—открытіе, облагодѣтельствовавшее все человѣчество и давшее своему творцу всѣ права на вѣчную признательность и благодарность не отличающагося богатой памятью потомства.

Прошло сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Дженнеръ сдѣлалъ свой безсмертный опытъ, и современное поколѣніе, мало знакомое съ исторіей медицины, врядъ ли представляетъ себѣ со всей ясностью величіе услуги, оказанной Дженнеромъ человѣчеству.

Краткое изложеніе исторіи страшной болѣзни и тѣхъ мѣръ, какія принимались до Дженнера, для борьбы съ незнавшимъ никакой пощады бичемъ, является вполнѣ умѣстнымъ въ виду отпразднованнаго всѣми культурными странами столѣтія со дня первой прививки.

О времени перваго появленія оспы (по лат. variola, по русски: натуральная человѣческая оспа, Божья оспица, воспа, осыпь) трудно сказать съ положительностью. По мнѣнію многихъ изслѣдователей, болѣзнь эта стара, какъ міръ, и начало ея теряется во мракѣ временъ. Нѣкоторые видятъ въ древнѣйшихъ китайскихъ и индійскихъ манускриптахъ указанія на ужасныя эпидеміи оспы, при чемъ происхожденіе оспы въ Индіи, за 1500 лѣтъ до Р. Х., приписывалось заносу ея изъ Китая. Наиболѣе вѣроятнымъ представляется давнее существованіе оспы въ Африкѣ, въ Эфіопіи, откуда она распространилась въ Аравію, Индію, Китай.

Нѣтъ у насъ точныхъ данныхъ о появленіи оспы въ Европѣ. Нѣкоторые полагаютъ, что только въ VI вѣкѣ по Р. Х. она появляется въ странахъ Средиземнаго моря; по мнѣнію же другихъ, уже антонійская чума есть ничто иное, какъ оспа. У еврейскаго историка Филона въ 40 г. послѣ Р. Х. уже имѣются кое-какія указанія на оспу. Среди римскихъ войскъ болѣзнь распространилась послѣ взятія одного города на Ефратѣ. Зараженное войско, по возвращеніи въ Италію и Римъ, быстро распространило заразу по всей странѣ. Есть основаніе думать, что отъ оспы умеръ императоръ Маркъ Аврелій (въ 180 г. по Р. Х.). Съ конца II вѣка до середины VI мы имѣемъ очень скудныя свѣдѣнія объ оспенныхъ эпидеміяхъ. Появившіеся въ VI столѣтіи духовные лѣтописцы отмѣчаютъ уже свирѣпствующія въ ихъ время болѣзни,

но описанія эти такъ не точны, что трудно рѣшить, съ какой болѣзнью имѣешь дѣло въ каждомъ данномъ случаѣ. Въ VI вѣкѣ оспа появляется въ Галліи и Бургундіи, гдѣ отъ этой болѣзни умерла супруга Бургундскаго короля. Смерть королевы стоила жизни двумъ лейбъ-медикамъ короля, которые были казнены. Въ Византіи оспенныя эпидеміи стали свирѣпствовать при Юстиніанѣ. Во время рожденія Магомета оспа свирѣпствовала въ Аравіи и въ VII столѣтіи была занесена въ Сицилію, Францію и Испанію. Первое систематическое описаніе оспы изъ арабскихъ врачей сдѣлалъ Разесъ въ IX вѣкѣ. Крестовые походы сильно содѣйствовали распространенію оспы по всей Европѣ, да и вообще въ средніе вѣка эта болѣзнь опустошала цѣлыя страны.

Европейцамъ обязана и Америка появленіемъ въ ней страшныхъ эпидемій оспы. Большинство жителей Богамскихъ и Антильскихъ острововъ вымерло вскорѣ послѣ открытія Америки и прибытія туда большихъ партій испанцевъ. Существуетъ преданіе, что прибывшіе европейцы развѣшивали въ лѣсахъ рубахи, зараженныя оспеннымъ гноемъ, дабы набрасывавшіеся на находки туземцы вѣрнѣе погибали. Нельзя назвать ни одной страны, ни одного города, который не платилъ бы огромной дани ужасному чудовищу—оспѣ.

Если начало оспы теряется въ глубокой древности, то и попытки борьбы съ нею относятся къ самымъ отдаленнымъ эпохамъ. Болѣзнь дѣйствовала такъ опустошительно, такъ быстро распространялась, уносила столько жертвъ, а не поплатившихся жизнью такъ уродовала, что представляется весьма естественнымъ, если съ самаго появленія оспы напрягались всѣ силы, принимались всевозможныя мѣры для ослабленія губительной болѣзни.

Давно уже и народомъ, и врачами былъ отмѣченъ фактъ, которому и до сихъ поръ наука не можетъ дать надлежащаго объясненія, что лица, разъ перенесшія оспу, въ огромномъ большинствѣ случаевъ не подвергаются вторичному зараженію. Исходя изъ такого наблюденія, стали придумывать способы, нельзя-ли устроить такъ, чтобы произвольной прививкой натуральной человѣческой оспы, проявляющейся иногда въ болѣе легкой формѣ, защитить себя отъ тяжелаго заболѣванія и тѣмъ самымъ ослабить оспенныя эпидеміи.

Какъ сама оспа появилась впервые на Востокѣ, такъ и способы произвольнаго зараженія его—способы *варіоляціи* или *инокуляціи* тоже идутъ съ Востока. Какъ вездѣ, въ началѣ медицина, вообще лѣченіе, была въ рукахъ духовенства, такъ и въ дѣлѣ лѣченія оспы мы видимъ, что первоначально это лѣченіе носитъ

религіозный характеръ. Въ Китаѣ существовали даже храмы въ честь «святой матери оспы», въ Индіи первыми инокуляторами были брамины. Способы, какими производилась инокуляція, отличались крайнимъ разнообразіемъ. Китайцы для прививки вкладывали оспенные струпья въ носъ, или, превращая струпья въ порошокъ, вдували ихъ, надѣвали здоровымъ рубашки больныхъ, подводили подъ кожу шелковыя нити, пропитанныя оспеннымъ детритомъ, въ нѣкоторыхъ странахъ заставляли, съ предохранительной цѣлью глотать оспенные струпья, въ Индіи соскабливали кожу до ссадинъ и накладывали пропитанную оспеннымъ гноемъ вату. Во многихъ восточныхъ странахъ инокуляціей занимались женщины и, по словамъ изслѣдователей, матери и кормилицы являлись первыми инокуляторами.

Особенное значеніе женской красоты на Востокѣ сильно содѣйствовало развитію инокуляціи, многія старыя женщины спеціально посвящали себя этому дѣлу. Старухи-черкешенки для сохраненія красоты молодыхъ женщинъ, наполнявшихъ гаремы, производили дѣвочкамъ, уже на первомъ году жизни, при религіозныхъ церемоніяхъ прививки оспеннаго гноя посредствомъ уколовъ въ 4-хъ мѣстахъ тѣла: возлѣ пупка, вблизи сердца, на правой ладони и на лѣвой подошвѣ. Для того, чтобы локализировать процессъ и умѣрить его силу, черкешенки заворачивали нижнюю половину тѣла инокулированныхъ дѣтей въ свѣжую козью шкуру, вслѣдствіе чего оспенные прыщи, благодаря большей теплотѣ, высыпали почти только на нижней половинѣ тѣла, щадя лицо и верхнія части тѣла.—Не перечисляя всѣхъ практиковавшихся въ разныхъ странахъ способовъ прививки натуральной оспы, перейдемъ къ исторіи инокуляціи въ Европѣ, гдѣ этотъ способъ пережилъ нѣсколько періодовъ до великаго открытія Дженнера.

Способъ, практиковавшійся черкешенками, проникъ въ Константинополь, гдѣ его изучили итальянскіе врачи Тимони и Пиларини. Врачи эти сообщили о своихъ наблюденіяхъ Лондонскому королевскому медицинскому обществу. Объ этомъ же способѣ послалъ сообщеніе въ Стокгольмъ шведскій король Карлъ, узнавшій о немъ во время своего пребыванія въ Бендерахъ въ 1714 году. Однако, распространеніе въ Европѣ способъ этотъ получилъ только тогда, когда жена англійскаго посла въ Константинополѣ, леди Монтегю, рѣшилась въ 1717 году произвести прививку оспеннаго яда себѣ и своему 6-ти-лѣтнему сыну. И мать, и сынъ перенесли оспу въ легкой формѣ; черезъ 4 года была привита оспа дочери г-жи Монтегю, и примѣръ этой рѣшительной женщины произвелъ сильное впечатлѣніе при англійскомъ дворѣ и во всей Англіи, тѣмъ

болѣе, что къ тому времени началась въ странѣ большая оспенная эпидемія. Была затребована изъ Константинополя оспенная матерія въ Лондонъ для прививки королевскому семейству. Но раньше рѣшено было произвести еще нѣсколько предварительныхъ опытовъ: прежде всего привили оспенную матерію 6-ти приговореннымъ къ смертной казни преступникамъ, которые, легко перенеся болѣзнь, получили помилованіе; потомъ были сдѣланы прививки нѣсколькимъ дѣтямъ-сиротамъ изъ церковнаго пріюта, и когда у этихъ дѣтей болѣзнь протекла легко, король Георгъ I разрѣшилъ въ 1721 г. произвести инокуляцію своимъ дѣтямъ и всему семейству. Примѣру англійскаго двора послѣдовали сначала лица высшаго лондонскаго свѣта, а затѣмъ другіе европейскіе дворы и инокуляція стала быстро распространяться во Франціи и Германіи.

Большое противодѣйствіе новому способу борьбы съ оспой было оказано духовенствомъ, находившимъ, что все это дѣло оскверняетъ человѣческую душу. Особенно отличалось католическое духовенство Франціи, гдѣ въ защиту инокуляціи выступилъ Вольтеръ, доказывавшій пользу новаго способа предупрежденія оспы.

Нѣсколькихъ неудачныхъ случаевъваріоляціи, выразившихся либо въ тяжелыхъ заболѣваніяхъ, иногда со смертельнымъ исходомъ, либо въ зараженіи натуральной оспой отъ соприкосновенія съ лицами, подвергшимися прививкамъ—нѣсколькихъ такихъ случаевъ было достаточно, чтобы подорвать довѣріе къ не успѣвшему еще пустить глубокіе корни новому способу; постепенно число лицъ, желающихъ подвергнуться прививкамъ, уменьшалось, и за 20 лѣтъ было сдѣлано всего около 2.000 прививокъ.

Вспыхнувшая въ 1743 году оспенная эпидемія въ Англіи заставила вновь обратиться къ преждевременно осужденному способу, и въ 1746 году въ Лондонѣ былъ основанъ оспопрививательный институтъ, гдѣ производились прививки всѣмъ желающимъ. Появившееся въ скоромъ времени сочиненіе французскаго врача Кондамина, доказывавшаго, на основаніи многочисленныхъ наблюденій пользу варіоляцій, послужило къ тому, что вновь было поднято довѣріе къ прививкамъ оспеннаго яда, и въ разныхъ странахъ опять стали прибѣгать къ варіоляціямъ. Въ Италіи, Швеціи, Даніи, не говоря уже объ Англіи и Франціи, стали возникать оспопрививательныя заведенія и результаты прививокъ были довольно удачны. Нѣкоторое противодѣйствіе было оказано въ Германіи, гдѣ владѣтельные князья и герцоги и даже нѣкоторые знаменитые врачи высказывались противъ прививокъ.

Не долго продолжалось это вторее увлеченіе варіоляціей. При-

вивками начали заниматься всѣ, дѣло захватили въ свои руки, какъ это часто бываетъ, шарлатаны и неучи, производившіе уколы нечистыми инструментами, замѣнявшіе иногда уколы глубокими надрѣзами, и послѣдствія не замедлили сказаться: случаи глубокихъ язвъ, заболѣваній рожей, гангреной, общимъ зараженіемъ крови стали повторяться все чаще и чаще, недовѣріе къ варіоляціямъ сильно возрасло. Новому способу уже грозило забвеніе, когда итальянскій профессоръ Гатти, спеціально изучавшій методъ варіоляціи въ Греціи и Константинополѣ, издалъ въ 1760 году свое сочиненіе, гдѣ ясно и точно излагаетъ способъ примѣненія варіоляціи. Предложенный Гатти способъ варіоляцій сдѣлался позднѣе общепринятымъ при вакцинаціи. Одновременно съ Гатти выступилъ въ Англіи Суттонъ, пришедшій относительно варіоляціи къ такимъ же заключеніямъ, какъ и итальянскій ученый. Подъ вліяніемъ Гатти и Суттона наступаетъ послѣдній періодъ увлеченія варіоляціей, смѣняющійся къ концу XVIII ст. полнымъ разочарованіемъ въ успѣшности прививокъ человѣческой оспы: раздаются голоса, что сами оспопрививательные институты служатъ постоянными разсадниками оспы, а статистика Heberden'а показала, что въ одномъ Лондонѣ въ первыя 40 лѣтъ послѣ введенія варіоляцій умерло на 24.000 оспенныхъ больныхъ больше, чѣмъ за такой же періодъ до введенія инокуляцій.

Такимъ образомъ, инокуляція продержалась въ Европѣ около 80 лѣтъ и имѣла большое воспитательное значеніе: всѣ освоились съ мыслью, что искусственно прививаемая оспа даетъ болѣе легкую болѣзнь, чѣмъ естественная оспа, и что привитая оспа наравнѣ съ перенесенной натуральной можетъ оградить отъ повторнаго тяжкаго заболѣванія.

Въ настоящее время инокуляціи сохранились только въ некультурныхъ странахъ, а въ европейскихъ государствахъ онѣ давно отмѣнены законодательными актами, причемъ, къ удивленію, позднѣе, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, инокуляціи были запрещены въ Англіи, а именно въ 1840 году.

Итакъ, человѣчество, не найдя въ варіоляціи надежнаго средства для борьбы съ продолжавшей свое опустошительное шествіе оспой, должно было продолжать свои поиски, которыя, какъ уже сказано, увѣнчались блестящимъ успѣхомъ 14-го мая 1796 года, когда Эдуардъ Дженнеръ сдѣлалъ первую прививку коровьей оспы—*вакцины* (отъ латинскаго слова vacca—корова).

Было бы ошибочно думать, что мысль о возможности успѣшной прививки коровьей оспы явилась впервые, какъ Минерва изъ

головы Юпитера, у Дженнера *), и что онъ не имѣлъ въ этомъ дѣлѣ никакихъ предшественниковъ.

Изслѣдованія многихъ ученыхъ показываютъ, что коровья оспа и ея предохранительное свойство были извѣстны въ глубокой древности, что уже въ одной санскритской книгѣ упоминается объ этомъ. Авторъ этой книги, миѳическое лицо, врачъ боговъ и самъ полубогъ, сжалился во время одной страшной эпидеміи надъ людьми и сталъ учить ихъ медицинскому искусству, между прочимъ, прививанію коровьей оспы. Оставляя древнія времена, надо сказать, что въ 1774 году англійскій фермеръ Джестли привилъ съ успѣхомъ коровью оспу женѣ своей и сыновьямъ. Кромѣ этого случая, извѣстно еще, что одинъ нѣмецкій школьный учитель Плеттъ въ 1791 году сдѣлалъ удачныя прививки коровьей оспы дѣтямъ од-

---

*) Жизнь Эдуарда Дженнера не богата внѣшними событіями: онъ родился 17 мая 1749 г. въ Берклеѣ, въ графствѣ Глочестеръ. Отецъ его викарный пасторъ и, по своему времени, довольно образованный человѣкъ. Родителей Дженнеръ потерялъ очень рано и дѣтство будущаго великаго человѣкч проходило подъ надзоромъ старшаго брата. 8-ми лѣтъ Дженнеръ поступилъ въ приходскую школу. По окончаніи школы онъ приступилъ къ изученію медицины въ мѣстечкѣ Зодбюри, близъ Бристоля, подъ руководствомъ опытнаго врача Лудлова. 20-ти лѣтъ отъ роду Дженнеръ переѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ, по окончаніи курса медицинскихъ наукъ, состоялъ ассистентомъ при знаменитомъ проф. Гунтерѣ. Крайне много и усердно занимаясь медициной и вообще естествознаніемъ, Дженнеръ вскорѣ получилъ уже извѣстное имя среди англійскихъ натуралистовъ. Вся дальнѣйшая жизнь Дженнера ушла на его великое открытіе, на борьбу съ тѣми, кто не хотѣлъ или не могъ постичь всей важности его открытія, на постоянное разъясненіе возникавшихъ, по поводу предложеннаго имъ способа, недоразумѣній, на опроверженія клеветниковъ и завистниковъ и т. д. На его долю выпало рѣдкое для великихъ людей счастье—самому увидать торжество своего дѣла. Въ Англіи ему нѣсколько разъ назначались большія денежныя преміи, всѣ европейскія страны подносили ему почетные дипломы, въ его честь выбивались медали и т. д. Послѣдніе годы своей жизни, начиная съ 1815 года, Дженнеръ жилъ у себя въ деревнѣ, занимаясь наукой и исполняя должность сельскаго судьи. Въ частной жизни Дженнеръ былъ остроумнымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ, добрымъ, скромнымъ, доступнымъ человѣкомъ. Достигнувъ славы и матеріальныхъ средствъ, Дженнеръ не забылъ и того, кому онъ сдѣлалъ первую прививку: онъ купилъ Джону Фипсу домикъ и клочекъ земли и самъ посадилъ у него въ саду розы. Умеръ Дженнеръ отъ удара, на 74 году отъ рожденія, 26 января 1823 года. Похоронили его въ саду на томъ мѣстѣ, которое онъ самъ еще избралъ при жизни для своей могилы. На могилѣ стоитъ чудный памятникъ работы итальянца Монтверде: Дженнеръ сидитъ на табуретѣ и прививаетъ оспу прелестной дѣвочкѣ, лежащей у него на колѣняхъ. Въ 1857 году англичане поставили въ Трафальгарскомъ скверѣ, въ Лондонѣ, статую Дженнера.

ного арендатора. Свою рѣшимость Плеттъ объяснялъ тѣмъ, что онъ слышалъ, будто дѣвушки-доильщицы, заразившіяся отъ коровъ, никогда не заражаются натуральной человѣческой оспой. Результатомъ этой прививки было то, что когда непривитыя дѣти того же фермера въ 1794 году заболѣли натуральной оспой, подвергшіяся прививкѣ дѣти остались невредимыми. Ради справедливости необходимо еще упомянуть, что уже въ 1765 г. врачи Суттонъ и Фестеръ сообщили лондонскому обществу врачей, что прививаніе человѣческой оспы лицу, заразившемуся раньше коровьей оспой, даетъ отрицательные результаты, но на это заявленіе почему-то не было обращено надлежащее вниманіе. Укажемъ еще на англійскаго врача Носа (Гока), который въ 1781 году привилъ своему сыну и многимъ другимъ дѣтямъ коровью оспу, но этотъ врачъ умеръ въ 1786 г. и не успѣлъ опубликовать своихъ изслѣдованій. Въ біографіи Дженнера разсказывается слѣдующій фактъ: однажды къ его учителю Лудлову пришла больная крестьянка, у которой Лудловъ опредѣлилъ натуральную оспу. Но крестьянка рѣшительно запротестовала противъ такого опредѣленія, заявивъ, что еще не было случая, чтобы люди, когда-либо заразившіеся отъ коровъ, могли заболѣть натуральной человѣческой оспой.

Какъ бы ни было велико число и лицъ, и наблюденій, указывавшихъ на предохранительныя свойства коровьей оспы, заслуга Дженнера остается огромной. Онъ первый надлежащимъ образомъ обобщилъ отдѣльныя разрозненныя наблюденія, онъ не принялъ на вѣру фактъ предохранительной силы коровьей оспы, а 30 лѣтъ жизни посвятилъ на обстоятельное изученіе свойствъ коровьей оспы и довелъ всѣ свои размышленія и наблюденія до степени твердаго научнаго факта, блестяще подтвержденнаго опытомъ 14 мая 1896 года. Онъ первый ясно указалъ на сходство съ оспой болѣзни у коровъ, его изслѣдованія показали, что коровья оспа, будучи привита съ коровы на человѣка, обладаетъ способностью передаваться въ генераціяхъ отъ человѣка къ человѣку, не теряя ни своей специфичности, ни свойствъ и, поэтому, ему наука обязана открытіемъ гуманизированной лимфы. Съ точки зрѣнія научной, предложенный Дженнеромъ методъ предупрежденія оспы принесъ блестящіе результаты въ дальнѣйшемъ развитіи медицины. По его слѣдамъ пошелъ геніальный Пастеръ, и его надо считать родоначальникомъ того направленія медицины, которое является преобладающимъ въ настоящее время, когда уже отъ предупредительныхъ прививокъ переходятъ къ прививкамъ съ цѣлью лѣченія болѣзней, напр., дифтерита. Не даромъ Пастеръ на между-

народномъ съѣздѣ въ Лондонѣ въ 1881 г. сказалъ: «я придалъ слову «вакцинація» болѣе широкое значеніе въ надеждѣ, что наука освятитъ его, какъ выраженіе признательности къ заслугамъ и неизмѣримой пользѣ, которую принесъ человѣчеству одинъ изъ величайшихъ людей Англіи—Дженнеръ». Безсмертна, наконецъ, заслуга Дженнера и потому, что онъ съ геніальной настойчивостью преодолѣвалъ препятствія на пути распространенія его ученія.

А препятствій было много. Въ 1798 г. Дженнеръ опубликовалъ свое сочиненіе «Изслѣдованіе причинъ и дѣйствій коровьей оспы», считающееся и понынѣ классическимъ. Въ этомъ сочиненіи Дженнеръ ясно излагаетъ тѣ выводы, къ которымъ онъ пришелъ послѣ 30-лѣтнихъ наблюденій и размышленій. Книга Дженнера произвела сильное впечатлѣніе въ Англіи. Многихъ смутило то, что какой-то сельскій врачъ, не патентованный ученый, вдругъ доходитъ до такой дерзости—хочетъ облагодѣтельствовать человѣчество, освободить людей отъ оспы! Съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, стали наперерывъ насмѣхаться надъ великимъ человѣкомъ; юмористическіе журналы помѣщали самыя злыя карикатуры на Дженнера, люди не стѣснялись печатно называть его шарлатаномъ и лжецомъ... Старая и грустная исторія! Противъ Дженнера выступили многіе врачи, имѣя во главѣ знаменитаго тогда въ Лондонѣ врача Морлея. Тѣмъ не менѣе, вскорѣ многіе врачи стали переходить на сторону Дженнера и распространять оспопрививаніе по новому методу. Въ Лондонѣ, на счетъ правительства, былъ открытъ «Королевскій Дженнеровскій институтъ для уничтоженія оспы», и самъ Дженнеръ былъ назначенъ его президентомъ.

Въ 1800 г. Дженнеръ опубликовалъ новое сочиненіе, посвященное королю, такъ благосклонно отнесшемуся къ его открытію. Въ этомъ сочиненіи онъ говоритъ о вакцинаціи еще болѣе убѣжденнымъ тономъ, чѣмъ въ сочиненіяхъ, раньше опубликованныхъ. Ко времени появленія сочиненія Дженнеръ успѣлъ уже сдѣлать удачныя прививки около 6.000 чел. Книга заканчивается слѣдующими словами: «скептицизмъ, обнаруженный знаменитыми представителями медицины, когда я впервые обнародовалъ свои изслѣдованія о коровьей оспѣ, заслуживаетъ всяческой похвалы. Было бы легкомысленно, если бы ученіе, столь новое и такъ отличное отъ всего, что было до сихъ поръ извѣстно въ медицинѣ, было принято безъ строгой критики. Но теперь, когда ученіе подвергнуто критикѣ не только у насъ, но и во всѣхъ странахъ Европы, и когда столь

многочисленными инстанціями признано, что человѣческій организмъ, разъ подвергшійся дѣйствію коровьей оспы, никогда послѣ не можетъ заболѣть натуральной человѣческой оспой, я могу съ полной увѣренностью заявить, что въ коровьей оспѣ мы обладаемъ средствомъ, которое въ состояніи прогнать съ лица земли болѣзнь, каждую минуту выхватывающую свою жертву и представляющую самый тяжелый бичъ человѣчества». Не мало еще волненій пришлось пережить Дженнеру. Стоитъ упомянуть о докторахъ Вудвилѣ и Пирсонѣ, изъ которыхъ каждый по своему старался повредить новому дѣлу. Д-ръ Вудвиль подрывалъ довѣріе къ способу Дженнера небрежнымъ обращеніемъ съ вакциной, которую прививалъ въ испорченномъ видѣ, причемъ нерѣдко получались печальные результаты отъ прививокъ. Д-ръ Пирсонъ организовалъ акціонерную компанію для эксплуатаціи новаго открытія и подъ видомъ вакцины разсылалъ въ разные города и страны такой же недоброкачественный матеріалъ, какимъ пользовался для своихъ прививокъ д-ръ Вудвиль.

Какъ бы то ни было, послѣ ожесточенной борьбы, послѣ смѣнявшихъ другъ друга недовѣрія и энтузіазма по отношенію къ вакцинаціи, правое и великое дѣло Дженнера восторжествовало. Въ 1800 г. оспопрививаніе въ Англіи было объявлено обязательнымъ для арміи и флота, далѣе оно было распространено въ многочисленныхъ англійскихъ колоніяхъ, а также въ Сѣверной Америкѣ. Изъ Англіи вакцинація перешла на континентъ и во всѣхъ государствахъ стали учреждать оспопрививательные институты. Особое рвеніе въ дѣлѣ вакцинаціи обнаружила Германія, гдѣ ко времени появленія новаго способа свирѣпствовала оспенная эпидемія, а Баварія была первой страной, издавшей законъ объ обязательномъ оспопрививаніи въ 1807 году. Отъ Германіи не отставала и Франція. Въ Парижѣ былъ основанъ обширный оспопрививательный институтъ, который снабжалъ необходимой лимфой не только всѣ города Франціи, но и Женеву, Мадридъ и Стокгольмъ. Въ Италіи, благодаря энергіи знаменитаго врача Сакко, продѣлавшаго первый опытъ на себѣ, вакцинація распространялась очень быстро, не смотря на оппозицію духовенства и самого папы Льва X, признавшаго оспопрививательную коммиссію за учрежденіе еретическое и революціонное. Для распространенія вакцинаціи во внѣ-европейскихъ странахъ много сдѣлала Испанія, высылавшая корабли съ привитыми дѣтьми въ Перу, Китай, на Канарскіе острова и т. д.

Повсемѣстное введеніе вакцинаціи произвело чудо, о которомъ

раньше нельзя было и мечтать, казавшееся невѣроятнымъ осуществилось: въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оспенныя эпидеміи совершенно прекратились въ Европѣ, встрѣчавшіяся отдѣльныя заболѣванія потеряли свой грозный характеръ. Какую бы мы ни взяли статистику, сразу можно убѣдиться въ сказанномъ. За нѣсколько мѣсяцевъ (съ іюня по ноябрь) 1723 г. оспа унесла въ Парижѣ 13.350 чел. Въ восточныхъ и сѣверныхъ провинціяхъ Германіи за три года, съ 1794 по 1796 г., умерло отъ оспы 200.000 чел., въ Лондонѣ въ 1796 г. умерло—3.549, а въ Прагѣ—6.686 чел. По вычисленіямъ Остерлена, въ Европѣ въ XVIII ст. умирало отъ оспы отъ 1/12 до 1/10 всѣхъ жителей, т. е. около 1/2 милліона людей ежегодно, причемъ значительная часть, тоже около 1/2 милліона, оставалась обезображенной. 40% всѣхъ слѣпыхъ обязаны были своей слѣпотой оспѣ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи смертность отъ оспы среди вакцинированныхъ, даже въ сильную эпидемію, не превышаетъ 14%, а между невакцинированными она и въ настоящее время беретъ до 60%. Слѣпота отъ оспы — крайняя рѣдкость въ культурыхъ странахъ. Лондонъ, потерявшій въ 1796 году, какъ уже указано, отъ оспы 3.549 чел., въ 1804 г. теряетъ уже только 622 чел. Въ Штутгартѣ за пятилѣтіе 1797 — 1802 годъ умерло отъ оспы 274 человѣка, а въ пятилѣтіе 1821—1827 — не было смертныхъ случаевъ отъ оспы и т. д. Статистика далѣе установила, что до введенія вакцинаціи оспенныя эпидеміи вспыхивали черезъ каждые 3—5 лѣтъ, между тѣмъ какъ теперь считается уже почти немыслимой эпидемія оспы въ культурной странѣ.

Дѣло Дженнера не было, однако, вполнѣ закончено. Время и опытъ внесли два существенныхъ улучшенія въ методѣ оспопрививанія. Рѣчь идетъ здѣсь о ревакцинаціи (повторныхъ прививкахъ) и объ употребленіи для прививокъ, вмѣсто гуманизированной, животной лимфы.

Дженнеръ умеръ при убѣжденіи, что разъ привитая коровья оспа или перенесенная натуральная оспа избавляетъ въ огромномъ большинствѣ отъ вторичнаго заболѣванія навсегда. Между тѣмъ, въ началѣ 30-хъ годовъ текущаго столѣтія стали учащаться случаи заболѣванія лицъ, раньше хорошо вакцинированныхъ. Продолжавшая незамѣтное существованіе оппозиція (въ настоящее время число противниковъ оспопрививанія можно, по счастью, сосчитать по пальцамъ) подняла голову, особенно сильный протестъ обнаружился въ Германіи. Въ оппозиціонномъ движеніи приняли участіе лица разныхъ профессій и сословій, были среди аги-

таторовъ, къ сожалѣнію, и врачи, но послѣдніе, какъ и слѣдовало ожидать, составляли меньшинство. Не стоитъ перечислять всѣхъ доказательствъ, которыя приводились противниками оспопрививанія: большинство доказательствъ основано на извращеніи фактовъ, а противъ того, что вакцинація есть вообще мѣра безбожная—трудно что-нибудь сказать! Во всякомъ случаѣ, оппозиціонное движеніе сослужило свою службу: всѣми была признана необходимость ревакцинаціи, такъ какъ, очевидно, предохранительная сила коровьей и даже натуральной оспы со временемъ уменьшается или совсѣмъ пропадаетъ. Было установлено, что ревакцинація должна производиться, по крайней мѣрѣ, черезъ каждыя 10 лѣтъ. Въ Германіи ревакцинація была введена въ 1829 г., съ 1834 г. она сдѣлана обязательной для арміи, а въ 1874 г.—для всего населенія страны. Блестящимъ доказательствомъ огромной пользы, приносимой ревакцинаціей, можетъ служить оспенная эпидемія, свирѣпствовавшая во время франко-прусской войны 1870 года. Въ то время, какъ французская армія, гдѣ ревакцинація еще не была введена, потеряла отъ оспы 23.469 человѣкъ, нѣмецкая армія, вся ревакцинированная, потеряла не больше 500 человѣкъ, причемъ нѣмеціе солдаты спали на тѣхъ же кроватяхъ, на которыхъ до прихода нѣмцевъ лежали больные французы.

Въ числѣ доказательствъ, которыя выставлялись противниками оспопрививанія, было, между прочимъ, такое, что при существующемъ методѣ прививокъ отъ человѣка къ человѣку дана возможность перенесенія вмѣстѣ съ оспенной лимфой заразныхъ началъ другихъ болѣзней. На сдѣланный въ 1856 году лондонской санитарной коммиссіей запросъ по этому поводу, всѣ знаменитые врачи всего міра дали отрицательный отвѣтъ, т. е. не признали возможности передачи заразныхъ болѣзней путемъ прививокъ. Тѣмъ не менѣе, начиная съ шестидесятыхъ годовъ всюду стали вводить животную вакцину, которая уже является совершенно безопасной въ смыслѣ зараженія.

Методъ прививки животной вакцины извѣстенъ подъ именемъ неаполитанскаго, такъ какъ впервые былъ примѣненъ въ 1810 г. д-ромъ Гальбіани въ Неаполѣ. Распространеніе новый способъ получилъ съ 1864 г., послѣ сообщенія о немъ д-ра Пеласціано. Гальбіани прививалъ коровамъ лимфу, взятую съ человѣка, слѣдовательно, онъ собственно производилъ ретровакцинацію. Только д-ра Тройя и Негри въ 40-ыхъ годахъ первые стали поддерживать постоянно коровью оспу, вакцинируя коровъ, не имѣвшихъ

оспенныхъ прыщей, а съ коровъ начали дѣлать прививки телятамъ. Изъ Италіи способъ Тройя и Негри перешелъ во Францію, а затѣмъ распространился по всей Европѣ.

Вотъ какимъ образомъ культурное человѣчество, благодаря генію Эдуарда Дженнера, послѣ упорной борьбы, побѣдило одного изъ злѣйшихъ своихъ враговъ—оспу.

Посмотримъ теперь, какова была исторія оспы и борьбы съ ней у насъ, въ Россіи.

Вѣроятнѣе всего, что впервые оспа появилась въ началѣ XVII столѣтія въ Сибири, гдѣ производила страшное опустошеніе, особенно среди племени юкагировъ. Подъ вліяніемъ оспы почти исчезли съ лица земли племена омаковъ и камчадаловъ. Какія принимались у насъ мѣры для борьбы съ заразой до Петра I— нельзя ничего сказать, такъ какъ нѣтъ никакихъ историческихъ данныхъ. Впрочемъ, Патерикъ Печерскій сообщаетъ объ иконописцѣ Алиніи, который въ Кіевѣ занимался лѣченіемъ оспы: «вапою лицо его украси, струпы гнойные помазавъ и абіе спадоша ему струпья и первое здравіе благообразіе возвратися». Въ 1680 г. былъ обнародованъ указъ, чтобы объ одержимыхъ «боли огневою или лихорадкою и оспою или иными какими тяжкими болѣзнями» доставлялись свѣдѣнія въ «Разрядъ». Объ отдѣленіи заболѣвшихъ отъ здоровыхъ упоминается въ 1727 г., но мѣра эта, главнымъ образомъ, касалась Царскаго Двора. Въ 1755 г. въ Петербургѣ были назначены докторъ и два лѣкаря для лѣченія заболѣвшихъ оспой. При Елизаветѣ Петровнѣ греческій врачъ Манолаки и пасторъ Эйзенъ, занимавшійся уже инокуляціей, предлагали испробовать принятую въ Европѣ варіоляцію. Однако, всеобщее распространеніе варіоляція получила лишь тогда, когда была благополучно сдѣлана прививка Екатеринѣ II и Павлу. Въ 1781 г. заболѣла натуральной оспой австрійская императрица Марія-Терезія, не подвергшаяся предварительной прививкѣ. Екатерина II живо интересовалась состояніемъ здоровья Маріи - Терезіи и тѣмъ, удастся ли императрицѣ сохранить свою красоту. Боязнь за собственную красоту заставила Екатерину рѣшиться на прививку. Она приказала русскому послу въ Лондонѣ прислать въ Россію опытнаго врача для прививки оспы ей и сыну. Изъ Лондона былъ присланъ врачъ Димсдель, привезшій съ собою матерію отъ легкаго оспеннаго больного. Димсдель привилъ въ Петербургѣ привезенную матерію избраннымъ имъ самимъ тремъ дѣтямъ здоро-

ваго сложенія, а съ одного изъ этихъ ребятъ была взята матерія для Императрицы. Оспа было взята отъ 3-хъ-лѣтняго крестьянскаго мальчика Александра Маркова, которому было пожаловано дворянское достоинство, фамилія «Оспеннаго» и на содержаніе 3.000 руб. Прививка Императрицѣ была произведена 20 октября 1768 г. въ Зимнемъ дворцѣ. За двѣ прививки — Екатеринѣ и Павлу — д-ръ Димсдель получилъ 500.000 рублей. Оспа у Императрицы протекала очень легко, и Вольтеръ называлъ ее въ письмахъ «блистательной разрушительницей всѣхъ предразсудковъ». Примѣръ Екатерины произвелъ сильное впечатлѣніе и вслѣдъ за ней многіе подвергли себя операціи прививки. Вскорѣ Екатериной II былъ изданъ указъ объ обязательномъ оспопрививаніи, и прежде всего прививки начаты были въ Московскомъ воспитательномъ домѣ. Во многихъ городахъ Россіи и даже въ Иркутскѣ были открыты оспопрививательные госпитали. За каждаго привитаго выдавали серебряный рубль. Однако, благодаря тому, что дѣло попало сразу въ руки грубыхъ неучей-оспенниковъ, благодаря тому, что полиціей пускались въ ходъ насильственные пріемы для привлеченія населенія къ прививкамъ, а населеніе, при общей неразвитости, не понимало и не могло понять пользу прививокъ — благодаря всему этому, законъ о прививкахъ успѣха не имѣлъ. Къ этому времени и въ Европѣ наступаетъ разочарованіе въ цѣлесообразности варіоляціи.

Первая вакцинація въ Россіи была произведена въ Московскомъ воспитательномъ домѣ въ 1801 г. Гуманизированную лимфу привезла въ Москву Императрица Марія Θеодоровна, а лимфу Государыня получила, вѣроятно, отъ самого Дженнера, съ которымъ состояла въ перепискѣ. Для вакцинаціи былъ выбранъ мальчикъ Антонъ Петровъ, названный, по повелѣнію Императрицы, въ память важнаго событія, Антономъ Вакциновымъ. Вакцинацію произвелъ, по однимъ источникамъ, проф. Мухинъ, по другимъ—д-ръ Шульцъ. Изъ Московскаго воспитательнаго дома Императрица вывезла вакцинированную дѣвочку для продолженія прививокъ въ Петербургскомъ воспитательномъ домѣ. Воспитательные дома въ Петербургѣ и Москвѣ сдѣлались главными оспопрививательными центрами: они приготовляли и разсылали повсюду вакцину и производили безплатно прививки всѣмъ желающимъ. При Александрѣ I медицинской коллегіей былъ посланъ д-ръ Буттацъ для распространенія вакцинаціи по всей Россіи. Д-ръ Буттацъ побывалъ и въ Нерчинскѣ, и въ Кяхтѣ. Въ Москвѣ для распространенія вакцинаціи много сдѣлалъ проф. Мухинъ.

*

Въ 1805 г. была закономъ запрещенаваріоляція и введена вакцинація. Въ 1815 г. учреждается оспопрививательный комитетъ, на обязанности котораго лежитъ наблюденіе за правильнымъ производствомъ вакцинаци во всей странѣ и приготовленіе опытныхъ оспопрививателей. Нельзя сказать, что оспопрививательный комитетъ вполнѣ удачно справился съ возложенной на него задачей. Главный контингентъ оспенниковъ вербовался изъ любителей: тутъ были и священники, и сельскіе учителя, и отставные солдаты, и крестьяне. Техникѣ оспопрививанія обучали быстро, кое-какъ, за особое рвеніе и усердное прививаніе оспенники награждались медалями да, сверхъ того, пользовались нѣкоторыми льготами—избавлялись отъ тѣлесныхъ наказаній и кое-какихъ повинностей. Вѣдомости оспенниковъ о числѣ сдѣланныхъ прививокъ—утверждались священникомъ или сельскимъ начальствомъ и никакому, конечно, контролю не подвергались. Жалованье оспенникамъ ложилось налогомъ на населеніе и доходило до 10 коп. съ души.

Неудивительно, что такъ неудачно поставленное съ самаго начала дѣло имѣло очень дурныя послѣдствія: народъ смотрѣлъ на оспопрививаніе, какъ на тяжелую повинность, отъ которой надо всѣми силами уклониться, а такъ какъ невѣжественные оспенники очень часто причиняли своими прививками вредъ здоровью прививаемыхъ дѣтей, то является весьма понятнымъ, что еще и по этой причинѣ народъ уклонялся отъ вакцинаціи.

Дурное впечатлѣніе, произведенное на народъ первыми насадителями у насъ вакцинаціи, было такъ сильно, что не изгладилось, къ прискорбію, до сихъ поръ, и по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, цифры которыхъ ниже дѣйствительности, у насъ болѣе 200.000 изъ всего числа ежегодно рождающихся дѣтей остаются невакцинированными.

Съ введеніемъ земскихъ учрежденій дѣло оспопрививанія сдѣлало большіе успѣхи. Животная вакцинація была введена въ Петербургѣ въ 1868 г., когда принцъ Ольденбургскій доставилъ изъ-за границы въ воспитательный домъ животную вакцину, въ Московскомъ воспитательномъ домѣ животная вакцина стала употребляться въ 1869 г. докторомъ Клемонтовскимъ. Въ настоящее время многія земства и города имѣютъ образцово устроенные телятники.

Не смотря на огромные успѣхи, сдѣланные вакцинаціей за послѣднія 30 лѣтъ въ Россіи, нельзя не отмѣтить, что въ дѣлѣ оспопрививанія мы, къ сожалѣнію, сильно отстали отъ всѣхъ европейскихъ странъ. У насъ до сихъ поръ возможны еще большія оспен-

ныя эпидеміи, у насъ до сихъ поръ масса народу гибнетъ ежегодно отъ оспы, не говоря уже о большомъ количествѣ изуродованныхъ и слѣпыхъ.

По свѣдѣніямъ медицинскаго департамента, движеніе оспы за время съ 1880 по 1890 г. представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Годы.	Заболѣло.	Умерло.
1880..........	91.442	22.053
1881..........	121.937	28.046
1882..........	190.528	22.820
1883..........	67.434	16.472
1884..........	61.913	12.891
1885..........	69.776	12.837
1886..........	75.577	14.039
1887..........	102.904	19.630
1888..........	121.010	23.698
1889..........	—	—
1890..........	113.902	22.525

Приведенныя оффиціальныя свѣдѣнія, въ виду крайне неточной и неполной у насъ регистраціи больныхъ, конечно, много ниже дѣйствительной цифры заболѣвающихъ и умирающихъ отъ оспы. Такъ, по изслѣдованію свящ. Н. Блинова, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ въ 1875 г. въ Вятской губ. отъ оспы умерло 216 чел., а въ дѣйствительности умерло 12.760, т.-е. въ 60 разъ больше! По изслѣдованіямъ В. О. Губерта, за 23 года въ одной Казанской губерніи умерло отъ оспы 125.000 чел., а принимая, что изъ 10 заболѣвшихъ оспой умираетъ одинъ, число болѣвшихъ оспой въ Казанской губ. за 23 года будетъ равняться солидной цифрѣ въ 1.250.000! Въ селеніи Казанской губ., состоящемъ изъ 188 душъ, д-ръ В. О. Губертъ насчиталъ въ 1887 г. сильно рябыхъ— 176 человѣкъ.

Эти статистическія данныя, которыя можно было бы, конечно, представить въ гораздо большемъ количествѣ, ясно показываютъ, что мы далеко недостаточно пользуемся благодѣтельнымъ открытіемъ Дженнера.

У насъ до сихъ поръ нѣтъ, къ сожалѣнію, обязательнаго закона о ревакцинаціи. Правда, въ арміи ревакцинація практикуется уже много лѣтъ.

Изъ сказаннаго видно, что намъ предстоитъ еще много работы въ борьбѣ съ оспой. Усиліями какъ правительственныхъ, такъ и общественныхъ учрежденій необходимо добиться, чтобы

въ странѣ не было не вакцинированныхъ, чтобы ревакцинація была признана обязательной для всѣхъ. Большую роль въ этомъ дѣлѣ должно играть Вольное экономическое Общество, при которомъ еще въ 50 годахъ образовался значительный оспенный капиталъ, составившійся изъ взносовъ сельскихъ обществъ и городовъ.

Пожелаемъ, чтобы въ наступившемъ второмъ столѣтіи со дня великаго открытія Дженнера у насъ стали немыслимы оспенныя эпидеміи, уносящія до сихъ поръ ежегодно сотни тысячъ жизней. Наканунѣ XX вѣка просвѣщенное государство не можетъ и не должно отдавать столько жертвъ уже побѣжденной оспѣ.

Врачъ **В. И. Б—къ.**

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Что далъ литературѣ прошлый годъ.—Общее оживленіе въ литературѣ и отсутствіе выдающихся произведеній.—Ростъ газеты и будущее журнала.—Два слова о литературѣ на Западѣ.—Полное собраніе сочиненій Н. С. Лѣскова. — Общее впечатлѣніе. — Писатель-анекдотистъ. — Диѳирамбы г. Сементковскаго. — Лѣсковъ — мертвый писатель. — Второе изданіе сочиненій Н. К. Михайловскаго, томы I и II.

Что далъ въ литературѣ минувшій годъ? На чемъ можно было бы остановиться и отмѣтить, какъ наиболѣе яркое, характерное явленіе? Оглядываясь назадъ, на многочисленныя произведенія, украшавшія страницы повременныхъ изданій, на многочисленные сборники повѣстей, разсказовъ, стиховъ и прочаго литературнаго матеріала, можно замѣтить два явленія, повидимому, независимыя другъ отъ друга: съ одной стороны, оживленіе въ литературѣ, съ другой—отсутствіе выдающихся произведеній.

Первое не такъ, быть можетъ, очевидно, какъ второе, но признаки его разсѣяны въ журналистикѣ и вообще періодической печати. Сказывается это и въ небываломъ обиліи отдѣльныхъ изданій, обогащающихъ книжный рынокъ. Въ періодической печати замѣчается живое соревнованіе въ возможно полномъ ознакомленіи читателей съ тѣмъ, что появляется у насъ и заграницей въ области литературы и науки. Отдѣлы критики и библіографіи растутъ во всѣхъ журналахъ, тѣмъ не менѣе, далеко не удовлетворяя потребности и не поспѣвая за массой изданій, текущихъ непрерывной рѣкой изъ-подъ печатнаго станка. Обиліе переводной литературы, появленіе сразу въ двухъ-трехъ изданіяхъ одного и того же произведенія,—все это указываетъ на несомнѣнное оживленіе интереса къ литературѣ среди читателей и на количественный ростъ послѣднихъ. Въ особенности отрадно въ этомъ явленіи то, что спросъ сосредоточивается на серьезной литературѣ, преимущественно исторической и экономической, а также на книгахъ по естествознанію. Очевидно, въ средѣ самыхъ широкихъ общественныхъ слоевъ развивается органическая потребность знанія, въ истинномъ и высокомъ смыслѣ слова, не чисто утилитарнаго знанія, а болѣе высокаго порядка. Народился особый читатель, многочисленный, средній читатель, стремящійся чтеніемъ, самостоятельнымъ путемъ, помимо школы, добиться болѣе широкаго пониманія жизни, раздвинуть тѣ узкія рамки, въ которыя замкнута школьная наука послѣднихъ годовъ. Это явленіе высоко-поучительно и глубоко интересно. Оно показываетъ, какъ жизнь вырабатываетъ сама коррективы и компенсируетъ недостатки существующихъ учрежденій, разъ въ ней возник-

ли потребности, подавить которыхъ *ничто* не въ силахъ.

Это непреоборимое стремленіе къ свѣту еще только въ самомъ началѣ своего развитія. Оно похоже теперь на чуть-чуть журчащіе вешніе потоки, пробивающіеся изъ-подъ грузныхъ снѣговъ. Ихъ теченіе можетъ на минуту замедлить внезапно пахнувшій холодный вѣтеръ, но съ тѣмъ большею силою вырываются они потомъ при первомъ тепломъ дыханіи весны.

Иное совсѣмъ впечатлѣніе производитъ общій ровный тонъ литературы, нѣсколько безжизненный, вялый, какой-тоараднично - сѣрый колоритъ, лежащій на всей журналистикѣ. Ничего яркаго, выдающагося, ничего хватающаго за живое, свыше вдохновеннаго, что бы поднимало духъ, окрыляя надеждой поникшія, стѣсненныя сердца. И въ то же время все такъ гладко, въ общемъ даже недурно, но скучно-скучно безъ конца! Мысль, сдавленная и ограниченная мелкимъ кругомъ дневныхъ заботъ, вращается суетливо около одного и того же центра, безъ всякихъ попытокъ разорвать этотъ кругъ.

Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья бѣготня,

вотъ общее настроеніе журналистики прошлаго года. Есть въ этомъ что-то скорбное и приниженное, чувствуется усталость безцѣльнаго существованія, не согрѣтаго страстью желаній и гнѣвомъ борьбы. Какъ бы съ цѣлью подчеркнуть и оттѣнить это мертвое настроеніе, явились сильно и ярко написанные очерки «Изъ міра отверженныхъ»,—произведеніе, безспорно выдающееся, но не имѣющее никакого отношенія къ текущей жизни. Оно—словно стонъ, долетѣвшій откуда-то издалека и заглохшій въ шумѣ повседневной сутолоки.

На фонѣ послѣдней выдѣляются нѣсколько журнальныхъ стычекъ, «анкроморскихъ битвъ», по остроумному выраженію г. Буренина, интересовавшихъ болѣе противниковъ, чѣмъ читателей, которыхъ онѣ не могли захватить мелочностью своего содержанія. Выдѣляются двѣ-три вещи, имѣвшихъ успѣхъ скандала, да и тѣ забылись столь основательно, что требуется нѣкоторое напряженіе памяти, чтобы вызвать произведенное ими впечатлѣніе. Затихла и шумная декадентская бравада, ознаменовавшая предшествовавшій годъ. Наши декаденты, какъ неопытные пѣвцы, взявъ слишкомъ высокую ноту, сорвались и пѣсни своей не допѣли.

Современная ежемѣсячная журналистика находится, повидимому, въ періодѣ кризиса. Руководительство, «направленіе», принадлежавшее ей прежде, уходитъ отъ нея,—на сцену выступаетъ газета. Въ сравненіи съ количественнымъ и качественнымъ ростомъ послѣдней журналъ почти не растетъ. Въ провинціи выросъ и развился рядъ новыхъ газетъ, въ столицахъ объявлено сразу о выходѣ съ настоящаго года до десятка новыхъ органовъ,—и ни одного журнала. Періодическая печать, очевидно, переживаетъ и у насъ фазисъ развитія, давно уже прожитый обще-европейской печатью. Помимо нѣкоторыхъ временныхъ причинъ, въ этомъ ростѣ газетъ скрывается общая тенденція періодической печати у насъ—стать въ рядъ прочихъ общественныхъ проявленій русской жизни.

До сихъ поръ наша печать занимала совсѣмъ особое мѣсто въ этой жизни. Она стояла какъ бы внѣ ея, во всякомъ случаѣ, нѣсколько въ сторонкѣ. Она замыкалась въ тяжеловѣсные ежемѣсячники, двѣнадцать разъ въ году выступавшіе съ тяжеловѣсными сужденіями, глубоко-интересными и поучительными, трактовавшими de omne re scibili et quibusdam aliis *),

*) Обо всемъ познаваемомъ, а также и о прочемъ.

но лишь отдаленно касавшимися житейскихъ треволненій. Обыватель двѣнадцать разъ въ годъ получалъ книгу, на часъ оживлялся и засыпалъ до новой получки. Но жизнь понемногу тревожила обывателя, шевелила и возбуждала, и журналъ пересталъ удовлетворять его, какъ слишкомъ медленно поспѣшающій. На смѣну выдвигается живая и юркая газета, въ которой обыватель находитъ не столько поученіе, сколько отраженіе окружающей жизни, правда, подчасъ кривобокое и исковерканное. Но все же это ближе ему, болѣе интересуетъ и болѣе волнуетъ. Газета становится уже необходимостью, не вездѣ еще сознанною, но всѣми чувствуемою.

Этотъ фазисъ развитія печати находится у насъ еще въ самомъ началѣ, но дальнѣйшій ходъ его предвидѣть легко. Журналъ отодвинется еще болѣе на задній планъ и преобразуется въ форму научно-литературныхъ сборниковъ по западно-европейскому образцу, а газета займетъ все, вступивъ въ жизнь, какъ важное общественное учрежденіе, преслѣдующее свои собственныя цѣли, живущее самостоятельной жизнью внѣ зависимости отъ такъ-называемыхъ «общественныхъ интересовъ», «на стражѣ» которыхъ печать еще стоитъ у насъ или, скорѣе, мнитъ себя стоящей. Потому что развитая и самостоятельная печать никакихъ интересовъ не преслѣдуетъ и не отстаиваетъ, кромѣ своихъ собственныхъ, которые заключаются въ одномъ—быть сильной и независимой.

Переходя отъ русской литературы прошлаго года къ западно - европейской, мы и тамъ не находимъ ничего «дѣлающаго эпоху», хотя тоже можно бы указать довольно произведеній, вполнѣ достойныхъ вниманія, но не выходящихъ за предѣлы средняго уровня. Въ англійской беллетристикѣ, пожалуй, самый интересной по живости и содержательности, общее вниманіе обратилъ романъ м-ссисъ Гемпфри Уордъ «Сэръ Джоржъ Тресседи» и шумный романъ Грэнтъ Аллена «Женщина, которая рѣшилась». Оба романа принадлежатъ къ огромному циклу общественныхъ романовъ, все болѣе вытѣсняющихъ прежній психологическій типъ этихъ произведеній. Это, впрочемъ, общее явленіе на Западѣ, гдѣ жизнь постепенно выталкиваетъ писателя изъ его уединенія на арену борьбы общественныхъ интересовъ. Писатель добраго стараго времени виталъ высоко надъ землей, созерцая отгуда грѣшныхъ людей съ нѣкотораго рода презрѣніемъ. Но на высотѣ ему плохо были видны внѣшнія проявленія жизни людей, ихъ профессіональная дѣйятельность. Ему оставалось одно—взять во владѣніе душу, въ которой, какъ извѣстно, потемки, гдѣ можно очень удачно дѣлать открытія, не подвергаясь опасности быть уличеннымъ въ незнаніи. Психологія царила, поэтому, нераздѣльно, пока страшно не надоѣло всѣмъ вѣчное копанье въ душѣ. И теперь она не забыта, но ей отведено подобающее мѣсто въ романѣ, какъ и то, которое она занимаетъ въ жизни, гдѣ насъ сильнѣе интересуютъ дѣйствія, поступки людей, чѣмъ ихъ настроенія. Образцомъ такого умѣлаго сочетанія психологіи и общественной жизнь въ романѣ можетъ служить «Трэсседи», едва-ли не лучшее произведеніе Гемпфри Уордъ. Тонкими художественными штрихами обрисованъ постепенный переворотъ въ душѣ человѣка, выступившаго въ жизнь съ чисто личными цѣлями и подъ конецъ сознательно идущаго на смерть для спасенія другихъ. Великолѣпная въ художественномъ отношеніи картина смерти героя не является присочиненною, а логически вытекаетъ изъ всего хода дѣйствія романа. Значительно уступаетъ ему въ достоинствахъ романъ Грэнтъ Аллена,

*

тѣмъ не менѣе, крайне интересный по темѣ и ея обработкѣ, и на него стоитъ обратить вниманіе русскихъ читателей. Эти романы, представляющіе всю разносторонность и богатство общественной жизни Англіи, могутъ лучше всего убѣдить нашихъ читателей, какая масса нелѣпѣйшаго вздора распространяется нѣкоторой частью нашей печати шовинистическаго оттѣнка объ Англіи и лучшихъ стремленіяхъ ея общества. Читая ихъ, знакомясь съ культурой и нравами англичанъ, читатели поймутъ, почему Англія завоевала полъміра не силою оружія, котораго у нея меньше, чѣмъ у любой изъ континентальныхъ державъ, а силою духа; почему изъ дикой страны, въ родѣ Новой Зеландіи, гдѣ тридцать лѣтъ назадъ маорисы ѣли людей, англичане умѣютъ создавать культурные уголки, «рай для рабочихъ», не уступающіе ни въ чемъ самымъ культурнымъ странамъ Европы и во многомъ превосходящіе ихъ. Въ иномъ видѣ представляется и самый голодъ въ Индіи, на который съ такимъ злорадствомъ и лицемѣрнымъ сочувствіемъ упираютъ наши политиканы изъ уличной прессы. Голодъ въ малокультурной странѣ—стихійное бѣдствіе, предотвратить которое не въ силахъ самое благоустроенное попечительное правленіе. Но для смягченія его Англія закупаетъ хлѣбъ во всѣхъ концахъ міра и мобилизируетъ цѣлыя армады. Понятнымъ становится и то нѣсколько юмористическое отношеніе, съ которымъ въ Англіи было встрѣчено извѣстіе о сборѣ пожертвованій у насъ въ пользу Индіи,— этихъ 9.690 р. 54½ к. («Нов. Вр.» 14 дек.) для страны съ 250 мил. населенія.

Въ литературѣ на континентѣ по прежнему центромъ общаго интереса служатъ два-три крупныхъ писателя, какъ Ибсенъ и Гауптманъ, произведенія которыхъ появляются сразу на всѣхъ европейскихъ языкахъ. О пьесѣ перваго, «Габріэль Боркманъ», намъ придется еще говорить, когда она появится вся, такъ какъ печатаніе ея только еще началось. Здѣсь мы только отмѣтимъ то культурное единеніе народовъ Западной Европы, которое въ послѣдніе годы дѣлаетъ огромные успѣхи, не смотря на всѣ усилія политики и дипломатіи помѣшать ему. Въ этомъ отношеніи истекшій годъ былъ особенно замѣчателенъ. Масса международныхъ конгрессовъ по всевозможнымъ вопросамъ науки, литературы и общественнымъ и всякихъ выставокъ, на ряду съ указаннымъ литературнымъ явленіемъ—служитъ какъ бы стихійнымъ, непреоборимымъ моторомъ къ сближенію народовъ на почвѣ высшихъ духовныхъ интересовъ, объединяя ихъ въ одну общечеловѣческую семью. И тутъ наши патріоты усмотрѣли странный предлогъ для гордости въ томъ, что въ этомъ единеніи Россія почти не участвуетъ, повторяя глупое увѣреніе выжившаго изъ ума австрійскаго геолога Зюсса, будто будущее принадлежитъ русскимъ и желтой расѣ именно потому, что мы «не сливаемся въ этомъ общемъ потокѣ», нивеллирующемъ всѣхъ и сглаживающемъ національные антагонизмы.

Что касается новой пьесы Гауптмана «Утопленный колоколъ» («Der Versunkene Glocke»), то по типу она напоминаетъ «Ганнеле» и, конечно, появится на сценѣ петербургскаго литературно-артистическаго кружка, когда будетъ умѣстнѣе поговорить о ней подробнѣе. Она очень поэтична, и какъ символическое произведеніе, глубока и интересна. За исключеніемъ ея, въ этой области западная литература не дала ничего новаго. Только въ польской литературѣ особенно выдвинулся въ послѣднее время, какъ символистъ, Стефанъ Жеромскій, соединяющій рѣдкій поэтическій талантъ

съ глубокимъ содержаніемъ. Его манера письма совсѣмъ особенная. Слогъ его сама жизнь,—до того онъ искрится, дрожитъ и волнуется, всецѣло передавая читателю настроеніе автора. По своимъ симпатіямъ и направленію Жеромскій очень близокъ къ итальянской поэтессѣ Адѣ Негри, пѣвицѣ народнаго горя и страданія, которая въ прошломъ году обратила общее вниманіе въ Европѣ собраніемъ своихъ стихотвореній, мало кому извѣстныхъ до того, кромѣ немногихъ любителей поэзіи.

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности европейской литературы, ограничимся этими немногими замѣчаніями, самая краткость которыхъ отчасти свидѣтельствуетъ о нѣкоторой однотонности въ литературѣ не только у насъ. «На вершинахъ туманъ, надъ долиною ночь», можно сказать объ общемъ настроеніи, преобладавшемъ въ литературѣ Европы. Нѣкоторая подавленность общественнаго настроенія въ связи съ шумомъ растущихъ вооруженій, постоянные лицемѣрные толки о мирѣ, ради сохраненія котораго терпятся массовыя избіенія армянъ, и взаимныя заподозриванія, мѣшающія народамъ покончить съ призраками войны,—все это не могло не отразиться на литературѣ.

Два года тому назадъ умеръ Лѣсковъ, и смерть его прошла почти незамѣченной. Нѣсколько обычныхъ некрологовъ, двѣ-три широковѣщательныхъ статьи, написанныхъ друзьями покойника,—вотъ и все, въ чемъ выразилось вниманіе общества къ писателю, въ свое время дѣлавшему большой шумъ. И въ этой холодности общественнаго мнѣнія сказался тотъ общественный судъ, приговоры котораго всегда справедливы, потому что ни подкупить его, ни запугать нельзя. Это былъ приговоръ надъ человѣкомъ, дарованія котораго были растрачены какъ-то зря, безъ пользы для кого бы то ни было. Еще при жизни Лѣсковъ былъ уже мертвымъ писателемъ, мало привлекавшимъ вниманіе своими послѣдними произведеніями, хотя они были ни хуже, ни лучше всего, что онъ писалъ раньше. Тотъ же анекдотическій характеръ содержанія, та же грубоватая манера въ отдѣлкѣ, та же вычурность, дѣланность языка, излюбленныя словечки, кривлянье и ломанье. Что-то мертвое было всегда въ Лѣсковѣ, но раньше около его имени виталъ нѣкій специфическій запахъ, затхлый запахъ клеветническихъ извѣтовъ доносительнаго характера и лицемѣрнаго благочестія. Постепенно онъ выдыхался, и по мѣрѣ того, какъ жизнь шла впередъ, въ Лѣсковѣ сильнѣе сказывались его двѣ основныя черты, какъ писателя—анекдотъ и вычурность. Было любопытно читать его анекдоты, но они тутъ же и забывались. Теперь одолѣть двѣнадцать томовъ анекдотовъ, заключенныхъ въ тяжелую, неудобоваримую форму, это трудъ тяжкій и неблагодарный.

Писатель-анекдотистъ, такимъ выступилъ Лѣсковъ въ литературѣ и такимъ же закончилъ свою писательскую дѣятельность. Все, что проходило передъ нимъ, интересовало его лишь съ точки зрѣнія курьезнаго сюжетца. Уловить болѣе глубокое содержаніе жизни, разобраться среди многочисленныхъ теченій ея, уяснить себѣ ихъ смыслъ—на это у Лѣскова никогда не хватало ни ума, ни таланта. Его захватывала только внѣшность явленія, суть же его ускользала всецѣло. Періодъ общественной жизни, наиболѣе богатой содержаніемъ, каковы были шестидесятые годы, отразился въ произведеніяхъ Лѣскова въ видѣ ряда курьезныхъ анекдотовъ, тщательно нанизанныхъ имъ и подобранныхъ такъ, чтобы все грязное, весь хвостъ, существующій

въ каждомъ движеніи, получилъ въ глазахъ читателя значеніе главнаго содержанія. Если бы представить себѣ такой невозможный случай, что вся богатѣйшая литература того времени исчезла, и сохранился бы одинъ Лѣсковъ съ его «Соборянами», «Некуда», «На ножахъ», «Загадочною личностью» и прочимъ,—получилась бы прекурьезная для читателя, незнакомаго съ тѣмъ временемъ, картина: собраніе невозможныхъ уродцевъ, не только духовныхъ, но физическихъ уродцевъ, какими нехитрая публика заманивается въ разные музеи рѣдкостей. Какъ образчикъ, приведемъ описаніе наглаго нигилиста Термосесова изъ «Соборянъ»: «Термосесовъ былъ нѣчто, напоминающее кентавра. При огромномъ мужскомъ ростѣ у него было сложеніе здоровое, но чисто женское; въ плечахъ онъ узокъ, въ тазу непомѣрно широкъ; ляшки какъ лошадиные окорока, колѣни мясистыя и круглыя; руки сухія и жилистыя; шея длинная, но не съ кадыкомъ, какъ у большинства рослыхъ людей, а лошадиная—съ зарѣзомъ; голова съ гривой вразметъ на всѣ стороны; лицомъ смуглъ, съ длиннымъ, будто армянскимъ носомъ, и съ непомѣрною верхнею губой, которая тяжело садилась на нижнюю; глаза у Термосесова коричневаго цвѣта, съ рѣзкими черными пятнами въ зрачкѣ; взглядъ его присталенъ и смышленъ». Соотвѣтственно этому изображаются и духовныя качества. Персонажи Лѣскова всѣ уголовные преступники, которые воруютъ, насильничаютъ, жгутъ, убиваютъ, лгутъ, поддѣлываютъ подписи и пишутъ фальшивые векселя.

Читая теперь эти увѣсистыя произведенія, диву даешься, гдѣ авторъ бралъ для нихъ матеріалъ, и какъ-то стыдно дѣлается за литературу, въ которой подобная нелѣпица выдавалась за настоящую жизнь. Но, познакомившись со всѣми произведеніями Лѣскова, видишь, что Лѣсковъ, собственно говоря, ничего не сочиняетъ. Онъ всегда вѣренъ себѣ и описываетъ то, что видитъ, но видитъ онъ по своему. У него особый недостатокъ зрѣнія, благодаря которому ему все представляется шиворотъ на выворотъ. Такъ, въ послѣдній періодъ своей писательской дѣятельности, Лѣсковъ увлекся толстовскимъ ученіемъ и началъ подражать Л. Н. Толстому, сочиняя разныя сказанія на моральныя темы. Содержаніе своихъ сказаній онъ заимствовалъ изъ «Прологовъ», но что онъ сдѣлалъ съ героями «Прологовъ»,—это уму непостижимо! Наивную простоту, съ которой старинный бытописатель описываетъ житейскія явленія, Лѣсковъ превратилъ въ такую ничѣмъ не прикрытую наготу, такъ расписалъ, исказилъ, извратилъ и загрязнилъ, что моральный смыслъ преданій и высокое значеніе ихъ потонули въ морѣ разведенной Лѣсковымъ грязи. Читая его сказанія, вы чувствуете, что авторъ наслаждается нескромностью разсказа, не можетъ оторваться отъ нѣкоторыхъ сценъ, любуется ими, всецѣло забывая моральную цѣль, имѣвшуюся въ виду, когда онъ задумалъ сказаніе.

Эта извращенность, присущая Лѣскову, сказывается во всемъ, чего бы онъ ни коснулся. Есть у него рядъ разсказовъ изъ крѣпостной старины, въ которыхъ онъ выступаетъ, конечно, заклятымъ врагомъ крѣпостничества, но и въ нихъ онъ ухитрился выдвинуть на первый планъ особую сторону крѣпостничества. Очень характеренъ въ этомъ отношеніи небольшой очеркъ «Тупейный художникъ», въ которомъ разсказанъ ужасный случай, но такъ разсказанъ, что эта особая сторона заслоняетъ въ глазахъ автора весь ужасъ содержанія. Въ концѣ-концовъ читателемъ начинаетъ овладѣвать подозрѣніе, въ самомъ-ли дѣлѣ авторъ такъ ужъ не-

навидитъ крѣпостничество? И какъ сказанія Лѣскова подрываютъ вѣру въ искренность его благочестія, такъ его очерки изъ крѣпостного быта заставляютъ заподозрить его взгляды на крѣпостную зависимость. «Памва—лицемѣръ», плотоядно скалящій зубъ въ сказаніяхъ, такъ и чудится изъ-за негодующаго автора, сурово осуждающаго старину, отъ нѣкоторыхъ сторонъ которой онъ не можетъ оторваться.

Это двоедушіе Лѣскова лишаетъ художественной цѣльности всѣ его большія вещи и маленькіе разсказы. Онъ постоянно колеблется и жмется, наконецъ, размахнувшись, дѣлаетъ скачекъ и всегда попадаетъ въ лужу грязи, брызги которой пятнаютъ его лучшія вещи, какъ, напр., очеркъ «Соборяне». Описаніе быта духовенства, фигуры дьякона Ахилла и отца Захаріи очерчены очень живо, но лукавый бѣсъ, копошащійся въ душѣ Лѣскова, и тутъ подтолкнулъ его руку, которая, вырисовывая идеальнаго священника Туберозова, сдѣлала нѣсколько скверныхъ кляксовъ, исказившихъ лицо этого главнаго представителя высокаго духовнаго сана, какъ онъ представляется Лѣскову. Фигура получается дѣйствительно внушительная и для автора очень характерная, тѣмъ болѣе, что устами Туберозова говоритъ постоянно самъ Лѣсковъ. Туберозовъ, по идеѣ, является представителемъ воинствующаго духовенства. Для этого у него всѣ данныя—умъ, энергія, стойкость духа и непреклонная вѣра. Чего бы, казалось, больше? Нѣтъ, Лѣсковъ не выдерживаетъ и прибавляетъ къ этимъ высокимъ качествамъ нѣчто, ужъ совсѣмъ гаденькое и низменное, заставляя Туберозова писать доносъ и еще превозноситься этимъ,—«ибо я русскій и деликатность съ такими людьми долженъ считать за неумѣстное» (рѣчь идетъ о полякахъ). Такое непониманіе и неразборчивость въ самыхъ простыхъ вещахъ встрѣчаются у Лѣскова на каждомъ шагу. Лѣсковъ даже не догадывается, что человѣку, столь высокому по нравственному типу, какъ его Туберозовъ, никоимъ образомъ не придетъ въ голову доносъ. Но если сопоставить «Памву-лицемѣра», проявившагося въ сказаніяхъ Лѣскова, и скрытаго крѣпостника, притаившагося въ преданіяхъ о «Старыхъ годахъ села Плодомасова», съ этимъ доносомъ, то не получится никакого противорѣчія, не въ художественномъ образѣ Туберозова, а въ Лѣсковѣ, выглядывающемъ изъ-за Туберозова.

Нравственная нечистоплотность автора, разсѣянная въ этихъ двѣнадцати томахъ, на каждомъ шагу дающая себя чувствовать, дѣлаетъ чтеніе его произведеній очень тягостнымъ. Получается такое впечатлѣніе, какъ отъ затхлой, давно не провѣтриваемой комнаты, гдѣ накопилась масса грязи и сору, въ которомъ попадаются вещи, интересныя и заслуживающія вниманія. Но докопаться до нихъ—нелегкій трудъ, и когда на нихъ натыкаешься, настроеніе оказывается уже до того испорченнымъ, что вмѣсто художественнаго впечатлѣнія испытываешь досаду, зачѣмъ эти хорошія вещи сюда попали? Таковы, напр., его произведенія «Овцебыкъ» и «Запечатлѣнный ангелъ» Первое принадлежитъ къ числу раннихъ произведеній Лѣскова. Оно предшествовало его «Некуда», послѣ котораго Лѣсковъ словно съ горы покатился. Второе явилось какъ бы въ одинъ изъ свѣтлыхъ моментовъ, бывающихъ у каждаго человѣка. Какъ художественное произведеніе, «Запечатлѣнный ангелъ» выше по формѣ, замѣчательно выдержанной, обнаруживающей талантъ, если не крупный по размѣрамъ, за то оригинальный. «Овцебыкъ» глубже по содержанію. Его портитъ только обычная манера Лѣскова говорить кривляясь, съ ужимочкой, приглядкой, оглядкой и присядкой.

На этой манерѣ стоитъ остановиться. Г. Сементковскій, которому принадлежитъ критико-біографическая статья о Лѣсковѣ, приложенная къ изданію его полнаго собранія сочиненій, причисляетъ Лѣскова къ первоклассньмъ нашимъ писателямъ. «Если мы назовемъ, — говоритъ г. Сементковскій, — Гончарова, Тургенева, Островскаго, Достоевскаго, Писемскаго, Салтыкова, Л. Н. Толстого, то Лѣсковъ присоединяется къ этой блестящей плеядѣ, какъ талантъ не во всемъ имъ равный, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имъ не уступающій и превосходящій ихъ въ другихъ». Чувствуя, должно быть, что хватилъ нѣсколько грѣха на душу, г. Сементковскій привлекаетъ къ отвѣту г. Венгерова, заимствуя у него опредѣленіе особыхъ достоинствъ Лѣскова: «Подходя нѣкоторыми сторонами таланта къ Островскому, Писемскому и Достоевскому, онъ ни одному изъ этихъ великихъ мастеровъ русскаго слова не уступаетъ по чисто-художественнымъ силамъ... Ни у одного русскаго писателя нѣтъ такого неисчерпаемаго богатства фабулы... Въ тѣсной связи съ богатствомъ фабулы находится сконцентрированность беллетристической манеры Лѣскова... Наконецъ, не много знаетъ Лѣсковъ соперниковъ въ русской литературѣ по колоритности и оригинальности своего языка». Далѣе г. Сементковскій жалѣетъ, что Лѣскова до сихъ поръ не понимали. «Къ нему прикидывали лишь мѣрку собственныхъ воззрѣній и симпатій тѣ или другіе критики, и такъ какъ Лѣсковъ подъ эту мѣрку не подходилъ, то оцѣнка его не могла быть ни справедлива, ни убѣдительна. Надъ Лѣсковымъ до сихъ поръ произносила судъ не русская литературная критика, а та или другая партія».

Мы привели этотъ отзывъ, чтобы выяснить лучше нашу точку зрѣнія на Лѣскова. Не станемъ отрицать, что Лѣскову въ свое время доставалось отъ литературныхъ противниковъ. Съ тѣхъ поръ страсти утихли и говорить теперь о партійности, конечно, никто не станетъ. И вотъ теперь мы смѣемъ утверждать, что съ художественной точки зрѣнія Лѣсковъ не только не можетъ быть сравниваемъ съ «блестящей плеядой» приведенныхъ г. Сементковскимъ писателей, но и съ писателями второклассными, потому что онъ не художникъ. Какъ мы выше сказали, онъ—анекдотистъ, а всѣ эти 12 томовъ его сочиненій въ большей части просто собраніе грубыхъ, часто пошлыхъ анекдотовъ. Если выдѣлить изъ этой груды такія произведенія, какъ «Соборяне», «На краю свѣта», «Запечатлѣнный ангелъ», «Овцебыкъ», въ общемъ не болѣе одного тома,—все остальное, — если можно такъ выразиться,—ничто иное, какъ «скверный анекдотъ» въ русской литературѣ, на половину уже забытый теперь, а еще одно-два поколѣнія, и его забудутъ такъ же основательно, какъ забыли барона Брамбеуса, многотомное собраніе сочиненій котораго выдержало въ свое время не одно изданіе, а теперь мирно покоится на полкахъ библіотекъ. А между тѣмъ, и Брамбеусъ былъ писатель не безъ таланта, и у него найдутся страницы, которыя и теперь можно прочесть не безъ удовольствія. Но художественной критикѣ съ нимъ дѣлать нечего.

То же самое и Лѣсковъ. Онъ не художникъ, и чувство красоты, мѣры и художественной правды ему совершенно чуждо. Его большія произведенія, въ которыхъ нѣтъ свойственнаго другимъ его вещамъ специфическаго запаха клеветы, именно «Обойденные» и «Островитяне», такъ мертвенно-скучны, что читать ихъ нѣтъ возможности. Мы увѣрены, что огромному большинству читателей эти вещи, составляющія въ отдѣльномъ из-

данiи цѣлый томъ, вполнѣ неизвѣстны. И нельзя сказать, чтобы онѣ были хуже другихъ произведенiй Лѣскова. Онѣ нисколько не уступаютъ по литературнымъ достоинствамъ его знаменитымъ романамъ «Некуда» и «На ножахъ». Тотъ же тягучiй слогъ, болтливый тонъ въ передачѣ подробностей, та же смута въ головѣ автора, тѣ же безплодныя потуги на глубину, и жалкое остроумiе, заставляющее читателя краснѣть за автора. Отсутствiе мѣры здѣсь сказывается въ необычайныхъ достоинствахъ героевъ и героинь. Но это качество Лѣскова лучше прослѣдить на вещахъ, болѣе извѣстныхъ читателямъ, хотя бы по наслышкѣ.

Самое крупное произведенiе Лѣскова по размѣрамъ—романъ «На ножахъ», занимающiй въ полномъ собранiи два тома, почти 1.000 страницъ. На ряду съ романомъ «Некуда», это произведенiе является кульминацiоннымъ пунктомъ творчества Лѣскова. Въ нихъ онъ высказался весь, съ откровенностью, близкой къ цинизму. Теперь намъ трудно уже прочувствовать весь эффектъ этихъ романовъ. Настроенiе, съ которымъ они должны были бороться, прошло давно, и мы можемъ оцѣнивать ихъ только съ точки зрѣнiя исторической правды, потому что, какъ художественныя вещи, они ниже самой непритязательной критики. Въ этомъ отношенiи обличительные романы Маркевича, не смотря на всю бездарность его, много выше. У Маркевича больше литературности, чувствуется рука болѣе опытная въ обработкѣ деталей, и подчасъ встрѣчаются прямо-таки умныя вещи, какъ, напр., характеристика Гамлета въ романѣ «Четверть вѣка назадъ» (кажется, такъ, если не ошибаемся). У Лѣскова на 1.000 страницъ въ романѣ «На ножахъ» нѣтъ ни одной, на которой читатель, утомленный безконечнымъ пустословiемъ и клеветничествомъ автора, передохнулъ бы и запасся новыми силами для дальнѣйшаго странствiя по этой пустынѣ. Не думаемъ, чтобы для этого романа нашлись теперь читатели-добровольцы, чтенiе же его по обязанности рецензента наводитъ примирительный сонъ. «Некуда» много лучше, такъ какъ въ немъ собрана цѣлая куча пикантныхъ анекдотовъ увеселительнаго свойства, развлекающихъ читателя, хотя и не окупающихъ потери времени.

Прилагая къ этимъ романамъ историческую мѣрку, приходится сказать, что Лѣсковъ, благодаря отмѣченному выше недостатку зрѣнiя, не осмыслилъ явленiя, происходившаго на его глазахъ. Если не обращать вниманiя на личное озлобленiе, чувствующееся на каждомъ шагу, то собранные имъ факты или ничтожно мелки, или завѣдомо лживы. Невозможно допустить à priori, чтобы среди передовой части тогдашняго общества, молодежи въ особенности, были исключительно мерзавцы, шуты и сумасшедшiе. Напр., герой романа «На ножахъ» совершаетъ слѣдующiя преступленiя: обманомъ устраиваетъ обыскъ и арестъ своего прiятеля, продаетъ (буквально—за 9.500 р.) его въ мужья одной нуждавшейся въ мужѣ дамѣ, держитъ негласно кассу ссудъ, воруетъ письма и поддѣлываетъ рядъ векселей, соблазняетъ трехъ дѣвицъ, наконецъ, чтобы увѣнчать зданiе, убиваетъ мужа своей любовницы. Остальные герои соревнуютъ съ нимъ, и въ общемъ получается картина какой-то «черной ямы», кишащей извергами естества, съ которыми мужественно, но безуспѣшно борются идеальные герои консервативнаго типа. Насколько прогрессисты чернѣе чернилъ, настолько ихъ противники прикрашены всѣми совершенствами. Суздальская манера письма, преобладающая у Лѣскова вообще, развертывается здѣсь во всю ширь. Современный вкусъ этого уже не выноситъ, и что бы ни говорили

панегиристы, гг. Сементковскіе и Венгеровы, такое художество неприлично сопоставлять съ произведеніями «великихъ мастеровъ русскаго слова». Стыдно тревожить великія тѣни Тургенева, Достоевскаго и Салтыкова по поводу лѣсковскаго шутовства.

Потому что Лѣсковъ — шутъ въ душѣ. «Ни слова въ простотѣ, а все съ ужимкой»—такова его характерная особенность, какъ колоритнаго писателя. Въ большихъ его вещахъ, благодаря чрезвычайной водянистости, эта особенность не такъ замѣтна. Ее здѣсь подавляетъ болтливость. Но небольшіе его разсказы, начиная съ вычурныхъ заглавій, сплошное ломанье и кривлянье. Даже въ лучшихъ вещахъ онъ не можетъ удержаться, чтобы не выкинуть веселенькаго колѣнца, въ большинствѣ случаевъ пошловатаго. Напр., въ «Запечатлѣнномъ ангелѣ», безспорно самомъ лучшемъ, по выдержанности, разсказѣ Лѣскова, и тутъ онъ совсѣмъ зря, безъ всякой нужды, взялъ да и отмочилъ такое колѣнцо насчетъ «русской красоты». «У насъ,—говоритъ разсказчикъ, — въ русскомъ настоящемъ понятіи насчетъ женскаго сложенія соблюдается свой типъ, который, по нашему, гораздо нынѣшняго легкомыслія соотвѣтственнѣе, а совсѣмъ не то, что кочка. Мы длинныхъ цыбовъ точно не уважаемъ, а любимъ, чтобы женщина стояла не на долгихъ ножкахъ, да на крѣпоньkихъ, чтобъ она не путалась, а какъ шарокъ всюду каталась и поспѣвала, а цыбастенькая побѣжитъ да споткнется. Зміевидная тонина у насъ тоже не уважается, а требуется, чтобы женщина была понѣдристѣе и съ пазушкой, потому оно хоть и не такъ фигурно, да зато материнство въ ней обозначается, лобочки въ нашей настоящей чисто-русской женской породѣ хоть потѣльнѣе, помясистѣе, а за то въ этомъ мягкомъ лобочкѣ веселости и привѣта больше. То же и насчетъ носика: у нашихъ носики не горбылемъ, а все будто пипочкой, но этакая пипочка, она, какъ вамъ угодно, въ семейномъ быту гораздо благоувѣтливѣе, чѣмъ сухой гордый носъ. А особливо бровь; бровь въ лицѣ видъ открываетъ, и потому надо, чтобы бровочки у женщинъ не супились, а были пооткрытнѣе, дужкою, ибо къ таковой женщинѣ и заговорить человѣку повадливѣе и совсѣмъ она иное на всякаго, къ дому располагающее впечатлѣніе имѣетъ. Но нынѣшній вкусъ, разумѣется, отъ этого добраго типа отсталъ и одобряетъ въ женскомъ полѣ воздушную эфемерность». Не правда ли, смѣшно? Но это еще лучшее колѣнцо, иного значенія, кромѣ смѣхотворнаго, и не имѣющее. Иное дѣло, когда Лѣсковъ ихъ откалываетъ и по поводу, и безъ повода, такъ, ради зубоскальства, какъ, напр., въ разсказѣ «Полунощники», въ которомъ его невозможный, по опредѣленію г. Венгерова—«колоритный», языкъ доведенъ до виртуозной искаженности. Приводимъ нѣсколько образчиковъ этой «колоритности» изъ упомянутыхъ «Полунощниковъ»: «Ажидація», «долбица умноженія», «пять изъ семьи — сколько въ отставкѣ», «женихъ весь огурцомъ а-ля-пузе», «одѣтъ а-ля морда», «мимоноски строилъ съ морскими голованерами», «въ подземельномъ банкѣ портежъ сдѣланъ», «инпузорія въ пространствѣ», «мать - Переносица», «постановъ вопроса», «красоты видъ въ родѣ англичанскаго фасона, но съ буланцемъ», и все прочее въ томъ же родѣ на протяженіи семи слишкомъ листовъ. Въ смыслѣ коверканья русскаго языка Лѣсковъ не имѣетъ соперниковъ,—это совершенная правда. Даже г. Лейкинъ передъ нимъ долженъ спасовать. Вычурность и кривлянье видны изъ самыхъ заглавій, въ родѣ: «Несмертельный Голованъ», «Овцебыкъ», «Однодумъ», «Очарованный странникъ», «Черто-

гонъ», «Котинъ доилецъ», «Пустоплясы», «О квакереяхъ» и т. п. Благодаря этой ломкѣ языка, Лѣскова крайне тяжело читать. Словно по грудѣ ѣдешь, и тебя постоянно кидаетъ изъ стороны въ сторону. Къ этому надо прибавить постоянныя попытки на остроуміе, замѣняемое острословьемъ, отчего, въ концѣ концовъ, невыносимо тошно становится. Такъ и хочется прикрикнуть на автора: «да брось ты ломаться и говори попросту!» Но Лѣсковъ не въ силахъ остановиться. Болтливый пустословъ, онъ размазываетъ до безконечности свои анекдотики, въ которыхъ и заключается его «богатство фабулы».

Попробуемъ теперь свести наши замѣчанія о произведеніяхъ Лѣскова и нарисовать въ общихъ чертахъ его литературную физіономію. Писатель, одаренный талантомъ и наблюдательностью, но безъ Бога въ душѣ. Циникъ по складу ума и сластолюбецъ по темпераменту, онъ лицемѣръ, прикрывающійся высокими словами, въ святость которыхъ не вѣритъ. Онъ многое видѣлъ, многое наблюдалъ, но не осмыслилъ видѣннаго и слышаннаго, и потому далъ рядъ искаженныхъ, затѣйливыхъ узоровъ и ничего правдиваго. Онъ не каррикатуристъ, но и не сатирикъ. Для каррикатуры у него недоставало веселья и остроумія, для сатиры—ума и гражданской доблести. Онъ просто острословъ и суесловъ. Перефразируя характеристику, которую устами дьякона Ахилла онъ дѣлаетъ излюбленному своему герою Туберозову, можно сказать о Лѣсковѣ: «въ мірѣ бѣ и міра не позна»,—и потому эти двѣнадцать томовъ его сочиненій—храмина разсыпанная. Въ безобразной грудѣ ея обломковъ, среди кучи ненужнаго хлама и сора попадаются удивительныя вещи—и ничего цѣльнаго, ничего запечатлѣннаго печатью высшаго дара, одухотвореннаго высшей правдой, согрѣтаго добротой и вѣрой,—словомъ, ничего, чему было бы суждено «пройти вѣковъ завистливую даль».

Requiescat in pace! *).

«Всякій разъ, какъ мнѣ приходитъ въ голову слово «правда», я не могу не восхищаться его поразительною внутреннею красотой. Такого слова нѣтъ, кажется, ни въ одномъ европейскомъ языкѣ. Кажется, только по-русски истина и справедливость называются однимъ и тѣмъ же словомъ и какъ бы сливаются въ одно великое цѣлое. Правда въ этомъ огромномъ смыслѣ слова всегда составляла цѣль моихъ исканій. Правда - истина, разлученная съ правдой-справедливостью, правда теоретическаго неба, отрѣзанная отъ правды практической земли, всегда оскорбляла меня, а не только не удовлетворяла. И наоборотъ, благородная житейская практика, самые высокіе нравственные и общественные идеалы представлялись мнѣ всегда обидно-безсильными, если они отворачивались отъ истины, отъ науки. Я никогда не могъ повѣрить и теперь не вѣрю, чтобы нельзя было найти такую точку зрѣнія, съ которой правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука объ руку, одна другую пополняя. Во всякомъ случаѣ, выработка такой точки зрѣнія есть высшая изъ задачъ, какія могутъ представиться человѣческому уму, и нѣтъ усилій, которыхъ жалко было бы потратить на нее. Безбоязненно смотрѣть въ глаза дѣйствительности и ея отраженію—правдѣ-истинѣ, правдѣ объективной, и, въ то же время, охранять и правду - справедливость, правду субъективную,—такова задача всей моей жизни. Нелегкая эта задача. Слишкомъ часто мудрымъ зміямъ не хватаетъ голубиной чистоты, а

*) Миръ праху его!

чистымъ голубямъ—зміиной мудрости. Слишкомъ часто люди, полагая спасти нравственный или общественный идеалъ, отворачиваются отъ непріятной истины, и, наоборотъ, другіе люди, люди объективнаго знанія, слишкомъ часто норовятъ поднять голый фактъ на степень незыблемаго принципа. Вопросы о свободѣ воли и необходимости, о предѣлахъ нашего знанія, органическая теорія общества, приложенія теоріи Дарвина къ общественнымъ вопросамъ, вопросъ объ интересахъ и мнѣніяхъ народа, вопросы философіи, исторіи, этики, эстетики, экономики, политики, литературы въ разное время занимали меня исключительно съ точки зрѣнія великой двуединой правды. Я выдержалъ безчисленные полемическіе турниры, откликался на самые разнообразные запросы дня, опять-таки ради водворенія все той же правды, которая, какъ солнце, должна отражаться и въ безбрежномъ океанѣ отвлеченной мысли, и въ малѣйшихъ капляхъ крови, пота и слезъ, проливаемыхъ сію минуту».

Такимъ прекраснымъ опредѣленіемъ значенія правды начинается краткое предисловіе, которымъ Н. К. Михайловскій сопровождаетъ второе изданіе своихъ сочиненій. Въ то же время трудно было бы лучше охарактеризовать значеніе тридцатипяти-лѣтней литературной работы, заключенной въ эти толстые тома убористой печати въ два столбца. Огромный трудъ, значеніе котораго оцѣнитъ вполнѣ только будущій историкъ развитія русскаго самосознанія, проникнутъ одной идеей, красною нитью проходящей чрезъ всѣ статьи, ученыя работы и мелкія журнальныя замѣтки,— вѣрой въ непреодолимую силу правды. Тридцать пять лѣтъ—огромный промежутокъ въ жизни отдѣльной личности, да и въ жизни общества замѣтная величина. Нѣсколько поколѣній успѣетъ перемѣниться за это время, каждое внося свое настроеніе, свои задачи и цѣли. А время, когда началась, продолжалась и продолжается (и отъ души пожелаемъ продолжаться ей возможно дольше) работа Н. К. Михайловскаго, одно изъ самыхъ богатыхъ событіями и переворотами въ жизни общества,— одна изъ тѣхъ эпохъ, когда люди живутъ лихорадочной жизнью, и смѣна настроеній происходитъ быстрѣе, чѣмъ, можетъ быть, слѣдовало бы. Такія эпохи неустойчиваго равновѣсія общественнаго духа порождаютъ неустойчивыя организаціи, легко поддающіяся любому настроенію. Какъ вѣтромъ колеблемые тростники, люди, по существу и хорошіе, мятутся въ жалкомъ безсильи, неспособные ни противостать налетѣвшему вихрю, ни пойти за нимъ,—они только покорно сгибаются. И велика заслуга писателя, съумѣвшаго отстаивать правду въ такія минуты, не только не поддаваясь общему настроенію, но борясь съ нимъ и поддерживая въ другихъ желаніе и вѣру. Такіе писатели служатъ какъ бы путеводными вѣхами для блуждающихъ въ туманѣ. Ихъ стойкій видъ внушаетъ бодрость и надежду, а твердый и спокойный голосъ звучитъ тогда обѣтованіемъ лучшихъ дней.

Есть въ этомъ и великое счастье— сохранить въ себѣ юношескую вѣру въ силу правды, вѣру, съ которою такъ многіе вступаютъ въ жизнь, кончая ее затѣмъ если не предательствомъ, — тоже удѣлъ многихъ,—то разочарованіемъ и равнодушіемъ. Но въ этомъ счастьѣ есть и великая грусть. Одну изъ своихъ послѣднихъ статей, по поводу «новой красоты», Н. К. Михайловскій заканчиваетъ грустнымъ восклицаніемъ: «О поле, поле, кто тебя усѣялъ мертвыми костями!» И мы понимаемъ эту скорбь сердца, бившагося всегда за одно съ біеніемъ жизни массъ, считавшаго своей цѣлью не исканіе «новыхъ красотъ» ради самоуслажденія, а борьбу за «кровь

и потъ» этихъ массъ. Даромъ ничто не дается, и писатель, которому выпало на долю счастье всю жизнь остаться вѣрнымъ лучшимъ обѣтамъ молодости, не можетъ не переживать такихъ минутъ «черной скорби».

In idem flumen bis non descendimus *). Но можно, стоя на берегу рѣки, предупреждать неопытныхъ пловцовъ объ опасныхъ мѣстахъ, слѣдя съ высоты за виднѣющимися впереди круговоротами. И мало писателей въ текущей литературѣ, которые съ большимъ вниманіемъ слѣдили бы за теченіемъ рѣки жизни и съ такой искренностью указывали бы мели и подводныя скалы, какъ Н. К. Михайловскій. Можно не соглашаться съ его указаніями, но никто не заподозритъ ихъ въ неискренности.

*) «Въ ту же рѣку дважды мы не вступаемъ». Сенека поясняетъ эту мысль Гераклита словами: «Manet idem fluminis nomen, aqua transmissa est», т. е. имя рѣки остается то же, но вода протекаетъ. Seneca, Ep. l. VII, I, 20.

Какъ блестящій публицистъ, Н. К. Михайловскій до сихъ поръ не имѣетъ себѣ равнаго, хотя слово «блестящій» какъ-то непримѣнимо къ нему. Такъ простъ его слогъ, но въ этой простотѣ заключается сила жизненности и глубокой мысли, не ищущей никакихъ украшеній. Къ нему болѣе всего примѣнимы слова Шопенгауэра, что «каждый прекрасный и богатый мыслями умъ всегда выражается самымъ естественнымъ, не замысловатымъ и простымъ образомъ, стараясь, на сколько возможно, сообщить другимъ свои мысли и тѣмъ облегчить уединеніе, которое онъ долженъ испытывать въ такомъ мірѣ, какъ этотъ».

Искренно желаемъ возможно быстраго распространенія второго изданія его сочиненій. Мы не думаемъ ограничиться этими нѣсколькими бѣглыми замѣтками и по выходѣ остальныхъ 4-хъ томовъ постараемся дать читателямъ очеркъ научныхъ трудовъ Н. К. Михайловскаго, написанный болѣе опытной рукой. **А. Б.**

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Студенческіе безпорядки въ Москвѣ. Въ «Прав. Вѣстникѣ» напечатано слѣдующее правительственное сообщеніе о студенческихъ безпорядкахъ въ Москвѣ:

«Съ давнихъ поръ въ университетахъ Имперіи студенты группировались въ кружки: по общности происхожденія изъ одной мѣстности, окончанія курса въ одной гимназіи или принадлежности къ народности, представителей которой въ данномъ университетѣ было немного. Вновь поступающіе въ университетъ разыскивали старшихъ товарищей по гимназіямъ, земляковъ, и примыкали къ «землячеству», которое обыкновенно носило соотвѣтствующее названіе: «рязанское землячество», «орловское», «сибирское», «украинское», «грузинское» и т. д. Первоначально землячества преслѣдовали исключительно задачи матеріальной взаимопомощи, и съ этою цѣлью учреждали свои кассы, устраивали подписки, лотереи, вечеринки, и собираемыя средства выдавали въ ссуду или пособіе нуждающимся товарищамъ-землякамъ. Съ теченіемъ времени въ нѣкоторыхъ университетахъ землячества начали расширять свои задачи и вводить въ свою программу, кромѣ матеріальной помощи, стремленіе къ самообразованію. Возникли земляческіе «кружки саморазвитія», причемъ на этой почвѣ многія землячества отнеслись къ дѣлу односторонне, посвятивъ себя исключительно изученію соціологіи и новѣйшихъ политико-экономическихъ теорій. Всѣ кружки съ такимъ направленіемъ весьма скоро обратились къ изученію господствующихъ революціонныхъ ученій, къ чтенію запрещенныхъ цензурою сочиненій и произведеній подпольной печати, а затѣмъ и сами, въ большей или меньшей степени, стали выражать сочувствіе революціонному движенію, оказывать, изъ земляческихъ средствъ, пособія въ пользу политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ («красный крестъ партіи народной воли»), и, наконецъ, члены такихъ землячествъ стали пополнять собою ряды активныхъ революціонеровъ.

Въ этотъ періодъ существованія землячествъ появилась мысль, въ видахъ увеличенія оборотовъ земляческихъ кассъ, соединять средства отдѣльныхъ группъ въ одну общую кассу, которая, подъ управленіемъ выборныхъ отъ землячествъ депутатовъ, удовлетворяла бы нужды членовъ землячествъ и вѣдала бы нѣкоторые обще-студенческіе интересы.

На этомъ основаніи, въ концѣ 80-хъ годовъ, въ Московскомъ университетѣ образовалась такъ-называемая «центральная касса», въ которую вошло большинство существовавшихъ землячествъ, причемъ депутаты отъ землячествъ, призванные къ завѣдыванію кассою, вскорѣ присвоили себѣ право вмѣшиваться въ раз-

ныя студенческія дѣла и рѣшать ихъ отъ имени присоединившихся къ кассѣ земляческихъ группъ. Въ непродолжительномъ времени при «центральной кассѣ» организовался «студенческій судъ», который сталъ по своему усмотрѣнію разбирать не только недоразумѣнія между студентами и требовать удаленія тѣхъ изъ нихъ, которые, по мнѣнію депутатовъ, были недостойны званія студента, но присвоилъ себѣ даже право осуждать дѣятельность професоровъ и учебнаго начальства, публикуя свои рѣшенія особыми листками, издававшимися на гектографѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ «центральная касса» уступила мѣсто новому обще-студенческому учрежденію, присвоившему себѣ наименованіе «союзнаго совѣта объединенныхъ землячествъ». Къ этому учрежденію первоначально присоединилось 24 землячества; нынѣ же «союзный совѣтъ» располагаетъ голосами 45 землячествъ, считающихъ въ своихъ рядахъ около 1.500 студентовъ, что составляетъ менѣе половины общаго числа студентовъ Московскаго университета.

«Союзный совѣтъ объединенныхъ землячествъ», совмѣщая къ себѣ функціи распорядительныя и судебныя по всѣмъ обще-студенческимъ дѣламъ, считаетъ себя выразителемъ желаній всего московскаго студенчества и присвоиваетъ себѣ право руководить самовластно мнѣніемъ студентовъ во всѣхъ вопросахъ университетской, общественной и даже государственной жизни.

Такъ, «союзный совѣтъ», по своему усмотрѣнію, возбуждаетъ волненія въ университетѣ или прекращаетъ ихъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ, «союзный совѣтъ», признавъ несоотвѣтствующимъ своимъ взглядамъ направленіе дѣятельности одного изъ професоровъ, прислалъ ему свое рѣшеніе съ требованіемъ объ оставленіи каѳедры; во время тулонскихъ празднествъ, «союзный совѣтъ», отъ имени всего студенчества, выразилъ французскимъ студентамъ «свое негодованіе по поводу раболѣпства свободной націи передъ представителями самодержавнаго режима». Въ концѣ 1894 г. и въ началѣ 1895 г. «союзный совѣтъ» возбудилъ агитацію не только среди московскихъ студентовъ, но, черезъ посредство своихъ эмисаровъ, и въ другихъ университетскихъ городахъ, о подачѣ петиціи на Высочайшее Имя объ отмѣнѣ нынѣ дѣйствующаго университетскаго устава и замѣнѣ его уставомъ 1863 года, о допущеніи въ университеты женщинъ, объ отмѣнѣ инспекціи, о свободѣ преподаванія, о подчиненіи студентовъ вѣдѣнію только университетскаго суда, и т. п. Возбужденное «союзнымъ совѣтомъ» волненіе среди студентовъ въ имперіи принудило администрацію принять противъ этого тайнаго кружка болѣе строгія мѣры. вслѣдствіе чего, въ началѣ 1895 года, наличный составъ «союзнаго совѣта» былъ арестованъ во время сходки, и отобранные по обыскамъ у членовъ «совѣта» документы подвергнуты тщательному изслѣдованію. Разслѣдованіе выяснило организацію этого сообщества, преслѣдовавшаго въ своей дѣятельности, кромѣ обще-студенческихъ дѣлъ, и вопросы политическаго свойства, ничего общаго съ задачами университета и вопросами самопомощи не имѣющіе.

Въ началѣ нынѣшняго академическаго года возстановившійся «союзный совѣтъ» призналъ своевременнымъ возбудить безпорядки въ московскомъ университетѣ и затѣмъ распространить ихъ и на прочіе университеты Имперіи. Въ виду отсутствія какихъ-либо болѣе или менѣе достаточныхъ основаній къ неудовольствію студентовъ, «союзный совѣтъ» рѣшилъ выставить поводомъ къ общему протесту назначеніе на одну изъ каѳедръ медицинскаго факультета професора,

не пользующагося симпатіями слушателей. Первоначально этотъ поводъ отвергнутъ землячествами, но на послѣдующемъ голосованіи вопросъ о безпорядкахъ прошелъ большинствомъ 90 голосовъ при 1.000 балотировавшихъ. Несмотря, однако, на это рѣшеніе, значительное большинство студенчества, не входящее въ составъ «объединенныхъ землячествъ», не нашло совмѣстнымъ съ своими интересами согласиться на возбужденіе безпорядковъ по столь незначительной причинѣ, и нарушеніе порядка не состоялось, за исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ проявленій дѣтскихъ протестовъ со стороны нѣкоторыхъ студентовъ, которые во время лекцій означеннаго профессора громко кашляли, сморкались и выходили съ шумомъ изъ аудиторіи.

Слѣдуетъ отмѣтить здѣсь, что, опекая столь заботливо достоинство студенчества, «союзный совѣтъ» не упускалъ изъ виду и своихъ «общественныхъ обязанностей» и, получивъ извѣстіе о незначительной забастовкѣ рабочихъ на одной изъ костромскихъ фабрикъ, тотчасъ же выпустилъ воззваніе къ студентамъ, приглашая ихъ придти на помощь стачникамъ. Шапка, со вложеннымъ въ нее воззваніемъ, ходила по рукамъ студентовъ во время лекцій, для сбора пожертвованій, а также два землячества ассигновали для этой цѣли 170 рублей изъ земляческихъ средствъ.

Для правильнаго сужденія о цѣляхъ организаціи «союзнаго совѣта», его ближайшихъ задачахъ и способахъ дѣйствія, представляется полезнымъ помѣстить здѣсь текстъ общихъ соображеній, изложенныхъ въ воззваніи «союзнаго совѣта объединенныхъ московскихъ землячествъ», отъ 21-го октября сего года:

«I. Союзный совѣтъ полагаетъ, что главною цѣлью союза землячествъ должна быть подготовка борцовъ къ политической дѣятельности.

«II. Союзный совѣтъ считаетъ, что организованный активный протестъ въ данную эпоху все усиливающейся реакціи будетъ имѣть громадное и широкое воспитательное значеніе.

«III. Союзный совѣтъ находитъ фактъ съ професоромъ X достаточно важнымъ мотивомъ для поднятія организованныхъ безпорядковъ—съ цѣлью борьбы противъ современнаго университетскаго режима, какъ частичнаго проявленія общегосударственной политики, безпорядковъ, къ которымъ должно привлечь студенческія массы тѣхъ университетскихъ городовъ, гдѣ имѣются студенческія организаціи.

«IV. Союзный совѣтъ проситъ землячества и другіе университеты дать отвѣты на слѣдующіе вопросы:

«1) Присоединяются ли землячества и университеты къ мнѣнію союзнаго совѣта, что слѣдуетъ открыто протестовать въ настоящее время противъ общаго университетскаго режима, воспользовавшись исторіею съ означеннымъ професоромъ?

«2) Если присоединяются, то предоставляютъ ли союзному совѣту право организовать протестъ и выработать программу требованій?

«3) Согласны ли подчиниться программѣ требованій и дѣйствій, выработанныхъ союзнымъ совѣтомъ послѣ опроса землячествъ и другихъ университетовъ?

«V. Землячества, не подавшія своихъ отвѣтовъ союзному совѣту къ 5-му ноября, должны будутъ подчиниться общему рѣшенію.

«VI. Каждое землячество должно представить статистическія данныя съ указаніемъ количества лицъ, принявшихъ пункты, предложенные союзнымъ совѣтомъ, и числа отвергнувшихъ ихъ.

«Въ защиту высказанныхъ положеній союзный совѣтъ считаетъ нужнымъ привести нижеслѣдующіе мотивы:

«Современный университетскій ре-

жимъ есть лишь частичное проявленіе общегосударственной политики. Борясь противъ насилія и произвола университетскаго начальства, студенчество будетъ закаляться и воспитываться для политической борьбы съ общегосударственнымъ режимомъ. Систематическое проведеніе реакціонныхъ началъ въ жизнь университетовъ со стороны правительства сопровождалось полною деморализаціею профессуры и упадкомъ чувства собственнаго достоинства въ студенчествѣ»... «Безпорядки, поставленные на общегосударственную почву, взволновавъ студенческую среду, вызовутъ къ активной жизни наилучшіе элементы, для которыхъ станетъ ясенъ смыслъ и значеніе протеста. Выразивъ активный протестъ, студенчество покажетъ, что его нельзя безнаказанно оскорблять, и что бываетъ предѣлъ его терпѣнію. Исторія съ професоромъ Х является достаточнымъ поводомъ для возбужденія обще-студенческаго движенія»...

Неуспѣхъ агитаціи по избранному «союзнымъ совѣтомъ» поводу понудилъ это сообщество вызвать безпорядки инымъ способомъ, а именно произвести уличную демонстрацію съ политическою окраскою, и на почвѣ тѣхъ мѣръ, которыя несомнѣнно будутъ приняты администраціею, поднять учащееся юношество на безпорядки и въ стѣнахъ университета. Такимъ поводомъ былъ избранъ полугодовой день несчастнаго событія на Ходынскомъ полѣ, и съ этою цѣлью «союзный совѣтъ» выпустилъ воззваніе къ студентамъ, приглашавшее ихъ явиться 18-го ноября на Ваганьково кладбище, для служенія панихиды по погибшимъ, «и своимъ присутствіемъ», какъ говоритъ текстъ воззванія отъ 14-го ноября, «выразить съ одной стороны сочувствіе жертвамъ небрежности администраціи, а съ другой,—протестъ противъ существующаго порядка, допускающаго возможность подобныхъ печальныхъ фактовъ».

Обнаруженное «союзнымъ совѣтомъ» намѣреніе произвести демонстрацію внѣ стѣнъ университета вызвало распоряженіе администраціи подвергнуть аресту всѣхъ участниковъ этого тайнаго кружка, въ числѣ 56 человѣкъ, причемъ по обыскамъ, произведеннымъ 16-го и 17-го ноября, у этихъ лицъ найдены въ значительномъ количествѣ вещественныя доказательства, удостовѣряющія ихъ принадлежность къ «союзному совѣту», и агитаціонную дѣятельность этого сообщества. Независимо документовъ означеннаго характера у многихъ изъ членовъ «союзнаго совѣта» найдены документы, относящіеся до дѣятельности революціоннаго сообщества, именующагося «рабочимъ союзомъ», и преступныя изданія подпольной печати.

Несмотря, однако, на арестъ членовъ центральной студенческой организаціи, 18-го ноября, утромъ, группа студентовъ, численностью до 500 человѣкъ, возбужденныхъ вышеуказаннымъ воззваніемъ, направилась къ Ваганькову кладбищу, но у Прѣсненской заставы была остановлена полиціею. Отказавшись разойтись, толпа повернула назадъ и по Никитской улицѣ направилась къ университету. По дорогѣ нѣкоторая часть студентовъ разошлась по домамъ, но около университета къ толпѣ присоединилась часть студентовъ, находившихся у воротъ, а также вышедшихъ изъ университета. Вслѣдствіе отказа разойтись, толпа была проведена въ расположенный близъ университета манежъ, гдѣ всѣ участники демонстраціи переписаны, а затѣмъ освобождены, за исключеніемъ 36-ти человѣкъ, замѣченныхъ въ руководительствѣ безпорядковъ и подстрекательствѣ товарищей. Кромѣ студентовъ, въ толпѣ оказалось нѣсколько слушательницъ женскихъ курсовъ и не-

принадлежащихъ къ составу университета лицъ.

19-го ноября въ университетѣ собралась сходка болѣе 400 человѣкъ студентовъ, которая послала 20 депутатовъ для предъявленія ректору требованія объ освобожденіи арестованныхъ товарищей. Ректоръ отказался принять депутатовъ, въ виду того, что сходки и коллективныя заявленія воспрещены уставомъ университета, но, не смотря на это, уполномоченные сходки насильно вошли въ квартиру ректора, который отказался выслушать ихъ заявленіе и предложилъ удалиться. Вслѣдъ затѣмъ ректоръ вышелъ къ собравшимся на сходку студентамъ и продолжительно уговаривалъ ихъ разойтись; въ виду же отказа большинства толпы исполнить это требованіе, учебное начальство принуждено было обратиться для ареста ослушниковъ къ содѣйствію полиціи, которая вошла въ университетъ и препроводила участниковъ сходки въ манежъ, гдѣ и были записаны 403 человѣка, отправленные затѣмъ въ тюремный замокъ.

20-го и 22-го ноября въ университетѣ собрались вновь шумныя сходки, участники которыхъ, вслѣдствіе упорнаго отказа разойтись, также были арестованы, по требованію учебнаго начальства, мѣрами полиціи, причемъ задержаны: въ 1-й день—206, а во 2-й—66 человѣкъ. Изъ общаго числа арестованныхъ—711 человѣкъ, нѣкоторые обратили на себя особое вниманіе администраціи и учебнаго начальства, какъ организаторы и руководители безпорадковъ, вслѣдствіе чего дѣло о нихъ, а также объ арестованныхъ 17-го ноября членахъ «союзнаго совѣта», имѣетъ быть направлено въ порядкѣ ст. 32—36 Высочайше утвержденнаго положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Виновность же остальныхъ 662 студентовъ была разсмотрѣна университетскимъ судомъ, который, раздѣливъ ихъ на три категоріи, постановилъ:

«1) студентовъ первой категоріи, въ числѣ 26 человѣкъ, участвовавшихъ въ названныхъ сборищахъ, при отягчающихъ вину обстоятельствахъ или ранѣе замѣченныхъ въ университетѣ въ проступкахъ и нарушеніяхъ правилъ, уволить изъ университета съ правомъ поступленія въ другіе университеты съ начала будущаго академическаго года;

«2) студентовъ второй категоріи, въ числѣ 175 человѣкъ, участвовавшихъ въ сборищахъ два раза,—подвергнуть тому же наказанію, и,

«3) студентовъ третьей категоріи, въ числѣ 461, участвовавшихъ въ сборищахъ одинъ разъ, уволить изъ университета съ правомъ обратнаго поступленія съ начала будущаго учебнаго года.

«Но принимая во вниманіе, что студенты участвовали въ сборищахъ, какъ свидѣтельствуютъ обстоятельства дѣла, подъ давленіемъ лицъ, преслѣдующихъ цѣли, несовмѣстимыя съ правильнымъ теченіемъ университетской жизни, правленіе рѣшило ходатайствовать относительно студентовъ второй и третьей категорій, въ числѣ 636 человѣкъ, передъ министромъ народнаго просвѣщенія, о смягченіи указанныхъ выше наказаній, а именно: подвергнуть этихъ студентовъ дисциплинарнымъ взысканіямъ соотвѣтственно степени ихъ вины, по опредѣленію правленія, на основаніи дѣйствующихъ правилъ для студентовъ, съ послѣдствіями, указанными § 37 сихъ правилъ, и съ предупрежденіемъ, что означенные студенты, въ случаѣ новаго участія въ сходкахъ и недозволенныхъ сообществахъ, будутъ исключаемы изъ университета безъ всякаго смягченія ихъ участи».

Ходатайство правленія Императорскаго московскаго университета о лицахъ, отнесенныхъ ко II и III категоріямъ, было уважено министромъ

народнаго просвѣщенія, и они въ теченіе 25-го, 26-го и 27-го ноября освождены изъ-подъ стражи, въ числѣ 636 человѣкъ

Вслѣдъ за симъ, 27-го ноября, въ стѣнахъ университета было вывѣшено нижеслѣдующее объявленіе:

«Ректоръ Императорскаго московскаго университета, согласно распоряженію гг. министровъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, симъ сообщаетъ студентамъ, что: а) всѣ тѣ изъ нихъ, которые будутъ участвовать вновь въ сходкахъ или иныхъ коллективныхъ проявленіяхъ неповиновенія университетскому начальству, а равно полиціи, будутъ арестованы и немедленно высланы изъ Москвы, причемъ они будутъ считаться уволенными безъ прошенія; б) нежелающіе подчиниться установленнымъ университетскимъ правиламъ и распоряженіямъ начальства могутъ получать обратно свои документы въ установленный начальствомъ университета срокъ и будутъ считаться уволенными по прошенію».

Чтеніе лекцій въ университетѣ безпрерывно продолжалось, а съ 23-го ноября порядокъ явнымъ образомъ болѣе не нарушался, въ виду чего можно надѣятся, что благразуміе студентовъ старшихъ курсовъ одержитъ верхъ надъ искусствено возбужденной «союзнымъ совѣтомъ» агитаціей и нормальный порядокъ возстановится безъ особаго ущерба для правильнаго теченія университетской жизни.

Не довольствуясь возбужденіемъ безпорядка въ московскомъ университетѣ, «союзный совѣтъ» разослалъ своихъ делегатовъ въ другіе университеты, а также увлекъ своимъ примѣромъ и слушателей Императорскаго московскаго техническаго училища. Во многихъ университетахъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ собирались въ теченіе этихъ дней болѣе или менѣе шумныя сходки, для обсужденія предложенія московскаго «союзнаго совѣта» о возбужденіи обще-студенческихъ безпорядковъ, съ цѣлью добиться возстановленія устава 1863 г. и разныхъ другихъ неосновательныхъ требованій, а также освобожденія арестованныхъ въ Москвѣ студентовъ, но сходки эти, подъ вліяніемъ увѣщаній учебнаго начальства, расходились, не вызывая до сего времени необходимости обращенія къ мѣрамъ полиціи».

Въ заключеніе «Прав. Вѣстн.» прибавляетъ:

«Настоящее сообщеніе, разъясняющее, на основаніи документальныхъ данныхъ, дѣйствительное значеніе и цѣли обще-студенческихъ организацій и союзовъ, представляетъ для всѣхъ тѣхъ лицъ, коимъ дороги интересы учащагося юношества, а равно для благоразумнаго большинства самихъ студентовъ, твердое основаніе правильно оцѣнить безразсудство и опасность пути, на который увлекаются незрѣлые молодые люди усиліями тайныхъ политическихъ агитаторовъ, стремящихся сдѣлать изъ нихъ послушное орудіе къ достиженію своихъ преступныхъ цѣлей».

Отчетъ о дѣятельности Комитета грамотности за 1895 годъ.

Въ 1895 отчетномъ году, бывшимъ послѣднимъ годомъ существованія Комитета грамотности при Вольно-экономическомъ обществѣ, дѣятельность Комитета особенно оживилась, что проявилось, прежде всего въ увеличеніи денежныхъ оборотовъ общества и въ значительномъ увеличеніи числа его членовъ. Какъ видно изъ отчета ревизіонной коммиссіи, ростъ этотъ начался съ 1891 г. Въ отчетѣ приводится слѣдующая поучительная таблица денежныхъ оборотовъ Комитета.

Въ 1891 г.		7.503 р.	78	к.
» 1892 »		21.615 »	93	»
» 1893 »		23.719 »	38	»
» 1894 »		29.041 »	09	»
» 1895 »		84.003 »	15½	»

*

Комитетъ никогда не имѣлъ значительныхъ опредѣленныхъ доходовъ и капиталовъ; средства свои онъ черпалъ изъ частныхъ пожертвованій. Усиленный ростъ этихъ пожертвованій показываетъ, насколько Комитетъ грамотности пользовался сочувствіемъ и довѣріемъ общества. Число его членовъ такъ же быстро увеличивалось, какъ увеличивался и денежный оборотъ:

съ 251 члена, состоав. къ 1 янв. 1891 г., оно
къ 1 янв. 1892 г. достигло.... 289 ч.
1893 » » .... 388 »
1894 » » .... 644 »
1895 » » .... 883 »

Въ концѣ этого года число членовъ Комитета возрасло до 1.025 человѣкъ, но затѣмъ, вслѣдствіе отдѣленія Комитета отъ Императорскаго Вольно-экономическаго общества, оно стало быстро убывать и къ 1 января 1896 г. число выбывшихъ было 414 человѣкъ. Съ отдѣленіемъ Комитета прекратилась и дѣятельность всѣхъ его коммиссій, что фактически пріостановило работу самого Комитета.

Одною изъ самыхъ важныхъ отраслей дѣятельности Комитета была организація безплатныхъ народныхъ библіотекъ черезъ посредство земскихъ учрежденій. По словамъ того же «отчета ревизіонной коммиссіи», еще въ 1893 г. комитетъ обратился къ различнымъ учрежденіямъ, обществамъ и частнымъ лицамъ съ воззваніемъ о пожертвованіяхъ на народныя библіотеки. Такихъ воззваній было разослано до 50.000 во всѣ уголки Россіи, и отовсюду отозвалась помощь. Пожертвованія стали поступать и изъ Юго-Западнаго края, и Сѣверо-Западнаго, и изъ Карской и Закаспійской областей, и, главнымъ образомъ, изъ уѣздныхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ, пожертвованія исключительно мелкія, копѣечныя. Успѣхъ сбора превзошелъ ожиданія. Слишкомъ 30.000 р. было собрано въ короткій срокъ, что дало возможность Комитету съ помощью земствъ и частныхъ лицъ организовать къ концу 1895 г. 109 народныхъ безплатныхъ библіотекъ. Но Комитетъ грамотности сознавалъ, что это только первый шагъ къ намѣченной цѣли, что нужно побудить само общество къ дѣятельности, поэтому совѣтъ Комитета выработалъ подробныя правила такихъ библютекъ, выяснилъ условія, при которыхъ библіотеки могутъ открываться, и доклады свои по этому предмету разослалъ въ губернскія и уѣздныя земскія собранія, земскимъ гласнымъ и предводителямъ дворянства. Сношенія Комитета по этому вопросу съ земствами и обсужденіе послѣдними докладовъ Комитета вызвали повсюду живой обмѣнъ мнѣній, дали толчокъ осуществленію давно назрѣвшей необходимости. Съ цѣлью облегчить устройство народныхъ библіотекъ, Комитетъ еще въ началѣ лѣта 1894 г. издалъ брошюру «Узаконенія о безплатныхъ народныхъ библіотекахъ» въ количествѣ 3.000 экземпляровъ. Насколько въ данномъ случаѣ Комитетъ угадалъ потребность въ такого рода изданіи, видно изъ того, что въ августѣ того же года потребовалось новое изданіе, выпущенное въ количествѣ 5.000 экземпляровъ, и точно также быстро разошедшееся. Въ маѣ 1895 г. «Узаконенія» были напечатаны 3-мъ изданіемъ, въ количествѣ 16.500 экземпляровъ. Въ это послѣднее изданіе включены примѣрные списки книгъ для народныхъ библіотекъ.

Помощь Комитета народнымъ школамъ и другимъ учрежденіямъ, возложенная на особую коммиссію, заключалась въ безплатномъ снабженіи школъ книгами и учебными пособіями, въ исполненіи платныхъ заказовъ по покупкѣ книгъ и въ денежной помощи учащимся. Въ отчетномъ году Комитетомъ было разослано по школамъ и библіотекамъ, считая посылку и въ Сибирь, около 60.000 книгъ и исполнено 76 платныхъ заказовъ на

сумму 6.700 рублей. Что же касается денежной помощи учащимся, то она выразилась въ раздачѣ Комитетомъ 2.022 ученикамъ народныхъ школъ, въ формѣ продовольствія, 3.753 руб. 20 коп., при чемъ около 2/3 этой суммы, именно 1.965 рублей, было направлено въ голодающую Псковскую губернію. Средства, какія имѣлъ Комитетъ въ своемъ распоряженіи, заключались въ пожертвованіяхъ частныхъ лицъ, поступавшихъ изъ различныхъ уголковъ Россіи. Такимъ образомъ, данный случай насъ убѣждаетъ, что успѣшность дѣйствій Комитета заключалась, между прочимъ, въ его популярности, сочувствіи къ нему и довѣріи.

Дѣятельность издательской коммиссіи за отчетный годъ получила еще большее развитіе, сравнительно съ предшествующими годами. Въ 1895 г. издано было 42 названія книгъ въ количествѣ 703.000 экземпляровъ (въ 1894 г. было издано 24 названія въ числѣ 449.600 экземпляровъ) Вмѣстѣ съ этимъ совершенствовалась и техническая сторона изданій. Изданія Комитета по своему выполненію, а также по дешевой цѣнѣ, заняли почетное мѣсто въ народно-книжной торговлѣ. Издательская коммиссія имѣла въ виду съ 1896 года выпускать правильно по 4 изданія въ недѣлю; ею былъ уже выработанъ планъ этихъ работъ и привлечены необходимыя силы. Такимъ образомъ Комитетъ долженъ былъ издавать ежегодно болѣе 200 названій книгъ, что несомнѣнно явилось бы весьма крупнымъ вкладомъ въ дѣло народнаго образованія. Само собою разумѣется, что возможность безостановочно подготовлять матеріалъ для своихъ изданій коммиссія могла только при безкорыстномъ и энергичномъ участіи интеллигентныхъ работниковъ, сочувствующихъ цѣлямъ Комитета. Въ 1896 году она подготовила къ печати 241 книжку, въ томъ числѣ 167 книжекъ русскихъ авторовъ, 28—имѣющихся уже въ переводѣ иностранныхъ и 46—спеціально переводившихся для изданій Комитета. Выборомъ книгъ для изданій по иностранной литературѣ: французской, нѣмецкой, англійской, скандинавской и итальянской занимались особыя подкоммиссіи. Кромѣ этихъ работъ издательская коммиссія подготовляла рядъ популярно-научныхъ изданій.

Этихъ выдержекъ изъ отчета ревизіонной коммиссіи достаточно, чтобы судить о томъ, насколько успѣшна и разнообразна была дѣятельность Комитета за послѣдніе годы. Дѣятельность эта была пріостановлена постановленіемъ объ отторженіи Комитета грамотности отъ Императорскаго Вольно-экономическаго общества и передачѣ его въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, съ кореннымъ преобразованіемъ устава. Къ отчету за 1895 г. приложены и копіи съ оффиціальныхъ бумагъ мин. нар. просв., направленныхъ въ совѣтъ Комитета, и отвѣтныхъ заявленій совѣта. Среди нихъ есть также оффиціальное разъясненіе со стороны совѣта о причинахъ своего оставленія должности, сдѣланное имъ въ отвѣтъ на запросъ со стороны министерства отъ 19 января 1896 г. Приводимъ это заявленіе цѣликомъ.

«Его сіятельству господину министру народнаго просвѣщенія.

Совѣтъ С.-Петербургскаго Комитета грамотности имѣетъ честь представить вашему сіятельству о нижеслѣдующемъ.

Изъ отношенія департамента министерства народнаго просвѣщенія, отъ 19 января за № 1402, видно, что ваше сіятельство находите необходимымъ имѣть въ виду свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ отказъ предсѣдателя и членовъ совѣта Комитета отъ занимаемыхъ ими должностей.

Совѣтъ не входилъ въ обсужденіе вопроса о томъ, въ какой степени обязательно исполненіе этого требованія для его членовъ, такъ какъ члены совѣта, слагая съ себя свое званіе, руководились мотивами, имѣющими не личный, а общественный характеръ и при томъ настолько общеизвѣстными, что умалчивать о нихъ не представляется никакого основанія.

Предсѣдатель Комитета грамотности П. А. Горчаковъ и члены совѣта К. К. Арсеньевъ, Г. А. Фальборкъ, В. В. Девель, М. А. Лозинскій, А. Д. Стасовъ и В. И. Чарнолускій высказали единогласно слѣдующія объясненія причинъ, побудившихъ ихъ отказаться отъ своихъ званій:

«Лица, работавшія въ Комитетѣ грамотности, принадлежа къ самымъ разнообразнымъ профессіямъ и общественнымъ положеніямъ, сплотились во имя одной идеи народнаго образованія. Ради этой идеи они работали по мѣрѣ своего разумѣнія въ той скромной сферѣ, въ которой имъ была предоставлена полная свобода дѣятельности и самоопредѣленія на основаніи законовъ имперіи и «Правилъ» Комитета, утвержденныхъ 2 ноября 1872 г. министромъ государственныхъ имуществъ по представленію Императорскаго Вольнаго экономическаго общества и служившихъ Комитету уставомъ.

Хотя такимъ образомъ комитетъ и не имѣлъ устава, Высочайше утвержденнаго, но положеніе его при старѣйшемъ Императорскомъ обществѣ ставило его подъ сѣнь тѣхъ, Высочайше дарованныхъ обществу, правъ и привиллегій, благодаря которымъ само это общество могло пріобрѣсти свой высокій авторитетъ, и обезпечивало Комитету возможность серьезной и плодотворной работы, огражденной отъ внѣшнихъ административныхъ воздѣйствій.

Чѣмъ было вызвано возбужденіе вопроса объ отдѣленіи Комитета грамотности отъ Императорскаго Вольнаго экономическаго общества — остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ самому Комитету, какъ неизвѣстна и цѣль его преобразованія, ибо за все время, пока вопросъ этотъ обсуждался въ различныхъ совѣщаніяхъ и коммиссіяхъ, Комитетъ не былъ ни запрошенъ, ни привлеченъ въ той или иной формѣ къ участію въ приготовляемомъ ему преобразованіи, за единственнымъ исключеніемъ, когда состоялось приглашеніе его предсѣдателя на одно совѣщаніе, устроенное не по иниціативѣ министерства народнаго просвѣщенія.

На этомъ совѣщаніи предсѣдателемъ Комитета и другими лицами, знакомыми съ дѣятельностью Комитета грамотности и подобныхъ ему обществъ, были сдѣланы указанія на тѣ условія, которыми обезпечивается плодотворная общественная работа въ сферѣ народнаго образованія. Наряду съ этимъ въ общихъ собраніяхъ Комитета публично высказывались опасенія неблагопріятныхъ послѣдствій, въ случаѣ стѣсненія предоставленной Комитету свободы дѣйствій [1]).

Съ своей стороны и Императорское Вольное экономическое общество, предвидя неблагопріятныя послѣдствія отдѣленія отъ него Комитета грамотности, еще 21 января 1895 г. постановило: возбудить всеподданнѣйшее ходатайство объ оставленіи Комитета при обществѣ [2]), и если ходатайство это не было повергнуто на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Государя Императора, то не на обязанности совѣта Комитета грамотности лежитъ указаніе причинъ этого обстоятельства.

Высочайше утвержденное 17 ноября 1895 г. положеніе Комитета министровъ не разрѣшило вопроса объ

[1]) Ср. докладъ ревизіонной коммиссіи и пренія по нему въ годовомъ общ. собр. Ком. грам. 11 апрѣля 1895 г.

[2]) Ср. Журналы общ. собр. 29 декабря 1894 г., 21 января 1895 г.

измѣненіи устава комитета грамотности по существу, предоставивъ составленіе устава и его утвержденіе г. министру народнаго просвѣщенія; такимъ образомъ цѣль преобразованія Комитета грамотности не выяснилась ему и послѣ объявленія Высочайшей воли, а новый уставъ его до сихъ поръ не утвержденъ».

Общество распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губ. Послѣдній отчетъ Общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губ., которое въ будущемъ году будетъ справлять свой 25-ти-лѣтній юбилей, раскрываетъ передъ нами полезную дѣятельность этого общества, по задачамъ своимъ вполнѣ сходную съ дѣятельностью столичныхъ Комитетовъ грамотности. Дѣятельность эта заключается въ распространеніи дешевыхъ и полезныхъ книгъ въ народѣ путемъ продажи, въ устройствѣ школьныхъ библіотекъ въ бѣднѣйшихъ училищахъ Нижегородской губ., въ устройствѣ публичныхъ народныхъ и школьныхъ чтеній, въ устройствѣ литературно-музыкальныхъ утръ, въ развитіи безплатной народной библіотеки и читальни въ Нижнемъ-Новгородѣ и трехъ учительскихъ библіотекъ въ селахъ Нижегородской губ. Въ отчетѣ по книжному складу совѣтъ общества указываетъ, что на сбытъ книгъ крестьянамъ оказываютъ вліяніе «неблагопріятныя условія, въ которыхъ приходится дѣйствовать учителю народной школы». Слышатся постоянныя жалобы одного и того же рода: «какъ много книгъ хорошихъ и желательныхъ для народа недоступны для него по своей цѣнѣ, какъ много лучшихъ произведеній не вошло въ каталоги библіотекъ». Любопытно отмѣтить, что при обширной потребности въ книгахъ, обнаруживающейся среди мѣстнаго населенія, крайне слабъ спросъ на книжки съ сельскохозяйственнымъ содержаніемъ, тогда какъ художественная беллетристика читается и покупается нарасхватъ. Завѣдующій однимъ изъ отдѣленій книжнаго склада общества пишетъ, что «за стѣнами школы любовь къ чтенію среди окончившихъ курсъ не только не ослабѣваетъ, но прогрессивно годъ отъ году усиливается». «Какъ только кончились полевыя работы, какъ только воротились съ отхожихъ промысловъ, вся молодежь буквально наводитъ тоску своими просьбами одолжить книгу для чтенія». Особенно много послѣдній отчетъ останавливается на народныхъ чтеніяхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, которымъ осенью текущаго года минуло 10 лѣтъ со времени ихъ постояннаго устройства, и на чтеніяхъ при сельскихъ школахъ и въ уѣздныхъ городахъ Нижегородской губ.: послѣднія начаты были въ 1893 г. въ 3 пунктахъ, въ 1894 г. производились уже въ 14, въ 1895 г. — въ 30, а въ 1896 г. число деревенскихъ и сельскихъ пунктовъ, гдѣ ведутся чтенія, достигло 40. Вездѣ народъ слушаетъ чтенія въ стройномъ порядкѣ и съ образцовымъ вниманіемъ, но устроители приходятъ буквально въ отчаяніе отъ недостатка матеріала для чтеній и отъ негодности имѣющагося. Надо «опасаться,—читаемъ въ отчетѣ,—что ни обстановка чтеній, ни талантливые чтецы не спасутъ народныя чтенія отъ упадка, если матеріалъ ихъ не будетъ разнообразнѣе и шире». По примѣру прежнихъ лѣтъ, общество заботилось о возможной систематизаціи чтеній и наиболѣе интересной ихъ обстановкѣ; оно задумало также ходатайство о допущеніи новыхъ брошюръ для чтенія въ народной аудиторіи: необходимо, чтобы подобныя ходатайства повторялись постоянно и отъ всѣхъ учрежденій, занимающихся устройствомъ народныхъ чтеній въ провинціи. Отчетъ болѣе или менѣе подробно описываетъ чтенія во всѣхъ 30 пунктахъ: это — наиболѣе любо-

пытныя его строки. Въ с. Чукалахъ, Сергачскаго уѣзда, народъ выражалъ учительницѣ неудовольствіе, когда она сказала, что больше не можетъ читать и показывать картины, такъ какъ фонарь отсылаютъ въ другую школу. «Мы вотъ за двѣ версты бѣжали по морозу, а тебѣ трудно намъ показать», кричали многіе. Эти случайности отъ недостатка въ волшебныхъ фонаряхъ далеко не единичныя. Совѣтъ Личадѣевскаго училища въ столь извѣстномъ Лукояновскомъ уѣздѣ, выражая благодарность обществу за его помощь въ устройствѣ чтеній, пишетъ такія строки: «Чтенія желательны и на будущее время, даже необходимы, ибо Личадѣево—это такая глушь, такая темь, что однимъ общеніемъ школы съ мальчиками ничего не сдѣлаешь. Необходимо привлечь къ школѣ взрослыхъ, которые по сіе время смотрятъ на школу какъ на учрежденіе терпимое, а не необходимое. Надо только устроить чтенія правильнымъ порядкомъ каждый воскресный день, чтобы народъ не дожидался особаго оповѣщенія, а каждый воскресный вечеръ шелъ бы проводить въ школѣ». Мнѣніе, съ которымъ трудно не согласиться и о которомъ надо пожелать, чтобы высказывалось оно почаще и погромче.

Къ предстоящему 25-ти-лѣтію своего существованія общество издало «Краткій историческій обзоръ дѣятельности» съ 1872 по 1895 годъ. Обзоръ этотъ, по мнѣнію общества, можетъ служить доказательствомъ того, насколько важна частная иниціатива въ дѣлѣ народнаго образованія.

Упадокъ дворянскаго землевладѣнія въ Саратовской губ. Происходившее въ декабрѣ истекшаго года очередное саратовское губернское дворянское собраніе было посвящено, главнымъ образомъ, разсмотрѣнію вопроса о дворянскомъ землевладѣніи въ губерніи и о причинахъ его упадка.

По словамъ корреспондента «Сам. Вѣстн.», собраніе это отличалось необыкновеннымъ оживленіемъ. На него собралось изъ уѣздовъ болѣе 100 человѣкъ дворянъ. Передадимъ, со словъ «Сам. Вѣстн.», въ краткихъ чертахъ, содержаніе наиболѣе интересныхъ докладовъ, читанныхъ на этомъ собраніи.

Блестящій, «истинно дворянскій», какъ выражались многіе дворяне, докладъ составленъ и прочитанъ балашовскимъ предводителемъ дворянства г. П. Н. Львовымъ: «Ростъ задолженности дворянскаго землевладѣнія и убыль его въ Саратовской губ.».

«Нарисовавъ мрачную картину разоренія дворянства и убыли его землевладѣнія (за послѣднія 30 лѣтъ дворянство въ Саратовской губ. потеряло болѣе 700 тыс. десятинъ земли), г Львовъ задаетъ вопросъ: какова будущность дворянскаго землевладѣнія? И находитъ, что будущность его не блестяща, что дворянству грозитъ полная гибель. Одной изъ главныхъ причинъ такого явленія служитъ законъ о равнонаслѣдіи и возможность отчужденія земли. Вредныя послѣдствія того и другого неисчислимы. Законъ о равнонаслѣдіи дробитъ землю. А дробленіе земли ведетъ къ переходу ея въ чужія руки. Имѣніе, говоритъ докладчикъ, все равно, что промышленное предпріятіе. Чѣмъ оно мельче, тѣмъ скорѣе гибнетъ. Крупное предпріятіе, какъ и землевладѣніе побѣждаетъ мелкое. Отсюда выводъ, что необходимо поддержать крупныя имѣнія, установивъ законъ о заповѣдныхъ имѣніяхъ, хотя бы въ размѣрѣ съ 4.000 доходомъ и не меньше, какъ съ доходомъ въ 1.000 руб. Дворянскому землевладѣнію грозитъ опасность отъ капитала. Подъ гнетомъ капитала оно готово рухнуть, а дворянское сословіе обратится въ батраковъ у капиталистовъ. Городъ идетъ все больше и больше впередъ, а деревня и до сихъ поръ находится въ XIII стол. Дворянство должно быть прежде

всего классомъ землевладѣльцевъ. Мы призваны жить въ деревнѣ. Если дворянство потонетъ, то заглохнетъ всякая мѣстная жизнь, общественное самоуправленіе потеряетъ образованныхъ людей, явятся необразованные представители капитала или же интеллигенція, чуждая дворянскихъ традицій, безъ принциповъ.

Дворянское сословіе имѣетъ огромную важность для государства, оно есть политическій союзъ для охраны государства. Съ гибелью его, какъ землевладѣльческаго класса, намъ предстоитъ судьба современной Франціи. Государство можетъ очутиться въ рукахъ узурпатора вродѣ Наполеона III.

Г. докладчикъ предлагаетъ ходатайствовать о введеніи законодательнымъ путемъ заповѣдныхъ имѣній съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы наслѣдникъ заботился о матери и воспитывалъ своихъ братьевъ. Докладъ П. Н. Львова былъ встрѣченъ громомъ аплодисментовъ».

Еще рѣзче подчеркнуто настоящее противорѣчіе интересовъ класса капиталистовъ и землевладѣльцевъ въ докладѣ П. А. Кривскаго. «Онъ нѣсколько разъ указывалъ, что всѣ мѣропріятія послѣ реформъ 1861 г. клонились къ поддержанію промышленности и раззоренію дворянства. Министерство финансовъ систематически покровительствовало купцамъ и промышленникамъ. Еще въ 60-хъ годахъ имъ былъ открытъ кредитъ изъ государственнаго банка, а дворянству нѣтъ. Нынѣшній дворянскій банкъ преслѣдуетъ, на подобіе частныхъ банковъ, устроенныхъ «жидами» и «иностранцами», чисто коммерческія цѣли. Мало того, что банкъ содержитъ изъ доходовъ отъ пени все управленіе банка, но еще получаетъ и барыши. Слѣдовало бы, по мнѣнію докладчика, передать дворянскій банкъ изъ министерства финансовъ въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Министръ финансовъ въ 1894 г. нашелъ возможнымъ выдавать ссуды подъ хлѣбъ, а въ 1896 г. почему-то отмѣнилъ эту мѣру, былъ потребованъ немедленный возвратъ ссудъ. Для промышленности существуютъ огромныя покровительственныя пошлины, для землевладѣльцевъ ихъ нѣтъ.

Главнѣйшей причиной упадка дворянскихъ землевладѣній П. А. Кривскій видитъ въ ненормальныхъ отношеніяхъ сельскихъ рабочихъ къ нанимателямъ. Министерство до сихъ поръ не можетъ издать соотвѣтствующихъ правилъ о наймѣ рабочихъ. Развращенность рабочихъ, какъ и всего крестьянства, дошла, по мнѣнію докладчика, до крайности. Съ рабочими сладу нѣтъ, договоровъ они не исполняютъ, на одну и ту же работу приходится нанимать по 3—4 раза, взыскать съ нихъ нечего, описывать и продавать имущество ихъ нельзя. Они положительно раззоряютъ землевладѣльцевъ. Въ деревнѣ страшно развилось пьянство. На деревенскихъ улицахъ нельзя проѣхать, того и гляди раздавишь пьянаго. По мнѣнію П. А. Кривскаго, слѣдовало бы ходатайствовать о слѣдующихъ мѣрахъ для поддержанія дворянскаго землевладѣнія, чтобы министерство финансовъ во всѣхъ мѣропріятіяхъ по долгосрочному и краткосрочному кредиту дѣйствовало не иначе, какъ съ соглашенія министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ ближе стоящаго къ интересамъ дворянства. Чтобы издать точныя правила для найма рабочихъ. Отложить на 3—4 года уплату % дворянскому банку; пріостановить продажу банкомъ дворянскихъ земель, сложить всѣ недоимки съ землевладѣнія».

Вотъ сущность доклада П. А. Кривскаго. Этотъ докладъ точно также собраніе привѣтствовало аплодисментами. 3-й докладчикъ Н. А. Павловъ предлагалъ устройство союзовъ землевладѣльцевъ на подобіе того, какъ устраиваютъ ихъ промышленники и

рабочіе. Кромѣ того, онъ проситъ ходатайствовать о ссудѣ на 50 лѣтъ изъ $4^1/_2$% въ $1^1/_2$—2 мил. руб. для поддержки дворянскаго землевладѣнія. Этотъ докладчикъ весьма много говорилъ о томъ, какъ заботятся теперь всѣ о крестьянствѣ, «а дворянство, которое облагодѣтельствовало крестьянъ, совершенно забыто. Теперь позволяютъ себѣ открыто глумиться надъ дворянствомъ, все общество и печать въ дерзкихъ выраженіяхъ, не стѣсняясь, говоритъ о раззореніи и упадкѣ дворянскаго сословія».

Корреспондентъ «Сам. Вѣстн.» сообщаетъ также о слѣдующемъ характерномъ эпизодѣ, разыгравшемся на собраніи въ связи съ чтеніемъ только что изложенныхъ докладовъ:

«Тотъ же г. Павловъ, держа въ рукахъ № «Сарат. Дневн.» (№ 258), обратился къ г. предсѣдателю собранія князю Л. Л. Голицыну со словами: въ началѣ своего доклада, прочитаннаго мною во вчерашнемъ засѣданіи, я говорилъ о дерзкомъ отношеніи всей прессы къ дворянству. За доказательствами ходить не далеко: вотъ № «Сар. Дневн.», въ которомъ въ дерзкихъ выраженіяхъ говорится о дворянствѣ. Я просилъ бы г. предсѣдателя удалить изъ зала собранія корреспондентовъ мѣстныхъ газетъ».

Въ собраніи поднялся шумъ, раздаются голоса: просимъ, просимъ. Но въ это время чрезвычайно энергично, голосомъ, покрывавшимъ все собраніе, князь Л. Л. Голицынъ заявляетъ свое несогласіе съ предложеніемъ Павлова.

«Наши собранія,—говоритъ кн. Голицынъ,—не составляютъ тайны. Мы не боимся гласности. Все, что говорится здѣсь, говорится открыто. Кромѣ того, я не знаю, есть ли здѣсь корреспонденты или нѣтъ. Запретить писать никому нельзя, въ такомъ случаѣ слѣдовало бы удалить и всю публику. Конечно, если встрѣтятся какіе-нибудь такъ - сказать семейнаго характера вопросы (Голоса въ собраніи: «Мы здѣсь въ своей семьѣ»), то, если собраніе найдетъ нужнымъ, я удалю публику, но не корреспондентовъ, такъ какъ я ихъ не знаю. Затѣмъ въ содержаніи указанной статьи нѣтъ ничего дерзкаго, это просто историческій очеркъ».

Слова г. предсѣдателя кн. Голицына были покрыты громомъ рукоплесканій и криками: «браво, браво!»

Корреспонденты остались.

Рабочіе на спичечныхъ фабрикахъ. Въ газетахъ сообщаются результаты санитарнаго изслѣдованія сѣрно-спичечныхъ фабрикъ въ Новозыбковскомъ уѣздѣ, Черниговской губ. Докторъ Козинцевъ, производившій осмотръ этихъ фабрикъ, слѣдующимъ образомъ описываетъ внѣшній видъ рабочихъ, занимающихся производствомъ сѣрныхъ спичекъ.

Искалѣченный ротъ, омертвѣвшія челюсти, впалая грудь, подозрительный кашель, дрожаніе рукъ, притупленный взглядъ — эмблема рабочаго изъ сѣрно-спичечной фабрики. Непривычному человѣку тяжело, почти невозможно пробыть въ этихъ комнатахъ, пропитанныхъ фосфоромъ и сѣрой, болѣе 25 минутъ. Голова начинаетъ кружиться, кашель захватываетъ дыханіе, и вы со страшными проклятіями на устахъ бѣжите безъ оглядки скорѣе вонъ изъ этихъ чудныхъ «палатъ—живыхъ могилъ». И тутъ-то сотнямъ рабочихъ, преобладающій элементъ которыхъ составляютъ дѣвушки и мальчики-подростки, изо дня въ день, въ теченіе 16—18 часовъ, приходится насыщать свои легкія подобнымъ благоухающимъ ароматомъ. Высосавъ всѣ жизненные соки, фабрики выбрасываютъ потомъ этихъ полуживыхъ, искалѣченныхъ мертвецовъ, какъ никуда негодныхъ инвалидовъ, на улицу, гдѣ ихъ ждетъ нищета и проклятія. Выходя замужъ, «спичечныя дѣвы» являются разсадникомъ такого же, какъ и онѣ сами,

хилаго, полумертваго поколѣнія, отягощеннаго цѣлымъ рядомъ болѣзней, которыя ведутъ ихъ къ ранней могилѣ. По изслѣдованію доктора Козинцева, болѣе 1/2 всѣхъ рабочихъ мужчинъ и 2/3—женщинъ были лица несовершеннолѣтнія.

Рабочихъ-стариковъ на сѣрно-спичечныхъ фабрикахъ, вообще, не бываетъ. Фосфоръ и сѣра не любятъ сѣдины и морщинъ.

Относительно размѣра вознагражденія, получаемаго рабочими, докторъ Козинцевъ говоритъ:

«Всѣ рабочіе на осмотрѣнныхъ мною фабрикахъ работаютъ на своихъ харчахъ и плату получаютъ не деньгами, а товаромъ изъ фабричныхъ лавокъ, конечно, по цѣнамъ выше рыночныхъ, иногда на 25 и болѣе процентовъ. Лавки эти, вообще, имѣютъ спеціальное назначеніе обиранія рабочихъ. За рабочій день съ 5—6 часовъ утра до 10—11 часовъ вечера одни получаютъ въ мѣсяцъ 10 руб., другіе—13 руб.; помощники этихъ рабочихъ — 6 — 8 руб. Накатчики, съемщики, съемщицы, бандерольщики и бандерольщицы получаютъ плату «сдѣльно» и вырабатываютъ въ среднемъ: первые—отъ 50 к. до 1 р. въ день, вторые—40—50 к. и послѣдніе—30—35 к. въ день. Даже лучшія работницы могутъ заработать «сдѣльно» не болѣе 30—35 коп. въ день, а нужно видѣть ту судорожную поспѣшность, съ какой работаютъ съемщицы и бендерольщицы, чтобы понять и оцѣнить ихъ трудъ для заработка этихъ жалкихъ 30—35 к. Основными признаками, какъ хорошо извѣстно, по которымъ легко опредѣлить степень культурности рабочаго, являются получаемая имъ заработная плата и продолжительность рабочаго времени. Приведенныя выше данныя ярко рисуютъ существованіе этого жалкаго спичечнаго труженика, когда онъ, наконецъ, уже дома, въ своей хатѣ. Что можетъ несчастный отецъ принести своимъ полуголоднымъ дѣткамъ, заработавъ въ мѣсяцъ 13—10 рублей! Возможно ли думать о какой-либо культурности среди этихъ «мертвецовъ», когда изъ почти 300 рабочихъ мужчинъ умѣющихъ кое-какъ читать да писать оказалось 35 человѣкъ. А работницы на вопросъ о грамотности могли только отвѣчать смѣхомъ и шутками».

По мнѣнію д-ра Козинцева самой необходимой и не терпящей отлагательства мѣрою для улучшенія быта этихъ рабочихъ является установленія 8-ми-часового рабочаго дня и уничтоженіе фабричныхъ лавокъ.

Убійство изъ суевѣрія. 13-го ноября, въ горосѣ Коротоякѣ, Воронежской губ., разбиралось потрясающее, по своей бытовой подкладкѣ, дѣло, характерное еще и потому, что оно происходило не гдѣ-нибудь на далекой окраинѣ, среди вотяковъ или другихъ инородцевъ, а въ самомъ центрѣ Россіи, среди коренного русскаго населенія: въ селѣ Лѣсномъ-Уколовѣ, въ 20 верстахъ отъ города Острогожска, былъ убитъ крестьянскій мальчикъ, и на слѣдствіи выяснилось, что онъ былъ убитъ съ суевѣрною цѣлью — изъ сала его была отлита свѣча, обладающая, по повѣрью, свойствомъ усыплять обкрадываемыхъ людей. «Биржевыя Вѣдомости» сообщаютъ слѣдующія подробности этого дѣла: 8-го апрѣля этого года въ селѣ Лѣсномъ-Уколовѣ, среди дня, неизвѣстно куда исчезъ двѣнадцатилѣтній сынъ крестьянки Натальи Лавречековой; 19-го же апрѣля, утромъ, его трупъ былъ найденъ крестьяниномъ Боевымъ подъ кучкой соломы, въ 159 саж. отъ села, близъ дороги. На шеѣ мертваго была туго затянута двойнымъ узломъ веревка; животъ взрѣзанъ въ трехъ направленіяхъ вдоль и поперекъ, внутренности выпали, туловище также обвязано веревкою; на головѣ надѣтъ скручен-

ный изъ соломы вѣнчикъ; солома, прикрывавшая трупъ, перегнила и была смѣшана съ оческами конопли; одежда была та самая, которую мальчикъ носилъ при жизни, не оказалось только шапки. Вскрытіе показало, что смерть Лавренёнкова произошла вслѣдствіе удавленія веревкою, затянутою постороннею рукою. Одинъ былъ убійца или двое, этого вскрытіе съ точностью удостовѣрить не могло, но участіе постороннихъ рукъ вообще не могло подлежать оспариванію по многочисленнымъ на лицѣ и тѣлѣ знакамъ внѣшняго насилія. Далѣе, по мнѣнію врачей, раны живота были причинены вскорѣ послѣ смерти Лавренёнкова рѣжущимъ орудіемъ, напр., ножомъ. Обнаружено было, что у мѣста прикрѣпленія сальника въ поперечной части ободочной кишки имѣется только остатокъ его въ видѣ тонкой полоски, вся же остальная часть сальника, слѣпой его конецъ съ двойной дубликатурой и мѣшокъ отсутствуютъ.

Въ день исчезновенія убитаго мальчика мать его, Наталья Лавренёнкова, бывшая прислугою у землевладѣлицы Александровой, покормила его и часовъ въ 10 утра отпустила съ товарищемъ его, мальчикомъ Антономъ Безсмѣльцевымъ, играть на улицу. Часа въ 4 вечера Наталіи Лавренёнковой, находившейся въ кухнѣ дома Александровой, почудился крикъ сына ея Силы: «Ай, ай, мама!», повторившійся до трехъ разъ, и она, встревоженная этимъ крикомъ, тогда же начала разыскивать своего сына по селу, но нигдѣ не нашла; она узнала только отъ старухи, жены Митрофана Безсмѣльцева, Маріи Безсмѣльцевой, что мальчикъ Сила былъ въ ихъ хатѣ и пошелъ куда-то съ пасынками ея, Евдокимомъ и Митрофаномъ; затѣмъ никто его не видѣлъ и крика не слышалъ. Въ послѣдующіе же дни послѣ исчезновенія мальчика Силы, по словамъ матери его Лавренёнковой, Авдотья Безсмѣльцева, живущая съ мужемъ Михаиломъ въ домѣ, совмѣстно съ семьей Митрофана Безсмѣльцева, при разговорѣ о пропажѣ мальчика Силы, въ присутствіи Полухина, высказала, что она все разскажетъ, если ей мужъ велитъ, при этомъ она начала плакать. Наталья Лавренёнкова, между прочимъ, припомнила, что сынъ ея Сила при жизни еще разсказывалъ ей, что сынъ Митрофана Безсмѣльцева, парень Евдокимъ, говорилъ: «Какъ бы убить какого человѣка, вынуть изъ него жиръ, сдѣлать двѣ свѣчки, зажечь ихъ и идти съ ними, то и звѣри не возьмутъ и люди будутъ спать; тогда что хочешь и выбирай!»

Когда найденъ былъ трупъ убитаго мальчика, въ с. Лѣсномъ - Уколовѣ прошелъ слухъ о томъ, что Евдокимъ Безсмѣльцевъ топилъ какой-то жиръ и выливалъ свѣчу. Это обстоятельство Авдотья Безсмѣльцева подтвердила при допросѣ ея судебнымъ слѣдователемъ и объяснила, что въ среду, на третій день послѣ исчезновенія мальчика Силы, Евдокимъ Безсмѣльцевъ, когда она утромъ топила въ домѣ печь, принесъ въ жестяной банкѣ, сдѣланной изъ цыбарки, комокъ жиру красноватаго цвѣта; въ то же утро онъ изъ ручки деревянной лопаты выдолбилъ долотомъ форму для отливки свѣчи; въ форму эту вставилъ онъ ссученный изъ нитокъ фитиль и повѣсилъ ее подъ брусъ. Принесенный жиръ растопилъ въ печкѣ и вылилъ въ форму; затѣмъ еще два раза выходилъ на дворъ и приносилъ по комку жира, который растапливалъ и выливалъ въ форму; наполнивъ форму, онъ понесъ ее на дворъ. Евдокимъ Безсмѣльцевъ на вопросъ ея, Авдотьи, гдѣ онъ взялъ жиру, отвѣтилъ, что это жиръ бараній. Она же, Авдотья, и мачиха его Марія Безсмѣльцевы тогда же догадались, что это жиръ изъ мальчика Силы Левренёнкова, притомъ первая упрекала его, что онъ зарѣзалъ мальчика и

изъ него набралъ жиру, но Евдокимъ это отрицалъ. Предположеніе, что жиръ, изъ котораго Евдокимъ выливалъ свѣчу, былъ добыть имъ изъ пропавшаго мальчика Силы, было основано на томъ, что великимъ постомъ Евдокимъ говорилъ Михаилу Безсмѣльцеву: «Гдѣ бы мнѣ достать свѣчу изъ человѣческаго сала, тогда бы я кучу денегъ заработалъ». Проявленное Евдокимомъ суевѣріе, по словамъ Михаила Безсмѣльцева, имѣло основаніе въ людскихъ разсказахъ на улицѣ о невозможности поймать какого-то вора лошадей, потому что у него была свѣча изъ человѣческаго сала. По показанію Михаила Безсмѣльцева, послѣ исчезновенія Силы въ ихъ сараѣ оказался окровавленный внутри деревянный ящикъ, который до того времени былъ чистъ. Изъ ящика этого онъ вынулъ гвозди и ящикъ бросилъ въ печь. Привлеченный по такимъ даннымъ слѣдствія въ качествѣ обвиняемаго Евдокимъ Митрофановъ Безсмѣльцевъ вначалѣ не сознавался, но затѣмъ призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что мальчика Силу Лавpененкова задумалъ онъ вмѣстѣ съ Яковомъ Монаевымъ убить по злобѣ на него за то, что онъ, проходя во дворъ его, оставилъ открытою калитку, вслѣдствіе чего лошади выбѣжали изъ двора и ихъ пришлось долго ловить. При послѣдующемъ же допросѣ Безсмѣльцевъ отъ этого своего показанія отказался и объяснилъ, что убійство совершилъ съ Монаевымъ по подговору солдата Николаевича, т. е. Григорія Пронина, для того, чтобы достать человѣческаго жиру и передать ему; наконецъ, Безсмѣльцевъ снялъ оговоръ съ Пронина, опровергнутый также слѣдствіемъ, и показалъ, что преступленіе это совершено имъ съ Яковомъ Монаевымъ по собственному побужденію съ цѣлію вылитія свѣчи изъ жира Лавpененкова, причемъ разсказалъ, что съ Яковомъ Монаевымъ они раньше задумали лишить жизни мальчика Силу Лавpененкова и предъ обѣдомъ завели его въ половникъ, находящійся на огородѣ, гдѣ онъ, Безсмѣльцевъ, затянулъ ему на шеѣ веревку, а Яковъ Монаевъ въ то же время держалъ его руки; вдвоемъ же съ Монаевымъ они складнымъ ножомъ разрѣзали ему животъ и вынули изъ него бѣлый маленькій отопокъ, похожій на сальникъ; на голову трупа они надѣли скрученный изъ соломы вѣнчикъ, чтобы имъ не было страшно; послѣ того въ среду на зарѣ трупъ Силы Лавpененкова они вывезли за село подъ соломой, выброшенной изъ-подъ теленка, и оставили его тамъ. При вытопкѣ жиръ сгорѣлъ весь, такъ что никакой свѣчи вылить не удалось. Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Яковъ Емельяновъ Монаевъ также вначалѣ не призналъ себя виновнымъ, но затѣмъ, признавая свое соучастіе въ лишеніи жизни Силы Лавpененкова, объяснилъ, что до совершенія убійства Евдокимъ Безсмѣльцевъ говорилъ ему: «Если бы убить какого мальчишку и сдѣлать свѣчку, чтобы съ ней красть! Можно убить Силку — онъ гладокъ». Послѣ этого разговора Евдокимъ въ воскресенье угощалъ Силу пивомъ, а въ понедѣльникъ онъ позвалъ его, Монаева, къ себѣ во дворъ, гдѣ были мальчики Сила, Антонъ Безсмѣльцевъ и братъ Евдокима Митрофанъ. Евдокимъ говорилъ ему, Монаеву: «давай убьемъ Силку!», но онъ колебался. Затѣмъ Евдокимъ прогналъ изъ своего двора мальчика Антона Безсмѣльцева, и всѣ они потомъ пошли на огородъ, причемъ онъ, Монаевъ, зналъ, что Евдокимъ ведетъ Силку для того, чтобы удушить его. Но онъ шелъ съ нимъ, думая, что если онъ не пойдетъ, то Евдокимъ не дастъ ему денегъ, укравши ихъ со свѣчкой, сдѣланной изъ жира Силки. Изъ огорода нужно было удалить Митрофана, и онъ, Монаевъ, пользуясь этимъ обстоятельствомъ,

ушелъ изъ огорода, слѣдомъ за Митрофаномъ и пошелъ домой. Предъ заходомъ солнца Евдокимъ, встрѣтившись съ нимъ, повелъ его въ половникъ на огородѣ и показалъ подъ соломой тѣло задушеннаго Силки. Оба они тогда же вытащили изъ-подъ соломы тѣло Силки, и Евдокимъ своимъ складнымъ ножомъ разрѣзалъ животъ и велѣлъ ему держать приподнятую кожу, а самъ выбиралъ изъ живота жиръ; жира надралъ онъ неполную горсть и положилъ въ деревянный ящикъ; затѣмъ свернулъ изъ соломы вѣнчикъ и надѣлъ его на голову Силки, чтобы тотъ не былъ такъ страшенъ. Евдокимъ потомъ разсказывалъ, что при задушеніи Силка такъ трепался, что онъ едва справился съ нимъ, что трупъ вывезъ онъ въ среду на зарѣ и что жиръ Силки вышелъ какой-то черный и вылитая изъ него свѣчка не застыла. Эксперты - профессора харьковскаго университета, по изслѣдованіи остатка сальника Силы Лаврененкова, дали заключеніе, что сальникъ Лаврененкова, какъ начинающееся отложеніе жира, свойственное отроческому возрасту, едва ли былъ пригоденъ для вытопки изъ него сколько-нибудь значительнаго количества жира, притомъ показаніе Евдокима Безсмѣльцева, что всего жиру было меньше кулака, вѣроятно.

По показаніямъ свидѣтелей Анофріева, Михаила и Авдотьи Безсмѣльцевыхъ и другихъ, Евдокимъ и Яковъ состоятъ въ особенныхъ между собою дружескихъ отношеніяхъ, и Евдокимъ Безсмѣльцевъ раньше былъ замѣченъ въ мелкихъ кражахъ; Яковъ же Монаевъ всегда былъ молчаливъ и замкнутъ въ себѣ.

На судебномъ слѣдствіи подсудимые признали себя виновными и подтвердили свое показаніе, данное слѣдователю. При этомъ Монаевъ отрицалъ свое участіе въ удушеніи Силы, объясняя, что когда онъ увелъ съ огорода мальчика Митрофана, то больше туда не возвращался и уже вечеромъ онъ помогалъ Евдокиму при отысканіи сальника.

Свидѣтелей по дѣлу было вызвано 12 человѣкъ и одинъ экспертъ-врачъ. Подробное показаніе дано слѣдователю Авдотьей Безсмѣльцевой, но на судѣ она не могла ничего показать, и показаніе ея было прочитано. Изъ этого показанія видно было, какъ Евдокимъ готовилъ форму для свѣчки, какъ топилъ жиръ въ печи и проч.

Экспертъ-врачъ Дьяковъ полагалъ, что мальчикъ Сила былъ еще живъ, когда рѣзали ему животъ, и умеръ онъ мученическою смертью. Но смерть его произошла отъ удушенія. Прочіе свидѣтели подтвердили показанное у слѣдователя.

Въ своей рѣчи товарищъ прокурора требовалъ обвинительнаго приговора безъ всякаго снисхожденія и находилъ, что Евдокимъ дѣйствовалъ съ полнымъ разумѣніемъ.

Защитникъ подсудимыхъ просилъ снисхожденія, указывая на неразвитость подсудимыхъ, грубость среды, невѣжество, ибо они даже неграмотны, несовершеннолѣтіе ихъ и проч.

Присяжные вынесли обвинительный вердиктъ, и Евдокимъ Безсмѣльцевъ былъ признанъ дѣйствовавшимъ съ полнымъ разумѣніемъ.

Окружный судъ приговорилъ виновныхъ къ каторжнымъ работамъ на 8 лѣтъ каждаго.

Изъ воспоминаній о М. Е. Салтыковѣ. Въ «Рус. Вѣд.» печатаются интересныя посмертныя записки д-ра Бѣлоголоваго, касающіяся его личныхъ воспоминаній о М. Е. Салтыковѣ. Д-ръ Бѣлоголовый разсказываетъ, между прочимъ, о томъ, какъ тяжело отразилось на Салтыковѣ запрещеніе «Отеч. Записокъ», состоявшееся въ 1884 г. «Ударъ для Салтыкова, понятно, былъ весьма чувствителенъ, потому что сразу лишалъ его

столь дорогого ему и привычнаго занятія по редактированію изданія, и кромѣ того значительно урѣзывалъ его матеріальныя средства; но еще болѣе чувствительное разочарованіе нанесло отношеніе къ нему общества: не только онъ не нашелъ въ немъ никакихъ признаковъ сочувствія, какихъ въ правѣ былъ ожидать, но весьма многіе изъ его нѣкогда страстныхъ поклонниковъ стали теперь видимо сторониться отъ него, какъ отъ зачумленнаго. До ушей его дошло, между прочимъ, и такое развѣнчаніе его дѣятельности, какимъ ознаменовала себя Тверь. Въ этомъ городѣ нѣсколько лѣтъ назадъ земство устроило мѣстный музей и вскорѣ послѣ открытія рѣшило поставить въ его залѣ бюстъ Салтыкова, какъ знаменитаго уроженца Тверской губ., какъ ея гордость и славу,—и бюстъ былъ выставленъ до тѣхъ поръ, пока правительственная кара не постигла «Отеч. Записокъ»; но лишь только гроза разразилась надъ головой Салтыкова, тотчасъ же предсѣдатель тверской палаты Жизневскій (не разъ до того выражавшій лично старику свое восторженное поклоненіе передъ его талантомъ) предложилъ комитету, управлявшему музеемъ, убрать бюстъ, какъ изображеніе лица неблагонамѣреннаго, и хранить его на чердакѣ. Таковъ былъ приговоръ родной губерніи, а если большинство остальнаго общества и не отнеслось къ Салтыкову столько же демонстративно враждебно, то проявило такое полнѣйшее равнодушіе, что все это подняло много горечи въ душѣ писателя и окончательно подорвало его силы. Смущало его и то, что талантъ его продолжалъ проситься наружу императивно и онъ не могъ зачесть себя въ число писателей, уже покончившихъ съ своею дѣятельностью; обличительная сатирическая струна звучала еще такъ громко и чутко, что онъ не могъ не писать, но мысль, — гдѣ печатать впредь свои произведенія, — ставила его въ большое затрудненіе. Онъ былъ друженъ съ давнихъ поръ съ Юрьевымъ, редакторомъ «Русской Мысли», а потому охотнѣе всего желалъ участвовать въ этомъ журналѣ и первое «Пестрое письмо» послалъ къ Юрьеву, но московская цензура, просмотрѣвъ статью, не согласилась на ея напечатаніе; тогда Салтыковъ, по полученіи обратно статьи, предложилъ г. Стасюлевичу попытать, не будетъ ли петербургская цензура менѣе придирчива, и дѣйствительно «Пестрое письмо» появилось благополучно на страницахъ «Вѣстника Европы».

Затѣмъ д-ръ Бѣлоголовый описываетъ свою встрѣчу съ Салтыковымъ за границей лѣтомъ 1885 г., куда тотъ поѣхалъ для поправленія здоровья. Здоровье его, по словамъ Бѣлоголоваго, находилось уже въ очень печальномъ состояніи! Въ этомъ развинченномъ организмѣ не было ни одного органа нормальнаго и воистину приходилось удивляться его живучести. Разговоры его большею частью вращались около его болѣзни, около описанія своихъ болѣзненныхъ ощущеній, и отвлечь его на другія темы стоило не малаго труда, а если это удавалось, то попрежнему приходилось нерѣдко удивляться оригинальности и остроумію этого ума, его изощренности схватывать смѣшныя стороны предмета и возводить ихъ до гротеска. Нерѣдко бывало, что, разговорившись, онъ начиналъ увлекаться своимъ разсказомъ, острить, лицо его оживлялось, какъ вдругъ въ самомъ пылу увлеченія онъ вдругъ останавливался, говоря: «ну вотъ, меня снова начинаетъ душить» или «дергать», и тотчасъ же впадалъ снова въ свое мрачное настроеніе. Несмотря на то, что онъ высказывалъ постоянно полную безнадежность въ своемъ поправленіи, онъ неотступно самымъ жалостливымъ голосомъ просилъ что-нибудь ему выписать и,

ругая безплодность лѣкарствъ, цѣлый день принималъ въ извѣстные часы то ложку микстуры, то капли, то порошки, и ужасно боялся, какъ бы не перепутать и не пропустить время пріема. Всѣ мои старанія ограничить его въ этомъ постоянномъ глотаніи лѣкарствъ были напрасны и на всѣ мои уговоры пріостановить хоть на нѣсколько дней то или другое изъ нихъ онъ обыкновенно умолялъ: «ахъ, нѣтъ пожалуйста, не отнимайте у меня, вѣдь я чувствую, что оно мнѣ помогаетъ». И приходилось уступать ему».

Очень интересно также передаваемое Бѣлоголовымъ содержаніе задуманной, но не написанной Салтыковымъ сказки «Богатырь», надъ которой онъ работалъ въ то время. «Все это время,—говоритъ Бѣлоголовый, — его больше угнетало то, что онъ не могъ написать задуманную имъ сказку «Богатырь»; каждый день садился онъ къ письменному столу, писалъ нѣсколько строкъ, но тотчасъ зачеркивалъ; онъ жаловался, что не можетъ подобрать выраженій для своей мысли, хотя скелетъ сказки лежалъ совсѣмъ готовый въ головѣ. Сущность ея онъ передавалъ въ слѣдующемъ видѣ. «Родился богатырь, здоровенный, голосъ какъ труба, растетъ въ люлькѣ не по днямъ, а по часамъ, и всѣ ждутъ съ радостной надеждою, что изъ него выйдетъ, когда онъ выростетъ. Вотъ ужъ онъ вышелъ изъ люльки и все растетъ и здоровѣетъ; подросъ такъ, что пора бы ужъ его изъ дому на вольный воздухъ, а онъ все сидитъ и только растетъ да изумляетъ свою семью страшной силой. Наконецъ, однажды онъ всталъ, потянулся и вышелъ изъ дому. Родные и знакомые слѣдовали за нимъ вдали съ смутнымъ трепетомъ радостной надежды, повторяя себѣ: «идетъ, идетъ богатырь! ну что онъ теперь натворитъ?» Богатырь прямо пошелъ въ близъ-лежащій лѣсъ: идетъ, играючи выворачиваетъ огромныя деревья, а толпа, слѣдующая сзади, дивится силѣ и говоритъ: «ну, что-то дальше будетъ?» А богатырь дошелъ до огромнаго дупла, остановился, посмотрѣлъ внутрь, залѣзъ въ него, свернулся калачикомъ и уснулъ. Долго стояла толпа вокругъ дупла въ благоговѣйномъ ожиданіи, что сонъ этотъ будетъ непродолжительнымъ, и говорила всѣмъ: «тише, тише, спитъ богатырь, не будите». Однако, простоявши такъ немалое время и видя, что богатырь не просыпается, разошлись по своимъ дѣламъ, говоря шопотомъ: «тише, тише, не будите, спитъ богатырь». Пришли вечеромъ, смотрятъ — все спитъ богатырь и храпъ его стоитъ по лѣсу; пришли на завтра—то же самое, да такъ онъ и спитъ все по сіе время». Кромѣ этой сказки, ему хотѣлось написать для «Русскихъ Вѣдомостей» еще двѣ сказки: «Солнце и свиньи» и «Забытая балалайка»; но обѣ эти сказки еще не были имъ достаточно обдуманы».

Когда семья Салтыкова уѣхала на морскія купанья, больной всецѣло остался на попеченіи д-ра Бѣлоголоваго и поселился рядомъ съ нимъ въ одномъ домѣ. Д-ръ Бѣлоголовый замѣчаетъ по этому поводу:

«Жизнь наша сначала пошла такъ прекрасно, что мы съ женою не могли нарадоваться, ибо признаюсь откровенно, что трусилъ не мало этого сожительства, зная болѣзненную раздражительность и рѣзкую нетерпимость Салтыкова. Но то ли прекращеніе вѣчныхъ препирательствъ съ женой и дѣтьми, а вмѣсто того нашъ внимательный уходъ за нимъ, то ли ему дѣйствительно это время стало немного легче, но только на него нашелъ, какъ говорится, «тихій часъ», онъ сталъ чрезвычайно кротокъ и благодушенъ. И тутъ, ближе вглядываясь въ этого человѣка, можно было легко замѣтить, что столь ще-

дро одарившая его природа дала ему и прекрасное сердце, и весьма деликатную нравственную организацію, и только продолжительная болѣзнь да семейныя невзгоды сдѣлали то, что на фонѣ головлевской наслѣдственности развился такой дикій и грубый человѣкъ, какимъ представлялся Салтыковъ для лицъ мало его знавшихъ. Для насъ онъ не только не былъ грубымъ человѣкомъ, а агнцемъ доброты и кротости, въ высшей степени деликатнымъ во всѣхъ сношеніяхъ и горячо благодарнымъ намъ за дружескій уходъ, которымъ мы старались его окружить».

За границей.

Отголоски бисмарковскаго режима въ Германіи. Когда, во второй половинѣ 1894 года, въ Германіи прошелъ слухъ, что императоръ Вильгельмъ желаетъ введенія новыхъ репрессивныхъ мѣръ противъ партій, враждебныхъ существующему порядку, то въ газетахъ, считавшихся оффиціозными, возникла горячая полемика между графомъ Каприви, который былъ тогда канцлеромъ, и графомъ Эйленбургомъ, занимавшимъ въ то время постъ прусскаго министра-президента. По слухамъ, Каприви былъ противникомъ новыхъ репрессалій, Эйленбургъ же отстаивалъ ихъ. Полемика между ними приняла настолько рѣзкій характеръ, что въ концѣ концовъ вызвала личныя объясненія и кончилась отставкою обоихъ противниковъ. Такой результатъ оказался совершенно неожиданнымъ, но, повидимому, онъ былъ вызванъ неудовольствіемъ императора на рѣзкость и безцеремонность статей, появлявшихся въ оффиціозныхъ газетахъ и направленныхъ противъ Эйленбурга.

Отставка канцлера, явившаяся результатомъ газетной перебранки, вызвала, конечно, много толковъ въ свое время въ берлинскомъ обществѣ. Исторія съ Каприви всѣмъ казалась странной и неясной. Дѣйствительно, трудно было представить себѣ, чтобы Каприви могъ внезапно такъ радикально измѣнить своимъ собственнымъ взглядамъ и правиламъ. Въ своей рѣчи въ рейхстагѣ, сказанной тотчасъ по вступленіи въ новую должность, Каприви торжественно объявилъ, что никогда не будетъ пользоваться услугами печати, и только въ вопросахъ внѣшней политики предоставляетъ себѣ право прибѣгать иногда къ оффиціознымъ сообщеніямъ, всегда оставаясь въ предѣлахъ «хорошаго тона». До полемики съ Эйленбургомъ Каприви оставался вѣренъ своему обѣщанію; онъ дѣйствительно никогда не выходилъ изъ предѣловъ «хорошаго тона» во всѣхъ своихъ поступкахъ и отношеніяхъ къ своимъ противникамъ. Если онъ и уступалъ Бисмарку въ дипломатическихъ талантахъ, то, во всякомъ случаѣ, былъ гораздо разборчивѣе его въ средствахъ. Что Каприви не желалъ прибѣгать къ такимъ средствамъ, къ какимъ прибѣгалъ его предшественникъ, онъ доказалъ возвращеніемъ вельфскаго фонда наслѣдникамъ ганноверскаго короля. Этотъ фондъ удерживался Бисмаркомъ и служилъ ему спеціально для подкупа газетъ, почему и названъ былъ «фондомъ пресмыкающихся» (Reptilienfond). Отказавшись отъ этихъ денегъ, Каприви ясно показалъ, что не желаетъ пользоваться печатью для своихъ цѣлей и питаетъ отвращеніе къ подкупу. Поэтому-то всѣхъ такъ и удивила полемика съ Эйленбургомъ и то, что Каприви такъ рѣзко измѣнилъ своимъ принципамъ, прибѣгнувъ въ данномъ случаѣ, къ газетнымъ обличеніямъ.

Дѣло это такъ и осталось невыяс-

неннымъ и только теперь, благодаря въ высшей степени любопытному политическому процессу, разбиравшемуся недавно въ берлинскомъ судѣ, столкновеніе Каприви съ Эйленбургомъ и многіе аналогичные факты, вызвавшіе, въ свое время, отставку другихъ министровъ, рисуются уже въ совершенно иномъ свѣтѣ.

Сенсаціонный политическій процессъ, разоблачившій дѣятельность и роль тайной полиціи въ Германіи, можетъ служить прекрасною характеристикою бисмарковскаго режима, создавшаго рептильную прессу и возведшаго подкупъ печати въ принципъ государственной политики. Подкупъ и организація тайной полиціи—вотъ были главныя орудія Бисмарка въ борьбѣ съ противниками, и Бисмаркъ пользовался ими въ широкихъ размѣрахъ; вся его внутренняя политика отличалась не столько государственнымъ, сколько полицейскимъ характеромъ. Возводя въ принципъ теорію: «Сила подавляетъ право», Бисмаркъ не щадилъ своихъ противниковъ, онъ съ ожесточеніемъ велъ войну противъ конституціонализма и пользовался всѣми средствами, какія у него были подъ рукой, для достиженія своихъ цѣлей. Правда, онъ не имѣлъ успѣха, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Всѣ мѣропріятія его внутренней политики оканчивались пораженіемъ; политическія идеи, противъ которыхъ онъ боролся, и партіи только еще болѣе крѣпли и закалялись въ борьбѣ. Но, тѣмъ не менѣе, онъ все-таки сгубилъ многихъ своихъ противниковъ, а реакціонный, полицейскій режимъ, установленный имъ въ Германіи, заставилъ поблекнуть многіе идеалы нѣмецкаго народа и породилъ въ людяхъ особенную неразборчивость въ средствахъ и раболѣпное поклоненіе силѣ. Только это и сдѣлало возможнымъ въ Германіи такіе факты, какіе обнаружены были недавнимъ процессомъ.

Героями являются: журналистъ Лекертъ и полицейскій агентъ Люцовъ. Но и тотъ, и другой—только орудія въ рукахъ болѣе опытнаго и искусснаго человѣка, полицейскаго коммиссара Тауша. Послѣдній былъ вызванъ сначала въ качествѣ свидѣтеля, но къ концу разбирательства дѣла превратился въ подсудимаго и былъ арестованъ.

Дѣло возникло по слѣдующему поводу: текстъ бреславльскаго императорскаго тоста былъ напечатанъ въ измѣненномъ видѣ. Измѣненіе это имѣло тенденціозный характеръ и вызвало въ свое время много толковъ въ европейской печати. Вскорѣ послѣ этого, въ газетѣ «Welt am Montag» появились двѣ статьи, инсинирующія, будто графъ Эйленбургъ, оберъ-гофмаршалъ, желая угодить британскому кабинету, ложно передалъ текстъ императорскаго тоста. Одновременно съ этимъ была напечатана другая статья въ «Kölnishe Zeitung» (одна изъ главныхъ бывшихъ рептилій Бисмарка), въ которой сообщались подробности о засѣданіи совѣта министровъ по вопросу о военно-судебной реформѣ. Обсужденія министровъ не подлежали гласности, и императоръ Вильгельмъ былъ страшно недоволенъ, прочтя эту статью. Кромѣ того, статья вызвала бурныя объясненія между министромъ внутреннихъ дѣлъ Келлеромъ и военнымъ министромъ Бронзаромъ и въ результатѣ получилась отставка обоихъ министровъ, совершенно такъ, какъ въ случаѣ Каприви и Эйленбурга.

Однако, эта двойная отставка не прекратила инсинуацій печати. Очевидно, всѣ вышеназванныя статьи имѣли цѣлью повредить не однимъ только министрамъ, вышедшимъ въ отставку. По причинамъ, которыя, однако, такъ и остались невыясненными на судѣ, оказалось нужнымъ поколебать положеніе министра иностранныхъ дѣлъ Маршаля, поэтому-то

во всѣхъ газетныхъ статьяхъ, не только тендеціозное измѣненіе бреславльскаго тоста, но и обнародованіе фактовъ, не подлежащихъ гласности, были приписаны барону Маршалю и его клевретамъ, стремящимся скомпрометировать лицъ, близко стоящихъ къ императору Вильгельму II.

На этотъ разъ, однако, нашла коса на камень. Энергичный и смѣлый министръ, бывшій прокуроръ, рѣшилъ разоблачить направленныя противъ него интриги и призвалъ на помощь гласность, которая и обнаружила по истинѣ невѣроятныя вещи. Возникло дѣло по обвиненію въ оскорбленіи газетными статьями оберъ-гофмаршала Эйленбурга, барона Маршаля и принца Александра Гогенлоэ (сына нынѣшняго канцлера).

Баронъ Маршаль, не стѣсняясь, сорвалъ маску съ излюбленнаго дѣтища Бисмарка—тайной полиціи и разоблачилъ всѣ ея интриги, основательно доказавъ съ документами въ рукахъ, что эта полиція никакой пользы не приноситъ ни государству, ни правительству и только подрываетъ его спокойствіе и деморализируетъ общество. Сильному правительству незачѣмъ прибѣгать къ такимъ помощникамъ, какъ тайные полицейскіе агенты, да и вообще можно ли вполнѣ довѣрять людямъ, выбирающимъ такую профессію, конечно, ради личныхъ выгодъ и денегъ? Самое положеніе этой тайной полиціи таково, что оно даетъ ей возможность почти безнаказанно заниматься сплетеніемъ интригъ и преслѣдовать личныя цѣли и выгоды, свои собственныя или другихъ лицъ, пользующихся ею, какъ орудіемъ. Можетъ ли такое учрежденіе служить оплотомъ государства, сказалъ Маршаль, и не лучше ли правительству поскорѣе отъ него избавиться?

Когда въ различныхъ газетахъ стали появляться статьи, полныя всевозможныхъ инсинуацій и явно направленныя къ тому, чтобы перессорить между собою министровъ и вызвать новыя столкновенія, то задѣтые этими статьями министры обратились, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, къ помощи тайной полиціи, предлагая ей произвести разслѣдованіе, откуда и отъ кого редакціи указанныхъ газетъ получаютъ свои свѣдѣнія. Въ то же время и газетныя бюро, существующія при министерствахъ и названныя Маршалемъ «*необходимымъ зломъ, отъ котораго онъ бы съ удовольствіемъ избавился*», занялись розысками, но дѣло не подвигалось, а осложнялось все болѣе. Для всѣхъ было ясно, что ведется какая-то интрига противъ министерства иностранныхъ дѣлъ, но гдѣ ея нити—вотъ что никакъ не удавалось вывести на свѣтъ. Но когда выведенный изъ терпѣнія Маршаль, воспользовавшись шумомъ, который былъ вызванъ въ европейской печати исторіей съ бреславльскимъ тостомъ, призвалъ на помощь гласность, дѣло сразу приняло другой оборотъ. Берлинская тайная полиція выдала Люцова и Лекерта министерству иностранныхъ дѣлъ, въ надеждѣ, разумѣется, что оба эти субъекта, находящіеся у нея на службѣ, воздержатся отъ неудобныхъ разоблаченій. Но разсчетъ оказался ошибочнымъ. Уже на третій день судебнаго разбирательства Люцовъ, прижатый къ стѣнѣ вопросами предсѣдателя суда, далъ такія показанія, которыя сорвали маску съ полицейскаго коммиссара Тауша, оказавшагося главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Но и Таушъ, въ свою очередь, былъ орудіемъ въ рукахъ какого-то таинственнаго «неизвѣстнаго лица», разоблаченію личности котораго въ судѣ воспротивился главный президентъ полиціи Виндгеймъ. Быть можетъ, во время новаго судебнаго разбирательства, которое состоится въ январѣ уже по дѣлу Тауша, обвиняющагося въ лжесвидѣтельствѣ, будутъ сдѣланы новыя от-

*

крытія и выяснится, кто этотъ «неизвѣстный», но возможно, что личность его такъ и останется скрытой во мракѣ, такъ какъ есть основанія думать, что это не одно какое-нибудь лицо, а цѣлая и могущественная партія.

При дальнѣйшемъ разбирательствѣ выяснилось, что статьи о военно-судебной реформѣ и о «негласномъ правительствѣ», появившіяся въ «Кельнской» газетѣ и возбудившія такое сильное неудовольствіе императора Вильгельма, написаны были вовсе не тѣмъ лицомъ, на которое указала тайная полиція, какъ на довѣренное лицо министра иностранныхъ дѣлъ, а однимъ изъ ея агентовъ, написавшихъ статьи по заказу Тауша. Затѣмъ и тенденціозное измѣненіе текста бреславльскаго тоста произошло, какъ оказывается, также не по винѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; и тутъ также Таушъ игралъ роль. Однимъ словомъ, Таушъ можетъ быть названъ настоящимъ организаторомъ клеветнической литературы, всяческихъ подложныхъ записокъ, сообщеній, анонимныхъ писемъ, доносовъ и т. п. Очевидно, этотъ достойный ученикъ великаго учителя Бисмарка вполнѣ усвоилъ себѣ его взгляды на печать, не какъ на орудіе гласности и общественнаго мнѣнія, а какъ на орудіе власти и интриги.

Таушъ сначала попробовалъ было отрицать показанія Люцова и даже свысока заявилъ въ судѣ, что онъ вызванъ «не въ качествѣ обвиняемаго, а въ качествѣ свидѣтеля», но скоро спустилъ тонъ, въ виду не подлежащихъ оспариванію документовъ, найденныхъ при обыскѣ у Люцова. По счастью и на этотъ разъ подтвердилось знаменитое изреченіе «il y a des juges à Berlin» (есть судьи въ Берлинѣ) и эти «juges» не побоялись могущественнаго учрежденія, именуемаго тайной полиціей, и оправдали надежды, возложенныя на нихъ обществомъ. Таушъ сталъ даже приводить въ свое оправданіе, что «*онъ, въ качествѣ полицейскаго коммиссара, не можетъ быть слишкомъ разборчивымъ въ средствахъ*», чѣмъ и воспользовался фонъ-Маршаль. Между прочимъ, на судѣ было прочитано письмо Тауша, найденное у Люцова, въ которомъ Таушъ предлагалъ ему похвалить его дѣятельность. «Напишите, что коммиссаръ фонъ-Таушъ оказалъ большія услуги правительству въ дѣлѣ о государственной измѣнѣ», говорится въ этомъ письмѣ. Предсѣдатель замѣтилъ Таушу, что онъ, очевидно, пользовался услугами Люцова не только для полицейскихъ розысковъ, но и въ интересахъ своей личной карьеры. Далѣе на вопросъ объ отношеніяхъ его къ барону Маршалю, Таушъ отвѣчалъ: «Извѣстно, что фонъ-Маршаль былъ противъ политической полиціи и всѣ попытки убѣдить его въ полезности ея остались безуспѣшными. Онъ увѣренъ, что политическая полиція приноситъ только вредъ и поэтому онъ никогда не принималъ меня, какъ представителя политической полиціи».

Люцовъ, какъ это всегда бываетъ съ подобными людьми, чувствуя, что тонетъ, не сталъ щадить Тауша и заявилъ, что онъ не могъ не исполнять его порученій, такъ какъ вполнѣ зависѣлъ отъ него матеріально, получая ежемѣсячное содержаніе, которое Таушъ постоянно грозилъ отнять у Люцова, если онъ не будетъ охранять его интересовъ! «Я далъ ему честное слово не говорить объ этомъ,—сказалъ Люцовъ,—но теперь *въ интересахъ справедливости* я долженъ открыть все!».

Слова эти звучатъ очень странно въ устахъ такого человѣка какъ, Люцовъ. Неудивительно, что это вызвало волненіе среди публики, переполнявшей залу. Процессъ Люцова вызвалъ въ Германіи сильнѣйшее возбужденіе умовъ и совершенно отодви-

нулъ на второй планъ всѣ другіе вопросы современной общественой жизни. Процессъ этотъ несомнѣнно доказалъ, что тайная полиція можетъ во многихъ случаяхъ представить опасность для политической жизни страны, въ виду того, что въ составъ этого учрежденія преимущественно входятъ люди, не имѣющіе, что называется, «ni foi, ni loi».

Норвежскій филологъ Иваръ Озенъ. Въ сентябрѣ прошлаго года умеръ въ Христіаніи, на 48-мъ году отъ рожденія, знаменитый норвежскій филологъ и ученый Иваръ Озенъ. Съ нимъ сошелъ въ могилу одинъ изъ великихъ норвежцевъ нашего вѣка, много потрудившихся для интеллектуальнаго подъема своей родины.

Иваръ Озенъ былъ сынъ простого землевладѣльца, крестьянина въ Эрстенѣ, въ норвежской области Сендмеръ. Его настоящее имя было Иваръ Иверсенъ, но онъ перемѣнилъ его на имя той фермы (Озенъ), гдѣ онъ родился. Отецъ будущаго знаменитаго ученаго хотя и былъ обремененъ многочисленнымъ семействомъ (у него было семь человѣкъ дѣтей), но нужды не терпѣлъ и, подобно всѣмъ прочимъ фермерамъ, посылалъ своихъ дѣтей въ школу. Иваръ былъ самымъ младшимъ изъ сыновей; ему едва исполнилось 13 лѣтъ, когда умеръ отецъ, и онъ долженъ былъ прекратить свои школьныя занятія и поступить рабочимъ на ферму. Такой трудъ не удовлетворялъ пытливаго мальчика; его постоянно влекло къ книгамъ, къ школѣ. Когда ему минуло 18 лѣтъ, мечта его исполнилась и ему удалось получить мѣсто преподавателя въ сельской школѣ. Къ счастью, онъ обратилъ на себя вниманіе мѣстнаго магната Расмуса Орфлота, который заинтересовался умомъ юнаго преподавателя и открылъ для него двери своей богатой библіотеки. Года черезъ два Иваръ встрѣтилъ ученаго пастора Торезена, который принялъ въ немъ также большое участіе, взялъ его къ себѣ и обучилъ латыни. Онъ нѣсколько разъ послѣ того переходилъ изъ одной школы въ другую, въ качествѣ кочующаго преподавателя, но, наконецъ, ему удалось получить мѣсто домашняго учителя на своей родинѣ. Поселившись въ Эрстенѣ, онъ занялся сначала ботаникой и усердно принялся составлять списокъ растеній норвежской флоры. Желая присвоить каждому растенію соотвѣтствующее названіе на норвежскомъ языкѣ, Иваръ Озенъ сталъ изучать мѣстное Сендмерское нарѣчіе, и это совершенно отвлекло его отъ занятій ботаникой; онъ увлекся филологическими изслѣдованіями и поставилъ себѣ задачею собрать и классифицировать всѣ находившіеся до сихъ поръ въ большомъ небреженіи провинціальные норвежскіе діалекты. Много лѣтъ онъ работалъ такъ въ полной неизвѣстности. Будучи очень скромнымъ отъ природы, онъ не рѣшался выступить передъ публикою со своими трудами, и только послѣ долгихъ колебаній рѣшился въ 1842 году напечатать одну изъ своихъ работъ о мѣстномъ нарѣчіи. Эта небольшая статья, однако, тотчасъ же обратила на себя вниманіе норвежскаго общества наукъ въ Дронтгеймѣ, назначившаго ему даже небольшую стипендію за этотъ трудъ, которою Озенъ воспользовался, чтобы объѣздить всѣ норвежскіе округа и изучить ихъ нарѣчія. Поселившись затѣмъ въ Христіаніи, Озенъ окончательно отдался филологическимъ изысканіямъ и занялся приведеніемъ въ порядокъ матеріала, собраннаго имъ во время его поѣздокъ. До этого, однако, онъ попытался издать маленькій сборникъ народныхъ пѣсенъ на сендмерскомъ нарѣчіи. Въ 1848 году онъ издалъ на счетъ королевскаго норвежскаго общеста наукъ свой самый капитальный трудъ: «Грамматика народнаго норвежскаго языка», а черезъ десять

лѣтъ послѣ того издалъ словарь этого языка. За нѣсколько времени передъ тѣмъ онъ издалъ «образцы народнаго языка» въ которыхъ онъ устанавливалъ родъ нормальнаго языка, основаннаго на избранныхъ формахъ, заимствованныхъ изъ всѣхъ лучшихъ діалектовъ. Онъ предлагалъ ввести этотъ языкъ и замѣнить имъ датскій, принятый въ обществѣ, и въ литературѣ. Чтобы яснѣе доказать превосходство этого языка, Озенъ сочинилъ на немъ лирическую драму «Ervingen», которая съ большимъ успѣхомъ была разыграна на сценѣ королевскаго театра въ Христіаніи.

Названіе «народный языкъ» (Landsmaal), данное этому новому языку, было съ восторгомъ принято норвежскою радикальною партіей. Любопытнѣе всего, что идея Озена, исключительно руководствовавшагося лишь филологическими соображеніями и законами, сдѣлалась лозунгомъ политической партіи. Крайняя лѣвая въ парламентѣ объявила, что въ программу ея входитъ водвореніе народнаго языка. «Долой датскій языкъ!—кричали радикалы. — Пусть все печатается на народномъ языкѣ!» Вооружившись грамматикой и словаремъ Озена, журналисты смастерили патріотическій языкъ, который былъ принятъ даже выдающимися норвежскими поэтами, Почти помимо своей воли Озенъ очутился въ положеніи національнаго героя—человѣка, даровавшаго способность рѣчи безгласному и связанному по рукамъ и ногамъ норвежскому великану.

Несмотря на такое неожиданное для самого себя возвышенное положеніе, Озенъ остался до конца дней своихъ тѣмъ, чѣмъ былъ отъ природы—спокойнымъ кабинетнымъ ученымъ, безучастно относящимся ко всякимъ политическммъ распрямъ. Эдмундъ Госсъ, посѣтившій его въ 1872 году, разсказываетъ въ «Athaeneum'ѣ», что Озенъ менѣе всего отвѣчалъ представленію о народномъ героѣ и, глядя на него, никакъ нельзя было представить себѣ, что это именно и есть тотъ человѣкъ, чье имя такъ необыкновенно популярно въ Норвегіи и всегда вызываетъ взрывъ народнаго энтузіазма.

Озенъ жилъ одиноко, такъ какъ онъ не былъ женатъ, и Госсъ, придя къ нему, засталъ его стоящимъ на колѣняхъ, посрединѣ комнаты, очень скудно меблированной, и погруженнымъ въ исправленіе корректурныхъ листовъ новаго изданія своего словаря. Кругомъ него были навалены толстые фоліанты и рукописи, и такъ какъ онъ былъ маленькаго роста, то почти совершенно исчезалъ среди всей этой массы рукописнаго и печатнаго матеріала. Погруженный въ свою работу, одинокій ученый казался совершенно отрѣзаннымъ отъ всего остальнаго міра и своей родины, а между тѣмъ, онъ-то и вызвалъ къ жизни народное движеніе и имя его священно для каждаго норвежскаго патріота.

Литературныя произведенія въ Англіи во времена реставраціи. Въ недавно вышедшей книгѣ «Le Public et les Hommes de lettres en Angleterre au XVIII siècle» (par Beljame) авторъ развертываетъ передъ читателями цѣлую картину прежнихъ литературныхъ нравовъ Англіи. Англійскіе писатели до начала XVIII вѣка были такъ обставлены, что ни о какомъ развитіи у нихъ чувства собственнаго достоинства не могло быть и рѣчи. Имъ приходилось преимущественно заниматься сочиненіемъ театральныхъ пьесъ, потому что только такія произведенія имѣли сбытъ на литературномъ рынкѣ. Другія литературныя произведенія почти совсѣмъ не находили читателей, и во всей Англіи въ годъ издавалось не болѣе ста книгъ общаго литературнаго характера, да и тѣ обыкновенно залеживались у книгопродавцевъ.

Читающей публики еще не было, женщины лишь въ крайнихъ рѣдкихъ случаяхъ умѣли читать. Для кого же было писать книги? Въ среднемъ классѣ только ученые занимались чтеніемъ, да и ихъ было немного. Писатель, задумывая написать какую-нибудь книгу, не могъ разсчитывать ни на читателей, ни на доходъ! Но зато существовалъ другой способъ получить доходъ съ книги, это—написать къ ней посвященіе. Одинъ ученый придумалъ даже слѣдующій остроумный способъ: онъ сочинялъ нѣсколько хвалебныхъ посвященій и затѣмъ съ этими посвященіями расхаживалъ по домамъ, предлагая ихъ, разумѣется, за деньги, разнымъ лицамъ. Къ счастію для ученаго, въ аглійскомъ обществѣ была тогда мода на такія посвященія и стоимость ихъ колебалась отъ пяти до десяти гиней. Найдя покупателя, ученый принимался за книгу, которая должна была выйти съ посвященіемъ. Но жить все-таки нужно было, и когда полученныя деньги приходили къ концу, то ученый прибѣгалъ къ другой уловкѣ—онъ занималъ деньги подъ будущее посвященіе и такимъ образомъ изворачивался до слѣдующаго раза.

Существовали и существуютъ до сихъ поръ люди, утверждающіе, что нужда полезна для продуктивной литературной дѣятельности и даже составляетъ, пожалуй, необходимое условіе для должнаго развитія литературнаго таланта. Такое мнѣніе, между прочимъ, поддерживаетъ и Теккерей, доказывающій, что геніальные люди ничего бы не сдѣлали, еслибъ не нужда. Хлѣбъ является главнымъ стимуломъ литературной работы, говоритъ Теккерей, но нельзя не признать это мнѣніе черезчуръ одностороннимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что нужда уничтожила талантовъ гораздо болѣе, нежели помогла имъ развиться, голодъ и нужда именно сдѣлали изъ англійскихъ писателей XVII вѣка дѣйствительно презрѣнныхъ и презираемыхъ лакеевъ литературы. Система покровительства и посвященій много содѣйствовали униженію литературной профессіи въ Англіи и общество долго потомъ питало предубѣжденіе противъ этой профессіи, хотя она и сдѣлалась чистымъ и возвышеннымъ занятіемъ впослѣдствіи.

Къ концу XVII вѣка нравственный уровень англійской литературы нѣсколько повысился. Эволюція началась прежде всего въ области политической журналистики. До этого времени англійскія газеты представляли лишь небольшіе, совершенно безцвѣтные и очень небогатые содержаніемъ листки, дававшіе лишь очень скудныя свѣдѣнія, да и то преимущественно изъ жизни иностранныхъ государствъ. О дѣлахъ отечества газеты не смѣли «свое сужденіе имѣть» и имъ дозволяли лишь перепечатывать правительственныя сообщенія. Но не смотря на такое трудное положеніе англійской журналистики и на всѣ строгости англійскихъ законовъ, нашлись все-таки люди, не побоявшіеся возвысить свой голосъ въ защиту священныхъ правъ человѣка, и какъ только началась борьба изъ-за идеи, а не одна только погоня за кускомъ хлѣба, то это немедленно отразилось самымъ выгоднымъ образомъ на подъемѣ англійской журналистики. Чѣмъ ожесточеннѣе были преслѣдованія, тѣмъ болѣе закалялась въ борьбѣ англійская печать. Хроника тѣхъ временъ полна возмутительныхъ насилій, которымъ подвергались жирналисты, не хотѣвшіе заниматься, какъ поэты временъ реставраціи Стюартовъ, однимъ только восхваленіемъ сильныхъ міра. Даніэль Дефоэ, напримѣръ, былъ выставленъ къ позорному столбу, а редакторъ газеты «Observer» присужденъ къ наказанію плетьми и т. д. и т. д. Были даже случаи еще болѣе жестокой расправы; такъ, одинъ типограф-

щикъ былъ приговоренъ къ мучительной казни за напечатаніе не разрѣшенной властями брошюры. Подъему журналистики много способствовало то обстоятельство, что политическія партіи увидѣли въ ней могущественное оружіе для борьбы, которымъ и стали пользоваться. Еще въ 1645 году Мильтонъ въ своей знаменитой «Ареопагитикѣ» *) выступилъ въ защиту свободы печатнаго слова, но тогда еще не настало время и общество не дошло до сознанія пользы и необходимости такой свободы для правильнаго и успѣшнаго развитія соціальной жизни. Не смотря на краснорѣчивую защиту Мильтона, англійская печать продолжала терпѣть притѣсненія, но голосъ Мильтона не остался «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». Мало-по-малу идеи Мильтона проникли въ общественное самосознаніе, а когда журналистика сдѣлалась орудіемъ борьбы партій, то естественнымъ образомъ законы о печати потеряли свое значеніе. Окончательное упраздненіе цензуры произошло въ 1695 году и совершилось, такъ-сказать, естественнымъ путемъ, такъ какъ до этого уже нѣсколько лѣтъ она существовала только номинально. Съ этого времени начинается очень быстрое развитіе журналистики. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ отмѣны законовъ о печати въ Лондонѣ уже издавались 18 газетъ. Положеніе англійскихъ писателей, впрочемъ, еще раньше этого измѣнилось къ лучшему въ нравственномъ отношеніи. Вильгельмъ III, хотя едва умѣлъ читать по англійски, все таки питалъ уваженіе къ литературѣ. Какъ только писатели заняли мѣсто въ политической жизни страны, отношеніе къ нимъ общества сразу измѣнилось. Прежде ихъ презирали и требовали отъ нихъ, чтобы они служили развлеченіемъ скучающему обществу, теперь ихъ стали уважать и въ нихъ заискивать. Конечно, прошло много времени, прежде чѣмъ англійскіе писатели окончательно освободились отъ недостатковъ, привитыхъ имъ долгими годами рабства и униженія и заняли подобающее имъ мѣсто въ общественной жизни страны, но все же нельзя отрицать, что именно политическая печать спасла ихъ и вытащила ихъ изъ той грязи, въ которой они барахтались, заставивъ ихъ примкнуть къ движенію. «Wits», такъ-называемые, продажные поэты, забросили театральныя пьесы и стали заниматься политикой. Если это ремесло не было прибыльнѣе, то все же оно было почетнѣе и мало-по-малу у этихъ пасынковъ общества стало развиваться чувство собственнаго достоинства. Развитіе политической печати не замедлило отразиться на всѣхъ отрасляхъ умственной жизни страны. Общество, заинтересованное политической борьбой, мало-по-малу пріучилось къ чтенію, которое скоро сдѣлалось не только развлеченіемъ, но и потребностью. Оффиціальныя власти, нѣсколько встревоженныя такимъ быстрымъ развитіемъ печати, попробовали было наложить на нее узду посредствомъ косвенныхъ притѣсненій, вродѣ, напримѣръ, учрежденія штемпельнаго сбора, но и эта мѣра не достигла желаемой цѣли: печать продолжала развиваться, не смотря на всѣ отношенія, и доставляла казнѣ очень большой доходъ. Такъ, напримѣръ, въ 1849 году казна получила съ печати огромную сумму въ 13.290.000 ф. ст. Эта цифра достаточно краснорѣчиво указываетъ, какихъ размѣровъ достигла въ Англіи одна только періодическая печать къ этому времени, не говоря уже о брошюрахъ и книгахъ, не подлежащихъ уплатѣ штемпельнаго сбора. Налоги на печать (штемпельный сборъ, налогъ на объ-

*) Полный текстъ «Ареопагитики» былъ напечатанъ въ русскомъ переводѣ въ журналѣ «Живописное Обозрѣніе» за 1868 г.

явленія и бумагу) отмѣнены только во второй половинѣ нашего вѣка, и съ этого времени англійская печать стала безпрепятственно развиваться.

Женскія ассоціаціи въ Швейцаріи. По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, которыя были обнародованы на женскомъ конгрессѣ въ Женевѣ, оказывается, что въ Швейцаріи существуетъ въ настоящее время ни болѣе, ни менѣе, какъ 4.997 женскихъ ассіоцiацій, насчитывающихъ около 100.000 членовъ. Изъ этихъ ассоціацій 1.965 преслѣдуютъ исключительно лишь благотворительныя цѣли, 2.483—общественныя и 549 занимаются вопросами соціальной реформы. Капиталъ всѣхъ этихъ обществъ вмѣстѣ равняется въ настоящее время 4.220.000 фр., а годовые членскіе взносы достигаютъ цифры 2.369.500 фр. Изъ этихъ ассоціацій двѣ заслуживаютъ спеціальнаго упоминанія: «Union des femmes de Genève» и «Schweizerischer Gemeinnützicher Frauenverein». Предсѣдательницей первой состоитъ г-жа Эмилія Лассерръ. Эта ассоціація уже успѣла зарекомендовать себя съ полезной стороны, устроивъ множество курсовъ для молодыхъ дѣвушекъ. На этихъ курсахъ преподаются практически иностранные языки, кройка и шитье, счетоводство, законовѣдѣніе, стенографія и письмо на пишущей машинѣ. Помѣщеніе ассоціаціи или клуба просторно и прекрасно приспособлено для семейныхъ собраній. Въ клубѣ еженедѣльно устраиваются бесѣды по вопросамъ, касающимся положенія женщинъ какъ въ Швейцаріи, такъ и въ другихъ странахъ.

Другая ассоціація швейцарскихъ женщинъ еще болѣе многочисленна и насчитываетъ уже въ настоящее время 2.597 членовъ. Отдѣленія ея существуютъ рѣшительно во всѣхъ большихъ городахъ Швейцаріи; главная цѣль этой ассоціаціи—наивозможно лучшая организація домашняго воспитанія и ухода за больными. Ассоціація уже устроила нѣсколько школъ домашняго хозяйства и школы для прислуги; кромѣ того, ассоціація организуетъ публичныя народныя чтенія по домоводству и домашней экономіи и открыла безплатные курсы шитья и кулинарнаго искусства. Въ настоящее время ассоціація занята организаціей новаго союза, который будетъ называться «національнымъ швейцарскимъ союзомъ сидѣлокъ», и пенсіонной кассы для нихъ.

Огромное большинство швейцарскихъ женскихъ ассоціацій преслѣдуетъ исключительно практическія цѣли. Польза, которую приносятъ эти общества, не мало содѣйствовала успѣху женскаго движенія. Мало-помалу всѣ швейцарскіе кантоны признали нужнымъ расширить поле дѣятельности женщины и дать ей права, въ которыхъ ей до сихъ поръ отказывали. Женевскій кантонъ первый вотировалъ рядъ законовъ, направленныхъ къ облегченію участи женщины, ограничивающихъ отцовскую власть и признающихъ право работницы на ея заработокъ. Кромѣ того, женевскій законодатель Бридель, предложившій эту реформу, потребовалъ въ то же время изъятія изъ женевскаго уголовнаго кодекса статьи о наказаніи женщины за нарушеніе ею супружеской вѣрности. Другіе кантоны послѣдовали примѣру Женевскаго и предоставили женщинамъ большія права. Въ области образованія многіе кантоны признаютъ принципъ совмѣстнаго воспитанія половъ. Въ настоящее время всѣ швейцарскіе университеты открыты для женщинъ. Въ Женевѣ и Цюрихѣ треть всей учащейся молодежи составляютъ женщины. Въ Цюрихѣ женщина удостоена званія привать-доцента университета и читаетъ въ настоящее время лекціи по римскому праву и англійскому законодательству. Въ женевскомъ уни-

верситетѣ также женщины допускаются къ занятію каѳедры. Въ этомъ году г-жа Алиса Родригъ, совсѣмъ еще молоденькая дѣвушка, прочтетъ рядъ лекцій въ университетѣ о чувствительности растеній. Другая молоденькая дѣвушка, Ида Вельтъ, прочтетъ въ томъ же университетѣ лекціи по исторіи химіи.

Въ Цюрихѣ, по иниціативѣ 7.023 гражданъ, внесенъ законопроектъ, разрѣшающій женщинамъ заниматься адвокатурою въ судѣ.

Сторонники женскаго движенія въ Швейцаріи постановили каждые два года устраивать женскіе конгрессы въ различныхъ швейцарскихъ городахъ, съ цѣлью объединенія всѣхъ защитниковъ правъ женщины и пересмотра того, что сдѣлано на этомъ пути въ этотъ промежутокъ времени. Впрочемъ, главная цѣль все-таки заключается въ томъ, чтобы постоянно поддерживать въ обществѣ интересъ къ женскому движенію. Хотя женское движеніе въ Швейцаріи и не имѣетъ международнаго характера, вращаясь почти исключительно въ сферѣ практическихъ интересовъ, все же достигнутые имъ успѣхи въ области швейцарскаго законодательства и образованія не могутъ не отразиться благотворнымъ образомъ на женскомъ движеніи во всѣхъ прочихъ странахъ, которое вездѣ идетъ рука объ руку съ соціальнымъ движеніемъ.

Въ настоящее время швейцарскія женщины организовали въ своей средѣ обширную національную подписку съ цѣлью сооруженія памятника Гертрудѣ Штауфахеръ въ кантонѣ Швицъ, колыбели швейцарскаго союза. Гертруда, какъ извѣстно, считается вдохновительницей федеральнаго договора. Всѣ женщины Швейцаріи, не только занимающія болѣе или менѣе независимое положеніе, но и ученицы школъ принимаютъ участіе въ этой подпискѣ. Памятникъ предполагается открыть во время будущаго женскаго конгресса, который состоится черезъ два года.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue de Paris».—«Revue des Revues».—«Fortnightly Review».

Первая газета появилась во Франціи въ 1631 году. Основатель ея Теофрастъ Ренодо, который можетъ быть справедливо названъ отцомъ французской журналистики, нашелъ покровителя въ лицѣ могущественнаго кардинала Ришелье, справедливо усматривавшаго въ газетѣ политическое орудіе. Кардиналъ Ришелье принималъ активное участіе въ газетѣ Ренодо, но въ ней сотрудничалъ и самъ король, Людовикъ XIII, котораго, такимъ образомъ, приходится назвать чуть ли не первымъ по времени французскимъ журналистомъ. «Revue de Paris» сообщаетъ любопытныя подробности о дѣятельности этого короля-журналиста или «короля-репортера», какъ его называетъ Луи Баттифоль, авторъ статьи, помѣщенной въ вышеназванномъ журналѣ. По мнѣнію Баттифоля, Людовикъ XIII былъ журналистомъ только изъ любви къ искусству. Онъ не писалъ своихъ статей ради политическихъ цѣлей, какъ Ришелье, или для восхваленія своихъ дѣйствій и самозащиты; онъ просто доставлялъ газетѣ репортерскіе отчеты, сообщенія о событіяхъ, преимущественно военныхъ и, повидимому, не имѣлъ никакихъ претензій на литературный талантъ; впрочемъ, надо сознаться, что у него не было и слѣда таланта, и въ этомъ отношеніи, какъ и во всемъ другомъ, онъ обнаруживалъ величайшую посредственность.

Рукописи, которыя онъ присылалъ Ренодо, существуютъ до сихъ поръ и хранятся въ національной библіотекѣ въ Парижѣ. Сотрудничество короля въ газетѣ не носило постояннаго характера; очевидно, онъ не всегда былъ въ расположеніи писать и такая фантазія появлялась у него лишь по временамъ. Къ концу жизни Людовикъ XIII чаще предавался этой фантазіи и въ годъ, предшествующій его смерти, имъ было написано цѣлыхъ восемнадцать статей. Всѣ эти статьи, также какъ и предыдущія, представляютъ лишь точное и холодное изложеніе событій, точно написанное для безпристрастной исторіи, и ничѣмъ не выдаютъ ни взглядовъ, ни чувствъ самого автора.

Рукописи короля не отправлялись къ Ренодо непосредственно и это по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, не годилось автографъ короля давать въ руки наборщикамъ, которые тотчасъ же по виду могли узнать, кто писалъ. Въ XVII вѣкѣ, чѣмъ важнѣе былъ человѣкъ, тѣмъ крупнѣе былъ его почеркъ, и высота буквъ росла вмѣстѣ съ высотою положенія, занимаемаго авторомъ письма или рукописи, такъ что въ подписи короля буквы были длиною чуть ли не въ два сантиметра. Уже по этому признаку рабочіе могли бы узнать, что авторъ рукописи очень важное лицо.

Другая причина, почему рукописи короля не отправлялись прямо въ редакцію газеты, заключалась въ томъ, что король писалъ очень безграмотно и употреблялъ часто такія изумительныя выраженія, что его рукопись ни въ какомъ случаѣ нельзя было печатать безъ поправокъ. Аристократія того времени даже тщеславилась своимъ незнаніемъ грамматическихъ правилъ, находя, что изученіе грамматики обязательно только для низшихъ, а никакъ не для высшихъ классовъ. Слѣдовательно, если бы мы стали судить о величіи по безграмотности, также какъ и по размѣрамъ почерка, то Людовикъ XIII по праву долженъ быть поставленъ на первое мѣсто въ своемъ государствѣ.

Но и слогъ короля, какъ оказывается, также не обладаетъ никакими достоинствами. Онъ выражается очень плохо; обороты его рѣчи подчасъ прямо поражаютъ своею нескладностью и несообразностью. Но онъ пишетъ такъ не потому, что не имѣетъ времени или не хочетъ постараться или обдумать свою статью. Напротивъ, онъ нѣсколько разъ перечитываетъ свою статью съ карандашемъ въ рукахъ и дѣлаетъ много поправокъ, которыя, однако, не улучшаютъ статьи. Король вообще не умѣетъ писать и притомъ очень невѣжественъ, что обнаруживается въ каждой его строкѣ. Обязанность исправленія королевскихъ рукописей возложена была на одного изъ секретарей его кабинета, по имени Люкаса. Работа была не легкая. Люкасъ старался, по возможности, сохранить текстъ оригинала и затѣмъ, исправивъ все, переписывалъ статью и относилъ ее на просмотръ къ кардиналу, который уже дѣлалъ къ ней разныя добавленія, главнымъ образомъ, съ цѣлью выставить свои собственныя услуги. Исправленная и дополненная статья снова относилась къ королю, который никогда не дѣлалъ ни малѣйшихъ возраженій противъ сдѣланныхъ поправокъ и измѣненій его прозы, но иногда случалось, что онъ самъ добавлялъ какое-нибудь новое свѣдѣніе или подробность, упущенную въ началѣ.

Король никогда не рвалъ и не уничтожалъ оригиналовъ своихъ статей. Онъ всегда тщательно пряталъ ихъ въ маленькую шкатулку, съ которою никогда не разставался и гдѣ хранилъ также и другіе драгоцѣнные документы. Послѣ его смерти шкатулка эта очутилась въ рукахъ Люкаса, впослѣдствіи продавшаго эти драгоцѣнные манускрипты одному коллекціонеру, сынъ котораго подарилъ

ихъ королю Людовику XIV, а тотъ уже отдалъ ихъ въ національную библіотеку, гдѣ они и хранятся до сихъ поръ.

Неизвѣстно навѣрное, зналъ ли Теофрастъ Ренодо о томъ, кто у него сотрудничалъ въ газетѣ. Во всякомъ случаѣ, если даже зналъ, то надо отдать ему справедливость, онъ ничѣмъ этого не показывалъ и помѣщалъ королевскія реляціи вовсе не на первомъ мѣстѣ, а въ главѣ разныхъ писемъ и извѣстій, получаемыхъ имъ изъ-за границы, не придавая имъ, повидимому, значенія. Только военные отчеты о битвахъ, написанные королемъ, онъ сначала печаталъ крупнымъ шрифтомъ и на первой страницѣ, но затѣмъ и это прекратилъ.

Въ истекшемъ году состоялось въ Буда-Пештѣ во время венгерской національной выставки собраніе, подъ названіемъ «Межпарламентской конференціи мира и международнаго третейскаго суда». Идея международнаго третейскаго суда встрѣчаетъ большое сочувствіе въ европейской печати, преимущественно французской и англійской. «Revue des Revues» принадлежитъ къ числу журналовъ, особенно горячо поддерживающихъ эту идею. На страницахъ этого журнала были напечатаны статьи Пасси, президента общества международнаго третейскаго суда, и теперь помѣщается статья Е. Серра, члена французскаго кассаціоннаго суда, посвященная тому же предмету.

Въ 1889 году, говоритъ Серръ, нѣсколько политическихъ дѣятелей, состоящихъ въ парламентскихъ собраніяхъ различныхъ націй, задумали образовать нѣчто вродѣ «Лиги мира». Они не испугались ни затрудненій, которыя встрѣчали со всѣхъ сторонъ, ни насмѣшекъ скептиковъ и питали твердую надежду, что мало-по-малу, путемъ неустанной разумной пропаганды, удастся внушить народамъ болѣе правильныя воззрѣнія не только на ихъ права и обязанности, но даже на ихъ собственные интересы, которые всегда страдаютъ во время войны. И дѣйствительно, идея устройства межпарламентской конференціи мира и третейскаго суда, встрѣчавшая сначала или равнодушіе, или насмѣшки въ европейскомъ обществѣ, въ концѣ концовъ пріобрѣла права гражданства. Ежегодно къ ней примыкали все новые и новые члены и теперь существованіе межпарламентской конференціи мира и третейскаго суда не только признано оффиціально европейскими правительствами, но многія правительства открыто покровительствуютъ конференціи и одобряютъ ея дѣятельность. Въ позапрошломъ году въ Бельгіи засѣданія конференціи происходили въ залѣ сената и министры отъ имени правительства привѣтствовали собраніе. То же самое было и въ Буда-Пештѣ, гдѣ на первомъ засѣданіи конференціи предсѣдательствовалъ Вергель, министръ внутреннихъ дѣлъ Австро-Венгріи.

Е. Серръ указываетъ на то, что идея международнаго третейскаго суда вскорѣ послѣ революціи 1789 г. стала пріобрѣтать все болѣе и болѣе сторонниковъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще государства стали прибѣгать къ третейскому суду для рѣшенія своихъ недоразумѣній, вмѣсто того, чтобы рѣшать ихъ кровавымъ путемъ. До 1848 года, впрочемъ, дѣло это подвигалось очень медленно и къ международному суду государства прибѣгали не болѣе девяти разъ. Но съ 1848 по 1880 г. дѣло пошло быстрѣе и международные споры были разрѣшены третейскимъ судомъ 29 разъ; съ 1880 по 1895 г., слѣдовательно, въ теченіе только 15 лѣтъ, къ третейскому суду было прибѣгнуто уже двадцать разъ. Упомянемъ между прочимъ, что третейскимъ судомъ былъ

разрѣшенъ споръ между Германіей и Испаніей изъ за Каролинскихъ острововъ въ 1885 году, и споръ между Англіей и Соединенными Штатами въ 1893 году изъ за рыбныхъ промысловъ въ Беринговомъ морѣ. Въ недавнее время такимъ же путемъ разрѣшено столкновеніе Англіи съ Венецуэллой.

Но межпарламентская конференція третейскаго суда стремится къ высшимъ цѣлямъ. Частные случаи разрѣшенія международныхъ столкновеній посредствомъ третейскаго суда не могутъ все-таки вызвать болѣе или менѣе полное уничтоженіе войны. Высшая цѣль конференціи — международный договоръ, обязывающій государства прибѣгать во всѣхъ спорныхъ вопросахъ къ третейскому суду, и учрежденіе постояннаго международнаго трибунала. Эту идею пропагандируютъ въ настоящее время философы и публицисты, и во многихъ парламентахъ уже были внесены предложенія, касающіяся учрежденія этого суда. Во всякомъ случаѣ, идея эта мало-по-малу прокладываетъ себѣ дорогу и успѣхъ межпарламентскихъ конференцій ясно на это указываетъ.

Турція готовитъ, вѣроятно, не мало сюрпризовъ, тѣмъ болѣе, что мы, собственно говоря, мало ее знаемъ и большею частью смотримъ на турокъ, какъ на полуцивилизованныхъ варваровъ, фанатиковъ, и совсѣмъ незнакомы съ другими сторонами этого народа. Мы совсѣмъ не знаемъ, что такое представляетъ турецкая промышленность, турецкій рабочій и, конечно, имѣемъ весьма смутное понятіе о турецкихъ рабочихъ корпораціяхъ, защищающихъ права ремесленника и улаживающихъ всѣ споры, возникающіе между трудомъ и капиталомъ. Между тѣмъ, такія корпораціи существуютъ въ Константинополѣ, но когда онѣ возникли— неизвѣстно. Турки очень скрытны и несообщительны и питаютъ особенное отвращеніе ко всякимъ письменнымъ условіямъ, поэтому ничего точнаго объ этомъ неизвѣстно. Г-жа Констансъ Сутклиффъ, описывающая эти корпораціи въ «Fortnightly Review», высказываетъ предположеніе, что онѣ были учреждены самимъ пророкомъ, который отдалъ ихъ подъ спеціальное покровительство различныхъ святыхъ. Но, разумѣется, не столь важно знать, кто именно основалъ эти корпораціи, а гораздо важнѣе опредѣлить ихъ историческую и соціальную роль.

Турецкія корпораціи во всѣ времена обнаруживали чрезвычайную сплоченность и высокое развитіе корпоративнаго духа. Если который-нибудь изъ членовъ корпораціи попадалъ въ милость при дворѣ, онъ немедленно пользовался этимъ, чтобы добиться для нея привиллегій. Если же умиралъ какой-нибудь богатый членъ корпораціи, онъ непремѣнно завѣщавалъ ей болѣе или менѣе значительныя суммы. Вступая въ корпорацію, человѣкъ оставался ея членомъ до самой смерти. Всѣ частныя распри рѣшались корпораціями и оскорбленіе, нанесенное одному изъ членовъ, признавалось нанесеннымъ цѣлой корпораціи, которая и мстила за него; оттого и происходили безчисленныя и часто кровавыя столкновенія.

Послѣднее большое публичное собраніе корпорацій произошло въ 1769 г. и чуть не сдѣлалось причиною войны между Турціей и Австріей. По правиламъ мусульманской религіи никто изъ невѣрныхъ не долженъ видѣть священнаго знамени корпорацій. Между тѣмъ, австрійскій посланникъ, вмѣстѣ съ своими друзьями, помѣстился въ одномъ домѣ вблизи св. Софіи, гдѣ должно было происходить освященіе знамени. Когда кортежъ проходилъ мимо этого дома, начальникъ эмировъ увидѣлъ его въ окнѣ и тотчасъ же бросился въ домъ въ сопровожденіи двухсотъ эмировъ

и только вмѣшательство придворныхъ спасло жизнь европейцамъ, хотя все-таки эти послѣдніе довольно-таки поплатились за свою неосторожность. Но все же, какъ только сдѣлался извѣстенъ поступокъ невѣрныхъ, въ городѣ вспыхнуло возмущеніе и много христіанъ поплатились за это жизнью и только съ большимъ трудомъ удалось уладить дѣло и не допустить до войны.

Послѣ этихъ событій публичныя процессіи корпорацій долгое время были запрещены и только во время избіенія янычаровъ запрещеніе это было снято. Теперь, однако, корпораціи значительно измѣнили свой характеръ, хотя по прежнему онѣ отличаются такою же сплоченностью и духомъ единенія. Если пожаръ истреблялъ лавочку цирульника, корпорація тотчасъ же являлась къ нему на помощь и отстраивала ему новую. Если у мельника разваливалась мельница, — корпорація исправляла ее; если умиралъ кто-нибудь изъ членовъ корпораціи, объ его дѣтяхъ заботилась корпорація и обучала ихъ мастерству. Девизомъ каждой корпораціи были слѣдующія слова: «трудъ и ремесло составляютъ лучшую защиту противъ нужды».

Быть можетъ, въ этомъ духѣ корпораціи гнѣздится одна изъ причинъ особенной ненавести турокъ къ армянамъ, которую пытались объяснить религіознымъ фанатизмомъ. Гораздо вѣрнѣе, что въ этомъ чувствѣ фанатизмъ играетъ наименьшую роль и что турокъ вообше не можетъ допустить существованіе ремесленниковъ иностранцевъ внѣ корпорацій. Въ армянинѣ каждый турокъ ремесленникъ видитъ посягателя на свои исконныя права и привиллегіи, конкуррента, хотя такъ же, какъ и турокъ, изнемогающаго подъ тяжелымъ гнетомъ администраціи и налоговъ, но, тѣмъ не менѣе, все-таки освобожденнаго отъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ тягостей, обязательной военной службы, обязательныхъ забастовокъ во время мусульманскихъ празднествъ и т. д. Армянинъ всегда остается въ глазахъ турка пришельцемъ, узурпаторомъ его правъ. Взаимная ненависть, въ основу которой легло соперничество на почвѣ промышленныхъ интересовъ, развивалась годами и теперь дошла до высшихъ предѣловъ, выразившихся недавними жестокостями и кровопролитіями. Но вина за всѣ эти жестокости и кровопролитія скорѣе падаетъ на администрацію, на тотъ режимъ, который возводитъ произволъ и насилія въ принципъ высшей власти и, такимъ образомъ, поддерживаетъ антагонизмъ между отдѣльными классами и народностями. Сэръ Джемсъ Партеръ, бывшій англійскій посолъ въ Константинополѣ, еще въ концѣ прошлаго столѣтія, писалъ: «Какъ бы ни былъ плохъ турокъ, но все же онъ лучшее что только есть въ Турціи» —указывая этимъ, что не столько плохъ народъ, сколько плоха администрація и весь турецкій режимъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Вмѣсто предисловія. — Вопросъ объ освѣщенія по новѣйшимъ даннымъ. — Изслѣдованіе высшихъ слоевъ атмосферы. — Столѣтіе ученія о гомеопатіи.—Научныя мелочи: Атмосферная пыль.—Электрическій токъ въ 22.000 вольтъ. — Новая летательная машина.— Гигантъ-броненосецъ.—По поводу смерти Дюбуа-Реймона.

Задача научнаго хроникера довольно затруднительна—ему приходится знакомить читателя, и притомъ въ общедоступной формѣ, со всѣмъ тѣмъ, что входитъ въ область научныхъ изысканій. Хроникеръ, какимъ бы прекраснымъ спеціалистомъ онъ ни былъ, какъ бы обширно ни было его общее образованіе, все-таки остается человѣкомъ, знанія котораго ограничены довольно тѣсными рамками.

Поэтому ему приходится, главнымъ образомъ, служить посредникомъ между читателями и людьми, говорящими и пишущими на своемъ спеціальномъ, часто для большинства трудно понятномъязыкѣ.

Быть такимъ посредникомъ во всѣхъ областяхъ знанія необычайно трудно.

Но передъ такими трудностями останавливаться все же не приходится. Въ нашемъ обществѣ назрѣла настойчивая потребность къ широкому самообразованію. И этой потребности надлежитъ быть удовлетворенною.

Такъ какъ редакція считаетъ, что чистая наука не можетъ имѣть какого-либо спеціальнаго—пріятнаго или непріятнаго—направленія, что все, что дѣлается ради добыванія истины—заслуживаетъ уваженія и вниманія, и такъ какъ это убѣжденіе редакціи глубоко раздѣляю и я, то читатель можетъ быть увѣреннымъ, что въ научную хронику будутъ входить обзоры различныхъ научныхъ изысканій, совершенно независимо отъ того, приводятъ ли эти изысканія къ выводамъ, которые мнѣ лично болѣе пріятны или менѣе пріятны.

Поясню это на примѣрѣ: я лично принадлежу къ самымъ горячимъ сторонникамъ ученія Дарвина, насколько я ихъ способенъ понимать; точно также лично принадлежу къ противникамъ виталистическихъ ученій. Тѣмъ не менѣе, если при чтеніи различныхъ научныхъ сочиненій мнѣ встрѣтится что-либо выдающееся противъ ученія Дарвииа или въ пользу витализма, я сочту своею обязанностью передать это съ полной объективностью. Конечно, въ моихъ хроникахъ будетъ время отъ времени проскальзывать и мой личный взглядъ на тѣ или другія научныя явленія, но я его строго отграничу отъ того, что составляетъ сущность дѣла. Я принялъ на себя обязанность вести настоящій отдѣлъ только по глубокому убѣжденію въ томъ, что свободная творческая дѣятельность человѣческаго ума—есть источникъ величайшаго счастья и удовлетворенія, есть источникъ той жизненной воды, около которой теперь группируются лишь немногіе, но къ которой нужно звать всѣхъ, звать громко, дабы къ ней пришли эти всѣ и, свободно черпая изъ нея, нашли здѣсь радость, свободу и отдыхъ.

Истинная наука свободна, свободна гораздо больше, чѣмъ даже искусство, потому что она есть плодъ чистаго разума, который, устремившись въ безконечность, овладѣлъ ею, вставилъ ее въ рамки, несмотря на то, что ни одно самое пылкое воображеніе не представило ее себѣ. Гдѣ же учиться свободѣ, какъ не тамъ, гдѣ она царствовала, царствуетъ и будетъ царствовать вѣчно?

М. Ю. Гольдштейнъ.

I.

Начать настоящую научную хронику приходится, конечно, съ разсмотрѣнія тѣхъ научныхъ явленій, которыя всего болѣе выдвинулись и завладѣли вниманіемъ общества. Мнѣ слѣдуетъ говорить о послѣдней экспедиціи Нансена и о солнечномъ затменіи, наблюдавшемся 28 іюля.

Относительно экспедиціи Нансена я пока ничего не стану говорить, такъ какъ въ непродолжительномъ времени въ распоряженіи редакціи будетъ книга самого Нансена, нынѣ печатаемая, и по этой книгѣ будетъ возможно, со словъ ея автора, изложить все то, что имъ сдѣлано во время его знаменитаго и, можно сказать, геройскаго путешествія. Что касается экспедицій по наблюденію полнаго солнечнаго затменія, то хотя многіе изъ результатовъ уже въ отрывочной формѣ опубликованы, но я предпочитаю ознакомить читателей съ этими результатами тогда, когда они всѣ будутъ уже подробно обработаны и, стало быть, въ ихъ оцѣнкѣ нельзя будетъ сдѣлать никакихъ погрѣшностей. Поэтому, оставивъ эти два крупныхъ научныхъ событія, я перейду къ вопросамъ, хотя болѣе мелкимъ, однако, интересующимъ теперь всю Европу. Одинъ изъ нихъ касается освѣщенія, другой—способовъ изслѣдованія высшихъ слоевъ атмосферы.

Извѣстно, что съ того времени, какъ вошелъ во всеобщее употребленіе керосинъ, газъ и электричество, человѣчество стало дѣлаться все болѣе и болѣе требовательнымъ относительно источниковъ освѣщенія. Кто увидитъ теперь человѣка, занимающагося при свѣтѣ не только сальной, но даже одной стеариновой свѣчи? Мы привыкли къ лампамъ, да притомъ еще дающимъ освѣщеніе въ 6—8, а то и больше свѣчей. Техника, идущая на встрѣчу новымъ потребностямъ, а частью и создающая ихъ, разумѣется, спѣшитъ изобрѣтать новыя лампы, различныя горѣлки («луна», «солнце», «молнія» и проч.). Съ другой стороны, газъ старается дать возможность съ большими удобствами освѣщать города. Когда электротехника сдѣлала крупные шаги, когда создались динамо-электрическія машины, регуляторы освѣщенія, лампочки накаливанія, прихотливое человѣчество размечталось на тему о томъ, чтобы бросить всѣ виды освѣщенія и замѣнить ихъ электрическимъ. Газу и керосину угрожала серьезная опасность, въ особенности первому, такъ какъ онъ фигурируетъ преимущественно въ большихъ городахъ. Керосинъ могъ спокойно выдержать борьбу съ электричествомъ, такъ какъ онъ имѣетъ очень широкій районъ для своего примѣненія—и теперь въ массѣ русскихъ деревень мы видимъ, что первобытная лучина замѣнена хотя очень первобытной керосиновой лампой, но все же не имѣющею тѣхъ крайнихъ неудобствъ, съ которыми связано употребленіе лучины.

Относительно же газа вопросъ былъ поставленъ ребромъ: либо въ техникѣ газоваго освѣщенія должны произойти какія-либо крупныя измѣненія, или же газъ будетъ сбитъ со всѣхъ своихъ позицій. Въ одномъ отношеніи электричество не могло конкуррировать съ газомъ—въ отношеніи дешевизны. Однако, опытъ показалъ, что во многихъ случаяхъ люди готовы даже примириться съ относительной дороговизною электрическаго освѣщенія, въ виду его другихъ громадныхъ удобствъ и, прежде всего, въ виду яркости электрическаго свѣта.

Техника газоваго дѣла съ лихорадочной энергіей бросилась на усовершенствованіе газоваго освѣщенія. Явились всевозможныя, такъ называемыя, регенеративныя газовыя горѣлки, дававшія дѣйствительно довольно сильный свѣтъ и основанныя на томъ, что воздухъ, проникающій въ пламя

и служащій для поддержанія горѣнія, подвергался предварительному нагрѣванію въ самой же лампѣ. Однако, и этотъ шагъ не принесъ многаго, потому что по вычисленіямъ оказалось, что въ то время, какъ электрическія лампочки накаливанія обходятся, считая силу въ 100 свѣчей, въ Германіи отъ 15 до 30 пфенниговъ, газъ въ регенеративныхъ горѣлкахъ обходится отъ 6 до 10 пфенниговъ; а если взять электрическое освѣщеніе не лампами накаливанія, а вольтовой дугою, то оно обходится отъ 6 до 12 пфенниговъ. Очевидно, что въ самомъ дурномъ случаѣ электричество обойдется лишь вдвое дороже газа. А за то сколько удобствъ! Воздухъ не разогрѣвается, вредные газы не выдѣляются, опасности въ пожарномъ отношеніи почти не существуетъ и т. д.

Казалось, газъ доживаетъ свои послѣдніе дни.

Но въ самый почти критическій моментъ является изобрѣтеніе такъ называемыхъ Ауэровскихъ горѣлокъ, сдѣланное Auer von Wellsbach'омъ, и газъ спасенъ.

Ауэровская горѣлка построена на такомъ принципѣ: обыкновенный газъ, прежде чѣмъ зажигается, самъ собою смѣшивается съ воздухомъ, проникающимъ въ газовый рожокъ черезъ отверстія, находящіяся въ самомъ рожкѣ. Такой газъ, при зажиганіи, горитъ совсѣмъ не свѣтящимъ синимъ пламенемъ, но за то пламенемъ очень горячимъ. Надъ зажженнымъ этимъ газомъ вѣшается особеннаго рода колпачекъ, представляющій собою какъ бы вязанную чулочную ткань. Этотъ колпачекъ въ дѣйствительности приготовляется изъ бумажной или шерстяной пряжи, пропитывается затѣмъ нѣкоторыми веществами (растворомъ солей весьма рѣдкихъ металловъ—лантана, цирконія, иттрія, эрбія и т. д.) и прокаливается. Растительныя или шерстяныя волокна колпачка сгораютъ и въ результатѣ остается колпачекъ, состоящій изъ прочной золы, не разсыпающійся и содержащій земли названныхъ сейчасъ металловъ; горячее пламя газа какъ бы замыкается въ этомъ колпачкѣ, раскаляетъ его до-бѣла и такимъ образомъ создаетъ всѣмъ уже извѣстный бѣлый, яркій и весьма пріятный свѣтъ.

Недостатокъ этого новаго вида освѣщенія заключается лишь въ двухъ обстоятельствахъ; во-первыхъ, колпачекъ очень хрупокъ и при легкомъ сотрясеніи горѣлки ломается, разсыпается; во-вторыхъ, газъ долженъ имѣть постоянное давленіе, въ противномъ случаѣ пламя—или не касается колпачка во всѣхъ его точкахъ и, такимъ образомъ, накаляетъ его только въ извѣстныхъ мѣстахъ, или же, напротивъ, переходитъ за колпачекъ, и тогда онъ оказывается въ тѣхъ частяхъ пламени, которыя недостаточно горячи и не могутъ его раскалить.

Въ результатѣ Ауэръ фонъ-Велльсбахъ спасъ газъ отъ гибели въ борьбѣ съ электричествомъ и, мало того, заставилъ во многихъ случаяхъ электрическое освѣщеніе, въ особенности освѣщеніе лампочками накаливанія, отодвинуться на второй планъ. И мы видимъ, какъ во многихъ, напримѣръ, магазинахъ, гдѣ сначала были лампочки накаливанія, теперь воцарились Ауэровскія горѣлки.

Казалось, что на аренѣ борьбы остались лишь два противника—газъ въ формѣ Ауэровскихъ горѣлокъ и электричество.

Но вотъ, въ 1894 году, французскому химику H. Moissan'у удалось, накаливая въ особой электрической печи уголь съ известью, при 3 – $3^1/_2$ тысячахъ градусовъ, получить вещество, представляющее соединеніе угля съ металломъ кальціемъ и называемое углеродистымъ кальціемъ или кальцій-карбидомъ. Вещество это было

извѣстно и раньше, лѣтъ 30 тому назадъ; но тогда полученіе его было связано съ громадными трудностями, и нельзя было и думать о его полученіи въ большихъ размѣрахъ. Углеродистый кальцій оказался обладающимъ весьма интереснымъ свойствомъ: если кальцій-карбидъ облить водою, то изъ него выдѣляется газъ—ацетиленъ, который, будучи зажженъ, горитъ чрезвычайно яркимъ бѣлымъ пламенемъ, въ нѣсколько разъ болѣе яркимъ, чѣмъ пламя обыкновеннаго свѣтильнаго газа.

Какъ только такое свойство углеродистаго кальція было разслѣдовано, сейчасъ же явилась мысль о техническомъ примѣненіи этого вещества для освѣщенія, и въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ того, какъ Moissan открылъ этотъ способъ приготовленія карбида, во Франціи, а затѣмъ и повсемѣстно, была взята привиллегія на эксплоатацію кальцій-карбида для освѣщенія.

Первый заводъ былъ открытъ въ Нейгаузенѣ, у Рейнскаго водопада, а затѣмъ послѣдовало открытіе цѣлаго ряда заводовъ кальцій - карбида въ разныхъ мѣстностяхъ Франціи, Германіи, Швейцаріи и проч.

Благодаря такому быстрому развитію дѣла, уже теперь цѣна кальцій-карбида сравнительно не высока: 1 килограммъ обходится отъ 50 сантимовъ до 1 франка. По расчисленію выходитъ, что освѣщеніе посредствомъ электрической лампочки накаливанія, сравнительно съ освѣщеніемъ посредствомъ кальцій-карбида, обходится въ $1^1/_2$—2 раза дороже (при одинаковой силѣ свѣта).

Такимъ образомъ, ацетиленовому освѣщенію предстоитъ, быть можетъ, хорошая будущность; но надо замѣтить, что такая цѣна кальцій-карбида, какую я выше указалъ, возможна лишь въ томъ случаѣ, если для его приготовленія имѣется естественная двигательная сила, напр., водяная, которая приводитъ въ движеніе динамо-электрическія машины, такъ какъ для приготовленія карбида нужно уголь накаливать съ известью въ электрической печи, а для нея нуженъ сильный электрическій токъ, который получается отъ динамо-машинъ; если динамо - машины приводить въ дѣйствіе паровой машиною, то кальцій-карбидъ обойдется дороже, и ацетиленовое освѣщеніе будетъ стоить дороже, пожалуй, электрическаго. Вотъ почему большинство заводовъ, изготовляющихъ карбидъ, размѣщено невдалекѣ отъ водопадовъ. У насъ, въ Россіи, собственно въ Финляндіи, очень выгодно будетъ строить заводы для приготовленія карбида, въ виду изобилія водяной двигательной силы. Изъ одного килограмма карбида получается 300 литровъ газа, и этого количества хватаетъ для питанія одного газоваго рожка, который даетъ столько же свѣта, сколько даетъ керосиновая круглая горѣлка въ 18 линій.

Приготовленіе ацетилена изъ карбида крайне просто, и ацетиленовыя лампы имѣютъ весьма простое устройство: это—бутылка, въ которую наливается вода; туда же опускается маленькій ящичекъ, наполненный карбидомъ и снабженный сѣтчатымъ дномъ; если этотъ ящичекъ опустить въ воду, содержащуюся въ бутылкѣ, то сейчасъ же выдѣляется ацетиленъ; его пропускаютъ черезъ маленькій приборъ, содержащій вещества, способныя поглощать влагу, и изъ этого прибора онъ уже идетъ въ трубку и въ рожокъ, гдѣ и зажигается.

Широкому распространенію ацетилена мѣшаютъ два его свойства: во-первыхъ, примѣшанный въ большомъ количествѣ къ воздуху, онъ дѣйствуетъ ядовито и въ извѣстныхъ пропорціяхъ даетъ съ воздухомъ взрывчатую смѣсь. Когда попробовали сжижать ацетиленъ или сгущать его, то оказалось, что онъ, взятый въ жид-

комъ или сгущенномъ состояніи, можетъ, подъ вліяніемъ различныхъ условій, взрывать, что заставило во Франціи установить правило, по которому сосуды, содержащіе жидкій ацетиленъ, не должны быть сохраняемы внутри жилыхъ помѣщеній.

:ѣдованіе ядовитости ацетилена показало, что эта ядовитость, однако, меньше ядовитости обыкновеннаго свѣтильнаго газа.

Пока ацетиленовое освѣщеніе старается занять видное мѣсто, электричество тоже не дремлетъ. Дѣло въ томъ, что всѣ существующіе виды освѣщенія очень далеки отъ совершенства, потому что значительная часть энергіи во всякихъ источникахъ свѣта, а стало быть, и въ электрическихъ, уходитъ не на освѣщеніе, а на теплоту, разогрѣваніе. Такъ, произведенные въ этомъ отношеніи изслѣдованія показали, что

	Теплоты.	Свѣта.
Свѣчи, масло и газъ даютъ	98%	2%
Гейсслеровы трубки	97%	3%
Электрическая лампа	95%	5%
Регенеративная газов. горѣлка	90%	10%
Горѣлка Ауэра	88%	12%
Магніева лампа	85%	15%
Солнечный свѣтъ	70%	30%
Свѣтящійся червячокъ	1%	99%

Такимъ образомъ, идеаломъ освѣщенія является свѣтящійся червячокъ. Но даваемый имъ свѣтъ такъ слабъ, что не можетъ имѣть никакого значенія для освѣщенія.

Вотъ почему два знаменитыхъ электротехника, Эдиссонъ и Тесла, каждый самъ по себѣ, задались цѣлью превращать электрическую энергію въ свѣтовую, не истрачивая нисколько этой энергіи на теплоту.

Если это имъ удастся, то, конечно, электричество опять же побѣдитъ и газъ, и ацетиленъ въ возникшей между ними борьбѣ.

Эдиссонъ для этой цѣли рѣшился утилизировать рентгеновскіе лучи. Читатель помнитъ изъ напечатанной въ нашемъ журналѣ статьи о лучахъ Рентгена, что они, падая на нѣкоторыя минеральныя вещества, вызываютъ ихъ свѣченіе. Пользуясь этимъ свойствомъ, Эдиссонъ покрываетъ внутренность круксовой трубки особымъ веществомъ (секретъ Эдиссона), которое, по заявленію изобрѣтателя, превращаетъ рентгеновскіе лучи нацѣло въ свѣтовые.

Если это такъ, то въ лампѣ Эдиссона лежитъ зародышъ того освѣщенія, которому предстоитъ вытѣснить другіе виды его.

О лампѣ Тесла судить трудно, такъ какъ изобрѣтатель держитъ въ секретѣ подробности ея устройства. Суть же состоитъ въ томъ, что Тесла беретъ двѣ мѣдныхъ трубки, ставитъ ихъ на разстояніи 15 сантиметровъ другъ отъ друга и соединяетъ ихъ проволокой; посрединѣ этой проволоки прикрѣпляется стеклянный грушевидный сосудъ вродѣ тѣхъ, которые употребляются для обыкновенныхъ электрическихъ лампочекъ. Изъ этого сосуда выкаченъ воздухъ. Въ мѣдныхъ трубкахъ стоитъ особая катушка, вродѣ спирали Румкорфа; устройство катушки Тесла сохраняетъ въ тайнѣ. При пропусканіи тока черезъ всю эту систему, въ стеклянномъ сосудѣ получается, по словамъ очевидцевъ, свѣтъ, въ 10 разъ болѣе сильный, нежели въ обыкновенныхъ лампахъ накаливанія.

Изъ сказаннаго видно, что какъ Эдиссоновскій пріемъ, такъ и пріемъ Тесла находятся еще въ періодѣ кабинетныхъ опытовъ. Суждено ли имъ когда-либо выйти изъ этой узкой рамки и занять видное мѣсто въ практикѣ освѣщенія, конечно, покажетъ время.

II.

Въ послѣднее время представилось еще одно доказательство тому, что среди разныхъ союзовъ, служащихъ интересамъ однихъ народовъ въ ущербъ интересамъ другихъ, наука одна можетъ создавать такіе союзы,

въ которыхъ исчезаетъ національность, религія, и человѣчество дѣлается чѣмъ-то единымъ, преслѣдующимъ общія и для всѣхъ одинаково важныя цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ политическія газеты переполнены были обсужденіемъ франко-русскаго сближенія, въ то время, какъ на почвѣ этого сближенія создавалось, если можно такъ выразиться, нѣмецко-русское «отдаленіе», въ это время ученые Россіи, Германіи, Франціи и Англіи праздновали свое *дѣйствительное* сближеніе, создавая новыя и общія для всего человѣчества задачи, въ которыхъ ученые всѣхъ странъ принимали или, по крайней мѣрѣ, старались принять одинаковое участіе.

Если бы пришлось создавать аллегорическую картину науки, то картина эта вмѣстила бы въ себя всѣ аксессуары, наиболѣе отвѣчающіе идеаламъ человѣчества. «Наука и ея ученія свободны»—такъ гласитъ параграфъ германской конституціи. Наука—космополитична. Наука безпристрастна и неподкупна.

Какіе болѣе великіе эпитеты можно придать чему-либо? Конечно, въ рукахъ мелкаго человѣчества иногда и наука привлекается къ служенію низменнымъ и часто гнуснымъ инстинктамъ; но и тогда она черезъ самое короткое время сбрасываетъ съ себя наложенныя на нее недостойныя ея величія оковы.

На такія мысли навело меня то обстоятельство, что въ самый разгаръ такъ-называемаго франко-русскаго сближенія и связаннаго съ нимъ, хотя и не явнаго, движенія анти-нѣмецкаго, между французскими, нѣмецкими и русскими учеными шла дѣятельная переписка по поводу совмѣстнаго рѣшенія нѣкоторыхъ важнѣйшихъ вопросовъ изъ области метеорологіи.

Уже собственно давно въ сознаніи ученыхъ укрѣпилось убѣжденіе, что воздухоплаваніе при нынѣшнихъ его условіяхъ не окупаетъ тѣхъ средствъ, которыя на него затрачиваются. Принимая во вниманіе то обстоятельство, что въ аэростатахъ поднятіе на очень большія высоты представляется лишь въ крайне исключительныхъ случаяхъ возможнымъ, и что, въ большинствѣ случаевъ аэронавты достигаютъ лишь высоты 2—3 тысячъ метровъ, т. е. такой высоты, выше которой мы можемъ достигнуть, поднимаясь на высокія горы, можно было усумниться въ особенной полезности аэростатическихъ полетовъ. Съ другой стороны, полное наше незнакомство съ высшими слоями атмосферы давало себя чувствовать почти на каждомъ шагу.

И вотъ, въ удовлетвореніе этой потребности, ради пополненія этихъ пробѣловъ въ наукѣ, начали создаваться, съ одной стороны, метеорологическія обсерваторіи на вершинахъ высочайшихъ горъ Европы и Америки, съ другой же стороны—появилась мысль объ изслѣдованіи наиболѣе высокихъ слоевъ атмосферы при помощи аэростатовъ, снабженныхъ такими метеорологическими приборами, которые съ момента подъема аэростата автоматически записывали бы температуру воздуха, его давленіе, влажность, электрическое состояніе и проч., не требуя присутствія людей

Такіе безлюдные аэростаты или какъ французы ихъ называютъ «ballon sondes», «aerophiles» имѣютъ передъ обыкновенными аэростатами то огромное преимущество, что могутъ подниматься на огромную высоту, такъ какъ въ ихъ корзину устанавливается только мѣшокъ съ самопишущими приборами и больше ничего. Благодаря этому, аэрофиламъ не надо давать значительныхъ размѣровъ, что дѣлаетъ ихъ недорогими и, кромѣ того, даже при незначительныхъ размѣрахъ и общемъ вѣсѣ около 3-хъ пудовъ, они обладаютъ огромной подъемной силою, около 12 пудовъ. Таковъ былъ аэрофилъ, приготовленный во Франціи Hermite'омъ и Besançon'омъ. Этотъ

аэрофилъ имѣлъ всего лишь 350 куб. метровъ объема (между тѣмъ какъ аэростаты для подъема людей рѣдко дѣлаются менѣе 1.000 куб. метровъ).

Опыты съ аэрофилами производились сначала Hermite'омъ и Besançon'омъ въ Парижѣ; первый опытъ былъ произведенъ въ мартѣ, второй— въ августѣ истекающаго года. По результатамъ интересенъ именно этотъ второй.

5-го августа, въ 11 ч. 45 м. утра, былъ пущенъ аэрофилъ, имѣвшій такую подъемную силу, что по разсчету Hermite'a и Besançon'a быстрота подъема, въ среднемъ, должна была равняться 10 метрамъ въ секунду, стало быть, черезъ 25 минутъ аэрофилъ могъ быть уже на высотѣ 15 тысячъ метровъ. Въ это же время директоръ метеорологическаго института въ Берлинѣ, д-ръ Assman, выпустилъ изъ Берлина подобный же аэрофилъ.

И французскій, и нѣмецкій аэрофилы были вооружены отличными самопишущими приборами и притомъ къ корзинѣ каждаго изъ нихъ была придѣлана сумка съ письмомъ, въ которомъ значилось, что лицо, нашедшее аэрофилъ, приглашается сообщить объ этомъ по такому-то адресу, за что получитъ вознагражденіе (100 франковъ, или 80 германскихъ марокъ).

Всѣ приборы, находившіеся на французскомъ аэрофилѣ, закрѣплены были такъ, что, во-первыхъ, не могли вывалиться въ случаѣ большихъ колебаній шара, во-вторыхъ, при паденіи шара не могли разбиться и, въ-третьихъ, открыть ихъ не могъ никто, кромѣ лицъ, пустившихъ самый аэрофилъ.

Аэрофилъ, выпущенный 5-го августа, поднялся на 15.000 метровъ (около 15 верстъ) и, двинувшись сначала къ Западу, съ извѣстной высоты повернулъ къ сѣверо-востоку; это обстоятельство навело на мысль, что на извѣстной высотѣ, независимо отъ направленія вѣтра, дующаго на поверхности земли, существуетъ постоянное господствующее теченіе воздуха, идущее съ юго-запада къ сѣверо-востоку; такая мысль впослѣдствіи въ большей или меньшей степени подтвердилась (что представляетъ собою въ высшей степени интересное и важное подтвержденіе теоріи вѣтровъ). Теченіе это, какъ вытекаетъ изъ наблюденій, господствуетъ, вѣроятно, на высотѣ большей 20.000 метровъ.

Температурныя данныя, принесенныя аэрофиломъ, оказались тоже крайне интересными. Minimum температуры на высотѣ 15 тысячъ метровъ оказался —50°, но два термометра, изъ которыхъ одинъ былъ помѣщенъ внутри шара, а другой снаружи, дали огромныя разницы; сначала первый показывалъ минусъ 20°, а второй— минусъ 40°; въ 12 ч. 20 минутъ первый термометръ показывалъ + 30°, а термометръ снаружи показывалъ минусъ 39°; въ 3 ч. 30 м.—термометръ внутри шара показывалъ +20°, а снаружи минусъ 50°. Такія разницы объясняются тѣмъ, что самый шаръ нагрѣвался солнечными лучами весьма сильно, вслѣдствіе этого нагрѣвался и газъ, наполнявшій шаръ, и термометръ. Второй же термометръ находился въ тѣни, не нагрѣваясь непосредственно солнечными лучами, и потому показывалъ температуру окружающаго воздуха.

Когда результаты полученные названными изслѣдователями, стали извѣстны, то въ Страсбургѣ образовалось цѣлое общество, задумавшее организацію одновременныхъ полетовъ изъ Страсбурга, Парижа, Берлина, Вѣны и Петербурга. Одновременный спускъ аэрофиловъ было порѣшено осуществить 2-го (14) ноября въ 2 ч. 6 м. утра по петербургскому времени; одновременно съ аэрофилами должны были подняться и аэростаты съ наблюдателями.

Французскій аэрофилъ поднялся на высоту 15 тысячъ метровъ и опустился черезъ 5 часовъ 24 минуты

въ Гредѣ (въ Бельгіи), сдѣлавъ 235 километровъ къ сѣверо востоку отъ Парижа; minimum наблюденной температуры оказался минусъ 63°.

Берлинскій аэрофилъ поднялся до 20 тысячъ метровъ и показалъ температуру минусъ 70°.

Нашъ аэрофилъ, спущенный у Петербурга, немедленно же опустился, ибо оказался сдѣланнымъ изъ весьма плохого матеріала.

Что касается до подъема аэростатовъ съ людьми, то они, какъ и слѣдовало ожидать, ничего особеннаго не дали.

Аэрофилы, между прочимъ, захватили съ собою, при помощи весьма остроумнаго прибора, придуманнаго французскимъ физикомъ Cailletet, воздухъ на высотѣ 15 тысячъ метровъ и принесли этотъ воздухъ на землю, причемъ онъ былъ сданъ для изслѣдованія знаменитому французскому химику M. Berthelot.

Результаты, принесенные аэрофилами, несмотря на то, что дѣло только что началось, довольно крупные:

Въ-1-хъ, существованіе постояннаго теченія съ юго-запада на сѣверовостокъ подтверждается, такъ какъ и на этотъ разъ аэрофилы направились къ сѣверо-востоку.

Во-2-хъ, колебаніе температуры въ высшихъ слояхъ очень мало зависитъ отъ времени года; такъ, термометръ въ августѣ въ 3 ч. 30 минутъ по полудни показывалъ minimum минусъ 50°, а въ ноябрѣ въ 3 ч. утра или около этого времени показывалъ минусъ 63°. Значитъ, разница между самымъ жаркимъ часомъ августа и наиболѣе холоднымъ часомъ ноября оказалась только всего на 13 градусовъ.

Подробности полученныхъ результатовъ, впрочемъ, еще не опубликованы; когда они появятся, мы не замедлимъ познакомить съ ними нашихъ читателей.

III.

Надняхъ гомеопаты праздновали 100-лѣтіе со дня появленія перваго сочиненія, послужившаго фундаментомъ гомеопатіи, сочиненія написаннаго нѣмецкимъ врачемъ Самуиломъ Ганеманномъ. Гомеопатія имѣетъ не мало поклонниковъ среди публики и въ особенности среди тѣхъ людей, которые составляютъ такъ-называемые *«высшіе»* слои общества. Конечно, будь гомеопатія построена человѣкомъ менѣе выдающимся, нежели Самуилъ Ганеманнъ, и будь господствующая медицина построена на болѣе строгой научной подкладкѣ, едва ли гомеопатія могла бы играть какую-либо роль въ Европѣ. Но основатель гомеопатіи, въ своемъ сочиненіи «Organon», обнаружилъ такой блестящій, тонкій критическій умъ, что, конечно, долженъ былъ сильно повліять на врачей, способныхъ понять выдающееся значеніе такого сочиненія. Въ своемъ «Organon'ѣ» Ганеманнъ является лучшимъ послѣдователемъ Канта, примѣнившимъ критическій кантовскій методъ къ медицинѣ и старавшимся изгнать изъ нея ту массу метафизическихъ сущностей, которая всегда имѣлась и по нынѣ имѣется въ медицинѣ. Такое стремленіе изгнать изъ медицины эти «сущности» привело Ганеманна къ тому, что онъ сосредоточилъ все свое вниманіе на самомъ подробномъ изученіи припадковъ, характеризующихъ извѣстное заболѣваніе, и создалъ классификацію болѣзней не только по объективнымъ симптомамъ, но и по субъективнымъ ощущеніямъ, испытываемымъ тѣмъ или другимъ паціентомъ. Въ основѣ такого воззрѣнія на болѣзни было весьма много справедливаго, въ особенности въ то время, когда ни патологическая анатомія и гистологія, ни діагностика, ни физіологія и патологія не могли похвастать своимъ высокимъ научнымъ развитіемъ. Ганеманнъ хотѣлъ построить медицину, исходя изъ одного только опытнаго метода, и если бы онъ и его послѣдователи пошли по этому пути, а главное, если бы съумѣли выдержать

то строго критическое отношеніе къ добываемымъ фактамъ, какое Ганеманнъ обнаружилъ вначалѣ и отъ котораго вскорѣ отступилъ, увлекшись собственными туманными теоріями, тогда навѣрное не произошло бы того раскола, который въ настоящее время заставляетъ господствующую медицинскую школу относиться съ полнымъ презрѣніемъ къ гомеопатіи и ея представителямъ. Такого направленія, однако, и самъ Ганеманнъ не выдержалъ, не выдержали его и послѣдующіе гомеопаты. Но послѣдователи Ганеманна, кромѣ того, что не умѣли воспользоваться началами, которыя проповѣдывалъ основатель школы, проявили себя и въ другомъ отношеніи неблагопріятно. Большинство изъ нихъ оказались людьми весьма мало образованными въ научномъ отношеніи, причемъ они часто переходили въ новый лагерь не столько въ силу его большей научности, сколько въ силу того, что, благодаря нѣкоторымъ особенностямъ Ганеманновскаго ученія, врачемъ-гомеопатомъ было весьма легко сдѣлаться, такъ какъ для этого не требовалось почти никакой подготовки серьезно научнаго характера.

На основаніи собственныхъ опытовъ и опытовъ нѣсколькихъ своихъ учениковъ, Ганеманнъ пришелъ къ заключенію, что для лѣченія болѣзней *слѣдовало бы* выбирать такія средства, лѣкарства, которыя способны въ здоровомъ организмѣ вызывать симптомы, свойственныя даннымъ болѣзнямъ; такъ, напр , если данная болѣзнь характеризуется симптомами озноба, дрожи, затѣмъ жара, шума въ ушахъ и въ головѣ и т. д., то для лѣченія ея нужно дать такое лѣкарство, которое въ здоровомъ организмѣ способно вызвать эти же симптомы. Такое свое убѣжденіе Ганеманнъ выразилъ въ видѣ принципа: «*similia similibus curentur*»—подобное да лѣчится подобнымъ. Принципъ этотъ, не содержащій по существу ничего неправильнаго, былъ только въ томъ отношеніи ошибоченъ, что ему и самъ Ганеманнъ, и въ особенности его послѣдователи придали значеніе непреложнаго и, главное—единственнаго, вездѣ примѣнимаго закона; это убѣжденіе въ непреложности закона Ганеманна дошло до того, что послѣдователи измѣнили самую формулу и стали уже говорить similia similibus *curantur*, т. е. подобное *излѣчивается* подобнымъ.

Далѣе, понимая, что каждое лѣкарство, какъ вещество, чуждое организму, можетъ приносить вредъ, если оно неразумно вводится въ слишкомъ большихъ количествахъ, Ганеманъ началъ путемъ опыта выискивать тѣ наименьшія количества лѣкарства, которыя достаточны для того, чтобы вызвать извѣстное дѣйствіе. Исходя изъ того принципа, что каждый организмъ не одинаково относится къ данному лѣкарству и что въ этомъ случаѣ приходится считаться съ индивидуальностью каждаго больного, Ганеманнъ старался обратить вниманіе на это обстоятельство и вызвать у врачей внимательное изученіе каждаго больного, какъ индивидуума, считая, что при *одной и той* же болѣзни *одно и тоже* лѣкарство, но у *разныхъ* субъектовъ обнаружитъ не одинаковыя дѣйствія.

Стремясь изучить тѣ наименьшія количеетва вещества, которыя способны вызывать въ организмѣ извѣстные симптомы, Ганеманнъ сталъ на опасный путь, ибо въ этомъ случаѣ открывалось обширное поле для произвола, такъ какъ при изученіи дѣйствій лекарствъ нельзя было устранить того психическаго воздѣйствія, которое примѣшивалось къ чисто лѣкарственному воздѣйствію, производимому даннымъ веществамъ. И такъ какъ Ганеманнъ считалъ, что всего удобнѣе испытывать дѣйствіе лѣкарствъ на людяхъ, которые нѣжны, чувствительны и легко раздражимы (zart, empfindlich und reizbar), то, разумѣется, впадалъ въ ошибки, приписывая лѣкар-

ству тѣ дѣйствія, которыя объяснялись чисто психическимъ дѣйствіемъ, благодаря тому, что данный принимающій лѣкарства человѣкъ зналъ, что принимаетъ лѣкарство, прислушивался ко всему, что при этомъ испытываетъ, и выдавалъ наблюдателю свои случайныя ощущенія за ощущенія, происшедшія вслѣдствіе дѣйствія лѣкарствъ.

Вслѣдствіе этого, Ганеманнъ пришелъ къ заключенію что не только малыя, но даже и *безконечно* малыя дозы лѣкарственныхъ веществъ обнаруживаютъ сильное дѣйствіе. Придя къ такому мало основательному выводу, Ганеманнъ, чувствуя, быть можетъ, и самъ неосновательность его, но преклоняясь передъ наблюденными фактами, началъ искать объясненія этому обстоятельству и создалъ свою теорію *динамизаціи* лѣкарствъ — теорію, построенную на томъ, что по мѣрѣ измельченія вещества объемъ его и вѣсъ уменьшаются пропорціонально кубамъ линейныхъ измѣреній, а поверхность пропорціонально квадратамъ, т. е. объемъ уменьшается гораздо быстрѣе, нежели поверхность; а такъ какъ дѣйствіе лѣкарствъ Ганеманнъ считалъ возможнымъ объяснять дѣйствіемъ поверхностей ихъ, то отсюда можно было придти къ заключенію, что сила лѣкарства убываетъ не пропорціонально уменьшенію его вѣса, т. е. если вѣсъ, напримѣръ, станетъ въ 1.000 разъ меньше, т. е. въ 10^3 разъ меньше, то дѣйствіе можетъ сдѣлаться только въ 100 разъ т. е. въ 10^2 разъ меньше.

Хотя теорія Ганеманна и не такъ была обставлена, какъ это сейчасъ мною приведено, но сущность ея была именно въ этомъ.

Теорія, такимъ образомъ, создана была ради объясненія неправильно истолкованныхъ наблюденій, въ которыхъ лѣкарствамъ было приписано то, что имъ приписывать не слѣдовало. Но и сама теорія грѣшила, принявъ, что дѣйствіе лѣкарствъ зависитъ не отъ вѣса и объема лѣкарственныхъ веществъ, введенныхъ въ организмъ, а отъ поверхности.

Во всякомъ случаѣ, вначалѣ Ганеманнъ еще не считалъ, что дѣйствіе лѣкарствъ усиливается съ уменьшеніемъ ихъ дозы; такое воззрѣніе у него появилось позже. Вмѣстѣ съ тѣмъ у него появилась впослѣдствіи особая теорія *чесотки*, причемъ онъ считалъ, что чесотка есть главная основа всѣхъ болѣзней.

Даже въ этихъ своихъ ошибкахъ Ганеманнъ оставался величайшимъ изъ медицинскихъ дѣятелей, ибо если его воззрѣніе на измельченіе лѣкарствъ и на вліяніе поверхности лѣкарствъ не выдерживаетъ строгой критики, то оно все-таки имѣетъ то значеніе, что должно было бы заставить врачей подумать, дѣйствительно ли дѣйствіе веществъ на организмъ и быстрота этого дѣйствія зависитъ только отъ вѣса вводимыхъ веществъ и нисколько не зависитъ отъ того физическаго состоянія, въ какомъ вещество вводится. Что же касается теоріи «чесотки», которую Ганеманнъ сталъ проводить, то въ этой теоріи чувствуется, что Ганеманнъ усматривалъ участіе въ болѣзняхъ нѣкоторой извнѣ попадающей инфекціи. Современная уже бактеріологія старается опредѣлить и найти тѣ организмы, которые вызываютъ эти болѣзни.

Основателю школы нельзя отказать не только въ томъ, что онъ высказалъ умныя мысли, но даже и въ томъ, что среди врачей своего времени онъ былъ однимъ изъ ученѣйшихъ и выдающихся людей. Но, благодаря тѣмъ гипотезамъ, которыя самъ Ганеманнъ началъ создавать и, главнымъ образомъ, благодаря почти поголовному невѣжеству гомеопатовъ-послѣдователей ганеманновскаго ученія, которые вмѣсто того, чтобы исправить ошибки учителя и очистить его ученіе отъ разныхъ туманностей, только увеличили число оши-

бокъ и туманностей, благодаря той лжи, на которую бросились гомеопаты вплоть до нынѣшнихъ дѣятелей, ради отстаиванія безсмысленныхъ и отжившихъ свое время ученій—благодаря всему этому, гомеопатія встрѣчается теперь всѣми, кто далъ себѣ трудъ обстоятельно съ нею ознакомиться, съ полнымъ недовѣріемъ и улыбкою.

Принципъ «similia similibus curentur», какъ и принципъ «contraria contrariis curentur» (противное да будетъ лѣчимо противнымъ), имѣютъ смыслъ и практическое значеніе въ извѣстныхъ случаяхъ. Такъ, напримѣръ, когда организмъ слишкомъ слабо борется съ «болѣзнетворнымъ началомъ», тогда можно усилить эту борьбу, дѣйствуя по первому принципу; когда же реакція организма такъ сильна, что сама по себѣ угрожаетъ организму гибелью, тогда можно прибѣгнуть ко второму принципу.

Точно также испытаніе дѣйствія лѣкарствъ на здоровомъ человѣкѣ имѣетъ свой смыслъ, наблюденіе симптомовъ тоже имѣетъ свой смыслъ, но если это наблюденіе доходитъ до того, что слѣдствіемъ пріема такогото лѣкарства считается ощущеніе легкаго зуда на кончикѣ указательнаго пальца лѣвой руки и т. под., то все это обращается въ безсмыслицу, и всякій разумный изслѣдователь посмѣется надъ такимъ собираніемъ «наблюденій».

Принципъ малыхъ дозъ точно также имѣетъ свой смыслъ до тѣхъ поръ, пока величина этихъ дозъ не переходитъ за такіе предѣлы, когда мы не имѣемъ никакой возможности опредѣлить присутствіе даваемаго нами вещества и можемъ допустить, что въ любой водѣ, въ любомъ веществѣ, принимаемомъ нами въ пищу, такого лѣкарства содержится въ сотни разъ больше, чѣмъ сколько его содержится въ капляхъ, отпущенныхъ изъ гомеопатической аптеки.

Такимъ образомъ, кто знакомъ съ исторіей гомеопатіи, съ ея литературою, съ тѣми спорами, которые ведутся почти цѣлое столѣтіе между двумя «школами»,—а въ нѣкоторомъ знакомствѣ съ этимъ предметомъ, смѣю думать, мнѣ не откажутъ даже наиболѣе горячіе защитники гомеопатіи,—тотъ скажетъ, что гомеопатія представляетъ сплошную систему недоразумѣній, основанныхъ на нѣкоторыхъ ошибкахъ великаго основателя ея и поддержанныхъ, главнымъ образомъ, невѣжествомъ, а иногда и недобросовѣстностью ея позднѣйшихъ и нынѣшнихъ послѣдователей.

Многіе крупные шаги въ исторіи науки вызывали печальныя недоразумѣнія. Многіе великіе дѣятели, увлекшись въ одну сторону, создавали почву для такихъ недоразумѣній,—почву, на которой хорошо привилось невѣжество и недобросовѣстность. Но учитель не виноватъ, если его труды, попавши на дурную почву, создали уродливые плоды.

Ганеманнъ остается, несмотря на всѣ печальныя послѣдствія, однимъ изъ величайшихъ врачей-раціоналистовъ, и можно пожалѣть, что тѣ разумныя зерна, которыя онъ бросилъ, не развились надлежащимъ образомъ, а тѣ ненормальные зародыши, которые сопровождали эти зерна, дали пышные ростки, заглушившіе собою все хорошее и сдѣлавшіе, къ сожалѣнію, самого Ганеманна посмѣшищемъ у серьезныхъ и знающихъ врачей.

Я позволяю себѣ утверждать, что кто изъ серьезныхъ врачей возьмется за чтеніе Organon'а Ганеманна въ 1-мъ изданіи (1810 г.), тотъ сразу почувствуетъ, въ особенности въ первой половинѣ сочиненія, что имѣетъ дѣло съ рѣдкимъ по выдающемуся уму и знаніямъ человѣкомъ.

И если современные гомеопаты, за весьма немногими исключеніями, не заслуживаютъ серьезнаго вниманія, то основатель гомеопатіи стоитъ того, чтобы въ день, когда исполнилось 100-лѣтіе появленія перваго его со-

чиненія, чтобы въ этотъ день—всѣ безпристрастные люди вспомнили о немъ, какъ объ одномъ изъ крупнѣйшихъ научныхъ дѣятелей конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія.

Научныя мелочи и новости.

Атмосферная пыль. Какъ извѣстно, въ нашей атмосферѣ всегда содержится большее или меньшее количество пыли. По изслѣдованіямъ различныхъ ученыхъ, составъ этой пыли весьма разнообразенъ: въ ней содержатся минеральныя вещества (уголь, известь, соль, желѣзо и т. д.), органическія вещества (частички нафталина, клѣтчатки) и, наконецъ, организованныя (зародыши и споры низшихъ организмовъ). Въ послѣднемъ засѣданіи Англійскаго королевскаго метеорологическаго общества, Friedlander сообщилъ результаты своихъ изслѣдованій относительно воздушной пыли. Онъ нашелъ, что въ воздухѣ Тихаго океана число пылинокъ достигаетъ 540 въ 1 куб. сентиметрѣ воздуха; вблизи же береговъ этихъ пылинокъ оказывается вдвое больше. Чѣмъ выше поднимаемся надъ поверхностью земли, тѣмъ пылинокъ оказывается меньше. Такъ, въ Альпахъ на одинъ кубическій сентиметръ воздуха на высотѣ 2.000 метровъ пылинокъ найдено 650; на высотѣ же 4.000 метровъ число ихъ не превышаетъ 150. Особенно чистъ въ этомъ смыслѣ воздухъ надъ Тихимъ и Индійскимъ океанами. Послѣ дождя и тумана воздухъ сильно очищается отъ пыли. Надъ поверхностью морей въ воздухѣ весьма много твердыхъ частичекъ соли, это происходитъ вслѣдствіе того, что водяная пыль испаряется, оставляя находившуюся въ ея растворѣ соль. Всѣ эти обстоятельства относятся къ тому случаю, когда нѣтъ вѣтра; при вѣтрѣ количества пыли рѣзко измѣняются. Западныя Американскіе Штаты и Китай извѣстны изобиліемъ песчаныхъ бурь. Вѣтеръ поднимаетъ съ земли огромныя количества песку и пыли, образуя нѣчто вродѣ пылевыхъ облаковъ, сплошь и рядомъ сильно затемняющихъ солнечный свѣтъ. Эти облака держатся въ воздухѣ иногда въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ и уносятся вѣтрами на огромныя разстоянія. Чтобы составить себѣ понятіе о количествѣ пыли, содержащейся въ воздухѣ во время пылевыхъ бурь, достаточно сказать, что по сдѣланному разсчету въ 1 кубической мили воздуха содержится до $7^1/_2$ милліоновъ пудовъ минеральныхъ частичекъ.

Электрическій токъ въ 22.000 вольтъ. Въ августѣ истекшаго года на Ніагарскомъ водопадѣ были впервые поставлены по проекту швейцарскихъ инженеровъ громадныя водяныя турбины, благодаря которымъ американцамъ удалось утилизировать часть (правда, очень небольшую) водяной силы Ніагара. Уже вскорѣ послѣ постановки турбинъ были приспособлены къ нимъ динамо-электрическія машины, отъ которыхъ токъ предполагали передавать на болѣе или менѣе значительныя разстоянія. Когда возникъ вопросъ, возможно ли передать токъ отъ этихъ машинъ въ городъ Буффало (находящійся въ разстояніи 40 верстъ отъ мѣста, гдѣ поставлены турбины), то пришлось опредѣлить, во что обойдется одна паровая лошадь, если токъ будетъ вырабатываться въ самомъ городѣ (при посредствѣ паровыхъ машинъ) и во что обойдется она, если токъ придется передавать на разстояніе 40 верстъ. Оказалось, что въ первомъ случаѣ паровая лошадь обойдется въ 75 руб. (300 франковъ), во второмъ въ 50 руб. (200 фрк.). Въ виду такой значительной разницы въ цѣнѣ рѣшено было провести мѣдный

кабель отъ Ніагары до Буффало, причемъ по этому кабелю долженъ идти токъ, напряженность котораго доходитъ отъ 11 до 22 тысячъ вольтъ. Токъ такой напряженности, разумѣется, должно было повести подальше отъ жилыхъ пространствъ. Пришлось построить нѣчто вродѣ корридора, имѣющаго ширину 1 метра, и въ этомъ корридорѣ проложить кабель на изолирующихъ подпоркахъ. Кабель поддерживать подпорками было необходимо, такъ какъ каждый километръ его вѣситъ 300 пудовъ, т. е. 1 аршинъ вѣситъ около 9 фунтовъ. При введеніи кабеля въ самый городъ пришлось принять особыя мѣры предосторожности, а именно кабель былъ вложенъ въ три каменныя трубы и отдѣленъ изолирующей оболочкою, предварительно испытанною на токъ въ 40.000 вольтъ. Токъ, получаемый на мѣстѣ, т. е. у водопада—двуфазный; въ Буффало онъ передается въ видѣ трехфазнаго, идущаго далѣе въ трансформаторы. Такимъ образомъ, сила, передаваемая отъ Ніагары въ Буффало, равна 5.000 паровыхъ лошадей. Но американцы не хотятъ останавливаться на этомъ: они замышляютъ о передачѣ въ Буффало еще 20.000 лошадей. Одно только страшно: что будетъ, если кабель, передающій 25.000 лошадей въ видѣ тока, имѣющаго напряженность 22.000 вольтъ, вдругъ испортится! Какой страшный электрическій разрядъ можетъ послѣдовать!

Новая летательная машина. Смерть извѣстнаго инженера Otto Lilienthal'я, погибшаго во время полета на своемъ летательномъ снарядѣ, не испугала предпринимателей. Въ настоящее время механикъ Stenzel устроилъ машину, основанную на принципѣ Лиліенталя, но обладающую, повидимому, болѣе совершенною конструкціей. Новый снарядъ имѣетъ форму птицы: величина крыльевъ=6,77 квадратныхъ метровъ. При своемъ движеніи крылья могутъ дѣлать повороты на 70°. Форма кривизны ихъ—параболическая. Снарядъ вѣситъ около 2 пудовъ и приводится въ движеніе двигателемъ со сгущенной углекислотою. Съ углекислотою, сгущенною подъ давленіемъ 9 атмосферъ, можно развить, по заявленію изобрѣтателя, силу отъ 2 до 3 лошадей. Для того, чтобы летательная машина не могла подвергаться опаснымъ раскачиваніямъ, она снабжена веревкою, спускающеюся до земли. Каждый ударъ крыльевъ перемѣщаетъ снарядъ на 3 метра. Крылья сдѣланы изъ матеріала, обладающаго большой эластичностью; оправа же ихъ сдѣлана изъ трубчатой стали; на каждомъ крылѣ имѣется 10 поперечныхъ палокъ, сдѣланныхъ изъ легкаго бамбука, и все это покрыто каучуковой легкою тканью- Направленіе для полета дается рулемъ, состоящимъ изъ 4-хъ пластинъ. До сихъ поръ Штенцель испытывалъ свой снарядъ безъ нагруженія. Теперь, въ скоромъ времени, онъ самъ намѣренъ совершить пробный полетъ. Для этогб онъ строитъ новую машину вѣсомъ около 6 пудовъ; крылья будутъ имѣть поверхность отъ 17 до 20 квадратныхъ метровъ, а двигатель—силу 4 лошадей.

Гигантъ-броненосецъ. Въ своемъ постоянномъ стремленіи сохранить престижъ первой морской державы, англичане продолжаютъ строить броненосцы одинъ другого больше и теперь дошли уже до предѣловъ, дальше которыхъ, кажется, идти нельзя. Еще недавно они спустили на воду броненосецъ «Terrible», а теперь опять выстроили еще одинъ «Powerful» еще большихъ размѣровъ. Чтобы составить себѣ понятіе объ этихъ морскихъ гигантахъ, достаточно сказать, что «Terrible» имѣетъ слѣдующіе размѣры: длина броненосца 240 аршинъ, т. е. почти $^1/_6$ часть версты. Водозамѣщеніе 14.475 тоннъ. Броня вся изъ стали и притомъ—двойная. Ма-

шинъ—двѣ и каждая вырабатываетъ 12.500 лошадиныхъ силъ. Кромѣ этихъ двухъ паровыхъ машинъ-гигантовъ, на броненосцѣ имѣется еще 85 маленькихъ паровыхъ машинъ, предназначенныхъ для различныхъ спеціальныхъ цѣлей. Экипажъ броненосца—900 человѣкъ. «Powerful» еще длиннѣе; во всемъ же прочемъ почти одинаковъ съ «Terrible'мъ. Не дешево обходится Англіи ея морское могущество!

Автоматическая система телефоновъ г. Апостолова. Англійскіе и французскіе спеціальные журналы весьмо заинтересованы изобрѣтеніемъ нашего соотечественника г. Апостолова,работающаго въ настоящее время въ Англіи. Журналъ «L'Electricien» заявляетъ, что изобрѣтеніе г. Апостолова должно произвести полный переворотъ въ существующей нынѣ системѣ телефонной эксплуатаціи. Опыты надъ приборами названнаго изобрѣтателя производятся въ обширныхъ размѣрахъ почтово-телеграфнымъ вѣдомствомъ въ Англіи; эти опыты покажутъ, дѣйствительно ли изобрѣтенные г. Апостоловымъ приспособленія дадутъ тѣ результаты, о которыхъ говоритъ изобрѣтатель. По его словамъ, онъ, при посредствѣ своихъ приборовъ, достигаетъ слѣдующаго:

1. Каждый абонентъ имѣетъ возможность, не прибѣгая къ услугамъ центральной станціи, соединиться съ любымъ числомъ другихъ абонентовъ и сообщить имъ всѣмъ за разъ то, что имѣетъ желаніе сообщить.

2. Каждый абонентъ можетъ самъ соединить себя съ абонентами любой телефонной сѣти того же города или другого, не взирая на разстоянія.

3. Система г. Апостолова исключаетъ возможность того, чтобы лица, не соединенныя съ говоращимъ, слышали его разговоръ.

4. Для соединенія съ любымъ числомъ лицъ и съ любою телефонною сѣтью не больше полуминуты времени.

Все это достигается при помощи небольшого прибора, который приспособляется къ каждому телефону и позволяетъ самому абоненту устанавливать свое сообщеніе съ другими абонентами безъ содѣйствія лицъ, служащихъ на центральной станціи.

Центральная станція должна содержать только особый столъ, на которомъ расположены номера сообщающихся. Столъ не требуетъ большого помѣщенія, можетъ стоять въ отдѣльной комнатѣ, всегда запертой.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще нѣтъ описанія устройства приборовъ г. Апостолова, дающихъ столь, можно сказать, чудесные результаты.

Перо, освѣщаемое электрической лампочкой. Крошечныя лампочки накаливанія получили весьма широкое, какъ извѣстно, примѣненіе. Онѣ помѣщаются и на булавкахъ, и въ брошкахъ, и въ кольцахъ. Еще одна игрушка въ такомъ же родѣ поступила недавно въ продажу. Англійскій журналъ «The Optician» сообщаетъ, что теперь нѣкій Wilcox приготовилъ перо, на самомъ кончикѣ котораго посажена маленькая электрическая лампочка. Прижавши пуговку на ручкѣ пера, заставляютъ лампочку зажечься и, такимъ образомъ, она освѣщаетъ то мѣсто, на которомъ пишутъ. Сдѣлано это для того, чтобы имѣть возможность спокойно писать «въ темнотѣ». Такъ какъ такая движущаяся вмѣстѣ съ перомъ лампочка будетъ раздражать глаза, то на рукѣ устроенъ маленькій рефлекторъ, защищающій, съ одной стороны, глаза пишущаго, а съ другой—отражающій весь свѣтъ лампочки на поверхность бумаги.

P. S. 13 (25) декабря скончался знаменитый физіологъ - естествоиспытатель Дюбуа Реймонъ. Очеркъ его полувѣковой научной дѣятельности надѣемся дать въ февральской хроникѣ.

М. Г.

О ЗАБЫТЫХЪ ТРУЖЕНИКАХЪ.

(Письмо въ редакцію).

Не мало у насъ писали и пишутъ о тяжеломъ положеніи сельскихъ учителей, учительницъ, земскихъ врачей, чиновниковъ (изъ числа мелкотравчатыхъ) и т. д., о фельдшерахъ же какъ будто забываютъ, молчатъ, и иной наивный человѣкъ по такому молчанію можетъ, пожалуй, заключить, что фельдшера живутъ вполнѣ обезпеченно и благодушествуютъ. При нормальномъ ходѣ вещей наше общество, дѣйствительно, о нихъ забываетъ и вспоминаетъ лишь въ годины бѣдствій; тогда вспоминаютъ, что у насъ есть фельдшера, которые обязаны по первому приказу летѣть въ мѣстности, пораженныя эпидеміей, и—подъ руководствомъ врачей—уничтожать очагъ заразы. Печать также почему-то игнорируетъ этихъ тружениковъ. *) А ихъ, между тѣмъ, по отчетамъ Медицинскаго департамента считается въ Россіи около 17.000 чел. (военные фельдшера въ это число не включаются), и живется имъ не лучше сельскихъ учителей (а по моему мнѣнію, ихъ положеніе чуть ли еще не горше).

Фельдшеръ работаетъ иногда не менѣе врача и почти постоянно живетъ «на военномъ положеніи», т. е. рискуя здоровьемъ и жизнью, такъ какъ мѣстныя эпидеміи въ средѣ нашего сельскаго населенія почти не переводятся. Что фельдшера, дѣйствительно, часто рискуютъ своимъ здоровьемъ, можно видѣть изъ того, что сообщаютъ мнѣ изъ Херсонской губ.: тамъ въ одномъ уѣздѣ изъ 37 фельдшеровъ въ короткое время переболѣло сыпнымъ тифомъ, воспаленіемъ лимфатическихъ железъ (вслѣдствіе зараженія гноемъ), туберкулозомъ и т. д. 23 чел. (процентъ довольно значительный!); изъ этихъ 23 чел.—6 умерли и 4 по болѣзни оставили службу.

---

*) Правда, въ Петербургѣ издается даже спеціальный журналъ «Фельдшеръ», довольно интересный по содержанію, но общество, къ сожалѣнію, кажется, и не знаетъ объ его существованіи.

Что же достается фельдшерамъ за ихъ тяжелый трудъ, сопряженный съ такими опасностями? Достается имъ полуголодное существованіе, высокомѣрное обращеніе съ ними врачей, недовѣріе со стороны народа, непріятности отовсюду—отъ всѣхъ, кто только мало-мальски мнитъ себя «властью» или хоть соприкасающимся съ «властью», наконецъ, ежеминутная возможность быть прогнаннымъ съ мѣста даже безъ объясненія причинъ, или возможность (такъ же ежеминутная) подхватить какую-нибудь эпидемію, заразиться и умереть, а семьѣ предоставить идти по міру. Постараюсь вкратцѣ объяснить причины презрительнаго отношенія врачей къ фельдшерамъ, недовѣрія къ нимъ со стороны народа, и укажу на тѣ «немалыя» непріятности и матеріальныя стѣсненія, какимъ подвергаются они.

Въ прежнее дореформенное время спеціальныхъ фельдшерскихъ школъ не существовало; фельдшеръ тогда воспитывался при самой неподходящей обстановкѣ, гдѣ-нибудь въ полку, въ казармѣ, былъ плохо подготовленъ и по своему развитію стоялъ ничуть не выше любого солдата и, попавъ въ деревню, обращался въ кулака-міроѣда, если ему удавалось накопить деньжонокъ, или же спивался и являлся жалкимъ, пришибленнымъ существомъ. Такой фельдшеръ, понятно, не могъ внушать къ себѣ симпатій... Нынѣшній же нашъ фельдшеръ и по своей научной подготовкѣ и по общему развитію уже далеко, какъ говорится, «не ровня» своему дореформенному предшественнику. Но горе въ томъ, что взглядъ, существовавшій на фельдшера «добраго, стараго времени», по инерціи былъ перенесенъ и на современнаго фельдшера, хотя послѣдній по своему нравственному уровню стоитъ уже не ниже врача (а бываетъ, что даже и повыше его). На послѣднее обстоятельство врачи иногда не обращаютъ вниманія и продолжаютъ попрежнему—по примѣру своихъ дореформенныхъ коллегъ—смотрѣть на фельдшеровъ, какъ на существа низшей расы, какъ на паріевъ. Врачи, конечно, люди образованные, далеко превосходящіе фельдшеровъ своимъ научнымъ цензомъ, но тутъ оказывается, что воспитаніе (разумѣю его въ широкомъ смыслѣ), даваемое нашимъ обществомъ при современныхъ условіяхъ, не дѣлаетъ иногда людей гуманными или, по крайней мѣрѣ, деликатными въ отношеніяхъ ихъ къ подчиненнымъ. И ужъ надо правду сказать: своимъ начальническимъ, высокомѣрнымъ отношеніемъ врачи иногда подливаютъ не мало горечи въ жизнь фельдшеровъ, и безъ того уже не сладкую... Напр., членъ Богучарской земской управы говоритъ, что, по мнѣнію врачей, «*фельдшера—пѣшки, которыми можно бросать какъ угодно*» («Медицинская Бесѣда», 1896 г., № 14). Интересно то обстоятельство,

что эти слова были сказаны лично врачу, К. Билинскому... Считаю излишнимъ распространяться о томъ, что если фельдшера добросовѣстно исполняютъ свое дѣло въ отведенномъ имъ пространствѣ, то правы ли тѣ врачи, которые съ презрѣніемъ смотрятъ на фельдшеровъ, какъ «на пѣшки», по выраженію члена Богучарской земской управы?.. Въ виду такого отношенія врачей къ фельдшерамъ станетъ понятно: съ какою болью эти труженики должны чувствовать униженіе своего человѣческаго достоинства и наносимыя имъ оскорбленія... Недавно одинъ изъ такихъ бѣдняковъ писалъ мнѣ: «Если бы вы присмотрѣлись къ жизни фельдшеровъ, то вы бы увидѣли, какъ тяжела ихъ жизнь, какія несправедливости переносятъ они, какъ нравственно страдаютъ, *вынося на каждомъ шагу всевозможныя униженія*»...

Теперь выскажу одно соображеніе по поводу того: почему народъ съ недовѣріемъ относится къ фельдшерамъ, заподозрѣваетъ ихъ въ корыстолюбіи, алчности, въ равнодушіи къ страданіямъ ближняго и т. д. Въ Херсонской губ., напр., есть такой медицинскій участокъ, гдѣ врачу и тремъ фельдшерамъ отпускается медикаментовъ и перевязочныхъ матеріаловъ на 250 р. въ годъ, а между тѣмъ больныхъ лишь у одного изъ трехъ фельдшеровъ перебывало въ 1896 г.—въ февралѣ 232, мартѣ—310, апрѣлѣ—120, маѣ—318, іюнѣ—358, іюлѣ—200, августѣ—504, сентябрѣ—370 и октябрѣ—378, а всего за 9 мѣсяцевъ—2.790 чел. Понятно, что при такой массѣ больныхъ фельдшеру приходится отказывать въ выдачѣ медикаментовъ, за отсутствіемъ ихъ. Но больные не вѣрятъ фельдшеру, считаютъ обманщикомъ, подозрѣваютъ его въ утаиваніи медикаментовъ, думаютъ, что онъ торгуетъ лѣкарствами въ свою пользу... «Какъ такъ нѣтъ лѣкарствъ? Вѣдь земство же съ нихъ собираетъ деньги... Ну, значитъ, тутъ кто-то плутуетъ,—не иначе... Къ лѣкарствамъ приставленъ фельдшеръ,—значитъ, онъ и плутуетъ!» Такова деревенская логика... Конечно, у народа есть достаточно основаній для того, чтобы быть подозрительнымъ: тысячелѣтняя исторія государства россійскаго указываетъ на то, что нашъ народъ, можно сказать, выстрадалъ право быть недовѣрчивымъ и мнительнымъ, но фельдшерамъ-то оттого, разумѣется, не легче. Иногда фельшера, можетъ быть, и сами бываютъ виноваты въ томъ, что народъ относится къ нимъ съ недовѣріемъ, но, какъ оказывается, не всегда же они сами виноваты,—и недостаточный отпускъ лѣкарствъ въ распоряженіе ихъ—едва ли не одна изъ главныхъ причинъ недоброжелательнаго отношенія къ нимъ народа.

Затѣмъ, переходя къ матеріальному положенію фельдшера, мы находимъ, что оно едва ли еще не хуже незавиднаго житья-бытья земскаго учителя, что легко можно видѣть изъ сравненія получаемаго тѣмъ и другимъ вознагражденія за трудъ. Учитель (земской школы) получаетъ отъ 25 до 35 р., квартиру или квартирныя деньги, отопленіе, право пользоваться для своихъ надобностей школьною прислугой, и, наконецъ, все каникулярное время—5 мѣсяцевъ или даже болѣе—онъ свободенъ и можетъ по своему усмотрѣнію отдыхать или работать на себя, по хозяйству.

Фельдшеру отдыха нѣтъ; его, какъ собаку, гоняютъ круглый годъ; въ дождь и въ холодъ, въ весеннюю ростопель, зимой, въ буранъ тащится онъ къ больнымъ верстъ за 10, за 20; вмѣсто лошади ему даютъ какого-нибудь жалкаго одра, едва передвигающаго ноги, и на просьбу—дать лошадь получше, почтосодержатель чуть не съ бранью отвѣчаетъ ему: «Есть, да не про вашу честь!» На жалобы же фельдшеровъ на притѣсненія никто и вниманія не обращаетъ. За свой истинно каторжный трудъ, обставленный всевозможными опасностями, фельдшеръ получаетъ 25 р. жалованья, а по выслугѣ пяти лѣтъ ему прибавляютъ еще 5 р. въ мѣсяцъ, и затѣмъ уже никакихъ надбавокъ не предвидится. Ни квартиры, ни квартирныхъ денегъ ему не полагается, а поэтому «фельдшерскому персоналу приходится нанимать углы, ютиться вмѣстѣ съ семьями крестьянъ». («Сборникъ Херсонскаго Земства». Сент., 1896 г. «Отчетъ санитарнаго врача Н. П. Васильевскаго»). Краски на этой картинѣ еще болѣе сгустятся если принять въ расчетъ, что большинство фельдшеровъ — люди семейные. Напр., изъ тѣхъ 37 фельдшеровъ, о которыхъ я говорилъ выше, 27 семейныхъ.

Получая небольшое жалованье и заботясь о насущномъ хлѣбѣ для себя и для семьи, фельдшеръ поневолѣ забываетъ о существованіи на свѣтѣ книгъ, и даже журналъ, спеціально предназначенный для фельдшеровъ и стоющій 3 р. въ годъ, выписываютъ изъ 37 чел. лишь трое, а остальные прямо заявляютъ: «Денегъ нѣтъ»!.. Конечно, и теперь фельдшера работаютъ не мало, и даже очень не мало, и приносятъ свою долю пользы, но они могли бы сдѣлаться людьми, еще болѣе полезными для общества, если бы хоть сколько нибудь облегчить ихъ существованіе и тѣмъ дать имъ возможность не обрывать знакомства съ книгой, съ «наукой». Въ средѣ фельдшеровъ встрѣчаются люди талантливые, даровитые и съ самыми благими намѣреніями. Вонъ, напр., фельдшеръ А. Прохоровъ (въ Ораніенбаумѣ) въ 1893 г. семейнымъ нижнимъ чинамъ и школьнымъ сторожамъ разсказывалъ о холерѣ, о пер-

вомъ пособіи заболѣвшему и знакомилъ ихъ съ значеніемъ для здоровья чистоты и опрятности и правильнаго житейскаго режима. Для начала и это недурно... Фельдшеръ Фененко написалъ брошюру о дифтеритѣ, а извѣстная фирма «Посредникъ» издала хорошую книжку («Какъ лѣчить раны»), составленную фельдшеромъ Коваленко и т. д. Если фельдшера при всѣхъ невыгодныхъ (нравственныхъ и матеріальныхъ) условіяхъ, въ какія они поставлены, помимо исполненія своихъ прямыхъ обязанностей и [illegible] выступаютъ на болѣе широкое поприще культурной дѣятельности, въ которой такъ нуждается наше отечество, то, полагаю, они выступали бы на это поприще еще въ бо̀льшемъ числѣ и съ бо̀льшею пользою, если бы только дать имъ возможность продолжать свое самообразованіе и не думать исключительно о кускѣ хлѣба на завтрашній день... Я знаю современное экономическое положеніе нашего народа, знаю, до какого сильнаго напряженія доведены его платежныя способности, и поэтому не думаю, чтобы—для улучшенія быта фельдшеровъ—можно было взимать съ народа еще новые поборы безъ ущерба для общаго благосостоянія. Но я увѣренъ, что на этотъ предметъ въ нашей росписи расходовъ найдутся такія статьи, исключеніе которыхъ не принесетъ ни малѣйшаго урона нашимъ общественнымъ интересамъ, а даже совсѣмъ «напротивъ»...

Въ началѣ письма я упомянулъ о томъ, что фельдшеру отовсюду грозятъ непріятности. Да! Это вѣрно... Справедливыя жалобы фельдшеровъ не удостоиваются вниманія тѣхъ, кому адресуются, а жалобы на фельдшеровъ даже весьма принимаются къ свѣдѣнію, хотя бы и были неосновательны. Напр., въ концѣ 1894 г. въ с. Сокрутовкѣ, Болязутской волости (Енотаевскаго у.), у мѣстнаго дьякона умерло въ дифтеритѣ двое дѣтей, и фельдшеръ напомнилъ священнику, что закономъ воспрещено вносить въ церковь умершихъ отъ заразительныхъ болѣзней. Это вполнѣ основательное замѣчаніе до того возмутило дьякона, что тотъ въ видѣ мщенія за нанесенную ему обиду сдѣлалъ ложный доносъ жандарму, обвиняя фельдшера въ безвѣріи, непочтеніи къ властямъ и т. д. Фельдшеръ былъ уволенъ, и только впослѣдствіи оказалось, что онъ пострадалъ невинно. (Ж. «Фельдшеръ», 1896, № 20). Неизвѣстно: возвратился ли фельдшеръ на прежнее мѣсто служенія...

Пишу это письмо для того, чтобы обратить вниманіе общества на несчастное положеніе «забытыхъ тружениковъ»... Я не называю нѣкоторыхъ именъ и не указываю точно мѣстности потому, что моя откровенность могла бы обойтись корреспондентамъ слишкомъ

дорого: ихъ могли бы прогнать со службы и лишить послѣдняго куска хлѣба. Одинъ изъ моихъ корреспондентовъ такъ-таки прямо и пишетъ: «Для меня было бы желательно, чтобы моя фамилія не была открыта, дабы не подвергнуться той же участи, какой подвергнулся фельдшеръ Рухловъ»... А г. А. Рухловъ (нынѣ фельдшеръ Сормовскихъ заводовъ) былъ удаленъ (какъ видно изъ его письма въ ж. «Фельдшеръ», № 20, 1896 г.) изъ Нижегородской городской барачной больницы лишь по подозрѣнію въ томъ, что онъ довелъ до свѣдѣнія редакціи «Волгаря» о больничныхъ безпорядкахъ.

П. Засодимскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ".
Январь 1897 г.

Содержаніе. Беллетристика.——Исторія всеобщая и русская.—Публицистика.—Политическая экономія. — Естествознаніе. — Народныя изданія.—Новости иностранной литературы.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Викторъ Гюго. «Собраніе стихотвореній».—*Г. Сандукъянцъ.* «Пепо. Бытовая комедія».

Собраніе стихотвореній Виктора Гюго въ переводѣ русскихъ писателей подъ редакціей И. Ф. Тхоржевскаго, Тифлисъ, 1896. Изъ переводовъ, собранныхъ въ сборникѣ г. Тхоржевскаго, русскій читатель получаетъ представленіе о поэзіи Виктора Гюго во всей ея цѣлости. Въ книгѣ помѣщены 256 стихотвореній и поэмъ, взятыхъ почти изъ всѣхъ послѣдовательныхъ сборниковъ Виктора Гюго. Отъ первыхъ патріотическихъ одъ и упражненій въ стихотворной виртуозности,—черезъ восточные мотивы, создавшіе особый Востокъ, искусственный и страстный, до политическихъ памфлетовъ, направленныхъ противъ «Наполеона малаго», и, наконецъ, до умиротворенныхъ философскихъ поэмъ послѣднихъ лѣтъ—всѣ эти разнообразные мотивы, волновавшіе Гюго въ теченіе его долгой бурной жизни, отражаются въ стихотвореніяхъ, переданныхъ добросовѣстно, хотя не всегда достаточно смѣло и умѣло, издателемъ сборника и его сотрудниками.

Быть можетъ, особенно трудно передать въ переводѣ поэзію перваго періода творчества Гюго. Нужно вспомнить, чѣмъ она была, когда онъ создавалъ ее. Политика, которой суждено было играть столь большую роль въ его дальнѣйшемъ творчествѣ, еще не овладѣла его душой. Гюго былъ роялистомъ по традиціи, писалъ оды статуѣ Генриха IV, но въ немъ кипѣла мятежная кровь. Рожденный стать громителемъ кумировъ, онъ видѣлъ пока эти кумиры только въ литературѣ. Ему ненавистно было все традиціонное, все классическое, уравновѣшенное и неподвижное, онъ чувствовалъ въ себѣ и вокругъ себя новыя силы и сталъ громко и побѣдно расчищать путь новому пониманію поэзіи. Дѣтство, проведенное въ путешествіяхъ, краски Испаніи и юга, съ юношескихъ лѣтъ опьянявшія его глаза, должны были внести новую страстную струю въ поэзію, погибавшую отъ сухой риторики. Конечно, риторичность останется въ поэзіи Гюго, но она утратитъ свой схоластическій характеръ и заблеститъ антитезами, южной колоритностью и музыкой свободнаго стиха. Все, начиная съ сюжетовъ и до размѣровъ и риѳмъ, подвергается коренному измѣненію, и поэзія

*

Гюго, прежде чѣмъ стать революціонной въ политическомъ смыслѣ, становится таковой въ литературномъ отношеніи. Поэтому такъ важна форма лирическихъ стихотвореній Гюго въ этотъ первый періодъ. Классическая поэзія считала, что александринскій стихъ, разчлененный на двѣнадцать слоговъ, съ правильной цезурой и чередующейся риѳмой, единственная форма, отвѣчающая духу французской поэзіи. Гюго противопоставилъ этой тираніи традиціи короткій, нервный, музыкальный размѣръ такихъ стихотвореній, какъ «Pas d'armes du roi Jean», «Les Djinns» и т. д., и вышелъ побѣдителемъ. Эта живая, возбужденная поэзія оказалась столь же соотвѣтствующей національному духу, какъ и строгость александринскаго стиха. Конечно, чтобы это почувствовать, нужно читать самый оригиналъ, съ его трехсложными стихами:

Ça, qu'on selle
Ecuyer
Mon fidèle
Destrier,

передающими шествіе рыцаря на турниръ. Въ русскомъ же переводѣ, гдѣ трехсложные стихи замѣнены гораздо болѣе длинными, исчезаетъ вся новизна пріема Виктора Гюго:

Конюхъ, скукѣ нѣтъ конца!
Осѣдлать мнѣ жеребца!
Съ плечъ свалится словно бремя,
Какъ закинешь ногу въ стремя
И отъѣдешь отъ крыльца.

Какъ далеко отъ обыденности этихъ стиховъ до металлической отчеканенности приведеннаго нами оригинала. Точно также въ другомъ стихотвореніи «Les Djinns», основанномъ на эффектности укороченныхъ и удлиненныхъ стиховъ, знаменующихъ приближеніе и удаленіе злыхъ духовъ, передача оригинала только приблизительная.

Викторъ Гюго въ своихъ первыхъ сборникахъ, т. е. въ «Odes et Ballades» и «Orientales» совершилъ нѣчто весьма дерзкое. Поэзія стремилась возноситься отъ земли, искать своихъ лучшихъ вдохновеній въ томъ, что отдѣляетъ человѣка отъ зрѣлищъ и чувствъ дѣйствительности и заставляетъ его чувствовать свою связь съ чѣмъ-то находящимся внѣ его обычной сферы. Гюго же въ своемъ упоеніи собственной жизнерадостностью перенесъ рай поэзіи на землю, указалъ какъ на источникъ красоты и счастья земные образы, земныя чувства, земныя зрѣлища. И нужно было окружить эту дѣйствительность особымъ блескомъ, особой красотой, чтобы увлечь за собой искателей идеала. Ему это удалось. Читая его «Orientales», «Feuilles d'automne» и др. сборники, невольно вѣришь поэту, что предъ нимъ раскрылась истинная красота и истинный смыслъ душевной жизни. Таково, напримѣръ, извѣстное стихотвореніе «Lazzara» въ «Orientales», прекрасно переданное въ переводѣ В. Костомарова. Скульптурный образъ беззаботной южной красавицы возсоздается предъ глазами въ слѣдующихъ стихахъ:

Около головки, руки округляя,
Держитъ ту корзинку и бѣжитъ, играя,
Рѣзво-весела.

Кажется, что видишь въ храмѣ опустѣломъ
Съ ручками амфору на подножьи бѣломъ—
Такъ она стройна!

И такъ же красиво передаетъ конецъ, гдѣ, по обычному у Гюго пристрастію къ антитезамъ, напрасной любви богатаго паши, который отдалъ бы за красавицу всѣ свои сокровища, противупоставляется тотъ, кого она любитъ.

Но не старый Али взялъ, а черноокій
Клефтъ,.. да не за деньги, а за станъ высокій
Да за гордый взоръ;
Все богатство Клефта—небо голубое,
Ключевой колодезь, да ружье стальное,
Да свобода горъ.

Въ русскихъ переводахъ собраны лучшіе образцы восточныхъ мотивовъ, какъ «Покрывало», «Небесный огонь», «Призраки» и др. «Покрывало», знаменитый «Voile» Гюго, переданъ добросовѣстно, но не больше. Стихотвореніе это отличается въ оригиналѣ удивительной интенсивностью драмы, отраженной въ сосредоточенномъ, краткомъ и почти трагическомъ діалогѣ четырехъ братьевъ съ ихъ сестрой. Фанатизмъ Востока, безпомощность въ женщинѣ, глухія страсти на фонѣ неподвижныхъ традицій сосредоточены въ четырехъ краткихъ вопросахъ братьевъ и отвѣтахъ сестры, которая предвидитъ свою судьбу.

— Снимала-ли покрывало нынче, говори?—спрашиваетъ старшій, и на робкія объясненія дѣвушки о жарѣ звучитъ уже вопросъ второго брата, приближающій ее къ неминуемому исходу:—Мужчину въ синемъ видѣть ты могла? (Между прочимъ, въ текстѣ сказано: un homme en caftan vert). Дѣвушка уже начинаетъ молить о пощадѣ, но третій братъ неумолимъ, какъ судьба.—Былъ на закатѣ красенъ небосклонъ,—говоритъ онъ, привлекая природу въ содѣйствіе судьбѣ. И, наконецъ, слова четвертаго брата произносятся имъ уже послѣ того, какъ казнь совершена.

— Увы, ужъ покрывало смерти мнѣ стало очи застилать,—говоритъ дѣвушка, и четвертый братъ добавляетъ:—Да, ужъ его тебѣ-то не поднять!—Опять, конечно, оригиналъ звучитъ болѣе трагично и болѣе въ духѣ противупоставленія Гюго: «C'eu est un que tu ne leveras pas».

Конечно, вся эта драма, такъ кратко и страшно разыгрывающаяся, искусственна, какъ весь Востокъ Виктора Гюго, но эффектность этого изображенія не только внѣшняя, и поэтическій геній Гюго лишаетъ читателя всякой возможности критиковать во время чтенія.

Первые поэтическіе сборники совершенно отличны по своему характеру отъ послѣдующихъ, писанныхъ Гюго уже тогда, когда разразилась политическая буря надъ его родиной и онъ сталъ жертвой насилія, увидѣвъ на вершинѣ своихъ стремленій изгнаніе. Новыя струны зазвучали въ его поэзіи. Жажда красоты и счастья смѣнилась негодованіемъ и скорбью. И теперь, какъ тогда, источники новаго чувства были чисто земные. «Châtiments» и «Année terrible» носятъ временной характеръ, направленный противъ императора, котораго онъ называлъ Napoléon le petit. И опять

таки такъ великъ былъ геній Гюго, что теперь, когда источникъ его возмущенія изсякъ, когда происшествія, волновавшія его, отошли далеко въ глубь исторіи, паѳосъ его обвиненій, сила его риторики, образной и пылающей, полны почти прежней силы. Онъ направляетъ порывы оскорбленной души къ землѣ, но сила поэзіи поднимаетъ его высоко надъ ней, и то, что было вдохновеніемъ минуты, отражаетъ вѣчную скорбь души, оскорбленной торжествомъ мелочности и порочности на землѣ. Конечно, выше этой поэзіи, дышащей ненавистью, спокойныя философскія настроенія, отраженныя въ философскомъ эпосѣ «Legende des siècles», съ его геніальными картинами всемірной исторіи. Нѣкоторые отрывки оттуда довольно удачно переданы въ русскомъ переводѣ, но намъ кажется, что для того, чтобы вполнѣ оцѣнить величіе этихъ поэмъ, нужно читать ихъ въ цѣльномъ видѣ, въ той общей связи, которую устанавливаетъ между ними поэтъ.

Пепо. Бытовая комедія въ трехъ дѣйствіяхъ Габріэля Сандукьянца. Переводъ съ армянскаго А. Цатуріана и Ю. Веселовскаго. Москва. 1896. Нѣсколько времени тому назадъ вышелъ сборникъ произведеній армянскихъ писателей и встрѣтилъ одинаково благосклонный пріемъ у критики и публики. Критикой указывалось на полезность и даже настоятельность для русскихъ читателей близкаго знакомства съ литературой одного изъ самыхъ многочисленныхъ и въ историческомъ отношеніи старыхъ народовъ, живущихъ въ Россіи. Одновременно были опредѣлены общія черты армянской литературы, молодой и развивающейся при особыхъ условіяхъ: эти условія менѣе всего удобны для роста художественныхъ достоинствъ литературной работы, и современная армянская беллетристика вся полна рѣзко-общественными, національными, т. е. публицистическими мотивами. Тотъ же характеръ, хотя и не въ столь яркой степени носитъ комедія «Пепо».

Пьесѣ однимъ изъ переводчиковъ предпослано предисловіе *Габріэль Сандукьянцъ и его комедія Пепо*. Изъ него читатели могутъ почерпнуть краткія біографическія свѣдѣнія объ авторѣ и познакомиться съ содержаніемъ его многочисленныхъ драматическихъ произведеній.

Направленіе литературной дѣятельности Сандукьянца заслуживаетъ всякаго сочувствія: онъ горячій сторонникъ простого народа и лучшей просвѣщенной части армянской интеллигенціи. Пепо, главный герой комедіи, сынъ народа, бѣдный рыбакъ; ему противопоставленъ богатый купецъ. Контрастъ, конечно, не отличается особеннымъ психологическимъ интересомъ, и авторъ развиваетъ его довольно элементарно, при помощи рѣзкихъ и подчасъ грубоватыхъ красокъ. Автора, очевидно, больше интересуетъ эффектъ и цѣль контраста, чѣмъ литературная отдѣлка фигуръ и сценъ. Въ результатѣ, предъ нами бездна хорошихъ чувствъ, благородныхъ настроеній, и почти совсѣмъ нѣтъ *личностей*, мы хотимъ сказать—ярко очерченныхъ типичныхъ драматическихъ персонажей. Пепо и его врагъ—богачъ и скряга Арутинъ, скорѣе, общія мѣста плебейской честности и кулаческихъ пороковъ, чѣмъ люди съ плотью и кровью. То же самое можно сказать и о второ-

степенныхъ дѣйствующихъ лицахъ, занимающихъ, большею частью, извѣстное сценическое emploi, а не представляющихъ общественное или нравственное явленіе извѣстной среды. Слѣдуетъ еще отмѣтить крайнюю для русскаго читателя наивность *комическихъ* пріемовъ автора и остротъ и шуточекъ его героевъ,

Но, надо помнить, предъ нами въ полномъ смыслѣ юношеская литература, и она должна насъ интересовать не столько эстетическими завоеваніями, сколько болѣе или менѣе точнымъ отраженіемъ совершеннаго культурнаго и нравственнаго уровня лучшихъ представителей армянской націи. Съ этой точки зрѣнія, исторически-бытовой *Пенд* не уступаетъ лучшимъ произведеніямъ ранняго сборника.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Д. Трайль «Общественная жизнь Англіи».—*А. Brückner.* «Geschichte Russlands».

Общественная жизнь Англіи. Изданіе Г. Д. Трайля. Томъ I. Москва 1896. Изд. Солдатенкова. Изданіе Трайля разсчитано на очень большой объемъ: въ настоящую минуту предъ нами уже *пятый* томъ англійскаго подлинника и историческіе обзоры доведены только до 1815 года. Предпріятіе на первый взглядъ въ высшей степени цѣнное и интересное: цѣль—исторія англійской культуры и умственнаго развитія. Если принять во вниманіе, что именно англійская цивилизація и въ особенности общественный и политическій прогрессъ отличается наибольшей оригинальностью сравнительно съ континентальными странами, что въ Англіи разностороннѣе и глубже, чѣмъ гдѣ-либо, развивались и продолжаютъ развиваться общественныя силы и національныя стихіи,—книга Трайля должна занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ библіотекѣ всякаго интеллигентнаго читателя. Такъ, повидимому, и взглянула на вопросъ прежде всего англійская печать.

Начиная съ *Times'а* и кончая *Speaker'омъ*, эта печать дала самый благосклонный отзывъ объ изданіи. *Times*, напримѣръ, находилъ, что Трайль вполнѣ съумѣлъ остаться на высотѣ своего отвѣтственнаго предпріятія, что его мысль составить исторію англійскаго общественнаго развитія изъ статей различныхъ компетентныхъ авторовъ безусловно удачна. *Speaker* выражалъ убѣжденіе, что изданіе должно вызвать громадный интересъ, вполнѣ заслуженный. Прочіе органы печати восхваляли труды спеціалистовъ, внесшихъ свой взглядъ въ изданіе. Въ общемъ издатель могъ считать себя счастливымъ и свое дѣло обезпеченнымъ.

Зная эти отзывы англійскихъ органовъ, отнюдь не зараженныхъ специфическимъ недугомъ французской *publicité*, мы принялись за чтеніе книги съ самымъ лестнымъ для нея предубѣжденіемъ, и именно насъ особенно интересовало введеніе Трайля, до крайней степени превознесенное нѣкоторыми англійскими критиками. Первыя же страницы этого предисловія жестоко разочаровали насъ, а дальнѣйшее знакомство съ статьями спеціалистовъ поста-

вило насъ въ самое затруднительное положеніе, создало для насъ своего рода нравственную борьбу между совершенно резоннымъ довѣріемъ къ англійскимъ критикамъ и собственнымъ опытомъ.

Прежде всего Трайль до послѣдней степени элементарно понялъ свою задачу, въ дѣйствительности чрезвычайно сложную и даже отчасти новую.

Вопросъ, какъ можно изложить исторію культуры одной изъ передовыхъ цивилизованныхъ націй, самъ по себѣ представляетъ тему для серьезнѣйшей работы философскаго и историческаго характера. Трайль рѣшилъ ее очень просто: раздѣлить общій культурный потокъ, всю историческую многовѣковую сцену на нѣсколько теченій или полосъ и дать спеціалистамъ изложить свои мнѣнія по поводу каждаго изъ установленныхъ отдѣловъ. Одинъ будетъ изображать литературу, другой искусство, третій религію, четвертый нравы. Именно такія рубрики стоятъ въ проектѣ Трайля. Уже одно перечисленіе ихъ показываетъ, что читатели книги рискуютъ попасть въ безвыходное положеніе на каждомъ шагу *относительно общей картины* общественнаго развитія въ ту или другую эпоху, и испытать невыносимую скуку отъ *безконечныхъ повтореній* однихъ и тѣхъ же фактовъ и мыслей въ разныхъ рубрикахъ разными спеціалистами.

Представьте, васъ попросили охарактеризовать извѣстную вамъ личность, и вы, вмѣсто цѣльнаго, *психологически объединеннаго* образа, набросали бы нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній на счетъ тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ поступковъ даннаго человѣка, или еще лучше—пересказали бы эти замѣчанія со словъ многочисленныхъ свидѣтелей, наблюдавшихъ предметъ независимо другъ отъ друга и то совпадавшихъ по своимъ свѣдѣніямъ и выводамъ, то расходившихся въ разныя стороны. И вы, набравши массу всего этого добра, сложили бы съ себя обязанность привести ее въ какой-либо стройный порядокъ и преподнесли бы слушателю ворохъ сырого матеріала. Конечно, слушатель могъ бы составить и собственными силами извѣстное представленіе, но тогда никто бы не сказалъ, что вы, а не вашъ слушатель, охарактеризовали человѣка. Также и о книгѣ Трайля нельзя и думать, будто она представляетъ дѣйствительно общественную жизнь Англіи.

Трудно, конечно, одному ученому захватить всѣ стороны культурнаго развитія націи, даже историкъ не всегда можетъ быть экономистомъ, и историкъ литературы знать также полно и исторію искусства. Но тогда не можетъ быть и рѣчи о цѣльной, продуманной и сколько-нибудь научной исторіи культуры—изъ статей самое большее выйдетъ только хрестоматія, полезная отдѣльными свѣдѣніями, но отнюдь не дающая дѣйствительно исторической картины. Если угодно, даже средневѣковой способъ изучать человѣка и, слѣдовательно, человѣчество, по двумъ противоположнымъ направленіямъ, духовному и матеріальному, предпочтительнѣе манеры Трайля. На современномъ языкѣ средневѣковое воззрѣніе значило бы исторія умственнаго и художественнаго развитія и экономическаго прогресса. Тогда бы, во всякомъ случаѣ, былъ бы, по крайней мѣрѣ, намѣченъ путь къ уясненію смысла обществен-

ной жизни Англіи и освѣщены пути историческаго движенія. Теперь же изъ книги Трайля мы можемъ узнать, что́ *было* въ Англіи въ ту или другую эпоху, въ той или другой области, но какъ это *стало* и почему—остается тайной.

Но даже и эти цѣли удовлетворяются очень неумѣло и часто совсѣмъ не достигаются.

Прежде всего трудно рѣшить, для какой публики предназначена книга. Статьи носятъ коллективный характеръ *общаго* содержанія, т. е. представляютъ наборъ выводовъ и обозрѣній безъ всякихъ фактическихъ доводовъ и иллюстрацій. Авторы будто случайно нападаютъ на факты и бросаютъ ихъ вереницей предъ читателемъ. Въ этомъ отношеніи особенно поучительна статья, озаглавленная *Религіею*.

Всѣмъ, конечно, извѣстно, какъ неразрывно религіозные вопросы переплетались въ англійской исторіи съ политическими, вплоть до XVIII-го вѣка. Въ этой истинѣ некого и незачѣмъ убѣждать, а между тѣмъ Трайль пишетъ нѣсколько страницъ для доказательства труизма, составляя ихъ изъ поразительно банальныхъ фразъ (стр. 12 и 13), нѣкоторыя изъ этихъ фразъ, особенно въ русскомъ переводѣ, напоминаютъ изреченія Пиѳіи по своей маловразумительности и безтолковому глубокомыслію, если такъ можно выразиться. Напр., какъ вы поймете слѣдущую тираду: «Популярность церкви, пріобрѣтенная въ борьбѣ за хартію, не была такъ значительна, чтобы вознаградить за почти такой же значительный уронъ въ общественномъ уваженіи?» Рядомъ утвержденія, требующія серьезныхъ доказательствъ, во всякомъ случаѣ отнюдь не аксіомы, въ родѣ того, будто у народовъ католическаго и протестантскаго вѣроисповѣданія развиваются «нравственныя и интеллектуальныя качества совершенно отличныя», и прогрессъ тѣхъ и другихъ націй совершается «совершенно инымъ образомъ». Выходитъ, будто баварцы столь же отличаются отъ саксонцовъ, какъ англичане отъ китайцевъ. И дальше слѣдуютъ пророчества въ буквальномъ смыслѣ слова, безъ малѣйшихъ точныхъ указаній: если бы не было протестантизма, дѣла Европы шли бы иначе... Кто же въ этомъ сомнѣвается и стоитъ ли объ этомъ твердить снова на пространствѣ сотни строкъ? (стр. 14—15).

Наряду съ младенческими истинами, головокружительное путешествіе мимо труднѣйшихъ и, смѣемъ думать, даже для англійской публики мало извѣстныхъ явленій старой Англіи: въ родѣ Трактаріанской реакціи, Весліянскаго возрожденія, эрастіанизма. Значеніе Бэкона затронуто въ десяти строкахъ и повторено снова ходячее мнѣніе объ этомъ вопросѣ. Однимъ словомъ, всюду смѣшеніе чисто школьныхъ свѣдѣній и идей, чуть не гимназическихъ и самыхъ рискованныхъ категорическихъ утвержденій.

Но самая несостоятельная глава оказывается совершенно неожиданно глава, посвященная политической исторіи средневѣковой Англіи.

Здѣсь съ особенной яркостью сказалось неудобство метода, принятаго составителемъ книги, нецѣлесообразность и произвольность рубрики и подраздѣленій. Напримѣръ, о Симонѣ Монфорѣ

и его конституціонной реформѣ говорится дважды на пространствѣ четырехъ страницъ, въ статьѣ *Царствованіе Генриха III* и въ статьѣ *Происхожденіе парламента*, и что особенно курьезно, обѣ статьи принадлежатъ одному и тому же автору. Выходитъ досадная и отчасти комическая небрежность, притомъ еще авторъ рядомъ ставитъ такія утвержденія: «парламентъ Монфора въ 1265 году былъ первою палатою общинъ», и «прежніе писатели преувеличиваютъ, считая Монфора основателемъ парламентовъ».

Намъ давно извѣстно, что Симонъ Монфоръ своего рода bête noire англійскихъ историковъ и не у нихъ слѣдуетъ искать оцѣнки дѣйствительныхъ заслугъ этого *иностранца* предъ англійской свободой. До самаго конца XVII-го вѣка англичане даже почти совсѣмъ не интересовались родоначальникомъ нижней палаты, т. е. въ сущности, конституціоннаго парламента Англіи, а если и интересовались, то третировали его «бунтовщикомъ» подчасъ даже «неблагороднымъ и низкимъ». Даже Юмъ выражается о немъ: «a bald and artful conspirator», т. е. смѣлымъ и коварнымъ заговорщикомъ. Новѣйшій историкъ англійской конституціи Стэббсъ не доходитъ до такихъ комплиментовъ, и, очевидно, мало чѣмъ имѣя упрекнуть дѣятельность Монфора, все-таки пускается въ неблагопріятныя соображенія на счетъ... возможнаго и будущаго. Монфоръ, по мнѣнію ученаго автора, непремѣнно разрушилъ бы то, что создалъ, если бы достигъ верховной власти, и счастіе Англіи, что онъ во́ время умеръ. Но Стэббсъ, по крайней мѣрѣ, признаетъ, что идея представительнаго правленія созрѣла въ Симонѣ Монфорѣ.

Трайль представилъ такія статьи, что рѣшить вопросъ въ одномъ опредѣленномъ направленіи оказывается невозможнымъ. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что статья о *Происхожденіи парламента* не даетъ ничего поучительнаго ни въ какомъ отношеніи: перечисляются факты, связываются между собой при помощи выраженій въ родѣ «въ то же время», безпрестанно повторяется *слово* «процессъ», а самого процесса совершенно не видно. Не мѣшало бы рядомъ не допускать хотя бы и мелкихъ неточностей: Монфоръ былъ правителемъ то четырнадцать мѣсяцевъ, то пятнадцать. Но самый существенный пробѣлъ для *историческаго* освѣщенія личности и дѣятельности Монфора—крайне небрежная характеристика его положенія среди современниковъ.

Монфоръ у всѣхъ современниковъ, за немногими исключеніями, вызвалъ восторженныя и даже благоговѣйныя чувства. Народъ, духовенство и бароны соединились въ прославленіи его имени, первые считали его святымъ и приписывали ему сотни чудесъ, бароны ставили рядомъ съ Ѳомой Кентерберійскимъ. Очевидно, первый созывъ представителей отъ горожанъ явился отвѣтомъ на современное политическое сознаніе Англіи. Любопытенъ, конечно, вопросъ, на сколько Монфоръ сознательно совершалъ это дѣло, но что оно стоитъ во главѣ парламентской исторіи Англіи — это внѣ сомнѣнія.

Въ книгѣ Трайля большинство фактическихъ событій изъ этой любопытнѣйшей эпохи упомянуто, но такъ, какъ это дѣлается въ

дурныхъ учебникахъ, съ точнымъ перечисленіемъ годовъ и безъ всякаго вниманія къ исторической почвѣ, вызвавшей извѣстныя событія.

Статьи объ общественной жизни и нравахъ представляютъ просто сводъ лѣтописныхъ извѣстій, наборъ цитатъ, пересыпанныхъ такого рода открытіями: «несчастіе не приходитъ одно», по поводу нѣсколькихъ стихійныхъ бѣдствій въ половинѣ XVIII-го вѣка.

Въ заключеніе, мы должны сознаться, что впервые на англійскомъ языкѣ встрѣчаемъ столь нецѣлесообразно составленную громадную книгу, предпріятіе, задуманное съ столь смутными или прямо ложными идеями и въ результатѣ столь мало полезное не только въ англійской исторической литературѣ, но даже и у насъ. Тѣмъ болѣе, что переводъ подъ редакціей П. Николаева сдѣланъ столь небрежно, какъ и содержаніе англійскаго текста. Вотъ образчикъ того и другого, въ одной и той же тирадѣ: «Несомнѣнно, было бы простымъ педантизмомъ отнестись къ столкновенію въ двѣнадцатомъ столѣтіи между церковью и короною, между гражданской и духовной властью, какъ къ простому эпизоду нашей политической исторіи, какъ къ такому эпизоду, къ которому изслѣдователь общественной науки долженъ отнестись индифферентно или, по крайней мѣрѣ, считать его находящимся внѣ области его спеціальнаго изученія». Иныя мысли подлинника до такой степени курьезны, что прямо требовали бы соотвѣтствующихъ примѣчаній. Напримѣръ, знаете ли вы, когда области *науки* и *литературы* сливаются? Ни болѣе, ни менѣе, какъ въ то самое время, когда ученый вздумаетъ сочинить романъ или стихотвореніе. Вотъ удивительная идея, удивительно переведенная:

«Демаркаціонная линія между литературой и наукой часто исчезаетъ и въ наше время, черезъ посредство вкладовъ, дѣлаемыхъ въ литературу людьми науки; иной разъ возникаетъ менѣе желательное вмѣшательство литераторовъ въ область науки».

Обѣ мысли другъ друга стоятъ по умѣстности ихъ въ ученомъ сочиненіи, и первая—своего рода перлъ авторской наивности, сдабривающей особаго рода приправой богатѣйшую и серьезнѣйшую политическую и общественную исторію.

Появленіе книги такого качества особенно удивительно въ наше время, когда особенно энергично поддерживается стремленіе въ исторической наукѣ къ культурно-философскимъ обобщеніямъ, когда и у насъ, и на Западѣ безъ конца ломаются копья ради того или другого принципа человѣческаго прогресса, идейнаго и экономическаго. И въ это время предлагается сборникъ статей самаго пестраго и случайнаго состава, и въ общемъ, и въ частностяхъ. Мы пока ограничились только томомъ, вышедшимъ на русскомъ языкѣ. Въ слѣдующій разъ постараемся дать отчетъ о послѣднемъ англійскомъ томѣ, трактующемъ о XVIII и началѣ XIX вѣка; начало и имѣющійся пока конецъ работы Трайля дадутъ намъ окончательное представленіе о громадномъ по размѣрамъ и любопытномъ по темѣ предпріятіи англійскихъ ученыхъ.

Geschichte Russlands bis zum Ende des 18 Jahrhunderts. Von A. Brückner. Band I. Ueberblick der Entwickelung bis zum Tode Peters des Grossen. Gotha. Friedrich Andreas Perthes. 1896. 8-vo. S. 2+XXII+638+2.—Ц. 6 руб. Недавно умершій А. Г. Брикнеръ (см. некрологи проф. Е. Ф. Шмурло и В. Н. Сторожева въ газетахъ «*Новое время*» и «*Русскія Вѣдомости*», ноябрь 1896 г.), бывшій профессоромъ русской исторіи въ дерптскомъ университетѣ, принадлежитъ къ числу историковъ, достаточно знакомыхъ и русской, и нѣмецкой читающей публикѣ. Брикнеръ не мало сдѣлалъ для популяризаціи русской исторіи среди той и другой публики: для первой онъ отчетливо вырисовывалъ процессъ постепенной европеизаціи русскаго государства, выясняя историческую законность и необходимость этого процесса, вторую онъ заботливо охранялъ отъ вліянія тѣхъ quasi-научныхъ нѣмецкихъ сочиненій по исторіи Россіи, которыя порой преподносились нѣмецкому читателю, представляя наше прошлое въ превратныхъ очертаніяхъ; наконецъ, обѣ имѣли въ его работахъ научно-популярное изложеніе предмета, изложеніе живое, вполнѣ доступное и основанное на тщательномъ изученіи литературы предмета. Брикнеръ интересовался, главнымъ образомъ, внѣшней стороной русскаго историческаго процесса, изучалъ его съ точки зрѣнія историковъ старой школы (онъ—ученикъ Л. Ранке, Гейссера и Дройзена) и, стоя позади очередныхъ запросовъ современной исторіографіи, съумѣлъ сохранить за своими работами интересъ и значеніе. Русскій писатель въ области отечественной исторіи обдѣленъ сочиненіями общаго характера въ учено-популярномъ изложеніи: наиболѣе читавшаяся у насъ и выдержавшая нѣсколько изданій «*Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей*» Костомарова устарѣла окончательно, не принадлежа и въ свое время къ удачнымъ работамъ покойнаго историка; мирно покоящаяся на полкахъ книжныхъ складовъ «*Исторія Россіи*» Иловайскаго не доведена даже до XVIII столѣтія, представляя, къ тому же, въ высокой степени печальную профанацію науки вообще и русской исторіи въ частности; наконецъ, изданная недавно «*Русская исторія*» проф. А. С. Трачевскаго уже по самымъ условіямъ своего появленія въ свѣтъ не представляется вполнѣ доступной для изученія. Брикнеръ своими работами въ значительной степени выполнялъ этотъ пробѣлъ въ нашей литературѣ: не упоминая о множествѣ статей его, усердно читавшихся публикой въ журналахъ, достаточно вспомнить его иллюстрированныя исторіи Петра Перваго и Екатерины Второй и юбилейную монографію о Потемкинѣ, отзывъ о которой сдѣланъ въ № 9 нашего журнала за 1892 годъ (стр. 21—25). Новая работа Брикнера «*Исторія Россіи до конца XVIII столѣтія*, разсчитанная на два тома и появившаяся въ извѣстной исторической коллекціи Гееренa и Укерта «*Geschichte der europäischen Staaten*» (послѣ Гизебрехта издается подъ редакціей Карла Лампрехта), представляетъ въ указанномъ выше смыслѣ еще большій интересъ: это—элементарное, живое и связное изложеніе всего хода русской исторіи до смерти императрицы Екатерины Второй—итоги учено-популярной дѣятельности

Брикнера, отлившіеся въ форму историческихъ очерковъ по отдѣльнымъ основнымъ, съ точки зрѣнія автора, рубрикамъ. Первый томъ итоговъ Брикнера даетъ слабый обзоръ основныхъ явленій въ развитіи русскаго государства до смерти Петра Перваго, при чемъ главное вниманіе обращено на характеристику той суммы историческихъ явленій, которая привела Россію въ общество западно-европейскихъ культурныхъ государствъ, а элементарное знакомство съ фактической исторіей Россіи предполагается имѣющимся у читателя. Авторъ располагаетъ свой матеріалъ въ слѣдующихъ пяти главахъ: 1) «Европа и Россія», 2) «Страна и народъ», 3) «Византія», 4) «Татаризація» и 5) «Россія и Европа». Если первая глава уясняетъ, какъ мало-по-малу «западный культурный міръ» открывалъ Россію, какою она ему представилась и въ чемъ замѣчена была разница между нимъ и азіатскимъ государствомъ на восточно-европейской равнинѣ, то послѣдняя занята другой стороной того же процесса взаимодѣйствія между западнымъ культурнымъ и восточнымъ варварскимъ мірами: поворотъ Московіи въ сторону запада и постепенное проникновеніе въ русскую жизнь началъ западно-европейскаго культурнаго государства. Едва ли можно найти другое сочиненіе, въ которомъ съ подобной же отчетливостью излагалась роль иноземцевъ и иноземное напластованіе въ нашей исторіи, и въ данномъ случаѣ покойный историкъ грѣшитъ не столько преувеличеніями, сколько тѣмъ, что иноземная надстройка надъ громоздкимъ зданіемъ русской исторіи занимаетъ у него черезчуръ крикливое положеніе. Характеристика поведенія московскихъ дипломатовъ заграницей сопровождается у Брикнера картиной положенія западныхъ пословъ въ Москвѣ и вынесенныхъ ими наблюденій надъ русскимъ дворомъ, высшимъ классомъ и народными нравами; авторъ не упускаетъ при этомъ изъ виду, что наблюденія ихъ не могли быть особенно глубокими, разъ съ послами обращались въ Московіи чуть-ли не какъ съ плѣнниками. Еще менѣе наблюденій могли вынести, въ свою очередь, наши дипломаты, окутанные за рѣдчайшими исключеніями непронимаемымъ туманомъ невѣжества, дурныхъ политическихъ привычекъ и тупыхъ религіозныхъ предразсудковъ. Ощупью, часто спотыкаясь и грѣша, заимствовала Москва элементы западно-европейскаго внѣшняго комфорта: идеи и начала, теоріи и методы долго оставались совершенно недоступными, начавъ осѣдать на русской почвѣ только къ серединѣ XVIII столѣтія и то въ ничтожныхъ аптекарскихъ дозахъ. Окончательный поворотъ къ Западу обусловленъ реформою Петра; подготовка этой реформы тянулась долго, и въ этой подготовкѣ Брикнера больше интересуютъ лица, нежели явленія: отсюда въ послѣдней главѣ цѣлая серія характеристикъ предшественниковъ Петра на фонѣ народныхъ массъ, остававшихся глухими и слѣпыми къ тому, что предпринято было въ интересахъ «поворота», въ ущербъ вѣковому китаизму. Среди этихъ предшественниковъ или *западниковъ*, какъ выражается Брикнеръ, названы царь Борисъ и царь Димитрій, царь Алексѣй, Ординъ-Нащокинъ, Матвѣевъ, Голицынъ и др.

Не будемъ вдаваться въ детали Брикнеровой апологіи реформы Петра, уже достаточно извѣстной изъ другихъ работъ того же автора, а ограничимся лишь любопытнымъ противопоставленіемъ первой (Европа и Россія) и послѣдней (Россія и Европа) главъ, промежутокъ между которыми въ видѣ трехъ уже названныхъ выше раздѣловъ является дѣльной, хотя и не всегда богатой реальными аксессуарами, объяснительной запиской къ тому комплексу вопросовъ, который составляетъ конечную цѣль лежащей предъ нами работы. Авторъ даетъ характеристики ролей Византіи и монголовъ въ русской исторіи, ролей церкви и государства, излагаетъ варяжскій и восточный вопросы, подводитъ итоги восточно-азіатскихъ чертъ въ московскомъ государствѣ.

О книгѣ Брикнера можно бы было написать цѣлую статью, въ ней можно найти очень много крупныхъ недочетовъ, которые стоятъ въ связи едва ли не исключительно съ недостатками старой исторической школы, ставившей на первый планъ внѣшнюю исторію и оставлявшей въ тѣни анализъ внутреннихъ процессовъ исторической жизни; въ книгѣ во многихъ случаяхъ черезчуръ бьетъ въ глаза отсутствіе у автора вкусовъ къ реальной сторонѣ исторической дѣйствительности; для древнѣйшей исторіи Руси у Брикнера не видно интереса къ документамъ подземныхъ архивовъ—археологическимъ остаткамъ, безъ которыхъ современному русскому историку нельзя двинуться съ мѣста. Но все это не мѣшаетъ признать, что *«Исторія Россіи»* Брикнера, въ смыслѣ внѣшней общей характеристики русскаго историческаго процесса и при *полномъ* отсутствіи у насъ работъ подобнаго содержанія, представляетъ большое значеніе, особенно если имѣть въ виду отчетливость изложенія и громадную начитанность автора. Мы очень упорно станемъ утверждать, что книгу Брикнера слѣдуетъ мѣстами переработать, мѣстами пополнить и видоизмѣнить и въ такой новой редакціи возможно скорѣе выпустить въ свѣтъ на русскомъ языкѣ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

В. Я. Классенъ. «Жизнь Ф. Лассаля».

В. Я. Классенъ. Жизнь Ф. Лассаля въ связи съ его научной и общественной дѣятельностью. Спб. Изд. М. Ватсонъ 1896 г. Ц. 1 р. (съ портретомъ Лассаля).

До сихъ поръ мы не имѣли еще ни одной достаточно обстоятельной біографіи Фердинанда Лассаля. Этотъ недостатокъ былъ тѣмъ болѣе чувствителенъ, что безъ знакомства съ личностью и общественной дѣятельностью этого вождя современной демократіи, многое остается намъ не вполнѣ яснымъ въ современной политической жизни нашихъ западныхъ сосѣдей, до сихъ поръ сохраняющей слѣды его вліянія. Существовавшія попытки ознакомить русскую публику съ біографіей Лассаля могли вести

лишь къ извращенію истиннаго о немъ понятія; такъ, біографія изданія Чуйко, эксплуатируя одну сторону его многообразной жизни, рисуетъ его передъ нами по преимуществу страстнымъ и пылкимъ любовникомъ и героемъ романическихъ приключеній. Каково бы ни было отношеніе къ цѣлямъ и сущности общественно-политической дѣятельности Лассаля, онъ безспорно является крупнымъ *историческимъ дѣятелемъ*, заслуживающимъ полнаго вниманія тѣхъ, кто интересуется исторіей третьей четверти нашего вѣка и современными общественными теченіями на Западѣ. Исходя изъ того положенія, что личность Лассаля принадлежитъ исторіи, которая не знаетъ страстей, В. Классенъ и берется «изобразить Лассаля такимъ, какимъ онъ былъ въ жизни со всѣми его крупными достоинствами и мелкими многочисленными недостатками».

И вотъ передъ нами съ какою-то стремительной быстротой проходитъ жизнь этого человѣка, кратковременная, но полная содержанія и блеска. Уже ребенкомъ обнаруживаетъ онъ черты натуры высоко одаренной, дѣятельной, отважной и самолюбивой въ сознаніи своей силы и способностей. Происходя изъ скромной еврейской семьи (Ф. Лассаль родился 11 апрѣля 1825 г. въ Бреславлѣ, въ восточной провинціи Пруссіи), онъ не мало долженъ былъ испытать еще мальчикомъ обидъ и оскорбленій своей гордости отъ грубыхъ воспитателей, узкихъ и ограниченныхъ рутинеровъ старой нѣмецкой школы, и эти обиды впервые могли поселить въ немъ непримиримую ненависть ко всякому притѣсненію и пламенную любовь къ свободѣ. Университетскіе годы прошли въ упорныхъ и серьезныхъ научныхъ занятіяхъ, причемъ классическая филологія, философія и исторія были любимыми предметами молодого Лассаля. Здѣсь, въ Берлинскомъ университетѣ оттачивалъ онъ оружіе своей мысли, чтобы впослѣдствіи уничтожающимъ ударомъ поражать невѣжество и тупоуміе своихъ противниковъ. Жизнь проходила шумно и разнообразно: усидчивыя занятія смѣнялись веселыми студенческими пирушками съ горячими диспутами по вопросамъ философіи и на злобы дня. 19 лѣтъ Лассаль окончилъ университетскій курсъ со степенью доктора философіи, поражая знаменитѣйшихъ профессоровъ и ученыхъ обширностью своихъ познаній, смѣлымъ полетомъ мысли и опьяняющимъ краснорѣчіемъ. Двадцати лѣтъ мы застаемъ его вполнѣ сформировавшимся, цѣльнымъ человѣкомъ, съ неисчерпаннымъ запасомъ силъ, безъ жизненнаго опыта, но съ величайшей проницательностью и врожденной практической ловкостью, еще мало извѣстнаго, но однимъ впечатлѣніемъ своей блестящей и обаятельной наружности внушавшаго представленіе мощи и скрытой энергіи. Не долго стоялъ онъ на жизненномъ распутьи. Какъ говоритъ Карлейль: «Сильный человѣкъ всегда найдетъ себѣ трудъ въ полную мѣру своей силы». Этимъ трудомъ, этимъ дѣломъ, на которомъ впервые испыталъ Лассаль свои силы, былъ процессъ графини Гацфельдъ. Возмутительнѣйшее попраніе всѣхъ человѣческихъ и материнскихъ правъ, въ которомъ жертвою являлась благороднѣйшая женщина, а палачемъ—надменный и грубый деспотъ мужъ, опиравшійся на свой титулъ и формальныя права, подняло всю энергію и страст-

ность Лассаля противъ торжествующаго насилія. О степени трудности этого дѣла можно судить по тому, что оно тянулось 9 лѣтъ одновременно въ 36 судебныхъ учрежденіяхъ безъ всякихъ адвокатовъ со стороны графини, а лишь изолированными силами одного юноши еврея, причемъ на сторонѣ послѣдняго были только его упорная энергія, ораторскій талантъ и практическая ловкость, на сторонѣ противника высокое общественное положеніе, связи, средства, всѣ средства вплоть до подкупа. И однако процессъ былъ выигранъ Лассалемъ, который самъ называлъ его «ужасной, невозможной борьбою», поглотившей цвѣтущіе годы его первой молодости, оторвавшей его отъ науки и въ значительной степени отъ общественной дѣятельности. Но за то, въ этой борьбѣ, окрѣпли его силы и опытность, выработалась та глубокая увѣренность въ себя, которая все передъ собою преклоняетъ. Въ общественномъ отношеніи побѣда Лассаля также была не безплодна: въ громкомъ процессѣ, за теченіемъ котораго слѣдила вся Германія, Лассаль вырвалъ безсильную жертву изъ рукъ грубаго милліонера и князя, нанеся тѣмъ неизгладимый ударъ самимъ устоямъ, на которыхъ зиждилось существованіе, притязанія и нравы гордаго сословія.

Уже въ эпоху 1848 года Лассаль, отрываясь отъ процесса, отдавалъ часть своихъ силъ на политическую дѣятельность, сблизившись съ главными вождями тогдашняго движенія, въ томъ числѣ К. Марксомъ, который оказалъ такое глубокое вліяніе на его научныя и политическія убѣжденія. Онъ пишетъ воззванія, сзываетъ народныя собранія, произноситъ рѣчи. Эта дѣятельность вызвала противъ него судебное преслѣдованіе, которое онъ отразилъ первою блестящею защитительной рѣчью.

Наступившіе затѣмъ годы реакціи, политическаго затишья, Лассаль проводитъ въ Берлинѣ среди друзей и книгъ, равно умѣя широко наслаждаться обществомъ, жизнью, всѣми ея наслажденіями, какъ и прелестью упорнаго научнаго труда.

Къ этому времени относится появленіе его солиднѣйшихъ работъ по философіи и праву: обширнаго философскаго изслѣдованія о Гераклитѣ Темномъ и остроумнаго и оригинальнаго юридическаго труда: «Система пріобрѣтенныхъ правъ», не говоря уже о результатѣ его отвлеченія въ область драматическаго творчества, любопытной трагедіи «Францъ фонъ-Зикингенъ». Въ краткомъ разборѣ этихъ произведеній Классенъ подчеркиваетъ весьма важную сторону въ міровоззрѣніи Лассаля, преобладаніе въ немъ идеологической складки ума, юриста и спекулятивнаго философа подъ экономистомъ и реальнымъ мыслителемъ. Но въ своей общественной дѣятельности Лассаль въ цѣломъ рядѣ брошюръ, вышедшихъ въ концѣ этого періода, раскрываетъ въ себѣ трезваго политика о реалиста. Въ особенности таковымъ является онъ въ рѣчи, впослѣдствіи изданной, «О сущности конституціи», въ которой онъ категорически утверждаетъ, что «конституціонные вопросы есть прежде всего вопросы силы, а не права». Политическая организація страны, ея дѣйствительная конституція, представляетъ собою выраженіе реальныхъ фактическихъ отношеній силы различныхъ слоевъ ея населенія.

Лассаля, какъ человѣка «настоящей минуты», не удовлетворялъ своею медлительностью тотъ ходъ событій, который совершался передъ его глазами и при его участіи. Онъ сгоралъ въ громадномъ трудѣ, поднятомъ на свои плечи. «Отъ марта 1862 г. по іюнь 1864 г.,—говоритъ Брандесъ, — онъ написалъ не менѣе 20 сочиненій, произносилъ одну рѣчь за другою, устраивалъ одну за другою конференціи съ рабочими депутаціями, освободился отъ цѣлой дюжины политическихъ процессовъ, основалъ «Общегерманскій рабочій союзъ» и управлялъ всѣми дѣлами его. Казалось, какъ будто предчувствіе близкой предстоявшей смерти увеличивало его силы за предѣлы человѣческихъ способностей».

А смерть эта пришла такъ неожиданно, отъ одной изъ тѣхъ случайностей, которыя, являясь вполнѣ естественными, при данномъ сплетеніи обстоятельствъ, всегда поражаютъ своимъ вторженіемъ въ область явленій болѣе высшаго и общаго характера. Любовь къ дочери баварскаго дипломата Еленѣ Деннигесъ, дѣвушки рѣдкой красоты, но, въ сущности, лживой и ничтожной, благодаря въ значительной степени сопротивленію ея родителей, обратившаяся для Лассаля во всепоглощающую страсть, въ вопросъ чести и жизни, привела его къ дуэли съ женихомъ Елены, Янко Раковицъ. Тутъ личный конфликтъ, по выраженію Классена, поднялся на высоту общественной трагедіи. Лассаль палъ отъ пули своего противника и 31 августа 1864 г. великаго борца не стало. Въ одномъ изъ своихъ предсмертныхъ писемъ онъ самъ писалъ слѣдующее: «Я бѣгло пересмотрѣлъ мою жизнь. Она была велика, честна, смѣла, достаточно доблестна и блестяща. Будущее воздастъ мнѣ должное». Кто будетъ оспаривать этотъ приговоръ. Но не только будущее, уже современники поняли всю величину потери: смерть Лассаля была встрѣчена глубокою скорбью большинства націи. На могилѣ его въ Бреславлѣ, на камнѣ семейнаго склепа, виднѣется надпись, составленная его другомъ, академикомъ Бёкомъ: «Здѣсь покоится то, что было смертнаго въ мыслителѣ и борцѣ Лассалѣ».

Наше бѣглое изложеніе біографіи Ф. Лассаля не должно отвлекать читателей отъ желанія познакомиться съ обстоятельнымъ, заслуживающимъ полнаго вниманія очеркомъ В. Я. Классена. Оно имѣло въ виду хотя бы отчасти оживить въ представленіи читателей образъ этого замѣчательнаго дѣятеля и человѣка, возстановивъ главныя очертанія его содержательной и блестящей жизни, и тѣмъ побудить ихъ искать возможно болѣе глубокаго съ нею знакомства.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

А. Эспинасъ. «Исторія политико-экономическихъ доктринъ».

А. Эспинасъ. Исторія политико-экономическихъ доктринъ. Юридическая библіотека, изд. Я. Канторовичемъ, № 12. Спб. 1896. Ц. 80 коп.

Переводчикъ рекомендуетъ книгу, какъ «популярный очеркъ исторіи экономическихъ ученій». «Авторъ,—говоритъ онъ,—не

вдаваясь въ подробности, интересныя лишь для спеціалистовъ, и не задаваясь задачей дать догматическое изложеніе экономическихъ понятій, имѣетъ цѣлью прослѣдить въ краткихъ чертахъ постепенное развитіе экономической мысли, начиная съ той эпохи, когда подъ экономіей разумѣлось простое домоводство, и доходя до современныхъ ученій» (стр. I). Къ сожалѣнію, автору не вполнѣ удалось совладать съ своею задачей: задавшись цѣлью прослѣдить развитіе экономическихъ доктринъ, начиная отъ ихъ первыхъ зачатковъ, онъ посвящаетъ все свое вниманіе именно этимъ *зачаткамъ*, и при небольшомъ общемъ объемѣ книжки у него почти не остается мѣста для исторіи собственно-экономической *науки*. Въ русскомъ переводѣ книга занимаетъ 216 страницъ, изъ которыхъ на долю до-смитовской политической экономіи удѣляется 160, всей современной политической экономіи —всего 56 страницъ. Не удивительно, при такихъ условіяхъ, что эта послѣдняя часть книги, которая, конечно, должна была бы имѣть основное значеніе, у Эспинаса представляется болѣе, нежели не полной; Рикардо онъ находитъ возвожнымъ посвятить всего одну страничку; о Сисмонди говорится лишь, что онъ «поднялъ тревогу» по поводу пессимистическихъ воззрѣній Рикардо; о такихъ экономистахъ, какъ Кэри, Родбертусъ, Марксъ и проч. Эспинасъ даже не упоминаетъ. При этомъ, и то немногое, что Эспинасъ говоритъ о новѣйшей политической экономіи, далеко не всегда можетъ быть признано вѣрнымъ; такъ, Милль у него «остается чистымъ послѣдователемъ ортодоксальной школы», хотя на той же страницѣ говорится, что Милль «не можетъ примириться съ «естественною необходимостью» тяжелаго положенія рабочихъ классовъ»; Смиту приписывается «строгое различеніе теоріи отъ практики», отъ котораго якобы отступаетъ Рикардо; точка зрѣнія Фридриха Листа, по мнѣнію Эспинаса, не далеко ушла отъ школы «катедеръ-соціалистовъ» (о взглядахъ которыхъ мы такъ ничего больше и не узнаемъ); Мальтусу приписывается утвержденіе, что населеніе *растетъ* въ геометрической прогрессіи, тогда какъ Мальтусъ говоритъ только о *тенденціи* къ такому росту, и т. д.

Ясно, въ виду сказаннаго, что мы не можемъ рекомендовать книжки Эспинаса въ качествѣ пособія для первоначальнаго ознакомленія съ исторіей экономическихъ ученій. Тѣмъ не менѣе, мы не считаемъ этой книжки совершенно безполезною, и думаемъ, что она съ успѣхомъ можетъ служить для ознакомленія съ тѣми зачатками экономическихъ доктринъ, которымъ авторъ удѣляетъ сравнительно много мѣста и вниманія; главы объ ученіяхъ средневѣковыхъ канонистовъ, о меркантилизмѣ, физіократахъ многими прочтутся съ интересомъ,—хотя и здѣсь нельзя не отмѣтить существенной неполноты: авторъ касается только французскихъ и англійскихъ, отчасти—итальянскихъ экономистовъ, и даже не упоминаетъ о нѣмецкихъ писателяхъ, не мало способствовавшихъ развитію, напр., меркантильныхъ ученій.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Б. Ю. Кольбе, «Введеніе въ ученіе объ электричествѣ».—*К. Келлеръ*, «Жизнь въ морѣ».—«Программы и наставленія для собиранія коллекцій».

Б. Ю. Кольбе, преподаватель физики въ училищѣ св. Анны въ С.-Петербургѣ. Введеніе въ ученіе объ электричествѣ въ 2 выпускахъ, съ 150 рис. С.-Петербургъ. 1893—1896. Изд. Риккера. Цѣна за оба выпуска 2 р. 60 к. Внимательно изучивши названный трудъ г. Кольбе и провѣривъ значительную часть приводимыхъ имъ опытовъ, должно сказать, что разбираемая книга представляетъ украшеніе не только нашей, но вообще европейской литературы по физикѣ. И если бы намъ пришлось искать сравненій, мы могли бы указать лишь на одного автора, сочиненія котораго даютъ въ такой изящной формѣ такъ много строго научнаго матеріала, какъ книга г. Кольбе—это на Тиндаля и его лекціи о теплотѣ и звукѣ. Разница между двумя сравниваемыми авторами та, что лекціи покойнаго знаменитаго англійскаго физика представляются болѣе блестяще изложенными, болѣе, такъ сказать, запечатлѣвающимися въ умѣ слушателей, между тѣмъ, какъ чтенія г. Кольбе, не обладая этими качествами въ столь рѣзко выраженной формѣ, имѣютъ другое, не менѣе цѣнное качество—*обстоятельность*, доведенную до наивысшей степени.

Молодымъ начинающимъ ученымъ слѣдуетъ изучить книги г. Кольбе, какъ классическій образецъ того, *какъ нужно изслѣдовать и изучать явленія*.

Когда читаешь классиковъ естествознанія, напр., сочиненія Соссюра, Гей-Люссака, Фарэдея, Бунзена, и сравниваешь ихъ съ массою современныхъ естествоиспытателей, замѣчаешь одну существенную разницу: первые, взявшись за какой-либо вопросъ, доводили его изученіе до конца возможнаго въ то время—ни одна мелочь не оставалась безъ разбора. У современныхъ естествоиспытателей часто замѣчается совсѣмъ иное отношеніе: вопросъ затрагивается съ какой-либо одной стороны и нерѣдко разрѣшается съ большею поспѣшностью въ ущербъ обстоятельности. Г. Кольбе представляетъ блестящій примѣръ того, что и современный изслѣдователь можетъ изучать вопросъ очень сложный со всѣхъ его сторонъ, не упустивъ изъ виду ни одной мелочи, ни одной подробности и въ этомъ отношеніи почтенный авторъ является по духу однимъ изъ лучшихъ физиковъ школы Фарэдея.

Пусть не думаетъ читатель, что г. Кольбе является обыкновеннымъ популяризаторомъ чужихъ мыслей,—популяризаторомъ, который не внесъ ничего своего, ничего новаго. Почти вся книга почтеннаго автора нова и является плодомъ долголѣтней упорной работы. Чуть не всѣ приборы, которыми пользуется г. Кольбе для опытовъ, или изобрѣтены имъ, или представляютъ крайне остроумныя усовершенствованія приборовъ, изобрѣтенныхъ другими изслѣдователями. Всѣ эти приборы обдуманы до мельчайшихъ подробностей, причемъ г. Кольбе все время имѣлъ въ виду вопросъ о ихъ стоимости. Въ результатѣ получилось то, что, пользуясь приборами г. Кольбе, мы имѣемъ возможность затратить на электрическій отдѣлъ фи-

*

зическаго кобинета сумму, разъ въ 10 меньшую, чѣмъ обыкновенно приходится затрачивать (конечно для такого же обстоятельнаго изученія).

Громадная, можно сказать, неизмѣримая заслуга г. Кольбе заключается въ томъ, что онъ въ своемъ сочиненіи держится чисто экспериментальнаго метода и избѣгаетъ математики — не только высшей, но и низшей; и въ этомъ отношеніи опять же напоминаетъ тотъ пріемъ изученія, который такъ блистательно проводилъ Фарэдей.

Быть можетъ, такъ-называемые «настоящіе ученые», не усмотрѣвши въ книгѣ г. Кольбе страшныхъ математическихъ формулъ съ двойными и тройными интегралами, отложатъ ее въ сторону, какъ нѣчто для нихъ слишкомъ ничтожное и элементарное. Но они горько ошибутся. Все современное ученіе о статическомъ и динамическомъ электричествѣ или, по крайней мѣрѣ, вся главнѣйшая часть этого ученія *весьма подробно изложена* въ трудѣ почтеннаго автора и, притомъ, изложена въ той формѣ, которую нѣмцы называютъ терминомъ «gediegen», т. е. самой чистой, безъ всякихъ ненужныхъ примѣсей и прибавокъ. Число опытовъ только достаточное и необходимое. Фокусовъ г. Кольбе не показываетъ. Никакія электрическія игрушки, вродѣ электрическихъ куколъ, града и проч., въ серьезной книгѣ г. Кольбе не нашли себѣ мѣста — только то, что приводитъ къ пониманію свойствъ электрической энергіи и къ измѣренію ихъ, только то и предложено читателю.

Конечно, читать книгу г. Кольбе, не повторяя приводимыхъ имъ опытовъ, не легко; да и едва ли подобное чтеніе для человѣка, не знакомаго съ электричествомъ, принесетъ пользу; но зато, кто продѣлаетъ съ книгою въ рукахъ всѣ или большую часть опытовъ Кольбе, тотъ будетъ имѣть право сказать, что безъ всякой высшей математики прошелъ экспериментальный университетскій курсъ электричества.

По поводу отсутствія математическихъ сложныхъ формулъ въ трудѣ разбираемаго автора позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ.

Въ послѣднее время очень часто самыя простыя физическія явленія, могущія быть изслѣдуемыми при помощи обыкновенныхъ ариѳметическихъ или, въ крайнемъ случаѣ, алгебраическихъ вычисленій, въ изобиліи уснащаются формулами, требующими спеціальнаго знакомства съ высшей математикой. Высшая математика, конечно, великое орудіе, но оно, какъ и всякое другое, требуетъ умѣлаго обращенія. Смѣшно поднимать маленькій камень помощью паровой подъемной машины, если его можно поднять рукою. А между тѣмъ, во многихъ случаяхъ погоня за высшей математикою тамъ, гдѣ и безъ нея можно обойтись, обусловливается желаніемъ авторовъ придать своему изслѣдованію болѣе *важный видъ*, желаніемъ поразить читателя ученостью и, кстати, сдѣлать для него недоступнымъ то, что, по существу, вполнѣ должно быть доступнымъ. Такая математика представляетъ только «ученую обстановку» и должна бы вызывать рѣзкій протестъ со стороны тѣхъ, для кого дорого распространеніе знаній въ массѣ.

Г. Кольбе не увлекся этой «обстановочной» математикою и это дѣлаетъ ему честь.

Намъ остается въ заключеніе пожелать, чтобы почтенный авторъ «Введенія въ ученіе объ электричествѣ» перенесъ теперь свои труды на другіе отдѣлы физики и обработалъ ихъ съ такой же тщательностью. Мы увѣрены, что разсматриваемый нами трудъ въ скоромъ времени и будетъ повсемѣстно признанъ классическимъ, и получитъ самую широкую извѣстность вездѣ, гдѣ только физика изучается.

К. Келлеръ. Жизнь въ морѣ. Переводъ Вл. Шацкаго, подъ редакціею доктора зоологіи А. М. Никольскаго, приватъ-доцента Имп. спб. университета. Прилож. къ журналу «Природа и люди». Спб. 1896 г. Часть 1-ая. 208 стр. Ц. 50 к., часть 2-ая 184 стр. Ц. 50 к.

Прошло 20 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ англійское судно «Челленджэръ» закончило свои продолжительныя изслѣдованія большихъ глубинъ океана. Эти изслѣдованія, изложенныя различными спеціалистами въ 32 томахъ in quarto, составляютъ начало новой эпохи въ исторіи изученія моря. «Челленжэръ» открылъ, можно сказать, новый живописный міръ, о которомъ раньше ученые не имѣли почти никакого представленія; это—живописный міръ большихъ недоступныхъ для свѣта глубинъ моря. Съ того времени различныя государства предпринимали цѣлый рядъ подобныхъ же изслѣдованій, которыя значительно дополнили результаты, добытые англійской экспедиціей. Появилось не мало сочиненій, въ которыхъ популярно изложены всѣ главнѣйшія данныя по біологіи моря, включая сюда и свѣдѣнія, полученныя въ новѣйшее время. Среди такихъ сочиненій наиболѣе видное мѣсто занимаетъ книга Келлера «Жизнь моря» (Keller. «Das Leben des Meeres»). Нельзя не порадоваться тому, что въ русскомъ переводѣ эта книга появляется сразу въ двухъ изданіяхъ, одно изъ нихъ, полное и роскошное, принадлежитъ Девріену, другое, значительно сокращенное и дешевое, является приложеніемъ къ журналу «Природа и люди». Въ этомъ послѣднемъ изданіи помѣщенъ переводъ только первой, наиболѣе интересной половины сочиненія Келлера съ нѣкоторыми только добавленіями изъ второй, а именно слѣдующіе отдѣлы: исторія изслѣдованій моря, физическая географія его, условія существованія морскихъ животныхъ, отношеніе ихъ другъ къ другу (сожительство и паразитизмъ), окраска животныхъ, свѣченіе моря, переселенія, описаніе фаунъ открытаго моря, прибрежья и большихъ глубинъ, морская фауна въ прѣсныхъ водахъ, геологическая роль морскихъ животныхъ и корраловые рифы. Описаніе морскихъ животныхъ и растеній въ систематическомъ порядкѣ, въ виду того, что для пониманія такого описанія требуется нѣкоторая научная подготовка, оставлено въ разсматриваемомъ изданіи безъ перевода. Въ главѣ «Исторія изслѣдованій моря» редакторъ перевода прибавилъ перечень зоологическихъ изслѣдованій, произведенныхъ русскими учеными какъ въ русскихъ моряхъ, такъ и заграницей; имъ же написано и предисловіе къ переводу.

Внѣшность изданія, если принять въ разсчетъ его дешевизну, вполнѣ удовлетворительна. Жаль только, что число рисунковъ слишкомъ незначительно.

Программы и наставленія для наблюденій и собиранія коллекцій по геологіи, почвовѣдѣнію, зоологіи, ботаникѣ, сельскому хозяйству, метеорологіи и гидрологіи. Составлены особой коммиссіей по порученію Императорскаго Общества естествоиспытателей при Императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ. 4-е значительно расширенное и дополненное изданіе съ 18 ю таблицами и 30 рисунками въ текстѣ. Изд. Общ. Естеств. Спб. 1896. 566 стр. Ц. 2 руб. въ переплетѣ.

Появленіе въ свѣтъ такого строго-научнаго сочиненія, каковы разсматриваемыя «Програмы», 4-мъ изданіемъ въ теченіе 10 лѣтъ, свидѣтельствуетъ, во-первыхъ, о большой потребности среди нашей читающей публики въ подобнаго рода руководствахъ, и во-вторыхъ, о значительномъ успѣхѣ предпріятія, задуманнаго С.-Петербургскимъ обществомъ естествоиспытателей. Издавая свои «Програмы», общество, главнымъ образомъ, имѣло въ виду облегчить задачу устройства земскихъ естественно-историческихъ музеевъ и дать всѣмъ вообще любителямъ естествознанія указанія о томъ, какъ собирать коллекціи, и на что обращать вниманіе при изслѣдованіи той или другой мѣстности въ сельско-хозяйственномъ и естественно-историческомъ отношеніяхъ. Въ составленіи 4-го изданія принимали участіе 23 спеціалиста, среди которыхъ мы встрѣчаемъ не мало ученыхъ, пользующихся большой извѣстностью въ научномъ мірѣ. Разсматриваемое изданіе сравнительно съ 3-мъ расширено на 15 печатныхъ листовъ; столь значительное увеличеніе объема книги зависитъ главнымъ образомъ отъ прибавленія совершенно новыхъ статей: 1) Устройство террарiумовъ и акваріумовъ. 2) Задачи и програма наблюденій надъ вредными въ хозяйственномъ отношеніи насѣкомыми. 3) Инструкція для собиранія и консервированія образцовъ поврежденій растеній животными. 4) Програма для изученія жизни обитающихъ въ почвѣ животныхъ. Кромѣ того, всѣ остальные отдѣлы или расширены и дополнены или составлены заново. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ, напр., наставленія къ собиранію насѣкомыхъ и гадовъ. Было бы излишнимъ указывать достоинства разсматриваемой книги, такъ какъ это было уже сдѣлано критикой въ свое время, при выходѣ въ свѣтъ прежнихъ изданій.

Мы считаемъ необходимымъ только обратить вниманіе составителей «Програмъ» на нѣкоторую неравномѣрность въ полнотѣ изложенія различныхъ отвѣтовъ. Такъ, наставленіе къ собиранію насѣкомыхъ и къ наблюденію надъ ихъ жизнью составлено на столько подробно, что можетъ удовлетворить даже спеціалиста энтомолога; въ перечнѣ энтомологическихъ сочиненій, кромѣ книгъ по общей энтомологіи и опредѣлителей, приведены 72 статьи, содержащія списки русскихъ насѣкомыхъ; между тѣмъ отдѣлы птицъ, млекопитающихъ, гадовъ и рыбъ составлены значительно болѣе элементарно, а въ перечнѣ сочиненій, касающихся перечисленныхъ животныхъ, совсѣмъ не упоминаются статьи, содержащія ихъ списки.

Внѣшность послѣдняго изданія не оставляетъ желать ничего лучшаго. Рисунки хотя и не блестящи, но вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Ф. Девель. «Разсказы о Восточной Сибири».—Изданія Вольно-Экономическаго общества для народнаго чтенія.

«Разсказы о Восточной Сибири», т. е. о губерніяхъ Енисейской и Иркутской, объ области Приморской и объ округахъ Якутскомъ и Забайкальскомъ. Составилъ Ф. Девель. Съ рисунками и картой Сибири. № 233. Москва. 1896. Книга г. Девеля, какъ видно уже по заглавію, представляетъ собою pendant къ книжкѣ неизвѣстнаго автора «Разсказы о Западной Сибири», отзывъ о которой былъ помѣщенъ въ іюньской книжкѣ «Міра Божія» за 1895 г. Появленіе той и другой книжки какъ нельзя болѣе своевременно: переселенческое движеніе въ Сибирь принимаетъ небывалые размѣры, и потокъ переселенія, заливавшій до послѣдняго времени только Тобольскую и особенно Томскую губерніи, въ настоящее время хлынулъ уже и въ Восточную Сибирь. Понятно, поэтому, какъ важно возможно большее распространеніе среди населенія правильныхъ свѣдѣній о Сибири и другихъ переселенческихъ эльдорадо,—свѣдѣній, которыя помогли бы крестьянину и сознательнѣе отнестись къ вопросу—переселяться или нѣтъ, и, предпринявъ переселеніе, цѣлесообразно выбрать себѣ мѣсто для водворенія и разумно устроиться «на новомъ мѣстѣ».

«Разсказы о Западной Сибири» во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяли этой насущной потребности. Къ сожалѣнію, о книжкѣ г. Девеля нельзя сказать того же. Авторъ задался слишкомъ трудною задачей на 126 страницахъ описать такой огромный и притомъ до крайности пестрый, по естестенным и хозяйственнымъ условіямъ районъ, какимъ является Восточная Сибирь,—районъ, описанію котораго слѣдовало бы посвятить либо цѣлую серію отдѣльныхъ книжекъ, приблизительно, такого же размѣра, либо—цѣлый томъ, по объему совершенно выходящій изъ установившихся для народныхъ изданій размѣровъ. На протяженіи 126 страницъ онъ даетъ прежде всего очеркъ, замѣтимъ здѣсь же, довольно живо и интересно написанный, тундровой полосы и населеннаго бродячими инородцами лѣсного края Восточной Сибири, вмѣстѣ съ очеркомъ быта инородческаго населенія; затѣмъ описываетъ «хлѣбородную полосу» Восточной Сибири и даетъ характеристику крестьянскаго быта вообще и хозяйства въ частности; далѣе слѣдуетъ любопытный очеркъ сибирской ссылки и каторги, за нимъ—довольно большая статья о Камчаткѣ и сѣверѣ Приморской области и, наконецъ, заключительная глава о забайкальскихъ бурятахъ и кяхтинской чайной торговлѣ. При такомъ широкомъ планѣ г. Девелю удается удѣлить «хлѣбородной полосѣ», которая представляла бы, конечно, для крестьянина-читателя наибольшій интересъ, всего 35 страницъ, которыхъ крайне недостаточно для обстоятельной характеристики этой полосы, ея населенія, естественныхъ и хозяйственныхъ условій.

Независимо отъ чрезмѣрной краткости этого отдѣла, по нашему мнѣнію, имѣющаго основное значеніе, книжка г. Девеля стра-

даетъ и существенными неточностями. Послѣднія начинаются уже съ самаго заглавія книжки, гдѣ въ числѣ мѣстностей, входящихъ въ составъ Восточной Сибири, не названа Амурская область (о ней г. Девель, почему-то, вообще, не говоритъ), и названы округа Якутскій и Забайкальскій, тогда какъ эти названія принадлежатъ цѣлымъ *областямъ*, состоящимъ каждая изъ нѣсколькихъ округовъ.

Г. Девель, къ сожалѣнію, не слѣдуетъ хорошему примѣру автора «Разсказовъ о Западной Сибири» и не называетъ тѣхъ источниковъ, на основаніи которыхъ составлена его книжка. Но есть основаніе думать, что, составляя главы, посвященныя Иркутской и Енисейской губерніямъ, онъ не воспользовался такими источниками, которые одни только могли дать ему правильное понятіе объ агрономическихъ и экономическихъ условіяхъ, въ какихъ живетъ крестьянство этихъ губерній, и наоборотъ—пользовался такими источниками, которыми ему, можетъ быть, было бы лучше не пользоваться. Такъ, большую часть своихъ свѣдѣній по Енисейской губерніи авторъ, несомнѣнно, извлекъ изъ жалкой компиляціи г. Н. В. Латкина, и въ то же время, повидимому, онъ совершенно не знакомъ съ капитальными «Матеріалами для изслѣдованія землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губ.». Если бы онъ познакомился съ 4 вып. II тома и съ 4 вып. IV тома этихъ «Матеріаловъ», онъ не могъ бы ограничиться тою суммарною характеристикой мѣстной системы полеводства, какую онъ даетъ на стр. 59, и не могъ бы сказать на стр. 62, что «новина послѣ трехгодичной обработки поступаетъ уже въ залежь». Онъ зналъ бы, что лучшія пашни въ Иркутской губерніи пашутся до 60 лѣтъ, а мѣстами и никогда не поступаютъ въ залежь, а въ Енисейской даже низшіе сроки эксплоатаціи новинъ не опускаются ниже 6—7 лѣтъ, средняя же продолжительность ихъ эксплоатаціи колеблется, смотря по почвѣ, отъ 14 до 34 лѣтъ. Онъ не могъ бы категорически заявлять, что «пашни не удобряются» (стр. 59); узнавъ изъ указаннаго источника, что въ Иркутской губерніи «уже создались цѣлые районы, въ которыхъ унаваживаніе полей стало почти непремѣннымъ факторомъ сельско-хозяйственнаго производства». Онъ не говорилъ бы и о какихъ-то «тяжкихъ» сохахъ (стр. 61), потому что одноконныя сохи (да и то не «тяжкія») въ настоящее время повсемѣстно замѣнены пароконною колесухой, какъ называютъ упомянутыя изслѣдованія. Мы указали лишь нѣсколько болѣе крупныхъ ошибокъ, въ которыя впалъ г. Девель, благодаря неудачному выбору источниковъ. Если, поэтому, книжка его доживетъ до второго изданія—чего она заслуживаетъ и по интересу предмета, и по живости изложенія,—то мы совѣтовали бы ему кореннымъ образомъ переработать 4, 5 и 6 главы, кромѣ того, совершенно исключить главу 7-ю «о сибирскомъ крестьянствѣ». Въ ней г. Девель самыми мрачными красками обрисовываетъ сибирскаго крестьянина: послѣдній и лѣнивъ, и не добродушенъ, и чужая бѣда его мало трогаетъ; если онъ богатъ,—богатство его происходитъ изъ темныхъ источниковъ, въ родѣ поддѣлки кредитныхъ билетовъ или пресловутой «охоты за горбачами»; ха-

рактерною чертою сибиряковъ представляются г. Девелю безчеловѣчныя расправы съ конокрадами (какъ будто такія расправы не практикуются вездѣ, гдѣ есть мужики и есть конокрады!). Конечно, все это бывало, бываетъ и теперь, и факты для этой главы г. Девель почерпаетъ какъ разъ изъ хорошаго источника, именно изъ сибирскихъ очерковъ покойнаго Астырева; но едва ли г. Девель располагаетъ достаточнымъ запасомъ данныхъ, чтобы на основаніи этихъ фактовъ опорочивать цѣлое «сибирское крестьянство», и менѣе всего умѣстно такое опорочиваніе въ народной книжкѣ, да еще въ изданіи «Посредника».

Изданія Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества для народнаго чтенія. Со времени реорганизаціи Петербургскаго Комитета грамотности заботы объ изданіи народныхъ книгъ, подготовленныхъ къ печати этимъ учрежденіемъ, перешли къ Императорскому Вольному Экономическому Обществу, при которомъ и состоялъ Комитетъ. Нужно отдать полную справедливость Обществу, оно продолжаетъ это дѣло съ честью и съ такимъ же успѣхомъ, какъ и находившійся подъ его покровительствомъ Комитетъ грамотности. Въ теченіе послѣдняго времени вышло много хорошихъ вещей вторымъ, третьимъ и даже четвертымъ изданіемъ, и кромѣ того издано вновь нѣсколько произведеній: К. М. Станюковича (Нянька), А. А. Потѣхина (Около денегъ), Э. де-Амичиса (Учительница, Мать), А. Коста (Дочь миссіонера), Жоржъ-Зандъ (Великанъ Іеусъ, Крылья мужества, Чародѣйка), Гюго (Послѣдній день приговореннаго къ смерти), Вудсъ (Деревенская драма), Золя (Какъ умираютъ, Наводненіе), Доде (Послѣдній урокъ, Партія на билліардѣ, На паромѣ), Уйда (Маленькій графъ), Верга (Маленькій разсказъ, Клейменый рыжій); Бьернстьерне-Бьернсона (Свадебный маршъ, Два дѣятеля), Іонасы Ли (Отверженникъ) и Твэна (Принцъ и нищій). Судя по только что перечисленнымъ именамъ и названіямъ, нужно предположить, что издатели за послѣднее время пришли къ мысли знакомить народъ и съ лучшими произведеніями иностранной литературы. Мысль вполнѣ вѣрная, хотя изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что все лучшее, что есть въ русской литературѣ, уже исчерпано для народныхъ изданій,—нѣтъ, матеріала еще и здѣсь слишкомъ достаточно. Но на ряду съ родной поэзіей ознакомленіе народа съ избранными твореніями иностранной литературы имѣетъ громадное значеніе, какъ средство общеобразовательное. Помимо своей прямой литературной цѣнности, всякое такое твореніе обогащаетъ умъ читателя множествомъ бытовыхъ, географическихъ и другихъ свѣдѣній, и притомъ въ такой формѣ, которая даетъ возможность легко ихъ усваивать и запоминать. Въ послѣдней серіи изданій Вольнаго Экономическаго Общества стоятъ лучшія имена западной литературы, и у этихъ авторовъ взяты небольшія, но блестящія вещицы. Мы не будемъ передавать содержанія каждаго разсказа, потому что это заняло бы много мѣста, да и было бы излишне, такъ какъ кому же не извѣстны нѣжныя сказки и повѣсти Жоржъ-Зандъ, яркіе разсказы Доде и Золя, Бьернсона и Верга. Если же нѣкоторые изъ перечисленныхъ раз-

сказовъ мало извѣстны или забыты, то мы совѣтуемъ ихъ прочесть, чтобы убѣдиться, что выборъ издателями сдѣланъ вполнѣ правильный. Хотя, впрочемъ, нужно замѣтить, что почти всѣ эти произведенія годятся только для взрослаго и притомъ для нѣсколько развитого читателя. Со стороны внѣшности всѣ изданія Комитета не оставляютъ желать ничего лучшаго по цѣнѣ, не мѣшало бы только обозначить на обложкѣ, для какого возраста предназначается та или иная книжка. Послѣднее необходимо, главнымъ образомъ, потому, что въ публикѣ существуетъ заблужденіе, будто всякая книжка, изданная для народа, годится и для дѣтей; книготорговцы же не хотятъ, да въ большинствѣ случаевъ и не могутъ разсѣять это заблужденіе, такъ какъ часто сами очень мало понимаютъ толкъ въ книжкѣ. Въ заключеніе, нельзя не пожелать Вольному Экономическому Обществу на поприщѣ издательства тѣхъ же успѣховъ, какихъ достигъ Комитетъ грамотности, такъ широко развившій, за послѣднее время своего существованія, важное дѣло распространенія въ народѣ хорошихъ книгъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Islam» (impressions et études) par le comte Henry de Castries (Armand Collin). (Исламъ; впечатлѣнія и изслѣдованія). Благодаря превосходному знанію арабскаго языка и десятилѣтнему пребыванію въ Африкѣ, авторъ хорошо подготовленъ къ изученію ислама, которымъ занялся съ цѣлью разрѣшить недоразумѣнія и противорѣчія во взглядахъ на доктрину Магомета. Авторъ старается разъяснить личность пророка, побѣдить сложившіяся предубѣжденія противъ него и его ученія и указать на причины распространенія ислама и его огромнаго вліянія. Книга чрезвычайно интересна и заключаетъ много крайне любопытныхъ историческихъ документовъ. (Journal des Débats).

«Etude critique du matérialisme et du spiritualisme par la physique experimentale» par Raoul Pictet Felix Alcan. (Опытъ критики матеріализма и спиритуализма). Авторъ—ученый профессоръ и промышленникъ, инженеръ и философъ, слѣдовательно, его сочиненіе ни въ какомъ случаѣ не можетъ грѣшить односторонностью. Въ отдѣльныхъ главахъ авторъ говоритъ о теоріи чистаго матеріализма, о происхожденіи экспериментальной физики, о синтезѣ силъ природы, объ отношеніяхъ между астрономіей, физикой и химіей и т. д. Очень интересны главы, трактующія о механизмѣ свободы, коллективной свободѣ и синтезѣ свободнаго человѣка. Несмотря на обширность тэмы, затронутой авторомъ, книгу все-таки нельзя назвать поверхностной и въ ней заключается много новыхъ оригинальныхъ и глубокихъ мыслей, вполнѣ заслуживающихъ вниманія. (Journal des Débats).

«La Démocratie sociale en Allemagne» par Bertrand Russell (Longmans Green and C°). London. (Соціаль-демократія въ Германіи). Сборникъ лекцій, прочитанныхъ авторомъ въ школѣ экономическихъ и политическихъ наукъ въ Лондонѣ, книга представляетъ прекрасное историческое изслѣдованіе. Въ приложеніи авторъ говоритъ подробно о женскомъ движеніи въ Германіи и его особенностяхъ. (Journal des Débats).

«Eliza Pinkney» by Harriott Harry Ravenel. London. (John Murray). (Елиза Пинкней). Книга входитъ въ составъ серіи, носящей названіе: «Женщины временъ революціи въ Америкѣ». Имя героини, о которой идетъ рѣчь въ этой книгѣ, вѣроятно, никому неизвѣстно изъ европейскихъ читателей, но, тѣмъ не менѣе, біографія ея представляетъ большой интересъ, какъ вслѣдствіе самой личности героини, такъ и вслѣдствіе того, что она касается одного изъ важнѣйшихъ періодовъ американской исторіи. (Daily News).

«The Indian Village Community». By B. H. Badew Powell (Longmans Green and C°). London. (Деревенская община въ Индіи). Очень основательное изслѣдованіе общиннаго землевладѣнія въ Индіи съ точки зрѣнія этнографической и исторической. Авторъ говоритъ, что настоящее общинное землевладѣніе Индіи, если только оно не является результатомъ добровольнаго соглашенія, ассоціаціи, встрѣчается какъ установленная форма лишь у племенъ, населяющихъ сѣверную или верхнюю Индію. Первоначальная форма такого землевладѣнія сохранилась въ очень немногихъ мѣстахъ въ остальной Индіи и вездѣ на ней отразились новыя условія. Въ настоящее время въ Индіи встрѣчаются, большею частью, лишь искусственнымъ образомъ созданныя деревенскія общины, населенныя арендаторами изъ крестьянъ. (Daily News).

«Life in Ponds and Streams» by W. Furneaux. With many illustrations. London (Longmans, Green, and C°). (Жизнь въ прудахъ и потокахъ). Жизнь

водяныхъ животныхъ представляетъ огромный интересъ для натуралиста; тутъ открывается обширное поле для изслѣдованій и наблюденій надъ чрезвычайно интересными формами такъ называемыхъ животнорастеній. Авторъ названной книги даетъ прекрасное описаніе жизни водяныхъ животныхъ, особенно пригодное для начинающихъ заниматься естественными науками. Къ книгѣ приложено много иллюстрацій и схематическихъ рисунковъ.

(Daily News).

«The Africanders» a Plain Tale of Colonial Life. By. E. Clairmonte, Illustrated. (Fishes Unwin). (Африкандеры; очерки колоніальной жизни). Книга заключаетъ очень интересное описаніе южноафриканской жизни. Авторъ хорошо изучилъ ее, проведя много лѣтъ въ Южной Африкѣ и участвуя въ войнѣ съ зулусами, а впослѣдствіи занимался поочередно различными профессіями; былъ и охотникомъ, и фермеромъ, и золотоискателемъ. Разсказы автора о его приключеніяхъ во время зулусской войны, на охотѣ, во время поисковъ золота и странствованіяхъ въ южноафриканскихъ степяхъ представляютъ животрепещущій интересъ.

Ruling (Literary World).

«Raling Ideas of the present Age» by Washington Gladden (James Clarke and C°). (Руководящія идеи настоящаго столѣтія). Каждое столѣтіе характеризуется тѣми истинами и идеями, которыя играютъ въ немъ преобладающую и руководящую роль. Историки, философы и богословы зачастую дѣлаютъ попытки выдѣлить эти идеи и истины изъ общаго склада и опредѣлить ихъ значеніе. Авторъ названной книги задался такою же точно цѣлью и въ одиннадцати главахъ книги старается опредѣлить, какія идеи и истины имѣютъ руководящее значеніе въ нашемъ столѣтіи. Книга написана очень интересно и заслуживаетъ вниманія читателей, даже такихъ, взгляды которыхъ совершенно расходятся со взглядами автора на общественныя отношенія и тѣ идеи, которыя лежатъ въ основѣ этихъ отношеній. (Literary World).

«The present evolution of Man» by G. Archdall Reid (Chapman and Hall). (Эволюція человѣка въ настоящее время). Большинство читателей, любящихъ научные споры, но не имѣющихъ спеціальной подготовки для того, чтобы самимъ принимать участіе въ нихъ, съ удовольствіемъ прочтетъ книгу Рейда, интересно написанную и не представляющую никакихъ затрудненій въ области научной терминологіи. Книга распадается на два отдѣла: въ первомъ заключается болѣе или менѣе элементарное изложеніе теоріи органической эволюціи, во второмъ авторъ изображаетъ ходъ эволюціи въ настоящее время. По мнѣнію автора, эволюція эта выражается не въ одномъ только интеллектуальномъ и физическомъ развитіи, какъ въ былыя времена, но и въ постепенномъ развитіи въ человѣческомъ организмѣ способности сопротивляться болѣзнетворнымъ микробамъ. Очень любопытны въ этомъ отношеніи взгляды и объясненія автора, касающіеся Пастеровскаго метода. (Literary World).

«Shakspere and his Predecessors» by F. S. Boas (John Murray). University Extension Series. (Шекспиръ и его предшественники). Книга можетъ служить прекраснымъ руководствомъ для всѣхъ, изучающихъ Шекспира. Авторъ—знатокъ Шекспира и горячій поклонникъ его произведеній, даетъ не только болѣе или менѣе полную характеристику этого замѣчательнаго писателя, но знакомитъ читателей съ предшествующей ему драматическою литературой, съ постепеннымъ развитіемъ средневѣковой драмы. Въ ряду всевозможныхъ сочиненій о Шекспирѣ, появившихся въ послѣднее время, это изслѣдованіе займетъ, конечно, одно изъ первыхъ мѣстъ.

(Literary World).

«Studies in Ancient History». Second Series, comprising an inquiry into the Origin of Exogamy. By the late S. F. Mc Lennan. Edited by his widow and Arthur Platt (Macmillian and C°). (Изслѣдованіе древней исторіи). Авторъ, покойный ученый, задумалъ большой трудъ о первобытномъ человѣческомъ обществѣ, но болѣзнь и смерть помѣшали ему издать его. Оставшіеся послѣ него матеріалы изданы его вдовой съ помощью другихъ ученыхъ и лучше всего указываютъ, какую потерю понесла наука въ лицѣ автора. Названіе «древняя исторія» можетъ ввести въ заблужденіе читателей, но въ данномъ случаѣ надо понимать подъ этимъ словомъ исторію первобытнаго человѣка и общества, далеко за предѣлами того, что мы привыкли разсматривать, какъ древнюю исторію. (Literary World).

«Das Recht der Wissenschaft; kritish, systematisch und kodifiziert» Ed. Aug. Schroeder. Leipzig. 1896. (Право знанія). Авторъ многочисленныхъ изслѣдованій по соціальной экономіи, Шредеръ, въ новомъ своемъ трудѣ даетъ читателямъ окончательные результаты своихъ изысканій въ области соціальной экономіи,

синтезъ мнѣній, сторонникомъ которыхъ онъ являлся во всѣхъ своихъ предшествующихъ сочиненіяхъ. Авторъ начинаетъ книгу съ изслѣдованія различныхъ экономическихъ теорій и школъ, что даетъ возможность читателю составить себѣ общее понятіе о всѣхъ современныхъ соціальныхъ доктринахъ. Затѣмъ онъ также дѣлаетъ обзоръ соціальнаго законодательства въ главныхъ его чертахъ, и только уже въ третьей части своей книги излагаетъ свои собственные взгляды и указываетъ реформы, которыя должны быть произведены въ соціальномъ законодательствѣ и строѣ общественной жизни.

(Revue internationale de Sociologie).

«*Classification of Social phenomena*» *by Arthur Facsbanks.* (*Классификація соціальныхъ явленій*). Въ небольшой брошюрѣ авторъ старается установить правила для такъ-называемой генетической классификаціи соціальныхъ явленій. Эта классификація основывается на различныхъ потребностяхъ человѣческаго существа, къ которому имѣютъ отношеніе данныя соціальныя явленія. Авторъ раздѣляетъ эти явленія на первоначальныя и производныя, т. е. такія, которыя образовались лишь въ позднѣйшей цивилизаціи; такъ-называемыя интеллектуальныя, эстетическія, этическія и религіозныя феномены. Всѣ эти явленія взаимно вліяютъ другъ на друга, и притомъ, въ каждомъ такомъ явленіи можно выдѣлить первоначальныя черты, указывающія на его происхожденіе. Не смотря на свои скромные размѣры, брошюра заслуживаетъ вниманія читателей, интересующихся соціальною наукой.

(Journal des Débats).

«*Proudhon, savie, ses oeuvres, sa doctrine*» *par Arthur Desjardins membre de l'institut. Paris. 1896.* (*Прудонъ, его жизнь и ученіе*). Авторъ довольно хорошо справился съ трудною задачей, которую онъ себѣ поставилъ: изобразить жизнь и дѣятельность Прудона и изложить его ученіе съ наивозможнымъ беззпристрастіемъ и хладнокровіемъ. Авторъ желаетъ оставаться въ роли историка, и дѣйствительно сохраняетъ эту роль до конца; въ первой части книги, исключительно біографической, онъ мастерски изображаетъ событія жизни Прудона, развитіе его характера и зарожденіе его дѣятельности. Во второй части авторъ разбираетъ доктрину Прудона, и хотя критическія замѣчанія его во многихъ отношеніяхъ заслуживаютъ вниманія, тѣмъ не менѣе, въ общемъ онѣ недостаточно обоснованы и легко могутъ быть разбиты противниками его взглядовъ. Во всякомъ случаѣ, книга составляетъ цѣнный вкладъ въ литературу о Прудонѣ и въ значительной степени помогаетъ освѣщенію его личности.

(Journal des Débats).

«*Psychology and psychic Culture*» *by Reuben Post Halleck. New-York. American Book Company.* (*Психологія и психическая культура*). Авторъ задался цѣлью написать такую книгу по психологіи, которая, оставаясь строго-научной, въ то же время была бы доступна большему кругу читателей и не носила бы характера учебника. Авторъ былъ много лѣтъ преподавателемъ психологіи. На опытѣ испробовавъ различные способы преподаванія, онъ выработалъ свой собственный методъ, благодаря которому его предметъ заинтересовывалъ слушателей и сразу дѣлался доступнымъ ихъ пониманію. Книга его составлена по тому же плану, также способна возбудить интересъ читателей и доступна пониманію мало-мальски образованнаго человѣка, поэтому ее смѣло можно рекомендовать всѣмъ желающимъ познакомиться съ психологіей, какъ наукой.

(Popular Science Montlhy).

«*The Story of a piece of Coal*» *by Edward A. Martin. Library of useful Stories. New-York Appleton and C⁰* (*Исторія кусочка угля*). Прекрасно написанная и интересная книга, заключающая массу научныхъ техническихъ и общихъ свѣдѣній, касающихся происхожденія и добычи угля. Авторъ излагаетъ исторію образованія угольныхъ копей, описываетъ различные виды угля и выясняетъ ихъ отношеніе къ графиту и алмазу. Переходя къ эксплуатаціи угля, авторъ описываетъ угольныя копи, опасности, съ которыми сопряжена ихъ разработка, и т. д. Къ книгѣ приложены иллюстраціи растеній и животныхъ угольныхъ пластовъ и рисунки угольныхъ шахтъ и разныхъ машинъ.

(Popular Science Monthly).

«*The Care and Culture of Men*», *by David Starr Jordan. San Francisko.* (*Воспитаніе и культура людей*). Въ этой книгѣ собраны семнадцать публичныхъ лекцій, произнесенныхъ профессоромъ Іорданомъ въ коллегіи и другихъ мѣстахъ. Авторъ является горячимъ сторонникомъ индивидуальнаго воспитанія, говоря, что воспитаніе должно имѣть цѣлью наиболѣе широкое развитіе природныхъ дарованій и силъ человѣка. Эту идею онъ проповѣдуетъ въ своихъ лекціяхъ: «Потребность націи въ людяхъ», «Высшее образованіе

женщинъ», «Воспитаніе врача» и «Практическоо воспитаніе».

(Popular Science Monthly).

«*To Kumasi with Scott*» *by S. C. Musgrave*. (*Wightman and C°*). *1896*. (*Путешествіе въ страну ашантіевъ*). Появленіе этой книги вызвано послѣдней экспедиціей въ страну ашантіевъ. Авторъ ея побывалъ въ этой странѣ и описываетъ подробно народъ, страну и обычаи, и каждый, прочтя эту книгу, долженъ невольно придти къ убѣжденію, что водвореніе англичанъ въ этой странѣ было истиннымъ благодѣяніемъ, такъ какъ прекратило страшныя кровопролитія и уничтожило кровавые обряды и обычаи, которые выполнялись до самаго послѣдняго времени. Отъ одного только описанія кровавыхъ сценъ становится жутко. Впрочемъ, авторъ смягчаетъ это тяжелое впечатлѣніе юмористическими описаніями и сценами, такъ что его книга дѣйствительно читается съ захватывающимъ интересомъ.

(Daily News).

«*On Snow Schoes to the Barren Grounds*» *by Caspar Whitney* (*Oscgood Melvain and C°*). (*На лыжахъ въ пустынныхъ мѣстахъ*). Между Гудсоновскимъ заливомъ и крайнимъ сѣверо-западомъ Америки лежатъ самыя пустынныя мѣста на свѣтѣ. Охотники заходятъ туда рѣдко, развѣ только для того, чтобы убить мускуснаго быка или бизона, но такая добыча тоже встрѣчается не часто и не легко достается, такъ какъ приходится странствовать по огромнымъ пустыннымъ пространствамъ, въ семь разъ превосходящимъ Англію своею величиной и сплошь покрытымъ снѣгомъ и льдомъ. Принимая это во вниманіе, можно удивляться, что авторъ избралъ эту пустынную мѣстность для своихъ каникулярныхъ странствованій. Однако, онъ не раскаивается въ этомъ, да и судя по его книгѣ, дѣйствительно вынесъ очень много интересныхъ впечатлѣній, но въ то же время ему пришлось перенести и массу лишеній. Его описанія жизни краснокожихъ дикарей, съ которыми ему приходилось сталкиваться во время своихъ странствованій, очень интересны.

(Daily News).

«*Science et Morale*», *par M. Berthelot, Calemann Levy*. (*Наука и нравственность*). Знаменитый французскій химикъ затрогиваетъ въ этой книгѣ разнообразныя тэмы; въ доказательство приводимъ названія нѣкоторыхъ главъ: Цѣль науки; Воспитательная наука; Физическое воспитаніе; Столѣтіе французскаго института; Пастеръ; Клодъ Бернаръ; Поль Беръ; Гарибальди; Отношенія къ Германіи; Химія у арабовъ; Папинъ и паровыя машины; Въ 2000 году и т. д. Бертело достаточно извѣстенъ какъ писатель и ученый, такъ что книга его должна возбудить интересъ читателей, даже помимо того, что въ ней затрогивается такое множество самыхъ разнообразныхъ вопросовъ.

(Journal des Débats),

«*L'Individu et la Réforme Sociale*» *par Eduardo Sanz y Escartin* (*Garcia*) *Manrid*. (*Индивидъ и соціальная реформа*). Авторъ этой книги, одинъ изъ наиболѣе выдающихся экономистовъ Испаніи, разсматриваетъ въ ней важнѣйшія соціальныя проблемы. Книга представляетъ дополненіе къ вышедшему раньше труду автора о государствѣ и соціальной реформѣ и заключаетъ въ себѣ разборъ главнѣйшихъ современныхъ соціальныхъ доктринъ.

(Journal des Débats).

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го ноября по 15-е декабря.

Д-ръ Елисѣевъ. По бѣлу-свѣту. Изд. Сойкина. Спб. 1896. Томъ III. Цѣна каждаго тома 3 р.

Лаврентьева. 50 лѣтъ артистической дѣятельности Эрнесто Росси. Изд. Лесмана. Спб. 1896. Ц. 2 р.

А. Шопенгауеръ. Метафизика любви. Изд. Карчагина. Харьковъ. 1896. Ц. 30 к.

Д-ръ Эйзенгансъ. Элементарное описаніе душевныхъ явленій. Изд. Карчагина. Харьковъ. 1896. Ц. 40 к.

Гельмгольцъ. О зрѣніи. Изд. журн. «Научное обозрѣніе». Спб. 1896. Ц. 15 к.

Проф. Комаровскій. Восточный вопросъ. Изд. Гросмана и Кнебеля. Москва. 1896. Ц. 25 к.

Булацель. Если женщина рѣшила, то поставитъ на своемъ. Ком. въ 1 дѣйст. Изд. скоропечатни «Надежда». Спб. 1897. Ц. 40 к.

Отчетъ Конь-Колодезской сельскохозяйственной школы за 1895 г. Воронежъ. 1896.

Шахрай. Маккавеи. Изд. 2-е. Шермана. Одесса. 1896. Ц. 15 к.

Шперкъ. Діалектика бытія. Спб. 1897. Ц. 40 к.

Проф. Бюхеръ. Женскій вопросъ въ средніе вѣка. Изд. Южно-Рус. Об—ва печ. дѣла. Одесса. 1896. Ц. 20 к.

И. Ивановъ. Шекспиръ. Изд. Павленкова. Жизнь замѣчательныхъ людей. Спб. 1896. Ц. 25 к.

Ап. Коринфскій. Тѣни жизни. Стих. 1895—1896 гг. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Его-же. Вольная птица и др. разсказы. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Н. К. Михайловскій. Сочиненія. Въ II томахъ. Изд. журн. «Рус. Бог.». Спб. 1896. Ц. кажд. тома 2 руб.

Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Вып. XV и XVI. Изд. Байкова. Москва. 1896. Цѣна за 20 вып. 8 р. съ пересылкой.

Уордъ. Психическіе факторы цивилизаціи. Изд. Байкова. Москва. 1897. Ц. 1р.

Д. Милль, Г. Спенсеръ и Л. Уордъ. Огюстъ Контъ и позитивизмъ. Изд. Байкова. Москва 1897. Ц. 1 р.

Э. Лависсъ. Очерки по исторіи Пруссіи. Москва. 1897. Ц. 1 р.

Гольцевъ. Воспитаніе, нравственность, право. Изд. 2-е, Сытина. М. 1897. Ц. 75 к.

Вѣтринскій (Чешихинъ). Т. Н. Грановскій и его время. Изд. Муриновой. М. 1897. Ц. 1 р. 60 к.

Гейссеръ. Исторія французской революціи. Изд. 2-е, Сытина. М. 1897.

Рождественскій. Краткій очеркъ химическихъ явленій. Изд. Наумова. М. 1897. Ц. 40 к.

Отчетъ о дѣятельности бывшаго Комитета грамотности за 1895 г. Спб. 1896.

З. О—въ. Къ ученію о періодахъ. Кіевъ. 1896. Ц. 40 коп.

Рѣчь Туллія Цицерона противъ Верреса. Казань. 1896.

Туллій Цицеронъ. Рѣчь за Л. Мурену. Пер. съ лат. Черняева. Ревель. 1895.

Боголѣповъ. Начальныя основанія метеорологіи съ XIV табл. и VII карт. Екатеринбургъ. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Монголія и монголы. Результаты поѣздки А. Позднѣева. Спб. 1896. Изд. Императорскаго Русскаго Геогр. Об—ва. Томъ I.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Об—ва. Томъ XXXII, вып. II. Спб. 1896.

Витковскій. Міръ планетъ. Астрономическая лекція. Спб. 1897.

Мильнсъ Маршаль. Лягушка. Москва. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Г. Кольбъ. Исторія человѣческой куль-

туры. Вып. I и II. Изд. Іогансона. Кіевъ. 1896. Цѣна 8 выпускамъ 2 р. 50 к.

Пѣвцовъ. О барометрическомъ нивеллированіи. Записки Русскаго Геогр. Об—ва. Томъ XXIX, вып. 2-й. Спб. 1895.

Ингрэмъ. Исторія рабства. Изд. Поповой. «Культурно-историческая библ.». Спб. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Гокинсъ. Англійско-русскій карманный словарь. Изд. Іогансона Ц. 60 к.

Діонео. Инквизиція и евреи въ Испаніи. Изд. Шермана «Наша Старина». Одесса. 1896. Ц. 15 к.

Флеровъ, и Федченко. Краткое руководство къ собиранію растеній. Москва. 1896. Ц. 10 к.

Уставъ о гербовомъ сборѣ. Изд. 8-е, неоффиціальное. Іогансона. Кіевъ. 1896. Ц. 1 р.

Бьенстьерне - Бьернсонъ. Собраніе сочиненій. Томъ IV. Изд. Іогансона. Кіевъ. 1896. Ц. 35 к.

Эйнгорнъ. Книги Кіевской и Львовской печати въ Москвѣ. М. 1894.

Его-же. Рѣчи Іоанникія Галятовскаго. М. 1895.

Барацъ. Эадачи вексельной реформы въ Россіи. Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Геттнеръ. Исторія всеобщей литературы. Томъ 1. Изд. Поповой. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 коп.

Б. Тейлоръ. Первобытная культура. Томъ II. Изд. Поповой.

Брандесъ. Литературные портреты. Изд. Юровскаго. Спб. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

А. Щепкина. Бояре Стародубскіе. Изд. Об — ва распр полезныхъ книгъ. Москва. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

А. Кауфманъ. Крестьянская община въ Сибири. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Мережковскій. Вѣчные спутники. Портреты изъ всемірной литературы. Изд. Перцова. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Генрихъ Ибсенъ. Собраніе сочиненій. Томъ IV. Изд. Юровскаго. Спб. 1896. Кажд. томъ 1 руб.

Альбомъ узоровъ для вышиванія по канвѣ, сост. Левенецъ. Изд. Маркса. Спб. 1896. Ц. 2 р.

Освобожденіе крестьянъ на Западѣ. Изд. М. И. Водовозовой. Москва. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Бобровскій. Курсъ практической педагогики. Изд. Думнова. Москва. 1896. Ц. 1 р.

Его-же. Бесѣды о главнѣйшихъ потребностяхъ жизни человѣка. Изд. 5-е, Думнова. М. 1896. Ц. 35 к.

Любимовъ. Исторія физики. Часть III. (Физика XVII вѣка). Спб. 1896. Ц. 2 р. 50 к.

Васюковъ. Очерки и разсказы. Изд. 2-е, Ледерле. Спб. 1897. Ц. 2 р.

Немировичъ - Данченко. Святыя горы. Изд. 2-е, Ледерле. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Ржевускій Японско - китайская война 1894—95 гг. Изд. Ледерле. Спб. 1896. Ц. 80 к.

Саккетти. Руководство къ теоріи музыки. Изд. Ледерле. Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Бекетова. Приключенія Робинзона Крузо. Изд. Ледерле. Спб. 1896.

Поль Беръ. Охотничьи разсказы. Изд. Ледерле. Спб. 1896. Ц. 1 р. 20 к.

Лялина. Русскіе мореплаватели. Изд Девріена. Спб. 1896.

Желанскій. Басни. М. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Бѣломорскій. Стихотворенія. Спб. 1896. Ц. 50 к.

Л. Бертенсонъ. О бальнеологическихъ средствахъ Россіи (Сборъ поступаетъ въ пользу Об—ва для пособія нужд. студентамъ Военно - Мед. Академіи. Спб. 1896. Ц. 20 к.

Лукашевичъ. Побѣдила (Дѣтскій театръ). Изд. 2-е, Ледерле. Спб. 1896. Ц. 25 к.

Песковскій. Играйте и читайте. Книга для малыхъ дѣтокъ. Изд. Ледерле. Спб. 1896. Ц. 40 к.

